

Путь домой
Четыре близнеца

Наталья
Щёголева

12+

Наталья Щёголева

Путь домой. Четыре близнеца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67503582

SelfPub; 2022

Аннотация

Возвращение герцога Бетенгтона домой раскололо жизнь Френсиса и Анри на До и После. Оно и не удивительно, ведь один сын Его Светлости, другой лишь лакей, но юноши выросли как братья и не готовы предать свою дружбу. Так что же делать? Встраиваться ли в тесный мир герцога, или попробовать найти своё место под солнцем? Юноши решаются дать бой, и на этом пути судьба преподнесёт им множество сюрпризов: это и тайна их происхождения, и неслучайность их странной дружбы... Захватывающие приключения подарят им и новых друзей, и новых врагов, и встречу со вторыми половинками. Всё будет сложно, и виной тому не только герцог, но ещё и удивительное обстоятельство – ведь у одного из юношей обнаружатся три абсолютно похожие брата близнеца... События разворачиваются в альтернативном мире, общественный строй которого соответствует примерно XVII веку Западной Европы. Это первая книга трилогии, или назовём её первым томом.

Содержание

Глава 01. Начало конца.	5
Глава 02. Правила игры.	29
Глава 03. Отец и сын.	56
Глава 04. Взыскать долг.	89
Глава 05. Ночная встреча.	113
Глава 06. Предыстория.	128
Глава 07. Божья кара?	168
Глава 08. Туманная Гавань.	189
Глава 09. Грандон.	214
Глава 10. Граф де По	240
Глава 11. Дуэль.	265
Глава 12. Казнь.	283
Глава 13. Открытия.	305
Глава 14. Злой рок.	339
Глава 15. Старые знакомые.	360
Глава 16. Второе дыхание.	380
Глава 17. Ссора.	396
Глава 18. Гостеприимная хозяйка.	413
Глава 19. Синеглазый нахал.	438
Глава 20. Злопамятен?	478
Глава 21. Ночные видения.	512
Глава 22. Старый друг.	553
Глава 23. Подарок герцогу.	576

Глава 24. Снова вместе.	605
Глава 25. Кривые зеркала.	633
Глава 26. Хлопок дверью.	661
Глава 27. Новые планы.	691
Глава 28. Ничто не изменилось?	710
Глава 29. Сказочный рыцарь.	727
Глава 30. Объявление войны.	746
Глава 31. Талант.	788
Глава 32. Выбор.	807
Глава 33. Прodelки невидимки.	838
Глава 34. Исповедь.	855
Глава 35. Открытие.	866
Глава 36. Тучи сгущаются.	883
Глава 37. Рискованные игры.	906
Глава 38. Разоблачение.	929
Глава 39. Предательство.	948
Глава 40. Ещё один брат.	979
Глава 41. Порка.	1016
Глава 42. Вопль в ночи.	1041
Глава 43. Помолвка.	1077
Глава 44. Закат Райского уголка.	1102
Глава 45. Маританна.	1125
Послесловие.	1153

Наталья Щёголева

Путь домой.

Четыре близнеца

Глава 01. Начало конца.

– Ваше Сиятельство, прибыл гонец от вашего батюшки, Его Светлости герцога Бетенгтона, – после глубокого поклона торжественно доложил дворецкий Уильям. Совершенно седой слуга так сильно волновался, словно за его плечами не было долгих лет службы и подаренного ею опыта, даже голос его предательски дрожал.

– Уильям, что с тобой? И, право, не стоит в твои-то годы так сильно гнуть спину, – пожурил его господин.

В свои двадцать лет, Френсис Гай Гейсборо мог только догадываться о том, как тяжело старому Уильяму кланяться. Пусть высокий титул и давал юноше право не утруждать себя такими размышлениями, но молодой герцог просто не мог остаться безучастным к страданиям верного слуги.

– Стоит, стоит! Его Светлость любит, когда ему кланяются со всем почтением, – в дверях кабинета появился незнакомец.

Он был молод, но все же заметно старше Френсиса, ро-

стом он был чуть пониже, сложением – чуть покрепче, а его русые волосы были заметно короче, прямее и светлее. В покрое его добротной одежды угадывались черты формы гвардии герцога Бетенгтона, но лишь угадывались, так как её обладатель вложил много денег в её дополнительное украшение – тут и декоративные строчки золотыми нитями, яркими молниями сияющие в глубоком чёрном бархате, и вставки алого атласа в разрезные рукава, и изысканная гравировка на эфесе шпаги, и богатый каскад чёрных страусовых перьев на столь же чёрной шляпе, которую прибывший держал в руке.

Незнакомец сдержанно поклонился, выпрямился и стал деловито осматриваться.

– Уильям, кто это? – нахмурился Френсис.

– Это и есть тот самый гонец от Его Светлости. Праиэр... – начал было докладывать смущённый дерзостью гостя Уильям, но Френсис перебил его и обратился прямо к прибывшему:

– Гонец, значит... Тогда начнем сначала. Гонец, выйди вон и дожись, пока я позволю появиться передо мной. И сразу предупреждаю, я выслушаю тебя только после того, как ты проявишь должное уважение к сыну своего властелина. Всё понял? – тон, которым Френсис отдал эти распоряжения, не допускал ни малейших возражений.

И он был услышан. Гонец на мгновение замер, потом кивком подтвердил, что всё понял и принял, как должное, резко развернулся и стремительно вышел из кабинета, не забыв

закрывать за собой дверь.

Взгляд синих глаз Френсиса снова обратился к растерянному Уильяму:

– Так скажи мне, любезный, что это за наглец?

Уильям сокрушённо повел головой и благодарно улыбнулся господину:

– Он назвался Филом. Сказал, что он праиэр гвардии вашего отца. А ещё он сказал, что челядь дворца должна низко кланяться при встрече с праиэрами...

– Просто Фил?! Никакого дворянского титула? Даже фамилии? – удивился Френсис.

– Он так представился.

– Праиэр Фил... Даже у праиэра есть фамилия, но он не счёл нужным её назвать. И держится так дерзко... Ладно, я приму его... в полдень.

И Френсис выразительно указал слуге на большие каминные часы с боем, стрелки которых собирались возвестить о наступлении полудня только через несколько минут. Уильям улыбнулся в ответ, кивнул и покинул комнату.

– Не слишком ли круто ты встретил гонца герцога?

Из-за высокой ширмы вышел молодой человек. Возраст он если и был старше Френсиса, то не на много. Такого же высокого роста, такого же атлетического телосложения, и одет он был так же, как и Френсис – коричневый безрукавный камзол поверх белоснежной рубахи с просторными рукавами на высоких манжетах и с широким отложным ворот-

ником. На них были одинаковые тёмно-коричневые панталоны, кремовые чулки и чёрные туфли с пряжками. Другими словами, платье этого юноши никак не помогало определить его статус в окружении молодого герцога. На этом их сходство и заканчивалось. Если Френсис был шатеном, чьи волосы мягкими волнами спускались почти до плеч, то его приятель являлся жгучим брюнетом, обладателем крупных непокорных кудрей. Синие глаза Френсиса, против тёмно-карих, почти чёрных его друга. И черты лица последнего заставляли предположить, что его родители были уроженцами юга Фрагии, а то и Испайры.

– Фил. Праиэр гвардии герцога, – молодой брюнет внимательно прислушался к ощущениям, которые порождали эти слова.

– Всего лишь прайэр. Пусть знает свое место, – Френсис с явной досадой поджал губы.

– Его статус очевидно выше моего...

– Анри, ты мой личный порученец. Праиэров четыре. А ты один единственный, – и Френсис лукаво усмехнулся.

Анри благодарно кивнул в ответ, и его губ коснулась тень улыбки:

– Порученец... Учитель сильно сомневается, что мне будет позволено остаться при тебе в таком качестве. Ты ведь помнишь, что он рассказал нам?..

Френсис нахмурился, его синие глаза стали почти чёрными:

– Как не помнить... Но я всё-таки сын герцога. Что это может означать, если мне не будет позволено самому выбирать людей в своё окружение? Так что, не драматизируй прежде времени.

На этот раз Анри улыбнулся более открыто, но Френсис понял, что это просто более успешная попытка скрыть тревогу. Тогда он подошёл ближе и тем заставил друга смотреть ему прямо в глаза.

– Нашей дружбе уже десять лет. Никакие титулы и сопутствующие им предрассудки ей не страшны. Я снова докажу тебе это.

– И снова будешь не прав! – вдруг вспыхнул Анри, – Перед тобой по праву рождения открыты все двери этого мира...

– И мы будем открывать их вместе! Мы так решили ещё десять лет назад!

– Тогда мы были детьми! Фрэнк, открой глаза! Безродному сироте никогда никто не позволит стоять рядом с сыном герцога! С некоторых пор наша с тобой дружба стала превращаться для тебя в большую проблему. Это неправильно!

– Ты нужен мне! – голос Френка дрогнул, – Ты и учитель, вот весь мой мир!

– У тебя есть отец! Он скоро будет здесь...

– Отец, которого я не видел десять лет...

И в этот момент настенные часы начали гулко отмерять двенадцать ударов. Полдень. Анри хотел было снова скрыться за ширмой, но Френсис выразительным взглядом попро-

сил друга остаться рядом.

Точно после двенадцатого удара дверная ручка пришла в движение, и на пороге кабинета снова появился Фил. На этот раз он всё сделал, как полагается – широко взмахнул шляпой, склонился в глубоком поклоне и так замер, ожидая, когда молодой герцог позволит ему выпрямиться.

– Фил. Праиэр гвардии моего отца герцога Бетенгтона, – Френсис жестом позволил вошедшему выпрямиться, – Оказывается, ты умеешь кланяться. Что ж, докладывай, с чем приехал.

Взгляд Фила метнулся к Анри. Немой вопрос «Кто это?» остался без ответа. Что ж...

– Его Светлость герцог Бетенгтон прибудет сегодня на закате. Мне велено убедиться в том, что здесь всё готово к его возвращению. Его сопровождает пятьдесят человек гвардии...

Но тут его доклад прервал вкрадчивый стук в дверь, и почти сразу она отворилась.

В тот же миг Френсис преобразился, вся напускная суровость испарилась с его лица, словно была лишь туманом, миражом. Он улыбнулся так светло, так радостно, и эта улыбка так сильно преобразила его, что Фил искренне растерялся. Молодой герцог вдруг предстал перед ним в ещё одном своём, пожалуй, самом неожиданном, облиции, в миг превратившись в мальчишку.

– Учитель! Вы вернулись! – радостно приветствовал он

вновь прибывшего.

Тот в ответ по-отечески тепло улыбнулся воспитаннику, приветливо кивнул Анри, и уже развернулся к Филу. Прай-эр гвардии герцога Бетенгтона догадался, что перед ним сам Генрих Рай. В окружении герцога этот человек был легендой. Некто без роду без племени усердной службой заслужил не только титул барона, но и высокую честь являться полноправным представителем герцога Бетенгтона в Бриании уже на протяжении десяти лет. Все те годы, что герцог провёл в Западных Колониях, Рай был не только главным распорядителем всех владений Гейсборо, но и наставником Френсиса. Кроме того, за Раем накрепко закрепилась слава лучшего бойца в гвардии герцога. Хотя вот это, скорее всего, уже в прошлом. Ведь Раю уже без малого пятьдесят лет. Возраст ясно давал о себе знать и заметной сединой в некогда чернявой густой шевелюре, в аккуратной бородке и усах, и обилием морщин в уголках глаз. Будучи на полголовы ниже своих воспитанников, Рай был одет почти так же, как и Френсис с Анри, то есть добротнo, но совершенно безлико. Не знай Фил точно, кто перед ним, он бы легко принял Рая, Френсиса и Анри за дворян средней руки, назвать этих людей родственниками не позволило бы лишь их разительное внешнее отличие. Впрочем, какое положение здесь занимает этот молодой брюнет, Фил ещё не выяснил.

Тем временем и Рай пытливо изучил внешность Фила и сделал свои выводы.

– Значит слухи не врут. Праиэры герцога любят хвастать своим достатком, – лукаво усмехнулся Рай, оценив богатство платья гостя, – Его Светлость высказал какие-то особые пожелания по поводу его встречи?

– Он выразил уверенность, что вы, господин Рай, и сами всё знаете, – сощурился Фил.

– Отец приедет... – хотел было сообщить Френсис, но Рай перебил его:

– На закате?

– Верно. Но как вы?..

– Эффектно появиться в лучах предзакатного солнца, – горько улыбнулся Рай, – В этом весь он. Праиэров всё ещё четверо? И все при герцоге? – снова обратился Рай к Филу.

– Да.

И Рай кивнул в ответ на какие-то свои мысли:

– Помнится, Ламороу едва ли не ноги мне целовал, когда я решил покинуть должность первого прайэра. Он так отчаянно рвался к власти, что я был уверен, делиться ею он ни с кем не станет. Впрочем, ладно, Рону, своей копии в миниатюре, он позволил приподняться, это я ещё готов был понять и принять. Но оказалось, что за эти годы появились ещё двое. Признаюсь, мне очень любопытно увидеть, кто же это, – так, озвучивая свои мысли, Рай беззастенчиво рассматривал Фила.

Тот не дрогнул, не смутился.

– Я тоже наслышан о вас, господин Рай, и рад наконец

познакомиться, – и Фил даже чуть поклонился, тем воздавая дань возрасту собеседника и его славе.

– Очень интересно... – задумчиво откликнулся Рай и тут же возвысил голос, – Уильям!

Дворецкий появился незамедлительно.

– Любезный, распорядись показать господину Филу комнаты, подготовленные для двух новых праиэров. И пусть ему подадут обед, – и Рай неожиданно учтивым жестом предложил Филу следовать за дворецким.

Но Фил ещё не получил ответы на все свои вопросы, а потому и рискнул найти повод задержаться:

– Вы сказали «двух новых»? Полагаю, вы имеете в виду меня и Пита. Но назвать нас «новыми»... Вы знаете, сколько времени мы с ним состоим на службе Его Светлости?

– А я должен это знать? – Рай чуть сощурился, – Впрочем, да, я знаю. Ты чуть меньше десяти лет, а названный Питом около шести. А чин праиэров вы двое носите и того меньше. Верно? В этом смысле Пит прямо младенец...

– Я бы не советовал называть его младенцем, – тут же возразил Фил, – То, что он уступает вам в возрасте, не означает, что он уступит вам и во всём другом. Сколько лет вы выслуживались? А он стал праиэром меньше, чем за год с момента поступления на службу к Его Светлости.

Рай ещё раз окинул Фила пытливым взглядом:

– Вот я и говорю, что мне очень интересно познакомиться с вами двумя. Мне доносили, что вы не похожи на Ламороу.

Теперь я и сам это вижу. Но первым праиэром остаётся всё-таки Ламороу. Занятно... Что-то ещё? – Рай понял, что Фил сознательно тянет время, и решил положить этому конец.

– Да. Распорядитесь прислать ко мне Анри Монсо, – легко уступил Фил.

– Зачем он тебе? – искренне удивился Френсис.

– Любопытно увидеть этого человека, – Фил лукаво сощурился.

– Я спросил зачем? – нахмурился Френсис.

Уловив перемену в настроении молодого герцога, Фил тут же счёл за благо поклониться, так, на всякий случай, извиняясь за свою невольную провинность:

– Эти годы я часто имел честь служить Его Светлости писарем. Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что почти все его письма сюда, в Бетенгтон, написаны моей рукой. И большая часть ваших, господин Рай, писем прочитана ему мной. Так что я знаю, что вы рекомендовали этого Монсо как... славного послушного лакея. Так почему праиэру не воспользоваться услугами хорошего слуги?

От внимания Фила не ускользнуло, как вдруг взгляд Френсиса замер. Но тут в дело вмешался Рай:

– Тогда ты, Фил, должен знать, что Монсо личный слуга господина Френсиса. Кем бы ты ни был, чтобы распорядиться временем Монсо, ты должен получить разрешение его господина. Так ты продолжишь настаивать на этом своём желании?

И Фил крепко призадумался, стоит ли упорствовать, так как в тоне Рая явно послышалась угроза, да и реакция Френсиса ничего хорошего не обещала, но тут в разговор вступил прежде хранивший молчание брюнет:

– Ваше Сиятельство, я был бы рад помочь Филу осмотреться здесь. С вашего позволения, конечно, – и Анри почтительно поклонился Френсису.

Френсис с удивлением признался себе, как сильно ему не нравится эта идея, но найти веские доводы для возражения не смог. Впечатление, что Анри и правда желает поближе познакомиться с Филом. Почему нет? Этого всё равно не избежать.

– Хорошо, – уступил-таки молодой герцог, – Но Фил, давай сразу проясним. Ты праиэр, по сути, личный порученец моего отца, один из четырех. А Анри Монсо МОЙ личный порученец, единственный. Это понятно? Он тебе не слуга.

Смысл слов молодого господина едва не лишил Филадельфию дара речи.

– Так это ТЫ Анри Монсо?! – изумлённо воскликнул своенравный праиэр, уставившись на молодого брюнета.

И Монсо согласно кивнул.

Фил словно только теперь увидел этого юношу, снова пытливо осмотрел его с ног до головы и только после этого перевёл ошеломлённый взгляд на Рая:

– Ай да господин Рай! Вы и в самом деле удивительный человек! – казалось, что и Рая он теперь увидел в новом све-

те.

Рай кивнул:

– Вижу, ты и правда... писарь... Может быть, тогда ты знаешь имена родителей Анри?

– Да, знаю.

– Так кто же они?! – Френсис даже сделал шаг вперёд.

Но Фил только с досадой поджал губы:

– Как вы, Ваше Сиятельство, выразились, я личный порученец вашего отца, только его. А он сковал меня клятвой ни с кем не обсуждать эту тему. Я верен своему слову.

Раздосадованные Френсис и Анри переглянулись. Остальное в пояснениях не нуждалось. Анри едва заметно указал на дверь, Фрэнк едва заметно кивнул в ответ. Тогда Анри поклонился другу, подошёл к Филу и широким жестом указал тому на выход:

– Следуй за мной, Фил. Я готов показать тебе дворец. На правах первого ты сможешь выбрать для себя комнаты, так как мы ещё не определились, какие отдать тебе, а какие Пити.

Анри держался с достоинством, говорил уверенно, при этом приветливо улыбаясь. Он легко и просто оказывал почтение Филу, как равному. Но то, что Фил знал об этом человеке, так сильно взволновало его, что скрыть это не было никаких сил. Так, в откровенной растерянности, Фил и последовал за Анри.

– Я надеялся, что всё не так плохо, – нахмурился Френсис,

обратившись к Раю сразу, как только они остались одни.

Что ж, Рай сокрушённо кивнул:

– Я очень виноват перед вами, ребятаки... Боюсь, что дела обстоят даже ещё хуже.

– Куда уж хуже?! Ладно, ладно... – Френсис упрямо повёл головой и опустился в кресло, – У меня есть план...

– Защитить Анри, как своего приближенного? Фрэнк, дружок...

– Я сын герцога!

– В окружении герцога нет иных авторитетов, кроме его собственного. Его воля закон для всех его подчиненных. Ты мог бы это понять уже по реакции Филадельфия...

– Я сын герцога! – снова напомнил Фрэнк, но теперь уже не так уверенно.

– Послушай моего совета, дружок. Если начнешь воевать с отцом открыто, перечить ему, он просто убьет Анри... Будь моя воля, я бы всё-таки отослал Монсо куда подальше. Но раз вы с ним решили... рискнуть...

Френсис упрямо поджал губы и согласно кивнул.

* * *

Уильям с огромной радостью перепоручил Филадельфию заботам Анри, даже подарил Анри благодарный поклон. Монсо дружески похлопал старика по плечу, и экскурсия по дворцу Бетенгтон началась. Потoki солнечного света, многократно множась в зеркалах, медной и серебряной посуде, резьбе канделябров, то и дело превращались в радужных зайчиков,

отчаянно стараясь преобразить прогулку из ознакомительной в увеселительную. Но всё это было тщетно, слишком тяжёлые мысли занимали внимание молодых людей.

Анри вел Филадельфию по анфиладе второго этажа. Время от времени он приглашал спутника подойти к окну и давал скучные пояснения к открывающимся видам на придворцовые постройки и окрестности. Фил слушал внимательно, но не мог скрыть, что личность экскурсовода интересовала его гораздо больше. Анри это понял, как очевидно, понял и причину такого внимания к своей персоне, но решил оставить это без комментариев.

Так, в недосказанности, они и пришли к комнатам, подготовленным для двух, как выразился Рай, «новых» праиэров герцога. Фил ожил, быстро осмотрел предложенные апартаменты и остановил свой выбор на тех, что были меньше и скромнее. Поймав удивлённый взгляд Анри, Фил гордо вскинулся:

– Нет, это не значит, что я ставлю себя ниже Пита, – открыто заявил он и тут же добавил, – Просто из этих окон вид лучше.

Анри с пониманием кивнул:

– Располагайся. Я сейчас пришлю горничных. Обед подать сюда, или ты предпочитаешь спуститься вниз?

– Вниз. Пусть меня проводят, когда придёт время, – деловито распорядился Фил и, наконец, не выдержал, – Парень, а ты знаешь, насколько сильно ты не соответствуешь ожида-

ниям герцога?

– Знаю, – Анри невольно нахмурился.

– Рай всё-таки рассказал? Сначала сделал это, а потом покаялся?

– Он должен каяться в том, что дал мне отличное образование и воспитание? Я верно понял?

– Образование и воспитание? Парень, а ты случайно не выполняешь здесь ещё и обязанности, скажем, деликатного характера?

– Что? Это в каком смысле?

– В прямом. Хочешь сказать, что не понял меня? Молодой господин так цепляется за тебя, словно ты его возлюбленная, – и Фил лукаво рассмеялся, – Два столь милovidные юные создания...

Позволив своему воображению такую волю, Фил не смог вовремя остановиться. Сделать это его заставил мощный удар кулака Анри прямо в скулу зарвавшегося праиэра. Фил отлетел к противоположной стене и только чудом удержался на ногах.

– Я помню зловоние языка Ламороу, – глухо зарычал Анри, – Если таков критерий отбора в праиэры, то... эти комнаты для тебя слишком роскошны. Впредь, не смей оскорблять милорда!

– Так это ты меня бьёшь за него, а не за себя? Какая верность... И хочешь сказать, что это не любовь? А что тогда?

– Слово дружба тебе знакомо?

– Дружба лакея и герцога?! Сказки вздумал рассказывать?!

Анри смерил Фила презрительным взглядом, мол «о чём говорить с этим убогим», и решил не отвечать. Фил осмотрелся, нашёл бокал для вина, сплюнул в него кровь, которой сочилась прикушенная припадением щека, и снова развернулся к Анри.

– Что ж, сказочник, самое время возвращаться на землю... За это, – Фил указал на кровоточащую губу, – ты мне ещё ответишь. Уверен, нам с тобой придётся много драться. Хотя, драться ли? Ведь лакеям не разрешено оказывать сопротивление праиэрам... Н-да, вот уж не думал, что Бетенгтон приготовил нам такое веселье... Ладно. Хорошо, что ты «знаешь». Я больше тебя не задерживаю.

Анри мрачно кивнул и был таков.

* * *

Время для Фила летело незаметно. После обеда этот непоседливый человек прошёлся по большей части дворца, представил свою персону почти всем слугам и всем дамам понять, как именно те должны проявлять свое уважение к праиэрам. А ещё он учинил дознание всем, кто не терял в его присутствии дар речи, и к исходу дня уже сложил довольно полную картину о том, какие порядки здесь завел Генрих Рай, и какие именно отношения связывали Френсиса и Анри. Оказывается, этих троих в самую пору было бы назвать отцом и сыновьями, и это было не только странно и забавно, но и...

грустно. Да, именно на чувстве грусти поймал себя Фил, когда снова решил облачиться в форменный кафтан. Он понимал, что близится не только закат этого дня, но и закат благоденствия этого края.

– Н-да, – задумчиво вздохнул он, рассматривая своё отражение в огромном зеркале фойе.

– Это не озвученный вопрос, или всего лишь вздох? – раздался бодрый голос Рая.

Фил оглянулся на голос и даже счёл возможным поклониться.

Для встречи герцога Рай облачился в парадное платье. Пусть оно роскошью и уступало наряду Фила, но эта скромность в одежде с лихвой перекрывалась тем, с каким достоинством Рай вёл себя. Ставленник герцога Бетенгтона отлично знал себе цену. Он привык повелевать. И на праиэра герцога смотрел с нисхождением, присущим его возрасту и жесткому характеру.

– Вопрос? Да, пожалуй, – ещё какое-то время Фил раздумывал, стоит ли озвучивать свои мысли, и всё-таки решился, – Я сегодня назвал Анри сказочником. Но, погуляв по этому дворцу, понял, что сказочником надо было бы назвать вас, господин Рай.

– Так, где же вопрос?

– Зачем вы так поступили?

Рай грустно улыбнулся и отвечать не стал. Благо парадные двери распахнулись, и взлохотенные лакеи доложили, что

карета герцога и его многочисленный эскорт уже появились на холме Перри. Пора запускать обратный отсчёт. Самое время сделать последнюю проверку готовности. Этим Рай и занялся.

Френсис и Анри спустили со второго этажа вместе. Вот теперь их одежда и правда отражала разницу их статусов. Френсис облачился в платье из белого атласа, щедро отделанное драгоценными камнями, бантами и золотой тесьмой, а на Анри были скромные камзол и кафтан тёмно-синего цвета, без каких-либо украшательств. Но общались они по-прежнему так легко и непринужденно, словно вся эта разница в положении совершенно их не волновала. Анри, что-то доказывая другу, активно жестикулировал, прямо смотрел в глаза своему господину, а тот только хмурился в ответ, а потом вдруг начал так же горячо и энергично что-то возражать.

Анри первый заметил Филя и осёкся. Тогда и Френсис оглянулся в сторону праиэра. Тот почтительно поклонился, и был вознаграждён величественным кивком.

– Просто будь рядом, там, где, твое место, – услышал Фил, как Френсис скорее не приказал, а попросил Анри об одолжении.

Тот вынужденно кивнул и так, отставая от молодого герцога лишь на пол шага, двинулся к выходу. Конечно же и Фил поспешил следом. Он, как заядлый театрал в предвкушении интересного спектакля, решил занять на высоком крыльце место, которое позволит ему увидеть всё детали грядущего

представления.

А здесь и правда уже всё было готово для встречи Его Светлости. Алая ковровая дорожка сбегала по ступеням крыльца. Вдоль неё выстроились лакеи в парадных ливреях и горничные в белоснежных передниках и чепцах с большими корзинами цветов в руках. А у подножия лестницы с двух её сторон пристроились волынщики. Весь двор был заполнен празднично разодетыми служителями дворца и крестьянами из ближайших деревень. Френсис в обществе Рая и Анри оставался пока на вершине крыльца.

И вот, в дальнем конце центральной аллеи показался эскорт герцога Бетенгтона. Как и ожидал Фил, шествие возглавляли его товарищи, три праиэра: Ламороу посередине, Рон и Пит по правую и левую руку от него. Все трое одеты, как и он, в чёрное платье, лишь отдалённо напоминающее своим покроем форму гвардейцев герцога. Каждый из праиэров вложил в облагораживание своей одежды немало фантазии и денег, и тем не менее, все праиэры сохранили в одежде нечто общее. А вот сказать то же самое об их лицах было нельзя.

Даже широкополая шляпа не могла скрыть факт отсутствия на голове Рона каких-либо волос, впрочем, нет, всё-таки были реденькие брови. Его массивная челюсть покоилась на высоком воротнике, а прищуренные глаза сверкали злобным огнём.

Идеально правильные черты молодого лица Пита были со-

вершенно неподвижны, словно то была фарфоровая маска. Густые брови чуть сдвинуты, и глаза почти закрыты. Фил точно знал, что Пит здесь впервые, но ведёт себя так, словно всё это ему совершенно не интересно.

И конечно же Ламороу. Если Пита люди назовут блондином, но вот Ламороу был ярко выраженным альбиносом: совершенно белые волосы, брови, усы и борода, дополнялись столь же бледной кожей и глазами с холодящим душу красным оттенком. И это жуткое лицо в отличие от лица Пита, было очень живым, на нём играла такая широкая палитра чувств, от торжества до злости, что сразу становилось ясно – его обладатель имеет взбалмошный, взрывной характер.

Видать, Френсис и Анри тоже поразились такой контрастной внешности праиэров, и юноши дружно оглянулись на Фила, который являлся ещё одним, по-своему уникальным экземпляром. Что ж, Фил отнёсся к их любопытству с великодушным безразличием.

А тем временем вслед за праиэрами к крыльцу подошла колонна из десяти гвардейцев. Они нагло направили своих коней прямо на собравшихся здесь зевак, заставили людей шарахнуться прочь, и в итоге выстроились полукругом, создав живое оцепление. Убедившись, что этот манёвр выполнен безукоризненно, праиэры спешили. И так встретили карету герцога.

Кучер мастерски остановил коней так, что дверца крытой позолоченной кареты оказалась точно перед красной коврово-

вой дорожкой. Помочь герцогу выйти взялся сам Ламороу, первый праиэр гвардии. Генрих Рай не стал дожидаться приглашения. Неожиданно для многих, он вдруг сорвался с места, легко сбежал по ступеням крыльца и в итоге оказался первым из встречающих, чьё лицо увидел герцог.

– Добро пожаловать домой, Ваша Светлость! – звонко воскликнул он и склонился в глубоком почтительном поклоне.

– Домой! – повторил герцог. Он легко выскользнул из кареты и уже стоял возле Рая, – Генрих, старый друг, как я рад видеть тебя! – ещё мгновение, и герцог радушно протянул Раю руку ладонью вниз. Тот благодарно пожал её, после чего снова почтительно поклонился. Герцог же в ответ вдруг дружески похлопал Генриха по плечу.

– Анри, ты можешь припомнить, когда бы учитель так энергично бил челом? – тихо поинтересовался Френсис.

Анри лишь с досадой поджал губы.

Услышавший этот краткий диалог Фил скрыл усмешку: «Просто ваш учитель понимает свою вину. Но чтобы сгладить её одних поклонов вряд ли хватит».

А тем временем придворцовая площадь взорвалась восторженными возгласами прислуги: «Слава Его Светлости герцогу Бетенгтону! Слава Его Светлости герцогу Бетенгтону!», и зычные волюнки дружно поддержали это ликование. Пожалуй, никто кроме внимательного Фила, не заметил, как в глазах Генриха Рая мелькнуло искреннее изумление, похоже, господин удивил его таким радушием.

Герцог был заметно выше Рая, широкоплеч и необыкновенно красив. Его мужественное лицо, обладающее идеально правильными чертами, просто требовало запечатлеть себя на полотнах лучших мастеров живописи. Тёмно-каштановые волосы роскошными локонами спускались на его могучие плечи. Голову покрывала великолепная алая шляпа с огромным каскадом чёрных страусовых перьев. Одетый в пурпурное платье, щедро украшенное драгоценными камнями, в лучах закатного солнца засиявшими адским пламенем, сейчас он несомненно затмил бы самого бога огня. Неудивительно, что души большинства слуг преисполнились благоговейного трепета при виде своего властелина. Но его тёплая встреча с Раем, человеком, горячо любимым в Бетенгтоне, подействовала на людей ободряюще.

– Вот и пришёл конец моим скитаниям! – изрёк герцог, величественно осматриваясь, – Что ж, Генрих, я не сомневался, что под твоим присмотром мои владения будут процветать... Но где мой сын?

– Вот он, Ваша Светлость! – и Рай указал в направлении крыльца.

Френсис не столько услышал, сколько догадался о том, что речь зашла о нём, и решил, что более медлить нельзя. Он начал спускаться по лестнице, а Анри привычно последовал за ним. Но молодые люди успели так преодолеть только первый пролёт. Взгляды отца и сына встретились и... мир надломился, таким обжигающим холодом вдруг повеяло...

– Это... Френсис?!? – с трудом выдавил из себя герцог.

– Да, Ваша Светлость! Это ваш сын... – изумлённый поведением господина Рай проследил его взгляд, но ответ ускользал.

Герцог смотрел на Френсиса, но складывалось впечатление, что он видит в нём какого-то другого люто ненавистного человека.

В этот момент замешкавшийся позади молодого герцога Анри сделал шаг назад и в сторону. Его благой порыв увеличить дистанцию до положенной этикетом привёл к тому, что теперь герцог увидел и его. И это стало для Его Светлости новым, может быть, ещё большим потрясением. Взгляд его серо-голубых глаз заметался от Френсиса к Анри и обратно, на лбу выступил пот, лицо его побагровело, и руки непроизвольно сжались в кулаки, да с такой силой, что перчатки затрещали по швам.

Френсис гордо повёл головой и, сделав шаг в сторону, заклонил собой друга. Он ещё не понимал, что происходит, ещё отказывался признать, что и его самого отец, мягко сказать, не рад видеть. В голове его загорелась только одна обжигающая мысль – похоже всё-таки, учитель был прав, желая отослать Анри прочь. Смогут ли они справиться с такой яростью Бетенгтона старшего?!

Но тут вдруг Его Светлость сам направился к сыну. Остановившись в паре шагов от него, он ткнул его тростью в грудь и грозно прорычал:

– Следуй за мной. А этот, – теперь трость метнулась в сторону Анри, – Этот пусть будет готов явиться по первому моему зову.

Песня волынок оборвалась. Подданные испуганно смолкли. Никто не понимал причину такой резкой перемены в настроении Его Светлости, и это пугало. Так, в тишине, герцог и продолжил своё шествие к парадным дверям дворца.

«О как?! Я-то думал главный удар придётся на Анри и Рая, но оказалось, что сынок поразил батюшку, может быть, даже больше?! Что-то здесь не чисто...» – усмехнулся Фил, пристраиваясь вслед другим праиэрам, неотступно следовавшим за господином.

Глава 02. Правила игры.

Последнюю перестройку дворца Бетенгтон провёл Бенедикт Гай Гейсборо, отец Карла-Бенедикта Гай Гейсборо, нынешнего герцога. Началось это сорок пять лет назад и продоллось почти десять лет. Некогда грозный замок превратился во дворец, причудливо сочетающий в себе мощь тысячелетней истории и легкомыслие века настоящего.

Тогдашний господин Бетенгтона решил, что его дом больше не должен исполнять оборонительные функции: крепостные стены были снесены, ров засыпан, их место занял роскошный парк. И сам беломраморный замок преобразился до неузнаваемости. К главному донжону и к примыкающим к нему четырем башням были пристроены ажурные флигели, отличительной чертой которых стали большие окна и широкие балконы.

Сам ли Бенедикт Гай Гейсборо обладал такой смелой фантазией, или же он привлёк к работе столь дерзкого зодчего – это осталось тайной. Рай не смог найти среди прислуги никого, кто бы служил в этом дворце во времена, когда он ещё был замком. Не удалось найти и тех, кто занимался перестройкой. Кто-то умер, кто-то покинул эти края, кто-то исчез... Да, именно исчез, по крайней мере так говорили крестьяне ближайших деревень, мол некоторые строители пропадали бесследно сразу, как завершали свою часть ра-

бот. Приходится признать, что история этого дворца подарила народу юга Брианни даже слишком много легенд и страшилок. Впрочем, большинство из них с течением времени превратились в детские жутковатые сказки.

Вложив в это преобразование так много денег и сил, Бенедикт Гай Гейсборо всё-таки невзлюбил этот дворец. Он поселил здесь сына, а сам никогда не задерживался дольше, чем на неделю, если, конечно, не считать тех времен, когда он тяжело заболел и... Да, похоронен он здесь.

Бенедикт Гай Гейсборо привез в Бетенгтон не только своего сына, но и много новых людей – почти вся прислуга дворца была набрана примерно в те времена, и лишь малая доля из числа местных крестьян. Семьи обзаводились детьми, которые, подрастая, тоже становились прислугой – эти семьи до сих пор хранят потомственную верность дворцу Бетенгтон. И сам дворец, если так можно сказать, остаётся верен себе – порядки, заведённые отцом нынешнего герцога, и ныне являются нерушимым законом – помещения этого дворца со времени великой перестройки ни разу не изменяли своего назначения.

Выросший здесь Карл-Бенедикт Гай Гейсборо герцог Бетенгтон мог передвигаться по этому дворцу с закрытыми глазами, и сейчас он мчался в свои покои, совершенно не задумываясь о верности выбранного пути. Изумлённые его поведением Френсис и Рай едва поспевали за ним. Четыре праиэра замыкали этот подобный урагану полёт вернувшегося

домой господина.

Герцог остановился только на пороге своего кабинета, словно только здесь он, наконец, вспомнил о своих спутниках. Остановился, развернулся и уже одним только своим грозным видом заставил всех присутствующих забыть, как дышать, ну, или почти всех. Френсис покосился на Рая и обнаружил, что учителя эта ситуация если не потешает, то уж точно не пугает. Видать и герцог пришёл к такому же выводу, нахмурился пуще прежнего и тут вдруг выхватил взглядом настороженного Анри, который рискнул появиться за спинами праиэров.

– Ты, – снова трость Его Светлости метнулась в направлении Монсо, – Войди. И вы двое тоже, – не забыл он и про Френсиса с Раем.

Герцог пропустил этих избранных вперёд, лично закрыл дверь позади Анри, и... Монсо не столько увидел, сколько услышал, как трость Его Светлости рассекла воздух. Реакция юноши была феноменально быстрой и точной. Если бы не это, кто знает, может быть, эта трость пронзила бы его спину. Во всяком случае после того, как цель улизнула, удар трости о косяк получился звонким и страшным, а Его Светлость тут же бросился в новое нападение. Но теперь Анри всё видел, а значит достать его было невозможно. Резная трость, ведомая рукой герцога, встретила с дубовым столом, опрокинула тяжёлое кресло, и всё равно продолжала и продолжала рассекать воздух, тщетно пытаясь поразить вёрткую цель.

Ошеломленный Френсис глянул на учителя, но тот лишь посторонился и с откровенным удовольствием наблюдал за этим безобразием. «Но почему?! Как можно?!» – возмутился Френсис и решил сам остановить это безумие. Уже следующий выпад неудержимой трости встретился со шпагой молодого герцога. Нет, Френсис не обнажил шпагу, использовал её, оставляя в ножнах. И это произвело желаемый эффект, хоть герцог и не сразу понял, что перед ним возникла новая цель, но ему не оставили выбора.

– Хватит! Ваша Светлость, остановитесь! – воскликнул Френсис, и это была не мольба, а скорее приказ.

Сын решительно встал перед отцом и всем своим видом дал понять, что, если потребуется, готов и сразиться, но более не останется безучастным зрителем.

– Отойди!!! – зарычал Бетенгтон старший.

– Нет. Остановитесь! Прошу вас! – ничуть не дрогнул Френсис.

– Это мой дом! Мой закон! Я...

– Вы ещё даже не познакомились с Анри, а уже рветесь убить его? Это...

– Даже если и так...

– Он мой человек!

– Здесь нет ничего твоего!!! – закричал герцог, и этим нечеловеческим криком дал выход своей ярости, – Не смей мне перечить!!! Здесь всё принадлежит мне!!! Ты...

– Я ваш сын! – Френсис гордо вскинул голову, – Не за-

ставляйте меня краснеть за вас!

– Что?!? – и герцог едва не задохнулся от возмущения.

– Я ваш сын, – Френсис повторил это уже спокойнее, даже чуть подался вперёд, – И пусть здесь всё принадлежит вам, но Анри Монсо мой человек. Такова была именно ваша воля. А ваша воля закон.

Ох как много герцог уже хотел было сказать строптивому сыну! Кто знает, в какую ещё безумную форму воплотилась бы его лютая ярость, но тут вдруг раздался вкрадчивый голос Генриха Рая:

– Ребятки, на выход. Дайте старшим поговорить.

Юноши искренне решили, что их учитель спятил. Допустима ли сейчас такая вольная манера речи?!?

– Я сказал, на выход! – теперь в голосе Рая послышался металл.

И всё-таки Френсис и Анри не были уверены, в праве ли учитель так распоряжаться в присутствии самого герцога. Их взгляды обратились к хозяину замка, и всё решилось в тот же миг. Оказалось, что внимание герцога теперь было полностью обращено только к Раю, и именно его он был намерен убить. Вот только это не очень-то задевало самого Рая. Он смотрел на герцога так... Молодые люди ни разу не видели своего учителя таким... да, злым. Рука Рая метнулась в сторону двери, и юноши повиновались.

– И закройте за собой дверь! – бросил им вслед Рай.

Что ж, они выполнили и эту его волю.

Здесь, в примыкающей к кабинету комнате, юноши столкнулись лицом к лицу с ошеломлёнными праиэрами. Даже лицо Пита рассталось с «восковой маской» безразличия, что уж говорить про остальных. Видать, они что-то слышали, а остальные детали дорисовало их услужливое воображение. И потому они уже не ожидали увидеть Анри невредимым. Не осталась незамеченной и сокрытая в ножнах шпага Френсиса, которую он продолжал держать в руке.

Но ни праиэры сейчас занимали внимание юношей. Они дружно обернулись к закрытой двери:

– Что это было?! – выдохнул Френсис.

Анри растерянно пожал плечами и смахнул волосы с вспотевшего лба.

– Он хотел тебя убить?! – теперь Френсис прямо развернулся к другу.

– Мне показалось, что он... – Анри взялся было ответить, но вдруг осёкся.

– Что?! Говори! – возбуждённый Френсис нуждался в ясности.

Анри с досадой поджал губы:

– Мне кажется, он допускал мысль, что я смогу увернуться. Он словно проверял это, снова и снова...

– А учитель даже не шелохнулся, – кивнул Френсис, – Но мы-то с ним знаем, о твоём особом даре, а герцог...

– Получается, и он знает, – кивнул Анри.

– О каком даре речь?! – не выдержал Ламороу.

При звуке голоса первого праиэра Френсис чуть вздрогнул, он и правда успел забыть о том, что они с Анри здесь не одни, но теперь молодой герцог развернулся к Ламороу и посмотрел на него с выражением такой удивлённой досады, что праиэр-альбинос тут же поджал губы.

– Я уже готов поверить, что все праиэры совершенно не знакомы с этикетом, – вместо ответа обронил Френсис и жестом предложил Анри отойти в сторону.

Что ж, и Ламороу вернулся к своим товарищам.

За дверью кабинета было тихо, и сейчас никто не взялся бы сказать однозначно, какие именно чувства будила в их душах эта тишина. Азарт? Надежду? Страх?

Френсис и Анри думали, что знают своего учителя, но сегодня он открылся для них с новой стороны. Возразить... Так возразить самому герцогу Бетенгтону, который к тому же так яростно разбушевался?!!

Праиэры отлично знали своего господина, но происходящее не вписывалось и в их картину мира. Ламороу, Рон и Фил предельно тихо обменивались впечатлениями, а вот Пит так пытливо рассматривал Френсиса и Анри, что от этого его взгляда юноши почувствовали, как по их спинам забегали мурашки.

К счастью, эта тягостная неопределённость не затянулось. Дверь кабинета герцога резко распахнулась, и все увидели откровенно удовлетворённого Рая. Да, на его лице читалось именно удовлетворение и ещё, пожалуй, удивление. Он

плотно закрыл за собой дверь и направился к праиэрам.

– Его Светлость желает, чтобы его не беспокоили. Так что отправляйтесь по своим комнатам, используйте это время, чтобы отдохнуть с дороги, – Рай даже счёл возможным улыбнуться.

– Я сам узнаю волю Его Светлости! – взвился Ламороу.

Улыбка Рая из приветливой быстро превратилась в откровенно злорадную:

– Давай, приятель, действуй! Вот только кто потом покажет Рону его комнаты?

– Что? – Ламороу и правда не понял.

– За эти годы герцог научился прощать слугам послушание? Нет? Тогда... Я надеюсь, ты помнишь, где в этом дворце расположены комнаты первого праиэра. Помнишь? Отлично. Рона поселишь рядом. А Питу комнаты покажет Фил, – продолжал спокойно распоряжаться Рай, – Вам, четверым, если пожелаете, ужин накроют внизу, а нет, так подадут прямо в комнаты.

Отдав эти распоряжения, Рай в миг утратил к праиэрам всякий интерес и теперь обратил взгляд к своим воспитанникам, жестом указал им на выход, предлагая следовать за ним.

– Старик! – вдруг воскликнул Ламороу.

Рай словно и не сразу понял, что это обратились к нему. Он медленно развернулся и открыто смерил Ламороу взглядом с ног до головы и обратно. Первый праиэр возмущённо

ощетинился:

– Сейчас же объясни, что происходит! И не думай, что я позволю тебе относиться ко мне без должного уважения! Я...

– Ты всего лишь праиэр, – сурово перебил его Рай, – Знай своё место!

И, не давая Ламороу опомниться, Генрих Рай так решительно двинулся на праиэра-альбиноса, что тот даже чуть отшатнулся. Учитель Френсиса и Анри ростом был ниже Ламороу, и телосложением изящнее, но это ничуть его не смущало. Рай подошёл вплотную и заговорил быстро, предельно тихо, так, что его мог слышать только Ламороу. Тот слушал, и его лицо начало быстро наливаться кровью. Он вдруг вскинулся, чуть отступил, чтобы лучше видеть Рая, но на этом весь его боевой запал и иссяк.

В этот момент ни Френсис, ни Анри не могли видеть выражение лица своего учителя, но они очень хорошо видели, как Ламороу, словно мелкая собачонка перед грозным хозяином, осёкся, присмирел, даже чуть уменьшился в размерах. За другими праиэрами тоже оказалось интересно наблюдать – Рон изумлённо распахнул рот, лицо Филадельфия озарила довольная улыбка, словно он увидел давно ожидаемое чудо, а Пит пылливо сощурился, что, наверно, тоже должно было бы выражать крайнее удивление. Так или иначе, Ламороу расстался с мыслью качать перед Раем права.

Что ж, Рай удовлетворённо кивнул и развернулся к своим

воспитанникам. И это снова был такой знакомый им, такой любимый ими учитель. Так, втроём, они и покинули часть дворца, где располагались личные покои Его Светлости.

– Учитель, – Френсис даже чуть забежал вперёд и заглянул в лицо Рая, так ему не терпелось задать вопрос и получить на него ответ, – Что происходит?! Прошу, объясните!

Рай понимающе кивнул, и всё-таки жестом призвал к терпению. Они пришли в покои Френсиса, и только здесь Рай решил дать кое-какие пояснения:

– Вы, ребята, неприятно удивили герцога. К сожалению, он отказался объяснить мне причину такой ненависти к вам обоим...

– Обоим?! – изумился Анри, – Фрэнк ведь его сын!

– Да, но они давно не виделись, и оказалось, что Френсис стал очень сильно похож на кого-то, кого герцог терпеть не может, – вздохнул Рай, – Не спрашивайте мне. Я не знаю, пока... Если подумать, у каждого человека есть не только отец, но и мать, и родственники с обеих сторон... Пикантная особенность рода Гейсборо состоит в том, что ныне живы только два его представителя. И что ещё интереснее, так это то, как мало известно о твоих, Френсис, покойных сородичах, – и Рай горько усмехнулся, – Признаюсь, я старался разузнать о них. Но... Ладно, я попробую предпринять ещё кое-что. А пока, затаитесь. Без особого приглашения, не попадайтесь герцогу на глаза. Френсис, ты понял? Я боюсь, твоё упование на власть, причитающуюся сыну герцога, может оказать-

ся тщетным.

Френсис заметно побледнел. Он уже и сам допустил мысль, что может оказаться не в силах защитить друга. Именно это сейчас пугало его больше всего:

– Учитель, мы помним, что вы говорили нам... что было в тех письмах отца, адресованных вам лично... Но, чтобы он вот так, с ходу, попытался убить Анри! Я начинаю сожалеть о том, что мы решили...

– Вы решили. А теперь принимайте последствия своего решения, – сурово возразил Рай, – И я не согласен с тем, что герцог собирался убить Анри. Он... скажем, проверял его на прочность. Я всегда подозревал, что свою чудо-ловкость наш фрагиец унаследовал от своих родителей, скорее всего от отца... Герцог точно знал его. И он слишком долго тешил себя фантазиями на счёт вашего, ребятки, будущего, так что я не думаю, что он на самом деле станет искать смерти Анри, по крайней мере не в ближайшее время.

– Чего же тогда от него теперь ожидать?! – с горечью в голосе воскликнул Анри.

– Он всё хорошенько взвесит, обдумает и предъявит какую-нибудь версию в оправдание сегодняшнего срыва, а вот потом... Посмотрим. Посмотрим... – вздохнул Рай.

– Версию? Учитель, это звучит так, словно вы уже сейчас не верите в то, что он скажет правду! – возмутился Френсис.

– Так уж вышло, сынок. Я никогда не доверял доброй воле твоего отца. Теперь и он мне не верит.

– Тогда почему вы служите ему уже столько лет?! – вскинулся Анри, – Вы учили нас, что за нашу жизнь в ответе только мы. А сами связали свою жизнь с человеком, которому никогда не доверяли...

– Порой приходится выбирать из двух зол меньшее. И я счастлив, что мой выбор подарил мне радость общения с вами двумя на протяжении последних десяти лет, – Рай смотрел на воспитанников так по-отечески тепло, что Френсис дрогнул, смутился, но вот Анри не поддался очарованию момента:

– Скажите, учитель, почему герцог боится вас?!

– Боится?! – Френсис решил, что ослышался, но Анри всем своим видом дал понять, что не оговорился. И он требовал честного ответа.

Рай поднял на него несколько виноватый взгляд, и стало ясно, он не хочет отвечать, во всяком случае не сегодня. Сегодня он решил дать ответ на другой вопрос:

– Ребятки, послушайте моего совета, уже сейчас продумайте пути бегства отсюда. Припрячьте деньги, договоритесь о месте встречи, даже нескольких...

– О чём вы говорите?! – изумился Френсис.

– Ты меня слышишь, сынок. Я серьёзно допускаю мысль, что в недалёком будущем у вас может возникнуть желание сбежать отсюда. И если я окажусь прав, если этот момент настанет, вы должны быть готовы.

– Бежать?! Куда?! О чём таком вы говорите?! – возмуще-

ние Френсиса было совершенно искренним.

– Если за эти годы вы научились мне верить, доверять, то просто сделайте так, как я сказал. Сейчас никто из нас троих не может быть полностью уверен в благополучии завтрашнего дня, – Рай смотрел на своих воспитанников, даже не пытаясь скрыть одолевающую его сердце тревогу, – Я научил вас всему, что умею и знаю сам. И я верю, какие бы испытания не выпали на вашу долю, вы с ними справитесь.

С тем он поклонился и вышел.

– И это ответ? – рассердился Анри, – Он научил нас противостоять гневу герцога?

Френсис был согласен с другом, но он так же честно попытался вникнуть в суть сказанного и сделанного учителем:

– Помнишь, он говорил, что некоторым вещам научить может только личный опыт. Думаю, то, что мы сегодня видели, это как раз из этой песни – и с отцом, и с Ламороу учителя связывает какой-то сложный опыт...

Взгляды друзей встретились, и в тот же миг им стало дышать чуть легче.

– Спасибо, что вступился за меня, – Анри протянул другу руку.

– Прости, что я так долго медлил, прежде чем сделать это, – и Френсис ответил крепким рукопожатием.

* * *

Напрасно Френсис ожидал приглашение герцога. В тот день его отец не пожелал видеть сына, даже еду прини-

мал в одиночестве. «Праздничный» ужин получился совсем не праздничным. Учитель пришёл навестить воспитанников поздно вечером и рассказал о том, что творится во дворце: с ним, с Раем, герцог тоже не пожелал разговаривать, просто заперся в своих покоях; гвардия размещена и накормлена, праиэры разошлись по своим комнатам. В ответ на вопрос, какого впечатления он о праиэрах, Рай с горечью усмехнулся и сказал, что Фил оказал слугам дворца большую услугу, объяснив кто кому и как должен кланяться. Ламороу и Рон уже успели пройтись плетью по спинам трех лакеев, которые поклонились недостаточно низко. Что же касается Пита, то перед ним слуги готовы упасть даже на колени, настолько тяжёлый взгляд у этого человека.

Так первый день возвращения герцога оказался щедр на впечатления. А вот три следующие получились очень странными – словно жизнь поставили на паузу. Его Светлость с первыми лучами солнца отправлялся на верховую прогулку в обществе одного из своих праиэров, кто-то другой из них отвозил в охотничий домик обед. Возвращался герцог уже затемно, ужинал в одиночестве и ложился спать. Другими словами, хозяин дворца отгородился от мира.

Большая часть гвардии была распущена на отдых. Те, кто родом из Бриании, получили возможность повидаться со своими семьями. Прочие отправились тратить деньги в Туманную Гавань, а некоторые даже решили смотаться в Лундрес, благо общий сбор был объявлен только через три

недели. Эта свобода коснулась только низших чинов гвардии. Кто был поближе к власти имущим, должны были нести сменную вахту по расписанию, установленному Ламороу. И ещё, что интересно, один из праиэров, Рон, отправился во Фрагию в сопровождении своей личной ватаги.

Оставшиеся в Бетенгтоне три праиэра старательно избегали встреч с Френсисом, а когда разминуться не получалось, почтительно кланялись и всё-таки спешили сбежать. И в дела Рая они почти не вмешивались, так что тот продолжал управлять имениями Бетенгтон. А Анри, как и прежде, все время проводил рядом со своим другом. Всё было сносно, но... Анри очень скоро заметил, что за ними постоянно наблюдает кто-нибудь из гвардейцев. Френсис не сразу поверил, но убедиться в этом оказалось несложно, стоило лишь задаться вопросом. А это значит, что... «Что это значит?» – горестно вопрошал Френсис, но... Ответ должен был дать герцог. И он его дал... на четвёртый день после своего возвращения.

Френсис получил приглашение разделить с отцом утреннюю трапезу. Так, за приятной едой и состоялся их первый доверительный разговор. На самом деле, Френсис совсем не обращал внимание на то, что тогда подавали ко столу. Все его внимание было поглощено тем, что говорил герцог. Кажется, юноша запомнил тот разговор едва ли не дословно, так много всего тогда отец обрушил на его голову.

Прежде всего он попросил прощение за холодность, про-

явленную при их первой после столь долгой разлуки встрече. Причина тому оказалась простой – герцог никак не ожидал, что его сын с возрастом станет точной копией его тестя, человека, с которым герцог в своё время открыто враждовал. Да, в детстве Френсис был очень похож на свою мать, и это было отрадно, но такое преобразование теперь... Его Светлость не стал вдаваться в подробности, что именно он не поделил тогда с отцом матери Френсиса, только намекнул, что этот человек отчаянно сопротивлялся их браку и уже за одно это достоин ненависти.

Френсис поймал момент и попросил рассказать о его матери, но герцог сменился с лица, снова извинился, сказал, что до сих пор остро переживает эту утрату, но всё-таки пообещал найти для этого силы когда-нибудь позже.

Пришло время задать следующий «больной» вопрос – почему Его Светлость так хотел, чтобы Анри был возвращён по сути рабом? Ведь именно такие наставления он давал строптивому Генриху Раю. Герцог не отвёл взгляд, ни на миг не замешкался:

– Монсо родом из мусора, там и должен был остаться.

Эта фраза должна была стать ответом, но не для Френсиса. Юноша упрямо повёл головой и всем своим видом дал понять, что нуждается в более подробном объяснении.

– Так я и понял, – вздохнул герцог, – И с этим Рай не справился, не привил тебе доверие к моему суждению. Впрочем, чего ещё можно было бы ожидать от человека, который так

обошёлся со мной... Тебе стоит уяснить, за каждым моим приказом есть свои веские причины, и я не обязан всё разжевывать своим подданным. Но ты не просто подданный, ты мой сын. Так и быть, в этот раз я объясню... Отец Анри, Ромен Монсо, был корсаром. Фрагиец по происхождению, во времена, когда нас свела судьба, он плавал под флагом Испайры. О матери Анри я знаю только то, что она была испайронкой.

– Фрагиец!? Испайронский корсар?!

– Да, именно. Мы встретились во время моего путешествия на юг Фрагии. Этот корсар имел наглость напасть на корабль, на котором путешествовал я. Он был дерзким, наглым, бесстрашным, короче, отменным разбойником. Кто знает, может быть, я бы восхищался им, не задень он лично меня. Этот паршивец не только взял мой корабль на бордаж, но и зарезал половину моих людей, а со мной обходился так, словно я какой-то плебей. Ни до, ни после того я не испытывал такого унижения. На моё счастье, уже на следующий день этот наглец решил напасть и на фрагийскую галеру. В результате я был освобождён, а он и почти вся его команда убиты. Анри, этот мальчишка, спрятался в сундук, в котором прежде хранилось мое имущество. Мне отдали сундук и пацана в придачу. После того, что со мной сделал его отец, как я должен был с ним поступить? Разве ж с моей стороны не милость, дать ему стол и кров, взять на службу?

– Признайте, вы требовали, чтобы учитель растил Анри

как раба. Разве ж это милость? – и Френсис упрямо повёл головой, – Разве ж сын в ответе за грехи отца? Он был ребёнком...

В ответ герцог сокрушённо вздохнул:

– Рай растил тебя в теплице?! В этом мире дети всегда платят по долгам родителей! Так заведено нашими предками, и это мудро. Гнилое дерево не даст здорового плода. Что ещё здесь объяснять?!

Но Френсис всё-таки решился:

– Если бы дети воспринимали от родителей только их грехи, без шансов на их исправление, род человеческий давно бы уже сгинул. У Анри была и мать. Вы сами сказали, что ничего о ней не знаете. А я знаю самого Анри. Он...

– Сейчас ты начнешь расписывать мне его достоинства?

– Да, если угодно. Я уверен, он ничем не уступает вашим праиэрам, если только возрастом... Приглядитесь к нему внимательнее, и вы поймете, сколь ценным он может быть для вас!

Но герцог лишь сморщился, словно ему на язык попало что-то очень кислое:

– Мне уже доложили, что он учился вместе с тобой, обучен всему, чему и ты. Тебе самому от этого не противно?!

– Противно?! Иметь рядом человека, с которым интересно общаться...

– Общаться?! Сын, когда я тебя слушаю, мое желание убить Рая становится прямо-таки неудержимым. Сейчас ты

назовешь Монсо другом?!

Френсис понял, что дать положительный ответ на этот вопрос, это всё равно, что подписать Анри смертный приговор, но как здесь возразишь?

– Н-да, – сердито вздохнул Его Светлость, – Не отвечай. Я достаточно наслышан о тех порядках, что установил здесь Рай... До сих пор в голове не укладывается, как сильно я просчитался, положившись на него. Но... поразмыслив... Я решил всё-таки дать вам всем шанс... В конце концов, это было моё решение, оставить тебя на Рая. Справедливости ради я должен принять на себя часть вины. Так что... Ты намерен просить моего позволения оставить Монсо твоим порученцем. Верно я тебя понял?

И в тот же миг лицо Френсиса озарилось такой радостью, что слова уже и не требовались.

– Умный и образованный слуга, это хорошо. Всем мои праиэры умны и образованы. Но слуга должен оставаться слугой. Ты понял меня? Слуга – это слуга! Никто более! Это единственное условие, на котором я согласен оставить Анри здесь, в Бетенгтоне.

– Я понимаю... – охотно кивнул в ответ юноша.

– Понимаешь? Не думаю, – усмехнулся герцог, – Его отец мне должен. Долг самого Анри стал и вовсе безмерным. Всё то, что этот прихлебатель получил от моей невольной щедрости, он должен отработать сполна. Либо он сделает это доброй волей, либо я его заставлю. Отпускать этого мальчиш-

ку я в любом случае не намерен. Долг! Он должен оплатить долг свой и своего отца! Я ясно излагаю?

– Что значит, не отпустите в любом случае?.. – Френсис признался себя, что от таких слов отца ему стало холодно.

– Ровно то, что я и сказал, – и герцог величественно повёл головой, – С сегодняшнего дня он войдёт в состав моих гвардейцев, в подчинение Ламороу и остальных праиэров. Если он и правда так хорош, как ты думаешь, он очень скоро проявит себя. И кто знает, может быть, я пересмотрю своё к нему отношение. Если же нет, будет грызть свои сапоги пока не сдохнет. А вздумает сбежать, я объявлю его вором и убийцей, натравлю на него всю жандармерию Бриании, и тогда он вернется ко мне уже просто рабом, в цепях.

– Но рабство в Бриании запрещено, – едва слышно выдохнул ошеломлённый Френсис.

– В самом деле? Давно? Здесь перестали заменять казнь пожизненной каторгой?

– Казнь?! Каторгой?! – искренне ужаснулся Френсис. Он просто отказывался верить в то, что сейчас они обсуждают возможное будущее Анри.

– Эта часть мира осуждает людей, делает их рабами, и отправляет на работы в Западные Колонии. Так делает не только Бриания, но и Фрагия, и Испайра, и Портуйя... В моей власти забрать одного раба себе. Что за взгляд? Мне сказали, что ты образован, а простейших вещей не знаешь?!

– Я знаю... Но не думал, что...

– Так уясни же себе, я всегда получаю то, что желаю. Моя воля закон для всех, кто входит в мой мир.

Френсис заставил себя кивнуть в знак того, что всё услышал и понял. Герцог сделал вид, что удовлетворён, и даже смягчился:

– Я окажу тебе милость. Ты сам объяснишь своему другу детства, где его истинное место в этом доме. Сегодня до полудня он должен перебраться в казарму. На этом вашей дружбе конец. Ты герцог. Он гвардеец. Замечу вас вместе праздно болтающимися, его высекут. Если это заметят мои праиэры, его высекут. Ты понял? Желаешь ему добра, помощи ему занять отведённое мной место. Если же он сам желает и может чего-то больше, пусть докажет это своей службой мне. Вижу, теперь ты и правда меня понял. Что ж, более я тебя не задерживаю, но жду к обеду. Не опаздывай!

Сказав это, герцог развернулся к окну, вмиг утратив интерес к Френсису, но с этим он поспешил.

– Ваша Светлость, а я для вас кто?

– Что ты сейчас сказал? – и правда не понял герцог. Он снова повернулся к сыну и посмотрел на него так, словно впервые увидел.

– Я спрашиваю, кем вы считаете меня? – повторил Френсис, и теперь его голос звучал громче, увереннее.

– Ты мой сын. Хочешь сказать, что уже забыл?

– Я хотел удостовериться в том, что об этом помните вы. А раз помните, то почему отказываете мне в праве самому

выбирать себе слуг? – Френсис смотрел прямо в глаза своего грозного отца.

Взгляд того страшно потяжелел, губы сжались. Но его сын не дрогнул. Было видно, он очень огорчён тем, что дело зашло так далеко, но всё же отступить не намерен.

– Я не отказываю тебе в таком праве. Даже больше того, ты можешь выбрать любого из тех, кто сейчас присутствует в Бетенгтоне, даже любого из моих праиэров. Но только не Анри.

– И всё же, в таком качестве я приму только его.

– В каком именно качестве?

– Мы это уже обсуждали – в качестве моего личного порученца, – и Френсис даже чуть вскинул голову, что должно было стать дополнительным подтверждением его непреклонности.

Герцог с великим трудом перевёл дыхание. Его первоначальный план, наладить отношения с сыном, оказался под смертельной угрозой. Но Его Светлость всё-таки нашёл в себе силы обуздать гнев:

– Я тебе сказал открыто, за этим человеком очень большой долг мне лично. Объясни, каким образом он вернет его мне, оставаясь твоим порученцем?

– У него нет ничего своего, так что речь может идти только об отработке. И он отработает таким образом.

– Другими словами, останется без жалования.

– Будь он на другой должности, вы стали бы ему платить?

– А что именно входит в обязанности твоего личного порученца? – ядовито усмехнулся герцог, – У тебя самого нет никаких обязанностей... Ах да, ты здесь напомнил мне, что являешься моим сыном...

– Простите? – Френсис и правда не понял, куда клонит его отец.

Герцог смерил сына оценивающим взглядом, и, похоже, нашёл-таки возможным смягчиться:

– Как бы не назывались наши слуги, они в первую очередь наши лакеи. Ты мог заметить, даже мои праиэры выполняют такую роль. Вот и твой Анри тоже в первую очередь лакей, и ни в какой мере не должен быть тебе другом! Он лакей, ты это понял?

Френсис заставил себя кивнуть.

– Что ж, попробую уступить тебе в этот раз, так сказать, в знак извинения за то, что я так холодно встретил тебя после десяти лет разлуки. Пусть Монсо останется твоим, как ты выражаешься, личным порученцем. На деле это значит, что он должен быть твоим лакеем: обслуживать твои нужды и днём, и ночью. Я запрещаю прислуге дворца касаться и твоей комнаты, и твоей одежды, и твоего коня, и даже твоей еды. Теперь он должен прислуживать тебе за столом. Все это должно лежать на плечах твоего личного лакея. И ещё – у него нет права перечить моим праиэрам.

– Мой личный лакей обязан выполнять только мои приказы, верно? В таком случае ваши праиэры не должны помы-

кать им. Это право есть только у меня, – отважился заметить юноша.

И снова герцог не смог скрыть, как ему не нравится то, что говорит Френсис, и снова он нашёл в себе силы уступить.

– Хорошо. Попробуем пойти по этому пути... Посмотрим, справитесь ли вы. Всё, больше я тебя не задерживаю.

Что ж, Френсис поклонился и с тяжёлым сердцем покинул покои отца. Здесь, в смежной комнате анфилады он сразу натолкнулся на Филадельфию и Ламороу. Одного взгляда на их лица оказалось достаточно, чтобы понять, эти двое отлично осведомлены о настроении Его Светлости, его намерении пресечь дружбу Френсиса и Анри. Теперь праиэры с нетерпением ожидали дальнейшего развития событий. Они почтительно поклонились молодому господину, и Ламороу не скрыл злорадную усмешку.

Если бы в этот момент на пороге комнаты не появился Анри, Френсис мог бы и не совладать со своей злостью, такое сильное он испытал желание, ударить Ламороу в скулу. Но Анри... Взгляды друзей встретились. Френсис горько поджал губы и стремительно направился к другу. Им надо было поговорить, решить, как жить дальше.

После того, как количество людей во дворце так сильно увеличилось, особенно количество неприятных людей, найти укромный уголок стало делом непростым. Френсис решил, что сейчас лучшим местом для этого трудного разговора станет крыша. Есть там удобное место, давно облюбо-

ванное друзьями. Анри чутко уловил и настроение друга, и цель их путешествия, но всё-таки решил уточнить:

– Могу я стукнуть по носу нашего с тобой соглядатая? Этот парень явно намерен быть не только нашим хвостом, но и...

– Какой парень? За нами снова кто-то увязался?!

– Да, на этот раз сам грозный Пит.

Френсис пожурил себя за то, что не заметил эту слежку, но теперь решил взять бразды правления в свои руки:

– Он праиэр. С этими ребятами нам с тобой надо быть поаккуратнее. Просто иди вперёд.

Молодые люди уже ступили на винтовую лестницу, ведущую на вершину одной из башен дворца, Анри первый, Френсис за ним. Молодой герцог тут же закрыл за собой дверь и припёр её брусом. О том, что такая возможность здесь есть он знал давно, даже использовал её пару раз, чтобы наверняка гарантировать себе покой.

Не ожидавший такого поворота Пит рванул ручку двери, а когда она не поддавалась, он даже предпринял попытку выломать дверь. Не получилось.

На площадке этой башни никого не оказалось, так что удача улыбалась друзьям, только улыбка эта была печальной. Френсис кратко передал Анри суть разговора с герцогом и смолк, смотреть в глаза друга он сейчас не мог...

Это был пасмурный день. Тяжелое облачное одеяло впитало в себя столько влаги, что местами не выдержало, разо-

рвалось, рассыпалось, обрушилось на землю мрачными занавесами. Один из таких занавесов явно вознамерился в скором времени накрыть и дворец. «Уже накрыл...» – горько вздохнул Френсис и, наконец, обратил взгляд к Анри. Оказалось, что тот пристально всматривается в лицо своего друга, а на губах его уже явно светится улыбка.

– Что? – нахмурился Френсис, поражённый настроением Анри.

– Ты удивительный, Фрэнк! – теперь Монсо улыбнулся открыто, – Я подслушал разговор Ламороу и Фила. Они уже строили планы, как именно возьмутся воспитывать меня. Точнее, фантазиям предавался Ламороу, а Фил лишь подправлял его. А потом вдруг Пит заявил, что Ламороу торопится, что ты, друг, не отдашь меня им на растерзание.

– Пит? – и Френсис невольно оглянулся назад, туда, где за запертой дверью они оставили этого праиэра.

– Да. Праиэры умны. И, сдаётся мне, Пит и Фил много умнее Ламороу. Но да не суть... Важно, что ты смог это сделать! И я страшно признателен тебе за это!

– Анри, ты меня внимательно слушал?! Отец...

– Да, я должен стать для тебя отменным лакеем. Это я уяснил. Что, думаешь, не справлюсь? – и Анри ободряюще толкнул друга в плечо.

Но Френсис никак не мог поддаться этому игривому настроению:

– Это всё так сильно мне не нравится!..

– Ты герцог! – тихо напомнил Анри, – А я... Короче, этот мир, мир твоего отца, нам не переделать. Так давай сыграем в эту игру.

– Игру?!

– Да. Мне выпала роль лакея. Роль. И я очень рад, что именно ты мой господин. Я думаю, какое-то время можно им подыграть.

– Какое-то время... – Френсис почувствовал на своём лице первые капли всё-таки добравшегося сюда дождя, – Да, похоже, какое-то время придётся... Но ты должен знать, помнись, это лишь роль. По сути, ты мой лучший друг! Ты был им все эти годы, и...

– ... и буду им и впредь! Не сомневайся! – с готовностью кивнул Анри.

Ещё один миг, и вот уже юноши одновременно протянули друг другу руки и крепко пожали их.

Глава 03. Отец и сын.

В тот же день герцог пригласил сына к обеду, а Анри получил приказ прислуживать им. Как бы Его Светлость ни придирался к работе новоявленного прислужника, Монсо ни на миг не дрогнул, все приказы выполнял безукоризненно, с идеальным смирением, даже с вдохновением, открыто демонстрируя горячее желание угодить господам. И герцог должен был бы праздновать победу – неугодный дармоед занял-таки достойное его низкого происхождения место. Вот только слишком уж легко далась эта победа, а потому Его Светлость и не стал спешить с выводами.

После обеда он потребовал, чтобы сын разделил его общество в библиотеке. На этот раз Анри был отпущен. И как только Монсо исчез из поля зрения, герцог открыто обратился к сыну:

– И что это было? Вы с Монсо пытаетесь меня провести?

– Что?! Откуда такие мысли? – совершенно искренне возмутился Френсис.

– Я никогда не поверю, что этот мальчишка как легко принял своё понижение из любимчиков в...

– Вовсе не легко, – нахмурился Френсис, – Но он прекрасно осведомлён о возможной альтернативе. Поэтому, будьте уверены, он честно старается угодить вам.

Герцог подарил сыну долгий оценивающий взгляд и... со-

гласился-таки признать это правдой, по крайней мере, пока...

* * *

Так оно и повелось. Его Светлость прямо-таки сковал сына своим вниманием, откровенно требовал, чтобы тот почти все время был рядом. Теперь они принимали пищу только вместе, а Анри прислуживал им. Так же вместе отец и сын дважды в день совершали длительные верховые прогулки, и время после трапезы тоже проводили вместе – либо за книгами, либо за игрой в карты, либо просто в праздных разговорах. Френсису просто не было оставлено выбора, ни малейшей возможности вывернуться, ибо воля Его Светлости – это закон даже для его сына, и не важно, что этот взрослый сын имеет своё мнение и свои желания.

Пришлось найти силы смириться с новой тесной реальностью, но это страшно утомляло и раздражало. Ведь Френсис привык к другому, желал другого. А когда весь день проводишь во внутренней борьбе, время течёт вдвое медленнее и устаёшь в десять раз больше обычного. Теперь почти совсем не осталось возможности поговорить с Анри по душам, а Рай так и вовсе исчез из поля зрения. Френсис добирался до кровати едва живой и страшно злой.

На третий день он взвыл открыто.

– Ещё пара таких дней, и я... Я и правда предпочту бежать отсюда! Что толку от титула и богатства, если я вынужден жить, как пленник отца?! Не об этом ли предупреждал

учитель? – простонал молодой герцог, тупо глядя на тусклую свечу.

Анри ещё был рядом, делал вид, что прислуживает господину при его отходе ко сну, по крайней мере так должны были бы думать те, кто продолжал за ними присматривать там, за порогом покоев Френсиса. Но сейчас, тронутый сокрушённым видом друга, Анри присел на стул напротив и даже коснулся его руки, так заставив обратить на себя внимание:

– Твоя проблема в том, что ты чувствуешь себя... жертвой что ли... Он тебя изучает, а ты сопротивляешься. А почему бы и тебе не начать изучать его?

Взгляд Френсиса тут же прояснился.

– Что ты сейчас сказал? Изучает меня? Сопротивляюсь?.. Анри, когда это ты успел стать таким проникательным?

В ответ Анри не удержался, смущённо улыбнулся:

– Ладно, ладно. Ты меня раскусил. Это не я, а учитель. Это его тебе совет. Ты воспринимаешь это сверхвнимание герцога как обузу, покушение на твою свободу, как оковы. Чем больше ты сопротивляешься, тем больше подставляешься. Оно и понятно, держать круглосуточную оборону это то ещё испытание. Но всё станет проще, если ты найдёшь в этом свой личный интерес.

– И у вас с учителем даже есть предложение, что за интерес мне здесь найти? – усмехнулся Френсис.

– А то, как же?! Конечно есть. Нам всем надо выяснить

его истинные мотивы, планы на наш счёт – твой, мой и учителя, – Анри ещё больше понизил голос и теперь был совершенно серьёзен.

– Ты думаешь, у него и правда есть какие-то особые планы на наш счёт? – недоверчиво сощурился Френсис.

– А ты уже сомневаешься? Хватило каких-то пары дней, и ты уже уверовал в его безграничную отцовскую любовь?

– Ну... Он очень старается...

– Именно! Старается тебя в этом убедить! Настоящая искренняя любовь не нуждается в таком отчаянном старании, она более внимательна и уважительна к нуждам и желаниями того, на кого направлена... Не смотри на меня так! Это не мои слова, а учителя.

– Ладно, ладно, я понял. Так что всё-таки он предлагает?

– Он предлагает ускорить процесс, позволить герцогу уверовать, что его план удался, что ты и правда воспылал к нему искренней сыновьей любовью и возвёл на пьедестал идеала для подражания. Учитель говорит, что как только герцог уверует в то, что смог заменить в твоей душе его, Генриха Рая, он перейдёт к каким-то более конкретным действиям.

– Звучит... гадко, – сморщился Френсис, – Может быть, учитель поделился предположением и о том, что это могут быть за действия?

В ответ Анри неопределённо пожал плечами:

– Он точно что-то предполагает, но делиться этим не хочет. Мне с трудом удалось выбить из него...

– Ну что? Говори уже! – потребовал Френсис.

– Учитель думает, что как только его отошлют прочь из Бетенгтона, герцог раскроет свои карты, ясно скажет, чего ждет от тебя, да и от меня. Ты понимаешь?

– Не уверен...

– Короче... Учитель думает, что лучшим доказательством этой его правоты служит тот факт, что он ещё жив и живет здесь, во дворце! Видишь ли, герцог Бетенгтон никогда никому не прощает непослушание! За те двадцать семь лет, что учитель знает твоего отца, не было ни одного исключения. То, что Рая до сих пор никоим образом не наказали, означает только одно, герцогу нужна твоя, именно твоя покорность, верность. И ему нужна верность, основанная не на страхе, а на... ну скажем, любви.

– И правда гадко звучит! – возмущился Френсис, – Учитель совсем не допускает мысль, что отец искреннее благоклонен ко мне?! Не надо! Не отвечай. Ответ я понял. Но если даже предположить, что это так, то... Ох... Эдак план учителя приведет к тому, что как только я изображу такую вот верность, отец его порешит...

– Точно не сразу. Прежде ты должен будешь что-то сделать, а уж потом... Да, понимаю, это... неприятно, – вздохнул Анри, – Но да моё дело передать тебе...

– А почему учитель сам не поговорит со мной? Почему надо передавать это через тебя?

– Потому что Его Светлость запретил учителю прибли-

жаться к тебе. Что? Ты не знал? А если учесть, что за тобой постоянно следят, отменно следят... Вот учитель и поймал меня.

– А если я сам его позову? – сощурился Френсис.

– Он явится, если, конечно, ему удосудятся передать твой приказ. Но ты заметил, за эти дни, ты ни разу не позвал его, – горько усмехнулся Анри.

И Френсис вынужденно кивнул:

– Ладно, я услышал тебя, точнее вас обоих... Я постараюсь...

– Только не перестарайся! Давай без резких движений, – тут же подался ближе Анри, – Не забывай! Твой отец должен думать, что и правда завоевал твоё расположение. Если сдашься слишком быстро, он не поверит... Ведь он усомнился в моем смирении, когда я прямо-таки сразу стал образцовым лакеем, верно?

– Да, верно. Откуда знаешь?!

– Учитель сказал... что я переусердствовал, – и Анри виновато улыбнулся в ответ.

Взгляд Френсиса остановился. Перед ним сидел «образцовый лакей» и виновато улыбался, а действительно виноватым себя почувствовал именно он, Френсис:

– Анри... Мне так жаль, что тебе приходится терпеть всё это... На твоём фоне мне грех на что-либо жаловаться!

– Не грех! Ты уж поверь! – и улыбка Анри стала более открытой, в глазах замелькали озорные искорки, – Вот я бы

сейчас не хотел оказаться на твоём месте! Это правда! Но всё-таки, в отличие от меня, тебе есть, что терять, поэтому и есть смысл попытаться устоять.

– Самое ценное, что у меня есть, это ты и учитель! А отец... Он решительно намерен разлучить нас! – тут же вскипел Френсис.

– Важно только то, что решаем мы сами! – Анри назидательно поднял палец, намекая на то, что снова изрёк одну из мудростей учителя, и друзья дружно рассмеялись.

Как ни странно, но после этого тяжелого разговора на душе Френсиса стало легче. До этого момента он и правда чувствовал себя жертвой обстоятельств, но теперь он может снова стать творцом своей судьбы и обрести некоторую свободу – так, рассуждая несколько патетически, молодой романтик и нырнул в объятия сна.

Уже утром следующего дня Френсис понял, что преобразование его мироощущения, которое могло бы сойти за навеянный усталостью самообман, всё-таки состоялось. Завтрак в обществе пылающего отцовской любовью герцога прошёл много легче, чем это бывало в предыдущие дни. За тем ставшая традиционной верховая прогулка...

На сегодня Френсис решил ограничиться осознанным наблюдением за отцом. «Нельзя спешить!» – напомнил он сам себе. Внешне это проявилось лишь тем, что он стал более спокойным, собранным, но даже этого оказалось много. Герцог тут же заметил эту перемену. Его сын вдруг, за одну ночь,

повзрослел эдак года на три, распроставшись с нервной суетой и раздражением. Конечно же, Его Светлость постарался аккуратно выяснить, что именно стало причиной такого преобразования, но Френсис ответил, что прежде был не вполне здоров, но скрывал это, потому что не желал тревожить отца.

Как только герцог позволил сыну остаться одному, Френсис тут же приказал позвать Генриха Рая. Его долго разыскивали, но так и не смогли привести до самой той поры, пока Его Светлость снова не вспомнил про сына. Уже только поздно вечером Френсис получил от Анри подтверждение своей догадки – у слуг дворца строгий приказ, не приводить Рая к молодому господину.

– Тогда я сам его найду, – решил Френсис, – Передай учителю, чтобы во второй половине дня, он постарался оказаться в розарии. Если вдруг завтра я не смогу выбраться туда, то попробуем встретиться после завтра.

Анри заговорщицки усмехнулся и отправился спать в отведённую ему комнатку. Это была каморка, почти кладовка, единственным достоинством которой было её включение в состав покоев Френсиса. Комнаты, которые ранее занимал Анри, теперь пустовали.

Встретиться с учителем получилось уже на следующий день. Молодой герцог даже не догадывался, насколько сильно он соскучился по своему наставнику, но тот всё-таки мягко пресёк порыв воспитанника обняться. Отрадно уже то, что они смогли увидеться, поговорить. Речь пошла в об-

щем-то всё о том же. Оказалось, что Рай по-прежнему умудряется оставаться внимательным наблюдателем, и все создаваемые герцогом препоны не в силах помешать учителю быть в курсе почти всех дел дворца. И он настойчиво посоветовал Френсису быть осторожным в общении с отцом.

– Но почему вы даже не допускаете мысль, что отец просто старается наладить со мной отношения? – всё-таки решился спросить юноша, – Я его единственный сын... Что, если вы ошибаетесь на его счёт?

В ответ Генрих Рай горько поджал губы:

– Ох, мальчик мой... Вы с ним настолько разные, что, порой я даже сомневаюсь в вашем родстве. Ты готов каждому дать шанс проявить себя, но твой отец... Он другой... Прости, сейчас я не могу объяснить причину такого моего к нему отношения. Просто поверь... Очень скоро он подведёт тебя к необходимости убить кого-то из его недругов. Это способ, которым он закаляет тех, кто остаётся рядом с ним.

– Вы пугаете меня! – нахмурился Френсис.

– Да, – с готовностью кивнул Рай, – Получается? Он распустил гвардию только до конца месяца. И Рон вернётся примерно в это время. Это срок, который он установил для подготовки тебя...

– К чему?!

– Придёт время, узнаем. Просто будь настороже!

К сожалению, эта встреча была краткой. Очень скоро в розарий ввалился Ламороу и заявил, что герцог приказал Раю

явиться на террасу второго этажа. Рай усмехнулся и холодно приказал первому праиэру заняться каким-нибудь и правда полезным делом, а не сочинять сказки по чём зря. Стушевавшийся Ламороу с досадой поджал губы и убежал.

– Учитель, почему вы так уверены, что отец и правда не звал вас? – изумился Френсис.

– Потому что Ламороу не умеет врать, по крайней мере мне, – веско заметил Рай и тут же смягчился, – А ещё потому, что сегодня эта терраса недоступна для герцога, там перекладывают пол и красят перила. Но я не удивлюсь, если через несколько минут сюда придёт сам Его Светлость.

– Полагаете, Ламороу побежал докладывать ему?

– Уверен. Так что сынок, просто подожди его здесь, полюбуйся цветами, насладись тишиной. А я оставлю тебя...

– Вовремя отступить, это не бегство, а стратегический манёвр? – улыбнулся Френсис, припомнив один из преподанных учителем уроков.

Тот одобрительно улыбнулся, поклонился и отправился к дальней, едва заметной в кустах калитке.

Он оказался прав, наслаждаться цветами и тишиной Френсис смог недолго. Вторжение герцога стало шумным, открывая калитку, он умудрился сорвать её с петель. Его острый взгляд пробежался по всему периметру розария и только после этого обратился к сыну:

– Мне сказали, что Рай был здесь...

– Да был, – и Френсис поклонился отцу, – Мы встрети-

лись случайно... Но он получил приказ явиться перед вами, и отправился...

– В самом деле? – герцог развернулся к сопровождавшему его Ламороу, и тот под таким пытливым взглядом господина тут же страшно стусевался, казалось, что он даже уменьшился в размерах.

– Убирайся прочь, – рыкнул Его Светлость, и Ламороу в миг испарился.

Остаток дня, как и ожидалось, герцог не отпускал от себя Френсиса ни на шаг. Почти так же, в очень тесном общении, эти двое провели и следующие пару дней, продолжая присматриваться друг к другу, изучать, стараться понять. Но долго оставаться просто в позиции созерцания, пусть и осознанного, это задача не по силам темпераменту молодости. Так что по прошествии этого краткого срока Френсис рискнул, начал копировать манеру речи герцога, его стиль поведения, ибо он решил, что это лучший способ внушить отцу то, что тот смог достучаться до сына, завоевать его любовь. То ли внимательное наблюдение последних дней оказалось таким плодотворным, то ли в юноше обнаружился незаурядный актёрский дар, но у него почти сразу это стало получаться очень убедительно, естественно, чем он удивил не только Анри с Раем, но и себя. Так желаемое герцогом преображение сына началось, и это заметили все.

Талантливо копируя отца, очень скоро Френсис, казалось, напрочь позабыл о дружбе с лакеем, больше того, теперь он

вполне мог оскорбиться одним только намёком на то, что такие отношения могут быть возобновлены. Да, он замечал осуждающие взгляды слуг замка, которые всегда очень благоволили к дружбе молодых людей, но тайная поддержка Анри и Рая, позволяла ему не свернуть с выбранного пути.

Что ж, высокая оценка Его Светлости не заставила себя долго ждать, к исходу второй недели после своего возвращения в Бетенгтон, герцог внёс в правила этой игры новые правки – он решил приблизить к себе и Анри. Если до этого момента он старательно не замечал Монсо, точнее, не замечал в нём человека, то теперь, когда и Френсис усвоил эту манеру поведения, герцог решил более открыто присмотреться к странному слуге. Анри получил приказ прислуживать господам не только во время основной трапезы, но и во время их досуга, в гостиной, подносить вино, работать с опахалом, когда Его Светлости вдруг становилось жарко.

А на следующий день, впервые, Анри должен был сопровождать Френсиса и герцога во время их верховой прогулки. В спутниках господ также оказались и два праиэра, Фил и Пит. Этот день всем запомнился надолго...

Погода выдалась солнечная, прохладный ветерок виртуозно разгонял почти летний зной и делал прогулку очень приятной. Френсис и Анри были верхом на своих любимых конях – вороной Вихрь под молодым герцогом, и гнедой Ми-раж под его порученцем. Так хотелось припомнить былые деньки, когда друзья наперегонки летали по этим просторам,

соревновались в стрельбе из лука и арбалета... Но нет, сейчас они себе не принадлежали. Герцог чутко следил за тем, чтобы сын не отставал от него, а праиэры то и дело отесняли Анри подальше от господ, и он как будто не сопротивлялся этому, но удивительным образом всё равно скоро снова оказывался рядом с Френсисом, которого, эта суэта слуг как будто совсем не трогала. Но праиэры не были бы первыми из первых, если бы всё-таки не нашли возможность выполнить приказ господина. Им было велено подставить Анри под удар Френсиса, и они честно постарались...

Это произошло, когда Его Светлость решил сделать остановку и отдохнуть у реки. Фил, оказавшийся к господину ближе, чем Пит, бросился прислуживать, но в своём рвении умудрился испугать коня Анри. Тот шарахнулся в сторону коня Френсиса, и так вышло, что как раз в этот момент Френсис, собираясь спешиться, уже стоял лишь одной ногой в стремени. От неожиданности он потерял равновесие и снова рухнул в седло. Френсис ещё не успел в полной мере осознать, что счастливо избежал падения наземь, как Вихрь снова сильно дернулся и стал нервно переступать с ноги на ногу, мотать головой и в конце концов рассерженно заржал. Френсису потребовалось время, чтобы успокоить взволнованное животное. Только после этого у него появилась возможность разобраться, что же стало причиной такого переполоха. Оказалось, что Анри на своём коне кружится на одном месте. Мираж тоже крайне встревожен, а наездник ис-

пытывает какие-то пока непонятные проблемы с тем, чтобы прекратить это и спешиться.

– Что ты творишь?! – грозно поинтересовался Френсис, – Ты заставляешь меня ждать тебя!

Анри поднял на друга сконфуженные взгляд, кивнул, и честно снова попробовал освободить ногу из стремени, и снова неудачно. Складывалось впечатление, что его сапог приклеен к стремени. Снимать сапог, при этом сидя на беспокойном коне, то ещё занятие, и Анри уже собрался было это сделать, но не успел. То ли он неосторожно сильно ударил своего коня, то ли по какой-то другой причине, но Мираж вдруг сердито заржал и снова дернулся в сторону Френсиса. Оно и ладно бы, но реакция Вихря оказалась неожиданно бурной, он тоже заржал и тут же взвился на дыбы. Любимый конь Френсиса никогда не позволял себе такого поведения, ни разу не пытался выбить своего седока из седла, а тут вдруг вздумал завести совершенно безумную пляску: то встанет на дыбы, то начнёт бить задними копытами. Но всё-таки это был любимый конь Френсиса, они были большими друзьями, и в этот момент все помыслы юноши сосредоточились именно на том, чтобы успокоить своего четвероногого друга. Он знал особый подход к нему, у них были свои ритуалы, и сейчас это сработало, Френсис смог-таки вернуть Вихрю самообладание, пляска смерти закончилась.

Следующей была мысль об Анри. Оказалось, что тот всё-таки смог спешиться и теперь спешит к нему, своему госпо-

дину и другу. Их глаза встретились. «Ты в порядке?!» – одновременно мысленно обратились они друг к другу. Анри едва заметно кивнул и... вдруг опустился перед Френсисом на одно колено.

– Ты что делаешь?! – совершенно искренне возмутился Френсис.

– Умоляю, простите меня, милорд! – громко воскликнул Анри, не поднимая головы, – Мне нет прощения! Я подверг вашу жизнь опасности!

В первый момент Френсис решил, что ослышался, и его взгляд невольно метнулся в сторону герцога и его праиэров.

Оказывается, Его Светлость спешил и теперь с таким откровенным интересом наблюдал за происходящим, словно он уже в красках представил себе пару вариантов дальнейшего развития событий, и ему страсть как не терпелось узнать, какой же из них воплотится в жизнь. Френсис почувствовал, что время стало каким-то вязким. Так бывает, когда сознание начинает работать с огромной скоростью.

Оказывается, Филя куда-то отходил и только теперь направляется к Его Светлости. А Пита так и вовсе не видно. Впрочем, вот и он, с той стороны от Анри. Френсис ещё не понимал, что именно сделали эти двое, но в том, что неожиданные проблемы его и Анри, это заслуга праиэров, не было никаких сомнений. И теперь Анри предлагает принять это?! Впрочем, да, искать справедливости здесь вряд ли стоит. Но всё же...

Френсис нахмурился пуще прежнего.

– Милорд, я готов понести наказание, – Анри горько поджал губы, всем своим видом выражая полное осознание вины.

– Виновный будет наказан, – мрачно пообещал Френсис.

– В самом деле? – усмехнулся герцог, – И каким же именно образом? Его неосторожность едва не стоила тебе жизни. Наказание должно быть адекватным проступку.

– Если слуга сознательно покушается на жизнь господина, он заслуживает смерти, – Френсис, наконец, спешился и теперь стоял рядом с колено преклонённым другом, но обращался к отцу, – Вы, Ваша Светлость, ведь согласны с этим?

– Разумеется, – с готовностью откликнулся тот.

И тут вдруг Френсис развернулся к Питу и посмотрел на него так, словно именно его обвинил в случившемся. Пит не дрогнул, лишь сощурился и даже счёл возможным поклониться. После этого Френсис подарил столько же тяжелый взгляд Филу, этот реагировал более нервно, его руки непроизвольно ушли за спину, и он тоже решил выказать молодому господину уважение, склонив голову. Френсис понял, что прав в своих догадках.

– Но если слуга принимает на себя вину за то, чего не совершал, если он соглашается с тем, что, несмотря на независимые от него обстоятельства, всё-таки должен был приложить больше усилий для защиты своего господина, в таком случае речь идёт уже скорее не о наказании, а...

– Сейчас ты скажешь, что намерен его наградить? – в голосе герцога ясно послышалось раздражение.

– Нет, ведь я справился сам, его заслуги здесь нет, – Френсис гордо выпрямился и жестом приказал Анри встать и отойти в сторону.

– Он признал вину, а ты вот так вот прощаешь его... – сделал вывод раздосадованный герцог.

– Вам так сильно хочется, чтобы я собственноручно высек Монсо и тем доказал вам, что связывавшие нас прежде отношения остались в прошлом? Вы так сильно этого желаете, что готовы угробить меня, вашего сына?!

– Что?! – возмутился герцог, – Что за абсурд?! Это возмутительно!!!

– Я бы сказал неслыханно возмутительно!!! – точно в тон отцу воскликнул и Френсис, – Если я не поймал за руку ваших, Ваша Светлость, праиэров, это не значит, что они здесь не причём.

– С ума сойти!!! Мальчик мой, ты переходишь все границы!!! Но я великодушен и готов списать этот бред на только что пережитый шок, – и герцог даже попытался улыбнуться.

– Не стоит, милорд. Я ясно отдаю себе отчёт в том, что говорю, – всё-таки дерзнул возразить Френсис.

– Ты освобождаешь от вины того, кто в ней признаётся, и обвиняешь тех, против кого ничего не имеешь! – Его Светлость тоже начал терять самообладание.

– Это ведь ваши праиэры! Вы не устаете говорить о их

верности вам. Не разумно ли предположить, что они готовы приложить все свои немалые силы, чтобы угодить вам? Так в чём мне их обвинять? В том, что они малость перестарались? – Френсис тоже был зол и даже не пытался это скрыть.

– Довольно! Ты, похоже, забыл, с кем разговариваешь! Ссоры захотел?! – зарычал герцог.

– Нет, – вдруг просто возразил Френсис, – Я лишь хочу сказать, что понимаю вас. Вам не нравится мой праиэр, а я терпеть не могу ваших. Так как же нам быть?

И не ожидавший такой искренности герцог растерялся. Его взгляд рассеянно скользнул по лицам его слуг, злобно сверкнул в сторону Анри, и вдруг возникло решение.

– Возвращаемся во дворец. Я дам нашим с тобой праиэрам возможность самостоятельно разобраться в случившемся и показать нам свою ценность...

С тем герцог взлетел в седло и жестом приказал остальным следовать за ним. На этот раз Анри успел услужить Френсису, придержал его стремя, и так друзья нашли возможность незаметно пожать друг другу руки.

Теперь порядок следования был иным: герцог и два его праиэра впереди, Френсис с Анри позади. Сразу по возвращении во дворец герцог приказал всем своим спутникам явиться в зал для фехтования. Прознавшие про это Рай и Ламороу тоже поспешили туда.

Это был один из тех залов, что ещё помнили времена рыцарских боёв и разгульных пиров, часто перераставших в

кровавую бойню. История замка Бетенгтон была очень драматичной, под стать нравам его владельцев и их приближённых. На каменных стенах были развешены давно выцветшие гобелены, вдоль стен стойки со всевозможным оружием. Высокие окна закрыты незатейливыми витражами, так что даже днём здесь требовалось дополнительное освещение. Вот и теперь слуги поспешили принести несколько факелов и вставить их в крепления на колоннах. Что ещё было примечательным в этом прямоугольном грозном зале, так это наличие небольших притворов с двух противоположных его концов. Эти притворы были отгорожены от основного пространства несколькими ступенями и витыми решётками, и часто использовались прислугой в качестве трибун, давая возможность видеть сражающихся с безопасного расстояния.

Вот и сегодня если главные действующие лица сразу прошли в центр зала, то празднo любопытствующие не решились пересечь границу этих притворов. К слову сказать, Генрих Рай счёл за благо тоже остаться здесь, тогда как Ламороу уверенно присоединился к другим праиэрам.

Окинув зал придирчивым взглядом и оставшись вполне довольным, Его Светлость развернулся к сыну.

– Вот моё решение. Пусть твой праиэр докажет, что он один может заменить моих четверых, точнее ладно, троих. На его счастье Рона, сейчас здесь нет. Если Монсо сможет выстоять, я признаю за ним право остаться, как ты, сын, выражаешься, твоим человеком.

– Вы хотите, чтобы он сражался один против троих? – нахмурился Френсис, – А не станет ли такой расклад унижением для ваших командиров?

– Тебя заботит сохранность гордости моих праиэров? – усмехнулся герцог, – Ты забавный. Но да ладно, он сразится с тремя, но не одновременно, а последовательно. Драться будут боевыми шпагами. До первой крови.

Френсис сокрушённо повёл головой и вдруг усмехнулся:

– Поверьте, Ваша Светлость, это плохая идея. Вы ведь, похоже, знаете, что мой праиэр неуязвим. Зачем же вам унижать своих любимчиков поражением?

– Не уязвим? В самом деле? – герцог выразительно сморщился, – Его отец тоже был якобы неуязвим, но я помню, как замечательно он болтался на рее.

И в сторону Анри метнулся взгляд, исполненный искренней ненависти. Юношу прошиб озноб. Он не помнил своего отца, и слова герцога задели его постольку, поскольку висящим на рее он уже представил себя.

– Да, я знаю, у Монсо есть дар... Но и мои праиэры не мальчишки для битвы. Итак, правила вы уже знаете. А условия таковы – если Монсо выстоит против всех троих моих праиэров, я признаю за ним права твоего праиэра. Если уступит хотя бы одному из противников, он станет моим лакеем. Такова моя воля.

Френсис начал сердиться, уже собрался возразить, но тут внятно расслышал шепот Анри, который всё время этого

разговора держался позади друга:

– Уступи! Я справлюсь! Иначе все эти дни наших мытарств превратятся в ничто!

Френсис замер, нахмурился. И в этот момент взглядом выхватил из толпы зрителей лицо Рая. Тот веско кивнул. Френсис чуть повёл головой в сторону Анри, и Рай снова кивнул. Что ж, меру доверия суждению учителя трудно было переоценить, и Френсис уступил, принял решение, и в этом решении снова обрёл опору для самообладания. Теперь его взгляд обратился к герцогу.

– Ваша воля, милорд, закон. Это я помню и признаю, – молодой герцог даже почтительно поклонился отцу, – Но я всё-таки дерзну напомнить вам ваше же обещание...

– Какое ещё обещание?

– Если Монсо проиграет, и тем самым лишит меня своей службы, мне потребуется другой лакей. Помнится, вы обещали отдать мне в услужение любого другого из своих слуг, даже любого из праиэров. Это предложение ведь всё ещё в силе?

– Во истину, ты мой сын! – вдруг рассмеялся герцог, – Умный мальчик. Хочешь лишить моих людей желания победить? Но вот что я тебе отвечу, дружок, предложения надо принимать, когда их делают, только тогда они имеют силу. А сейчас другой расклад. Ты получишь в лакеи того, кого я сам укажу. Такова моя воля. И хватит болтовни.

И герцог развернулся к своим праиэрам:

– Кто из вас желает первым сразиться к Монсо?

– Позвольте мне, милорд! – тут же вскинулся Фил, – Этот мальчишка мне задолжал.

– В самом деле? Ладно. Пит, ты будешь вторым. А ты, Ламороу, последним. Монсо ловок, но в вашей силе измотать его. И в конце концов на вашей стороне опыт. Так что я жду, что вы добудете для меня эту победу.

Все три праиэра дружно поклонились своему господину, но как по-разному они это сделали: Пит исполнил едва ли не королевский танец, минимум суеты максимум грации; Фил склонился как прилежно обученный представитель третьего сословия, в целом правильно, старательно, но не интересно. А вот Ламороу проявил такое рвение выразить свою верность, что даже опустился на одно колено, точнее рухнул на него. Уже в который раз Френсис подивился такой пестроте праиэров. Но теперь эти люди должны были дружно выступить против Анри, к нему и развернулся молодой герцог.

Анри уже скинул кафтан и взялся расстегивать пуговицы камзола, но, почувствовав внимание друга, прервал это своё занятие, поднял взгляд, и, только теперь заметив склоненных в поклонах праиэров, тоже поспешил поклониться. «Дружище, ты это делаешь не хуже Пита», – грустно заметил Френсис и заставил себя кивнуть в ответ.

Драться поединщики должны были в одних рубахах, белоснежная ткань которых конечно же сразу покажет зрителям алое доказательство победы одного из сражающихся и

проигрыша другого. Пит и Ламороу пока расположились в стороне, у огромного камина. В центре зала остались только Фил и Анри.

А герцог и Френсис отошли к небольшому резному столику, куда услужливый дворецкий Уильям уже принёс кувшин с вином и пару высоких бокалов.

Его Светлость был доволен. В предвкушении занятого зрелища он поднял свой бокал, пригубил его и отдал приказ начинать бой.

– Ну что, парень, я тебя предупреждал, мы ещё с тобой поговорим по душам, – усмехнулся довольный Фил.

– А я и не возражал, – в тон ему ответил Анри и тоже занял боевую позицию.

Ещё мгновение, и Фил бросился в атаку. Но Анри ушёл из-под удара нереально легко. Новая атака, и такой же чистый промах. Усмешка испарилась с лица Фила. Он понял, что перед ним сильный противник, который пока не спешит нападать в ответ, даёт Филу возможность выступить, показать силу. Фил рассердился и обрушил на Монсо целый каскад выпадов. Каждый из них грозил своей цели гибелью, но Анри уклонялся с нечеловеческой лёгкостью, и только последнюю атаку и правда парировал шпагой. А после этого наконец пошёл в ответное нападение, и уже второй его выпад достиг своей цели – рукав Фила покраснел от выступившей крови. Бедолага Фил отказывался поверить в то, что его поединок оказался так краток. Но уже раздался приказ герцога:

– Пит, вперёд!

И в тот же миг Пит сорвался с места. Филу осталось лишь уступить товарищу место. Стиль сражения Пита сильно отличался от стиля Филадельфии, как отличались и их характеры. Пит был скуп не только на проявление эмоций. Его движения были так же предельно точны и лаконичны, вот только скорость оказалась неожиданно высокой. Он шёл и шёл в нападение, заставляя Анри плясать вокруг себя, при этом не давая ни малейшего шанса для ответного выпада. Пит атаковал, умудряясь при этом сохранять глухую оборону. Анри продолжал без особых проблем уклоняться, не переставая благодарить своих предков за то, что они подарили ему такой талант к выживанию. Но всё-таки не в его интересах было затягивать эти танцы. Так как Пит окружил себя удивительно крепкой защитой, стало ясно – пробить её возможно, только решившись на риск проигрыша. И Анри рискнул. Он сделал вид, что открылся, а сам тут же сделал выпад, и вот уже рука и этого праиэра окропилась-таки кровью.

– Ламороу! – тут же рявкнул герцог.

Но это было излишним. Его праиэр-альбинос, сейчас сильно смахивающий на бультерьера, уже и сам ринулся на врага. Пит едва-едва успел убраться с его пути. Ламороу был крайне зол, но эта злость не лишила его способности соображать. Он, как и его товарищи, тоже оказался искусным мастером шпаги, и он смог сделать должные выводы из того, что увидел в предыдущих двух сражениях. Потому решил

не уходить в оборону, а просто задавить Анри силой своего напора. Благо Питу всё-таки удалось измотать Анри, о чём говорили и взмокшие от пота волосы юноши, и тяжелое дыхание.

Да, Анри устал, у него не было ни желания, ни сил затягивать это сражение, и в этот раз он принял иную стратегию. Раз уж Ламороу уповаает на силу, так тому и быть. Анри припомнил то из уроков, преподанных некогда Раем, в которых учитель показал ученикам, как обращать силу противника вспять. Анри почти сразу допустил Ламороу предельно близко к себе, так что праиэр испытал сильнейшее желание двинуть врага кулаком в челюсть, но Анри хитрым образом перехватил этот удар, словно прогнулся под него, а уже в следующий момент ничего непонимающий Ламороу перелетел через колено Анри и рухнул навзничь. Монсо, недолго думая, чиркнул его шпагой по руке и отступил на несколько шагов прочь. Дело сделано.

Краткость сражения и очевидность поражения невероятно разозлили Ламороу. Он вскочил на ноги и уже был готов броситься на Анри, чтобы растерзать обидчика в клочки, но этот его порыв пресёк приказ Френсиса:

– Закончили! На этом всё!

Дышащий огнём Ламороу медленно развернулся к герцогу, но того душевные муки его первого праиэра никак не волновали. Взгляд Его Светлости был устремлён к толпе зрителей, собравшихся в притворе, а точнее к Генриху Раю. Тот

был удовлетворён увиденным, но нашёл силы не демонстрировать своё торжество. Герцог и так всё понял. Что ж... Его Светлость снова обратился к сыну:

– Теперь я хочу, чтобы ты сам сразился со своим праиэром, и показал, что обучен сражаться не хуже его.

– С удовольствием, но завтра, – легко согласился и тут же возразил Френсис, – Сейчас ваши люди, отец, измотали его. А мне такая фора не нужна.

– Хочешь сказать, что обладаешь таким же даром? – сощурился герцог, – Ты так же быстр и ловок?

– Нет, не так же. Но я обучен противостоять этому дару. Десять лет сражений с лучшим в обучении у лучшего не могут не дать свои плоды. Так что завтра. А сейчас время обеда, вы не находите?

– Может быть... Но всё же я желаю уже сейчас убедиться в том, что твой праиэр готов выполнить любой твой приказ. Пусть докажет!

Френсис не скрыл свое раздражение, но всё-таки согласился, жестом подозвал к себе Анри, сделал это точно в духе герцога, с величественной небрежностью. Анри изобразил полную покорность, быстро подошёл и склонил голову.

– Вот тебе мой приказ, – обратился к нему Френсис, чуть растягивая слова, снова весьма похоже на стиль герцога, когда тот обращается к слугам, – Ты не станешь уклоняться от моего удара. Стой смирно.

Анри послушно выпрямился. Все его внимание сосредото-

точилось на глазах его господина. А тем временем Френсис чуть отстранился, замахнулся от плеча, и его кулак с такой силой и скоростью пошёл в сторону лица Анри, что достигни он своей цели, то неминуемо опрокинул бы на пол, а то и челюсть сломал бы. Но этот кулак всё-таки остановился около щеки Анри, буквально на расстоянии человеческого волоса. А Анри, так даже не шелохнулся, ни малейшей попытки уклониться, разве только пару раз моргнул.

Этот трюк произвёл большое впечатление на зрителей. Фил даже открыто охнул, воздавая должное самообладанию воспитанников Рая. Ламороу от изумления открыл рот, а Пит резко сложил на груди руки и отвернулся. В отличие от своих праиэров герцог смог справиться эмоциями, он лишь сощурился и поинтересовался:

– Но ты всё-таки не ударил его. И, похоже, он знал, что так будет. Это...

– Вы велели продемонстрировать его верность, а разве ж она возможна без доверия? Взаимного доверия? – просто возразил Френсис и посмотрел на отца так, что тот решил оставить возражения при себе.

* * *

Френсис и Анри скрестили шпаги во второй половине того же дня. Это был славный бой. Отлично знающие друг друга противники затеяли нечто вроде игры. Речь была о выявлении лучшего не в искусстве владения шпагой, а в тактике ведения боя. Как и сказал ранее Френсис, он и правда ока-

зался обучен противостоять дару своего друга, и бой шёл на равных. Герцог и его праиэры наблюдали за поединком, как заворожённые. Даже Пит на это время простился со своей маской бесстрастности, даже на его лице открыто читался и интерес, и восхищение увиденным. Что уж говорить о Филе и даже сердитом Ламороу? Этот последний ясно узнавал стиль Генриха Рая, как, впрочем, и герцог.

– Если это и называется школой легендарного Генриха Рая, то я, наконец, готов признать, что его слава не дутый пузырь, – не удержался Фил, позволил-таки себе дать такой комментарий.

Обращался он прежде всего к Питу, но услышали его и Ламороу, и герцог. Первый нахмурился пуще прежнего, а второй процедил сквозь зубы:

– Да, но научен должен был быть только мой сын.

Надо отдать должное Его Светлости, он снова нашёл силы совладать с подступившим было гневом. С этого момента жизнь во дворце Бетенгтон снова претерпела изменения. Герцог приказал, чтобы Анри стал учителем для остальных праиэров. Уклониться от этого приказа не было никакой возможности.

– Почему это должен делать я, а не учитель?! – тихо взвыл Анри, когда смог остаться наедине с Френсисом.

– Отец решил держать учителя на расстоянии, и остаётся верен себе. А что касается тебя... Отец хочет, чтобы его праиэры научились побеждать тебя. Учить тех, кто при первой

же возможности направит шпагу против тебя... – Френсис сокрушённо вздохнул, – Дружище, ты справишься?

Анри вынужденно кивнул и улыбнулся в ответ.

А сам Френсис всё так же был скован вниманием Его Светлости, и со стороны могло показаться, что эти двое смогли-таки найти полное взаимопонимание. Теперь их общение выглядело обоюдно приятным. И, даже несмотря на разительное внешнее отличие, они стали походить друг на друга, такова уж сила языка жестов и манеры речи. Френсис превзошёл сам себя, сумев снять с отца точную кальку его привычек и склонностей. И только Анри знал, как надоела эта игра его другу.

Будучи по своей природе человеком открытым, искренним, Френсис быстро устал от такой двуликой жизни. Его душу раздирали очень противоречивые эмоции – это и досада на то, что он никак не мог найти в отношении отца даже тени симпатии, и вина за это же, и злость на строптивую неуступчивость герцога в отношении желаний и симпатий сына, и отчаяние от осознания собственного бессилия изменить это, от необходимости прогибаться под ненавистные правила.

Только теперь Френсис в полной мере осознал, сколь многое дал ему учитель, окружив мудрой заботой и вниманием, которые вдохновляли, дарили крылья, позволяющие не только мечтать, но и реализовывать эти мечты. Во всяком случае, вера в то, что всё лучшее и правда возможно, стоит только по-настоящему этого захотеть, приложить к этому необхо-

димые усилия – такая вера была крепка. В таком мире жил он до недавних пор, и его душа отказывалась принять мир герцога Бетенгтона, как отказывалась и дальше вести игру в прядки с ним – она начала поднимать бунт. И неизвестно, во что вылился бы этот бунт, если бы вдруг не случилось то, о чём Рай говорил почти с самого первого дня возвращения герцога. Господин Бетенгтона приказал Раю покинуть дворец.

Посмотреть со стороны, ничего особенного в этом отъезде, казалось, не было. Рай получил от герцога какое-то поручение и отбыл в Туманную Гавань, но перед отъездом учитель решился зайти к Френсису. Личный визит, пожалуй, впервые за последний месяц. Так вышло, что Анри в тот момент рядом не оказалось.

– Что случилось, учитель?! – встревожился юноша.

– Я уезжаю и пришёл проститься, – взгляд Рая был тяжёл и печален.

– Когда? Куда?!

– Сейчас. В Туманную Гавань.

– А когда обратно?

– Через день, возможно... Дело мелкое, даже слишком.

– Этот отъезд... Вы предсказывали его ещё месяц назад...

– тут же припомнил Френсис, и по спине юноши побежали мурашки: «Тот самый отъезд?! Нас разлучают?!»

Рай без труда прочитал этот немой вопрос в синих глазах воспитанника и улыбнулся:

– Я хотел просить тебя не драматизировать, но... Видишь ли, у меня и правда плохое предчувствие.

– Учитель, прошу вас, говорите прямо, как есть! – и Френсис решительно подошёл ближе, требовательно заглянул в глаза старому другу.

Улыбка того стала и теплее, и тревожнее:

– Если я прав, то мы и правда увидимся очень нескоро.

– Вы сказали, через пару дней...

– Да, конечно... Это нервы, дружок, не обращай внимания, – Рай замялся и вдруг вскинул голову, заговорил с неожиданной горячностью, – Просто мне приснился очень плохой сон: что я увижу вас с Анри очень нескоро и не здесь. Тех мест я не знаю... И встреча-то будет какая-то странная, Анри был где-то рядом, но я видел только тебя, при этом ты меня не заметил... И над всем этим чувствовалось дыхание смерти... Потом, или перед тем... во сне ведь нет понятия времени, я видел Анри на эшафоте, а тебя, связанного по рукам и ногам, неподвижно лежащим в пыли... А потом... Потом ещё хуже: сумрак ночи, лица сокрытые масками, боль, предательство, кровь... ещё более ужасное ожидание... выпивающее все жизненные соки ожидание и... неопределённость. И вдруг всё вспыхивает адским огнем...

– Но в самом начале вы же сказали, что мы увидимся! – напомнил Френсис, весьма удивлённый и смущённый услышанным.

– Да, но вы уже будьте другими людьми. Да и если слу-

чится хотя бы половина из привидевшихся мне кошмаров, разве ж эта встреча возможна?!

И в глазах страшно встревоженного Рая даже показались слёзы.

– О да! Мы увидимся, учитель, и, уверяю вас, это случится на этом свете! – горячо вскинулся Френсис, – А всё, что вы мне сейчас рассказали, это лишь сон: сплошной набор символов! Вы очень переживаете, вот сон и оказался таким беспокойным. Да, кстати, я вспомнил... знаете, что писал Ибн Хали в своём трактате на толкование снов? Этот умнейший человек полагал, что сны надо понимать наоборот, то есть чем хуже сон, тем больше добра он сулит.

– Может быть, и так, но что-то мне говорит, что это явилось мне предостережением...

– Дорогой учитель, вы изведёте себя такими тревогами! Прошу, призовите на помощь разум! – и Френсис даже прикоснулся к руке Рая, – Поверьте, вы отлично подготовили нас с Анри. Вы сами ни раз говорили, что нам всё под силу... И о своём отъезде вы пророчествовали уже давно. Просто... Значит настал час перемен. Что ж, тем лучше! Скажите только, вы-то... вы справитесь? Если отец вздумает причинить вам вред... Вы говорили, что он затаил обиду...

– О нет, сынок, на этот счёт не волнуйся. Я справлюсь, – и Рай благодарно улыбнулся в ответ.

– Отлично! Тогда и мы с Анри справимся! Не сомневайтесь!

Светлая улыбка Френсиса, мягкий свет его ярких синих глаз растопили-таки лёд печали, готовый сковать душу Рая:

– Да, сынок. Ты прав, забудь! Забудь всё, что я тебе сказал, и давай пожелаем друг другу не заметить, как пролетит то время, что я буду в Туманной Гавани. Обещаю, я там долго не задержусь.

Рай уехал, но этот разговор оставил тяжёлый осадок в сердцах обоих его участников. Учитель верно пророчествовал о своём изгнании из Бетенгтона. Пусть его сон и можно признать кошмаром растревоженной души, но вот о другом пророчестве всё-таки пришлось вспомнить с большей серьёзностью. Рай был уверен, что планы герцога на счёт Френсиса и Анри начнут проясняться именно тогда, когда прозвучит приказ учителю покинуть дворец. Так оно и вышло...

Глава 04. Взыскать долг.

Утром следующего дня Френсис получил приглашение явиться на завтрак не в голубую столовую, а в спальню герцога. Явиться туда он должен был без Анри.

«Неужели и правда началось?» – Френсис поймал себя на этом предчувствии вряд ли приятных перемен и внутренне собрался. «Учитель отправился в Туманную Гавань смело, уверенный в своих силах. Я тоже должен быть смелым!» – так, подбадривая сам себя, Френсис шёл на встречу с отцом, но волнение упорно мешало ему выровнять дыхание.

В спальне герцога царил полумрак, вещи хаотично разбросаны. Такого беспорядка в покоях Его Светлости Френсис не заставал ни разу, и уже одно это могло вызвать сильное беспокойство. Это беспокойство только возросло, когда Френсис увидел смертельно бледного герцога. Тот сидел в высоком кресле у камина и, казалось, дремал, но звук шагов вошедшего сына, заставил его встrepенуться.

Герцог встретил Френсиса как всегда радушно, но было видно, что сегодня он чем-то сильно опечален и не пытается скрыть это.

– Что-то случилось, отец? – решился спросить юноша.

Его Светлость горько поджал губы, ответил не сразу, ему потребовалось время, чтобы всё-таки озвучить это:

– Ты знаешь, что... я болен?

– Больны!?! – в первый момент Френсис не поверил своим ушам, но тут припомнились случаи, когда его отец вдруг начинал кашлять, или тяжело дышать. Всё это были лишь эпизоды, которым сам герцог не придавал значения, потому и Френсис не относился к ним серьёзно. «Но что, если всё гораздо сложнее?!» – мысленно напрягся юноша, а вслух уточнил, – Вам стало хуже?

– Да, – вздохнул герцог и вдруг взорвался, – И надо же было этому случиться именно сейчас! В какой-то миг развалился как старая колода! Зла не хватает!

– Отец, что...

Но тут герцог едва ли не позеленел и судорожно схватился за сердце. Френсис бросился к нему, но не представлял, как помочь. «Позвать лекаря?! Но сегодня его точно нет во дворце!!!» – юноша начал лихорадочно искать выход из этого кошмарного положения, но к счастью, герцогу стало легче уже через минуту с небольшим.

– Как вы себя чувствуете?! Лучше?! – воскликнул перепуганный Френсис.

– О да, слава богу, отпустило...

– Признаться, я даже мысли не допускал...

– До сих пор я держался, как мог. Но всему есть предел. Дай мне воды, сын.

Френсис поспешил выполнить просьбу, и вот уже герцог принял бокал и сделал несколько больших глотков.

"Ему на самом деле очень плохо!" – тем временем думал

юноша, и таким безобидным, несчастным казался в эту минуту герцог, что сердце Френсиса сжалось, он уже не мог, просто отказывался верить, что у этого больного человека может быть нечисто на душе. Он дворянин, избалованный вниманием и славой кавалер, он просто человек со своими недостатками...

А тем временем герцог печально улыбнулся и вернул бокал:

– Не вовремя я тебя позвал, сын. Но раз уж всё так скверно, лучше не затягивать.

– Не волнуйтесь, прошу вас! Ещё воды?

– Нет, благодарю... Лучше помоги мне перебраться на кушетку.

Опираясь на крепкую руку сына, герцог превозмог охватившую его слабость и с большим трудом преодолел разделяющее кресло и кушетку расстояние. Какое-то время он был недвижим, не подавая каких-либо признаков жизни, а Френсис почти перестал дышать, сляясь различить звуки дыхания отца. Наконец, герцог открыл глаза.

– Да, сын, время не терпит, – и голос его был необыкновенно слаб, – На столе лежит лист, прочти его.

Френсис повиновался. Это оказалось завещание! Герцог оставлял всё своё состояние своему сыну. Фрэнк всегда был уверен в том, что является единственным наследником, но всё-таки был тронут до глубины души.

– Ваша Светлость! Отец!

– Это сегодня же уйдёт к нотариусу, – голос герцога звучал слабо, то и дело прерывался хриплым громким дыханием, – Хотя это я успел сделать... Беспечная юность сейчас от меня, от старика, требует слишком много и слишком много мне задолжала...

– Почему вы заговорили о старости, отец? Вам ведь только сорок пять! – честно постарался взбодриться юноша.

– Ох, сын, это очень немало... – благодарно усмехнулся Его Светлость, – Может быть, на вид я ещё силён и крепок, но внутри совсем сгнил... Как же теперь я посмотрю в глаза Арабеллы?

– О чём вы, отец?! – и правда не понял Френсис.

– Что ты знаешь о своей матери, сынок?

Юноша растерялся.

– Что она умерла при родах...

– Да, но ты должен знать, что в этот мир тебя привела самая прекрасная из когда-либо живших на земле женщин. Это была богиня... – голос герцога надломился, и дальше, казалось, он доносился с другого света, – Я помню каждое мгновение, проведённое рядом с ней, каждую черточку её лица, рук... О, эти руки, каждое их движение манило своей изысканной простотой и изяществом. Стройный, гибкий стан горной лани, воистину королевская осанка... Это неповторимое движение её очаровательной головки, когда какой-нибудь непокорный локон осмеливался коснуться её лба. У неё были твои волосы, Фрэнк. О, Арабелла! Её улыбка

могла свести с ума кого угодно. Когда эти алые губки смягчались и обнажали ослепляющие своей белизной зубы, я был готов поверить, что достиг в этой жизни всего, о чём только смел мечтать. Арабелла!.. Любимая!!! Не смотри на меня так, дорогая! Я преклоняюсь перед тобой, я твой раб, богиня!.. Боже, что я потерял, лишившись тебя!!

Полностью отдавшись этим страстным воспоминаниям, герцог и не заметил, как быстро его глаза наполнились слезами, а губы начали дрожать. А потрясённый всем услышанным Френсис уже не находил сил сдвинуться с места. Никто, никогда не говорил ему о его матери, порой он даже сомневаться, была ли вообще на свете такая женщина. И вдруг...

– Арабелла... Как я посмотрю ей в глаза?... – снова всхлипнул герцог.

– В чём вы вините себя, отец? Скорее это мне надо молить её о прощении! – воскликнул юноша.

– Что ты! Что ты, сын!!! Ты здесь ни при чем. Тебе лгали всё это время. Она умерла спустя два года после твоего рождения...

– Что?! Зачем?! – изумился юноша.

– Ты спрашиваешь, зачем тебя обманывали? – горько усмехнулся Его Светлость, – Просто никто не хотел ворошить старое, и в первую очередь я, считая, что всё сделал, как надо, а её не вернёшь. Но... Ох, я так жестоко обманулся! Оказывается, она до сих пор не отомщена!

– Отец!..

– Да, сын, слушай своего недостойного отца. Я не смог отомстить за неё! Горе на мою голову!!!

– Отомстить?! Кому?! За что?! Прошу, расскажите! – потребовал юноша и тут же придвинул свой стул ближе к кушетке отца.

– Да, я расскажу. Теперь я готов это сделать... О, Арабелла! – уже в который раз всхлипнул герцог и уже в следующую секунда полностью ушёл в мир своих воспоминаний, – Я говорил, что она была невероятно красивой женщиной... Да, она была прекрасна и телом, и духом! Порой мне даже казалось, что от неё исходит прямо-таки божественное сияние... И как же я был счастлив не просто любоваться ею, но быть рядом с ней, быть для неё верной опорой. Она называла меня своим кумиром, говорила, что безумно любит меня. О, как же я был счастлив в те годы! Это меня и ослепило... Решив сделать ей подарок ко дню рождения, я взял её с собой во Фрагию. Для неё это было первое путешествие за границу, и оно обещало быть ярким на впечатления. Признаюсь, я был уверен, что она покорит фрагийский двор, и не ошибся в этом, но на этом и погорел. Как выяснилось, я плохо знал фрагийцев...

Герцог сделал несколько судорожных глотков и тут же вернулся к прерванному рассказу:

– В неё влюбился один молодой граф, воспламенившая его сердце страсть лишила его рассудка. Я дважды дрался с этим графом на дуэли, но это ничему его не научило. Вторая

наша с ним схватка стала известна властям. Его заточили в тюрьму, откуда правда он вышел уже на следующий день, конечно же, заплатив огромный денежный штраф. А я получил предписание в течение трех дней покинуть пределы Фрагии. Признаться, я уже и сам только о том и думал, как бы убраться из этой проклятой страны. Мой противник казался невменяемым. Шпагой он владел не хуже меня, и, что скрывать, я сильно надеялся, что хоть расстояние подействует на него отрезвляюще. Но... В ночь нашего отъезда из столицы Арабеллу выкрали. Я искал её всю ночь и следующие три дня. Кляня себя на чём свет стоит, я метался по Фонтэнжу, но всё безрезультатно. Не мог я найти и графа. Он тоже исчез. Но на исходе третьего дня этот гад вдруг объявился при королевском дворе. Конечно же, услышав об этом, я рванул туда, я должен был с ним поговорить, но не смог. Несмотря на мой титул, мне указали на дверь, мол негоже иностранцам так неуважительно относиться к королевской воле, ведь мне давно полагалось покинуть Фрагию. Даже больше того, меня выдворили из Фонтэнжа под конвоем! Неслыханно! Хотели так и проводить до Грандона, но я сбежал. До тех пор, пока я не нашёл Арабеллу, никакая сила не могла заставить меня покинуть Фрагию... её нашли ещё через день, в реке... Она утонула... А чуть позже мне принесли от неё записку...

И Его Светлость указал на ящик в секретере:

– Открой его, сын, справа ты найдёшь пожелтевший листок бумаги...

Френсис, как оглушённый, подошёл к секретеру и взялся за ручку всегда закрытого ящика. Уже через секунду он держал в руках и правда потемневший от времени клочок бумаги.

"Любимый, я не могу к тебе вернуться. Я не смогу смотреть в твои глаза и в глаза нашего сына. Граф добился своего. Эти дни были сплошным кошмаром. Прощай, дорогой.

Люблю и потому ухожу

Твоя Арабелла.

Береги сына, я буду с тобой через него

Прощай"

Френсис прочёл эти строки дважды и даже не заметил, как мир перед его глазами стал мерцать, как это бывает, если смотреть на него сквозь слёзы. Принять такую правду юноша не мог, это оказалось слишком больно. И, словно в поисках опоры, от снова поднял глаза к отцу. Тот ждал этого, но оказался не в силах ободрить сына, ибо и сам жестоко страдал.

– Я... Я нашёл графа и... Да, все эти годы я думал, что убил его... – всхлипнул герцог и замолчал.

– А теперь вы не уверены в этом? – юноша с великим трудом выдавил этот вопрос из, как оказалось, пересохшего горла.

– Он жив, Френсис!!! – вдруг взорвался герцог, заставив сына вздрогнуть, – Жив, чёрт его побери! – и герцог вновь схватился за сердце, с трудом перевёл дыхание, – И надо же было мне так сдать!.. Я меньше двух месяцев в Бриании...

При дворе нашего короля я встретил посла Фрагии и в беседе с ним неожиданно узнал, что граф жив и процветает. Не передать словами, каким шоком для меня стало это известие! Конечно же я сразу же решил отправиться во Фрагию, уже утром следующего дня, но в Туманной Гавани у меня случился страшной силы сердечный приступ и... Я решил повернуть домой. Подумалось, что родная земля восстановит мои силы, и даже, кажется, так и оно получилось. В тебе, сынок, в самом деле жива Арабелла. Признаюсь, поначалу, я боялся тебя, но потом понял, что, отталкивая тебя, я отрекаюсь от твоей матери, и я победил эту свою слабость. Арабелла жива и по-прежнему молода, а я стар, чёрт меня побери! Вот так, я дал себе волю расслабиться и сломался. Арабелла... – и из горла герцога вырвался глухой стон, сильно похожий на рыдание.

– Отец, вы забыли кое-что сказать! – голос Френсиса прозвучал жестко, чуть надломлено.

Герцог чутко уловил эту болезненную интонацию сына и поднял на него непонимающий взгляд.

– Вы не назвали имя графа! – в голосе юноши уже ясно слышались металлические нотки.

– Разве? – удивился герцог, – Хотя что здесь странного, даже произносить противно!

– И всё же, – настаивал Френсис.

– Граф... – герцог как будто не решался вымолвить имя, которое больше тысячи раз повторял мысленно. Оказалось,

что словам ещё надо пробиться через прочную стену, о существовании которой герцог раньше и не подозревал. Но, наконец, он справился с собой, – граф де Лаган, чёрт бы его побрал!!!

– Отлично! Берегите себя, отец, а я найду его и убью! – сказал, как отрезал, Френсис и тут же поднялся со стула.

– Нет!! Ты слишком молод, а он очень опасный враг! – всполошился герцог.

– Я давно вырос, и я сумею постоять за поруганную честь моей матери!

– Да... Но я не могу тебя отпустить! Я никогда не прощу себе, если с тобой что-нибудь случится! Это моё дело! Фрэнк, на... – и герцог вдруг разразился страшным кашлем, а на губах его даже показалась кровь.

– Я закончу начатое вами дело. Доверьтесь мне! – произнес Френсис сразу, как стало ясно, что этот приступ отпустил страдальца, и герцог снова способен слышать и видеть сына.

– Фрэнк... – герцог явно хотел что-то возразить, но вдруг осёкся, – Впрочем... Что уж тут?.. Я доверяю тебе сын. Ты и правда вырос, возмужал, стал превосходным воином. Я признаю это! И скажу даже больше, уже миновало несколько дней с того момента, как я впервые серьёзно задумался о том, чтобы разделить с тобой это бремя. Да будет так! Мы вместе покараем убийцу твоей матери. Мой недуг не станет в этом помехой. Поверь! Я справлюсь с ним очень быстро.

– Я могу сделать всё сам!

– Ох, горячность молодости. Погоди, попридержи коней! Обещаю, я позволю тебе развернуться. Скажу даже больше, к нашему путешествию во Фрагию уже почти всё готово. Пришло время поставить точку в этой истории. В Туманной Гавани нас ждёт готовая к отплытию "Святая Елена", это трехмачтовое судно с белым корпусом, очень удобными каютами для гостей и, что важнее всего, его капитан преданный мне человек. Я отправил Генриха Рая вперёд, чтобы он проверил готовность корабля к отплытию.

– Учитель поедет с нами?! – и Френсис даже не попытался скрыть свою радость по этому поводу.

– Я ещё не решил... – тут же чуть отстранился герцог, – С одной стороны, почему мы должны оставлять в стороне такого бывалого воина, как твой наставник? С другой – ведь надо на кого-то оставить Бетенгтон, и в этом Рай лучший, – и герцог улыбнулся с искренней благосклонностью, – Хочешь расскажу, что нас ждёт дальше?

Френсис вновь сел, готовый не пропустить ни одного слова.

– Решив сделать передышку в Бетенгтоне, я всё-таки не терял время зря. Ты знаешь, что я отправил Рона во Фрагию. Ему поручено собрать об этом графе необходимую нам информацию. Он выполнил приказ.

– А что именно вам уже известно про этого графа? Где расположены его владения? Насколько он богат и влиятелен?

– Да, он богат и пользуется почётом при дворе фрагийского

короля. В столице на набережной Съены у него есть большой дом, как раз напротив зимнего королевского дворца. Его поместья разбросаны в долине Луры, так что найдём... В Грандоне мы встретимся с Роном, и тогда наметим более чёткий план действий. Вот такие дела.

Френсис согласно кивнул, встал, возбужденно прошёлся по комнате и вдруг вскинулся, развернулся к отцу с таким видом, словно принял какое-то важное решение:

– Ваша Светлость, позвольте просить вас о милости.

– Что ты хочешь? Говори же, сынок! – и герцог выразил полную готовность слушать сына.

– Отдайте мне это письмо мамы! Клянусь, я сохраню его!

У вас есть воспоминания о ней, а у меня нет совсем ничего...

– Ты правда хочешь этого? Это письмо... такое горькое...

Я бы хотел вручить тебе что-то более радостное, например...

– И я буду рад принять от вас всё, что угодно. Но сейчас...

– и Френсис указал на письмо, – Это самое важное! Пока мы не разберёмся с графом де Лаган, ничто иное не имеет значения!

И герцог уступил, согласно кивнул:

– Я счастлив найти в тебе такое понимание. Воистину, у тебя благородное сердце! Что ж, готовься к отъезду. Думаю, мы отправимся в путь уже через пару дней...

– Что?! Так нескоро?! – тут же снова вспыхнул Френсис, –

Вы же говорите, что всё готово...

– Мое здоровье, сынок, – герцог виновато улыбнулся в от-

вет, и тем заставил Френсиса смутился его горячности, но юношеский пыл не сбавил накал, просто принял новое направление:

– Необходимо, чтобы вас как можно скорее осмотрел лекарь! Позвольте я лично съезжу за ним в Туманную Гавань.

– Ты? Лично? В Туманную Гавань? – герцог не скрыл усмешку, – Скажи уж прямо, тебе так не терпится увидеть «Святую Елену»?

Френсис смущённо поджал губы и всё-таки кивнул.

– Что ж, – Его Светлость снисходительно улыбнулся, – Я всё-таки приму это как знак твоей заботы обо мне и о нашей теперь общей цели. Фил и Пит сопровождают тебя в этой поездке.

– Как вам будет угодно, отец! Ваше самочувствие... Вы уверены, что сможете дождаться моего возвращения?

– Конечно, я в этом уверен настолько, что велю тебе не привозить сюда нашего лекаря. Просто передай ему мой приказ быть готовым к отплытию вместе с нами. Если у него важные дела в Туманной Гавани, пусть скорее заканчивает с ними. Вот так... Прогуляйся к морю и возвращайся. Не забывай, это наше общее дело. И пересечь пролив мы должны вместе! А теперь ступай. Я плохо спал, и сейчас хотел бы немного вздремнуть.

Френсис встал и почтительно поклонился Его Светлости.

* * *

Выйдя от отца, молодой герцог сразу распорядился пере-

дать Монсо приказ приготовить коней к отъезду, а сам тем временем отправился в свои покои сменить одежду с домашней на дорожную. Он уже был полностью готов отправиться в путь, а Анри всё ещё не появился. Неожиданная заминка вызвала раздражение, которое стало быстро нарастать, но Френсис успел поймать себя на этом чувстве раньше, чем потерял самообладание. «Ничего страшного. Могу и подождать», – вразумил он сам себя и присел на кушетку. Перед его мысленным взором всё ещё стояло лицо отца. «Он болен, но скрывал это от меня!.. И как сильно он любил... Нет, до сих пор любит маму!!!» – и Френсис тут же достал из кармана предсмертную записку своей мамы, ещё раз перечитал её. Как же горько, как больно сердцу! Вот оно, свершилось, он конец-то обрёл хоть что-то некогда принадлежавшее его матери! Но почему этим первым откровением, даром, стала именно эта боль?!

– Ваше Сиятельство! – воскликнул ураганом ворвавшийся в комнату Анри, – Я страшно извиняюсь за то, что заставил вас ждать! Кони готовы для вашего выезда. Прошу, дайте мне только пару минут, чтобы переодеться!

Так, громко отрапортовав, Анри плотно закрыл за собой дверь, рухнул на стул прямо перед Френсисом и вдруг выдал:

– Судя по твоему лицу, герцог изобразил больного даже очень убедительно, но ты всё-таки слишком-то не увлекайся!

– Что ты сказал?! – изумился Френсис.

Анри придвинулся ещё ближе и пуще прежнего понизил

голос:

– Мне удалось подслушать разговор Филадельфия с Полем Ляру, так что я в курсе того, что герцог изобразил больного и воспламенил твою душу жаждой мести к некоему фрагийскому графу. Так?

– Изобразил больного?! – всё ещё отказывался верить своим ушам молодой герцог.

– Это слова Филадельфия. И что гораздо важнее, так это то, что учителя в Туманной Гавани мы не найдём! Ещё накануне Поль ездил туда с приказом к Гарри Патерсону повязать учителя. По замыслу герцога, ты больше не должен встретиться с Генрихом Раем. Никогда!

– Что?! погоди... Но... Отец сказал, что берёт его с нами во Фрагию! Может быть, берёт... – сказанное другом отказывалось укладываться в сознании молодого герцога, – Анри, ты точно что-то перепутал! Мы едем во Фрагию ВСЕ ВМЕСТЕ!

– Ты меня вообще слушаешь?! – рассердился Анри, – Дружище, скажи мне, какой резон Филадельфию и Полю в приватном разговоре врать друг другу?

– А почему ты не допускаешь мысль, что был замечен ими, и они так над тобой посмеялись? – нахмурился Френсис.

– Так... Ладно, рассказывай, что именно сегодня произошло там, в спальне герцога. А я пока переоденусь... – распорядился Анри, словно он здесь был не лакеем, а господином.

Френсис поймал себя на этом наблюдении, усмехнулся комичности ситуации и... подчинился. Он прошёл вслед за другом к его комнате, и пока тот быстро менял платье, Френсис кратко поведал ему трагическую историю гибели своей мамы, а в финале показал её последнее прощальное письмо. Ошеломлённый Анри даже не решился взять это письмо в руки, так и прочёл его на расстоянии.

– И как имя этого фрагийского графа? – Анри поднял на друга удивлённый взгляд.

– Граф де Лаган.

– Ага. Ясно. Значит вот кого ты должен убить, – Монсо тряхнул головой и едва ли не хлопнул в ладоши, – И снова учитель оказался прав...

– Прав?! – Френсис осёкся, он просто не поспевал за переменной настроеня друга.

– Что? Хочешь сказать, что уже забыл, как учитель предрекал о том, что твой отец пожелает, чтобы ты кого-то убил, и случится это сразу после того, как его, Генриха Рая, выставят из дворца?! Френсис, я знаю, у тебя отличная память!

– Да, не жалуюсь. Но... – молодой герцог упрямо повёл головой, и Анри понял, что его друг и правда в смятении.

– Похоже, Его Светлость превзошёл себя, – понял Анри.

Он схватил друга за плечи и заставил посмотреть себе в глаза:

– Фрэнк, умоляю, не спеши с выводами... Здесь слишком много совпадений с тем, что говорил учитель... И, услышь

меня, он сам сейчас в опасности!

– А что, если всё-таки тебя разыграли, а сам учитель ошибся? – вдруг взвился Френсис, – Ты совсем не допускаешь такую мысль?!

Анри нахмурился, отстранился, горько сжал губы и вдруг вскинулся:

– А давай проверим! Давай навестим Патерсона без Фила и Пита.

Френсис не спешил с ответом, но Анри уже и не пытался скрыть, как ему нравится такой план:

– Что бы там не сказал Его Светлость, Фил и Пит – это другая песня. Они нам задолжали. И сейчас выдался такой удобный случай поквитаться с ними. Ну же, соглашайся!

И Френсис не устоял, согласно кивнул. Мысль поквитаться с этими двумя праиэрами была и его пламенным желанием. Друзья уже давно выяснили во всех деталях, что и как тогда, у реки, сделали эти двое. Упустить такой шанс выплатить долг?.. Это слишком уж соблазнительная возможность! Значит решено.

В самом деле, Фил и Пит, полностью готовые к отъезду, уже поджидали молодого господина на крыльце. В этот раз эти двое сочли за благо одеться много скромнее, чем в день их первого появления в Бетенгтоне. Приняв во внимание, что Френсис предпочитает в одежде некоторый аскетизм, праиэры разумно рассудили, что слуги не должны выглядеть богаче господина, поэтому облачились в добротное дорож-

ное платье, без каких-либо признаков формы гвардейцев и украшательств. Это должно было быть проявлением тактичности, во всяком случае, Френсис признал этот факт таковым и оценил его. Он вообще испытывал к этим двум праиэрам смешанные чувства, замешанные на раздражении и симпатии. «Что ж, всё-таки раздражение пока сильнее. Вот взыщу с них долг, а там и посмотрим», – мысленно усмехнулся Френсис и обратил взгляд к коням. Их оказалось на два больше ожидаемого числа.

– Вы берёте с собой ещё кого-то? – тут же вслух предположил он и развернулся к Филу.

– Да, братья Ляру Поль и Жак поедут с нами, – и Фил широким жестом указал на двух гвардейцев, которые сейчас держали за поводья каждый по два коня.

При этом Вихря и Миража, коней Френсиса и Анри, держал за поводья главный конюх дворца Пол Эквайн. Анри уже поспешил к нему, чтобы освободить его от этих забот, а Френсис зацепился глазами за братьев Ляру и снова обратился к Филу:

– Мне достаточно вас двоих. Не хочу брать с собой так много людей.

– Так это мы их берём, а не вы, – усмехнулся Фил, – Они превосходные лакеи, отлично позаботятся и о нашем пропитании, и о наших конях.

– Примите это как знак нашего почтения и уважения, – вдруг вступил в разговор Пит, и даже поклонился, – Вы ведь

не хотите взвалить все эти заботы на плечи одного Монсо?

Теперь Френсис удостоил вниманием и этого праиэра, вот уже в который раз удивляясь скудности мимики его лица. Будучи, очевидно, моложе Фила, Пит всегда держался очень высокомерно, оставался для всех непреступным, и то, что этот человек вдруг сам вступил в разговор, да ещё и поклонился, можно было бы приравнять к чуду. Но сама идея брать с собой братьев Ляру Френсису сильно не понравилась. Ведь это означало, что выбивать из седла придется не двоих, а четверых!

– Порой мне кажется, что вы двое забываете, кем здесь являетесь! – грозно нахмурился молодой герцог, – Вы всего лишь слуги моего отца, а значит и мои. У вас нет дворянского достоинства, а значит и права иметь собственных слуг. И уж тем более вы не имеете права перечить мне. Я ясно выражаюсь?

– Да, но... – искренне растерялся под таким напором Фил.

– Или хотите сказать, что позаботиться о своем пропитании самостоятельно вы не в состоянии? Тогда на что вообще вы годитесь?!

Френсис весьма успешно распалил свой гнев, благо манера речи «а ля Его Светлость» к этому располагала. Результат не заставил себя ждать. Фил и Пит нахмурились, переглянулись и уступили, дружно поклонились господину. Френсис мысленно поздравил себя с этой маленькой победой и направился к своему коню.

Молодой герцог легко взлетел в седло, но прежде, чем тронуться в путь вдруг поймал себя на непреодолимом желании оглянуться, оглядеться. Его душу пронзила острое чувство тоски, и просто отмахнуться от него не получилось. Сразу припомнились слова учителя, которые он сказал перед отъездом из Бетенгтона. Ему ведь тоже пришла мысль, что наступила пора расставания. Расставание с родным домом, полным таких тёплых радостных воспоминаний, с людьми, живущими в этом благодатном крае, которые все эти годы дарили своему молодому господину любовь и заботу, расставание с беззаботной юностью...

«Откуда такие мысли?!» – нахмурился Френсис, отчаянно стараясь унять охватившее его душу беспокойство, – «Уже сегодня вечером я вернусь обратно. Найду учителя и вернусь!..» Так Френсис заставил себя взбодриться и отдал приказ отправляться в путь – Анри рядом, Фил и Пит следом.

Дворцовые ворота уже давно были широко распахнуты, Бетенгтон и не думал удерживать своего молодого господина, но всё-таки... Здесь, на границе дворцового парка Френсис не выдержал, остановился и ещё раз оглянулся. Белокаменный дворец Бетенгтон пользовался каждым просветом с море зелени окружающего его богатого сада чтобы послать последнее прости своему воспитаннику. «Я вернусь сюда! Обязательно вернусь!» – пообещал Френсис то ли себе, то ли своему родному дому, и... решился-таки оторвать взор от дорогих сердцу красот, переступил этот незримый порог.

Теперь только вперед, в Туманную Гавань...

Но прежде, чем позволить Вихрю оправдать своё громкое имя, надо было решить, что делать с навязанным эскортом. Как именно это сделать, Френсис и Анри обговорили ещё во дворце, осталось только воплотить этот план в жизнь. В этот раз порядок следования был иной, праиэры даже не пытались оттеснить Анри от господина, а скромно держались позади, даже позволили себе заметно отстать. «Что это? Снова проявление неожиданной тактичности?» – мысленно усмехнулся Френсис. Так или иначе, такой расклад оказался на руку молодым заговорщикам. Они решили провернуть свой трюк на южной окраине владений Бетенгтон, в безлюдном месте. Никаких свидетелей, и никакой возможности снова быстро обзавестись конями, в случае их потери.

Мелкую речку, почти ручей, перешли вброд, взобрались на небольшой лысый холм и тут... Френсис и Анри одновременно развернулись и ринулись прямо навстречу своим спутникам. Те от изумления опешили, остановились, растерялись. Уклоняться ли им от столкновения? И если да, то в какую сторону? Френсис и Анри не оставили им времени для принятия решения. Они резко осадил своих коней прямо перед конями праиэров, и заставили этих последних встать на дыбы. Пока Фил и Пит боролись за свои жизни, стараясь удержаться верхом на перепуганных животных, Френсис и Анри исхитрились прицельными взмахами шпаг перерезать подпруги сёдел праиэров, тем лишив их последних шансов

избежать падения. А Френсис уже выхватил длинный хлыст и стегнул сначала коня Фила, а потом и Пита, да так сердечно, что те с места бросились галопом прочь, куда глаза глядят.

К моменту, когда праиэры смогли подняться на ноги, их перепуганные кони уже успели скрыться из виду.

– Что вы двое творите?! – в сердцах закричал возмущённый Фил.

– Я пожелал взыскать с вас долг, – звонко отозвался Френсис, от души порадовавшись, что праиэры, похоже, уцелели, всё-таки он не желал им смерти.

– Но вы чуть не убили нас! – продолжал кипеть Фил, – Думаете, вам это сойдёт с рук?!

– Ты снова забываешься, праиэр! – Френсис ожесточился, – Смеешь угрожать мне, твоему господину?!

– Хорош господин, который так относится к жизни верных ему людей! – и Фил сплюнул кровью, при падении он всё-таки прикусил губу.

– Я отношусь к вам так же, как и мой отец, разве нет? Вы отправитесь в Бетенгтон пешком. Вот мой вам приказ, – и Френсис уже хотел было стегнуть Вихря, но тут вдруг его оставил неожиданно громкий голос Пита:

– Воля Его Светлости является законом и для вас, милорд! Он отдал очень ясный приказ, вы должны ехать в Туманную Гавань вместе с нами. Сейчас вы либо возьмёте нас в свои седла, либо нарушите приказ герцога. И вы серьёзно дума-

ете, что он простит вам это слушание? Думаете, что ваш статус защитит вас от его гнева?

Да, Пит простился со своей маской безразличия! Оказывается, и его лицо способно выражать человеческие эмоции, вот только какие именно эмоции оно выражало сейчас? В отличие от Филадельфия он был не зол, а страшно заинтригован, и ответ он ожидал с каким-то озорным весельем. Да, верно, в его лице не было и тени гнева или страха. Поймав себя на таких мыслях, Френсис растерялся. Он не понимал этого человека, что им движет, и это смущало.

Но тут вскинулся Анри:

– Ты предлагаешь Его Сиятельству взять тебя в седло?!

– Он может взять тебя, а нам с Филадельфом отдать твоего коня.

Это тоже вариант, – не отступил Пит.

Френсис поднял руку, призывая прекратить это препирательство, и обратился к праиэрам:

– Со своим отцом я разберусь сам. А вы уясните, я всегда с лихвой взыскиваю по долгам. Этому, кстати, научил меня именно отец. Вижу, при вас есть и пистолеты. Так что предупреждаю, если сейчас вздумаете ими воспользоваться, начнёте палить нам во след, то цельтесь получше, потому что, если всё-таки не убьёте меня, я сам убью вас. Вот вам слово сына герцога Бетенгтона.

И Френсис взглянул в лица праиэров чтобы убедиться в том, что был и услышан, и понят ими. Что ж, значит дело сделано. А теперь в путь!

Френсис встретился взглядом с Анри, друзья кивнули друг другу, и заставили своих коней с места броситься в галоп.

Теперь все их устремления были направлены к Туманной Гавани, которая сегодня, похоже, и правда оправдывает свое название – в той стороне неба собрались тяжёлые тучи. Живое воображение Френсиса тут же сравнило эти тучи в громадной каменной стеной, которая неминуемо обрушится за их спинами, стоит им нырнуть в её тень, обратной дороги уже не будет. Кого не испугают подобные мысли? Френсис обернулся в сторону Анри. Тот словно ждал этого, и похоже испытывал схожие чувства, но в этот момент, встретившись взглядами, юноши тут же осознали, что их страх стал стремительно ослаблять свои тиски. Они вместе! Вместе они со всем справятся!

Глава 05. Ночная встреча.

Герцог отдал Генриху Раю простой приказ: поехать в Туманную Гавань, забрать у Гарри Патерсона письмо с очень важными известиями из Фрагии и сразу вернуться в Бетенгтон, передать это письмо герцогу лично из рук в руки. К слову сказать, Гарри Патерсон – это зажиточный купец, владелец небольшой флотилии торговых судов, некоторые из которых ходят даже в Западные Колонии.

Всё в этом приказе было странно и прямо-таки кричало о том, что это ловушка: начиная с незначительности поручения, возможности использовать для этих целей одного из трёх верных герцогу праиэров, и кончая тем, что порученцем выступает такой человек, как Патерсон. Нет, в самом деле, как можно поручать Раю, вассалу, очевидно, утратившему доверие, доставку сверх важного письма из Фрагии? Неужели герцог сомневается в том, что Рай попытается заглянуть в содержимое этого письма? И не правильнее ли было курьеру везти это письмо сразу в Бетенгтон, а не передавать его Патерсону, чтобы потом за ним приехал Рай?.. Так что дело точно не в письме. Этот приказ – личный вызов Раю. Не принять его он не может, коль уж состоит на службе Его Светлости. Если осмелится нарушить – даст формальный повод наказать себя. И Рай решил рискнуть. Он знал Гарри Патерсона многие годы и был уверен, что способен распознать лю-

бые порывы души этого пройдохи.

Что ж, худшие подозрения Рая начали оправдываться почти сразу. Патерсон едва ли не с порога заявил, что необходимое Его Светлости письмо доберётся до берегов Бриании только завтра, так что Рай должен заночевать в Туманной Гавани. И вот он, ожидаемый выбор: либо сразу возвращаться в Бетенгтон, что равносильно увольнению со службы и... открытому объявлению войны, либо остаться и... посмотреть, что будет дальше. Рай снова решил рискнуть, рассудив, что уж одни сутки Френсис и Анри смогут продержаться и без него.

Надо сказать, что Патерсон воспринял согласие гостя остаться с такой бурной радостью, словно от этого зависела его жизнь. «А может быть и правда так!» – решил Рай, и с этого момента стал ещё более внимательным ко всему, что происходило вокруг.

Ему выделили отличную комнату на втором этаже купеческой конторы Патерсона. Из её окна открывался прекрасный вид на порт. Рай оценил эту заботу, но всё же отказался от обеда и отправился прогуляться. Как и следовало ожидать, Патерсон приставил к нему соглядатая. «Н-да, и снова время перемен», – усмехнулся Рай, в очередной раз поймав взгляд парнишки, который должен был бы следовать за ним незамеченным, – «Посмел бы Гарри устанавливать за мной слежку ещё месяц тому назад... Но этот щенок слишком юн и неумел. Значит, нападения так такового не будет. Все ре-

шится там, в конторе. Вот и славно. Можно просто погулять»
...

Но прогулка всё-таки не задалась. На чём бы ни останавливался взгляд Рая, мысли всё равно возвращались к Патерсону. И скоро стало казаться, что он стал незримым, и надо сказать, неприятным попутчиком. Дело в том, что Рай открыто не любил этого человека и никогда не пытался это скрыть. Они были старыми знакомыми, пятнадцать лет назад Гарри служил в гвардии герцога, и Рай поневоле часто с ним встречался. Патерсон не гнушался самых грязных дел, главное соблюсти свой интерес, то есть получить деньги, ибо деньги – это весь смысл его жизни. А ещё, в своём рьяном желании выслужиться и получить высокое покровительство, он был до тошноты навязчив. Гарри остепенился примерно в одно время с Раем, и тоже не без помощи герцога. Он стал купцом и с его талантами проходимца резко пошёл в гору. Рай никогда не упускал его из виду, отлично представлял, как этот человек ведёт свои дела, и точно знал, что доверять ему нельзя...

Ужин Раю принесли в комнату. Патерсон отказался составить ему компанию, сославшись на дела, и Раю предстояло совершить трапезу в гордом одиночестве. Да, конечно, Патерсон не лучшая компания, но не может быть, чтобы в его голову пришла мысль, просто оставить гостя в покое...

Через час дверь комнаты Рая открылась уже без стука. Защищённое решёткой окно было распахнуто настежь, а под

ним лежал бесчувственный Рай. Пришедший с Патерсоном слуга, громадный рыжеволосый детина, поспешил закрыть ставни, а Гарри тем временем подошёл к гостю и презрительно повернул его ногой. Рай не подавал никаких признаков жизни.

– Надеюсь, что ужин тебе понравился? – усмехнулся Гарри, обращаясь к жертве, – Интересно, ты хоть понял, что случилось? Н-да... Постарел гроза Бриании, постарел... Бедняга, отдохни пока. Видишь ли, мне не велели тебя отпускать. Ты ведь знаешь герцога.

– Верно. Знаю, – вдруг открыл глаза Рай.

И в тот же миг Гарри отскочил от него, как ошпаренный.

– Джон! – закричал Патерсон, но слуга уже ничего не мог сделать.

Здоровяк Джон растянулся на полу и не двигался, а Рай уже держал за ворот самого Гарри.

– Ты прав, пройдоха. Я очень хорошо знаю и герцога, и тебя...

– Что вы собираетесь делать, господин Рай!?! – прохрипел Патерсон и попытался подобострастно улыбнуться. Можно представить, в какую ужасную гримасу это вылилось.

– Ты не поверишь. Ничего, – Рай усадил Гарри на стул и крепко связал ремнями, которые успел снять с бесчувственного Джона. После этого Рай связал и Джона, тот был сильно оглушён, но мало ли...

– Вот теперь я спокоен, почти... – наконец произнес Рай,

разглядывая крысиное лицо маленького человечка, беспомощно затихшего на стуле, – Передо мной Серый Гарри, такой, к какому я привык. Слушай, дружок, тебя прозвали Серым за цвет волос? Нет, скорее кожи. Ах, Гарри, ты даже не представляешь, какие ностальгические чувства во мне пробуждает вид твоей физиономии. Ты всё прежний, и женой не обзавёлся? Некому о тебе вспомнить. Верно?

– Нет, – жалобно всхлипнул Патерсон.

– Вот и я говорю, проведёшь здесь ночку, и мне спокойнее, и тебя никто не хватится.

Только Рай обронил эти слова, как откуда-то снизу послышался женский голос:

– Патик! Милый, где ты? Твоя кошечка пришла! Котик!

– Чёрт побери! Это ещё кто? – не поверил своим ушам Рай.

– Моя подружка, – осмелел Гарри.

– О! Да ты растёшь в моих глазах. И... пожалуй, да, ты прав, нечего мне здесь делать, воняет скверно, – Рай поспешил вставить в рот Гарри кляп, накинул плащ и, дружески улыбнулся хозяину дома, – Кстати, подруги воруют хлеще жён. Остерегайся, богатей. Видишь, какой я заботливый. Если увидишь герцога раньше меня, передавай привет. Нет? Ну, как знаешь.

Рай в один миг спустился на первый этаж в контору Патерсона, где и столкнулся с ночной гостьей.

– Оу! Господин?!

Женщина, личико которой не было обезображено интеллектom, жеманно улыбнулась. Вольность её наряда и манер очень красноречиво говорили о том, как именно она зарабатывает на хлеб насущный.

– Кошечка, если не ошибаюсь? – усмехнулся Рай.

И «кошечка» издала звук, очень похожий на урчание.

– А твой птенчик на эту ночь куда-то запропастился. Видишь ли, я и сам его ищу... А ты, милашка, не окажешь ли услугу мне? Я в долгу не останусь.

– О чём речь? Для такого господина я на всё готова, – отозвалась «кошечка», и как бы между прочим левый рукав легко соскользнул, обнажив пухленькое плечико блудницы.

– Я догадываюсь, – смерив её оценивающим взглядом, кивнул Рай, – Так не разочаруй меня, душечка.

– Приказывайте! – и душечка подалась ещё ближе.

– Ты любишь деньги?

– Кто ж их не любит? – мурлыкала она.

– Верно. Тогда ты, должно быть, знаешь, где Гарри хранит свои сокровища?

– Конечно...

– Показывай.

– Что?! Ишь, захотел! – насторожилась ночная гостья и с вызовом сдула упавшую на лоб прядь бесцветных волос.

– Боишься, неоткуда будет таскать? Зря, я предлагаю поделиться, или тебя надо уговаривать?

При этом он нежно взял её руку и неожиданно сильно

сжал.

– Ой! Поосторожней! Не надо меня уговаривать. Я ещё не полная идиотка!

– Приятно слышать, – тут же одобрил Рай.

Он был ниже её, но казалось, что при желании сможет с лёгкостью, словно подушку, поднять эту пышку. Его немая сила полностью покорила её, и уже через минуту они оказались у замусоленного секретера Патерсона.

– Здесь, но он всегда закрывает... – вздохнула женщина, указывая на один из ящиков.

– Но ты-то открыть можешь, верно? – усмехнулся Рай, – Ну, да мне некогда, – и он с силой рванул ящик. В тот же миг на полу зазвенела золотая монета.

– О! Bravo! Так бы и Джон не смог! – воскликнула восторженная зрительница.

– Ваш Джон заплыл жиром, – обронил Рай, извлекая из ящика красный мешочек, отмеченный вензелем герцога.

Оказывается, Патерсон хранил здесь и какие-то документы. Самая важная бумага оказалась сверху – письмо от герцога, датированное вчерашним днём. В нём был ясный приказ, опозить и заковать Рая в кандалы в подвале башни Тишины. Так назывался старый маяк на окраине Туманной Гавани. Держать Рая там пленником до поступления новых распоряжений. Несостоявшийся пленник усмехнулся и развернулся к ночной гостье:

– Остальным распоряжайся сама, возьмёшь всё скопом,

или будешь доить постепенно? Мне это не интересно...

– И это всё, чего вы хотели? – в её голосе слышалось такое большое разочарование, что Рай не сдержал усмешку:

– Прощай, крошка!

Даже Патерсон слышал, как хлопнула выходная дверь.

* * *

Вечерняя заря уже уступила место густым сумеркам, и Рай решил, что это хорошо, вернуться в Бетенгтон под покровом ночи, пожалуй, сейчас лучшее, что он может сделать. Чтобы покинуть Туманную Гавань ему надо было пересечь почти весь город, а город, не в пример позднему страннику, уже затихал, отходил ко сну.

Трудный день позади, и ночь всё уверенней заявляла о своих правах. Но у трактиров жизнь только просыпалась. Их светлые окна зазывали поздних прохожих, и не поддаться их очарованию было трудно. Так что неудивительно, что очень скоро Рай почувствовал, как пренебрежение ужином дало о себе знать внятным урчанием желудка. Справившись с собой дважды, Рай всё-таки признал свою капитуляцию и решил заглянуть в один из таких приютов ночной жизни, чтобы утолить ни кстате разыгравшийся голод.

Подходя к двери, он заметил двух людей, как и он укутанных в плащи. Они о чём-то оживлённо говорили, после чего один нырнул во тьму улицы, а второй зашёл в трактир. Что ж, Рай последовал примеру последнего.

Посетителей оказалось немного. Это заведение было рас-

положено уже довольно далеко от порта, и, как видно, не многих странников, от купеческого, рыболовного и иных промыслов доносили сюда ноги. Рай сел за свободный стол и с удовольствием снял шляпу и плащ. Здесь было тепло, сухо и, главное, светло, самое время проверить содержимое кошелька герцога. Но ещё прежде, чем Рай извлёк из кармана свой трофей, рядом возник мальчик-прислужник, ожидающий получить от Рая заказ, а ещё лучше – щедрые чаевые. В самом деле, его расторопность заслуживала наивысшей похвалы, кружка пива появилась перед Раем почти мгновенно, не было сомнений, что и остальное не придётся долго ожидать. Это порадовало Рая, но мысли его упорно возвращались к Бетенгтону.

Всё-таки это случилось. Герцог закончил игру в прятки и «развернул боевые действия». Рая он приговорил к долгой мучительной смерти. Вариант, когда узника запирали в тесной камере без права даже сесть, заставляя питаться только дождевой водой? Или другой вид пытки из той же серии? Какой смысл гадать? Главное, что с этого момента он, Рай, оказался вне закона, беглец. Дичь или охотник? «Ну, точно не дичь!» – усмехнулся Рай, снова пригубив чарку с пивом.

– Благодарю, – раздался откуда-то справа приятный молодой голос.

Рай невольно кинул взгляд на говорившего и обмер. Судя по всему, это был именно тот человек, вслед за которым Рай несколько минут назад переступил порог трактира. Те-

перь плащ этого дворянина распахнут и из-под него виднеется богатый эфес шпаги. Шляпа лежит рядом на столе...

Вряд ли всё это заинтересовало бы Рая, не успеет он увидеть лицо этого господина как раз в тот момент, когда тот благодарил хозяина. Рай отказывался верить своим глазам. "Фрэнк?! Здесь?! Сейчас?!". Но это не было миражом! И всё же, время позднее, и что здесь делать Френсису Бетенгтону?! Рай должен был разобраться. Он сгрёб в охапку шляпу и плащ, взял кружку и подошёл к так заинтересовавшему его дворянину.

– Вы позволите? – произнес он, прося разрешения присесть.

Тот поднял голову и выразил искреннее удивление:

– Разве здесь мало свободных мест? Лично мне не нужна компания.

Это был Фрэнк!

Рай с облегчением вздохнул и тяжело опустился на скамью напротив, совсем упустив из виду, что вообще-то ему отказали в этом праве.

– Что ты здесь делаешь, сынок?! Тоже герцог прислал?

Френсис со всё более возрастающим недоумением смотрел на Рая и объясняться не спешил.

– Кажется, я задал вопрос! – нахмурился Рай.

– И я правда обязан отвечать? – поинтересовался юноша, не меняя выражение лица.

– Как знаешь, – сощурился Рай.

Что-то в воспитаннике ему не нравилось. Да, платье незнакомое, держится странно, но это же Фрэнк!

– Тебе есть где ночевать? – поинтересовался Рай.

– Да, конечно.

– Прекрасно, значит, эту ночь я проведу не в седле... Ты приехал один или с Анри?

После довольно длинной паузы, такой странной для Френсиса, молодой человек, наконец, задал неожиданный вопрос:

– Позвольте всё-таки узнать, с кем я имею честь разговаривать?

Стоит ли говорить, что такие слова явились для Рая, словно гром среди ясного неба?

– Ты в себе, мальчик мой?

– Не волнуйтесь, прошу вас, – и Френсис примиряюще улыбнулся, – Право, я не хочу, чтобы вы плохо думали о том, с кем меня путаете. Давайте разберёмся...

– Путаю?! Я?! – изумился Рай.

– Именно! Раз я вас не знаю, значит, вы обознались. Всё возможно... – и молодой дворянин невесело усмехнулся.

Рай почувствовал, что либо он сейчас сойдёт с ума, либо Фрэнк надолго запомнит этот вечер. Ему было не до шуток.

– Не хотите представляться, и не надо, – продолжал странный Френсис, тоже став очень серьёзным, – Я же считаю своим долгом сообщить вам, что являюсь сыном графа де Лаган, Антуан де Валеньи к вашим услугам. И я понятия не имею, о каком герцоге вы изволите говорить и почему продолжаете

навязывать мне своё общество.

Эти слова были произнесены уверенно, без малейшей тени притворства, да и синие глаза молодого человека отрицали всякую возможность лжи. Рай вдруг обратил внимание на слабый фрагийский акцент и удивился, как мог не заметить это раньше. Он отказывался что-либо понимать. Фрэнк был способным юношей, но так искусно разыгрывать!.. И кого?! Своего воспитателя!

– Слушай, Френсис, мне не до шуток, – Рай с большим трудом подбирал слова.

– Френсис? – искренне не понял назвавшийся Антуаном.

Лицо Рая начало медленно наливаться краской. Но де Валеньи по-прежнему продолжал стоять на своём:

– Вы сердитесь, а тем временем и мне всё это начинает надоедать. Вы проявляете завидное упрямство, но я всё же прошу вас, возьмите на себя труд понять, что никогда прежде я вас не видел. Никогда!

Но Рай всё ещё отказывался верить сам себе. Что бы уши и глаза так противоречили друг другу?! Такое случается не часто. С минуту две Рай и странный Френсис обменивались недоверчивыми взглядами, но по мере того, как время шло, лицо брианца начало проясняться, а вот назвавшийся де Валеньи хмурился всё больше и больше.

– Сударь, вы фрагиец, сын графа де Лаган? Я не ослышался? – Рай первым нарушил затянувшееся молчание.

– Да.

– Может быть, я и правда ошибся...

– Я рад за вас, – губы де Валеньи смягчились в улыбке.

– Скажите, пожалуйста, а нет ли у вас братьев – близнецов? – и Рай даже подался ближе к своему собеседнику.

– Нет, положительно вы не в себе, сударь?! – возмущённо вскинулся молодой человек.

Но Рай был тем ещё упрямец, а потому теперь продолжал стоять на своём:

– А от рождения? Не хранит ли история вашей семьи притчу о четырёх близнецах?

– Четырёх?! – Антуан де Валеньи изумлённо покачал головой, – Ну два куда ни шло, три – это уже много. Но четыре!!!... И меня вы видите одним из этих четырёх, а вашего Френсиса другим... Я правильно вас понимаю?!

– Да... – теперь в глазах Рая ясно угадывались искорки затаённого ликования.

– Боюсь, нам больше не о чем говорить, милейший! – страшно сердитый де Валеньи резко встал с места и протянул руку к шляпе, но Рай поспешил остановить его:

– Сударь, я очень извиняюсь за свою настойчивость, но мне необходимо увидеть вашего отца. Жив ли он, здоров?

– Несколько часов назад его здоровью мог бы позавидовать любой из нас, – всё-таки ответил Антуан.

– Так он здесь?! В Туманной Гавани?!

– Что вам от него надо? – де Валеньи сильно насторожился, и Рай не мог не почувствовать этого недоверия, даже

неприятни.

– Понимаете, сударь, – брианец улыбнулся, как только мог доброжелательнее, и взялся объяснить, – Всевышнему было угодно, чтобы я стал невольным хранителем тайны, за которую ваш отец без колебания отдал бы половину своего состояния. Это очень важно, и я очень прошу вас свести меня с графом.

– Чтобы взять эту половину состояния? – усмехнулся сердитый Антуан.

– Сударь... Надеюсь, это шутка?..

– Это зависит от вас, господин...

– ...Генрих Рай, – наконец, представился Рай.

– Допустим... Но... Сначала вы упрямо видите во мне другого человека, а теперь настаиваете на встрече с отцом... С вами, сударь, не соскучишься.

– Вы сами назовёте ему имя герцога Бетенгтона, и мы посмотрим на его реакцию.

– И чем же должно удивить моего отца имя герцога Бетенгтона?

– За ним скрывается ваш брат, сударь, близнец. И не смотрите на меня так! Теперь я знаю, что говорю, – торжественно заявил Рай.

Пожалуй, он и сам не знал, какой именно реакции на эти слова ожидал от своего молодого собеседника, но тем не менее, тот смог удивить брианца. Рай поймал себя на мысли, что Антуан отнёсся к этому заявлению неожиданно сдер-

жанно, новой вспышки раздражения не последовало, только взгляд фрагийца стал невыразимо тяжёлым.

– Позвольте кое-что уточнить. Я не ошибся, вы причисляете меня к четырём близнецам? Но где тогда ещё два?..

– Я не знаю. Раз живы вы, значит, есть шанс, что живы и они, но большего я сказать не могу. Возможно, кое-что прояснится после разговора с вашим отцом.

Де Валеньи с минуту смотрел сквозь Рая и, наконец, решил...

– Хорошо, пойдёмте. Но предупреждаю, отец очень занят, и, если вы... снова что-то путаете, лучше бы вам вовремя одуматься.

– Граф так страшен? – невольно усмехнулся Рай.

– Он велел не мешать ему и сильно не любит, когда его приказы не выполняются.

– Уверен, для меня он сделает исключение, – обронил Рай, надевая шляпу.

Глава 06. Предыстория.

Антуан де Валеньи привёл Раю в на первый взгляд неприметную маленькую гостиницу и сразу проводил гостя на второй этаж. Добрая половина свечей уже была погашена, потому в доме царил полумрак, но это обстоятельство не помешало Раю как следует осмотреться и найти этот дом весьма уютным. Деревянные потолок и пол смыкались превосходно окрашенными матовыми стенами, на которых красовались скромные картины с незамысловатыми сюжетами. На каждом подоконнике красовались цветочные горшки, и большинство цветов в них цвели. Чистота и покой. Достаток и хороший вкус хозяина этого заведения чувствовались буквально во всем. Остановиться здесь на постой было бы незачем даже высшим сановникам королевства. Рай оказался здесь впервые и теперь просто отказывался поверить, что до сих пор даже не подозревал о существовании в Туманной Гавани такого дивного уголка.

А между тем они подошли к одной из дверей на втором этаже. Антуан постучал, и как только из-за двери послышалось чье-то "Войдите", поспешил её распахнуть. В комнате оказалось двое людей. Они стояли у стола и перебирали какие-то бумаги. Не требовалось особой наблюдательности, чтобы понять, что один из них был слугой другого. Раю пришло на ум, что именно с этим слугой разговаривал Анту-

ан прежде, чем войти в трактир. Вторым без сомнения был граф де Лаган.

Рай увидел человека того же роста что и Антуан де Вале-
ньи, фигурой более крепкого, а лицом более сурового. Бремя
лет наложило на этого человека свой отпечаток, и даже уже
подёрнуло его волосы сединой. Это был блестящий дворя-
нин, твёрдый взгляд, затенённый низкими бровями, и гордая
осанка сразу выдавали в нём человека высокого происхож-
дения. Невольно в голову пришла мысль, что лет двадцать
назад он выглядел точь-в-точь как его сын, потому что сход-
ство было заметно с первого взгляда.

– Я вас слушаю, – сурово произнёс он, призывая сына объ-
яснить причину вторжения.

– Отец, разрешите вам представить Генриха Рая, – при
этом Рай почтительно поклонился, а Антуан уже продол-
жал, – Он явился с делом, касающимся нас и герцога Бетенг-
тона, – юноша невольно сделал акцент на этом имени, и те-
перь с нескрываемым интересом ожидал реакцию графа.

Взгляд того тотчас впился в лицо Рая, а в уголках его губ
появилась горькая складка. Молчание грозило затянуться.
Тогда Антуан решил добавить:

– Наше знакомство с господином Раем началось с того,
что он спутал меня с сыном герцога...

– Что!?! – графа словно молнией поразило, – Так ли вас
понял мой сын?! – было видно, чтобы задать этот вопрос
граф сделал над собой очень большое усилие.

– Всё совершенно верно, Ваше Сиятельство, – и Рай снова поклонился, так скрыв удовлетворённую улыбку.

Граф нетерпеливым жестом приказал ошеломлённому слуге удалиться, после чего предложил Раю присесть, а сам расположился напротив.

– Говорите, прошу вас! – потребовал очень взволнованный граф, а сам при этом, кажется, даже перестал дышать.

Генрих Рай благодарно кивнул и поспешил объяснить:

– Да, для этого я и пришел. И прежде всего я благодарю Всевышнего за то, что он послал мне встречу с вашим сыном и вами, сударь... Значит, я не ошибся! Вас и герцога Бетенгтона связывает очень давняя, длинная история, скажем, взаимной нелюбви?

– Да, вы правы. Герцог давно не напоминал мне о себе, но когда-то наши жизненные пути были переплетены более, чем тесно... Вы сказали, что сын герцога похож на Антуана?! – и граф кинул тревожный взгляд на притихшего пораженного сына.

– Да, невероятное сходство! Это известие вам не кажется безумным бредом?

– Я боюсь поверить вам, но... такая возможность всё же существует...

– Отец?! – Антуан не удержал изумлённый возглас, и граф ответил ему печально виноватым взглядом.

Рай же торжествовал и уже плохо это скрывал:

– Что ж, сударь, похоже, я не ошибаюсь в своих догадках.

– Я слушаю вас... – граф снова исполнился предельного внимания.

– Да... Ох, признаюсь, от этого открытие у меня даже чуть кружится голова... Не передать словами, как я рад нашей встрече, господа!!! Что ж... позвольте мне быть не слишком кратким...

Рай нашёл-таки силы обуздать своё волнение, выровнять дыхание. Он опёрся на поручни кресла, его кисти сами собой сошлись в крепком замке. Потребовалось какое-то время, чтобы мысли пришли в порядок, и тогда, ещё раз посмотрев на превратившихся в слух графа и Антуана, Рай начал рассказ:

– Господа, я заранее извиняюсь за свою многословность, но, думаю, будет правильнее начать издалека... Двадцать с лишком лет назад меня знали под именем Клинок. Это было имя, перед которым трепетали многие отпетые негодяи Британии, быть может, потому что считали меня лучшим среди них. Я жил за счёт негодяев и тем оправдывал себя. Подниматься выше я не имел ни возможности, ни желания... Но это дело давно минувших дней, и я коснусь его настолько, насколько это касается сути моего рассказа. Это было время, когда я потерял всякий вкус к жизни, потерял самое дорогое, что у меня было, свою любовь. Герцог Бетенгтон услужил мне.

Граф невольно содрогнулся, и Рай, заметив это, лишний раз убедился, что находился на верном пути.

– Бетенгтон отнял у меня невесту, – продолжал Рай, – Не для её счастья, а для собственной забавы. Это случилось в моё отсутствие... Уверен, герцог до сих пор и не подозревает, что я знаю о совершенном им злодеянии. Мне следовало бы его убить, но он из тех, кто живёт одним днём и смеётся над смертью. Поняв это, я избрал другой путь, чтобы отомстить ему. Я стал его другом. Да, герцог уважал меня и боялся, и до сих пор сохранил что-то похожее на это чувство, – Рай нашёл в графе и его сыне воистину благодарных слушателей и решил больше не томить их, – Однажды меня занесло на его остров, этакий бастион, минимум на милю со всех сторон окружённый водой. Что меня туда привело, и чем я там занимался, я, пожалуй, умолчу. Вам будет интересно узнать другое. В том замке я нашёл чудо природы, четырёх где-то двухгодовалых малюток, похожих друг на друга как звезды на небе. Стоит ли говорить о моём потрясении?! При них был немой слуга, немой, но не глухой. Бедняге, уже не знаю кто и за что, отрезал язык, но слышал он хорошо и "да", "нет" я смог от него добиться. Мне стало известно, что это дети богатого фрагийского дворянина, выкраденные из родительского дома по приказу герцога Бетенгтона.

Граф резко ударил кулаком по столу и так оставался недвижим какое-то время.

Генрих посмотрел на его сына, и сердце его сжалось. Сейчас он видел дорогое его душе лицо, но это был не Фрэнк, хотя... Антуан в эту минуту, сильно задумавшись о чём-то

своём, как видно тоже не весёлом, не смотрел на него, и потому Раю всё же приходилось делать над собой усилие, чтобы не видеть в нём своего воспитанника. Сходство потрясающее! Раю невольно припомнился недавний сон... Но нет, сейчас время для других воспоминаний.

– Я помню три пары голубых глаз, смотрящих на меня с мольбой и детской доверчивостью... – продолжил Рай, но граф тут же перебил его:

– Три?!

– Да, три. Четвёртый лежал между ними в страшной горячке и был без чувств. Разумеется, имени их родителей я не узнал, их слуга был неграмотен, писать не мог, да признать-ся, тогда это и не особо меня заботило. Хватало того, что это было известно слуге. Я насилу уговорил его бросить больного и спасать оставшихся троих. Тот, четвёртый, был безнадежен. Для детей его возраста такая горячка верная смерть. Короче, я помог немому вместе с детьми сесть в шлюпку. Он чётко выполнил мои указания, добрался до берега, нашёл указанное мной укрытие и дождался, пока там появлюсь и я. Мне удалось это сделать только к полудню следующего дня. К тому моменту исчезновение пленников, конечно же, уже обнаружили, но никому и в голову не могло прийти связать это со мной. Мы с немым бедолагой привезли детей в Туманную Гавань, и я оплатил их переправу через пролив. Немой получил от меня довольно большую сумму. На этом мы и расстались, ведь я не мог вместе с ним покинуть Бри-

анию... Признаюсь, я до сих пор не знаю, что мною тогда больше двигало, желание насолить герцогу или сострадание к судьбе малюток. Не знаю... Всё прошло тихо. Я был уверен в успехе их побега, но где-то через пару недель до меня дошли вести о том, что переправлявший их корабль попал в шторм и затонул, а оставшийся в плену мальчишка, как я и предполагал, умер. Это легло тяжелейшим камнем на мою душу. Я чувствовал себя в ответе за случившееся несчастье, но... Мне оставалось лишь оплакивать загубленные детские судьбы и каяться...

Какое-то время в комнате царила мёртвая тишина. Сам Рай вдруг почувствовал потрясение от своего рассказа, что уж говорить о слушателях... Молчание нарушил Антуан:

– Но вы говорили, что воспитали... моего близнеца, – пронзительный взгляд юноши даже смутил Рая.

– Да, и это другая глава моей повести... Я по-прежнему поддерживал связь с герцогом. Я был ему нужен и потому изредка даже бывал в его дворце. Когда у него появился сын, не знаю, но я заранее возненавидел этого мальчишку. Неудивительно, что и он меня недолюбливал. Тогда это меня не волновало. Но... Где-то десять лет назад герцог обратился ко мне с более чем странным предложением взять на себя воспитание его сына! Это совпало с моментом, когда я уже всерьёз подумывал остепениться, и я удивил сам себя, согласившись стать воспитателем отпрыска своего врага. Возможно, я почувствовал, что пробил мой час. Герцог уезжал бог

знает куда, бог знает, насколько, и я должен был заменить его в его поместье. Так я стал наместником герцога Бетенгтона и главным наставником юного Френсиса Бетенгтона. Признаться, меня всегда забавляли размышления над тем, чего герцог желал своему ребёнку, отдавая его во власть такому человеку, как я... Ведь он меня знал, как отпетого негодяя, человека тёмного и жестокого. Похоже, сегодня я нашёл ответ этот вопрос...

Рай невольно усмехнулся и тут же продолжил:

– Оказалось, что мы с Фрэнком были нужны друг другу. Ребёнок не имел матери, по сути, не знал отца и, окружённый во всем потакающими ему няньками, был очень одинок. Я же давно расстался с надеждой иметь семью и детей, шёл по жизни один, как перст. Признаться, я вообще не очень любил детей, но в этом маленьком герцоге я очень скоро почувствовал родственную душу. Да, мы в самом деле были нужны друг другу! Я понял это и, прежде всего убрав от него всех опротивевших ему нянек, сам занялся его воспитанием. Так, очень скоро мы подружились... Получая письменные указания герцога, я делал всё прямо наоборот и вырастил блестящего дворянина, полную противоположность ожиданиям герцога. Френсис образованнее многих людей своего круга. Я приглашал к нему лучших учителей по всем ныне известным наукам. Я учил его, учась сам... Поверьте, любой отец мог бы гордиться таким сыном, как Френсис!

При таких словах брианца граф открыто улыбнулся, чем

нехотя смутил Рая. Казалось, что тот даже растерялся, потерял нить своего рассказа. Впрочем нет, пауза была недолгой, уже через минуту Рай вернулся к прерванной истории:

– Его Светлость герцог Бетенгтон вернулся домой месяц назад. Он не видел сына больше десяти лет, но при встрече, было ясно видно, он испытал чувство очень далёкое от радости. Казалось, он своим взглядом был готов просто испепелить бедного Фрэнка. Признаюсь, эта столь нерадушная встреча старшего и младшего Гейсборо вдруг навела меня на мысль, которая сегодня, благодаря нашему с вами знакомству, превратилась в уверенность... Уж слишком сильно ваши сыновья похожи на вас, Ваше Сиятельство! Теперь я уверен, герцог плетёт вокруг Френсиса какие-то жуткие интриги, понятные пока лишь ему одному. Я отсутствую во дворце меньше суток, и хочется верить, что ещё ничего страшного не случилось... Так что, ясно как божий день, что тот несчастный ребёнок выжил, подозреваю что и остальные тоже... Пожалуй, вот и всё, что я хотел вам сказать, сударь. Ещё раз прошу простить меня за, что я был так многословен, – и Рай замолчал.

Что ж, граф кивком поблагодарил гостя за этот рассказ, встал и отошёл к окну, да так там и замер. Ни Антуан, ни Рай не могли видеть его лицо, но прервать задумчивость Его Сиятельства никто из них не решался.

А тем временем над Туманной Гаванью ползли тяжёлые тучи, всем своим видом грозя затяжным дождём. Мгла сгу-

щалась всё больше и больше, поглощая земной мир и небесный.

И вдруг граф ожил:

– Ко дворцу Бетенгтон по-прежнему ведёт превосходная дорога?

– Да, верно, сударь, – Рай невольно обратил внимание на осведомлённость графа, но всё же счёл возможным уточнить, – Хоть это и не самая короткая дорога, путь по ней займёт максимум часа три быстрой езды.

– Превосходно. Едем!

– Но, сударь, право, нет необходимости так спешить! – вскинулся Рай.

Но граф не был готов к отказу, с сомнением повёл головой.

– За окном непроглядная ночь. Если выехать на заре, мы ничего не потеряем, – уверенно заявил Рай и, видимо, желая придать слова больше веса, даже поклонился, словно уже и забыл, что совсем недавно и сам собирался отправиться в дорогу именно ночью.

– Но, если я не ошибаюсь, будет дождь... – нахмурился граф.

– Будьте уверены, Ваше Сиятельство, дождь этой дороге не страшен.

И граф, наконец, выразил некоторое сомнение, призадумался.

– Отец, – вскинулся и Антуан, – Может быть, и правда

не стоит спешить? Мы ничего не потеряем, если проведём ночь в тепле, а вы расскажите нам историю вашей с герцогом вражды.

– Звучит заманчиво, – улыбнулся граф сыну, но уже в следующую секунду его пытливый взгляд упёрся в гостя, – Господин Рай, вы ясно заявили, что с вашей помощью Френсис не оправдал надежды герцога. Это позволяет мне предположить, что между ними сложились очень непростые отношения... И вот вы здесь, в Туманной Гавани, совершенно очевидно волнуетесь за своего воспитанника. Но в то же время, вы считаете возможным задержаться. Что ещё вы нам не сказали?

– Да, верно, сударь, – Рай улыбнулся, поняв, что граф услышал больше, чем ему было сказано, – Меня, наконец, выставили из дворца... – и брианец кратко рассказал о том, как Гарри Патерсон попытался опоить его. В завершение рассказа Рай показал записку, в которой содержался приказ держать его пленником до особых распоряжений.

– Значит, у нас ещё есть время, – сделал вывод граф.

– Я тоже так думаю, – с надеждой в голосе поддержал его Рай, – Сегодня меня должны были повязать. Значит, если что и начнётся, только завтра. Эх, с самого начала было ясно, что меня пытаются скинуть с шахматной доски, но я наивно полагал, что ещё есть хотя бы один шанс из ста удержаться... Вот уж не думал, что этот самый шанс приведёт меня к вам. Не даром люди говорят – нет худа без добра!

Такая новость! С ума сойти! Вот, значит, почему о жене герцога и её семье почти ничего неизвестно! Я всегда думал, что слишком уж много странного забвения вокруг этого вдруг сгинувшего рода. Люди единодушно списывали эту таинственность на неразбериху, порождённую бушевавшей тогда в Бриании гражданской войной. Но, оказалось... Да... Наконец-то Френсис сможет скинуть с себя эти оковы и обрести настоящую семью!

– Конечно, господин Рай, – воскликнул Антуан, – Френсис никуда от нас не денется. И с герцогом, похоже, будет весёлый разговор. Верно я понимаю, отец?

Да, Антуана и Рая просто распирало от любопытства. Слишком многое ещё было не сказано. Граф взглянул на них, усмехнулся и, наконец, принял решение:

– Хорошо. Поедем на заре, – и это решение не подлежало дальнейшему обсуждению.

Граф вернулся на своё место, и стало ясно, что он собирается говорить. Его рассказ обещал быть не менее интересным, чем рассказ Рая. Его Сиятельство с каким-то мягким теплом посмотрел на Генриха, и этот взгляд тронул того до глубины души. Так на Рая порой смотрел Френсис, но это был его отец, настоящий отец, и душа брианца преисполнилась гордости. Он воспитал для этого человека достойного сына, хотя уже где-то вдалеке дала о себе знать и ревность. Герцог мог очаровать, обмануть Френсиса, но только граф мог стать для юноши другом. Почему-то Рай сразу уверовал

В это.

– Что ж, сударь, я очень признателен вам за искренность и знаю наверняка, что никогда не смогу по-настоящему отблагодарить вас, – мягко, но без излишней нежности произнес граф, – Вы вернули нам с женой самое дорогое, что у нас есть на свете, наших детей... Теперь и Френсис войдёт в нашу семью и займёт в ней достойное его место, место, предназначенное ему от рождения. Уверен, герцог замышлял сделать из него изошрённое орудие пытки для нас с графиней, но, как я понял, вашими стараниями, его планам не суждено было сбыться. Видно, сам Господь послал вас нам в союзники... Слова всего не передадут. Потому я умолкаю и просто склоняюсь перед вами. Знайте, всегда и во всём вы можете рассчитывать на меня, мои знания, деньги и власть. Я ваш должник, и, если хотите, друг.

От таких слов графа Рай так расчувствовался, что даже ощутил ком в горле:

– О, что вы, Ваша Светлость! Право!.. Мне не надо большей награды, нежели честь считать себя вашим другом!

Граф мягко улыбнулся и обратил взгляд на сына.

– Ладно, теперь моя очередь кое-что рассказать. Что ж, сейчас это будет сделать легче... Возможно, с нашей с графиней стороны было ошибкой придать забвению дела давно минувших дней, скрыть от тебя, Антуан, тот факт, что от рождения вас было четверо. Да, всё за то, что Френсис при рождении наречён Жаном, но это теперь ему решать, станет

ли он менять имя или останется с тем, к которому привык.

Графу потребовалось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями и, вот он уже начал свой рассказ:

– Вы ведь хотите узнать, что нас с герцогом связывает, откуда родом такая наша взаимная ненависть? Что ж, готовьтесь, рассказ будет долгим, и начать придётся из далека... Да, минуло уже больше двадцати лет... Тогда я был также молод, как и ты сейчас, Антуан. Я служил в гвардии Его Величества короля Фрагии и мечтал о всемирной славе, а рядом со мной в горе и радости, в бою и кутеже, всегда был мой лучший друг, Ромен де Монсар, но всё когда-нибудь заканчивается. Пришёл день, и Ромен, приняв наследство и став графом де Монсар, ушёл в отставку, а я остался один, ведь бросить службу я не мог, так как это было единственным средством моего существования. Да, друзья, тогда я был в большой ссоре с моим отцом. Я хотел жить в полную силу, жаждал приключений, славы, хотел дышать полной грудью, а отец... Он отказал мне в праве именоваться графом де Лаган, отказал в доступе к фамильным банковским счетам. Я носил титул виконта де Валеньи с правом распоряжаться не более, чем десятой частью от доходов этого имения. Отец грозил отречением, если я не брошу службу... Лишь много позже я узнал, чем было вызвано такое его поведение, на чём он так сильно обжёгся, от чего хотел уберечь меня... Всё бы наладилось в один момент, уступи я требованиям отца, но он хотел от меня невозможного, стать тихим провинци-

алом!.. Итак, я оказался разлучён с другом, почти братом, но он обо мне не забыл. В один прекрасный день он явился в Фонтэнж, чтобы забрать меня с собой в гости к его тётке виконтессе де Гурье. Я благословляю тот день, когда Ромену пришла в голову эта мысль. Так судьба привела меня в Бордон, и там, в гостях у тётки моего друга я встретился с его троюродной сестрой, Арабеллой де Гурье, да, с твоей матерью, Антуан. Она в один миг повергла мое бедное сердце к своим стопам. Ей только минуло восемнадцать, она ещё не была представлена ко двору, и её чистая красота так контрастировала с гламурным лоском придворных дам словно свежий горный воздух против пыльного тумана Фонтэнжа! Это была сказочная фея! Бордон лежал у её ног, но, казалось, она совсем не замечала это...

Отдавшись во власть воспоминаний, граф как-то незаметно скинул со своих плеч тяжесть пролетевших лет, и теперь Рай видел в нём скорее старшего брата Антуана, но никак не его отца. Глаза графа излучали какой-то таинственный свет, морщины разгладились и, казалось, что весь он полон едва сдерживаемой молодой энергией.

После небольшой паузы граф лукаво улыбнулся своим мыслям и продолжил рассказ:

– Я говорил, что приехал в Бордон не совсем обычным гостем. Моя дружба с горячо любимым всем семейством Гурье Роменом дала мне право поселиться в их доме, в доме Арабеллы... Стоит ли говорить, сколько врагов я приоб-

рёл в один миг, но это нисколько не тревожило меня. Что это значит в сравнении с удовольствием общаться с Арабеллой, быть рядом с ней, видеть её каждый день!? Да, я в неоплатном долгу перед Роменом! Это были незабываемые дни: утренние прогулки верхом – Арабелла, Ромен и я... Как великолепно она держалась в седле! Эти вечера в её гостиной, когда она вставала у окна и, таинственно улыбаясь, пела. Мне, казалось, что она улыбается только мне, хоть она и смотрела в мою сторону реже других... – и граф смущённо усмехнулся, – Позже Арабелла призналась, что тогда просто ей не хватало смелости смотреть мне в глаза, она боялась, что смущение лишит её дара речи... Так она объяснила позже, а тогда... А тогда, хоть меня это и задевало, чуть-чуть, я был скорее благодарен ей, это давало мне возможность, смотреть на неё, не робея, ловить каждое движение её бровей, головы, рук, не упускать не единого звука её сказочно прекрасного голоса...

Граф снова с головой нырнул в омут давно пережитого, но тут вскинулся Антуан:

– Как, отец! Вы говорите, что мама пела на публику?! Не так, как сейчас? Она ведь поёт только очень тихо, можно сказать шепчет под гитару...

– Ох, сын, поверь! Она божественно пела! Я говорю это не как безнадёжно влюблённый в неё мужчина, а как пламенный поклонник её таланта. У твоей мамы был чарующей красоты и силы необыкновенной голос, перед которым прекло-

нялись все, кто хоть раз имел счастье слышать её, а среди них были и весьма искушённые в вопросах вокала люди. Вообще, это удивительно талантливое семейство. Пожалуй, не ошибусь, сказав, что идеальный слух их семейная черта. Например, Ромен мог заставить звучать, кажется, любой инструмент, просто брал и играл. Да, он брал не голосом, а непостижимым умением буквально в считанные часы находить общий язык с любым предметом, способным издавать хоть какие-то звуки, будь то пила, бутылка, гитара или клавесин. Мать Арабеллы подпевала дочери вторым голосом, и это было удивительно мило. А ты, сын! Разве для тебя это новость? Ведь и у тебя превосходный слух и ты, помнится, превосходно пел!

Рай с большим удовольствием смотрел на графа, не пропуская не одного слова, и вдруг поймал себя на мысли, что и у его воспитанников, Френсиса и Анри, неплохой слух. Вспомнилось, как однажды он застал их за показавшимся тогда ему неприемлемым дурачеством, юноши наигрывали какие-то мелодии, используя как инструменты щёки, губы, бокалы, вазы – вообще всё, что попадало под руки. "Странно, – подумал Рай, – Когда мне пришло в голову, кто сказал, что такие вольности непристойны дворянам?" Тогда Рай не нашёл ничего лучшего, как довольно грубо прервать эту их игру, и в такие слова он умудрился облечь своё недовольство, что с тех пор юноши больше ни разу в его присутствии не позволили себе ничего подобного. А теперь, видя, с каким

удовольствием об этом говорит такой человек как граф, Рай невольно испытал сильную досаду на себя: "Ну и кретин же я! Сам Богом обделён, ни слуха, ни голоса, так и ребят обделил. Что это мне взбрело в голову, что они могут когда-нибудь опозориться в этом, как это однажды было со мной? Они же мне не родные дети! Идиот! Ведь романтическая душа Фрэнка всегда хотела петь. Это же ясно как божий день, а между тем я не знаю, может быть, он и вправду может... При таких-то родителях..."

– Да... Но я не помню, чтобы мама хоть раз запела вот так... – всё ещё не мог поверить Антуан, – Максимум мурлыкала про себя.

И граф нахмурился.

– При известных обстоятельствах она потеряла голос. Это произошло уже восемнадцать лет назад... Но лучше по порядку. Тогда, в Бордон, казалось, что моя счастливая звезда только набирает силу и будет светить вечно. Но моему счастью не было суждено стать таким уж безоблачным. В Бордон заявился герцог Бетенгтон. Он собирался задержаться там на день, но, к несчастью, именно в этот день виконтесса де Гурье устроила бал, и герцог увидел Арабеллу. Для меня это стало катастрофой. Посудите сами, почти нищий гвардеец и звезда брианского и фрагийского королевских дворов. Сравнение не в мою пользу. Если к этому добавить, что герцог был действительно красив, великолепно образован и далеко не глуп, то стоит ли говорить, что я был близок к отчаянию.

Я безумно любил Арабеллу, но она относилась ко мне как к брату, как к Ромену, а герцог, казалось, покорил её. Я не мог не видеть, как она расцветала в его присутствии, как на её щеках появлялся стыдливый румянец, а на губах угадывалась неповторимая улыбка. Он был высок в своём блеске и поднял её так же высоко, благо она могла стоять с ним рядом... Герцог оказал честь виконтессе де Гурье, остановившись в её доме и.. всё пошло из рук вон плохо. Он мастерски навязал Арабелле своё общество, а мы с Роменом оказались не у дел. Меня так этот лорд просто уничтожил, при этом не давая ни малейшего повода вызвать его на дуэль... Впрочем, рано он праздновал победу...

Заявив это, граф грустно усмехнулся и жестом попросил сына наполнить бокал вином. Свой рассказ он продолжен только после того, как сделал пару глотков этого бодрящего напитка:

– Что ж, мы с Роменом решили уехать. Я никогда не говорил с ним о своей любви к Арабелле, но в этом и не было необходимости. Он и сам всё видел и решил попробовать оказать мне очередную услугу. Я лишь позже, разворачивая события в обратном порядке, понял, что и как он тогда сделал. Итак, мы объявили о своём намерении уехать, Ромен заторопился к жене... Да, увлекшись, я забыл сказать, что Ромен женился на испайронке, великолепной девушке, единственной дочери достойного дона Коэльо, Эспиранте Коэльо. Ромен безумно любил её, а тут ещё он получил от неё из-

вестие о том, что дела поместий неожиданно расстроились, и ей с отцом очень нужна его, Ромена, помощь. Как оказалось позже, никакого послания он не получал. Но тогда, он назначил день отъезда, и я решил уехать вместе с ним. Мне казалось, что Арабелла забыла обо мне, а тягаться с герцогом было безумием. И всё же я решил, прощаясь, признаться Арабелле в своей любви. Не знаю, зачем мне это было нужно, хотел ли я предложить ей верную дружбу? Но она и прежде всегда могла на это рассчитывать... Мне хотелось, чтобы она знала о моих чувствах, просто знала и всё. Это было требованием сердца, которое тогда было в большой ссоре с разумом. Запретив себе обдумывать смысл этого шага, я стал искать подходящий момент, но либо я его упускал, либо его забирал герцог, что, впрочем, одно и то же. Возможно, я так бы и уехал, как рыба, не проронив ни слова, но вдруг Арабелла сама нашла возможность со мной уединиться.

И вот снова на лице графа появилась смущённая улыбка.

– Я хорошо помню, как в тот день были уложены её волосы, какого нежно розового цвета было на ней платье... Мы нашли в саду укромный уголок, и легко, и просто, как всегда, она спросила у меня совета, мол Его Светлость предложил ей свои услуги, то есть сопровождать её к королевскому двору. Она хотела узнать моё мнение на этот счёт, мнение человека, бывавшего в лучших королевских дворцах и прекрасно знающего уклад этой неведомой для неё жизни. Это явилось для меня настоящей пыткой, но я вдруг сказал, что

герцог блестящий кавалер, что он без сомнения пользуется влиянием при дворе и вообще, что они будут великолепной парой. Арабелла слушала, не сводя с меня глаз, и её внимание вывело-таки меня из себя. Я встал и, пожелав ей счастья, уже хотел уйти, когда вдруг она окликнула меня:

– Ален!

Я замер, будучи не в силах поднять на неё глаза.

– Уходите?! Понимать ли это, как то, что вы вот так просто отдаёте меня на растерзание этому тигру Бетенгтону?! Вы правда не боитесь, что я никогда вам это не прощу?!

Это стало как гром среди ясного неба.

– Арабелла?! – вырвалось из моей груди прежде, чем я окончательно потерял дар речи.

Она тоже встала и гневно сверкнула глазами:

– Моя бы воля, вас бы отправили на гильотину!.. Вы довели меня до безумия, похитили моё сердце и теперь уезжаете?! Как вы смеете мне говорить, что мы с герцогом будем прекрасной парой!!! – и она гордо вскинула голову, – Что ж, уезжайте, я тоже пожелаю вам... счастья!

– Арабелла!! – простонал в ответ я, – Но мог ли я предполагать?! Ведь герцог...

– Он вам и в подметки не годится! – воскликнула она и вдруг, схватившись за голову, упала на скамью, – О боже! Я в самом деле безумна, Ален! Что я наговорила?! Забудьте мои слова! – и в её глазах заблестели слезы.

– О нет! Никогда!!! Это теперь моё сокровище, люби-

мая!!! – наконец-то признался и я.

И граф смолк, словно в самом деле провалился в это такое дорогое воспоминание и так утратил связь с реальностью. Его лицо освещала счастливая, смущённая улыбка, а взгляд, похоже, был обращён к возлюбленной жене, устремляясь к ней сквозь пространство и время.

Но да пауза не затянулась. Граф вдруг тихо рассмеялся и, ни на кого конкретно не глядя, снова заговорил:

– Хочется верить, что мои сыновья не повторят промах их отца. Кто знает, не случись дальше то, что случилось, простила ли бы Арабелла мне свою силу, то, что была вынуждена признаться первой. И была бы права, ведь я едва не отрёкся от своего счастья... – граф сокрушённо поджал губы и не скрыл вздох сожаления, – Надо ли говорить, что мы с Роменом тут же отменили свой отъезд? Да, Ромен заявил, что, оказывается, может уладить свои проблемы, не покидая Бордон. Конечно же, наше решение, мягко говоря, не обрадовало виконтессу де Гурье. Она уже видела герцога своим зятем, а тут вдруг такой выбор её дочери! Смертельно уязвлённый герцог в тот же день покинул их дом, демонстративно хлопнул дверью. Сразу же после этого виконтесса выгнала и нас с Роменом и запретила нам даже появляться на её пороге. С этого момента в доме Гурье началась настоящая война, гнев матери столкнулся с твердостью характера её дочери, которой тоже упрямства было не занимать. Почему-то Ромен был абсолютно уверен в победе последней, заявил, что надо

лишь подождать, причём недолго. Так оно и вышло. Довольно скоро гнев матери сменился на милость, и она дала согласие на нашу помолвку. Дело стало за моим отцом, с которым, как я уже говорил, у меня тогда были весьма натянутые отношения. Но время показало, что не его гнева нам надо было опасаться.

Граф снова пригубил бокал вина, сменил позу и вернулся к прерванному рассказу:

– Оказывается, всё то время герцог терпеливо выжидал, но, прознав о нашей помолвке, он буквально потерял голову, и начался настоящий кошмар... Арабелла оставалась с ним учтивая, но эта глухая к его чувствам вежливость, казалось, ещё больше оскорбляла Его Светлость. Однажды, придя к Арабелле, я буквально вырвал её из его когтей. Состоялась наша первая дуэль. Свидетелями были лишь Арабелла с матерью и это происшествие не получило огласки. Страшно возмущённая виконтесса взяла с герцога слово покинуть Бордон, и мы получили возможность узнать, чего стоит слово герцога Бетенгтона. Эта дуэль получила продолжение на следующий день, на меня напали на одной тихой улочке... Но герцог быстро зализал свои раны и предпринял новую атаку. Не прошло и трёх дней, как он нанёс новый визит Арабелле, но та не пожелала остаться с ним наедине... и Ромен выставил его силой.

И снова при воспоминании о дорогом друге граф грустно улыбнулся:

– Ромен был знатным бойцом, лучшим среди смертных. Так что он обезоружил герцога как ребёнка и выпроводил вон... Так мы сдержали первый натиск Его Светлости, но после того, как мой отец приехал в Бордон, желая увидеть будущую невестку и, покорённый ею с первого взгляда, простил мне все грехи и благословил наш союз, герцог изменил тактику. Нас, особенно Арабеллу, начали отчаянно травить. В обществе поползли грязные слухи... Да что я говорю? Это был настоящий шквал клеветы и всякой мерзости! Ловя отголоски этих сплетен, мы с Роменом не прятали шпаги в ножны, но скоро стало ясно, что лучшим выходом из создавшегося кошмарного положения была наша скорейшая свадьба. Так что мы отложили планы о пышном торжестве, а просто назначили день и час, решили обвенчаться тихо, тайно...

Граф сокрушённо вздохнул и даже не заметил, как побелели его сжатые в кулаки руки:

– Тот день начался с того, что исчез Ромен. Мы с Арабеллой хотели дождаться его во что бы то ни стало, но мой отец и мать Арабеллы уговорили нас пойти с церковь без него. На пороге храма путь нам преградил сам герцог. Принародно он жестоко оскорбил мою невесту... Это был страшный поединок. Ничто не могло нас остановить. Герцог владел шпагой хуже меня и потому позволил себе драться безо всяких правил, но это не было для меня в новинку. Служба в королевской гвардии, участие в многочисленных сражениях не

прошли для меня бесследно. Но, казалось, сам дьявол тогда вселился в герцога. Я дважды ломал шпагу, оставаясь безоружным перед врагом, но это его не останавливало. Сначала отец, потом Арабелла возвращали мне шпагу, а вместе с ней и надежду. И Бог покарал-таки герцога. Моя шпага пронзила его грудь насквозь, и он упал, казалось, замертво. Меня же взяли под стражу. Королевским указом дуэли были запрещены, и я вот так оказался преступником. В тот день мне так и не позволили назвать Арабеллу своей женой.

Уже будучи в тюрьме, я узнал, что вечером того же дня нашли бесчувственного израненного Ромена. Он немислимо как добрался до ограды сада виконтессы и там рухнул без сознания. Призванный к нему лекарь уверенно заявил, что Ромен при смерти, но нет, он выжил и позже сам рассказал, что с ним произошло. Дело в том, что время и место нашего с Арабеллой венчания по понятным причинам держалось в строжайшей тайне. Мы с Арабеллой решили лишний раз не искушать судьбу и заблаговременно покинули Бордон. Венчание должно было состояться в пригороде, маленькой скромной церкви. И тогда герцог решил ударить наверняка – найти ответы на все свои вопросы у человека, которого ненавидел не меньше, чем меня. Ромена, которого обстоятельства заставили остаться в Бордоне, обманом выманили из дома Арабеллы и повязали, но герцог сильно просчитался в выборе цели. Скоро стало ясно, что с Роменом он только зря теряет время, но тогда ему подвернулась какая-то другая

возможность. Так и не знаю, кто тогда помог герцогу. Оставленный же в покое Ромен умудрился бежать. Как? Можете себе представить! Как герцог раньше не дошёл до идеи похищения?! Время показало, что она ему приглянулась...

А тогда... Абсурд, полный абсурд! У моей с герцогом дуэли было много свидетелей, но нам пришлось прочувствовать всю важность его персоны. Смешно сказать, я остался в живых лишь благодаря тому, что выжил мой враг. И Ромена закон отказался рассматривать как жертву герцога, фигуры неприкосновенной. И тогда мой темпераментный друг не устоял перед искушением и высказал королевскому судье всё, что он думает о таком правосудии. В итоге его приговорили к изгнанию из Фрагии, и он уехал залечивать раны в Испайру к жене. Мне же, человеку, поднявшему руку на герцога, подданного и дальнего родственника Его Величества короля Бриании, пришлось провести больше года в тюрьме, до тех пор, пока мой отец, подняв все свои связи, не вытащил меня оттуда. А Арабелла... Моя милая Арабелла дождалась этого момента, и мы почти сразу же после моего освобождения обвенчались.

Наконец-то мы узнали, что такое счастье... Моя милая жена очень переживала о моём здоровье, она вбила себе в голову, что тюрьма не могла пройти бесследно, и скоро повезла меня к Ромену, в тёплые края под крыло любимого брата и друга. К тому времени в него родился сын, замечательный чернявый мальчуган... Скоро и меня осчастливил Все-

вышний, Арабелла, эта необыкновенная женщина, совершила чудо, она родила четверых сыновей! Да! Как бы то ни было невероятно! Тут я перещеголял друга! Мы были несказанно счастливы и даже забыли думать о герцоге. Для нас он исчез, испарился... О, если бы это было так! Счастливые слепы... В день празднования рождения наших детей, когда им исполнилось два года..., их выкрали!!!

Рай уже ожидал это услышать, но в этот момент невольно содрогнулся. Граф же стал мрачен, подобно грозовой туче.

– Это была мастерская работа. Как ни старался, я не мог найти никаких следов похитителей. Конечно, первая мысль была о герцоге, но он пропал, пропал бесследно... В те времена я прошёл всю Брианию вдоль и поперёк!.. Да, как видно, не всю... Ромен и Эспиранта, как только узнали о нашем несчастье взяли своих детей, сына и только что родившуюся дочь, и приехали к нам, инкогнито, ведь Ромен тогда ещё был под гнётом того несправедливого приговора. Так, под чужим именем, он и взялся за расследование этого происшествия, а Эспиранта как могла поддерживала Арабеллу. Именно тогда твоя мать, Антуан, надломила здоровье, в слезах потеряла голос и окрасилась преждевременной сединой...

И голос графа де Лаган надломился, в глазах показались слёзы, а его руки сами собой сошлись в крепкий замок на груди. На него было очень больно смотреть, это многое сказало о том, почему эта история так долго оставалась под запретом.

– Полтора года мы с Роменом слали женам лишь краткое "Ищу" . . . – продолжил свой горестный рассказ граф, – Наконец, так и не найдя никаких следов герцога, я в отчаянии повернул домой, решил повидать жену, хоть и плохо представлял, как показаться к ней на глаза. . . И вдруг ЭТО! В Грандоне на причале ко мне подбежала нищенка и стала умолять о подавании, жалуясь, что ей не на что растить детей, и как доказательство толкнула мне под ноги славного малютку с огромными синими глазами. В тот же миг в моей душе всё перевернулось. Действительно ли я узнал сына? Ведь для маленьких детей полтора года срок очень большой, время быстро меняет их. . . Но нет, думаю, что я всё-таки узнал. . . , помню, как я схватил мальчугана на руки и. . . заявил этой женщине, что забираю ребёнка. Услышав это, женщина вдруг заплакала и сказала, что, появившись я на полгода раньше, она с радостью отдала бы мне всех троих, мол «если мне понравился один, то наверняка и остальные сгодились бы, потому как они были близнецами!» Вот тогда-то мои последние сомнения и рассеялись. Не знаю, где найти слова, чтобы описать, что со мной произошло в тот миг. . .

И граф не удержался, провёл руками по лицу, попутно смахнув и непрошенные слёзы:

– Нищенка привела меня в свой дом, и так я узнал, что у неё своих четверо, а тут Бог послал ещё трёх малюток. . . Это были мои сыновья, я уже мог дать голову на отсечение, но, благодаря злему року, нашёл я лишь одного. . . Нищен-

ка как могла поведала мне эту печальную историю. Она приняла мальчиков с рук умирающего немой бродяги. С тех пор она не переставала молиться, чтобы Всевышний привёл к ней их родителей, но время шло, немой умер, а отчаяние только росло...

– Немой бродяга... – нечаянно повторил Рай.

Граф подарил ему печальный взгляд и кивнул:

– Да, именно так она и сказала. Ничего вразумительного о человеке, приведшем к ней детей, женщина сказать не смогла. Он был нем, но не от рождения, и у неё хватило ума односложными вопросами выяснить у него, что это дети богатых родителей, что они были украдены, а он их увёл от похитителей, что сперва их было четверо, но один умер. Я почти не сомневаюсь, что это был несчастный Пьер, мой дворецкий. Он исчез тогда же, а язык ему отрезали, видно, желая сделать из него просто бессловесную няньку. Бедняга Пьер, он никого после себя не оставил, но вернул мне детей.

– Одного из них, – решился-таки заметить Рай, – Что же произошло с остальными?

– С остальными?... – эхом откликнулся граф, – Несчастливая женщина как могла оберегала малюток от превратностей нищенской жизни, но время шло, и, наконец, настал тот день, когда она выгнала их на улицу просить милостыню. Питались все из одного котла, а свою долю в него они уже могли принести, так оправдывалась эта женщина, и это понятно. Такова жизнь...

При мысли, что он когда-то просил милостыню, Антуан невольно содрогнулся всем телом, а граф тем временем продолжал:

– Мальчики ходили втроём, и это чудо природы находило в душах людей самый живой отклик, но однажды вернулся лишь один... Малютками заинтересовались какие-то странные люди. За день до трагедии к женщине приходили не то циркачи, не то разбойники, и предлагали большие деньги за близнецов. Не понравились эти люди женщине, и её добрая душа не пошла на сделку. Тогда эти негодяи подкараулили детей, когда те беззаботно играли, и схватили их. По какой-то случайности одному удалось скрыться. Насмерть перепуганный он примчался домой, и женщина спрятала его. Эти люди снова заявили к ней, грозили перетряхнуть дом вверх дном, но, уйдя ни с чем, они неожиданно исчезли. Вот и всё, что я могу сказать. Очень боюсь, что найти Виктора и Эжена мне не суждено. Я очень старался разыскать похитителей, но... – граф развёл руками.

– Не отчаивайтесь, Ваше Сиятельство! – горячо воскликнул Рай, – К вам вернулись уже двое сыновей, двое из четырех! Чем Бог не шутит!?

– Я начинаю верить, что вы посланы нам свыше, – благодарно улыбнулся граф в ответ.

– Кто знает... – лукаво усмехнулся Рай и тут же вскинулся, – Но позвольте спросить, как вы поняли кого именно из своих сыновей вы нашли. Мальчик помнил имя?

– Да, конечно...

Воскрешение картин почти двадцатилетней давности сильно утомило графа, и дальше он решил ограничиться более кратким пересказом событий:

– Мы с Арабеллой взяли эту женщину на содержание, и она больше не знала нужды. Ромен с Эспирантой вернулись в Испайру. К тому времени Ромен умудрился заслужить новое изгнание и больше с тех пор во Фрагии не бывал. Мы поддерживали с ними переписку, раз ездили к ним, но... Почти через полтора года, как я нашёл Антуана, к нам пришла ужасная новость – Ромен, Эспиранта и их сын умерли от тифа. Мы хотели взять на себя заботы об оставшейся сиротой Марианне, их дочери, но её забрала её бабушка, мать Эспиранты, и мы не стали отнимать у старой женщины её последнюю отраду... На душе всё время тяжелым грузом лежали эти события, и мы условились не вспоминать о них, вслух... И ещё, мы не могли не позволить себе какое-то время прятать то единственное, что у нас осталось, нашего сына. Мы не знали врага и не знали откуда ждать беды, а потому не решались на долго оставаться на одном месте... Только через три года постоянных переездов мы решились вернуться домой и, наконец, повели более не менее спокойную жизнь.

И тут граф вспыхнул:

– Подумать только! Герцог всё же смог лишить нас покоя на многие годы! Воистину, я у него в неоплатном долгу!!!

– Напрасно!.. – вдруг вырвалось у Антуана, уже давно

ушедшего куда-то в свои мысли.

– Что напрасно? – и правда не понял граф.

Антуан, будто только сейчас вспомнив, что он здесь не один, заметно смутился.

– Ты бледен, сын! – заметил граф, – Да, зная какой ты впечатлительный, я должен был ожидать, что мой рассказ сильно заденет тебя. Но... Что ж делать, это было... Это случилось...

Похоже, это было не то, что хотел бы услышать Антуан. Подарив отцу невыразимо горький взгляд, он тяжело вздохнул. В его глазах угадывались одновременно и боль, и растерянность... Граф взял сына за руку и так заставил посмотреть себе в глаза:

– Что тебя так тревожит? Говори, сын! Я не помню, когда бы видел тебя таким. Ты сказал: "Напрасно"...

Было видно, что Антуан не сразу собрался с мыслями. Казалось, ему было тяжело, даже больно смотреть в глаза отцу, потому он отстранился и, теперь глядя в окно, глухо повторил:

– Напрасно?... Да... Зря! Зря я не знал этого раньше! Кое-чего можно было бы избежать...

– Чего? – тут же потребовал ответа отец.

Антуан болезненно поморщился, но от такого прямого вопроса уйти вряд ли возможно:

– Например... наверняка... знай я это раньше, я бы смог понять..., что... что мне хотела сказать Марианна де Мон-

сар, во время нашей последней встречи, – и Антуан заметно ожил, словно утопающий, почувствовавший дно под ногами. Теперь он мог снова смотреть в глаза отца, – Похоже, что ей удалось что-то узнать! Судите сами, вот её слова: "...представьте, если бы у королевы похитили четыре жемчужины, лучшие в её короне, где бы она стала их искать? Например, я бы на её месте обратила свой взор в сторону Бриании. Это страна туманов и... именно туда ведут все тёмные, усыпанные золотом пути. Это полагается знать людям, обладателям драгоценностей. Ведь счастье это драгоценность!?" Уже не помню какую чушь я понёс в ответ, но скоро стало ясно, что она ждала от меня другой реакции. Совсем другой! Она даже растерялась. Этот её взгляд, глуп ли я, или правда ничего не знаю!.. – и Антуан тряхнул головой, – Мог ли я подумать... А потом появился барон, её опекун, и нам больше не дали обменяться ни словом.

Граф не мог скрыть своего удивления. Рая тоже это очень взволновало.

– Когда она тебе это сказала?! – граф даже чуть подался ближе к сыну.

– Сорок три дня назад, – совершенно не задумываясь, ответил юноша.

– Такая точность?! – брови графа удивлённо приподнялись, что заставило Антуана заметно смутиться.

Он чуть покосился на Рая, но граф сделал вид, что не заметил это:

– Да, да. Почти месяц... Как раз с тех пор ты не даёшь мне покоя рассказами о графине де Монсар. Надо было рассказать мне и это... Да, да... Понимаю. Ты тогда не очень-то уютно себя чувствовал, а с тобой такое не часто бывает. Не на этом ли она тебя и поймала, Антуан?

– Отец! – Антуан сверкнул глазами и теперь открыто кинул взгляд в сторону Рая, чем заставил того почувствовать себя лишним.

– Господин Рай отныне член нашей семьи, – отрезал граф, но, заметив изумление брианца, поправился, – Если, конечно, он позволит нам так называть его.

Рай не сразу справился с охватившим его смущением:

– Почту за честь...

– Но это ещё не значит, что можно... – попробовал возразить Антуан.

– Ты намерен объявить всей Фрагии, что собираешься просить руки Марианны, – перебил его граф.

– Да! – нахмурился Антуан.

– Я знаю, и потому не спрашивал, – граф смягчился, – И я не имею ничего против этого брака, ты это знаешь.

– Но, как ни странно, и согласия вы пока не дали! – возмущённо вскинулся Антуан.

– И это понятно, – не дрогнул граф, – Брак, это серьезнее, чем тебе кажется. Это на всю жизнь. Чтобы принять такое решение, надо хорошо знать друг друга, верить друг другу.

– Но...

– А вы виделись лишь раз. За последние шесть лет лишь раз!

– Но отец! Выслушайте меня! – глаза юноши полыхали упрямым огнём, – Я согласен с вами, нам надо ближе познакомиться, но позвольте спросить, как!? Вы постоянно держите меня при себе. Она же под неусыпным присмотром своего дядюшки, а у вас с ним, кажется, нет ни малейшего желания встретаться. А между тем я говорил вам, что тогда она просила меня о встрече! И.. оказывается, что нас связывает с её семьёй такое прошлое... Нам надо с ней встретиться!

– Да, обязательно, – легко согласился граф.

Он и не думал возражать сыну, смотрел на него с такой горькой печалью, что у заметившего это Рая даже сердце защемило.

– Обязательно! – повторил граф, – Я знаю, что она ищет со мной встречи, и, если бы ни мои дела и противодействие барона, я бы уже давно нашёл возможность повидаться с ней.

Но Раю показалось, что Антуан не поверил, даже не сдержал намешанного на удивлении и раздражении взгляда. И граф понял сына:

– Хорошо. Я готов извиниться перед тобой за то, что не говорил тебе всего. Ты при мне всего лишь месяц, как раз с тех пор, как явился рассказать о своей любви к Марианне. А где ты был до того? Ты не смог поймать барона и примчался ко мне!

– Отец, речь не о том! – Антуан уже и не пытался скрыть

свою досаду.

– О том. Мы мало знаем о делах друг друга до тех пор. Например, ты не знаешь, что год назад я получил письмо от Марианны с просьбой приехать. Но когда я приехал в Испайру, оказалось, что она с опекуном поспешно уехала неизвестно куда... Весь этот год я как мог гонялся за ними. Возможно, если бы мне не мешали государственные дела, мои поиски были бы успешнее. А так мне удалось их настигнуть лишь раз, и то поговорить лишь с бароном, с этим весьма странным человеком. С тех пор он стал бегать от меня ещё ретивее. Я как мог не упускал их из виду. Я знаю, что они уже три месяца скитаются по Фрагии... Знаю, с кем встречались, где останавливались... Тебе, Антуан, повезло больше. И эта встреча и вернула тебя ко мне.

– Вы и сейчас продолжаете наблюдать за ними?! – казалось, изумлению Антуана не было предела.

– Да, в меру сил.

– Но почему это делается в тайне от меня?!

Граф уже был готов ответить, но в последний момент передумал. Он подарил сыну задумчивый взгляд и обратился к Раю.

– Я привык доверять своей интуиции, и сейчас она мне говорит, что я могу на вас положиться, сударь... Имя барона Парадесса вам ни о чём не говорит?

Рай был словно оглушён всем услышанным и увиденным. Он знаком с этими людьми около трех часов, а уже так мно-

го о них знает, уже принят графом как друг и облечён столь большим доверием. Рай ещё отказывался верить в реальность происходящего, ведь граф не производил впечатление человека, готового слепо довериться первому встречному, и уже поэтому трудно было принять случившееся. И ещё открытие, оказывается, граф не очень-то ладит с сыном!.. Но...

– Барон Парадесс, вы сказали?.. – Рай на минуту задумался.

А Антуан тем временем изучал лицо отца. Он очень не одобрял поведение того, но сейчас ничего не мог изменить. Он силился хотя бы понять. То, что граф проявляет интригующий интерес к личности барона, Антуан уже знал, поэтому он и приехал к отцу искать помощи в розыске Марианны, но против ожиданий граф ограничился лишь тем, что привязал к себе сына всякого рода делами, делами, никак не связанными с бароном и графиней... Как не силился Антуан пробить эту стену, ему ничего не удавалось. Эта ли история виновата, или что-нибудь ещё? Ох, как же сильно Антуан проклинал это их редкостное семейное упрямство и недосказанность...

– Да, это имя мне знакомо! – вдруг воскликнул Рай, – Память меня не подводит! Уже довольно давно я получил на имя герцога письмо от человека... да, барона Парадесса. По понятным причинам я вскрыл его, но не найдя там ничего интересного для себя, запечатал и отправил адресату.

– Ничего интересного? Вы случайно не помните содержание? – граф был очень возбужден и даже не пытался это

скрыть.

– О, Ваше Сиятельство, вы ожидаете от меня слишком многого, – смущённо развел руками Рай, – Хотя, постойте, обычно письма, адресованные герцогу, попадают ему прямо в руки. То письмо было редким исключением. Подождите... Нет, ничего определённого. Письмо было переполнено проклятиями в адрес герцога. Был там совет не ступать на землю Испайры. Да, пожалуй, это и всё, что я могу сказать..., помню только, что у меня сложилось впечатление, что этих людей связывает какая-то длинная и, как и всё, что касается герцога, грязная история.

– Письмо было написано на испайронском?

– Нет, на фрагийском. Насколько я знаю, герцог не очень хорошо знает испайронский, по крайней мере тогда это было так. А барон, как видно, очень хотел, чтобы его правильно поняли, – и Рай невольно усмехнулся.

– Когда вами было получено это письмо? – продолжил дознание граф.

– Через год, после моего воцарения в замке Бетенгтон. Да, около девяти лет назад.

И граф веско кивнул.

– Нет сомнений. Барон знаком с герцогом! Странно, но я уже был готов это услышать. Меня всегда удивляло, что Ромен и Эспиранта завещали опекунство над дочерью этому человеку. У нас с ними были близкие взгляды на людей, а барон мне не понравился с первой же встречи. Теперь, его

знакомство с герцогом, и тогда... – и тут графом овладело сильное волнение. Он порывисто прошелся по комнате, а когда остановился, в его глазах снова блеснули слезы, – О, боже! Это не может быть правдой!.. Но если это правда, я сотру их в порошок!!!

– Что с вами, Ваше Сиятельство? – забеспокоился Рай.

Антуан тоже был очень удивлён, но граф уж овладел собой, и его голос снова зазвучал ровно, веско:

– Господин Рай, как видно, вы посланы нам самим Богом! Барон тогда знал герцога! Вот чего мне недоставало! Неужели Марианна, бедное дитя, каким-то чудом узнала это?!

– Да, о чём вы, отец?! – не выдержал Антуан.

– Не спрашивай, сын, – и граф отрицательно повёл головой, – Не сейчас... Быть может, я ещё не прав... Не сейчас. Мы встретимся с Марианной! Обязательно!!!

– Когда? Где она сейчас? – снова воскликнул юноша.

– Я знаю, что они собирались неделю побыть в Бриании...

– Здесь?! – и Антуан даже вскочил со стула.

– Где именно, к сожалению, не знаю, – тот же остудил его пыл граф, – Но если их планы не изменились, то они уже должны были вернуться во Фрагию... Успокойся, сын. Мы найдём их.

– Да уж, хотелось бы, – и Антуан разочарованно опустился на стул, – А когда попадём во Фрагию мы?

– Сразу же, как заберем Жана. Завтра же ты обнимешь брата, а я сына. Завтра...

При этих словах душу Рая наполнила светлая радость. Да, завтра! Рай полностью разделял волнение графа, и потому его больно кольнуло то, что Антуан, казалось, не очень спешил к ним присоединиться. Он снова ушёл глубоко в себя, и по его лицу никак нельзя было догадаться, о чём он думает.

«Вот ведь какой поворот», – понеслось в голове Рая, – «При таком внешнем сходстве мальчики так по-разному себя ведут. Этот прямо тайна за семью печатями, тогда как Фрэнк открыт всему миру. Или, быть может, я так думаю, потому что у меня было достаточно времени, чтобы узнать Фрэнка? Ведь и он непрост. Например, я не ожидал найти в нём такого талантливое актера... Получается, я и его не так уж хорошо знаю», – и Рай подавил тяжёлый вздох, – «Что ж, поживём, увидим...»

Глава 07. Божья кара?

Чтобы поскорее проснуться Рай распахнул окно и полной грудью вдохнул свежий влажный воздух. На какой-то миг лучи только что взошедшего солнца разорвали облачную пелену, окутывающую Туманную Гавань, и подпалили косматое небо адским огнём. Это зрелище тотчас воскресило в памяти Рая все подробности услышанного прошедшей ночью, а в сердце его против воли закралось недоброе предчувствие. Он быстро оделся и спустился вниз, в гостиную. Антуан уже был там, сидел в высоком кресле у тихо тлеющего камина и, казалось, дремал.

– Доброе утро, сударь, – приветствовал его Рай.

– Здравствуйте, господин Рай, – тут же откликнулся Антуан, приподнявшись к нему на встречу, но на лице его не мелькнуло и тени улыбки.

– Выглядите очень усталым, мой друг, – заметил Рай, располагаясь в кресле напротив, – Вы спали сегодня?

Брови Антуана чуть изогнулись.

– Спал? Да. Может быть, немного.

– Что-нибудь случилось? – Рай начинал открыто беспокоиться.

– Нет... Это касается только меня... – Антуан встряхнул головой и, взяв себя в руки, улыбнулся, – А вы как провели ночь?

– Благодарю, хорошо. А что граф? Ещё спит?

– Спит?

Рай уже не мог про себя не отметить эту манеру Антуана переспрашивать и едва заметно усмехнулся. Юноша словно брал время для обдумывания ответа. Но Антуан успел поймать эту искорку в глазах Рая и чуть сощурился.

– Нет, вот уже больше часа, как он уехал к губернатору.

– Вот как! В такую рань?!

– Да, за ним прислали...

– Сударь, позвольте спросить, если это конечно не секрет. Какого рода дела привели вас с отцом в Брианию? – решил-таки поинтересоваться Рай.

Антуан откликнулся не сразу. Ему потребовалось время, чтобы решить, стоит ли отвечать. Наконец он чуть повёл бровью и произнёс:

– Отец служит советником господина де Ливорна, если это вам о чём-нибудь говорит.

– Как же, дипломатический департамент королевской канцелярии... – с сознанием дела обронил Рай, чем несколько удивил Антуана, – Я почти уверен, что граф владеет испайронским так же превосходно, как и брианским.

– ... и талийским, – закончил ещё более удивлённый Антуан.

Рай удовлетворённо кивнул:

– Что ж, если судить по тем слухам, что долетали до Бетенгтона, насчёт теперешних отношений наших стран, я

охотно верю, что у графа и правда хватает забот на его государственной службе. А вы, сударь, тоже дипломат или...

– ... скорее или, – пуше прежнего нахмурился Антуан.

– Простите, я не понял, – не постеснялся признаться Рай.

Что ж, Антуан подавил тяжёлый вздох и уступил:

– Как вы уже знаете, временами я помогаю отцу и только.

У меня пока нет чётко определённых обязанностей. И если припомнить всё, чем мне довелось услужить Его Величеству, то вернее было бы назвать меня переводчиком.

– Вот как?! – невольно удивился Рай, и Антуан принял это как вызов.

– Не судите о моих знаниях по моему брианскому. Этим языком я занялся меньше года назад, и учителя у меня, как видно, были не лучшие. Да, у меня ужасный брианский, и по-испайронски я знаю от силы десятков слов, за то я в совершенстве владею дастанским, талийским, гринским, мадьярским, шляхским и четырьмя прасскими диалектами, это если говорить о живых языках, а вообще можно вспомнить и о лате.

– Впечатляет!!! – выдохнул изумлённый Рай, – Вас, похоже, целенаправленно готовили к...

– ... дипломатической службе? – усмехнулся Антуан, – Не знаю, родители прямо не признаются. Просто у меня всегда были способности к языкам, и мне дали возможность их развить... Теперь я, наконец, понял, почему родители не позволяли мне углубиться в брианский и испайронский – видно

боялись соединить благополучное настоящее нашей семьи с ужасным прошлым. Но да от судьбы не уйти... Отец специально не искал для себя это поручение, но вот мы здесь, вы с нами... И отец у губернатора.

– Надеюсь, наши планы от этого не очень пострадают?

– Нам остается только ждать, – Антуан безнадежно повёл рукой и чуть улыбнулся, – Всё в руках судьбы.

Рай не нашёлся, что сказать в ответ, и воцарилось неловкое молчание. Антуан опять словно забыл о существовании брианца, и тот не смог упустить такую возможность ещё раз не присмотреться к близнецу своего воспитанника. Но, как и накануне ночью, Антуан оставался непроницаем. «Странный молодой человек», – с досадой отметил Рай, – «Удастся ли мне найти с ним общий язык? В любом случае, похоже, что я больше о нём узнаю, если заставлю его говорить. Что ж, попробуем?»

– Сударь, позвольте задать вам вопрос.

Взгляд Антуана тут же прояснился. Молодой человек дал понять, что готов слушать.

– Есть ли у вас двоюродные братья, сестры?

Антуан не скрыл удивление:

– Двоюродные? Нет.

– А троюродные?..

– Нет.

– Может ли такое быть?

– Конечно. А почему нет?

– А графиня де Монсар?

– Она дочь троюродного брата моей мамы. Так что вы немного не докопали, – сказав это, Антуан неожиданно светло улыбнулся, и эта улыбка снова заставила Рая увидеть в собеседнике Френсиса: «Как же мне научиться различать их?!» – ужаснулся он мысленно.

– А почему это вас интересует? – реакция Рая продолжала потешать юношу.

– Просто, мне интересно всё, что касается вашей семьи. Поймите меня правильно. Я воспитал вашего брата...

– ... и теперь невольно сравниваете нас? – Антуан вдруг стал серьёзен, а его пытливый взгляд буквально впился в Рая. Тот, усмехнувшись, кивнул:

– Наблюдательности вам не занимать.

Антуан принял это как комплимент:

– Но тогда вас должен интересовать в первую очередь я, а не моя семья.

– Одно не исключает другого, – парировал Рай.

Он чувствовал, что Антуана нелегко поймать. Он очень непрост, но эта улыбка, такая по-детски открытая, чистая... улыбка Фрэнка.

– Отец принял вас. Это говорит о многом, – произнёс юноша с неким оттенком досады в голосе, – Мне редко приходилось замечать такую доверчивость с его стороны и не раз, чтобы он ошибся. Это своего рода талант, которым он, похоже, не очень щедро поделился со мной. А Жан, как он

разбирается в людях?

– Неплохо, но порой... он склонен давать шанс проявить себя даже тем, кто этого не заслуживает, – вздохнул Рай.

Антуан кивнул, и Рай опять не понял, как тот принял только что услышанное. Молодой человек словно аккуратно свернул это новое знание о своём брате и положил в специально отведённое место в закромах своей памяти.

– Простите мою смелость, сударь, но мне показалось, что вас не очень-то обрадовало известие о том, что у вас есть брат, – вслух заметил Рай.

Антуан тут же метнул в сторону собеседника молнию, но уже в следующий миг вкрадчиво поправил:

– Братья.

– Да, чем Бог не шутит, может быть, и они объявятся, – легко согласился Рай, не сводя с лица юноши пытливый взгляд, – Это обстоятельство как-то нарушает ваши планы?

Антуана замер:

– Планы? Что вы хотите сказать?

– Лишь то, что сказал. У меня впечатление, что вы предпочли бы избежать предстоящей встречи.

– Избежать?.. А вам бы хотелось встретить... свою копию?

– Это было бы по крайней мере интересно, – лукаво усмехнулся брианец.

– Что ж, мне тоже интересно... Господин Рай, Жан когда-нибудь покидал пределы Бриании? – словно решившись на что-то, задал свой вопрос и Антуан.

– Никак не могу привыкнуть к тому, что вы зовёте Френсиса Жаном... Ему доводилось путешествовать на корабле по Великому проливу, посещать прибрежные города, но я бы не назвал это полноценными визитами в другие страны...

– Да, да...

И Рай заметил, что Антуан облегчённо вздохнул.

– А почему вы об этом спросили? – тут же решил уточнить брианец.

– Я тоже сравниваю его... с собой, – Антуан встал и подошёл к окну, – Господин Рай, у меня предложение поехать к губернатору и ждать отца там.

– Да, хорошая мысль! – легко согласился Рай.

* * *

Чувствовалась рука злого рока, граф, Антуан и Рай в сопровождении четырёх отлично вооружённых лакеев и десятка жандармов выехали из Туманной Гавани лишь три часа спустя. К этому времени Генрих Рай уже совсем потерял покой от беспокойства. Увиденный перед отъездом из Бетенгтона сон обрёл окраску мрачного предзнаменования и теперь грозил превратиться в смертельную удавку, но голос разума взбунтовался. Будучи не в силах найти для этого беспокойства никакого достойного уважения оправдания, он призвал на помощь волю и приказал ей обуздать эту неуместную бурю эмоций. Результатом этой внутренней борьбы стало решение отправиться в Бетенгтон по хорошей, но не самой короткой дороге. На какое-то время путешественникам даже

удалось опередить облака, и им улыбнулась синева, к сожалению, не самого раннего утра.

Свежий встречный ветер скоро вернул Раю самообладание и позволил найти силы обратить взгляд к столь интригующему настоящему. Кто бы ему сказал ещё вчера вечером, а тем более утром, что сегодня, в этот час, он окажется в роли провожатого для брата-близнеца Френсиса и их отца! Во истину, уже только вот за такие сюрпризы стоит любить жизнь!

Итак, Лаганы... Именно так часто называют членов семьи графа де Лаган. Конечно же, прежде всего Антуан. Он великолепно держится в седле. В этот момент его нельзя бы было отличить от Френсиса. Он так же радуется встречному ветру, так же чувствует коня и полон безграничной юношеской силы. Рай уже не мог поверить, что утром говорил именно с этим человеком.

Граф же в отличие от сына не мог принять радость настоящего. Прошое лежало на его плечах слишком тяжёлым грузом, а он ехал как раз на встречу с этим прошлым... «Но как же близнецы похожи на него!» – уже в который раз восхитился Рай, – «Теперь понятен гнев герцога, когда он впервые, спустя столько лет, увидел Фрэнка. Да, этого он не ожидал. Кстати, но ведь и Анри не понравился Его Светлости. Очень не понравился! Что-то мне подсказывает, что и этому хорошему человеку перепадёт лакомый кусочек...»

Глядя на графа и Антуана, Рай незаметно успокоился и позволил себе предаться мечтам, попытался представить тот

миг, когда Френсис увидит его спутников и узнает правду. На ум приходили слова поддержки и утешения, но, надо признать, всё это получалось коряво и отметалось тотчас. Так что скоро Рай отказался от этих тщетных попыток заглянуть в будущее, и тут в его памяти снова всплыл недавний зловещий сон, снова вернулась порождаемая им горькая тревога, и на этот раз просто отгородиться от её цепких объятий не получилось. Оставалось попробовать сбежать, или... да, лучше догнать и уничтожить! Похоже, это последнее и решил сделать Рай, а потому обогнал Лаганов и теперь всё пришпоривал и пришпоривал несчастного коня, мчась без оглядки до тех пор, пока, наконец, они не пересекли границу земель Бетенгтон.

– Как будто ничто не изменилось, – произнес граф, охватывая взором раскинувшиеся вокруг поля и редкий лес, – Впрочем, деревья определённо стали выше...

– Похоже вы давно не бывали здесь... при такой-то вашей с герцогом предыстории... – вдруг обронил Антуан и тут же вскинулся, – Почему так? Ведь вы навещаетесь в Брианию едва ли не каждый год.

– А что могло привести меня сюда, если я, казалось, нашёл, что искал? – граф сверкнул глазами и снова стегнул коня.

* * *

– Господин Рай! Какая жалость... – воскликнул было подбежавший к приехавшим Пол Эквайн, но, увидев Антуана,

тут же осёкся, – Оу, Ваше Сиятельство, так вам удалось-таки найти господина Рая! А где Анри? – конюх уже успел окинуть взглядом лица всех приехавших с Раем людей и искренне удивился, не найдя среди них Монсо.

– Погоди, приятель, Френсис уехал? В Туманную Гавань? За мной?! – Рай уже стоял рядом с Полом и теперь крепко схватил того за плечи, – И герцог ему это разрешил?!

– Но... – конюх от изумления потерял дар речи.

Он искренне не понимал, почему Рай ведёт такие речи в присутствии Его Сиятельства господина Френсиса. Проследив его взгляд, Рай с горечью вздохнул, только теперь он осознал всю комичность ситуации. Но всё-таки времени было мало. Он развернул к себе Пола и, глядя прямо тому в глаза, быстро заговорил:

– Слушай меня внимательно и постарайся понять. Это не Френсис, а просто очень... слишком похожий на него человек, чудо природы, если хочешь. Смирись с этим и скорее объясни, куда и почему уехал наш молодой господин. Он уехал с Анри? Что здесь произошло? Говори. Это очень важно!!!

Пол с трудом перевёл дыхание, и всё же нашёл в себе силы принять слова Рая. Он ещё раз кинул недоверчивый взгляд на Антуана, но обеспокоенность Рая и странное поведение «не совсем Френсиса», который явно не узнавал конюха и тоже не понимал, что происходит, убедили его – это не розыгрыш.

– Невероятно!!!...

– Говори же!!!! – взмолился Рай.

– Да-да... Его Сиятельство господин Френсис уехал в Туманную Гавань около двух часов назад. Он покинул дворец вместе с Анри и двумя праиэрами, Филом и Питом. Но праиэры вот только-только вернулись обратно, причём на деревенских кобылах, не своих. Они сейчас во дворце, наверно, докладываются Его Светлости.

– Они вернулись на чужих кобылах?! – не поверил своим ушам Рай.

– Да, верно. Их кони пришли в конюшню сами, – было ясно, что Пол не знает причину случившегося, но размышления на эту тему очень забавляют его.

– А почему ты решил, что Френсис отправился в Туманную Гавань для встречи со мной?

– Анри так сказал. Правда, он сказал чуть иначе... Что мол, они думают, что вы в беде, и хотят выручить вас. Да, так и сказал. Я думаю, это они, ваши воспитанники, выбили из сёдел праиэров. И ещё думаю, что именно поэтому господин Френсис запретил праиэрам брать с собой ещё гвардейцев для сопровождения.

Рай с огромной благодарностью пожал руку конюха и развернулся к графу де Лаган. Тот понял его без слов.

– Уверен, они отправились в Туманную Гавань короткой дорогой, поэтому мы с ними не встретились. Предлагаю немедленно вернуться в порт! – Рай всё-таки решил озвучил

свои мысли.

– Вы правы, но вот вопрос, – вдруг вступил в разговор Антуан, – Как так вышло, что герцог позволил Френсису отправиться в Туманную Гавань и даже выделил свиту? Это плохо вяжется с тем, что вы нам рассказали. Раз уж мы здесь, давайте попробуем найти ответ и на этот вопрос. Это может значительно сократить наши поиски в Туманной Гавани.

– Мой сын прав, – согласился граф, – Я должен увидеть герцога.

Рай опасливо огляделся и, приблизившись к графу, понизил голос:

– Ваше Сиятельство, вы знаете о гвардии герцога и, возможно, знаете, каким неуравновешенным может быть Его Светлость. Мы пошли на большой риск, явившись сюда. Ради Френсиса это надо было сделать. Но теперь, раз его здесь нет, стоит ли продолжать испытывать судьбу? Мы можем и не выйти отсюда...

Но граф отрицательно качнул головой:

– Герцог вырастил моего сына, значит, он приготовил для меня что-то более изощрённое, чем смерть. Мы теряем время. Лучше помогите мне скорее найти его. Антуан, будь рядом.

Посмотрев на сына, граф не смог скрыть тревогу, и тот понял, что отец допускает мысль, что ему, Антуану, здесь всё-таки может грозить опасность. Но юноша чувствовал скорее азарт, чем страх, он спокойно улыбнулся в ответ и кивнул.

Что ж, Рай со скрипом в сердце согласился выполнить просьбу графа и поспешил к парадному крыльцу. Лаганы не отставали. Приехавшие с ними лакеи и жандармы следовали за ними, словно тени. Уже будучи почти у самых дверей, Рай кинул спутникам:

– В это время дня мы наверняка найдём герцога в столовой...

При этом Рай против воли остановился, невеселые мысли приковали его взгляд к графу и Антуану: «Что за сумасшествие?! Этот дворец стал для меня опасен! Здесь я не могу быть спокоен за этих людей!!! Фрэнка и Анри куда-то унесло! Чёрт бы побрал герцога!!!»

– Что с вами, господин Рай? – окликнул его граф.

– Что? Да нет, ничего. Простите, – Рай круто развернулся к дверям и распахнул их во всю ширь, так нарушив тихий покой просторной парадной.

Здесь было сумрачно. Глаза вошедших невольно обратились в сторону самого светлого коридора, и потому появление дворецкого Уильяма было замечено сразу всеми.

– Господин Рай!!! О?! Господин Френсис, и вы вернулись?! – искренне обрадовался старый слуга и уже хотел поклониться, но Рай поспешил пресечь эту церемонность:

– Где герцог? Говори быстро! Сейчас не до поклонов!

– Его Светлость у себя в спальне. Ему с самого утра очень нездоровится, – волнение Рая уже передалось и дворецкому.

– Ему?! Нездоровится?! – казалось, изумлению Рая не бы-

ло предела, – Да накануне моего отъезда он был здоров, как бык.

– Да, господин, это очень похоже на приступ. Но Кэт говорит, что он и раньше хворал, только старательно скрывал это. Господин Френсис! Значит, Его Светлость посылал вас за господином Раем?

Антуан невольно обернулся к отцу. Да, всё говорило о том, что слуги этого дворца привыкли видеть господином человека с лицом Антуана!

Раздосадованный Рай тут же схватил Уильяма за плечо и заставил снова развернуться к себе:

– Герцог послал? Значит прежде, чем уехать, Френсис говорил с Его Светлостью?!

– Да... – поведение Рая удивляло Уильяма всё больше и больше, и это не замедлило отразиться на его лице.

– Я знаю тебя, плут, если была возможность, ты обязательно их подслушивал. Куда и зачем герцог послал Фрэнка?

Глаза Уильяма округлились, и он умоляюще посмотрел на Антуана. Эта ситуация невольно развеселила молодого Лагана, но Уильяма такая его радость только окончательно лишила дара речи.

Надо сказать, к этому моменту сюда уже подтянулось человек десять прислуги, и число любопытствующих быстро увеличивалось. Из смежных коридоров, со двора – отовсюду спешили заинтригованные слухами слуги дворца и солдаты гвардии Его Светлости. Шутка ли, приехал некто абсолютно

похожий на господина Френсиса! Это точно розыгрыш! Но как такое возможно?! Чтобы молодой герцог позволил себе такие странные шутки?! Весть неслась из уст в уста, разжигая людское любопытство словно пожар в лесу.

С молчаливого согласия отца Антуан решил обратиться к людям:

– Я не ваш господин. Я не Френсис!!! Все слышат?! – и молодой граф обвёл собравшихся величественным взглядом, – В это трудно поверить, но знайте, вы видите меня впервые!

При этом Антуан едва ли не впервые в жизни от души порадовался своему заметному фрагийскому акценту, он даже позволил себе утрировать его. Эта короткая речь произвела эффект. Вокруг воцарилось гробовое молчание, но по лицам было видно, что люди не спешат поверить таким словам.

– Вы слишком похожи! Слишком!!! Это трудно принять, – вздохнул Рай. – Но...

Он снова развернулся к Уильяму и уже хотел было ещё раз попытать счастья, но тут его перебил граф. Его твёрдый голос, голос человека, привыкшего и умеющего повелевать людьми, в миг приковал к себе внимание всех собравшихся здесь:

– Я фрагийский дворянин граф де Лаган, но что ещё важнее, уполномоченный представитель дипломатического департамента канцелярии Его Величества короля Фрагии Леопольда IV. Нахожусь в Бриании по личному приглашению Его Величества короля Бриании Ричарда II. Надеюсь, всем

понятно, что принимать меня под этими сводами, большая честь для вашего господина. Так поспешите же донести до него эту радостную весть.

И граф резко развернулся к Ламороу, которого уже давно заметил в толпе слуг, большая часть которых явно была гвардейцами, пусть и не облачёнными в форму. Со слов Рая граф уже имел некоторое представление о праиэрах герцога, и хорошо понимал, что сейчас столкнулся с главным из них. Гигант-альбинос злобно сощурился и взгляд не отвёл. Он шепнул пару слов оказавшемуся рядом Филу, и тот тут же исчез.

Граф понял, что был услышан, и решил закрепить эффект. Он развернулся к сыну и заговорил по-фрагийски:

– Застать здесь Френсиса мы, как видно, опоздали, но повидать герцога можем. Надеюсь, это нас не очень задержит, а то лорд Горанд грозил поднять по тревоге весь гарнизон Туманной Гавани в случае, если мы не вернёмся до заката. Зная о моих отношениях с Его Светлостью, он очень не одобрил наше сюда путешествие, но, да я думаю, он зря сгушал краски.

Эти последние слова граф произнёс, снова глядя прямо в глаза Ламороу, который, как граф верно догадался, хорошо понимал фрагийский. Тот и правда понял намёк. Как раз в этот момент к нему подбежал какой-то гвардеец и что-то шепнул. Ламороу в ответ отрицательно качнул головой и удалился сам. А граф развернулся к Раю и едва заметным

движением головы указал туда, где только что стоял Ламороу.

– Господин Рай, думаю и нам надо поспешить.

Что ж, Рай с трудом подавил в себе желание призвать своих спутников к отступлению. Граф ждал от него другого, и Рай, невольно сжав кулаки, ринулся прямо на гвардейцев, словно те были лишь сорной травой под ногами. Те и правда поспешили расступиться. Граф, Антуан и сопровождавшие их четыре до зубов вооружённые лакея не отставали. Жандармам граф велел остаться в парадной.

Рай не мог не заметить, что по мере приближения к спальне герцога им встречалось всё больше и больше заинтригованных лиц. Казалось, здесь собралась уже вся прислуга дворца, путь же назад надёжно преградили гвардейцы. Напряжение нарастало, словно над их головами собрались грозные тучи, и Рай почувствовал, как в его памяти буквально рушатся перегородки, отделяющие его прошлое от настоящего. Вот оно, уже хорошо забытое чувство риска, злобного бесстрашного азарта. Казалось, с его плеч дряхлыми обломками сваливается тяжесть прошедших десяти лет, и он снова полон сил и пуще прежнего ненавидит герцога. Да, но ему, Раю, теперь есть что терять, и есть что защищать.

Его полёт прервался на пороге той комнаты анфилады, где был вход в покои герцога. В дверном проёме возник Пит – прайэр блондин преградил им путь, и этого человека даже Рай не смог бы сравнить с сорной травой. Пит стоял с обна-

жённой шпагой в одной руке и длинным кинжалом в другой. Обнажить оружие в этой части дворца – дело неслыханное. Возмущённый Рай уже хотел было выхватить и свою шпагу, но тут понял, что Пит даже не смотрит на него. Как только рядом с Раем возникли Антуан и граф де Лаган, почти всегда прищуренные глаза Пита изумлённо распахнулись, а рот приоткрылся. Его взгляд заметался между лицами графа и Антуана, и в отличие от многих других, он почти сразу понял, что перед ним не Френсис:

– Вы?!? Здесь?!! – вырвалось из его груди.

Граф де Лаган выступил вперёд:

– Сдается мне, ты знаешь, кто мы. Хорошо. Но почему мне кажется, что у тебя приказ лишь задержать нас, но не сражаться? Я прав? В таком случае, считай, ты его выполнил. А теперь посторонись.

И в этот момент Рай мог бы поклясться, что глаза всегда такого бесстрастного Пита вдруг увлажнились. «Что происходит?!» – изумился Рай, но Пит не позволил его вниманию зацепиться за эту мысль. Он подарил Антуану ещё один долгий взгляд и... отступил.

– Вот и славно... – резюмировал Рай и снова ринулся вперёд.

Подлетев к спальне герцога, он, не остановившись не на миг, с силой толкнул двери и, несмотря на царивший в комнате полумрак, успел заметить растерянные лица Ламороу и герцога. Последний был бледен, как сама смерть. Ламороу,

зловеще сверкнув глазами и молниеносно выхватил шпагу. Антуан обнажил шпагу так же быстро и уже был перед отцом.

Взгляды герцога и графа скрестились, и, казалось, в воздухе замелькали молнии. Это был лишь миг, но этот миг запомнили все присутствующие. Такая глухая ярость перекосила лицо герцога, и такой горький гнев зажегся в глазах графа... Герцог перевёл взгляд на Антуана, на секунду замер, и вдруг его рука метнулась в сторону юноши:

– Ты... Вы!!! Не может быть!!!

Герцог рванулся в своём кресле, его лицо приобрело зеленоватый оттенок, рука судорожно схватилась за сердце, и страдалец рухнул в своё ложе без всяких признаков жизни. Ламороу тут же метнулся к нему:

– Ваша Светлость!!! Милорд!!! – в голосе первого праиэра слышался неподдельный ужас, – Милорд!!!

И герцог внял мольбе своего первого праиэра, заметно вздрогнул, с большим трудом приподнял отяжелевшие вдруг веки, перевёл взгляд на Ламороу и едва слышно произнёс:

– Пусть... они уйдут. Слышишь, отпусти их...

– Но, милорд...

– Делай, как я сказал! – угасающие глаза герцога на миг вспыхнули, – Мне скоро предстоит предстать перед Всевышним. Не клади на мою душу ещё один грех...

И герцог закрыл глаза, только его грудь судорожно вздымалась, напоминая о том, что этот человек ещё жив, пока

ещё жив...

Ламороу тяжело распрямился и поднял взгляд на графа:

– Уходите, господа. Уходите. Это воля моего господина, и благодарите его за эту милость.

Ламороу открыто развернулся к Антуану, и такой ненависти исполнился его взгляд, что молодой граф невольно выше поднял шпагу, но то был не страх, а решимость принять вызов, если таковой сейчас прозвучит.

– Это ваше появление лишило моего господина последних сил... Полагаю, сударь, мы с вами ещё поговорим, и один из нас умрёт, – глухо прорычал первый праиэр.

– Что ж, если тебе так угодно, ты умрёшь от руки моего сына, – согласился граф, – Но сейчас ответь мне, куда и зачем уехал Френсис?

Ламороу бросил взгляд на неподвижного хозяина и после минутной заминки ответил:

– Насколько я понимаю, это теперь ваши... семейные дела. Уходите! Больше мне нечего вам сказать! Мой господин нуждается в помощи, или скорее в покое... Вам здесь не место.

Что ж, граф де Лаган обратил тяжёлый взгляд к Его Светлости. Как могло случиться, что именно сейчас, когда они встретились, герцог так заспешил предстать перед божьим судом?.. Рай заметил, как граф чуть сощурился, а брови его, движимые какими-то внутренними ветрами, горько нависли над синими глазами. Казалось, граф хотел что-то сказать, но

в последний момент передумал, кивнул Антуану, Раю и двинулся прямо на столпившихся в дверях гвардейцев.

Приказ был отдан, и теперь ничто не могло помешать Лаганам покинуть дворец Бетенгтон...

Глава 08. Туманная Гавань.

Френсис и Анри миновали городские ворота Туманной Гавани скоро после полудня. Как они и ожидали, облачная громада надёжно заслонила собой солнце, и даже начала стряхивать на землю тяжёлые дождевые капли, но пока делала это настолько лениво, что при желании от этих капель можно было бы уворачиваться и так оставаться совершенно сухим.

Вот такими озорными мыслями развлекался Анри, когда вдруг Френсис резко остановился и спешил. Это заставило и Анри вернуться к реальности, осмотреться. Они оказались на небольшой площади, расположившейся вокруг маленького фонтана, неутомимо извергающего струю питьевой воды. В самом деле, уже очень хотелось смочить горло.

– Давай ещё раз, что именно ты подслушал в разговоре Фила и Поля Ляру? – потребовал Френсис сразу, как напился, – Вспоминай, как можно подробнее.

Анри уже хотел было напомнить о том, что его друг в принципе подверг сомнению правдивость этой новости, но успел-таки поймать себя на полуслове. Ведь в самом деле, они отделались от компании праиэров и приехали сюда. Френсис ввязался в большие неприятности, доверившись другу! Заслуживает ли он упрёков?

– Они не обсуждали детали, – Анри виновато улыбнулся.

ся, – Просто из сказанного ими я понял, что Патерсон должен повязать учителя и где-то спрятать.

– Как можно повязать такого человека, как учитель!? – с невольной усмешкой фыркнул Френсис, и тут же пришла идея, как именно это можно сделать.

Догадка осенила сразу обоих друзей, и их сердца дружно возмутились такому варианту.

– Что ж, давай проверим! – решил Френсис и взлетел в седло.

Анри не отставал.

– И как же ты собираешься это проверить? – на ходу поинтересовался Анри.

– Там видно будет. Разве этот пройдоха купец не готов простить мне любую выходку? – усмехнулся Френсис, – Вот только я не могу сказать то же самое и о себе...

Они знали Патерсона и где расположена его контора. Дело в том, что каждое лето Рай арендовал у этого купца один из его кораблей, чтобы подарить своим воспитанникам опыт морских путешествий. Мальчишки обожали в этих путешествиях всё, кроме неизбежной встречи с хозяином арендованного судна. Патерсон настолько рьяно старался понравиться молодому герцогу, что становился тенью Френсиса на всё время пребывания того в Туманной Гавани, очень громкой, суетливой и непроходимо глупой «тенью». Купца ничуть не смущало то, что молодой господин обращался с ним с нескрываемым раздражением, главное его соседи конку-

ренты видели его в таком блестящем обществе.

Друзья осадили коней как раз в тот момент, когда Патерсон вышел на порог своей конторы. Он намеревался снять одну из рекламных вывесок, которых на стенах его дома было так много, что за ними невозможно было разглядеть каменную кладку. И тут вдруг раздалось:

– Купец!

Патерсон с готовностью развернулся и сразу же испуганно присел. В его глазах светился такой откровенный страх, что друзья единодушно решили – этот проныра попробует сбежать, а потому и поспешили лишить его такой возможности. Анри перегородил выход со двора конторы, а Френсис спрыгнул с коня и вскинул руку в сторону открытой двери:

– Входи внутрь, или я выбью из тебя душу прямо здесь, на глазах твоих служителей и соседей!

Патерсон низко поклонился и всем своим видом выразил полную покорность. Понимая, что и там этот маленький серый человек может улизнуть, Френсис уже на входе схватил его за ворот рубахи и так вынудил отойти в глухой угол комнаты. Вот теперь Патерсон окончательно уверовал, что неприятный разговор неизбежен, и все его помыслы тут же обратились к поиску иного способа выжить.

– Ваше Сиятельство?! Ваш визит такая великая честь! – залепетал купец, – Вижу, что вы не в духе. Это так прискорбно! Поверьте, я ничего так сильно не желаю, только угодить вам!

– И поэтому решил поднять руку на Генриха Рая!? – зарычал в ответ Френсис.

– Я!? Причинить вред глубокоуважаемому господину Раю!? Ваше Сиятельство, да как бы я посмел!?

– Вот и я думаю, откуда такая невыносимая смелость?! Или скорее, глупость! Ты правда думал, что это сойдёт тебе с рук!?

– Да в чём именно вы меня обвиняете!?

– В том, что ты вознамерился опозорить моего наставника! И не смей отрицать! Учитель решил, что пара отвешенных тебе тумаков послужат достаточной платой за такое обслуживание, но у меня другое мнение. Я не намерен такое прощать! Может быть, я тебя и не убью, но покалечить, оставить памятный знак, я просто обязан. Это дело моей чести! – и Френсис выразительно обнажил кинжал.

Разум юноши нашёл только один способ, каким Патерсон мог бы справиться с Генрихом Раем, и именно это сейчас решил озвучить. Стоило дать свободу воображению, как сердце сразу охватила сильная злость. Да, Френсис был искренне зол уже на то, что есть причины допустить такой вариант, а если это ещё и окажется правдой, то причин для злости станет много больше.

Так что не удивительно, что Патерсон поверил и тут же рухнул на колени:

– Ваша светлость, да как же я мог послушаться приказа вашего батюшки!? Он выразился очень ясно – заковать вашего

наставника в Башне Тишины и держать там до новых приказов. Его Светлость карает ослушание смертью! Уж я-то знаю!

– Что ты сейчас сказал, сволочь!?! Заковать в Башне Тишины!?! – сердце Френсиса оборвалось, и он даже не обратил внимание на то, что его рука, в которой он держал кинжал, откинулась в сторону, словно для замаха, но это заметил Патерсон и залепетал ещё усерднее:

– Ваше Сиятельство, смилуйтесь! Это был приказ герцога! Письменный приказ! Я бы показал его вам, вот только господин Рай забрал его... Он не показал его вам!?! Умоляю, поверьте, я не вру! Разве ж посмел бы я учудить такое своей волей!?! Всю свою жизнь я служу роду Гейсборо верой и правдой!

– Ваше Сиятельство! – окликнул друга Анри, и только его голос вернул Френсису самообладание.

Глаза друзей встретились. Всё сошлось. Горькая правда из предположения превратилась в промозглую реальность – герцог солгал обо всём, что касалось Рая! А значит, и другим его словам теперь точно нет веры! Френсис сокрушённо повёл головой и крепко задумался.

Анри не стал мешать другу. Он жестом привлёк к себе внимание Патерсона и велел ему подняться на ноги. Убедившись в том, что Френсис не возражает, купец воспрянул духом:

– Ваше Сиятельство может полностью располагать всем, что я имею!..

– Как скоро «Святая Елена» может отплыть во Фрагию? – перебил его Анри.

– Что!?! «Святая Елена»!?! Да в любой момент... – тут же напрягся Патерсон, – У меня ясный приказ держать «Святую Елену» под парусом. А я приказы выполняю...

– Когда сегодня начнётся отлив? – вдруг очнулся Френсис. Патерсон бросил взгляд на настенные часы, произвёл какие-то расчёты в уме и выдал результат:

– Через пару часов...

– Тогда распорядись приготовить лодку и дай на корабль знак, чтобы были готовы отплыть сразу, как я поднимусь на борт. Ты понял? Я намерен отплыть через пару часов.

– Куда отплыть? – изумился Патерсон.

– Во Фрагию, конечно, – нахмурился Френсис.

– А ваш батюшка? – всё-таки рискнул уточнить Патерсон, – Мне говорили держать корабль готовым к отплытию Его Светлости...

– Правильно говорили. Сначала «Святая Елена» отвезёт меня, а потом моего отца, – и Френсис так посмотрел на купца, что у того отпало всякое желание возражать.

– Как вам будет угодно, милорд! – и Патерсон низко поклонился, – Извольте прийти в порт к восточному пирсу Королевского причала через два часа.

Френсис величественно кивнул и жестом предложил Анри выйти.

– Во Фрагию!?! Так скоро!?! – изумление Анри нашло вы-

ход в громком шёпоте сразу, как друзья вернулись к коням, — Ты серьёзно?!?

Френсис хмуρο кивнул.

— Может быть, сначала найдём учителя? — всё-таки возразил Анри.

— Ты же и сам понял, он в порядке. А я... Я уже переступил черту. Если действовать, то прямо сейчас. Задержимся, застрянем... Отец отправит на мою поимку всю свою гвардию... Я не знаю, как именно он отнесётся к моей выходке, но в отношении тебя всё много печальнее...

— Это понятно... Но что именно ты намерен сделать? Что значит действовать? Говори прямо! Что ты задумал?

— Я хочу найти этого графа де Лаган сам, без помощи кого-либо из праиэров.

— Зачем?

— Ты и сам знаешь... Либо история, рассказанная отцом, подтвердится, и тогда я убью этого графа...

— Либо что? Фрэнк, что будет, если окажется, что и в этой истории нет правды? Что тогда? Не забывай, ты всё ещё сын герцога Бетенгтона! И сейчас идёшь против его воли, всё дальше и дальше... Если остановиться, то чем раньше, тем лучше. Подумай об этом! Если тобой движет беспокойство обо мне, то... я могу найти учителя, он теперь изгой, вместе мы что-нибудь придумаем. А вот ты... Тебе есть что терять!

Френсис горько усмехнулся:

— Если отец солгал, значит у него есть на то причины, так

ответит он. Вот только дальше может прозвучать новая ложь. Дружище, я больше не могу и не хочу так жить!.. Не пытайся меня отговаривать. Я всё решил. И уж прости, это не столько ради тебя, сколько ради меня самого. Лучше скажи, ты со мной?

– Конечно! Мог бы и не спрашивать! – Анри с готовностью кивнул, – А что насчёт коней? Берём с собой?

– Нет, не в этот раз. Они слишком заметны, и... Я не хочу так рисковать ими. Ты согласен? Тогда оставим их здесь, пусть Патерсон вернёт их в Бетенгтон, – было видно, что это решение далось Френсису не просто.

Анри снова кивнул и выразил полную готовность выслушать и другие распоряжения. Френсис благодарно улыбнулся в ответ:

– У нас мало времени, дружище. Предлагаю сделать так. Ты заглянешь в трактир «Красная кружка», оставишь записку для учителя, в ней попросишь его дать нам знать, где он решит укрыться. Это поможет нам найти его по возвращении в Брианию. Согласен? А после этого вернёшься к Патерсону и проследишь за тем, чтобы к назначенному часу лодка была готова. Не дай ему вывернуться. А я тем временем зайду в банк и возьму деньги и чеки для предъявления в банках Фрагии. Ты же понимаешь, это ещё один повод поторопиться... Если отец и правда злонамерен по отношению ко мне, он очень скоро перекроет мне доступ к деньгам... Вот такой план. Что скажешь? Я ничего не упустил?

– Хороший план! – охотно откликнулся Анри.

– Тогда за дело! Встретимся на причале...

Френсис дружески похлопал своего коня по шее, передал поводья Анри и решительно направился в центр города...

* * *

– За мной, господа! – воскликнул Рай сразу, как только он с Лаганами пересёк черту Туманной Гавани, – Я знаю, где нам стоит попытать удачу...

– Может лучше сразу в порт? – решил возразил Антуан.

– Вы, мой друг, видно, забыли о размерах этого порта. Нет, лучше сначала заскочим к одному моему старому знакомому, – не уступил Рай.

– Какой именно помощи вы ждёте от этого знакомого? – потребовал ответа граф.

– Он владелец торговых кораблей, и всю свою жизнь был верным псом герцога. Сейчас на рейде порта стоит три его корабля, причём держит он корабли у разных причалов. Понимаете...

Граф кивнул. Они были где-то в квартале от конторы Патерсона, когда Рай неожиданно остановился и после секундной заминки обратиться к Антуану:

– Гарри Патерсон до смерти боится герцога. То, что нам надо, конечно, можно выбить из него, но на это потребуется время. Сударь, может быть, рискнем сыграть на вашем с Френсисом сходстве? Это крыса только увидит вас, и сразу станет ясно, появлялся ли здесь ваш брат... Понимаете?

В ответ Антуан беззвучно рассмеялся:

– Забавная у меня становится жизнь! Хорошо, подождите здесь.

И, получив молчаливое благословение отца, Антуан один направился к конторе. Но оказалось, что Рай не в силах просто ждать. Уже через пару минут он предложил графу подъехать ближе, и тот не стал возражать. То, как Рай переживал за исход погони, трогало графа до глубины души.

– Оу! – вырвалось у Рая.

– Что случилось?

– Взгляните, сударь, вон в конюшне Патерсона два великолепных коня, один не рассёдланный. Это любимые кони Фрэнка и Анри! Неужели нам повезло!..

И в этот миг граф и Рай увидели, как из дверей конторы выскочил Антуан и стал нетерпеливо призывать их к себе, при этом его лицо было искажено сильной тревогой... Но мы всё же приостановим время и войдём в контору Патерсона вместе с молодым графом.

Антуан совершенно не представлял с чего начать разговор, как себя вести, поэтому целиком положился на свой внутренний голос.

Не успел он как следует осмотреться, как навстречу к нему выскочил сам Патерсон.

– Почему вы ещё здесь, милорд?! Что случилось? – крысиное лицо Гарри исказило страшное волнение.

– А где мне быть? – усмехнулся Антуан.

Патерсон с первого взгляда не понравился ему, что незамедлительно отразилось на лице молодого графа. Тот воспринял это как должное, и Антуан понял, что не ошибся, позволив себе быть искренним.

– Ну... Это конечно вам решать... – растерялся Патерсон, – И всё-таки, что изменилось? Я же видел, как вы сели в лодку. Вас ведь уже не должно быть в Бриании!..

– Когда?! – Антуан схватил Гарри за плечи, – Когда уходит корабль? Как называется? Где он пришвартован?

– Ваше Сиятельство, да что с вами!? – от изумления Патерсон едва не потерял дар речи, – Если вы передумали плыть в Грандон, так и скажите. Зачем насмехаться над бедным купцом!? Сначала приказываете отвезти вас на «Святую Елену», потом...

– У какого причала стоит «Святая Елена»!? – перебил его Антуан.

– У... у Королевского... – растерянный Патерсон даже начал заикаться.

– Ты можешь остановить отплытие?! Дать какой-то сигнал с берега!? Как опознать корабль!?

– Опознать корабль?! Ваше Сиятельство, да не волнуйтесь вы так! «Святая Елена» без вас не уйдёт!

Страшно раздосадованный Антуан хлопнул кулаком по конторке Патерсона и стрелой вылетел из во двор...

– Скорее в порт! – закричал Антуан, взлетая в седло, – «Святая Елена» уйдёт с минуты на минуту, если это уже не

случилось!

Мчатся по узким улочкам города очень непросто, и, несмотря на все старания, они оказались на причале слишком поздно. Очертания белоснежного корпуса «Святой Елены» уже растворялись в тумане.

– Проклятье! – Рай горестно всплеснул руками, но тут раздался неожиданно спокойный голос графа де Лаган:

– Не расстраивайтесь так, мой друг. Через пару часов мы тоже будем в море, я уже отдал приказ. И далеко не всю Фрагию придётся переворачивать в их поисках. Думаю, что они едут ко мне.

– К вам? Почему вы так решили? – изумился Рай.

– Спросите себя, зачем герцог усыновил моего сына? Он полагал, что это единственный выживший из близнецов... Вы предрекали, что герцог укажет сыну имя врага, достойного смерти. А теперь ваш воспитанник направился во Фрагию. Пусть это прозвучит нескромно, но вряд ли у герцога во Фрагии есть другой столь же явный враг.

– Да, вы правы, – немного успокоился Рай, – К тому же, Анри заставит Фрэнка лишний раз подумать о том, что тот делает.

Граф подарил Раю долгий взгляд, но остановил-таки уже готовый сорваться с его уст вопрос. Раю показалось, что он понял, о чём хотел спросить граф, и невольно улыбнулся, но решил озвучить другую свою мысль:

– Я тоже рискну показаться не скромным и предположу,

что Френсис оставил для меня хотя бы записку. Есть у нас уговор на подобный случай. Не думал, что это время и правда придёт, но раз уж так вышло, что наши пути разошлись, он должен был позаботиться о нашей связи в будущем. Это не займёт много времени...

Что ж, сказано, сделано. В трактире «Красная кружка» они нашли письмо, оставленное Анри, из которого стало ясно, что граф прав в своих предположениях – воспитанники Генриха Рая отправились на поиски графа де Лаган.

– Что ж, хоть какая-то определённости, – Рай был почти удовлетворён, – Тогда, пока есть время, давайте позаботимся о наших животах. Ведь мы сегодня не ели.

– Я согласен, – с энтузиазмом поддержал это предложение Антуан.

Слуги были отправлены собирать вещи, а господа решили утолить голод прямо в городе. Выбор пал на маленький, уютный трактир, удачно расположившийся на перекрёстке двух главных улиц Туманной Гавани. В это время суток посетителей было ещё немного, поэтому не представило ни малейшего труда найти здесь место по вкусу. Не успели наши неудачливые преследователи расположиться, как к ним уже подбежал юркий мальчуган в огромном белоснежном фартуке и таком же сияющем колпаке:

– Чего изволите, господа?

Граф, не задумываясь, сделал заказ, и после того, как его спутники дали своё молчаливое согласие, мальчик исчез.

– Это моя вина, – горестно вздохнул Рай, – Это я отговорил вас вчера ехать в Бетенгтон. Впрочем... Нет худа без добра. Если бы мы застали во дворце Френсиса и Анри, то битвы было бы не миновать, и, не дай Бог, мы бы кого-нибудь в ней потеряли.

– Да, ситуация получилась бы щекотливая, но не безнадёжная, – усмехнулся граф, видимо успев мысленно сделать пару набросков возможной сцены встречи с герцогом в присутствии Френсиса.

– Не безнадёжная? – сощурился Рай, – Я уверен, гвардия была готова напасть. Ламороу ясно дал это понять, и на их стороне было многократное численное превосходство. Диву даюсь, как заржавели мои мозги в благости сытой жизни. Ведь я и правда только в Бетенгтоне начал понимать, что мы делаем. Но когда это поняли вы? Почему так доверяете мне? Ведь вы в праве подумать, что я специально завлёл вас в ловушку!

– Я не мог так подумать.

– Но почему, Ваше Сиятельство?!

Граф загадочно улыбнулся:

– Господин Рай, ведь вы не чужой для меня человек, я уже говорил вам об этом, а я такими словами не разбрасываюсь, спросите хоть Антуана.

– Это нельзя объяснить, – усмехнулся Антуан, – Остаётся просто принять, что я давно и сделал. Я уже говорил вам...

Что ж, Рай согласно кивнул:

– Такое доверие ко многому обязывает...

– Не надо, сударь, – улыбнулся граф, – У нас одна цель, и этого достаточно.

– Да, да, – вздохнул Рай, – Может быть... И всё же, что-то мне говорит, что не убеди мы герцога в том, что Антуан – это не Френсис, нам оттуда было бы трудно выбраться.

Граф с невыразимым теплом посмотрел на сына, тот же, чтобы скрыть охватившее его смущение, поспешил отвернуться к окну и сделать вид, что полностью утратил интерес к этому разговору. Что ж, граф снова развернулся к Раю:

– Герцог знал о каждом нашем шаге по дворцу, о каждом обронённом нами слове. Я всегда отдавал должное его уму. Вот и теперь, у него хватило силы признать своё поражение, а в Антуане увидеть одного из некогда сгубленных им моих сыновей... Всё было бы просто и ясно, если бы герцог просто нас отпустил. Ведь он знает в каком качестве я пребываю на земле Бриании, это делает меня и моих людей неприкосновенными. Но это его внезапная болезнь... Признаться, такого я не ожидал. Верить ли своим глазам? Этот лев сгнил изнутри?!

– Я тоже поражён, – поддержал его Рай.

– Господин Рай, вы допускаете мысль, что перед лицом смерти герцог мог покаяться и всё рассказать Жану? – граф с интересом ждал ответ, но Рай серьёзно заподозрил, что граф уже знает, что услышит.

– Конечно, нет. Полагаю, это не вопрос. Даже если герцогу

и правда пришёл конец, он не из тех, кто способен просить прощение. И в самом ли деле он болен? Уж очень странно это совпало с моментом моего отъезда из дворца... Ох, как же хорошо, что Фрэнк смог удержать подле себя Анри...

Граф тут же, словно поймав себя на какой-то мысли, подался ближе к Раю:

– А этот Анри, слуга Жана...

– Простите, скорее друг.

Брови графа чуть приподнялись:

– Друг, говорите? Ладно, пусть. Значит, друг в образе слуги... Расскажите мне о нём. Как возникла эта дружба? Почему вы так на неё рассчитываете?

Рай почувствовал неожиданно сильное волнение и потому не сразу собрался с мыслями для ответа:

– Признаться, я ждал, когда же вы спросите... Что ж, с удовольствием представлю вам этого молодого человека. Он дорог мне, как сын.

– Не меньше Жана? – вдруг вставил вопрос Антуан.

Рай несколько удивился этому, но не растерялся:

– Да, они близки больше, чем то порой бывает между братьями.

– Но Анри слуга, – напомнил Антуан, уловив в словах Рая неприятный намёк.

– Так было угодно герцогу, но так никогда не было по сути.

– Значит это один из пунктов вашей герцогу мести? – со-

щурился юноша.

Раю начинали не нравиться вопросы Антуана.

– Не только. Я же сказал, Анри мне как сын.

– Хорошо, господин Рай, – граф укоризненно взглянул на сына, – Прошу вас, продолжайте.

Рай чуть поклонился и начал свой рассказ:

– Анри сирота. Сам герцог заявил, что Анри является сыном некоего фракийского пирата, плававшего под испайронским флагом. Когда-то этот пират пленил Его Светлость, а потом погиб в очередном морском сражении. Признаюсь, в эту версию я не верю, но другой у меня до сей поры не было. Моё собственное расследование не принесло желанных плодов. Могу только сказать, что Анри появился в Бетенгтоне примерно четырнадцать лет назад, и тогда обращались с ним хуже, чем с бездомной собакой. Своих родителей он не помнил, или во всяком случае наотрез отказывался о них говорить, люто ненавидел герцога и, несмотря на сплошное унижение, умудрялся сохранять человеческое достоинство, за что ему и попадало вдвое больше. Признаться, когда я его увидел, у меня защемило сердце, и... я выкрал его. Он жил у одних моих хороших друзей. Когда герцог же сделал меня воспитателем Фрэнка, я вернул Анри во дворец. Они оба были одиноки, из обоих хотели сделать нелюдей, у них оказалось много общего, одинаковая тяга к знаниям, жажда жизни... Должен признаться, я дал им одинаковое воспитание и образование. Что ещё примечательно, в своих письмах среди

прочих указаний по воспитанию мальчишек, герцог настаивал на том, чтобы Анри непременно пресмыкался перед Фрэнком, чего, как вы уже поняли, никогда не было... Что ещё сказать? В общих чертах, это всё.

Графа очень заинтересовал этот рассказ, Антуан тоже не пропустил ни одного слова, но при этом в их головах бродили, очевидно, очень разные мысли...

– А как полное имя Анри? – поинтересовался граф.

– Монсо. Анри Монсо. А его отца герцог назвал Роменом Монсо.

– Ромен!? Монсо... Почти Монсар...

– Отец, что вы хотите сказать?! – тут же встрепенулся Антуан.

– Видишь ли, сыну Ромена и Эспиранты при крещении было дано имя Анри, и сейчас его бы звали Анри граф де Монсар!

– Быть не может! – Рай даже привстал от волнения.

– Да, интересное совпадение... – кивнул граф.

– Но я уже больше, чем уверен, что вы правы! – воскликнул Рай, – Вы бы видели лицо герцога, когда тот встретился с Анри! Если Анри так же похож на своего отца, как ваши сыновья на вас, то...

– Постойте, – граф напряг память, – Ростом с Антуана, волосы чёрные с золотым отливом упруго выются, глаза карие почти чёрные, черты лица наводят на мысль о том, что он родом с юга Фрагии, или даже из Испайры...

– Да! Да! – Рай ликовал.

– Сколько ему сейчас лет?

– Они с Фрэнком ровесники, или может быть Анри чуть старше.

Граф обратил счастливый взгляд на сына, которому уже успело передаться волнение отца и Рая.

– Вы хотите сказать, что мы почти нашли брата Марианны?! – решился вслух предположить Антуан.

Граф не мог скрыть улыбку.

– Многое говорит в пользу этого, но... Давай всё же не будем спешить с выводами. Время покажет...

И тут к их столу подошли двое поварят с большими подносами и, судя по всему, сам хозяин трактира. В то время пока поварята накрывали на стол, хозяин склонился в низком поклоне и с сияющей улыбкой на лице обратился в Антуану:

– Я так счастлив, что вы, милорд, с вашими друзьями решили посетить моё скромное заведение. И чтобы доказать эту мою радость, я возьму с вас только полцены.

Антуан ничего не понимал и в поисках помощи обратился растерянный взор к отцу.

– Милейший, ты ничего не путаешь? Я здесь впервые, – произнёс граф.

– Да, впервые, и я счастлив, что это всё же произошло.

– Ты так говоришь, словно мы с тобой знакомы, – заметил Антуан, – А между тем я уверен, что прежде мы не встречались.

– Как?!.. – казалось, приветливый толстячок лишился дара речи.

– Сожалею, но ты ошибся, – отрезал Антуан и невольно нахмурился.

– Не может быть! Ведь не далее, как час назад, я говорил с вами!

– Послушай... – нахмурился Антуан, но тут рука отца легла на его плечо и заставила замолчать.

– Я правильно понял, час назад? – обратился граф к трактирщику.

– Да, господин, – казалось хозяин уже был готов заплакать от такой обиды, – Простите, может быть, я позволил себе лишнее, но честное слово, мне показалось, что мы расстались друзьями, и я был бы рад вам услужить.

– Это очень мило с твоей стороны, – улыбнулся граф и теперь всем корпусом развернулся к трактирщику, – Постарайся меня понять. У меня два сына близнеца. Один сейчас перед тобой, а со вторым ты говорил час назад. Это разные люди.

Тяжело сглотнув, трактирщик нерешительно кивнул. У ещё стоявших рядом поварят тоже округлились глаза.

– Пошли прочь! – шикнул на них хозяин. Мальчишки с большим нежеланием отошли от стола, но недалеко.

– Близнецы, вы сказали, милорд?

– Да, верно. К сожалению, мы разминулись с Жаном де Гурье, тем, с которым тебе уже довелось поговорить. Я бы

хотел узнать подробности, как именно произошла эта ваша встреча?

Услышав, как, граф назвал Фрэнка, Рай и Антуан невольно замерли, у первого в глазах отразилась радость, у второго недоверчивое удивление.

Тем временем трактирщик продолжал усердно соображать, верить ли услышанному. Наконец он договорился сам с собой.

– Да, понимаю. К тому же тот чисто говорил по-бриански, а у вас, господин, – обратился он к Антуану, – такой сильный фрагийский акцент. А тот значит фрагиец, как и вы?

– Да, он чисто говорит и по-фрагийски, – не удержался Рай. При этом Антуан невольно почувствовал укол своему самолюбию.

– Хорошо, я понимаю, – согласился хозяин, – Я с удовольствием расскажу вам эту захватывающую историю, тем более что лучше меня вряд ли кто-нибудь сможет это сделать. Милорд... простите, не знаю ваше имя.

– Граф де Лаган.

– Джон Брас, – хозяин ещё раз поклонился, – Ваше Сиятельство, вы можете гордиться своим сыном! Он настоящий герой!

Заметив довольную улыбку на лице отца, Антуан нахмурился. А Джон Брас уже начал свой рассказ:

– Я спокойно занимался своими делами, когда вдруг раздался душераздирающий вопль. Какая-то женщина звала на

помощь. Конечно же, я сразу выскочил на улицу. Всё дальнейшее произошло в один миг, но я не смогу так быстро рассказать, уж простите, – трактирщик хихикнул и тут же изобразил картинно драматичную физиономию, – Оказалось, сказочно прекрасную девушку понёс взбесившийся конь, и никто не отважился прийти ей на помощь. Конь неся по улице во весь опор, откидывая людей к стенам домов, а всадница, немислимо как всё ещё остававшаяся в седле, продолжала звать на помощь. Кошмар! И тут он! – хозяин обвёл слушателей торжествующим взглядом, но уже через секунду его глазки-пуговицы снова потемнели, – Он ринулся прямо на коня, вцепился в поводья, при этом конь встал на дыбы, но наш герой не отпускал его. Ещё миг, и конь усмирён! Чудо! Он совершил чудо!!!

– Ему уже приходилось такое делать, – усмехнулся Рай.

– Да? – несколько растерялся рассказчик, – В любом случае, он спас эту девушку. Надо сказать она великолепная всадница. При всём этом всё же удержаться в седле! Я такого ещё не видел!

– Хорошо, а что же было дальше? – выказал нетерпение граф.

– Дальше?.. Ах да, дальше. Ваш сын помог девушке сойти с коня. Они о чём-то поговорили. Я уже хотел, как и прочие, подойти к ним, чтобы выразить своё восхищение, как вдруг прямо рядом со мной раздался резкий голос: "Мариянна..." – и дальше всё по-испайронски.

– Марианна!!! – Антуан побледнел.

– Да, это единственное, что я понял наверняка.

– Как она выглядела? – Антуан подался вперёд.

– О, я же говорил, она великолепна!

– Опиши её!

– Ну... Стройная, черноволосая, ну... кажется, она тоже испайронка. Я не знаю, она просто прекрасна, что тут ещё сказать?

– Что значит "тоже испайронка"? – граф с беспокойством глянул на сына.

– Ну... тот, который её звал уж точно испайронец. Повидал я таких на своём веку... Да, точно! Голову даю на отсечение!

– С этим поосторожней! – улыбнулся граф, – Может быть, ты заметил, нет ли у этого испайронца на правом виске шрама?

– Да у него вообще нет правого глаза!

– Точно, барон Парадесс! – Антуан ударил по столу кулаком.

– Да, похоже, – в глазах графа мелькнула тревога, – Что же было дальше? Он позвал девушку...

– Да, позвал... – хозяин снова собрался с мыслями, – Она тут же простилась со своим спасителем и подошла к этому... как вы говорите, барону. Они перекинулись несколькими словами на испайронском, впечатление, что они поругались, и скрылись за дверью вон того дома.

Антуан вскочил словно ужаленный, но граф успел схватить его за руку. Хозяин угадал порыв юноши:

– Успокойтесь, милорд, их там уже нет, ручаюсь вам. Я сам видел, как они, где-то с полчаса назад, погрузили свои вещи в карету и направились в сторону порта.

– Сядь! – приказал граф Антуану, тот с досадой подчинился. Граф снова обратил свой взор на хозяина, и тот продолжил:

– Да... Так, о чём это я?.. Только девушка и барон скрылись, меня окликнул тот ваш сын, господин граф: "Добрый человек, не подсказешь ли мне, как зовут эту красавицу?" "Ту, которую вы только что спасли?" – уточнил я, конечно же зря. Он мне кивнул. Я сказал ему то же, что и вам, только имя «Марианна». Полных имён этих испайронцев я и правда не знал. Оно ведь как, чем меньше знаешь, тем легче жить! Верно?..

– Что же дальше? – поторопил его Рай.

– Да, дальше. Я, помню, ещё удивился вслух: "А разве она вам не представилась?" "Похоже, она решила, что мы знакомы", – и вид у него, скажу я вам, был весьма растерянный, – "Она даже просила о встрече, но как это возможно..." – добавил он. Я ничем не мог ему помочь. А у него, похоже, уже совсем не было времени. Я видел, как он постучал в тот дом, ещё и ещё раз, но ответа не получил... и потом бегом бросился к порту.

– Так и не узнав её имя?! – не поверил своим ушам Ан-

туан.

– Он ужасно спешил, унесся, как тот взбесившийся конь... – и трактирщик громко рассмеялся, радуясь своей остроте, но, видя, что его никто не поддержал, тут же осёкся.

– Благодарю за этот рассказ, – граф благосклонно кивнул, – Для нас было очень важно это узнать.

С этими словами граф отсыпал несколько монет и протянул их трактирщику. У того глаза просто запылали восторгом.

– О! Господа! Право, за что?!

– Забирай это, ты заслужил. И теперь оставь нас.

Счастливчик не стал заставлять себя упрашивать, сгрёб деньги и был таков. А граф перевёл взгляд на сына, который даже не замечал, как сильно хмурится и поджимает губы.

– Антуан, – отец обратил на себя внимание сына, – Если я понял правильно, ты уже приревновал Марианну к Жану. Остановись! Дай себе труд понять, что творят твои мысли. Лучше задумайся над тем, как нам организовать поиски Марианны, Жана и Анри. Девушка продолжает искать возможность встретиться с нами, а Жан и Анри пока не знаю правду о себе. Вот о чём надо думать. Ты меня понял? Держи себя в руках!

Антуан вынужденно кивнул и взялся за ложку.

– Скоро и мы выйдем в море! – Рай попробовал приободрить не только Антуана, но и себя, но это получилось равно безуспешно.

Глава 09. Грандон.

К полудню следующего дня граф де Лаган, Антуан и Рай прибыли в Грандон и сразу же приступили к поискам Френсиса и Анри. Они решили просить помощи у губернатора, старинного друга графа. Он был одним из немногих посвящённых в тайну близнецов семьи Лаганов, и ему не пришлось долго объяснять, что от него ожидается. Не прошло и часа как по городу рассеялись полтора десятка ищеек, получивших приказ искать человека с лицом Антуана. Эта мера должна была принести скорые плоды, но тем не менее Рай и Антуан не пожелали просто ждать и тоже отправились на поиски. Граф же, к своему сожалению, не смог к ним присоединиться. В Грандоне его поджидало очень неприятное известие, запечатанное перстнем господина де Ливорна. Новый на первый взгляд неподъёмный ворох дел обрушился на голову графа, и, отказываясь поверить, что это может отвлечь его от поисков сына и Марианны, он сразу же принялся за работу.

– У меня предчувствие, что отцу всё-таки не удастся избежать поездки в Фонтэнж, – произнёс Антуан, когда они с Раем выходили на главную улицу города.

– Подозреваю, это не просто предчувствие, – усмехнулся Рай.

– Вы намекаете на моё признание в полном отсутствии

интуиции? – улыбнулся Антуан, – Что ж, может быть, вы и правы. Ведь я могу объяснить, почему так думаю.

– И почему же?

Антуан стал серьезнее, он не сразу решился облечь свои мысли в слова:

– Хорошо. Вспомните наш разговор на корабле, ту его часть, в которой отец поделился с нами своими планами о разделе наследства.

– Да, я помню.

– И всё же, я позволю себе кое-что повторить. Нас родилось четверо, четыре близнеца. Женщины, принимавшие роды, были так потрясены этим событием, что умудрились перепутать нас...

– Так что не ясно, кто из вас родился первым... – с готовностью поддержал Рай.

– Получается так. Старшего из нас теперь можно только назначить...

– Да, и закон Фрагии непреклонен, только старший сын может стать хранителем рода, а его братьям предписана роль его вассалов... Ваш отец намерен решить вопрос старшинства позже, и в любом случае наделить вас насколько возможно равным наследством. Я помню, – кивнул Рай.

– Равным?.. – усмехнулся Антуан, – Это пока только намерение... а договорённостям, полученным под это, уже почти двадцать лет. Сейчас всё это надо будет выбивать, подтверждать заново. Ведь взгляды нашего короля во многом отлич-

ны от взглядов его отца... Да и не наследство наша главная проблема. Отец богат. Даже если объявятся и Виктор с Эженом, всем хватит для достойной жизни. Но вот как быть с нашим, как вы говорите, феноменальным сходством?! Во Фрагии это в пору назвать проклятием! Таким близнецам в праве на существование отказано самим королем! В его глазах это сродни государственной измене...

– В каком смысле измене?! – отказался поверить своим ушам Рай.

– Король уверен, что такое сильное сходство чревато беспорядками, смутой. Вы и сами это понимаете. Маленькие близнецы – это забава, взрослые – проблема, – объясняя это, Антуан болезненно сморщился.

– И как эта проблема решается? – против воли и Рай хмурился всё больше и больше.

В ответ Антуан передернул плечами, словно ему вдруг стало холодно:

– Решается? Радикально. Младший, или младшие должны изменить внешность.

– В каком смысле?! Как?! – изумился Рай.

Что ж, Антуан тоже остановился:

– Спрашиваете как? Самым безобидным и эффективным признано рассечение щеки. Чтобы любой человек сразу видел, кто из близнецов стоит перед ним. Но бывали и иные случаи...

– Сударь, признайтесь, вы меня разыгрываете! – взмолил-

ся Рай.

– Разыгрываю?! – Антуан невесело рассмеялся, но за этим смехом Рай распознал большую душевную боль. Молодой граф отвёл взгляд, тяжело вздохнул и продолжил, – Разыгрываю... Ах если бы... Я лично был свидетелем экзекуции, учинённой над младшим из близнецов Розральи, сыновей маркиза де Таглор! Когда им исполнилось двенадцать, палач основательно рассёк ему щёку. Франциска связали по рукам и ногам и... У меня до сих в ушах звучит его крик. Они с Франсуа были в составе пажеского корпуса, как и я. Нас всех заставили смотреть на это... А бывало и много хуже... Барон де Шеран попытался спрятать своих двух сыновей близнецов. За неповиновение их жестоко наказали – щёку рассекли старшему сыну, а младшему поставили на лоб клеймо. Мне было тринадцать, когда я стал свидетелем и этому... А нас, Лаганов, оказывается, четверо! Здесь одним шрамом на одной щеке одного из нас не обойдёшься!..

– Пока вас только двое... – сильно опечалился Рай, – Может быть, всё не так драматично, и до членовредительства дело не дойдёт?

– Все будет сложно, вы уж поверьте. Я знаю, что говорю... – веско подвёл черту Антуан, – Короче, это я к тому, что раз отец намерен биться за нас и наши права... Битва будет трудной, и в этой ситуации он не станет пренебрегать государственными делами. Поддержка господина де Ливорна сейчас особенно ценна...

Рай откровенно расстроился:

– Не думал я, что во Фрагии царят такие зверские законы... Как-то это ускользнуло от моего внимания... О, чёрт побери!

Проехавшая мимо карета заставила Антуана и Рая плотно прижаться к грязной стене.

– Тысяча проклятий! – выругался Рай, расправляя шляпу.

– О, мой плащ! – ужаснулся Антуан, – Господин Рай, боюсь, нам надо искать помощи. В таком виде нас не пустят в дом губернатора.

– Да? – Рай осмотрелся более придирчиво, – Дела!.. Мы, конечно, грязны, шутка ли, вытереть собой эти стены, но неужели этого хватит, чтобы потерять пропуск к губернатору?

Видя, как Рай старается отряхнуться, Антуан от души рассмеялся.

– Давайте заглянем вон туда, – и молодой граф указал на опрятную таверну, расположенную в доме напротив.

Уже через пару минут они уютно расположились у стойки бара каждый с чаркой вина в руке, а служанка под чутким руководством хозяйки заведения занялась чисткой их плащей и шляп. Здесь царил полумрак, было чисто и тепло, так что можно было забыть о промозглой сырости, царившей на улице.

– Это было хорошей идеей, зайти сюда, – удовлетворённо кивнул Рай, – За чаркой этого отменного вина ваш рассказ,

сударь, уже чуть поубавил краски. И всё же... Вы сказали, что такие жёсткие меры были применены даже к сыну маркиза?! Может быть, этот маркиз был не в фаворе у короля? Такое бывает...

– Бывает, но это не тот случай... – Антуан с удовольствием отпил вина, явно стараясь не допускать к сердцу когда-то остро пережитую боль, – Поговаривают, что такая категоричная позиция короля объясняется тем, что у него самого есть брат близнец... Но да это, скорее всего, досужая байка. А то, что рука была поднята даже на сына маркиза стало знаком того, что исключений ни для кого не будет.

– Но это ужасно! – Рай попробовал представить на лице Антуана глубокий шрам во всю щёку, и невольно содрогнулся, – Нет, я не верю!.. Должна же быть какая-нибудь альтернатива!!!

Антуан подарил Раю долгий тяжёлый взгляд и решил не отвечать, ведь уже всё сказано и услышано. Но Рай упрямо продолжал отказываться принять это:

– Фрагия очень большая страна! Я не могу поверить, что такая горькая участь настигает всех близнецов! Прошу, ответьте, сударь!

Молодой граф бросил на Рая недобрый взгляд, но всё-таки уступил:

– Этот закон распространяется только на знать. Простолюдин может быть похожим на кого угодно, только ни на кого-нибудь из знати... У высшего сословия выбор не богат,

либо описанное мной ранее, либо лишение всех титулов и состояния и низведение в ранг третьего сословия. Я слышал, граф де Ламар выбрал именно такой путь, всё продал и увёз семью в Западные колонии. У него было... впрочем, надеюсь, всё ещё есть три сына близнеца. Теперь они сыновья крупного землевладельца, но не графа.

– По сути, изгнание... – Рай сокрушённо вздохнул, – Герцог мог бы и не утруждать себя похищением сыновей графа де Лаган? При такой-то королевской воле...

– Этому закону около десяти лет... Я же сказал, это прихоть нынешнего короля, не предыдущего, – усмехнулся Антуан, – Так что, если уж быть честными, найдя моих братьев, отец поставит их перед... странным выбором: оставаться в неизвестности или принять увечья.

– Странно, что на корабле граф никак не коснулся этой страшной проблемы, словно её и нет, – вздохнул Рай, какой-то малой частью своего сознания он всё ещё надеялся, что Антуан его разыгрывает.

В ответ юноша лишь пожал плечами:

– Отец уверен, его сыновья должны быть при нём. А вот эта проблема королевской волей... У него пока нет для неё решения, и помощь он станет искать не у нас с вами. Ему сейчас нужны друзья из числа сильных мира сего... Так что, он очень скоро отправится в Фонтэнж, а Жан, когда мы его найдём, должен будет оставаться в тени, по крайней мере какое-то время... Я ответил на ваш вопрос. И, прошу, хватит

об этом.

Что ж, Рай согласно кивнул. Он ясно видел, как все эти рассуждения расстроили Антуана. Ему самому требовалось время, чтобы обдумать эти новости. Потрясение, вызванное ими, ещё не было готово облачиться в одеяние слов и каких-либо выводов. Воцарилось неловкое молчание. Но ненадолго...

– Господин де Валеньи!!!

Антуан и Рай одновременно развернулись и увидели худого, как сухой тростник, молодого человека. Одежда на нём висела как на вешалке, а лицо было из разряда тех, которые как ни старайся, никогда не сможешь оставить в памяти, иначе как серым пятном.

– Виконт де Крахтыю? – нахмурился Антуан, – Чем обязан?

Крахтыю глянул было на Рая, увидев в нём спутника Антуана и желая быть ему представленным, но встретил такой ледяной взгляд, что в тот же миг простился с этой мыслью, снова развернулся к Антуану:

– О, сударь! Пройдёмте, посидим, дружески побеседуем!

Крахтыю весь просто светился благодушием и беспредельной любовью к молодому графу. Но тот явно не разделял этой симпатии, и Рай прекрасно его понимал. Крахтыю не понравился ему с первого взгляда.

– Сожалею, но я не располагаю достаточным временем, – мрачно отозвался Антуан.

– Жаль, жаль, – приуныл виконт, – Признаться, этот при-
скорбный факт повергает меня в глубочайшее уныние. Вы
недолюбливаете меня, Ваше Сиятельство! И это несмотря на
все мои старания заслужить ваше внимание и расположение.
Мой папаша говорит, что такие достойнейшие люди как вы,
сударь, и ваш отец должны быть нашими лучшими друзьями.

– Должны?! – брови Антуана удивлённо изогнулись, –
Очень сожалею, дражайший виконт, но смею заверить вас,
хоть и ужасно рискую глубоко ранить ваше хрупкое сердеч-
ко, что ни я, ни мой отец этот глубокомысленный взгляд ва-
шего почтеннейшего папаша не имеем возможности и каких
бы то ни было сил разделить, – и Антуан чуть поклонился.

Крахтью не сразу пришёл в себя от всего услышанного, и,
кажется, так и не понял, что это Антуану пришлось в голову
так витиевато изъясняться. Рай же, наблюдая эту сцену, едва
сдерживал смех.

– Да, это печальный факт, но, полагаю, тут уже дело край-
не безнадёжное, – наконец натужно улыбнулся Крахтью, –
Ведь вы никогда не простите мне то, что я оказался удач-
ливее вас. Как бы гордо ни держали вы голову, вам при-
дётся-таки принять мои самые искренние соболезнования
и признать себя наконец-то поверженным более сильным и
удачливым противником.

– Хватит! – терпение Антуана истощилось, – Говорите ко-
роче, что это вы вздумали мне соболезновать?

– Ходят слухи, что вы крайне равнодушны к графине

де Монсар. Это так? А, вижу, вижу... Можете не отвечать, – Крахтью едва ли не потёр руки, – Так вот, я полагаю, что с тем и останетесь и в самом недалеком будущем пришлёте мне поздравления, потому что именно я женюсь на ней.

– Вы!?! – только и смог произнести оглушённый таким заявлением Антуан.

– Я! – и Крахтью встал в торжествующую позу.

Раю тоже стало не по себе, он с тревогой развернулся к Антуану. Тот в самом деле потемнел, но ничего не замечающий Крахтью продолжал:

– Вы всегда считались человеком неглупым, а тут не учли того простого факта, что невеста находится под опекуном барона Парадесса, и никто другой кроме него не будет выбирать жениха. А вы, милейший сударь, ему очень-очень нравитесь, – и виконт ехидно хихикнул.

Антуан с великим трудом сохранил-таки невозмутимое выражение лица, но всё же позволил себе положить руку на эфес шпаги:

– Мне показалось, что графиня не из тех, кто позволяет собой распоряжаться...

– Вы плохо расслышали мои слова? – изумился Крахтью, – Кстати, я нахожу забавным то, что опекуном графини является барон... Это ли не абсурд?! Да, такое возможно только в Испайре! Только там сила завещания и кровные узы могут оказаться сильнее положения о рангах, – продолжал рассуждать Крахтью, – Так или иначе, жениха выбирает барон.

– И всё же вам придётся и у графини спросить согласия! – сорвался-таки Антуан и чуть не кинулся на Крахтью, но не успел он выхватить шпагу, как тот отскочил на пару шагов в сторону и, теперь насмерть перепуганный, заговорил скороговоркой:

– Прошу вас, сударь, сохраняйте спокойствие! Припомните, вы же говорили, что вам противно пачкать об меня руки, и вы не станете это делать. Будьте же верны своему слову!

При таких словах виконта Антуан содрогнулся от отвращения, но уже в следующий миг вдруг успокоился и даже зловеще улыбнулся недругу:

– Что ж, благодарю вас, виконт, вы были очень любезны, сообщив мне столь важное известие.

Такое самообладание молодого графа очень порадовало Рая, но он всё-таки взглядом указал Антуану на дверь, благо их очищенные плащи и шляпы уже лежали рядом на стуле. Юноша величественно кивнул Раю и, больше не удостоив Крахтью даже мимолетным взглядом, направился к выходу, а испуганный виконт так и остался недвижим.

– Чёрт бы побрал этого гада! – взорвался Антуан сразу, как только они вышли из таверны, – Но нет худа без добра, будь я проклят, если допущу эту свадьбу!!!

– Спокойствие, мой друг, – Рай положил руку на плечо юноши и поманил его в переулочек, дабы не привлекать внимание прохожих, – Вы уверены, что девушка против этого брака?

– А разве в этом можно сомневаться?! – пуще прежнего вскипел юноша, – Вы же видели этого человека! А я знаю Марианну. Это замечательная девушка! И такие слюнтяи, как Крахтью, в принципе не могут в её душе вызывать ничего кроме отвращения!

Рай бросил на Антуана пытливый взгляд и ещё более мягко продолжил:

– С вами трудно спорить, но мне кажется, что Крахтью был слишком сильно уверен в своей победе, раз уж отважился доставить себе удовольствие, сообщив вам об этом. Вот что должно нас сейчас беспокоить. Боюсь, нам придётся заняться поисками графини де Монсар прямо сейчас. Это обещает более скорый результат... В конце концов, Фрэнка сейчас ищет целая свора ищек.

– Позвольте, господин Рай, но я не понял. Вы так говорите, словно уже знаете, где мы найдём графиню!

– Не совсем так, но мы можем спросить об этом виконта де Крахтью, не так ли? Он сказал, что его помолвка состоится в ближайшее время, тогда он наверняка знает, где встретится с невестой. Я вывел вас из таверны только для того, чтобы вы выпустили пар. А теперь, надеюсь, вы готовы взяться за дело с холодным рассудком?

Антуан тут же просиял:

– Bravo, господин Рай! Это известие так выбило меня из колеи, что я просто перестал соображать. Скорее, мы теряем время! Я вытрясу из этого недоразумения всё, что нам нуж-

но! – и Антуан стрелой бросился обратно.

Рай, не ожидавший такой прыти от своего молодого спутника, сильно отстал и уже начал серьёзно опасаться за жизнь виконта де Крахтью, ведь Антуан был слишком возбуждён. Но... Их ждало горькое разочарование – Крахтью исчез бесследно.

– Чёрт! Как же это мы так?! – взвыл Антуан, – Скорее Марианна пересечётся с Жаном, чем мы найдём кого-нибудь из них! – вдруг вырвалось у него в сердцах.

При таких словах юноши Рай невольно нахмурился:

– Понимать ли это как то, что вы всё-таки приревновали Марианну к Фрэнку?!

Антуан застыл на месте и подарил Раю долгий взгляд:

– Приревновал? Вы полагаете, что для этого есть основания? – наконец поинтересовался он.

– Это вы так полагаете! – и Рай не удержал тяжелый вздох, – А мне больно это видеть. Очень больно. Мой друг, умоляю вас, не увлекайтесь. Ревность способна ослепить, лишит рассудка и, что самое страшное, разрушит то, что пытаются защитить. Простите мне эту небольшую мораль, но я думаю, что вам следует в первую очередь подумать о благополучии графини, а не копить злобу на брата, которого ещё не видели и не знаете.

Но Антуан не простил своему новому другу такую отповедь:

– Сейчас, закрой я глаза, решил бы, что слушаю отца, – с

открытым сарказмом произнёс он.

Но Рай не уступил:

– Это надо не только понять, но и принять!

Что ж, Антуан заставил себя кивнуть, но при этом сердитая ухмылка так и не сошла с его лица, и Рай остро ощутил всю тщетность своих усилий. Фрэнк ещё не вошёл в семью, а уже обрёл в лице брата недруга... Да, до конца этой эпопеи ещё очень далеко, и на память Раю вновь пришёл зловещий сон, приснившийся в ночь на тот день, когда он простился с воспитанником... Он видел людей с лицом Френсиса... Людей? Да, верно, похоже, это были разные люди! Получается, его братья?!

– А это что ещё такое?! – вдруг воскликнул Антуан.

Рай обернулся и только теперь увидел толпу моряков, перекрывшую проход по этой улице. Возбуждённые сверх меры, они явно искали повод подраться, и сейчас их внимание обратилось к Антуану и его спутнику.

– Это они!.. Один из них!.. – раздалось из толпы на разные голоса, – Найдём и второго, только научим уму разуму этого! Да, точно он!

Неверные движения моряков наводили на мысль, что эти вояки пьяны, а значит каких бы то ни было объяснений ждать не приходится. Рай и Антуан со страшной досадой переглянулись – связываться с пьяной чернью то ещё развлечение, но им не оставили выбора. Из толпы раздался вопль: "Бей их!" – и всё закружилось в безумном круговороте.

Нападавших было человек пятнадцать – двадцать, но узость улочки не позволяла им навалиться на своих жертв всем скопом, и Рай с Антуаном не дрогнули. Сразу пускать в ход шпаги им не позволила совесть. Эти пьянчуги никогда не поймут, кто и за что отправил их на тот свет... Легко уклоняясь от ударов, оба скоро вооружились увесистыми дубинками, и бой пошёл почти на равных. К этому моменту Рай уже увидел в Антуане настоящего мастера этого дела и перестал волноваться за него.

Похоже, нападающие рассчитывали уже своим числом обратить жертв в бегство, но, разбиваясь о стойкое сопротивление Рая и Антуана, их пыл стал очень быстро угасать. Выдержав первый удар этой волны хмельных мореходов и уже уложив добрую их половину, особо пьяных и ретивых, Рай и Антуан, не сговариваясь, обнажили шпаги... на том сражение и закончилось. Зализывая раны, присмирившие вояки отступили. Нельзя сказать, чтоб оборонявшиеся не приняли на себя ни одного удара, но это их не волновало.

– Занятно... – усмехнулся Рай, – А вы, мой друг, прекрасный боец!

– Баловство, – улыбнулся молодой граф, возвращая шляпу в ножны, – Но я ничего не понял. Значит ли это, что где-то здесь недавно побывал Жан? Кажется, эти сумасшедшие вывалились на наши головы вон оттуда?

Рай от души порадовался, что после такой горячей потасовки, Антуан не потерял способность трезво мыслить. Ука-

занные им двери пропустили их в небольшой трактир, и погром, царивший внутри, тут же внушил надежду на скорый ответ.

– Милейший, где я могу найти хозяина? – обратился Рай к одному из несчастных, отрешённо перебиравших этот разбитый хлам.

В углу причитала женщина, рядом с ней испуганно скулили три мальчика, похоже, её сыновья. Мужчина, к которому обратился Рай, смачно шмыгнул носом и с трудом поднялся на ноги.

– Что? Вы ищите хозяина этих остатков бывшего достатка, этих воспоминаний о столах, стульях, посуде?.. Это я, – и бедолага сокрушённо развёл руками.

– Прискорбно... Что ж, добрый человек, прими наши соболезнования. Это ужасно. Может быть, хоть это немного утешит тебя? – и Рай протянул ему гость монет из кошель герцога.

Глаза несчастного хозяина распахнулись от изумления. Видать, жизнь заставила его крепко накрепко усвоить грустную истину – бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и потому он не решился протянуть руку к деньгам. Для начала нужно было понять, чего именно от него захотят эти странные люди, и поэтому хозяин ещё раз протёр глаза и снова обратил внимание к лицам новых гостей. И вот только теперь разглядев лицо Антуана, он в самом деле ободрился и с поклоном принял предложенные ему деньги:

– О, господа! Уверю вас, если бы не моё бедственное положение, я бы не посмел взять у вас эти деньги, ведь я знаю, в моём разорении нет вашей вины!

Рай и Антуан переглянулись. Они поняли друг друга без слов – здесь точно побывал Френсис/Жан! Рай едва заметно подмигнул Антуану и взял инициативу на себя:

– Сдаётся мне, ты уже видел человека с лицом моего племянника. Милейший, будь так любезен, расскажи мне, что здесь произошло.

– Но... – хозяин изумлённо развернулся к Антуану.

– Мне очень интересно услышать эту историю именно от тебя, любезный, – и Рай веско ткнул пальцем в грудь бедолаги, – Мой племянник уже поведал мне свою версию, но я не могу поверить, что всё случилось так нелепо. Так что будь добр, расскажи мне поподробней, что здесь произошло.

Но хозяин растерялся пуще прежнего и снова обратил взгляд к Антуану.

– Прошу, сделай это, – откликнулся молодой граф, – Дядя не верит мне.

Что ж, несчастный хозяин кивнул и даже попытался улыбнуться:

– Как вам будет угодно, сударь, – и, уже обращаясь к Раю, начал свой рассказ, – Судно этих прохвостов стоит в доке, вот они и шатаются без дела. Сегодня день ангела одного из них, короче, нашли повод выпить. И где!? У меня!.. Несколько часов они опустошали мои запасы, и я понял, что чем

дальше, тем меньше шансов, что они соизволят заплатить. Тогда я уже в который раз напомнил им о деньгах, – несчастный смачно шмыгнул носом, – «Успокойся, Рене» – сказал мне виновник торжества, – «За нас заплатят вон те господа». И он указал на вас, господин, и вашего друга.

– Прошу, подробней, – напомнил Рай, – Как выглядели, о чем говорили мой племянник и его друг?

– В каком это смысле!?! – изумился хозяин и вновь развернулся к Антуану в поисках поддержки или разрешения.

– Сделай как тебя просят, – великодушно кивнул юноша.

– Ну... Как выглядели? Ну, один... это вы, сударь. Именно вашего не знаю, посетители мне не представляются. Ну, одеты вы были иначе...

– Да? – якобы удивился Рай. – И как же?

– Я особо не рассматривал, но, кажется, во всём чёрном, или тёмном, только рубашка белая. Ваш друг тоже, как-то также...

– Опиши этого друга подробнее, – Рай не позволил хозяину вновь обратиться к Антуану.

– Это был молодой дворянин с очень приятной внешностью, возможно южанин... Такие как он и ваш племянник, господин, редко заходят ко мне. Ну, как его описать? Волосы чёрные... – и хозяин крепко задумался. Скоро стало ясно, что эта задача ему не по силам, – Ну как бы я, господин, описал вашего племянника? Ни тебе шрамов, ни увечий...

– Ладно, – сжалился Рай, – А о чём они говорили?

– Простите, но они говорили на брианском, я ничего не понял.

– Ясно... Продолжай, что было дальше? – Рай буквально сторал от нетерпения.

– Так я и говорю. Этот пьянчуга Жак сказал, что эти господа выпьют за его здоровье и заплатят. Он встал и под одобрительный вой собутыльников поднёс господам две чарки вина. Те не сразу поняли, о чём идёт речь, но потом вежливо отказались и встали... они уже собирались уйти. Вы, сударь, – хозяин обратился к Антуану, – Вы подозвали меня, чтобы заплатить за еду, но Жак не унимался. Он прижал вашу, сударь, руку с кошельком к столу и, свирепо выкатив глаза, закричал: «Нет, ты выпьешь за моё здоровье! И заплатишь за нас за всех!» Вы, помню, усмехнулись, а я, кажется, позеленел от страха. Лучше бы вы уступили ему! Ой! Умоляю, простите!!! Я не то хотел сказать!!! Это всё мой язык неладный...

– Дальше! – сурово потребовал Рай.

– Дальше? А... Ну так... – хозяин горестно вздохнул и снова смачно шмыгнул носом. Ему было крайне неловко смотреть на лицо Антуана, поэтому он сосредоточил всё своё внимание на Генрихе Рае, – Друг вашего племянника, тоже встал, чуть нагнулся к Жаку, усмехнулся и произнёс: «Мы поздравили тебя на словах. Поверь, любезный, этого больше, чем достаточно. А деньги ищи в другом кармане, понял?» Жак взвился, как ужаленный, и как замахнётся на того мо-

лодого господина чаркой с вином. Неслыханно!

Искренне ужаснулся трактирщик, видимо, красочно представив, последствия такого замаха, но тут же вспомнил, что было дальше, и всплеснула руками:

– Но как бы ни так! Представьте, господин, тот молодой дворянин каким-то чудом увернулся! Да-да, на него не попало ни одной капли! С ума сойти! Такой ловкий! Уверен, никто, совсем никто не понял, как так вышло. А тем временем ваш племянник, господин, взял шляпу и обратился к своему другу: «Анри, нам пора». «Верно», – согласился тот, сгрёб своё добро и кинул нашим пьянчугам, – «Счастливо оставаться!» Но...

Увлечшийся этими воспоминаниями трактирщик даже раззадорился:

– Думаю, Жак просто сошёл сума! Этот безумец схватил другую чарку! На этот раз друг вашего племянника не стал дожидаться, чем это закончится, а просто выбил чарку из руки Жака, и, не успел тот опомниться, как опрокинулся на пол. Это, скажу я вам, было нечто! Но... «Теперь будет весело» – печально вздохнул ваш племянник...

Рассказчик покосился на Антуана и снова развернулся к Раю:

– Пьянствующие повскакивали с мест и стали угрожающе надвигаться на молодых господ. «Эти брианцы совсем обнаглели!» – закричал кто-то из них. «Положим, вы не правы», – ничуть не смутился господин Анри. А ваш племянник, не

обращая ни на кого внимания, просто направился к выходу. Пройти мимо этих идиотов он не мог, только сквозь них! И когда я увидел, как он направился прямо на этих пьянчуг, и я.. я от страха даже забыл, как дышать. И, похоже, не только я. Эти пьяницы тоже опешили от такой смелости молодого господина и даже расступились. Я уже было решил, что гроза миновала, как вдруг очухавшийся Жак дико завопил: «Бей их!!!» И так разбудил своих дружков! Они переглянулись и разом бросились на молодых господ, так что я даже успел мысленно простился с ними. Но...

У трактирщика от волнения даже перехватило дыхание, но он быстро справился с этой слабостью:

– Да-да, снова случилось непонятное! Грязный Поль вылетел в окно, Мишель Неудачник вдруг свалился на Проспекто и Жака Жвачку и всех повалил на пол, сшибая и ломая стулья и столы. По-моему, его бросил ваш племянник, сударь, – и хозяин недоверчиво глянул на Антуана, – Вот уж не ожидал, что вы так сильны.

От такой похвалы не в свой адрес Антуану стало неловко, а хозяин уже продолжал:

– Думаю, для этих ублюдков это тоже стало большой неожиданностью. Ваш друг как бы между прочим дал пинка Жаку Малышу и на том всё как будто и закончилось, – теперь хозяин снова обращался к Раю, – Представляете, молодые господа даже шляп не потеряли. Так молоды, и так отлично могут постоять за себя! Bravo! Да, юнцы из нашего квартала

даже в подмётки им не годятся, хоть и любят подраться!

Глаза трактирщика восторженно сверкали, и он, забыв о своём разорении, продолжал живописать картины легендарного чуда:

– Герои! Настоящие герои! Уж я-то знаю, что говорю! Мне доводилось участвовать в настоящих боях, по молодости я...

– Милейший, не отвлекайся! – прервал его Рай, при этом улыбкой смягчив резкость голоса.

Хозяин тут же осёкся, на пару секунд призадумался и вот уже кивнул:

– Да-да, конечно, господин! Я только хотел сказать, что молодые господ победили. После такой взбучки уже никто не посмел бы преградить им путь, но тут к вашему племяннику подошёл какой-то дворянин. Убейте, я не знаю, когда он вошёл в мой трактир. Он тоже был восхищён увиденным, о чём и сказал прямо. Кажется, он был сначала растерян, потом очень доволен... С ним-то молодые господа и ушли. А спустя полчаса, эти негодяи вернулись уже со своими друзьями, сломали всё, что можно было сломать, и уж не знаю, что бы делали дальше, как вдруг один из них вбежал с криком: «Там один из них!» И тогда все высыпали на улицу...

– Благодарю, дальше всё ясно, – оборвал его Рай, – Лучше опиши того дворянина.

– Да ничего особенного в нём не было... Но, сударь, – хозяин снова обратил сконфуженный взгляд на Антуана, – Это ведь вы с ним говорили. Почему же я должен отвечать на та-

кие вопросы?

– Такова прихоть моего дядюшки, – усмехнулся молодой граф, – Ты уж будь так мил, ублажи его и покончим с этим.

– Ладно-ладно, как пожелаете, – вздохнул трактирщик и снова обратился к Раю, – Тот господин вашему племяннику в отцы годится! Того же роста, с сединой в волосах. Одет в чёрное... Молодые господа и тот дворянин быстро о чём-то договорились... и все трое скоро ушли... Да, вот ещё что... тот дворянин каким-то графом представился!

– Это отец! – сделал вывод Антуан, – Скорее, господин Рай!.. Спасибо тебе, добрый человек, – молодой граф сунул в руку трактирщику две монеты и бросился к выходу. Рай не отставал.

А растерявшемуся хозяину оставалось только вернуть свои мысли к разбитой мебели и посуде...

* * *

Антуан и Рай ворвались в кабинет графа де Лаган подобно урагану и так заставили его отвлечься от дел. Он был хмур, открыто расстроен, но это внезапное вторжение заставило его взбодриться, оторваться от просмотра столь ненавистных ему сейчас бумаг.

– Что случилось? – брови графа изумленно изогнулись. Радостное возбуждение Рая заставило сделать предположение, – Вы нашли их!?

– Где они? – Рая вопрошающим взглядом обвёл комнату. Удивление графа возросло во сто крат:

– Это вы у меня спрашиваете?! Да с той минуты, как мы расстались, я не выходил из этой комнаты. Что с вами?

И тут сознание Рая обожгла мысль откровения. В оцепенении он медленно развернулся к Антуану. Тот, досадливо поджав губы, согласно кивнул, но по всему было видно, его разочарование не столь велико. От острого взгляда графа не укрылся тщательно скрываемый вздох облегчения сына.

– Сударь, объяснитесь!.. – граф обратился к Раю.

– Ваше Сиятельство, простите нас... Просто мы забыли, что вы не единственный граф во Фрагии.

– Что же заставило вас забыть об этом? Нет, постойте, позвольте мне самому догадаться. Вы натолкнулись на следы Жана и Анри. Ваших воспитанников увёл какой-то граф, а вы решили, что это был я. Так?

Рай не сразу нашёлся, что сказать в ответ:

– Да, верно...

Но граф уже взялся за колокольчик, и через какие-то пару секунду в дверях комнаты появился вызванный звонком лакей. Слуга ещё не успел распрямиться, а приказ уже прозвучал:

– Мне необходим список всех графов, находящихся сейчас в Грандоне.

– Будет исполнено, Ваше Сиятельство, – и лакей испарился.

Что ж, теперь граф снова развернулся к Раю:

– Поверьте, мне тоже очень жаль. Но это поправимо.

Рай согласно кивнул и, рассеянно поклонившись, попятился к двери, за которой через миг и исчез.

Антуан же задержался, он явно подбирал слова, чтобы что-то сказать. Поняв это, граф набрался терпения, а мысленно уже начал диалог с сыном: "Что тебя так тревожит, Антуан? Ты боишься встречи с братом? Или просто волнуешься? Шутка ли увидеть свою копию. Впрочем... есть что-то ещё... Что ещё? Ну же, говори, сын!"

– Отец, – наконец начал юноша, – Мы встретили виконта де Крахтью. Он заявил, что в ближайшее время состоится его помолвка с графиней де Монсар. Согласие барона Парадесса на это уже получено.

– Новость! – нахмурился граф, – Где состоится эта помолвка?!

– Не знаю, – Антуан опустил взгляд, – При этом известии я потерял голову. К тому моменту, когда меня осенила мысль выяснить это, Крахтью исчез.

– Плохо, – граф встал и прошёлся по комнате, – Надеюсь, через несколько минут мы узнаем, где остановился виконт... Но известие плохое. И что ещё хуже, так это то, что через пару часов я должен буду уехать в Фонтэнж.

– Обязательно?! – было ясно видно, Антуану очень-очень не хотелось услышать положительный ответ.

Граф с огромным сожалением кивнул, тем лишив сына последней надежды

– Но.., одному мне будет не под силу расстроить эту по-

молвку! – ужаснулся юноша.

– Ты не один.

– Вы о Генрихе Рае?

– Да, держись его, и он не даст тебе наделать глупостей.

– Отец!?!..

– Да, глупостей. Не обижайся, просто я помню себя молодым. Разум тут бывает бессилён. Поэтому прими мой совет. Держись Рая. А я постараюсь вернуться как можно скорее.

– Но...

– Помолвка – это ещё не свадьба, хоть уже и не мало. И...

Антуан.

– Да, отец, – снова юноша поднял тяжёлый взгляд.

– Возьми себя в руки. Пора уже подготовиться к встрече с братом, тем более что она может произойти в любой момент.

Ты меня понял?

В глазах Антуана отразилась сильная досада, и, поняв, что отец заметил это, юноша поспешил удалиться.

Глава 10. Граф де По

Френсису и Анри не понравилось буйное пиршество в этой таверне, но они решили, что это не может быть поводом, чтобы и дальше откладывать обед. Здесь ещё оставались свободные столы, и, судя по запахам из кухни, кормят вкусно.

– Наконец-то мы поедем, – вздохнул Френсис сразу, как только мальчишка, принявший их заказ, убежал. Совершенно не задумываясь, он снова перешёл на брианский.

– Да уж... Скорей бы! – поддержал друга Анри, – А то яства на столах той весёлой компании разожгли во мне прямо-таки дьявольский аппетит. Промедление смерти подобно!

Френсис всем своим видом выразил полное согласие с другом и улыбнулся, светло, удивительно ярко, так, как это мог делать, может быть, только он. У синеглазого жизнелюба сейчас было очень легко на душе. Оно и неудивительно, ведь странное бытие в Бетенгтоне осталось в прошлом, а неопределённость будущего пока не пугает. Сейчас всё хорошо, и можно просто открыто порадоваться преобразению Анри, который теперь одет как дворянин, не хуже молодого герцога. Да, первое, что решил сделать Френсис, ступив на землю Фрагии, это стереть внешнее различие в их статусах. Адрес хорошего портного он узнал ещё на «Святой Елене», её капитан подсказал, так что воплощение этой затеи в жизнь не

заняло много времени.

– Дружище, ты так носишь дворянское платье, что я готов поспорить – среди твоих предков были представители голубой крови! – озвучил свои мысли Френсис.

– Как знать, может быть, ты и прав... – лукаво усмехнулся в ответ Анри, – Вот только теперь вы, Ваше Сиятельство, остались без лакея. Что будете с этим делать? Нанимать кого-то?

– Ты думаешь, это обязательно? – сморщился Фрэнк.

– Слуги – это статус. Ты всё-таки сын герцога, – улыбка Анри стала напряженнее.

– Это ты намекаешь на то, что нам стоит взять другие имена? – рассмеялся Френсис, – Дельная мысль. Есть предложения?

В ответ Анри неопределённо пожал плечами:

– Пока идей нет, ведь имя, это ещё и предыстория, которую надо бы продумать заранее... Но сейчас мне как-то не до этого, очень смущает одна мысль. Слушай, мы так резко сорвались с места, даже не попытались найти учителя. Да, я помню, почему ты решил так поспешить, но всё же... Что говорит твой внутренний голос, учитель в порядке?

– Конечно да! И не смей думать иначе! – пылко воскликнул Френсис, – Учитель улизнул от Патерсона, даже приказ отца забрал... Он со всем справится! И мы тоже. Раз уж отец указал целью фрагийского графа, значит Фрагия. Может быть, оно и к лучшему. Я давно хотел побывать в этой

стране, не просто наскоком, на пару часов в каком-нибудь порту, а по-настоящему! Ты, помнится, тоже, верно? Или речь о другом? Говори уж прямо!

– Фрэнк, если предположить, что рассказанное твоим отцом правда... ты в самом деле намерен убить этого графа? – Анри стал совершенно серьёзным, даже понизил голос.

– Конечно, – теперь и Френсис ожесточился.

– Назовёшься, вызовешь его на дуэль, верно? – Анри даже подался вперёд, – А если он не примет твой вызов? Что тогда?

– Вызову публично! Честь дворянина не позволит ему проигнорировать это!

– Мы в стране, где дуэли запрещены, или ты уже забыл?

– Ну да, ну да, а зачем же тогда дворяне носят при себе шпаги? – Френсис обронил это как само собой разумеющееся, тем более что им начали подавать еду.

Анри усмехнулся и тоже обратил всё своё внимание к еде. Прислужник им попался расторопный, в считанные секунды накрыл стол и исчез. Какое-то время друзья ели молча, недолго, Френсис первым нарушил молчание:

– Я понимаю, куда ты клонишь. Человек, который мог так обойтись с моей мамой, должно быть беспринципный подлец. Воевать с ним на его территории будет трудно. Так что да – нам нужен план, и новые имена будут очень кстати. В любом случае, первое, что мы должны сделать, это разузнать о делах восемнадцатилетней давности. Это большой срок.

Будет непросто. И нам бы не помешали друзья, которых в этой стране нет совсем, – Френсис рассуждал вслух, потягивая вино, смакуя его вкус, и потому совершенно не обратил внимание на то, что тон оживления за столом пирующих моряков изменился.

– Я к вам обращаюсь! Вы выпьете за моё здоровье или нет!?! – вдруг неожиданно близко раздался громогласный голос.

Друзья подняли головы и увидели широкоплечего детину, судя по одежде, одного из пиршествующих моряков. Что произошло дальше, мы уже знаем...

Когда очень скоро конфликт был исчерпан, и Френсис с Анри собрались покинуть эту таверну, к ним подошёл незамеченный ими прежде дворянин.

– Bravo, господа! Я восхищён! – воскликнул он, – Подумать только, я и глазом не успел моргнуть, как вы уже поставили эту чернь на место! Bravo!

Друзья непроизвольно смерили незнакомца взглядом. Перед ними стоял человек чуть ниже их ростом, очень худощавый, что визуально делало его выше, с серыми от седины волосами и с совершенно бесцветным лицом.

– Я никогда не сомневался в ваших достоинствах, друг мой, – незнакомец дружески улыбался Френсису, – Bravo! Это воистину...

– С кем имею честь говорить? – решительно остановил его молодой герцог.

– Шутить изволите? – улыбка незнакомца стала напряженнее.

– Да какие уж тут шутки. Будьте любезны, сначала представьтесь, – поддержал друга Анри, – Ведь мы видим вас в первый раз.

– С вами, сударь, мы и правда не знакомы, это верно. Граф де По к вашим услугам, – и странный дворянин изобразил поклон.

– Анри де Монсо, – в тон ему, как ни в чём не бывало добавив к имени частицу "де", представился ещё не остывший от драки Анри.

– Позвольте узнать и ваш титул, – граф как мог миролюбивее улыбался.

Анри усмехнулся и обернулся к Френсису, но тот никак не среагировал на это, потому что был всецело поглощён рассматриванием нового знакомого. Что ж, Анри чуть поклонился графу де По и рискнул поинтересоваться:

– Вас сильно разочарует тот факт, что я не помню свой титул?

Улыбка окончательно сползла с лица графа де По.

Вот это Френсис заметил и, поспешив взять инициативу на себя, сдержанно улыбнулся:

– Вижу, что моё имя вас не интересует, и это очень странно... Ладно, дабы не усугублять неловкую ситуацию, я всё-таки представляюсь. Френсис Гай Гейсборо сын герцога Бентонтона к вашим услугам, – Френсис веско кивнул, что

должно было заменить поклон, – А теперь, Ваше Сиятельство, прошу нас простить. Мы спешим по своим делам и хотели бы раскланяться. Было приятно познакомиться.

Френсис ещё раз кивнул и решительно направился к выходу. Граф де По ему не понравился, не такого человека он хотел бы видеть первым знатным фракийским другом, поэтому решил повременить с более близким знакомством. «Для начала, нужен план, новые имена!» – напомнил он сам себе о недавно принятом решении.

Анри ещё раз окинул графа взвешивающим взглядом и поспешил за другом. В миг утратив всякий интерес к графу, друзья, казалось, уже забыли о его существовании и потому не расслышали его изумлённый тихих возглас:

– Как Бетенгтон?! Что за новости?!

* * *

Виконт де Крахтью блуждающим взглядом окинул дверь хмурого серого дома, у которого стоял в этот момент и взялся за тяжёлое кольцо, чтобы постучать, но почти в тот же миг дверь распахнулась, и перед ним возникло сияющее лицо белокурой девушки. Её бледно-голубые глаза просто пылали от восторга, словно она всю жизнь мечтала только о том, чтобы увидеть виконта, а игривший на щеках румянец делал её чохоточного цвета лицо даже привлекательным.

– Господин Крахтью! Это вы!?

– Добрый день, Жаклин, – покровительственно улыбнулся виконт.

Ему нравилось внимание молоденькой горничной, и он даже позволял себе делать ей маленькие подарки, поощряя такое её поведение. Но сейчас она была возбуждена сильнее обычного, что Крахтью при всей своей невнимательности не мог не заметить.

– Что-то случилось? – тут же поинтересовался виконт.

Девушка залилась краской, покраснев так, как это могут делать лишь блондины:

– Ваш батюшка Его Сиятельство граф велел сразу же, как вы появитесь, проводить вас к нему.

– Но я голоден, и прежде ты меня накормишь. Верно, детка?

– Конечно, господин... – девушка смутилась пуще прежнего, но дар речи не потеряла, – Правда Его Сиятельство ожидал, что вы не станете торопиться, и потому просил ещё сказать... Сказать, что...

– Что же? Говори!

– Что у него к вам есть дело, очень срочное и важное. Оно касается какой-то графини.

– Графини де Монсар?!

– Да, кажется...

– Что ещё стряслось?! – и Крахтью, в миг забыв о Жаклин, бросился было к крыльцу, но горничная ловко схватила его за рукав кафтана и так заставила остановиться.

– Господин де Крахтью, господин граф приказал мне провести вас к нему через чёрный ход.

– Что!? Чёрный ход? Это ещё почему? – не поверил своим ушам виконт.

– Не знаю. Может быть... Видите ли, он привёл каких-то двух молодых господ и, как я поняла, не хотел, чтобы вы их видели, – рискнула предположить Жаклин.

– Ничего не понимаю. Мой глубокоуважаемый папаша снова мудрит сверх всякой меры. Ведь всё уже утряслось как нельзя лучше, и опять что-то не слава Богу. Ладно, веди меня, девочка, как это тебе велели. Будь умницей, одуванчик.

Девушка быстро присела в кратком реверансе и сразу же направилась к лестнице, под которой пряталась едва заметная дверца. Вооружившись свечой, Жаклин поманила за собой виконта, и они ступили в узкий душный проход. Девушка, идя впереди, заблаговременно предупреждала Крахтью о ступеньках, но застоявшийся воздух явился для нежного обоняния молодого человека слишком суровым испытанием. Начавшееся лёгкое головокружение притупило его и без того не слишком сильный разум, и Крахтью на какой-то миг потерял координацию. Волею случая это произошло как раз в тот момент, когда ему предстояло сойти по трём ступенькам и миновать уже открытые Жаклин двери. Оступившись, Крахтью запутался в собственных ногах, в результате чего явился в комнату графа де По в горизонтальном положении, уткнувшись носом в ковёр.

Граф развернулся на шум и увидел, как смертельно бледная от страха Жаклин силится поднять виконта на ноги.

– Это что ещё такое?! – граф нахмурился, и голос его заметно дрожал от едва сдерживаемого гнева.

Это привело Крахтью в чувства, и он, наконец-то, сам предпринял попытку встать. Нос его и правда пострадал, алая струйка крови уже достигла подбородка.

– О, Господи всевышний! Господин виконт! – ужаснулась Жаклин и бросилась вытирать ему кровь.

– Любезная, отдай ему платок и убирайся, – отрезал граф. Девушка вся съёжилась, отдала свой белоснежный платок виконту, поклонилась и убежала прочь.

Крахтью был жалок. На глазах уже навернулись слёзы, и весь его вид взывал к состраданию. Но граф де По, как будто, не замечал этого. Будучи удивительно похожими внешне, отец и сын всё же разительно отличались характерами. В серых глазах графа светился ум, плотно сжатые губы придавали его лицу металлическую непреклонность и заставляли думать, что этому человеку не свойственно улыбаться. Граф тоже был очень худощав и, не в пример сыну, сильно сутулился, что, впрочем, придавало ему больше солидности, казалось это бремя забот и тяжёлых обязанностей тянуло его к земле. Но, несмотря на сутулость, граф казался много выше сына, и сейчас весь его вид говорил о великом презрении к стоявшему перед ним существу.

В ответ виконт обиженно шмыгнул носом.

– Тряпка! – обронил, наконец, граф.

– Отец!

– Послал же чёрт сына! – и граф тяжело опустился в кресло. Крахтью не решался последовать его примеру, – Только Богу известно, каких трудов мне стоит удерживать в свете этого недостойного отпрыска. Доколе тебе будет нужна нянька?! Глаза бы мои тебя не видели! То ли дело сын графа де Лаган, – граф безнадёжно развёл руки и вновь бросил взгляд на сына, – Где тебя носило?

– В городе... Раз уж вы вспомнили графа де Лаган... Я... Я видел Антуана де Валеньи, – и виконт, наконец-то, позволил себе сесть.

– Де Валеньи в городе?! – граф насторожился, – Говори, где, при каких обстоятельствах ты его видел?

– Он сам на меня вылетел. Это случилось... По-моему, судьба соизволила свести нас лицом к лицу не более, чем часа два-три назад...

– Изволь выражаться конкретнее и короче. Как это произошло? О чём вы говорили? – потребовал граф.

– Что за беда в самом деле, отец? Мы мило побеседовали. Он даже принёс мне искренние поздравления в связи с предстоящей свадьбой.

– Ты сказал ему о помолвке?! – от возмущения граф де По даже привстал из своего кресла.

– Конечно. А что тут страшного? Вы бы видели его лицо!! – продолжал вещать виконт.

– Идиот!!! – закричал граф, – Ведь теперь он знает об этом! А значит, скоро узнает и его отец. Кретин!!! О, какой

же ты кретин!!!

– Но...

– Он поверил тебе?

– Он даже хотел убить меня, но передумал, – уже менее решительно признался виконт.

– Значит поверил. Ты сказал, что Парадесс пошёл на соглашение? Сказал?! – продолжал бушевать граф.

– Ну, сказал...

– Болван!!! Какой же ты болван!!! Как ты мог забыть, я же просил тебя никому ни слова! Ты забыл условие барона? Пока никто, особенно Лаганы, не должны знать об этом. Особенно Лаганы!!! Ведь де Валеньи тоже имеет виды на графиню, а барон, сдаётся мне, очень боится его отца... Теперь времени в обрез, – и граф начал мерить комнату огромными шагами, – Надо успеть... Можно ли успеть? Как я понял, барон считает, что именно граф де Лаган и его сын способны помешать нашим планам. Пока не знаю как, но хватает того, что барон в этом уверен. Так что, если Лаганы раскачаются, я за успех не ручаюсь. Так, мне известно, что барон и графиня отправились к Фонтэнжу, ни на миг не останавливаясь в Грандоне. Но Валеньи здесь. Очень хочется верить, что этот юнец оказался здесь случайно, хотя... это маловероятно. Надо узнать, зачем он здесь. Я слышал, что он с отцом сейчас должен быть где-то в Бриании... Де Валеньи был один?..

– Нет, с ним был незнакомый мне господин, много старше его, говорящий с заметным брианским акцентом.

– Час от часу не легче. С брианцем! Может быть, тебе известно, а граф де Лаган здесь?!

– Кто знает? – заметно стушевался виконт, – Он не сразу меня увидел, потому что явно кого-то искал. Я слышал, как он задал хозяину таверны, где мы встретились, совершенно идиотский вопрос: не видел ли тот человека с его лицом. Какой нормальный это поймёт? А ещё они обсуждали королевский закон о запрете на близнецов...

– Близнецов!? Они ищут человека с лицом де Валеньи?!

– Да... похоже на то.

– В какой таверне вы встретились?

– Кажется "У Кармеллы".

– Кажется или точно?

– Точно, – веско кивнул виконт.

– Так, до "Золотого дна" квартал, а то и два... – прикинул граф.

– Что?

– Кажется, всё не так страшно. Если меня не разыгрывают, а меня не разыгрывают, то я выловил того, кого он искал...

– Я вас не понимаю, – и виконт обиженно поджал губы.

– Не мешай! Так, значит Валеньи знает о существовании этого Бетенгтона и ищет его. А теперь он знает и о помолвке. Не много ли он знает?.. Так, он конечно же остановился у губернатора... Значит губернатор...

Граф взялся за колокольчик, и тотчас в комнату вошёл слуга.

– Франциск, ты сейчас же отправишься к губернатору и выяснишь, тайно, конечно, там ли остановился Антуан де Валеньи и один ли. Если не один, то с кем. После этого найдёшь Жепатье. Тот должен немедленно быть у меня.

– Слушаюсь, господин. Разрешите идти?

– Даю два часа. Живо.

И Франциск исчез.

– Что происходит, отец? – виконт снова напомнил о себе.

– Тебе не понять. Пока уясни только одно. Мы принимаем в гостях двух молодых дворян. Один фрагиец, некто Арни де Монсо, человек без роду без племени, но большой нахал. Другой сын герцога Бетенгтона. Этот второй невероятно похож на сына графа де Лаган, о чём, кажется, даже не подозревает.

– Что?.. Отец, да вас разыгрывают!!! – и Крахтыю едва не расхохотался.

– Я не такой осёл, как ты. Лиса лису не проведёт... Как бы то ни было невероятно, но это копия Валеньи: и голос, и походка – точная копия!

Но виконт отказывался верить. Что ж, оно и не удивительно. Граф де По, наконец-то, совладал со своей злостью, и теперь подошёл к сыну вплотную, даже чуть нагнулся к нему, и голос его зазвучал страшно ядовито:

– Заруби себе на носу, бестолочь. Ты ни единым словом не должен при них вспоминать графа де Лаган и его сына. Понял?! Они должны оставаться в неведении. Иначе... на

неделю посажу на хлеб и воду! Ты меня знаешь!

– Ясно... – Крахтью поверил в эту угрозу, даже побледнел.

– Что же касается де Валеньи, то скорее всего сегодня ночью ты будешь драться с ним на дуэли.

– Что?!? Отец!!! – Крахтью даже подпрыгнул от неожиданности.

– Сядь, трус несчастный! Ты мне нужен живым, и об это я позабочусь, но встретиться тебе с ним придётся. Так что готовься. И смотри у меня, Боже тебя упаси проговориться Бетенгтону!

Граф де По заставил-таки сына почувствовать холодную испарину на лбу.

Уже через минуту совершенно подавленный всем, что на него обрушилось, Крахтью оказался предоставлен сам себе. «Драться с Валеньи?!? Да отец с ума сошёл!!!» – мысленно продолжал возмущаться и трепетать виконт, – «Боже мой! Он же помешался! Даже придумал второго Валеньи... Бред какой-то! Хотя... Этот второй должен быть где-то здесь. Надо найти его и, если он окажется похож на Валеньи так же, как я на короля Фрагии, придётся-таки признать несчастного папашу сумасшедшим», – на том порешив, Крахтью отправился на поиски гостей. И ему не пришлось долго бродить по дому. Очень скоро до него донесся звонкий смех Жаклин.

«Вот кто мне поможет!» – воспрянул духом виконт и поспешил на голос горничной.

Через миг его взору предстала возмутительная картина.

Необыкновенно счастливая Жаклин склонилась перед молодым брюнетом, и тот аккуратно вправлял ей в волосы великолепный бутон алой розы. Судя по всему, это таинство прервало хлопоты горничной по сервировке стола к ужину. Девушка почти закончила свою работу, остались лишь последние штрихи, но сейчас её занимало нечто очень далёкое от тарелок и вилок. Жаклин едва дышала, позволяя незнакомцу украсить её волосы. При этом тот вновь что-то шепнул на ухо девушке, и та снова взорвалась безудержным смехом. Роза выпала из её волос, но это не успокоило хохотушку.

– Жаклин! – возмущённо воскликнул Крахтью.

Девушка вмиг смолкла, сильно смешавшись, она как-то сразу очень уменьшилась в размерах.

– Пошла вон, негодница! – негодовал виконт.

Жаклин подхватила розу и, не оглядываясь, умчалась прочь.

– Ох, сударь. Не хорошо так обращаться с девушками, – нахмурился осиротевший кавалер.

– С кем имею честь? – уже встал в позу Крахтью.

– Анри де Монсо к вашим услугам, – не менее вызывающе представился Анри.

К своему удивлению, он заметил, что его имя произвело на вновь прибывшего странное впечатление. Весь гонор с того слетел в один миг. Виконт сразу же начал нервно осматриваться и вскоре увидел ещё одного человека. Это был... Да, тот самый человек с лицом Антуана де Валеньи. Френсис

присел на подоконнике и спокойно наблюдал за происходящим, при этом его, то есть Крахтью, он явно не узнавал.

Воцарилось странное молчание. Анри и Фрэнк переглянулись.

– А ваше имя позвольте узнать? – уже помягче поинтересовался Анри.

От звука его голоса Крахтью вздрогнул всем телом, и это привело его в чувства.

– Моё? Я... я виконт де Крахтью, сын графа де По. А... А вы? – заикаясь от волнения, обратился он к Фрэнку.

– Френсис Бетенгтон, – улыбнулся молодой герцог.

И Крахтью судорожно сглотнул. До его сознания начал-таки доходить тот факт, что с ума сошёл скорее он, а не его отец, и что, похоже, дуэль будет.

– Вам нездоровится, господин виконт? – уже серьезно заволновался Анри, – Присядьте.

– Благодарю. Я в порядке, – глухо откликнулся Крахтью, но приглашение присесть принял.

– Какое странное впечатление на вас произвели наши имени, или, быть может, мы сами? Объясните, пожалуйста, если, конечно, вам не трудно, – Анри участливо предложил виконту воды. Френсис тоже теперь был серьёзен.

– Нет, право, ничего страшного, просто мне нездоровится, – и Крахтью вцепился в стакан. После одного двух глотков он уже чуть ожил, – Поверьте, господа, мы с отцом рады принимать вас как... как гостей. Это большая честь для

нас... и... неожиданность. Но, право, природа то балует нас многообразием, то преподносит сюрпризы. Представьте, господин Бетенгтон, я вас уже видел. Во всяком случае...

– Чего не бывает! – воскликнул граф де По, перебивая сына. Он весь просто сиял доброжелательностью и радушием, – Прошу за стол. Извините, что заставил себя ждать.

– Право, не стоит, – откликнулся Френсис.

Крахтью вдруг осознал, что чуть не проговорился, и лицо его приняло зеленоватый оттенок. Располагаясь за столом, Анри и Френсис обменялись взглядами, и этого им хватило, чтобы понять, что оба чувствуют себя крайне неудобно, но что-либо изменить сейчас было невозможно, и им не оставалось ничего другого, как поддерживать начатый графом разговор. Крахтью же немой, как рыба, бросал косые взгляды то на гостей, то на отца, и усердно скреб вилкой свою тарелку. Он не мог не думать о гневе отца и предстоящей дуэли.

* * *

Уже смеркалось. Ночь неспешно, заботливо укутывала землю своим бархатным покрывалом глубокой тёмной синевы и россыпи звёзд. Где-то у горизонта всплыл багровый диск луны и своим цветом приводил в содрогание каждого, кто неосмотрительно кидал на него взгляд. Мир начал затихать, засыпать. Близилось время покоя, но Анри и Френсису покой уже изрядно надоел.

Остаток дня они провели в доме графа де По, в доме, где не было ни одной книги, а хозяева, усердно раскланяв-

шись, предпочитали заниматься какими-то своими делами. Так что не удивительно, что молодые люди уже начинали проклинать тот час, когда связались с графом де По. Подумать только, сколько времени они потеряли, пребывая вот в таком вынужденном бездействии. Но граф де По попросту купил их, обещав сразу по прибытию в Фонтэнж указать дом графа де Лаган, а в Фонтэнж он собирался не позднее следующего утра. В первый момент юноши просто отказались поверить, что судьба так им улыбнулась. Предложение графа де По звучало так заманчиво, что друзья, недолго думая, с радостью согласились.

Но теперь, к вечеру, когда эмоции поутихли, всё вдруг окрасилось несколько в другие тона. Будучи уже несколько часов предоставленными сами себе, молодые люди обсудили все нюансы случившегося, и многое заставило их призадуматься. Так, объяснения графа, что он жаждет им помочь, потому что они с первого взгляда раз и навсегда расположили его сердце к себе, теперь выглядело, мягко говоря, неискренним. Граф де По и его сын очень не понравились Френсису и Анри, и чем больше друзья думали об этом, тем сильнее становилось желание порвать с новыми фрагийскими знакомыми всякие связи. Желание крепло, а веских доводов не хватало.

– Эта скука сведёт меня с ума! – воскликнул Френсис, – Ещё немного, и я прокляну Фрагию!

– Фрагия здесь ни при чём, – вяло возразил Анри, – Но

жизнь и правда дрянь. В этом ты совершенно прав. Послушай, не лучше ли нам пойти к графу и виконту, пусть потешат.

– Анри, ты непозволительно груб с ними. Изволь сдерживать себя.

– Да, конечно, ты прав. Я обещаю быть пайнкой. Так пошли?

– Тебе так хочется видеть их физиономии? – возразил Френсис.

– Нет, но ещё больше мне надоело созерцать эти стены. Кажется, я уже лично познакомился с каждой трещинкой. Лучше уж пообщаться с тем же виконтом. Помнишь, на каком интересном месте его перебил граф?

– Перебил? Да виконт молчал всё время обеда!

– Нет, до того, как мы сели за стол... Он сказал, что уже видел тебя, а перед тем расплылся о сюрпризах природы. По-моему, он будет рад закончить столь замечательно начатую речь.

– Ты так думаешь? – Френсис с сомнением покачал головой. За окном сгущались сумерки, и от этого на душе становилось только тоскливее, – Ладно, пойдём.

Но, покинув свою комнату, друзья обнаружили, что плохо представляют, куда надо идти, где искать виконта. Слуги словно вымерли, и спросить было совершенно не у кого. Столкнувшись с этим прискорбным фактом, молодые люди решили несколько изменить свои планы и отправились к гра-

фу.

Дверь в комнату хозяина дома оказалась чуть приоткрытой, и из неё била яркая струя света. Юноши уже были готовы постучать в эту дверь, когда различили чужие голоса и поняли, что у графа гости.

– Я рад это слышать... – раздался в этот момент голос графа, – Что ж, дорогой сын, всё складывается наилучшим образом. Готовься, сегодня ты будешь драться на дуэли!

– Но отец!!!

– Не дрожи так. Я сделаю всё, чтобы обезопасить тебя.

– Да вы с ума сошли! Валеньи пронзит меня своей шпагой, вы и глазом моргнуть не успеете!

– Он упадет замертво, ты даже не успеешь испугаться!

Анри и Френсис переглянулись. Услышанное поразило их. Крахтью будет драться на дуэли!?! И как!!! Любопытство взяло верх, и друзья припали к косяку, не упуская ни одного слова, а граф тем временем продолжал развивать свою мысль:

– Итак, Жепатье, ты сейчас же отправишься в дом губернатора и передашь лично Антуану де Валеньи эту бумагу – вызов на дуэль. Важно, чтобы он прочитал это сразу, при тебе, и постарайся сделать так, чтобы это произошло без свидетелей... и никаких имён! Всё ясно?!

– Ясно, господин. Будет сделано.

– Уверен, гордость заставит его выполнить наши условия, на такой вызов он не сможет не ответить... Ладно, Жепатье,

твоё дело передать и всё. А в полночь ты и твои люди должны быть у дюн, как условлено. Ясно?

– Будьте спокойны, Ваше Сиятельство, – с готовностью откликнулся хриплоголосый Жепатье, и уже через секунду из комнаты вышел энергичный высокий человек в чёрном.

Пролетев мимо Анри и Френсиса, он совершенно бесшумно растворился во мраке коридора. Другим стало не по себе, словно они столкнулись с приведением. Но кем бы ни был вышедший из комнаты, он вновь неплотно прикрыл дверь, и голос графа привёл молодых людей в чувства.

– Так, на Жепатье можно положиться. А вот ты, плут. Что-то от тебя несёт как из винного погреба. Отвечай, Франциск, ты точно сказал правду? Валеньи находится здесь один?

– Я же сказал, господин, с ним этот брианец. Мне казалось, вы мне поверили...

– Где ты так нахлебался?!

– Прошу прощения, господин, но я твёрдо стою на ногах, и разум мой чист, как родниковая вода.

– Скорее пуст... Ладно, значит, его отца здесь нет.

– Нет, господин, – выпалил в ответ Франциск.

И тут же раздался раздраженный кашель графа де По, похоже он подошёл к пьяному лакею неосторожно близко.

– Убирайся! – в итоге рыкнул он на слугу.

– Слушаюсь, господин!

Дверь вновь распахнулась, и вновь мрак дома поглотил человека, вышедшего из неё, только этот заметно нетвёрдо

стоял на ногах, и передвижение его создавало шум, подобный горному обвалу. Или, быть может, это лишь показалось Анри и Френсису?..

К своему сожалению, они обнаружили, что на этот раз граф плотно прикрыл дверь, и голосов более слышно не было. Это возмутило новоявленных шпионов, и Анри осторожно толкнул дверь. Та беззвучно поддалась, и вместе со светом из комнаты вновь полился голос графа:

– ... Слушай меня внимательно. Я буду рад, если ты поймёшь хоть половину сказанного мной. Надеюсь, тебе не надо объяснять, как для нас важен твой брак с графиней де Монсар. Она очень богата, и это чудо, что мне удалось договориться с её опекуном. Я завязал узелок, но очень слабый, и стоит за него потянуть, как он тут же развяжется. Правда, надо знать с какой стороны тянуть... И это знает только отец Антуана де Валеньи, по крайней мере, так думает барон. Он почему-то уверен, что узнай граф о нашем договоре, замыслу сразу же придёт конец. Если учесть, какими связями обладает граф, то... Я надеюсь, тебе понятно, что ты натворил, проговорившись сегодня. Наша звезда не отвернётся от нас только, если мы опередим время. Сегодня де Валеньи умрёт, и это выход, если, конечно, он не успел сообщить об услышанном ещё кому-нибудь... В любом случае, мы избавимся от серьезного соперника.

– Я, конечно, мало что понимаю, но мне эта идея не нравится, – решил-таки запротестовать Крахтью, – Даже если

вы убьёте де Валеньи, что само по себе дело непростое, то останется этот брианец. Он тоже слышал мои слова. Потом, я почти уверен, что Валеньи обо всё рассказал губернатору, а тот друг графа. Так что как ни крути, Его Сиятельство всё равно узнает о том, что здесь происходит и произойдёт, и что же дальше?!

– Идиот! Этих проблем не возникло бы, держи ты язык за зубами!!! – вспыхнул граф де По, – Теперь мы вынуждены ускорять события. Через день два мы встретимся с бароном и графиней, и я приложу все силы к тому, чтобы максимально приблизить день венчания. Но ты не должен говорить барону про де Валеньи, да и вообще никому, слышишь? Никто не должен знать о том, что здесь происходит.

– Но этот брианец и губернатор...

– Де Валеньи о дуэли им не скажет. Я уверен в этом. Значит, он просто исчезнет в ночи.

– Почему вы так уверены, что де Валеньи ничего им не скажет?..

– Чёрт побери, я знаю этот сорт людей, с тем и написан вызов. Всё хватит об этом! Лучше собирайся с духом. У тебя ещё три часа. И можешь себя успокоить тем, что от тебя ничего не потребуется, только появишься ему на глаза...

– О! И это не очень-то мало... Раз убивать, зачем вам нужен я?

– Чтобы он всё-таки вошёл в мышеловку, – рявкнул граф, – Убирайся с глаз моих, дурак.

Через миг из комнаты вышел и Крахтью. Его понурый вид взывал к сочувствию. Как только он исчез, Анри и Френсис единодушно последовали за ним, то есть прочь от комнаты графа де По.

– Как тебе это нравится? – шепотом поинтересовался Фрэнк.

– Мне это с самого начала не нравится, – эхом отозвался Анри.

– Это ли называется жизнью? Цели оправдывают средства... Страшный закон, но, видно, слишком многие ему следуют...

– В любом случае этих негодяев надо бы проучить.

– Верно. Надо, – легко согласился Фрэнк, – Бедная девушка! Ею торгуют словно вещь. Конечно, ещё неизвестно, достоин ли этот де Валеньи руки несчастной, но очевидно, что Крахтью не выдерживает с ним никакого сравнения.

– Да, похоже на то, но...

– Тише! – Фрэнк резко остановился и всем своим видом призвал друга ко вниманию.

Перед ними оказались двери кухни, из чего следовало, что в потёмках они снова заблудились. Из-под дверей этого алтаря желудка сочились аппетитные ароматы жареной говядины. За дружным чавканьем и звоном бокалов, друзья различили голос Франциска:

–... Ничего подобного! Я ещё не выжил из ума! Являться на глаза Просперо! Тоже выдумал!

– Но ты же был сегодня в доме губернатора! – кто-то возразил ему.

– Кто тебе это сказал?!

– Ладно, не притворяйся, мы знаем, куда тебя посылал хозяин, – оборвал его другой голос.

– Ну и что с того? Это совсем не значит, что я там был. Ну-ка, налей ещё! За ваше здоровье, други!

– Ты что же, соврал хозяину?!

– Тоже выдумал, болван!!! На вон, лучше закуси... Бери, бери и посуды сам, зачем мне было туда ходить, рисковать своей задницей, если всё, что мне надобно, я узнал в более приятном заведении.

– Да ну! И где же это?!

– Ха! Знаешь одноглазого Поля? Встречаю его и как обычно, мол, здорово, старина. А он возьми и выложи мне всё, что надо. Фокус в том, что он сегодня видел нашего таракана с господином де Валеньи. Так что... – слышалось довольное причмокивание, – Мы выпили, закусили, мило поговорили...

– Удивляюсь я этому Полю, одноглазый, а видит за сотню пар добрых глаз...

– А давай я тебе одно око выбью, того гляди, наверстаешь... – и дружный мужской смех заставил содрогнуться своды маленькой комнатки.

Что ж, Френсис поманил Анри прочь...

Глава 11. Дуэль.

А двумя часами ранее губернатор, господин де Ля Гюс, с женой угощали ужином графа де Лаган, Антуана и Рая. К большому огорчению хозяев, богато накрытый стол мало занимал их гостей. Все думы тех были сосредоточены вокруг событий этого дня, и тягостное чувство разочарования колючими тисками сжимало их души, благо причин для этого хватало. Анри и Френсис словно в воду канули. Выяснить, где остановился виконт де Крахтью, пока не удалось. Стало ясно, что он и его отец прибывают в Грандоне инкогнито, а это очень усложнило их розыск. И в довершение ко всему этому, граф де Лаган был вынужден сразу после ужина отправиться в Фонтэнж.

– Отец, – в глазах Антуана кричала мольба, – Неужели нельзя отложить эту поездку!? Вы очень-очень нужны нам, здесь!

– Нет. Нельзя, – губы графа сурово сжались, – Единственное, что я могу сделать, это уехать как можно скорее, чтобы скорее вернуться. А до тех пор вам придётся справляться без меня. Господин де Ля Гюс поможет. Не так ли, господин губернатор?

– О, да! Конечно! – охотно отозвался хозяин дома, человек, несмотря на свою тучность, очень энергичный.

– Без сомнения, мы поможем, чем сможем, но неужели

ваши дела так плохи? – всполошилась и госпожа де Ля Гюс. В её широко распахнутых глазах загорелось страшной силы любопытство. Она была посвящена в курс дела лишь вскользь, и это очень угнетало её.

Заметив это оживление жены, губернатор нахмурился:

– Антуанетта, умерьте свой пыл. Никто за пределами этого дома не должен знать о проблемах графа и его сына. Вы мне обещали.

– Конечно же я помню об этом, в самом-то деле, – непри-
творно обиделась госпожа де Ля Гюс.

Раю даже стало жаль её, но слова утешения он решил оставить при себе. Хозяйка дома очень милая женщина, добрая, приветливая, и потому приходилось лишь гадать о причине такого пренебрежения к ней со стороны мужа.

Поглощённый своими невесёлыми думами Антуан вновь обратился к графу:

– Отец, но как мне расстроить эту помолвку? Если барон «за», то мне может остаться одно, выкрасть Марианну...

– Надеюсь, до этого дело не дойдёт, хотя, признаюсь, мне понятно твоё беспокойство. Я тут размышлял об этом... Всё очень непросто. Без сомнения, граф де По тоже здесь, в Грандоне, и уже знает, что его отпрыск проговорился тебе о их планах. Уверен, теперь он приложит максимум усилий, чтобы ускорить события, и помолвка может быстро превратиться в свадьбу.

– Позвольте, Крахтью собрался жениться?! – не удержи-

лась госпожа де Ля Гюс, – На ком же?!

– На графине де Монсар, – поспешил ответить граф, предупредив реакцию губернатора.

– Оу! Бедная девушка! – горестно выдохнула губернаторша, – Ведь Крахтью такое убожество!

– Она не даст согласия на этот брак. Я разок видел эту девушку. Нет, она не согласится, – отрезал губернатор.

– Это конечно верно, но я-то знаю, как совершаются такие свадьбы!.. Невесту и спрашивать не станут! – горестно возразила госпожа де Ля Гюс.

– Антуанетта!..

Но граф прервал губернатора:

– Госпожа Антуанетта права, в этой ситуации у графини могут и не спросить согласия.

Антуан уже был близок к отчаянию:

– Так что же делать, отец?!

– Прежде всего, найти Крахтью, а через него и графиню де Монсар. А дальше действовать по обстоятельствам. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы венчание было закрытым, тайным. Да что я говорю, надо в принципе не допустить венчания, и это в твоих силах, сын, подстроить нужные нам обстоятельства, оттянуть время... Обязательно найди возможность переговорить с графиней... Она должна знать, что мы будем за неё бороться.

– Но что, если уже сейчас Крахтью и де По покидают Грандон?! – не унимался Антуан.

– Это исключено, – уверенно возразил губернатор, – В воротах города дежурят мои люди, которые хорошо знают Крахтыю и де По. Им отдан приказ, препроводить их ко мне. Раз до сих пор это не случилось, значит, они ещё в городе.

– Вот видишь, Антуан, всё не так уж и плохо, – улыбнулся граф.

– А порт? Разве нельзя уйти по берегу, – не унимался Антуан.

– Доверьтесь мне, мой юный друг, – губернатор, казалось, даже обиделся, – Крахтыю и его отец не покинут город незамеченными.

– А Фрэнк и Анри? – не удержался Рай.

– Это касается и их...

– Превосходно, – граф поднял бокал, – Господа, я хочу от всей души поблагодарить хозяев этого дома за то гостеприимство и участие, которое они нам оказывают...

* * *

Граф отбыл сразу же после ужина. Проводив его, хозяева, Антуан и Рай разошлись каждый по своим комнатам. Но Рай не нашёл в себе сил долго оставаться в одиночестве. Тревожные мысли не давали покоя, бездействие сводило с ума, и, поддавшись внутреннему порыву, он направился к Антуану, но ему не пришлось дойти до комнаты молодого Лагана. Когда он чуть было уже не вышел в вестибюль, что-то заставило его отпрянуть назад. Только мгновением позже Рай понял причину такого своего поступка.

Посреди вестибюля стоял человек, одетый во все чёрное, с чёрной повязкой, закрывающей правый глаз. К нему только-только подошёл Антуан и на глазах Рая принял из рук этого зловещего человека тщательно сложенный лист бумаги. Рай не видел лицо Антуана, но этого и не требовалось, чтобы понять, что он растерян. Антуан уже второй раз перечитывал это послание, когда незнакомец, не проронив ни слова, резко развернулся, щёлкнул каблуками и грозовым ветром вылетел прочь из дома.

Явление этого странного человека было слишком зловещим, и сейчас, когда он ушёл, очень захотелось усомниться в том, что он и правда побывал здесь. В этом Рай и Антуан были единомышленны. Молодой человек ещё стоял, в замешательстве переводя взгляд с послания на только что закрывшуюся дверь и обратно, и Рай решил нарушить это его уединение.

– До сих пор был уверен, что именно таким образом дьявол извещает о смерти, – мрачно пошутил Рай.

Антуан вздрогнул всем телом и резко развернулся к Раю.

– О смерти? – непроизвольно переспросил Антуан, при этом, сам того не замечая, он сложил лист вчетверо и уже хотел спрятать в рукав, но Рай остановил это его движение:

– Так что это такое, позвольте поинтересоваться?

– Ничего особенного. Это касается только меня.

– Вы уверены, друг мой?

– Уверен.

– Тогда вы ошибаетесь, – голос Рая стал твёрже стали, –

Мне не раз приходилось видеть, как подобные клочки бумаги уносили жизни достойнейших людей. Антуан, а не шучу.

Было видно, что юношу обуревают сомнения:

– Что это вас так потянуло на рассуждения о смерти, господин Рай? Успокойтесь, я не собираюсь умирать.

– Что написано в этой бумаге? – продолжал настаивать Рай и даже протянул руку.

– Вы намерены взять под контроль мою переписку? – Антуан сощурился, – Господин Рай, поверьте, со своими делами я как-нибудь сам разберусь.

Рай понял, что упёрся с непробиваемую стену, и его душу охватило смятение. Теперь он уже был совершенно уверен, что появление этого странного незнакомца сулит Антуану большую беду, но юноша отказывается принять помощь! «Ох! Я снова забыл, это не Френсис! Этот мальчишка не доверяет мне, если он вообще способен кому-нибудь доверять!» Молодой граф уже развернулся, чтобы уйти, но тут что-то заставило его кинуть взгляд на Рая. И Антуана словно пронзило молнией, такое отчаяние пылало в умных серых глазах брианца: «Господи! Как он за меня испугался! А ведь он прав, есть из-за чего...» Юноша невольно проникся огромной благодарностью к Раю, черты его лица смягчились, и в следующую минуту он сам себя удивил:

– Меня и правда собираются убить, но это ещё не повод для беспокойства. Я не так прост, как молод... Ну да ладно... читайте, – и он протянул Раю таинственное послание.

Брианец даже не попытался скрыть вздох облегчения и поспешил развернуть жёсткий лист бумаги.

«Господин де Валеньи, к вам обращается человек, который впредь не намерен терпеть от вас оскорбления и публичное унижение. Королевский указ, запрещающий дуэли, развязал ваш трусливый и лживый язык, и вы наивно возомнили, что это будет бесконечно сходиться вам с рук. Ваше подлое поведение не достойно дворянина, и я намерен указать вам ваше место. Приходите сегодня, в полночь на Поляну Луны, на восточной окраине Грандона. Я буду ждать вас там и докажу, что все те нелестные комплименты, которые вы изволите столь часто и щедро отпускать в мой адрес, являются собой ни что иное, как именно ваш словесный портрет. Это дело касается нас двоих, и вы понимаете, что оно не терпит огласки так же, как и промедления.

С глубоким презрением виконт де Крахтью"

Красноречивый взгляд Рая заставил Антуана улыбнуться:

– Забавно. Вы не находите? Либо Крахтью спятил, либо его батюшка спешит исправить оплошность сына и поскорее убить меня, пока я ещё ничего не предпринял против этой злополучной помолвки. В любом случае я рад, что они объявились.

– Да, нет худа без добра, – согласился Рай, – И что вы намерены предпринять.

– Конечно же я должен пойти туда.

– Да, верно, но только для того, чтобы выследить тех, кого

пришлёт Крахтью, – легко согласился Рай.

Антуан с усмешкой кивнул, и Рай почувствовал в этом жесте юноши недосказанность.

– Надеюсь, вы позволите мне присоединиться к вам? – в голосе брианца, правда, слышалось скорее утверждение, чем вопрос.

– Стоит ли, господин Рай? День выдался трудный. Отдохните...

– По осторожнее в выражениях, молодой человек! Эдак вы и стариком меня назовёте! Всё, нравится это вам, или нет, но я пойду с вами... Кстати, что это за поляна Луны? Сказано о восточной окраине города. Но ведь город обнесён массивной стеной... Но звучит это так, словно поляна Луны находится за пределами города...

– Да, верно. От моря её заслоняют песчаные дюны, с трёх сторон к ней подступает лес... – кивнул Антуан.

– Но тогда я не понимаю...

– Не понимаете? Что именно? – нахмурился юноша.

– Губернатор гарантировал нам, что без его ведома ни де Крахтью, ни де По город не покинут, а те тем временем собираются сделать не только это, но ещё и прихватить с собой банду. Не хочется думать, что губернатор не отвечает за свои слова, – в голосе Рая звучало искреннее возмущение.

– Не будьте так строги, господин Рай, – печально улыбнулся Антуан, – Губернатор лишь обещал нам, что все кареты прежде, чем пересечь городские ворота, будут досмотре-

ны. Но никто не в силах ответить за действия всей городской охраны. Вы же понимаете, среди них наверняка найдутся такие, кто готов прикрыть глаза, почувствовав тяжесть золотой монеты в своём кармане. Да и что говорить о стене, если в ней столько брешей...

– Брешей?!

– Да, брешей. Это стена уже более ста лет не выполняет своё предназначение. В некоторых местах её стали сносить сознательно.

– Но... А я-то глупец, допустил мысль, что предприняты действительно достаточные меры для поиска Френсиса, Анри и... остальных, – Рая был искренне раздосадован.

Антуану стало жаль его:

– Это очень большой город. Перекрыть его не смогла бы и вся королевская гвардия. Порой надо уметь признавать ограниченность своих возможностей. Отец рассчитывает прежде всего не на губернатора, а на нас с вами... Так что поблагодарим Господа, что этим проходимцам пришла в голову шальная мысль убить меня.

Рай вынужденно кивнул и тут же ожил:

– Я сейчас же обо всём этом расскажу губернатору. Нам могут понадобиться его люди. Да-да, лишним не будет...

– Но толпа вспугнет ИХ! Вы же читали!.. – и Антуан даже схватил Рая за руку.

– Хорошо, толпу брать не станем, будет достаточно только несколько человек, – уступил брианец.

– Видно мне не вырваться из-под вашей отеческой опеки, – горько усмехнулся Антуан, – Но учтите, если мы упустим Крахтью, впредь я буду САМ решать, что и как мне делать.

Рай почувствовал в этих словах скрытую угрозу, и ему стало не уютно. «Вот она – благодарность!» Но его внутренний доброжелательно настроенный к Антуану голос тут же подкинул оправдание: «Это говорит его беспокойство за графиню де Монсар! Парень по уши влюблен!»

* * *

Ночь выдалась необыкновенно ясная и светлая. Огромный лунный диск сиял в спокойной глубине неба, гася своим светом жемчужины звёзд и разрезая всё земное резкими тенями.

Антуан со свитой чуть опоздал. Остановившись на краю леса, прикрытый его тенью, он легко смог различить посреди поляны одинокую человеческую фигуру. Сомнений быть не могло – это Крахтью. Один! И было в этой картине что-то жуткое.

Огромную поляну полукругом обступал лес, а со стороны моря её подпирали песчаные дюны. По густой, высокой траве ветер размеренно гнал волны, превращая эту поляну в подобие морского залива, а редкие низенькие кусты можно было легко принять за выступающие из воды скалы.

И Крахтью, одиноко переминающийся с ноги на ногу посреди этого травяного моря. Он походил на пугало, забытое

здесь своими хозяевами, и теперь изо всех сил старающееся внушить окружающим благоговейный трепет, и так заслужить право дожить до рассвета.

– Не нравится мне это, – процедил сквозь зубы Рай.

– Да, уж, весело! – отозвался Антуан, – Впечатление, что он и правда ждёт меня.

– Похоже... – согласился Рай, продолжая напряжённо всматриваться в Крахтью, траву, лес...

– Интересно, долго он собирается так стоять? – усмехнулся Антуан, – Мне почему-то его жаль. Пади трясётся, как осиновый лист.

– Как знать, отсюда не видно... Что ж, будем ждать, – решил Рай.

– Ждать? – в голосе Антуана послышалось удивление.

– Сударь, мне казалось, что решённый вопрос, – искренне изумился Рай.

– Да? Почему же?

– Этот бедняга лишь приманка. Сударь, мы же сошлись на том, что это ловушка. Вот она, перед вами. Время ли сейчас для шуток? – совершенно искреннее возмутился брианец, – В конце концов он пойдёт домой... Что же проще, проследить за ним, а там и...

– Но ещё проще убить его прямо сейчас! Вот и решение всем проблемам, верный способ избавить графиню де Монсар от помолвки с ним, – в голосе Антуана ясно слышалась твёрдая решимость.

– Здесь засада!

– Но ведь и мы не одни, – и Антуан кивнул в сторону пришедших с ними слуг, – Господин Рай, пригласив меня сюда, Крахтью сам завязал на своей шее петлю, осталось лишь затянуть её. И никто не помешает мне это сделать.

– Антуан...

– Да, засада. Но где? Очевидно же, она где-то в лесу. Смотрите, он стоит ближе к тому краю поляны, возможно, его люди там и прячутся. У вас и у них будет примерно равное время, чтобы добежать до нас. За это время я успею с ним покончить. А потом уж выручайте. Ну же, соглашайтесь, господин Рай. Я всё равно пойду, но людям губернатора нужен командир... Ваша опека мне очень пригодится.

– Гладко стелите, сударь, – рассердился Рай, – Полагаете, я не заметил, как вы вывернули всё наизнанку? Это люди губернатора! Они здесь для вашей защиты, а не для убийства Крахтью!

– Так пусть и делают свою работу. Господин Рай, я пошёл?

Рай не столько увидел, сколько догадался, что Антуан улыбнулся, но разделить этот легкомысленный оптимизм не смог. Напротив, он схватил молодого графа за руку и постарался заглянуть ему в глаза:

– Вам когда-нибудь доводилось убивать?

Юноша замер, напрягся всем телом, и Рай понял, что попал в цель, но Антуан не позволил своему новоявленному наставнику взять верх. Он резко высвободил руку из цепко-

го захвата брианца и заговорил с плохо скрываемым раздражением:

– Крахтью прежде всего моя проблема. Он явился сюда для встречи со мной. И я рад. Это моё дело, слышите? Моё. Один на один, и будь что будет. Если он призовет своих слуг, то считайте это приглашением и для себя. А до тех пор, я сам с ним поговорю. И хватит об этом.

Что ж, Рай вынужденно кивнул и отступил:

– Помните, мы рядом...

– Благодарю! – обронил молодой граф и решительно вышел из-под тени деревьев.

– Упрямый мальчишка! – в сердцах прошипел Рай ему вслед.

Крахтью тотчас заметил приближение Антуана и весь взвёлся, словно пружина, но унять дрожь в коленях он был не в силах: "Ах, если бы это всё было лишь кошмарным сном! Проснуться бы сейчас в тёплой, уютной постели..."

– Приветствую вас, доблестный рыцарь! – воскликнул подошедший Антуан, – Право, вы проявляете удивительные чудеса храбрости. Явиться сюда! Сейчас! Вот уж чего-чего, а такого геройства я от вас никак не ожидал. Что ж, вы смогли меня удивить. Поздравляю! Может быть, на том и остановимся? Вы принесёте мне свои извинения, и мы мирно разойдёмся по домам?

– Я не для того звал вас сюда, сударь, – с трудом выдавил из себя Крахтью.

– Да, понимаю, но, может быть, вы одумались? Поверьте, лучшее, что вы можете сделать, это быстренько убраться в свою деревню, и ещё быстрее забыть о графине де Монсар!

Крахтью судорожно сглотнул (или икнул?), нервно выхватил шпагу и встал в позицию.

– Защищайтесь! – взвизгнул виконт и тут же чуть присел, испугавшись собственного голоса.

– Bravo, виконт! Вы продолжаете меня восхищать! Но я серьезно опасаюсь, что у вас жар, – в голосе Антуана звучал открытый сарказм, но никак не сочувствие, к тому же он уже тоже обнажил шпагу, но вставать в боевую позицию не спешил.

«Как просто – убить его сейчас и всё! Легче лёгкого!» – мысленно изумился молодой граф, но тут же в его сознании зазвучал новый голос, – «О, Боже! Это лишком просто! Прямо «избиение младенца»!.. Да и отец велел держаться Рая, а этот брианский волк, каким бы грозным не старался выглядеть, открыто не одобрил мой план. Но... Чёрт! Ведь этот выродок, Крахтью, сам напрашивается!.. Так почему же нет?! Это ли не довод здравой логики?! Тогда в чём моя проблема?!" – внутреннее смятение Антуана нарастало с каждой секундой, и с ним в душе юноши начала расти предательская нерешительность.

– Защищайтесь!!! – вдруг выкрикнул Крахтью и весь остаток сил вложил в последовавший тут же выпад.

Но Антуану потребовалось только чуть отклониться в сто-

рону. Крахтью же при этом едва не потерял равновесие. Такой промах явно обескуражил незадачливого виконта. На какой-то миг даже показалось, что этот горе вояка потерял из виду противника. Получилась болезненно комичная сцена.

– Я жду вас, сударь! Вперёд! – напомнил о себе Антуан и невольно распахнул руки: "Господи, посадить его как цыплёнка на вертел?!"

Что ж, Крахтью, недолго думая, повторил попытку, и снова у Антуана не хватило духа подставить шпагу, казалось, летевшему прямо навстречу ей виконту.

И тут Крахтью вдруг опомнился. «О, дьявол! Что я делаю?! Никто же не просил меня самому драться! Я ещё жив?! Хвала Всевышнему!!!» – пронеслось в его голове, и, к большому удивлению Антуана, он вдруг едва ли не отпрыгнул в сторону, а уже в следующий секунду как завопит:

– Вперёд!!! Убейте его!!!

И в мгновение ока словно из-под земли вокруг Антуана возникли сразу человек десять, а, может быть, и больше, много больше, скрывавшихся прежде в высокой траве бандитов. Антуан не верил своим глазам и первые секунды действовал только на голых инстинктах. «Как я не заметил их?! Как!?!» – тем временем тихо паниковал внутренний голос молодого графа. Раю и слугам губернатора, чтобы добежать до места трагедии, требовалось минимум минуты две, и секунды превратились в года. Правда, уже через пару мгновений Антуан почувствовал незримую помощь. Бандиты нача-

ли падать сражёнными явно не его рукой. Уже катаясь по траве ранеными, они покрывали кого-то отборной бранью и проклятиями. Стало заметно легче дышать.

– Пригнитесь, сударь! – раздался над ухом Антуана чей-то голос, голос друга.

Повинуясь ему, уже в следующий миг он увидел, как упругая тень незнакомца метнулась к нападавшему на Антуана сзади, и этот враг как подкошенный утонул в траве.

– Благодарю! – воскликнул Антуан, развернувшись к незваному спасителю, но разглядеть его не было никакой возможности, так как лунный свет бил незнакомцу прямо в затылок.

К тому же бой ещё не был окончен, ведь всё ещё оставались на ногах те, кто желал смерти Антуана. Молодой граф продолжал действовать по наитию, подчиняясь мудрости тренированного тела и вложенных в него боевых навыков. А разум его оказался в позиции ошеломлённого наблюдателя, и вот он-то некстати и заметил, что силы начали быстро покидать тело, очень быстро. Осознание этого породило леденящий душу страх.

– Фрэнк, нам пора, он тоже не один! – воскликнул кто-то по-бриански буквально в паре шагов от Антуана.

Молодой граф резко развернулся на голос, но различить сказавшего это не смог, слишком уж много вокруг чёрных теней... «Фрэнк?! Это Жан?!!» – изумился Антуан и даже собрался было в голос позвать брата, но почему-то это ока-

залось странно трудно сделать. На это просто не осталось сил...

Как бы быстро Генрих Рай ни мчался на помощь Антуану, это потребовало времени, много больше, чем хотелось бы. И всё-таки вот он здесь, и два десятка жандармов Грандона вместе с ним. Те из бандитов, кто ещё мог стоять на ногах, бросились бежать к лесу и сразу же стали мишенью для стражей порядка, которым был дан чёткий приказ – схватить всех, кто явился этой ночью на Поляну Луны, всех, невзирая на чины и звания. Но большинство не могли проявить такую прыть. В траве корчились от боли около десяти человек...

– Где Антуан?! Ищите де Валеньи!!! – взывал Рай, теряя голову от осознания непоправимости случившегося. Он даже не замечал, что отдает команды по-бриански, но его как-то понимали.

– Здесь он! Здесь! – позвал кто-то из жандармов.

Ещё один миг, и вот уже Рай упал перед Антуаном на колени:

– Жив?!

– Вроде, жив... – выдохнул юноша.

– Жив!!! – возликовал Рай и тут же вскинулся, – Огня!

Скорее дайте огня!

– Господин Рай... – голос Антуана был едва-едва слышен...

– Молчите, сударь! Берегите силы! Скажите только одно слово, куда именно вас ранили!?

– Не знаю... Господин Рай,... Это были они...

– Кто?

– Жан и Анри... это они мне помогли... – и Антуан потерял сознание.

– Что?! – Рай был близок к обмороку.

Неужели он сейчас здесь потеряет всех троих сразу!

«Только не это!!!»

Глава 12. Казнь.

Солнце издевательски слепило и заставляло мучиться от жары и жажды. Вконец устав от путешествия по раскалённой дороге, Френсис и Анри с большой радостью вошли под тень прозрачного леса, но скоро поняли, что и здесь нет спасения от зноя преждевременного лета. Подумать только, такая жара уже на четвёртый день последнего месяца весны! Друзья переглянулись и поняли друг друга без слов, обоим захотелось передохнуть, и небольшой овраг представился для этого очень удобным местом. На его дне росла ещё не затронутая зноем трава, так что купленные в предместье Грандона кони проведут это время с пользой. А со стороны дороги овраг был заслонён густой порослью молодых деревьев и кустов. Решено, сделано – кони отпущены, плащи расстелены на траве, шляпы легли рядом.

– Странные мы люди, Анри, тебе не кажется? – поинтересовался Френсис, вытягиваясь на плаще в полный рост.

– Конечно, и не только кажется, я совершенно уверен, что мы с тобой круглые идиоты! – легко согласился Анри, – Это же надо было додуматься пускаться в путь, не взяв с собой ни капли воды! Правильно говорил учитель, не принимай решение на горячую голову, иначе ей придётся остыть надолго. Сейчас я бы душу отдал за каплю воды... – и Анри страдальчески закатил глаза.

– Да, учитель всегда прав... – вздохнул Френсис, закусив сухую травинку, – Слышишь, Анри, объясни мне одну вещь... Анри!

Но Монсо никак не реагировал на призыв друга, он с наслаждением распротёрся на своём плаще и, казалось, задремал. Тогда Фрэнк душевно толкнул его в бок. Что же, Анри сделал-таки над собой большое усилие и простонал в ответ что-то невнятное. Но Френсис будто не замечал страданий друга:

– Ты объясни мне, почему мы вдруг так поспешили скрыться, попросту сбежали?

– Сбежали? – лениво возмутился Анри – Не хорошо звучит. Мы сделали всё от нас зависящее. Что ещё было там искать?

– Да. Но... Хочется верить, мы помогли этому де Валеньи. Чем это не повод для более близкого знакомства?

– Не понял! – Анри даже приподнял голову, – Зачем тебе это? Не забывай, мы всё ещё не придумали, какими именами прикрыться! Это непростая задача – имя, это ещё и предыстория, родословная. Вспомни, как граф де По допытывался, кто твой отец...

– Граф де По... Да, странный, неприятный опыт. Но...

– Снова "но"? Говори уж толком.

– Видишь ли, во время драки, ведь дуэлью то, что было, не назовешь... Короче, там был момент, когда я увидел лицо этого де Валеньи. Ты не поверишь... но у него моё лицо!!!

Это воспоминание так сильно взбудоражило Фрэнка, что он больше не мог лежать. Теперь он сидел и с большим интересом ожидал реакцию друга.

– Э! Да ты перегрелся! – искренне встревожился Анри.

– Да, звучит безумно, – легко согласился Фрэнк, – Даже мне уже кажется, что это был сон... Но ведь мы до сих пор не спали!..

Юноша выглядел таким растерянным, смущённым, что Анри честно постарался отнестись к услышанному серьёзно. Он тоже поднялся и всем телом развернулся к другу:

– Так, ладно. Прежде всего успокойся и давай по порядку. Ты сейчас заявишь, что у тебя в тот момент было его лицо?

От этих своих слов Анри сам и не выдержал, от души рассмеялся.

– Если хочешь, пусть так, – в голосе Френсиса зазвучали обиженные нотки, – Мы с ним и правда удивительно похожи! И это не так смешно, как сейчас тебе кажется.

– Ну-ну, прости, я не хотел тебя обидеть, но согласись, то, что ты говоришь... это по меньшей мере странно, – и Анри снова постарался взять себя в руки.

– Да, согласен. Но я знаю, что видел! В тот момент луна хорошо осветила его лицо, а меня он видеть не мог, я оказался в тени. Помню, как я растерялся. На кого это он, думаю я, похож? У него было моё лицо, даю руку на отсечение!

– Прибереги её для других целей, – отмахнулся Анри.

– Да, всё верно, я бы тоже не поверил, – смирился Френ-

сис, – Но я ещё найду этого Валеньи, и тогда всё прояснится.

– На всё воля божия! – смиренно возвестил Анри, снова опуская голову на плащ. Но Фрэнк никак не мог успокоиться.

– В любом случае, я бы очень хотел познакомиться с этим человеком.

– В самом деле?

– Смотри, как графа де По раздражает его имя, я уж не говорю о виконте де Крахтью. Похоже, де Валеньи очень неглупый человек. Хоть граф де По и кичился тем, что хорошо знает его характер, Валеньи разгадал-таки этот коварный план.

– Глупый план, – тут же поправил Анри, – Разгадать его, особого ума не надо было. И потом, если этот де Валеньи понимал, на что идёт, какого чёрта он тогда полез на рожон? Я бы дождался, пока у Крахтью иссякнет терпение, и проследил бы за ним...

– Но тут замешана женщина! – улыбнулся Френсис, – Наверное, прекрасная женщина. Действия де Валеньи говорят о том, что он любит её. И уж, конечно, он достойнее Крахтью. Да, де Валеньи смел, силён, благороден. Он всё-таки не тронул этого олуха виконта, хотя, видимо, собирался. Пощадил он его, а это о многом говорит... Так что я рад, что мы вмешались, очень рад.

– А что это у тебя так глаза загорелись? – лукаво сощурился Анри, – Уж не появилась ли в твоей жизни столько же

"прекрасная дама"? Признавайся! Почему я не заметил это раньше?! Когда и в кого ты успел влюбиться?!

– Влюбиться? С чего ты взял? – запротестовал Френсис, но проступивший на его щеках яркий румянец смущения тут же полностью выдал его.

– Всё! У тебя нет пути к отступлению! – страшно заинтригованный Анри снова уселся на плаще, – Признавайся! Кто эта красавица?

Что ж, Фрэнк сокрушённо рассмеялся:

– Да, она редкая красавица!.. Сказочная фея! Богиня! Но... больше мне нечего добавить.

– То есть как это нечего! А звать-то её как? – Анри весь пылал от любопытства.

– Не знаю! И хватит об этом! Не травми мне душу! – вдруг вспылил Фрэнсис, – Я правда не знаю, как её звать, где она живёт, ... Я вообще ничего о ней не знаю! Просто встретились мимолётом, в день отплытия из Туманной Гавани, и теперь я неустанно молю Господа свести нас вновь.

Анри видел, что искренне расстроился его друг, и решил на пока прекратить этот допрос. Установилось тягостное молчание, но ненадолго.

Уже через минуту почти над головами друзей раздался страшный грохот. Мимо по дороге мчалась карета. Фрэнк встрепнулся, поспешил выглянуть из-за кустов и успел разглядеть герб прежде, чем облако поднятой пыли заставило его задохнуться.

– Ну, ну... – Анри от души похлопал друга по спине.

С глазами мокрыми от выступивших слёз, Фрэнк поинтересовался:

– Как ты думаешь, кто это был?

– Твой де Валеньи, – усмехнулся Анри.

– Граф де По. Его герб.

– О!

– Наши пути пересекаются...

– Только он едет быстрее, не так ли? – заметил Анри и с бесстрастным лицом вновь растянулся на плаще, – Слава Богу, нам не надо так торопиться.

– Не надо? С такими настроениями век не видать нам Фонтэнжа! – возмутился Фрэнк.

– Ты ищешь Фонтэнж или графа де Лаган? – усмехнулся Анри, – Поверь, будет много больше проку, если мы с тобой сначала найдём возможность выспаться. Что кроме твоего нетерпения сейчас мешает нам сделать это?

– Здесь? Сейчас? – возразил Френсис, – Не придумывай! И не так сильно ты устал...

– Я и не говорил, что устал... – Анри вдруг вскинулся и резко поднялся на ноги.

– Верно, дружище, едем, – Френсис одобрил такую перемену в настроении друга, – Но графа де По догонять не станем.

– Согласен, – улыбнулся в ответ Анри.

С тем и двинулись в путь. Но палящее солнце и полное

отсутствие кого-либо ветра скоро заставили друзей напрочь забыть о цели их путешествия и пуститься на поиски воды. Дело это оказалось непростое. Сейчас их путь пролегал по поросшему лесом плато. Они знали, что где-то справа расположено русло Съены, реки, несущей свои воды от горных лесов на востоке Фрагии к её сердцу, Фонтэнжу, и далее, через Рунд и Грандон в Брианский пролив. С мыслями об этой великой реке друзья и сошли с большой дороги. Они надеялись, что эта отлучка не станет долгой, ведь им достаточно и небольшого ручья или родника, но и эти скромные мечты не спешили сбыться. Прошло ещё около полутора часов, когда, наконец, кони вынесли их на берег небольшого ручья.

Вода! Чистая родниковая вода! Есть ли в мире более желанный напиток для измученного жарой и жаждой путника!? Юноши ещё на ходу спрыгнули с сёдел на землю и бросились в ручей. Их крепкие сапоги позволили войти в воду почти по колено. Вода! Юноши от радости рассмеялись в голос, пили и не могли напиться, не только умылись, но и смочили волосы... Потребовалось время, чтобы эти бурные эмоции поутихли.

Френсис выпрямился и огляделся. Лучезарное солнце теперь не палило, а ласково улыбалось. А под откосом берега ручья их ждала гостеприимная тень ивы.

– Так вот она какая «Земля Обетованная»! – выразил его мысли столь же счастливый Анри.

Фрэнк согласно улыбнулся, с наслаждением вдохнул пол-

ной грудью и вдруг... запел.

Это был давно знакомый широкий светлый мотив старинной брианской песни, мелодия из тех, что заставляют трепетать самые глубинные струны души, так уж причудливо были вплетены в неё оттенки нежной печали и затаённой грусти. Как только Френсис поймал себя на этом откровении, перед его мысленным взором тут же возник прекрасный образ таинственной испайронки, которую он повстречал в Турманной Гавани, и так горько стало, так досадно от того, что он не узнал её имя... Эта горечь наполнила его голос новой силой, словно внутреннее Я захотело хоть так воззвать к этому дивному образу. Каждый новый вдох проходил через тоскующее сердце и преображался во всё более мощное благозвучие, накрывал мир так полно, что Анри от изумления даже рот открыл. Он знал, что его друг хорошо поёт, но до сей поры это было лишь забавой, а сейчас оказалось, что это нечто много-много большее. Френсис обнаружил неопишимо богатый и силы огромной голос. Голос, которому не было предела... Но, когда взгляд Фрэнка пересёкся со взглядом Анри, мелодия оборвалась.

Потрясенный Анри застыл в той позе, в какой его застало это чудо, только голову приподнял да рот приоткрыл от изумления. Френсис растерялся.

– И давно это с тобой? – только и нашёл, что изречь Анри.

– Что? – переспросил Фрэнк, уже начиная осознавать, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

– Ты давно так поёшь?! – Анри выпрямился и теперь пылливо шурился.

– Пою? – Фрэнк почувствовал сильное смущение.

– Да, поёшь! А то чем ты сейчас занимался?

Фрэнк, наконец-то, кивнул:

– А что, плохо?

– Плохо?! Да у тебя, братец, божий дар!!! Голосище! Как тебе до сих пор удавалось скрывать это от меня?! Я тебя спрашиваю!!! Это же потрясающе!!!

В конец смущенный Фрэнк вдруг увидел, как шляпа Анри преспокойно намеревается скрыться за поворотом, и схватился за это открытие, как утопающий за соломинку.

– Стоят ли твои излияния твоей шляпы? – и Френсис указал на беглянку.

– Стой! – тут же закричал на неё Анри, но уже в следующий миг, справедливо полагая, что та вряд ли откликнется, бросился следом.

А Френсис от души рассмеялся.

* * *

К ночи того же дня они добрались до Рунда, тем самым проделав путь, на который при других обстоятельствах могли бы затратить чуть больше четырех часов. Но им и правда не очень-то хотелось спешить.

Город встретил поздних гостей неприветливо: городские ворота закрылись сразу за их спинами, улицы пустынные, окна темны, деваться некуда. Через полчаса блуждания по го-

роду, который с хмурым безразличием погружался в вязкие сумерки, Френсис и Анри добрались до центра, но так и не встретили ни одной заслуживающей их внимания гостиницы или трактира.

– Что за напасть? – вскипел Анри, – Кто бы мне сказал раньше, что Рунд такой гнилой городишко! Если так пойдёт и дальше, нам придётся проститься с мечтами о свете, еде и постели, и подыскать какую-нибудь мало-мальски чистую и сухую подворотню. Как знать, может быть, здесь даже это найти непросто!

– Не спеши драматизировать, – улыбнулся в ответ Френсис, – В худшем случае, вернёмся к городским воротам. Помнишь, там есть довольно приличный постоялый двор. Но я всё-таки не верю, что в центре такого большого города не найдётся места для нашего ночлега. Давай просто перейдём на другую улицу!

Что ж, Анри согласно кивнул. Пара другая переходов по узким переулкам, и через несколько минут их вынесло, по видимому, на главную улицу города, а на ней к трактиру, двери которого были призывно распахнуты и изливали в предночной мрак потоки света и божественно аппетитных запахов. То, что надо! И друзья дружно возблагодарили судьбу за такой подарок. Кони в миг оказались привязаны к стойлам, а их хозяева радостно перешагнули порог этого благословенного, как им казалось, места.

Ожидания их не обманули. Через несколько минут они

уже сидели за отдельным столиком, уставленным очень приличной едой и вином. Так, быстро утолив голод, друзья пришли к единодушному мнению, что жизнь не так уж и плоха.

В трактире несмотря на поздний час, а, может быть, именно благодаря этому, оказалось довольно много посетителей. Большинство ремесленники, но были среди них и крестьяне, и мелкие чиновники, и даже пара хмурых личностей, которые могли бы сойти за дворян. Все эти люди, как и наши друзья, ели, пили, вели мирские и не очень беседы, и ничто в этой картине не предвещало беды.

И вдруг, на пороге этого благодатного заведения возникли жандармы и, не утруждая себя какими бы то ни было объяснениями, подняли пальбу. Точнее раздалось только два выстрела, но и этого хватило, чтобы мир раскололся.

– Всем на пол! Слышали меня!? На пол!!! – громогласный заявил лейтенант жандармерии города Рунда.

Этому голосу невозможно было противиться. Через пару секунд испуганной суеты в трактире воцарилась гробовая тишина. Все, кто мог, легли на пол, остальные присели или пригнулись. И только наши друзья остались недвижимы. По-прежнему сидящие за столом, они не могли долго оставаться незамеченными. Взгляд лейтенанта гвардейцев обратился прямо к ним.

– Этих двоих ВЗЯТЬ!

Приказ был более, чем внятный. Ошеломлённые Анри и Френсис встали навстречу бросившимся к ним жандармам и

выхватили из ножен шпаги.

– А ну стоять!!! – грозно возвысил голос Френсис.

Но лейтенант словно ждал этого и завопил громче прежнего:

– Молчать! Взять их!!!

– Перед вами сын герцога Бетенгтона!!! – в тон ему закричал Анри и выразительно указал на Френсиса, – Вам жить надоело!?!

От такого заявления жандармы ошеломлённо замерли, и Анри поспешил закрепить эффект:

– Перед вами Его Сиятельство Френсис Гай Гейсборо сын Его Светлости Карла-Бенедикта Гай Гейсборо герцога Бетенгтона!

И чтобы придать своим словам больше веса Анри почти-точно поклонился другу, который, напротив, уверенно расправил плечи и величественно повёл головой.

Те из жандармов, кто был ближе к молодым людям, сочли за благо отступить на пару шагов. Вот только лейтенанту жандармерии славного города Рунда этого оказалось недостаточно.

– Самозванцы! Фигляры! Ишь как хватили! Чтобы сын герцога так одевался и ел в такой забегаловке!?! Посмели замахнуться на такой титул!? – казалось из глаз странного стража закона посыпались искры. Он взял за шиворот ближайшего к нему жандарма и толкнул вперёд, – Схватить этих двоих!!! Это приказ!!! Или сами отправитесь за решётку!!!

«Должно быть начальник лучше знает, что и как делать!» – так рассудили горе вояки и дружно бросились выполнять приказ. Посетители отпрянули к стенам, а некоторым удалось даже выскользнуть на улицу. И это было самым благоразумным решением, потому что уже через миг здесь, в трактире, разыгралось самое настоящее сражение.

Анри и Френсис заняли позиции спина к спине и так оказались недосягаемы. Численное превосходство жандармов никак не давало им право надеяться на легкую победу. Юноши без труда могли справиться каждый с четырьмя, и кто знает, может быть, им действительно удалось бы выйти из этой переделки сухими, но тут в трактир ввалилось ещё человек десять вооружённых до зубов людей в чёрном, явно не жандармов, и стало ясно как божий день, долго друзьям не продержаться. Эти новые бойцы были настроены более решительно, и обучены воевать они были явно лучше.

– Чёрт побери, Анри! Наше дело дрянь! – воскликнул Фрэнк на брианском, отшвыривая от себя тощего жандарма, и тем самым сбивая с ног двоих в чёрном.

– Да, дружище, мы здесь слишком задержались! Надо уходить! – охотно откликнулся Анри тоже на брианском.

– Давай в окно! – решил Фрэнк.

Он тут же схватил нечто, бывшее когда-то стулом, и вышиб этим оконную раму.

– Да, верно! – Анри понял друга, но всё оказалось сложнее, чем хотелось бы. Ему преградил путь огромный боро-

дач, и юноша был вынужден отступить, защищаясь.

Френсис, продолжая творить чудеса, вынудил ближайшего к нему противника упасть на колени, и прицельным пинком отправил бедолагу жандарма прямо под ноги здоровяку, напавшему на Анри. Убедившись, что друг теперь свободен, Фрэнк нырнул в окно словно в чёрный омут. Анри бросился за ним, ему оставался лишь шаг, но в последний момент юноша заметил летящий в него нож и метнулся прочь. Этот вынужденный шаг назад стал роковым. Опрокинутый ранее здоровяк ещё ползал на коленях, но сейчас он среагировал неожиданно чётко – намертво вцепился в ногу Анри, и рванул её на себя и вверх. Ещё мгновение, и Анри рухнул на пол. Подняться на ноги он уже не смог.

Хорошо избитый, уже теряющий сознание, он словно в тумане различил стоявшего в дверях трактира худощавого дворянина, одетого во всё чёрное. Взгляд единственного глаза незнакомца пронзил душу Анри словно ледяным копьём, и в следующий миг новый удар в живот лишил юношу сознания.

* * *

Солнечный день для многих жителей Рунда начался с известия о том, что в полдень на главной площади города, состоится казнь главарей знаменитой банды разбойников, давно терроризировавших жителей близлежащих селений. Отъявленные негодяи уже одним своим именем наводили ужас на мирных торговцев и крестьян, и потому весть об этой казни превратила день в праздник. Все прочие дела были при-

остановлены.

К полудню на рыночной площади собралась едва ли не половина города. Здесь, на помосте, недалеко от стен ратуши появились три наспех сооруженные виселицы. Рядом на другом возвышении было установлено несколько кресел. Людей собралось так много, что скоро торговля тоже приостановилась, и внимание всех обратилось к помосту. Народ бурлил, наполняя площадь плотным человеческим говором.

В назначенный час толпа всколыхнулась в направлении от главного крыльца ратуши, и в образовавшемся проходе появились жандармы, сопровождающие троих осужденных. В тот же миг поднялся страшной силы шум – крики и проклятья обрушились на головы арестантов. Кольцо оцепления сомкнулось за печальной процессией, и скоро обречённые на смерть взошли на эшафот.

Это были три удивительно не похожих друг на друга человека. Один из них оказался очень тучным с сильными волосатыми руками, огромной рыжей копной волос и злыми выпученными глазами. Другой был на голову выше товарища, коренастый, совершенно лысый с удивительно массивной челюстью. Третий...

Третьим был Анри. Ему до сих пор не верилось в реальность происходящего, только связанные за спиной руки и израненное тело не позволяли отмахнуться от всего этого как от абсурдного кошмара. Он стоит под виселицей! Но почему?! Это было для него безумной загадкой.

Наконец, новая людская волна выплеснула на освобождённое стражей место ещё одну группу людей, оказавшихся, по всей видимости, судьями. Они заняли приготовленные для них кресла на соседнем помосте, и гул людских голосов стал быстро стихать.

Еще пара минут, и вот в полной тишине прозвучал приговор, из которого следовало, что отпетые негодяи и мошенники, злобные убийцы и насильники, праведной волей Господа и Его величества короля Фрагии осуждаются на смертную казнь через повешенье. Эти последние слова толпа встретила с ликованием.

Анри стоял словно оглушённый. По его лицу было ясно видно, что услышанное явилось для него ужасным откровением. «Проснись, брат!!! Проснись!!!» – мысленно воззвал юноша сам к себе, но нет, кошмар не желал развеяться, и разум пал в оцепенение, Анри не мог принять происходящее, ни душой, ни телом. Но когда один из стражников подошёл к нему и взял его за плечо, чтобы подвести к виселице, Анри очнулся. Он резко вывернулся и что есть силы закричал:

– Господа судьи!!!

Голоса на площади стали быстро стихать. Любопытные глаза зрителей теперь были устремлены к Анри.

– Господа судьи! – голос юноши звучал очень твердо и пронзительно, – Этот приговор не касается меня! Я не знаю этих людей! Значит, и не могу быть их сообщником! Ещё не прошло и трех дней с того момента, когда я ступил на фра-

гийскую землю, значит, я не мог участвовать в чуть ли не полугодовалых разбоях! Я прошу... Нет, требую разобраться!!! Иначе на ваши плечи ляжет грех безвинно загубленной жизни!

Один из судей, человек с огромным опухшим носом, повелительно поднял руку, призывая ко вниманию, и неожиданно детским голосом произнёс:

– Приговор обжалованию не подлежит!

– Но, чёрт побери! Когда же был суд НАДО МНОЙ?! – вскричал Анри.

– Привести приговор в исполнение! – взвизгнул в ответ судья.

В тот же миг рядом с Анри раздался скрипучий хохот. Юноша развернулся и увидел, что это смеётся осуждённый толстяк, оскаливая при этом свои страшные чёрные зубы. И Анри потерял голову. Он взвился и в прыжке выдал толстяку душевный удар прямо в скулу. Конечно же оглушённый этим ударом бандит рухнул, при этом едва-едва не проломил под собой деревянный настил.

– Прекратить!!! – заверещал покрасневший от возмущения судья.

Следуя этому приказу, на связанного Анри навалилось сразу несколько жандармов, и он оказался полностью парализован в своих движениях. Изумлённая толпа зрителей снова примолкла. И в этот момент...

– Стойте! Я приказываю прекратить!!! – раздался вдруг

властный женский голос.

Ошеломлённые палачи невольно подчинились, и Анри смог вздохнуть свободней. Он огляделся и увидел, что через оцепление прорвалась редкой красоты девушка, по всей видимости испайронка высокого положения. Одета в костюм для верховой езды, пошитый из чёрного и красного бархата, она вся была полна энергии и решимости. Её чёрные глаза впились в лицо Анри, а грудь порывисто вздымалась, но при этом голос её звучал очень твёрдо и веско.

– Оставьте этого человека!!!

– Мадемуазель! – подал голос судья, но девушка круто развернулась к нему и резанула своим огненным взглядом:

– Господин судья, вы правда не боитесь, что Его Величеству королю Фрагии станет известно, что вы без суда и следствия отправляете людей на виселицу?

– Суд состоялся, и приговор вынесен! – честно попробовал возразить судья.

– Суда над этим человеком не было!!! – и девушка указала в сторону Анри, – Одумайтесь, господин д`Арм!!!

Один из приближенных судьи подал знак убрать знак-комку, но та, заметив это движение, гордо повела головой и высокомерно заявила:

– Я, Марианна сеньорита Коэльо де Эспиноса, Дагастос и Васкос, графиня де Монсар, требую, чтобы ставленники Его Величества короля Фрагии не выходили за рамки установленного им закона!

Этот вызов привёл стражу и судей в сильное замешательство. Девушка, подобно королеве, окинула толпу надменным взглядом и вновь посмотрела на Анри. А у того даже перехватило дыхание. Он был восхищён и ошеломлён столь неожиданной и блистательной защитой: «Графиня де Монсар?!!» Глаза Анри пылали таким восторгом и огромной благодарностью, что девушка даже чуть смутилась.

А тем временем судьи сильно заволновались. Они и правда не представляли, что же теперь делать. Но графиня понимала, что победа ещё не полная и уже готовилась нанести последний удар, когда вдруг в круг ворвался худошавый одноглазый господин, одетый во всё чёрное, и судья вздохнул с заметным облегчением.

– Я, барон Парадесс, опекун графини, заявляю, что несчастная не в себе и не ведает, что творит, – громко заявил одноглазый.

– Барон!!! – вспыхнула графиня, но тот поспешил перебить её и, обращаясь к судьям, добавил:

– Этот преступник имеет наглость иметь удивительное сходство с её покойным отцом. Любящая дочь потеряла рассудок, и я вынужден просить прощение за её опрометчивые действия.

– Оставьте меня, барон!!! – девушка отпрянула от своего опекуна.

– Не обращайтесь на нас внимания! – отрезал барон, чуть поклонился судье, после чего довольно грубо схватил девуш-

ку за руку. Она стала отчаянно вырываться, но у барона была мёртвая хватка. Он ловко вывернул ей руку за спину.

– Выполняйте приговор! – приказал судья.

Что ж, палачи снова подошли к осужденным.

– Не трогайте его! Слышите!!! – снова закричала графиня.

Было ясно видно, что, даже несмотря на своё униженное положение, девушка по-прежнему думала только о судьбе несчастного Анри. И в этот момент барон закатил ей звонкую пощечину. Графиня застыла в ужасе. А Анри словно в тумане расслышал позади себя:

– Хорошо быть красавчиком. Даже на эшафоте не приходится скучать.

И Анри вскипел:

– Я благодарю вас, сеньорита!!! – закричал он, – Видит Бог, вы были правы!

– О нет!!! – содрогнулась от ужаса девушка.

По щекам несчастной графини градом катились слёзы, а барон гневно сверкнул своим единственным глазом в сторону юноши, и Анри словно обжегся. Это был тот самый дворянин, которого он видел ночью в трактире.

– Так вот кому нужна моя смерть!!! Вот только с какой стати!?! – вспыхнул Анри, и гнев влил в него новые силы.

Несмотря на то, что руки его были связаны, он умудрился-таки раскидать палачей. Но что дальше? На помощь палачам уже спешат несколько жандармов из оцепления. Мед-

лить нельзя! Прыгнуть прямо в толпу, а там будь что будет?

И тут справа на входе на площадь возникло сильно замешательство: свист плети, крик, брань, лошадиное ржание, и скоро к виселице прорвался всадник на горячем вороном коне и в полумаске, закрывающей глаза. За ним не отставал второй конь.

Анри в один миг сообразил, в чём дело. Он сделал ещё одну отчаянную, теперь более успешную попытку вырваться. Незнакомец помог ему, плетью сшиб с ног сначала одного из палачей, потом ещё двоих... и вот уже Анри рядом со своим спасителем. Одно движение шпаги, и руки Монсо свободны. А уже в следующий миг мощным прыжком он перенёс себя в седло второго коня.

– Давай влево! Видишь там проход?! Тогда вперёд! – приказал Фрэнк на брианском.

Анри нашёл глазами графиню де Монсар, благодарно кивнул ей и стегнул коня. Френсис был чуть впереди, выразительно размахивая кнутом, он уже ринулся прямо на кольцо оцепления, и желаемый эффект был достигнут – жандармы поспешили убратся с их пути, ведь никому не хочется попасть под конские копыта.

– Догнать!!! Остановить их!!! – раздался рёв приказов.

На площади поднялась страшная паника, но нескоро, очень нескоро жандармы смогли пуститься в погоню.

Фрэнк хорошо знал выбранную дорогу. Несколько минут, и вот уже они вырвались за городские ворота. И никто, со-

всем никто не попробовал остановить их. Такова ли широкая улыбка удачи, или в том есть чья-то заслуга? Над этим друзья не стали ломать голову. Главное, Рунд остался позади!

Увидев простор широких полей и бескрайнюю синеву над ними, Анри, наконец-то, позволил себе поверить. СПАСЁН!!!

Глава 13. Открытия.

И снова, глухая душная ночь Рунда. Город уже старательно пережевал события этого дня и теперь неумолимо отходит ко сну. Гаснут огни, закрываются ставни, стихают голоса, и никто не обращает внимания на две безмолвные тени, пробирающиеся от дома к дому.

Вот они нырнули в черноту, образованную глубоким проёмом дверей, и оттуда донёлся приглушённый шёпот:

– Ты уверен, что это здесь?

– Положись на меня. Ведь они сказали, что барон со своей подопечной остановился в гостинице «Золотой рог», верно? Тогда посмотри на вывеску вон там! Видишь? К тому же, глянь направо, вон, на втором перекрёстке тот злосчастный трактир, где на нас напали...

– Да, вижу... Графиня де Монсар... Я должен поблагодарить её лично!

– Вот и в твоей жизни появилась прекрасная дама, – тихо рассмеялся Фрэнк.

– А то! И не в пример тебе, я знаю её имя! Сеньорита Коэльо графиня де Монсар... Кто бы мог подумать, что наши с ней пути пересеклись ещё в Грандоне. Дружище, поверь, Крахтью рядом с этой девушкой смотрелся бы как таракан рядом с голубкой!

– Тогда я напомню тебе, что в Грандоне мы спасли друго-

го, более достойного претендента на её руку, – не удержался Фрэнк.

– Думаешь, я забыл? – возмутился Анри, – Это лишь ещё одна причина, почему нам надо увидеться. Узнаем, как она относится к этому де Валеньи... Если и он её сердцу не мил...

– И что тогда?! Что!? Ладно, не отвечай. Сейчас не время и не место для таких разговоров...

– Согласен. Пошли, – и Анри выскользнул из их укрытия.

Через миг они скрылись в тени дома напротив гостиницы «Золотой рог». Надо сказать, что эта гостиница была во многих смыслах особенным зданием. Не в пример многим другим, её не подпирали справа и слева соседи. Напротив, её хозяин мог позволить себе иметь собственную конюшню, хозяйственный двор и даже небольшой сад, а постояльцам предоставлял комнаты с видом на две главные улицы Рунда, благо гостиница стояла на перекрёстке.

– Ну и?.. – растерялся Анри.

– Тише! – и Фрэнк заставил друга глубже погрузиться в тень дверного проёма.

Мимо прошагал стражник.

– О! Да, кажется, нас ждут! – вырвалось у Анри.

– А что я тебе говорил?

– Что это очень рискованно. Даже если так, неужели это нас остановит?! Я должен её увидеть! Я должен узнать, что это барон так ко мне привязался. Это стоит риска.

– Да, МЫ должны это узнать... – в задумчивости отозвался Фрэнк, – Но, сдаётся мне, ты хотел сказать, что риска стоят глаза графини. Если они хоть чуточку похожи на те, что я видел в Туманной Гавани, то я тебя понимаю. Ладно...

– В Туманной Гавани? Ты про ту красавицу, что встретил там перед отплытием «Святой Елены»?

– Да... Говорили, что твоя графиня живёт на втором этаже. Но где?

– Задача... в окна заглядывать трудно...

Друзья пришли в замешательство. Вдруг в проёме одного из тускло освещённых окон показался женский силуэт, и Анри тут же схватил друга за руку:

– Это она!!!

– Где?!!

Анри поднял с мостовой маленький камешек и, прежде чем Фрэнк успел его остановить, метко запустил им в желанное окно. Этот зов был тотчас услышан. Окно распахнулось, и друзья различили девичий силуэт. Хоть темнота и не позволяла рассмотреть лицо девушки, Анри уже не сомневался, что попал в цель. Он нашёл свою спасительницу! Это оказалось проще простого! Впрочем... Только он собрался выйти из тени, как вновь услышал шаги приближающегося караульного. Девушка отпрянула от окна, похоже тоже не жаждала встречи с ночным стражем.

– Он мне надоел! – закрипел зубами Анри.

– И мне, – согласился Фрэнк, – Подожди секунду.

И Анри увидел, что друг извлёк из-за пояса нож.

– Стоит ли? – остановил было его Анри.

– Конечно, не стоит, – просто согласился Фрэнк, но тем не менее нож не опустил.

Напротив, он взял его за лезвие, и не успел Анри моргнуть, как нож глухо врезался своей рукояткой в макушку стражника, который как раз в этот момент неосторожно снял шляпу.

– Bravo! – одобрил Анри, – Пусть поспит.

Друзья дружно подхватили оглушённого и утащили в тень. Фрэнк подобрал нож, а Анри уже схватился за верёвку, которую они прикупили пару часов назад в небольшой суконной лавке так, на всякий случай.

Графиня ждала их, открыто высунулась из окна, и теперь стало ясно, что она ещё даже не собиралась ложиться спать. Напротив, её волосы собраны в высокую причёску, и одета она в добротное тёмное платье. Анри подобно лассо раскрутил верёвку, и девушка, ловко поймав прилетевший конец, поспешила закрепить его в комнате.

– Каково?! – удивлённо одобрил Анри, кивнув другу.

Фрэнк стоял рядом, стараясь держать под контролем всю улицу, но второй возглас друга всё-таки привлёк его внимание:

– Э, да она и впрямь не в себе!

Френсис поднял глаза и увидел, что не Анри лезет наверх, а графиня с неожиданным проворством спускается вниз, и

длинные пышные юбки её платья чудесным образом никак не мешают ей в этом. Друзья остолбенели от неожиданности. Ещё пара секунд, и вот уже эта удивительная девушка стоит рядом с ними. Она быстро поправила юбки, благо в её платье их было несколько слоёв, крепче стянула узел огромной тёмной шали, которую лихо носила повязанной через плечо, дёрнула за верёвку, ставшую для неё лестницей на свободу, и та послушно соскользнула к её ногам. Только теперь Анри ожил, совершенно не задумываясь, поднял верёвку и смотал.

– Скорее, господа, бежим! – умоляющий и в то же время властный шёпот побудил молодых людей к действию.

И все трое в одно мгновение ока скрылись в соседнем переулке.

* * *

Пробираясь наощупь в крошечной темноте, Фрэнк не смог не опрокинуть попавшийся под ноги стул, и тот с оглушительным грохотом повалился на пол.

– Не волнуйтесь! Сейчас будет свет, – юноша поспешил ободрить спутников и скоро щёлкнул огнивом.

Лучина очень неохотно согласилась пробудиться ото сна, но теперь, всё-таки занявшись делом, ожила на славу, не только мрак разорвала, но и завела шаловливую песню в тихом треске сухого дерева. Френсис пристроил её в креплении на столе и осмотрелся.

Это была старая давно покинутая людьми хибара. На остатках мебели лежал махровый слой пыли, а покосившие-

ся и кое-где обвалившиеся балки стен и потолка были основательно заплетены густой паутиной.

– Не лучшее место для ночлега, но в нашем положении выбирать не приходится. Считайте, нам повезло, даже нищие не позарились, так что хозяева тут мы... – Фрэнк смущённо развёл руками и развернулся к своим спутникам.

Как и следовало ожидать, всё внимание Анри было обращено к их прекрасной спутнице. Он умудрялся и скамью очищать от мусора, и то и дело поглядывать на девушку, затеяв нечто вроде лукавой игры: встретит её взгляд, искренне смутится, тут же отвернётся, но уже через секунду вновь поднимает к ней глаза. А так как симпатия эта была взаимной, неудивительно, что игра нашла своё продолжение. Молодая графиня и не пыталась скрыть свой огромный интерес к Анри. Она стояла рядом с ним, открыто рассматривала его, изучала, и сейчас, похоже, совсем забыла, что разделяет общество не одного, а двух молодых незнакомых мужчин.

Френсис видел её со спины, мог оценить изящное телосложение, гордую осанку идеально прямой спины, добротность темно-коричневого платья и огромной цветастой шали. Вот только лицо разглядеть пока не было никакой возможности. Густые чёрные волосы затейливо собраны на затылке и скреплены шпильками, украшенными драгоценными камнями. Эта причёска выгодно подчёркивала длинную шею девушки, и Френсису страшно захотелось увидеть и лицо, но... всё-таки это гостя Анри! Сегодня она, можно ска-

зять, спасла его! И это ожидаемо, что ей нет дела ни до кого другого. Так что Френсис не стал драматизировать по этому поводу, усмехнулся, и достал из-под стола корзину с овощами и фруктами.

– У нас даже есть, что перекусить, – тихо поздравил он сам себя. Выбрав яблоко получше, Фрэнк тщательно вытер его и решил предложить это угощение гостю.

Девушка только-только опустила на предложенное Анри место. Френсис рассудил, что будет уместнее, если графиню угостит именно Анри, и толкнул того в бок. Друзья поняли друг друга без слов. Анри благодарно кивнул и протянул девушке приготовленное Фрэнком яблоко.

– Сеньорита, позвольте угостить вас. Хотя сейчас и не сезон, оно выглядит съедобным, – произнёс Анри, страшно смущаясь, едва не заикаясь от волнения.

Девушка с готовностью протянула руку к яблоку, но есть не стала, по-прежнему гораздо больше её интересовало лицо Анри. Девушка даже пытливо сощурилась, настолько старательно сличала черты лица своего нового знакомого с другим каким-то образом, бережно хранимым в закромах её памяти. Такое пристальное внимание должно было бы в конце смутить Анри, но нет, произошло нечто обратное. Юноша вдруг поймал себя на неожиданном чувстве, что уже знает эту девушку. Признавшись себе в этом, он так удивился, что всё смущение как рукой сняло.

– Как странно... Почему мне кажется, что мы уже знако-

мы? – тут же озвучил он свои мысли, – Мы уже встречались? Впрочем, нет... Я бы помнил это иначе... Ничего не понимаю! Но вы так смотрите на меня... Там, на площади, ваш опекун сказал, что я похож на вашего отца. Это правда?

– Да, удивительное сходство! – с готовностью подтвердила графиня.

– Что ж, это великая честь и... удача, – улыбнулся Анри.

И в этот момент всё ещё хозяйничающий за столом Френсис смахнул на пол пару камней, которые признал мешающим мусором. Созданный этим падением шум напомнил Анри о друге, заставил к нему развернуться. Так вышло, что до этого момента Анри заслонял графиню от Фрэнка, но теперь отступил в сторону, и, наконец, свершилось – Френсис увидел лицо графини де Монсар, а она увидела его.

– Вы!!! – воскликнули они хором.

Замешательство длилось ещё с минуту. Лицо прекрасной испайронки озарила искренняя радость. Да и Френсис прямо-таки засиял в блаженной улыбке. А вот Анри невольно помрачнел:

– Вот как?.. Друг, ты заставляешь меня предположить, что мы делим общество той самой сказочной незнакомки из Туманной Гавани. Верно?

Ответ уже и не требовался. Фрэнк смущённо кивнул, и радуясь, и извиняясь одновременно, а Анри сокрушённо повёл головой. Но тут в их немой диалог вмешалась графиня:

– Зачем же называть меня «незнакомкой»? – девушка об-

ратилась к Френсису, – Неужели вы меня забыли, сударь?!

– Что вы, сударыня!!! – в сердцах воскликнул юноша, – Разве возможно вас забыть!?

– Тогда я не понимаю, – графиню очень смутил полный искреннего восхищения взгляд Фрэнка. Она хотела ещё что-то сказать, но растерялась.

А Анри, сам того не замечая, ещё больше нахмурился. Фрэнк же словно забыл обо всём на свете, стоял и не мог оторвать глаз от феи своих грёз. Молчание начало тяготить девушку. Она не могла не заметить и реакцию Анри, и в её душу проник холодок смятения. Потому графиня собралась с духом и вновь обратилась к Фрэнку.

– В последний раз мы виделись, можно сказать, мимолётом, но... Всё же, назвать меня незнакомкой... Виконт де Крахтью проговорился, что вы собирались просить моей руки. Не странно ли всё это?

И тут же брови Фрэнка изумлённо взметнулись вверх.

– Я!? О... – он хотел сказать, что просить её руки является пределом его мечтаний, но мысль о присутствии Анри, и о том, что, похоже, графиня продолжает принимать его за кого-то другого, остановила этот порыв его души. Фрэнк подавил невольный вздох, и в глазах его появилась грусть, – Сударыня, прошу простить меня, если мои слова или действия как-то обижают вас. Но право, моей вины здесь нет, ведь вы упорно путаете меня с кем-то. Тогда, в Туманной Гавани, вы обратились ко мне, как к старому другу, в то время как я

видел вас впервые! Вы просили найти вас, но я даже имени вашего до этого момента не знал. Похоже, Всевышний услышал мои молитвы, и мы встретились. Но пора положить конец этому недоразумению и познакомиться по-настоящему. Тем более, что сегодня, вы и моего друга приняли за кого-то другого... Ваша блистательная защита покорила наши сердца и без сомнения спасла ему жизнь, ведь если бы не вы, я бы не успел... Но всё же пора внести ясность...

Фрэнк перевёл дыхание и, чуть поклонившись, представился:

– Я Френсис, единственный сын лорда Гай Гейсборо герцога Бетенгтона.

– Бетенгтона?! – от изумления графиня даже подалась ближе. Её глаза широко распахнулись, и столько всего теперь в них отразилось: удивление, ужас, непонимание, возмущение! Ей потребовалась минута, чтобы осознать услышанное, но принять это она всё равно не смогла, – Скверная шутка!!! – резко заявила девушка.

– Это не шутка, – её реакция обескуражила Фрэнка.

– Одно я знаю точно... – графиня от возбуждения больше не могла сидеть, – Вольно или не вольно вы лжете! Вы НЕ МОЖЕТЕ быть сыном герцога Бетенгтона!

Такое категоричное заявление ошеломило Анри и Фрэнка, юноши недоуменно переглянулись, и Фрэнк всё-таки решился возразить:

– Я вырос сыном герцога Бетенгтона. И это такая же прав-

да, как и то, что я стою перед вами.

Графиня поймала взгляд сейчас тёмно-синих глаз Фрэнка и... поверила ему.

– ... «вырос сыном герцога Бетенгтона»... – девушка пылливо сощурилась, минуту размышляла о чём-то о своём, при этом взгляд её чёрных глаз буквально парализовал Фрэнка. Она словно старалась проникнуть в самые затаённые уголки его души, и, похоже, кое-что у неё получилось. Девушка поверила в искренность Фрэнка. В тот же миг её сознание пронзила догадка, и графиня медленно перевела взгляд на Анри.

– А как зовут вас, сударь?

Анри невольно вздрогнул:

– Анри Монсо к вашим услугам, сударыня. И я не дворянин... – при этом Анри ощутил страшной силы беспокойство, уже осознавая, что находится на пороге величайшего открытия.

– Анри Монсо... – эхом вторила ему графиня. На лице её появилась печальная улыбка, а взгляд наконец смягчился, даже увлажнился, – Слава Богу! Значит, я не зря молилась!

Не отрывая глаз от лица Анри, графиня медленно опустилась на скамью, похоже, силы стали покидать её. Руки устало легли на колени, и такой родной, хрупкой, близкой она показалась в этот момент юношам.

– Что с вами, сударыня? – не на шутку заволновался Фрэнк.

Анри же потерял дар речи. Он тоже смотрел в глаза девушки, и сердце его вдруг страшно защемило. Теперь он был абсолютно уверен, он не впервые видит эти глаза, лицо! Он чувствовал, что ЗНАЕТ её, но откуда?!

– Сударыня, не молчите, умоляю вас! – продолжал настаивать Фрэнк.

– Вы и правда ничего не знаете?! – выдохнула графиня.

– Что мы знаем?!

– Давно вы знакомы? – теперь графиня обратилась к Френсису.

– Очень давно. Мы выросли вместе.

– Но вы выросли сыном герцога Бетенгтона, а Анри... просто носит имя Монсо...

– Да, – Фрэнк бросил взгляд на Анри, как бы ища в нём поддержки, тот кивнул и сам ответил:

– Нас хотели вырастить как господина и слугу, но мы выросли братьями. Поэтому мы здесь вместе.

Графиня согласно кивнула. Тому, что перед ней большие друзья, доказательств не требовалось, хватит вспомнить события прошедшего дня.

– Значит вам, Анри, надлежало быть слугой, поэтому, видимо, вы и сохранили своё имя.

– Сохранил своё имя?.. – Анри пытливо сощурился.

– Да, именно так, имя и благородное сердце. И барон ведь признал вас... Поэтому вы и оказались сегодня на эшафоте, – и в тот же миг сердце девушки переполнилось гневом, –

Мерзавец!!!

– Вы говорите о том одноглазом господине в чёрном? – решил предположить Анри.

– Да, это мой опекун, – графине было трудно говорить, она буквально пожирала глазами юношу, – Анри, вы... вы мой брат! В этом больше не может быть никаких сомнений!!!

– Что?!

– Да, мой старший брат! Единственный родной мне человек во всём белом свете! Вы бы знали, что сегодня со мной случилось, когда я увидела вас там, на рыночной площади... А ведь меня специально не хотели пускать, но я обманула своих стражей. Словно души наших несчастных родителей заставил меня сегодня оказаться на площади. Анри... Вы ещё сомневаетесь? У вас на правом плече должно быть родимое пятно в виде подковы. Верно? А ваш нательный крестик... он ведь похож на мой? Только мой это копия с вашего... – и графиня непослушной от волнения рукой извлекла на свет божий свой крестик.

Анри, медленно кивнул, но всё-таки счёл необходимым показать девушке и свой крестик, а чтобы она могла лучше видеть, решил присесть рядом с ней на скамью. И она увидела то, что уже ожидала – их нательные кресты были идентичны, удивительно тонкая ручная работа, только надписи на обратной стороне разные, что, впрочем, тоже было ожидаемо, в глазах неискушенного ценителя это и отличало оригинал от копии. Девушка поддавалась внутреннему порыву, как

величайшее сокровище взяла руку брата и трепетно припала к ней щекой.

– Живой!.. Я нашла тебя... Я больше не одна! – тихо произнесла графиня.

Анри страшно смутился, смутился её такому поведению, своим доселе незнакомым чувствам. Да, он знал, знал сердцем, что графиня говорит правду. Он брат этой прекрасной девушки! И осознание этого как-то в миг сделало его на несколько лет и старше, и... младше одновременно. Сомнений не оставалось, в этих прекрасных чертах он угадывал мать, самую дорогую на свете женщину, которую он видел когда-то в таком далёком детстве, а потом в своих снах. Анри робко коснулся волос сестры, в ответ она подняла голову, и он увидел, что в её глазах стоят слёзы, слёзы счастья.

Фрэнк почувствовал, что от волнения и ему стало трудно дышать. Он не помнил, когда в последний раз плакал, и сейчас до этого было далеко, но происходящее не могло оставить его равнодушным. Он тоже поверил в то, что это правда, что сейчас, здесь, свершилось чудо, – брат и сестра нашли друг друга!

– В тебе всегда угадывалась голубая кровь, дружище, – неловко улыбнулся Френсис.

Анри поднял на него глаза и тоже улыбнулся.

В этот момент девушка словно очнулась от забытья, и её взгляд обратился к Фрэнку.

– Что же, сударь, прошу простить меня. Я и правда обо-

зналась. Но это простительно, ведь вы, как и Анри, уже давно считаетесь погибшим.

– Погибшим?! Я!? – Фрэнк недоверчиво повёл головой, – Анри может быть. Он всегда считался сиротой, бог весть откуда взялся... Но с моим происхождением всё ясно.

– Да, но не вам, – теперь глаза графини просохли, и в них засверкал лукавый огонёк.

И Фрэнк невольно насторожился, словно в ожидании атаки:

– Сударыня, я отказываюсь вас понимать.

– Именно, отказываешься! Упрямец ты эдакий! – усмехнулся Анри, казалось, он начал догадываться, к чему клонит его прекрасная сестра.

– Анри! – Фрэнк попробовал было осадить друга, но тот бесцеремонно перебил его и, обращаясь к графине, предложил:

– Моя милая сестра, давайте проясним и эту загадку. Для начала, скажите, за кого вы так упорно принимали моего друга. Хотя, постойте. Вы сказали, что он собирался просить вашей руки?! Фрэнк! – Анри даже вскричал от неожиданности сделанного открытия, – Что ты говорил об этом де Валеньи?

– Так вы всё знаете?! – изумилась графиня.

– Нет, пока не всё... – улыбнулся в ответ Анри. – Но сейчас мы исправим это недоразумение. Дело в том, что в Грандоне не далее, как позавчера, состоялась дуэль между Анту-

аном де Валеньи и виконтом де Крахтью...

– Дуэль?! – не поверила своим ушам графиня, – Что за чушь! Вы бы знали этого Крахтью! Полное убожество! Подумать только, его прочили мне в мужья!

А Анри уже ни на шутку развеселился:

– Подумать только, уже в ту ночь наши судьбы пересеклись!

– Каким же образом?

– Видите ли, дорогая сестра, мы с Френсисом случайно узнали о готовящейся дуэли, точнее убийстве де Валеньи...

– О боже! – в ужасе воскликнула девушка.

– Успокойтесь... – и Анри осёкся, он осознал, что не уверен, правильно ли за помнил её имя, слышанное на рыночной площади, – Марианна?

– Да, верно. Меня звать Марианной... – улыбнулась в ответ девушка.

Анри благодарно кивнул и продолжал:

– Так вот, дорогая Марианна... Узнав об этом грязном заговоре, мы сочли своим долгом вмешаться, и, думаю, что не ошибусь, сказав, что наша помощь пришлась де Валеньи очень кстати... А на утро, Фрэнк, ты помнишь, как заявил, что этот де Валеньи очень похож на тебя? Я ещё посмеялся, не поверил.

– Так вы видели друг друга?! – взволнованный взгляд Марианны тоже обратился к Фрэнку.

Тот почувствовал, что ему становится всё более и более

неуютно. Оказывается, он похож на жениха графини, новость странная, даже неприятная:

– Нет, он меня не видел. В тот момент луна освещала только его лицо.

– А потом? Неужели вы не поговорили?! – не унималась девушка.

– Нет, мы тогда просто исчезли. Возможно зря, – вместо друга ответил Анри, – Ну, да ладно. Своё дело там мы сделали.

– Сделали... – взгляд Марианны вновь обратился к Фрэнку, – Сударь, в ту ночь вы помогли своему родному брату! Вы и Антуан близнецы! Вы с ним невероятно похожи! Абсолютное сходство!!!

И вот он – «гром среди ясного неба»!

Фрэнк, не веря, отрицательно качал головой, даже отпрянул, но Марианна продолжала настаивать:

– Вы сын герцога Бетенгтона?! Это всё равно, что назвать меня королевой Фрагии! Напротив, Бетенгтон злейший враг вашей родной семьи, и нашей семьи, Анри, тоже.

– Остановитесь, графиня! – совершенно искренне возмутился Френсис, но Анри, от возбуждения уже не находивший себе места, перебил его:

– Постойте, Марианна, уж не является ли мой бедолага Фрэнк сыном графа де Лаган?!

– Да, конечно, как и Антуан де Валеньи! – энергично закивала девушка.

И тут Фрэнк взвился, как ошпаренный:

– Ну, это уже слишком!!!

Но Анри, казалось, не замечал возмущение друга. Его обуяла дикой силы радость. Он тоже встал, расправил плечи, словно готовясь к полету, и лицо его при этом излучало величайшее ликование:

– Ну, вот всё и прояснилось! Видел бы это, слышал бы всё это Генрих Рай!

– Кто это? – поинтересовалась Марианна. Она искренне любовалась братом.

– Это человек, который наперекор воли герцога вырастил нас с Френсисом друзьями, человек, заменивший нам родителей.

– Да будет благословен его век!!! – горячо воскликнула Марианна.

– Анри, как понимать твою радость? – в голосе Фрэнка слышалась обида.

– Прости, друг, но разве недостаточно поводов для радости? – охотно откликнулся Анри, – Мы, наконец, близки к тому, чтобы узнать правду о себе. Да, что это я? Мы наконец-то узнали правду!!!

– Не спеши с выводами...

– Видит Бог, я не спешил, – Анри повернулся к сестре, – Милая Марианна, мой друг не только редкостный добряк, но ещё и знатный упрямец. Ему требуется время, чтобы принять такое открытие! Возможно, потребуеться ваша по-

мощь...

Марианна согласно улыбнулась, и ободренный Анри развернулся к Фрэнку:

– Давай, дружище, вспоминай всё то, что не давало твоей душе покоя в последний месяц. Вспоминай, как герцог встретил нас, что и как делал до своего приезда в Бетенгтон, и после этого... и главное, что об этом всё говорил учитель! Ты ведь помнишь, его пророчество насчёт того, что Его Светлость потребует от тебя сразу, как учитель покинет Бетенгтон? Помнишь?

– Да, конечно, – Фрэнк хмуро кивнул, – Но, если уж быть точным, Его Светлость не потребовал, а...

Френсис оборвал себя на полуслове, предпочтя продолжить мысль в диалоге самого с собой: «Отец не потребовал, а сделал так, чтобы я сам захотел этого... Он был болен... и так убедителен! Ох, а Анри сразу заявил, что это была лишь игра... Если так, то... столько усилий, чтобы придать обману такую форму!? Это как-то уж слишком...»

На душе юноши стало крайне неудобно, тревожно, промозгло. Френсис присел на край стола, сложил руки на груди и крепко задумался: «Но разве не поэтому я решил поехать во Фрагию? Проверить эту историю!.. А теперь обнаружилось, что Анри является братом графини де Монсар?! Это принять легко и отратно. Хотя... Графский сын вырос сиротой в доме брианского лорда!? При чём Его Светлость как уверенно рассуждал о личности отца Анри... Он соврал

мне про учителя. Получается ещё раньше он накормил меня ложью про отца Анри! И это уже доказанные факты! А ведь учитель всегда просил быть осторожным в делах веры словам Его Светлости... Теперь моё мистическое сходство с де Валеньи, который к тому же оказался сыном графа де Лаган! Получается, той ночью мне это не привиделось!? Я близнец сына графа де Лаган!?! А почему не назвать нас двойниками? Ведь и такое бывает!»

Мысли ураганом неслись в сознании юноши, но стоило ему поднять взор к Марианне, как этот поток тут же оборвался. Эта девушка здесь, рядом! Прекрасная незнакомка из Туманной Гавани перестала быть лишь чудесным миражом... «Она сестра Анри!» – только и смог осознать и действительно принять обескураженный Френсис.

Глаза Марианны сейчас тоже были обращены к нему. Казалось, в них отражалась вся палитра человеческих чувств от радости до страха, при чём этот взгляд был так ярок, так завораживающе пленителен, что Френсис страшно оробел, смутился и поспешил развернуться к Анри, в тайне надеясь так обрести опору. Друг его понял, тепло улыбнулся, в два шага покрыл разделяющее их расстояние и положил руку на плечо Френсиса.

– Давай разберёмся со всем этим как всегда вместе. Хорошо? Кто бы мне сказал ещё вчера, что история моего происхождения решится проще, чем твоего... – Анри горько усмехнулся, – Тогда с этого и начнём, согласен?

Френсис с готовностью кивнул. Анри порадовался такой сговорчивостям друга, придвинул ко столу довольно прочный на вид табурет, бросил на него свой плащ, присел и... тяжело вздохнул.

– Я... я сын графа де Монсар... Интересно... Признаться, я лукавил, говоря прежде, что совсем не помню родителей. Просто воспоминания эти слишком размытые, слишком... Настолько, что и говорить-то особо не о чем. Но всё-таки могу со всей уверенностью сказать, у меня никогда не укладывался в голове образ отца – рыбака, отца – конюха, или хотя бы купца. Я уверен, расплывчатый образ был образом дворянина... Потом возникла эта версия, что мой отец был пиратом...

– Что!? Кем он был? – Марианна искренне решила, что ослышалась.

Анри понимающе кивнул и кратко рассказал эту историю, слово в слово, как услышал её от Френсиса. Марианна ошеломлённо перевела дыхание:

– Век папы был краток, но он успел многое повидать, пережить... Я даже почти уверена, что ему довелось побывать и в морских сражениях. Но пиратом... надо признать, что у Его Светлости герцога богатая фантазия. Впрочем, доля правды всё-таки просочилась и в эту иносказательную версию. Мне рассказывали, что папа бился с герцогом на дуэли, защищая честь Арабеллы де Гурье, своей сестры и будущей графини де Лаган, и из этого поединка папа вышел победи-

телем! Разные люди всегда сходились в том, что в бою один на один Ромен де Монсар был непобедим!

– Ромен? – поймал её на слове Анри, – Ромен Монсо оказался Роменом де Монсар... Пират на поверку оказался графом... злейшим врагом Его Светлости герцога Бетенгтона... Марианна, прошу вас, расскажите нам, что же они не поделили? Как умерли наши с вами родители? И что миру известно о вашем брате?

Марианна с готовностью кивнула, но при попытке начать рассказ обнаружила, что горло перекрыл удушающий ком слёз. Нет, сейчас она не могла позволить себе расклеиться. Пришлось сделать глубокий вдох, выдох. Руки сами собой прижались к груди. И вроде стало получаться совладать с волнением. Осознав это, Марианна улыбнулась сама себе и снова подняла свой лучистый взор. Юноши смотрели на неё, словно замороженные, едва дыша. В этот момент их лица выражали схожие чувства, и это делало их отчасти похожими. Они остро нуждались в ответах, но были готовы терпеливо ждать. Марианна сокрушённо повела головой и вдруг виновато улыбнулась:

– Френсис, я могла бы сказать, что мне жаль смущать ваш душевный покой... Но нет. Это не так! Судьбы домов Монсар и Лаган слишком тесно переплетены. Я не смогу рассказать историю гибели Ромена, никак не коснувшись беды, постигшей дом Алена. Ален де Лаган и Ромен де Монсар были так же близки, как вы, их сыновья!

При этом заявлении Френсис невольно поёжился, и это не ускользнуло от внимания Марианны:

– Сударь, я уверена, вы тот из сыновей графа де Лаган, кому при крещении было дано имя Жан...

– Как вы можете быть в этом уверены?! – вырвалось у Френсиса сгоряча.

– Давайте я расскажу всё по порядку, а дальше судите сами... Хорошо?

Юноши невольно переглянулись и в итоге синхронным поклоном выразили своё согласие. Марианна прислушалась к себе, да, теперь она готова говорить. Что ж:

– Позвольте мне начать издалека... Я была очень маленькой, когда умерли мои родители и брат. Да, Анри, все уверены, что вы мертвы уже много-много лет... Хоть я и выросла под опекой моей бабушки, доньи Коэльо, официальным опекуном был назначен мой дядя, кузен мамы, барон Парадесс... Милая бабушка вложила в меня всю душу, и я ни в чём не испытывала нужды... Ах, если бы она знала, что вы, Анри, живы, что я встречу вас...

Марианна подарила брату одновременно и горький, и мягкий взгляд, юноша благодарно улыбнулся в ответ, так постарался приободрить сестру, передать ей немного сил, и, возможно, это получилось, девушка смогла вернуться к своему рассказу:

– Порой к нам приезжал граф де Лаган, к сожалению, очень редко, но эти визиты становились настоящим празд-

ником! Я, маленькая девчонка, буквально не слезила с его рук... Пару раз, очень давно, я гостила у Лаганов в их владениях во Фрагии, раз в Брасьоне, другой раз в Валеньи, но это всегда было недолго, бабушка не хотела отпускать меня от себя. Только полтора года назад, незадолго до своей смерти, бабушка решила рассказать мне... Она всегда относилась ко мне, как к взрослой, но это было впервые, когда она сама заговорила о гибели моих родителей, впервые, когда она коснулась этой темы так подробно, ничего не утаивая...

В глазах девушки защемило, ей потребовалось перевести дыхание, но эта заминка была недолгой:

– Как я уже сказала, судьба моих родителей тесно переплетена с судьбой Алена и Арабеллы де Лаган. Здесь самое время рассказать вам о том, как они познакомились... – и Марианна поведала юношам историю дружбы их семей, сватовства Алена, вмешательства Бетенгтона... историю рождения и похищения близнецов, их долгих поисков, увенчавшихся возвращением в родной дом только одного из братьев... – Тогда, в тех событиях, так и не удалось поймать след герцога, он словно испарился, исчез. Похититель, его мотивы, всё это осталось тайной. Эта тайна пугала, на долгие годы лишила Лаганов покоя. Они много переезжали, прикладывали большие усилия, чтобы охранять единственного уцелевшего сына. Только когда Антуан стал подростком, его родители решились ослабить эту опеку. Выпустить его в Свет стоило для них огромных усилий. Бабушка сказала, что в своё время да-

же не поверила новости о поступлении Антуана в пажеский корпус, ей не верилось, что Лаганы отважатся на это. Они очень удивили её... Но да ведь жизнь не стояла на месте. Это всё, что бабушка могла рассказать о Лаганах. Она даже сказала, что теперь я знаю о их молодости, может быть, даже больше, чем Антуан, но да я думаю, это она так пошутила... Теперь вы понимаете, почему я решила, что ваше, сударь, родное имя Жан?

Вместо смущённого Френсиса откликнулся более темпераментный Анри:

– Да, это понятно! В Грандоне граф де Лаган нашёл Антуана, там затерялись следы Виктора и Эжена. А Жан отстал от них раньше. Значит Жан... – Анри развернулся к другу, словно примерил к нему это имя, и тут же поделился впечатлением, – А знаешь что? Имя Жан тебе подходит!

– В самом деле? – горько усмехнулся Френсис.

– Да, я серьёзно, – и Анри и правда стал серьёзен, – Это конечно тебе решать, с каким именем жить дальше. Просто думаю...

– Что? Договаривай уж! – Френсис уже был готов вспылить, но осёкся на полуслове, потому что явно увидел, как на лицо Анри набежала тень. В этом он не ошибся. Анри уже развернулся к сестре.

– Но это ведь ещё не всё? – решился уточнить он, – У вас есть хоть какие-нибудь мысли о том, как сын Ромена де Монсар оказался в лакеях у потерянного Жана де Гурье?

– В лакеях?.. – Марианна сокрушённо вздохнула, – Признаться в голове не укладывается... Герцог хотел сделать из моего брата лакея...

– Нет, правильнее было бы сказать раба, – вдруг горестно выдал Анри.

– Что!?! Раба!?! – ужаснулась Марианна и тем тут же заставила Анри пожалеть о неосторожно оброненном слове.

– Право, не стоит так волноваться! – поспешил возразить юноша, – Я же сказал, так никогда не было!

– Было, – вдруг жёстко возразил Френсис.

Лица брата и сестры де Монсар одновременно развернулись к мрачному Фрэнку.

– Что? Хочешь сказать, что уже забыл, как тебе доставалось от меня в детстве?

И Фрэнк угрюмо поджал губы. Сейчас он смотрел на Анри, но на самом деле перед его мысленным взором замелькали картины давно минувших дней.

Раннее детство – он со всего размаха и с превеликим удовольствием размазал по лицу Анри пирожное, за что тот намертво вцепился в его волосы. Герцог оторвал их друг от друга и с такой силой ударил маленького слугу, что тот перелетел через всю комнату, а его, Фрэнка, герцог поощрительно похлопал по плечу, но ему, Фрэнку, почему-то стало очень неприятно от этого... И подобных примеров услужливая память вдруг извлекла из своих закровов великое множество, примеров того, как маленького Анри били и унижа-

ли едва ли не все домочадцы дворца Бетенгтон, как это делал сам Фрэнк, с детской непосредственностью стараясь угодить отцу... Но этот удушающий калейдоскоп быстро прервался другой картиной.

Раннее утро. Фрэнк проснулся от ощущения чужого присутствия в комнате. Открыв глаза, он понял, что не ошибся. Странно знакомый мальчишка накрывал на утренний стол.

– Ты кто?

– Анри Монсо, – представился незнакомец, – Ваш новый слуга. Или правильнее сказать старый? Это как хотите... Не думал, что вы успеете меня забыть...

– Мне знакомо твоё лицо.

– Ещё бы, – усмехнулся Анри.

– Как ты смеешь усмехаться, болван!

В этот момент Анри стоял у кровати господина, и Фрэнк попробовал его ударить. Слуга увернулся, нахмурившись, отошёл и вдруг не по-детски сурово произнес:

– Мне сказали, что вы больны. Так и лежите себе смирно. Подраться ещё успеем.

Фрэнк искренне изумился, и в этот момент рядом возник учитель:

– Зачем ты хотел его ударить? – мягко поинтересовался он.

– Он мой слуга, но имеет наглость не бояться меня! Он насмехается и...

– ... жалеет тебя, – закончил за него Генрих Рай, – Ляг, – учитель присел рядом, – Дружок, спроси себя, что для тебя важнее? Чтобы тебя боялись, перед тобой унижались, или чтобы тебя уважали, с тобой дружили? Анри, подойди сюда. Вы, по-моему, ровесники и оба хорошие мальчишки. Почему бы вам не подружиться? Ведь вы оба очень одинокие. У вас нет друзей, так будьте ими друг для друга. Фрэнк, Анри прежде всего человек, а потом уже слуга. Анри, Френсис твой ровесник, по сути, тоже сирота. Поверь, он славный мальчишка. Ну же! Пожмите друг другу руки.

Авторитет Генриха Рая был велик, так что мальчишки послушались, угрюмо протянули друг другу руки, и вдруг Анри улыбнулся! Эта улыбка старого-нового слуги изумила Фрэнка. А ведь и правда, во дворце кроме него больше не было детей, такова была воля недавно уехавшего герцога. А тут мальчишка, ровесник, слуга... и так открыто улыбается!? И Фрэнк не смог не ответить тем же...

Все это дела давно минувших дней... Френсис никогда не увлекался такого рода воспоминаниями, слишком неприятно. Но сейчас... как бы то ни было горько признать, Анри прав, припомнив изначальное намерение герцога сделать из него раба. Вот в чём причина постоянного душевного дискомфорта, который Френсис испытывал всякий раз при мысли о том, что Анри слуга. Ему было нестерпимо стыдно за свою детскую жестокость. И в ответ своим горьким мыслям он сокрушённо вздохнул:

– Я очень хорошо помню, как сильно тебе доставалось от меня... – и Фрэнк отвёл хмурый взгляд, – Мы с тобой никогда не вспоминали о тех временах, но я помню, ЧТО позволял себе в отношениях с тобой... Если бы не учитель...

– Никаких если бы! – Анри схватил руку друга и так заставил посмотреть себе в глаза, – Ты же слышишь мою сестру? Мы с тобой были обречены на крепкую дружбу! Так что не надо, не копайся в этом прошлом! Главное происходит сейчас, здесь! Слышишь меня!?

Френсис благодарно кивнул, и только после этого Анри снова развернулся к сестре.

– Я понимаю, это горькая история, но всё-таки... Сестра, вы сказали, что перед смертью бабушка рассказала вам что-то особенное о гибели наших родителей и...

– Да, верно... – Марианна с готовностью откликнулась, – Анри, я оплакивала вас все эти годы... Только сейчас многое становится понятнее. Но прежде, позвольте мне закончить свой рассказ... Теперь я уверена, что близнецов Лаганов похитил герцог Бетенгтон, но каким-то образом троих упустил... Это стало его мстью Арабелле и Алену де Лаган. Для Ромена де Монсар он приберег не менее ужасную мечь...

Марианна перевела дыхание и решилась-таки коснуться этой части своей истории:

– Это случилось, когда мне было только два года от роду, а моему брату четыре. Так что всё это я знаю со слов других

людей... Я собирала эту историю как драгоценную вазу из осколков, на которые её разбили герцог и барон... Позвольте представить на ваш суд уже склеенный мной сосуд. Пока не все осколки найдены, есть явные дыры, но общая форма уже видна достаточно ясно...

Марианна смахнула предательскую слезу, гордо выпрямилась и, ни на кого конкретно не глядя, заговорила быстро, несколько бесцветно, просто выдавая факты, не допуская к сердцу горечь болезненных переживаний, во всяком случае, она решила попытаться это сделать:

– Однажды к нам приехал барон и попросил у родителей приют. Скоро стало явно, что он не прочь остаться у нас. Неожиданно мама воспротивилась этому. Она не желала жить с братом под одной крышей, но у папы не нашлось веского повода отказать барону, и тот остался. С этого момента счастье покинуло наш дом. Беда наступала неслышно, но неуклонно. В один из своих приездов к нам бабушка нашла меня больной, и мама с радостью позволила увезти меня из дома, чего раньше за ней не водилось. Бабушка вспоминала, как к ней подошёл мой четырехлетний брат и совсем взрослому попросил: «Берегите её, бабушка. Когда я вырасту, я никому не позволю её обижать». Бабушка очень удивилась этому заявлению и не на шутку заподозрила, что дядя обижал малюток. Скоро после этого на неё обрушилась страшная новость – Ромен, Эспиранта и их сын Анри умерли от тифа. Много лет спустя, на смертном одре бабушка обви-

нила в их смерти дядю, но доказать это всё ещё не могла...

Марианна всё-таки почувствовала в горле ком слёз, и ей потребовалось время, чтобы укротить этот приступ слабости:

– Вскоре после смерти родителей приезжал граф де Лаган, он хотел забрать меня, но, как я уже говорила, бабушка не смогла расстаться со мной. Она решилась на это только, когда ощутила близость своей кончины. Теперь она сама отправила графу де Лаган письмо с просьбой позаботиться обо мне, и сказала мне об этом. Не скрою, это очень обрадовало меня, я не любила дядю, и уж никак не хотела становиться от него зависимой. Но... Граф де Лаган почему-то не появился, и потому увернуться от опеки барона я не смогла. После смерти бабушки мою жизнь окутал кромешный мрак. Я никогда не ладила с дядей. Он тоже не любил меня. По сути, он почти разорившийся дворянин, а я единственная наследница состояний родителей и бабушки. Да, я очень богатая невеста. Думаю, только желание выгодно выдать меня замуж сдерживало дядю... Хотя моё замужество и сопряжено с определённым риском потерь для него, но он всегда знал, что делал. А я... А я ждала графа де Лаган, день и ночь выглядывала на дорогу. Как я позже узнала, бабушкино письмо было перехвачено, а меня надёжно укрыли от глаз графа, когда тот приезжал просто по собственному желанию...

Девушка сокрушённо вздохнула и продолжила рассказ:

– Я была близка к отчаянию, когда где-то год назад слу-

чилось нечто, подарившее мне смысл жизни. Старый слуга барона, точнее, наш слуга, в прошлом продавшийся барону, перед смертью решил исповедаться последнему отпрыску сгубленного с его помощью рода. Так я узнала страшную правду. Желая быть единоличным владельцем наших владений, барон стал постепенно подсыпать моим родителям странного свойства яд. Скоро они слегли, не подозревая об истинной причине болезни. С ними заболели и ещё ряд слуг, негодных барону. Внешне это очень походило на эпидемию. Однажды мой маленький брат неосторожно проник в тайну дяди, но был замечен, и с того злосчастного момента он больше не видел родителей. Барон сначала просто прятал малютку, а потом отдал, или точнее продал, какому-то богатому брианцу, тайно прибывшему в наши края. Слуга говорил, что брианец с трудом уговорил отдать ему мальчика, барон согласился на это только с условием, что тот будет умерщвлён по первому требованию барона. В то же время слуга убеждён, что эта так сказать эпидемия началась сразу после тайного приезда брианца в наши края. Этот брианец и барон... Они, эти двое, были рядом с нашими, Анри, родителями в последние часы их жизни... Папа и мама умерли одновременно...

И Марианна не выдержала. Тщательно возводимая ею плотина рухнула, и из глаз хлынули потоки горячих слёз, но девушка не остановилась, она твёрдо решила покончить с этим прямо сейчас:

– Позже барон получил известие о том, что и моего брата, вас, Анри, убили. Но ещё раньше он постарался организовать ваши похороны. Да, Анри, ваша могила там, в нашем родовом склепе рядом с могилами наших родителей. Вот теперь и правда всё...

Марианна схватила длинные концы своей великолепной шали, закрыла ими лицо и наконец сдалась, позволила себе уже в который раз оплакать горькую долю своих родителей. Анри больше не мог смотреть на это горе со стороны. Он присел рядом с сестрой и нежно-нежно обнял её за плечи. В первый момент девушка напряглась, даже испугалась этого прикосновения, но то был лишь один миг, а уже в следующий она с благодарностью приняла этот порыв брата и прильнула к его широкой груди. Так они стали одним целым. Анри всем своим существом ощущал её горячее дыхание, надорванное горем сердцебиение и с предельной ясностью осознал, что теперь он в ответе за жизнь этого хрупкого прекрасного создания.

Только когда Марианна начала затихать, Анри позволил себе задать так сильно смущающий его вопрос:

– Как же ты меня узнала, Марианна, дорогая? Ведь получается, когда мы расстались, ты была очень маленькой. Даже я ничего не помню... – Анри сам не заметил, как перешел на «ты», и Марианна приняла это с благодарностью.

Она ответила, не поднимая головы:

– У бабушки в замке висит большая прекрасная картина

нашей семьи – папа, мама, ты и я, в полный рост. Ты сейчас вылитый папа, каким он был тогда! Точная копия!!! Понятно, что барон испугался. Ведь даже если бы мы с ним ошиблись, и ты оказался бы только просто очень похожим, оставлять тебя в живых... Анри, он боится тебя! Чувствует вину!!!

– И правильно делает! – в голосе юноши послышался металл, – Он ответит нам за смерть родителей!!!

– И герцог тоже, – решительно поддержал друга Френсис. Анри невольно сощурился. Заметив это, Фрэнк веско кивнул:

– Да, ты верно услышал. Я был слеп, упрям. Но... теперь этот мерзавец должна бояться меня!!!

Глава 14. Злой рок.

Марианна насилу вырвалась из крепких объятий сна и открыла глаза. Лучина едва-едва тлела, но в ней уже и не было надобности, ведь пробил час, когда ночь должна отступить под натиском утренней зари, отступить медленно, с величавым достоинством, минута за минутой, шаг за шагом. Этот плавный танец уже успел преобразить мир, заставил его начать открывать свои секреты. Мягкий свет зари нашёл возможность просочиться даже вовнутрь этой ветхой хижины, благо решето щелей в потолке и стенах было лишь иллюзорным препятствием.

Девушка осмотрелась и сразу же ужаснулась. Что она здесь делает? Как попала сюда?! Но уже в следующий миг ей припомнился ночной разговор, и от сердца отлегло. Она здесь, а значит, чудесное воскрешение брата не было сном. «Но где же он!?. Где же Анри и... Жан? Френсис? Как мне называть этого человека? И вообще, что меня разбудило в столь ранний час?» – Марианна нуждалась в ответах, а потому решила встать и, может быть, даже выйти из этой хижины.

И тут до её слуха донёсся осторожный шёпот. Девушка прислушалась и скоро смогла разобрать слова. Не желая тревожить её сон, молодые люди решили обсудить свои проблемы на свежем воздухе.

– ... я понимаю тебя, – Марианна узнала голос Лагана, –

Но ты начинаешь горячиться сверх меры! Остынь! Не ты ли всегда призывал меня трезво смотреть на вещи? Идти сейчас к барону выяснять с ним отношения, это полное безумие. Ты же видел, какая там охрана!

– Мне надоели твои нравоучения! – вспыхнул Анри, – Фортуна нам улыбается! Я говорю с тобой об этом только потому, что вдвоем будет легче, но, если ты боишься, я справлюсь и один.

– Решил взять меня на испуг? Давно ты не позволял себе такое ребячество. И ты знаешь, что это означает, – отрезал Фрэнк.

Ответом стало тягостное молчание. Марианна, затаив дыхание, пристроилась у ветхой двери. Ей повезло, в неверном свете утренней зари сквозь дверные щели она смогла различить лица друзей. Фрэнк стоял напротив сидящего на полене мрачного Анри и нервно теребил давно засохшую травинку. Сейчас они не смотрели друг на друга, оба были явно сердиты.

Сердце Марианны сжалось. Какими же близкими, родными стали для неё эти в общем-то ещё малознакомые, ещё вчера чужие люди. Как же непередаваемо приятно смотреть на них, молодых, красивых... Как много они значат друг для друга! Марианна попыталась представить, что хотел сделать из них герцог, и, как ни старалась, не смогла. Казалось, само собой разумеется, что план Его Светлости провалился. Между этими людьми не может быть других отношений! Да,

сейчас они сердиты, но ведь ссоры случаются и меж друзьями... Впрочем, справедливости ради, надо отдать должное и их учителю, Генриху Раю. Вспомнив об этом человеке, Марианна от души благословила его.

А тем временем Фрэнк решился прервать это затянувшееся молчание:

– Как много мы узнали, но вот ведь... Правду говорят люди, чем больше знаешь, тем...

– ... хуже спишь? – усмехнулся Анри.

– Ну... я другое имел в виду. Впрочем, да, соглашусь. Ещё остаётся так много неудобных вопросов...

– Например?

– Да вот хотя бы взять графа де Лаган. Марианна испытывает к нему тёплые чувства, а по мне так, он не заслуживает такой чести, – и Фрэнк с досадой поджал губы.

– О как!? Ты решил и этого отца держать на расстоянии? – не удержался от издёвки Анри.

– Просто... Вот ты скажи, почему он оставил дочь своего лучшего друга в лапах барона!?

Анри сокрушённо повёл головой:

– Зришь в корень. Я тоже об этом подумал... Барон официальный опекун, закон на его стороне, да ещё и закон Испайры. Мы с тобой мало знаем о нравах этой страны...

– Ладно, я готов допустить, что просто пока чего-то не знаю, и потому не понимаю. Но как граф де Лаган умудрился выпустить из поля зрения герцога? За двадцать лет ни сам

не любопытствовал увидеть сына злейшего врага, ни кого-нибудь из своих слуг не подослал? – Фрэнк почувствовал, что начинает расплыться, и поспешил взять себя в руки.

Анри снисходительно улыбнулся и снова кивнул:

– Значит, он не любопытный, и у них с герцогом это взаимно.

– В каком смысле?

– Почему-то мне кажется, что и Его Светлость не знает о том, что ты и Антуан де Валеньи близнецы. Иначе я не понимаю, на что он рассчитывал, натравливая тебя на графа де Лаган, – и Анри горько усмехнулся, видать, представив что-то забавное из теперь вряд ли возможного будущего, – Вон, и граф де По сразу клюнул на это ваше сходство... Теперь ясно, что за витиеватые речи вёл его сынок... А если подумать, какую выгоду этот пройдоха де По намеревался извлечь из твоего неведения?

– Не знаю, – мрачно отмахнулся Френсис, – Я вообще мало что понимаю в происходящем, и это так раздражает... Вот хотя бы взять твою казнь. Если уж барон ищет твоей смерти, зачем всё так усложнять? Зачем было выводить тебя на виселицу? Почему было просто не убить, раз уж ты оказался в его руках?

– А вот тут, думаю, надо сказать спасибо тебе, – Анри даже шутливо поклонился другу.

– Мне!?

– Ты сбежал, а значит стал свидетелем этого безобразия.

Что если, барон сильно опасается мести кого-то из твоих отцов: герцога Бетенгтона, чьё имя ты носишь, или графа де Лаган, чьим сыном являешься на самом деле?

– И потому барон решил убрать тебя чужими руками? – закончил мысль друга Френсис, – Что ж, может быть, и так, хотя всё равно сложно... Как слишком уж сложно поведение и герцога. Признаюсь, мне всё ещё не верится, что та болезнь была розыгрышем. Так утруждать, чтобы настроить меня против графа де Лаган!? Это не в духе Его Светлости...

– Так значит!? Не в духе... Ты берёшься судить об этом человеке, что в его духе, а что нет!? Даже учитель был осторожен в таких суждениях, помнишь?

– Учитель просто не верил герцогу, вот и всё суждение. Но все мы люди и можем ошибаться...

– Отлично! А что делать с твоим сходством с Антуаном де Валеньи!? Или ты уже и в этом сомневаешься!? Ты ведь сам видел! Дружище, я понимаю, что твоей душе противно и больно от всей этой лжи и недосказанности. Но невозможно теперь совсем никому не верить! Согласен?

– Согласен с чем?

В ответ Анри сокрушённо повёл головой:

– Фрэнк, скажу честно, я очень сильно надеюсь на твою помощь... И знаешь что? Вдруг именно я и стану ключом, который вернёт мир твоей душе?.. Вот скажи, ты веришь в то, что я очень похож на своего отца?

Френсис кивнул.

– А в то, что это признал не только барон, но и герцог, ты веришь? Отлично. Значит ты признаёшь, что уж я-то ему не друг, и это взаимно. Так давай же до поры сосредоточимся прежде всего на моих проблемах, раз уж тут всё предельно ясно. Ты сможешь мне защитить сестру от этих двоих?

Френсис горько поджал губы, но кивнул быстро, уверенно, без тени колебания. Анри в ответ даже благодарно поклонился, и чуть смущённым поведением друга Френсис поспешил отвести взгляд:

– Светает, – тут же заметил он, – Пора всё-таки решить, что делать дальше... Вот что я тебе скажу, Анри, когда ты призовёшь барона к ответу, я буду рядом, и будь уверен, позабочусь о том, чтобы вам не мешали. Но...

– Но?.. – Анри даже подался вперёд, так ему захотелось скорее услышать продолжение оборванной мысли.

– Но это надо отложить. Здесь, в Рунде, мы слабы. Барону каким-то образом удалось приручить здешнюю стражу и взять правосудие в свои грязные руки. Надо, пока тихо, убраться из этого города. Сейчас главное – это безопасность твоей сестры.

Марианна почувствовала, как эти слова тёплым эхом отозвались в её сердце. У неё появились друзья, защитники! Могла ли она мечтать об этом ещё вчера утром?!

Анри резко встал:

– Чёрт тебя побери, Фрэнк... Как бы я хотел тебе возразить! Как бы хотел!!! Но... не получается...

– Верно, Анри, надо ехать, – Марианна, наконец, решилась прервать этот тяжёлый разговор и появилась на пороге хижины.

Юноши тотчас развернулись на её голос, и Анри поинтересовался:

– Мы разбудили вас, сударыня?

– Нет, – не задумываясь, солгала Марианна, – Кстати... я была бы рада, если бы вы обращались ко мне на «ты» и по имени. Ведь вчера ты, братец, уже даже сделал это. Не стоит теперь идти на попятную. Хорошо? – и Марианна обворожительно улыбнулась, а, получив утвердительные поклоны в ответ, тут же продолжила, – Я согласна, нам надо выбирать-ся из города.

– Да, конечно, – неожиданно легко согласился Анри. – Это дело решенное.

– Что же вы здесь обсуждаете? – Марианна лукаво сощурилась.

– Ничего особенного. Время коротаем...

– Вот как? – Марианна развернулась к Френсису и поймала его восхищенный взгляд прежде, чем юноша успел смущённо опустить голову.

– Мы готовы отъезду. Ждали только пока ты проснёшься, – деловито заявил Анри.

– В самом деле? А мне слышалось другое... – обронила девушка.

Друзья тут же встrepенулись, переглянулись. Френсис

лишь непонимающе повёл плечами, а Анри поспешил перейти от защиты к нападению:

– Вот значит как! Подслушиваем? Так, так, сестричка. И давно ты проснулась?

В ответ Марианна смущённо потупила взор:

– Нет, лишь несколько минут назад.

– Проснулась и затаилась! – Анри в полном осознании своего положения старшего брата, казалось, наслаждался, напуская на себя праведную строгость. Но на этом дело и закончилось. Он снова стал по-деловому серьёзен, – Несколько минут... Думаю, тогда нам ещё есть, что тебе рассказать, чем порадовать. Мы с Фрэнком всё подготовили. Для тебя конь, правда, с мужским седлом...

– Седло не проблема, только где вы взяли коня в такое время?

– У дядюшки, конечно. Это даже не назовёшь воровством, верно? Во-вторых, все остальные подпруги в той конюшне перерезаны. Это конечно вредительство, но тут уж ничего не поделаешь. Зато погони в скором времени не будет.

– Превосходно! – искренне восхитилась Марианна.

Анри согласно кивнул и продолжал:

– И, наконец, в-третьих, Фрэнк хвалится, что в общих чертах знает строение города, так что блуждать нам не придётся.

– Вы сегодня спали?

– Да. Час, полтора.

– Сумасшедшие!

– Нет пока, по крайней мере я, – усмехнулся Анри, намекая на рассеянного Френсиса, на которого присутствие Марианны действовало как-то странно.

Щеки юноши залил предательский румянец, руки сошлись в замок на груди, а взгляд блуждал по контурам приютившей их хибары. Конечно же Марианна поняла намёк брата, и нельзя сказать, что это не доставило ей удовольствие. Что ж, Анри был удовлетворён, ведь что скрывать, ему очень приглянулась возможность просватать сестру за лучшего друга.

– Так, где же кони? – Марианна с любопытством осмотрелась.

– Здесь недалеко нашлось удобное место. И там они менее заметны, чем в этих трущобах, – легко объяснил Анри, – Так что, сестричка, ты готова отправляться в путь?

Марианна лучезарно улыбнулась и кивнула в ответ.

* * *

Они добрались до северных ворот Рунда менее, чем за полчаса. Это оказалось даже слишком быстро. Ворота ещё были закрыты.

– Может быть, зря мы решили двинуться на север? – вдруг подумал Френсис вслух.

– Почему же зря? – не понял Анри, – Естественно предположить, что в сложившейся ситуации мы поедem в Фонтэнж искать графа де Лаган, то есть покинем город через южные

ворота. Ведь это единственный союзник для Марианны. Тут то мы их и обхитрим.

– Эта хитрость белыми нитками шита, – возразил Френсис.

– О чём вы? Анри, разве не ты сказал, что погоня нам не грозит? – вмешалась Марианна.

– Почти не грозит, – мягко поправил её Френсис, подарив нежный взгляд, – Всегда стоит иметь в виду прихоть фортуны и возможную помощь городской стражи. Ведь повесить Анри барон взялся чужими руками...

– Наконец-то! Открывают! – восторженно воскликнул Анри.

Ворота, яростно возмущаясь той бесцеремонности, с которой их осмелились пробудить ото сна в столь ранний час, натужно заскрипели и стали медленно и неуклонно раскрывать свои створы. Привратники старались поскорее выполнить эту работу, словно их подгоняла чья-то неведомая сильная воля.

На площади по эту сторону ворот собралось немало людей: кто-то спешил покинуть город и вернуться к своим семьям, но большинство ожидали прибывающих торговцев, чтобы перекупить у них товары, ведь в этом деле кто первый, тот и выиграл. Взгляды и порывы всех сейчас были устремлены в одну сторону. Анри и Френсис не стали исключением. Они так же подались вперёд, но почти сразу осадили коней, стали пятиться назад. Это их замешательство очень удивило замешкавшуюся Марианну. Она вновь обернулась к во-

ротам, и вот он ответ!

Оказалось, что в город входит большая группа всадников во главе с очень богато одетым грозным дворянином. Этот человек с величественной ленью обводил взором открывшуюся перед ним площадь, но то была лишь напуская лень. Конь Френсиса громко фыркнул, и этого оказалось достаточно, чтобы взгляд грозного дворянина ожил и обратился именно в эту сторону. Глаза графини де Монсар встретились с глазами незнакомца, и девушка вдруг ощутила какой-то благоговейный трепет, сильно смахивающий на ужас.

– А вот и умирающий папаша собственной персоной! – с досадой воскликнул Анри.

Да, это был герцог Бетенгтон. Но Френсис всё ещё отказывался поверить своим глазам, ведь он очень хорошо помнил, в каком состоянии оставил лже-отца во дворце Бетенгтон. Увидеть его сейчас здесь!? «Так всё-таки Анри оказался прав!? И эта болезнь была лишь очередной ложью!?» – Фрэнк искренне растерялся, ему очень не хотелось признавать, что тогда он так легко обманулся.

Хоть он и верил в искренность Марианны, какой-то частью своей души юноша ещё допускал мысль, что девушка могла что-то перепутать, обмануться и невольно обмануть и их, что история вражды Бетенгтона и Лаганов излишне драматизирована. Оказывается, Френсис был готов дать герцогу возможность объясниться, оправдаться, ведь этот человек усыновил его и все эти годы хорошо к нему относился! Но

неожиданность встречи не дала герцогу время обдумать свои действия, и молния ненависти метнулась в сторону Френсиса.

В тот же миг всё стало предельно ясно.

– Марианна! Анри! За мной! – приказал Фрэнк и пустил коня галопом в ближайшую улицу.

Краем глаза он видел, что спутники его не отставали.

– Анри, кто этот человек? – не удержалась от вопроса Марианна.

– Герцог Бетенгтон! – мрачно ответил Анри.

Девушка содрогнулась.

– За ними! Доставить их мне! Всех троих!!! Живыми!!! – приказал герцог, и его люди вороньей стаей бросились в погоню.

Узость и извилистость улиц вытянула преследователей в цепочку по одному, по двое, и они упустили-таки беглецов из виду. Возникло некоторое замешательство.

– Рон, ты говорил, что знаешь город! – зарычал Ламороу.

– Я говорил, что знаю окрестности, а не город! – огрызнулся тот.

– Чёрт тебя побери, ты что, не бывал в Рунде?!

– О, дьявол! Бывал... – Рон чуть задумался, – Они, конечно же, отправились к южным воротам... Путь туда через центр самый быстрый... А их цель быстро сбежать...

– Веди!!! – рявкнул Ламороу, и Рон не заставил себя упрашивать.

Фил и Пит скакали сразу за ними, бок о бок.

– А что, если они решат затаиться? Я бы на их месте так и сделал, – на ходу предположил Фил, – Пит, что думаешь?

– Я согласен с Роном. Эти трое пытались покинуть город в такую рань. Их цель сбежать, – отозвался Пит и тем положил конец этому краткому спору.

Праиэры не ошиблись. Оказавшись за пределами южных ворот, они обнаружили, что ужасно отстали, но, главное, беглецы были ещё в пределах видимости.

– Черт побери! Как нам их догнать!?! – в отчаянии воскликнул Ламороу.

– Легко, – усмехнулся Рон.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Только то, что дорога сильно петляет, а местность холмистая, – усмехнулся тот.

– Тогда вперёд! – скомандовал Ламороу.

* * *

– Откуда они взялись на нашу голову?! – с досадой воскликнул Анри, когда увидел, как много ближе, чем ему того хотелось бы, на дороге позади них возник отряд преследователей. Они появились словно из-под земли, и дали понять своим жертвам, что не намерены отпускать добычу. Поднялась пальба, но беглецы не замедлили скорость.

– Марианна, как ты?! – поинтересовался Анри, поравнявшись с ней.

В ответ девушка неожиданно спокойно улыбнулась.

– Было бы прекрасно, если бы Фрэнк знал эти места, так же хорошо, как и город! – искренне пожалел Анри.

– Ну уж извините! – откликнулся тот, оглядываясь, и тут же с тревогой заметил, – Они разделились!

– Как же мне это не нравится! Ох, как не нравится! – нахмурился Анри.

Всем стало ясно, что их преследователи замышляют какой-то обманный ход.

Вдруг конь под Марианной сильно захрапел, явно захромал и.. начал падать.

– Анри!!! – вырвалось из груди девушки.

Но Анри, не выпускавший сестру из поля зрения, и сам всё увидел. Он резко осадил своего коня. Марианна ловко высвободила ноги из стремян и прежде, чем конь упал, успела соскочить на землю. Бедное животное, сражённное пулей преследователей, уже не могло подняться.

Всё, что произошло в следующую минуту, было подобно урагану. Анри подлетел к сестре. Девушка почувствовала неожиданную боль под лопатками, и уже в следующий миг очнулась в седле перед братом.

– Я не слишком тебя помял? – заботливо поинтересовался Анри, уже пришпоривая коня.

– О, нет! – только и смогла выдохнуть изумлённая девушка.

Она успела заметить, как они вихрем промчались мимо непрерывно разряжающего свои пистолеты Френсиса. Кри-

ки позади дали ей понять, что он не промахивался.

«Откуда у него такой арсенал?» – мелькнула мысль в голове девушки, но следующее открытие заставило её содрогнуться. Из-за ближайшего холма прямо им наперерез им неслась недавно отделившаяся и исчезнувшая из виду половина преследователей. Они уже праздновали победу.

Анри отчаянно ударил коня, но тот уже и так делал всё, что мог, неся на себе двойную ношу на предельной для него скорости, и требовать от него большего было бессмысленно. Это поняли все, и Френсис принял решение:

– Анри, постарайтесь добраться до леса! Всего вам!!!

И, резко взяв в сторону, он стрелой помчался на грозивших перекрыть им дорогу гвардейцев герцога, ведомых Питом.

– Фрэнк!!! – простонал Анри.

Отчаяние охватило его душу, но он был не в состоянии чем-либо помочь другу. Анри только крепче прижал к себе сестру и стал шёпотом молиться, сам того не замечая. И Марианна прекрасно понимала брата. Она просто не могла оторвать взгляда от удаляющейся спины Френсиса.

А тем временем пальба сзади прекратилась, ведь появилась реальная возможность остановить беглецов без помощи пуль. Следующие несколько секунд бешеной скачки прошли в ужасном напряжении, раздавался лишь свист плетей, стук копыт да вой ветра в ушах.

Конь Френсиса, казалось, разделил порыв хозяина, и бог

весть откуда взяв силы, неся в двое быстрее прежнего. Френсис уже не подгонял его, а только поглаживал, и секунды превратились в года. Вот уже Френсис летит прямо на обманную группу гвардейцев. Его намерения были более чем ясны, и это поколебало решимость тех, всё же заставило их снизить скорость. Кто-то из гвардейцев даже попытался отвернуть в сторону, но мчавшиеся следом не дали ему это сделать, всё же такие приказы должен отдавать возглавляющий погоню праиэр. А тем временем, Френсис развернул невероятной длины кнут, что сделало его ещё более устрашающим. И Пит принял решение, осадил своего коня и жестом приказал другим гвардейцам обогнать его.

– Наша цель Френсис! – крикнул Пит, – Вы должны схватить его!!! Это приказ!!!

Расчёт праиэра был прост, дать Френсису возможность выпустить пар на рядовых гвардейцах, а потом принять бой и самому. Так оно и вышло. За мгновение до столкновения кнут взвился над головой Фрэнка, и двое первых налетевших на него гвардейцев, так ничего и не поняв, вылетели из сёдел.

– Схватить его!!! – снова загредел приказ Пита.

И закипела битва. Казалось, Френсис вырос вдвое. Он поднял коня на дыбы и, не переставая орудовать кнутом, навел в этой части отряда преследователей полный беспорядок.

– Я знал, ты это сделаешь!!! – воскликнул с горьким восхищением Анри по-бриански. Марианна не поняла, а скорее

угадала смысл его слов.

Френсис ещё продолжал творить чудеса, пока, оставаясь недосягаемым. Он видел, как Анри и Марианна невредимыми промчались мимо, но присоединиться к друзьям уже не мог...

Поняв, что Анри со спутницей всё-таки избежали ловушки, Ламороу приказал снова начать пальбу, только напомнил своим спутникам, чтобы те целились в коня. А Анри не мог ответить им тем же, он неминуемо открыл бы сестру. Осталось лишь молиться, и Анри, не осознавая того, продолжал шептать:

– Сейчас, ещё секунду, и мы в лесу! Успеем! Успеем...

И Марианна похолодела от ужаса. Лесная полоса буквально летела им навстречу, но как девушка не старалась, она так и не смогла заметить тот момент, когда кроны деревьев закрыли над их головами небо. А скоро после этого ей показалось, что Анри вздрогнул всем телом и издал слабый стон.

– Анри! Что с тобой?! – тут же всполошилась девушка.

– Всё в порядке, дорогая! Наша песенка ещё не спета!!!

Дорога стала петлять, а лес становился всё гуще и гуще. То и дело виднелись выступающие из земли, словно зубы какого-то чудовища, белёсые уступы скал, и дорога просматривалась всё хуже и хуже. Но стук копыт за спиной не утихал.

Обогнув очередную скалу, беглецы натолкнулись на мирно катящийся фургон бродячих артистов. И в голове Анри тут же вспыхнула спасительная мысль. Он резко осадил коня

и, не давая Марианне опомниться, спустил её на землю.

– Прячься в фургон! – приказал Анри, – Стой. Шаль! Шаль дай!!! Скорее!!!

Девушка не заставила себя уговаривать. Она понимала, что одному у брата больше шансов на спасение. Марианна сорвала с себя шаль, бросила в руки Анри и метнулась к фургону. Уже будучи на пороге, девушка обернулась и обмерла. Смертельно бледный Анри смотрел на неё так, словно прощался.

– Ты должен выжить!!! Слышишь!?! – закричала она на него.

– Да, обещаю! Увидимся, сестра!!! – Анри улыбнулся и ударил коня.

Марианна, чувствовала ком в горле, но медлить больше было нельзя. Не обращая внимания на ошеломлённое семейство бродячих артистов, девушка скрылась в их фургоне.

К тому моменту, когда на этом участке дороги появились гвардейцы герцога, Анри уже отлетел на приличное расстояние, но всё ещё был виден, поэтому преследователи, не обратив никакого внимания на фургон, только пришпорили коней. Убедившись, что его хитрость удалась, Анри скрылся за новой большой скалой...

Оглушённые всем случившимся бродячие артисты: отец, мать, сын и маленькая дочь в оцепенении смотрели, как пыль медленно оседает на дорогу. Вдруг, очнувшись от этого по-своему завораживающего зрелища, женщина обернулась к

фургону. Раскрыв дверной полог, на пороге стояла хрупкая, ужасно расстроенная прекрасная девушка. Её причёска пришла в полный беспорядок, а из чёрных глаз тихо катились слёзы.

– Боже праведный! – всплеснула руками тучная артистка, – Дорогая, вы ранены?!

Марианна вздрогнула, и её непонимающий взгляд остановился сначала на артистке, а потом на своём платье. Прикоснувшись к своему боку, она обнаружила кровь. Марианна в миг все поняла: и стон, и бледность брата – и сердце её похолодело.

– О нет! Боже!!! Спаси его!!! – воскликнула несчастная в отчаянии.

* * *

– Не стрелять! – орал Ламороу своим людям, – Он и так уже ранен. Они не уйдут далеко! Все слышали? Не стрелять!!!

Как ни старался Анри, он не мог оторваться от преследователей. Несчастный конь уже ужасно устал, и удила его покрылись обильной пеной. Сам юноша чувствовал, как силы оставляют его. Он был близок к обмороку, прилагая последние усилия, чтобы удержаться в седле. Развевающаяся шаль Марианны создавала иллюзию присутствия девушки, и преследователи до сих пор пребывали во власти обмана. Но вечно это продолжаться не могло.

Вдруг лес отступил, и Анри вырвался на большую поля-

ну, странно обрывающуюся с одного её дальнего края. Почти в тот же миг конь Анри издал страшный храп и ... упал. Юноша едва-едва успел соскочить на землю. От этой встряски рассудок Анри прояснился, и он, собрав последние силы, бросился бежать к тому странному краю поляны, за которым ничего не было видно.

Вылетев из леса, преследователи замешкались.

– Там обрыв, наверняка! – вырвалось у Фила.

А Ламороу застыл в растерянности. Он заметил валяющуюся на траве шаль, увидел нетвёрдо бегущего Анри, бывшего уже почти на краю обрыва, и никак не мог до конца понять, что происходит, что делать. Очевидным было только одно – девушка пропала!

Анри остановился. Далеко под ним хранил свои воды неизвестно насколько глубокий речной омут, а позади... Юноша оглянулся и встретился глазами с Ламороу.

– Стой, безумец!!! – закричал ему тот по-бриански.

– Мой привет герцогу! – огрызнулся Анри и развернулся к обрыву.

Фил понял, что тот сейчас прыгнет, и что есть сил закричал:

– Стой, Монсо! Мы нашли твою спутницу!!!

Анри оглянулся, и тут... раздался выстрел.

Пистолет стоявшего рядом с Ламороу Рона ещё дымился, когда юноша взмахнул руками, кажется, усмехнулся... и рухнул вниз.

– Идиот!!! Кретин!!! – заревел Ламороу и со всего маху ударил Рона своим крепким хлыстом, – Его Светлость велел поймать их, а не убить!!!

– Тогда какого чёрта ты позволял нам стрелять раньше? – огрызнулся Рон, но в драку с Ламороу всё-таки не полез.

Отказываясь поверить в худшее, Ламороу и Фил бросились к обрыву. Под ним и правда был тихий речной омут, чуть отделённый от главного русла Съены скалистым утесом. Вода здесь всё ещё расходилась кругами так указывая место, где упало тело урождённого графа де Монсар. И даже птицы притихли, ошеломлённые этой безвременной гибелью.

Глава 15. Старые знакомые.

Герцог Бетенгтон, считая ниже своего достоинства бегать за отпрысками врагов, остался предоставленным сам себе и, не спеша, направился в центр города. Перед его глазами стояло прекрасное лицо Марианны, и он мучительно старался вспомнить, где мог видеть её раньше, но пока безуспешно.

И вообще эта внезапная встреча со своим приёмным сыном и его слугой привела герцога в сильное замешательство. Мальчишки по-прежнему вместе, да ещё и в обществе очаровательной незнакомки, и, завидев его, герцога, они сочли за благо бежать от него! Что это означает? Просто ли страх наказания заслушание, или... Знают ли они правду?!

Так, стараясь разложить по полочкам все имеющиеся в его распоряжении факты, герцог неожиданно для себя оказался на небольшом открытом пространстве перед довольно богатым двухэтажным домом, на крыльце которого бушевал какой-то дворянин, ругаясь сразу на двух языках. Слуги метались, плохо представляя, как угодить сердитому господину, и, видя тщетность своих усилий, тот бушевал пуще прежнего.

Чуть привыкнув к этой неразберихе, герцог решил приблизиться, и это не осталось незамеченным. Его безмолвная сила конечно же дала себя почувствовать, неистовствующий дворянин обратил-таки на него внимание, и... вместе с ним,

казалось, смолк весь мир. Герцог тоже очень удивился, узнав этого дворянина, и тут же, наконец-то, вспомнил, где прежде видел спутницу Френсиса и Анри. Эспиранта Коэльо графиня де Монсар! Да, без сомнения, это была её дочь!

– Герцог Бетенгтон?! – воскликнул барон.

Удивление было взаимным.

– Барон Парадесс?! – в тон ему откликнулся герцог.

Оба говорили на фрагийском, так как родными языками друг друга владели плохо.

Герцог не спеша, приблизился и, не сводя с барона пристального взгляда, сошёл с коня.

– Похоже, я, как и всегда, вовремя! – наконец обронил Его Светлость.

– Время покажет, – хмуро возразил барон.

Брови герцога чуть приподнялись:

– Барон, вы ведёте себя неучтиво. Это наша первая встреча за столько лет. Но да ладно. Я знаю, что у вас неприятности. Так что да, я вовремя. И время это уже показало. Например, моё появление уже подействовало на вас успокаивающе.

Барон непроизвольно сморщился:

– Ваша Светлость, у меня и правда проблема. Сбежала племянница, и на этот раз я не представляю, как вы можете мне помочь. Подпруги моих коней перерезаны, а губернатор хоть и не отказал в помощи, но и не спешит принять решительные меры к её поимке. Я прошу вас...

– Не стоит, – перебил его по-прежнему усмехающийся герцог, – Она убежала в обществе вашего племянника и моего приёмного сына. Не так ли? Хотите сказать, что я сообщил вам новость?!

– Я догадывался... – и барон недоверчиво склонил голову. Герцог смахнул с лица усмешку и с деланным равнодушием окинул взглядом дом.

– Значит, вы остановились здесь...

– Где они?! – взвился испайронец.

Но герцог словно и не замечал темпераментного барона:

– Я, пожалуй, составлю вам компанию, – принял решение Его Светлость и направился к двери.

Но барон решительно преградил ему дорогу:

– Как вы узнали о случившемся? Откуда вы вообще взяли?!

Что ж, герцог остановился:

– Успокойтесь, сеньор. Ради бога, успокойтесь! У меня уже голова от вас болит. Я спас вас, потому не стоит более раздражать меня этим криком. Не благодарно это с вашей стороны, замечу я.

И герцог величественно вошёл в дом. Словно облитый холодной водой барон последовал за ним.

– Уютно. Ничего так... Мне здесь нравится. Где хозяин? – воскликнул Бетенгтон.

– Милорд, объяснитесь! – снова потребовал барон.

Бетенгтон развернулся, и его красивое лицо исказила гри-

маса сожаления:

– Мой дорогой барон, мы с вами допустили одну большую ошибку, дав вырасти этим молокососам. У вас нелады с племянницей? Понимаю, она слишком похожа на мать. У меня не сладилось с моими щенками. Но всё это ещё не смертельно. Ещё возможно всё исправить.

Барон молчал, ожидая продолжения, а герцог открыто же любовался собой, но да он и сам был настроен поговорить:

– Вы, сеньор, в самом деле думаете, что я путешествую в гордом одиночестве? Нет? Славно. Так вот, со мной больше двух десятков прекрасно обученных гвардейцев, смыслёных и отважных головорезов. А где они, спросите вы? И я отвечу. Они ловят беглецов, и, будьте уверены, поймают.

У барона не было основания подвергать слова герцога какому бы то ни было сомнению, и хоть у него ещё осталось довольно много вопросов, волнение стало утихать.

– Я ваш ангел-хранитель, не так ли, сеньор? – и герцог примирительно улыбнулся, – Так есть здесь хозяин?!

– Что ж, я рад, что мы вновь вместе, – усмехнулся барон, – И с удовольствием поговорил бы с вами о наших общих делах. Располагайтесь, я скоро зайду к вам.

– Очень мило с вашей стороны, – и герцог удалился в сопровождении наконец-то появившегося хозяина гостиницы.

Барон проводил старинного знакомого хмурым взглядом, и вдруг услышал:

– Господин барон, позвольте поинтересоваться, что про-

изошло? Что могло поднять весь дом в такую рань?

Это был граф де По. Рядом с ним стоял, с трудом раскрыв глаза, виконт де Крахтью.

Барон чуть поклонился, приветствуя их, и произнёс:

– Маленькая неприятность. Надеюсь, ещё до полудня всё будет улажено. Так что ступайте, виконт, досматривать последние сны. А вас, граф, я попрошу на несколько слов.

Крахтью тупо развернулся к отцу.

– Иди, – подтолкнул его тот, а сам приблизился к барону. Парадесс предложил присесть в стоявшие у камина кресла.

– Вновь объявились Монсо и Бетенгтон? – понизив голос, поинтересовался граф.

Барон, усмехнувшись, кивнул.

– Вы отказываетесь посвятить меня в причины вашей ненависти к ним, но у меня существуют с ними личные счёты, и потому я помогаю вам, – в голосе графа де По слышались капризные нотки.

– Личные счёты?! – вырвалось у барона с откровенным сарказмом, – Они не дали вам убить Антуана де Валеньи, и вы возымели на них зуб? Это же смешно, граф! Та ваша затея с самого начала была обречена на провал. Сумели вырастить придурка сына, подобрать пьяниц слуг, так и пожинайте плоды.

– Барон, вы слишком много себе позволяете! Вам следовало бы большое думать над своими словами! Что если мне взбредёт в голову пооткровенничать с графом де Лаган?

– Да, да, давайте, расскажите ему о Грандонских событиях, о том, как утаили от него сына и.., о том, как именно здесь в Рунде мы выследили ИХ. И конечно же не забудьте рассказать о вашей активной помощи в организации казни для одного из них. Как, вы уже нашли слова, в которых передадите эти столь приятные для слуха графа факты?

– Всё так, но они ещё живы, а вы, как я погляжу, увязли похлеще моего, – хмуро возразил граф де По.

– Вы слишком поздно это поняли, Ваше Сиятельство. Советую впредь не раздражать меня подобного рода замечаниями. Как вы уже могли заметить, я питаю к вам некоторое расположение и потому намерен говорить с вами откровенно. Вы оказались у раскрытой печи, даже более того, ваша неудачливость и моё... прошлое уже втолкнули вас в неё. Назад пути нет. Либо мы вместе достигаем богатства и покоя, либо так же вместе сгорим. Я не хочу вас пугать, просто имейте в виду... Сюда приехал герцог Бетенгтон.

– Бетенгтон?! Настоящий Бетенгтон, вы хотите сказать?! – граф де По даже привстал.

– Да, но, я подозреваю, вы ещё не до конца вспомнили, а, значит, и не поняли, кто это такой. Перенеситесь мысленно где-нибудь лет эдак на двадцать назад. Блистательный брианский кавалер лорд Гейсборо. Вы тогда уже были представлены при дворе? Да? И всё же поднатужьтесь, припомните подробности последнего его пребывания во Фрагии. Кажется, это имя тогда гремело, а рядом с ним Лаган, Гурье, Мон-

сар... Поняли, чем пахнет?

Барон встал:

– Мне надо кое о чём переговорить с герцогом, а вы хорошенько обдумайте мои слова, – и барон ушел, посеяв в душе графа страшное смятение.

Герцог, расположившись в хорошо обставленных комнатах второго этажа, уже успел расспросить хозяина дома о последних событиях и теперь с большим нетерпением ожидал барона. Из того немногого, что ему сказал хозяин гостиницы, герцог смог заключить, что барон стал очень опасным человеком. Какой-то испайронец, не пробыв в Рунде и двух дней, успел не только втереться в доверие местных органов власти, но и потакать ими в собственных интересах. Это заставляло задуматься и пересмотреть своё поведение с бароном. Но, несмотря на нетерпение, герцог встретил барона очень спокойно. Они сдержанно отвесили друг другу поклоны и с достоинством расположились в уютных креслах.

Минуту молчания оба использовали, чтобы лучше приглядеться друг к другу, но, прекрасно владеющие собой, эти люди скоро поняли, что это плохой способ разговора, слишком непробиваемая стена выросла между ними. Тогда герцог нарушил молчание.

– Надо признать, годы берут своё, сеньор. Но мы вновь вместе, а это, на мой взгляд, добрый знак.

– Хотелось бы верить... – хмуро отозвался барон, – Но прежде, чем мы предадимся воспоминаниям, несколько

слов. Ваши люди сейчас в погоне за моими племянниками, верно ли я вас понял?

– Верно, – кивнул герцог.

– В таком случае, я рад нашей встрече, – и барон, наконец-то, позволил себе дышать свободнее.

– Вы искренне, благодарю, – герцог почувствовал в словах барона затаенную обиду или злобу, или... «Получается, если бы ни моё такое вмешательство, он не был бы рад. Забавно», – мысленно усмехнулся Его Светлость.

– Мою я узнать, каким чудом вам удалось так вовремя принять участие в моей беде? – тем временем счёл возможным поинтересоваться барон.

– О, сеньор! На всё воля Господа нашего! Кстати, я кое о чём наслышан, касательно последних дней жизни славного города Рунда, и должен принести вам свои соболезнования. Но не корите себя. Здесь тоже воля рока.

– Что вы хотите сказать?

– То, что я давно держу этих мальчишек на коротком поводке и успел присмотреться к ним. Их не стоит торопить. Когда они оказываются загнанными в тиски обстоятельств и вынуждены действовать на одной интуиции, в них просыпается кровь, и удача симпатизирует им. Так было в Туманной Гавани, так было в Грандоне и здесь в Рунде. Но стоит им чуть задуматься над своими поступками, сразу же им не везёт. У них была ночь, и они пришли к вполне разумному решению обмануть вас, покинув город через северные ворота,

мол едут не в Фонтэнж. Но тут, на их несчастье, появился я.

– Одним словом, столкнувшись с вами, они бросились бежать? – резюмировал барон.

– Именно.

– Ваша Светлость, позвольте спросить, а какого чёрта вообще мой племянник жив?!

Секундное раздумье герцог завершил нехорошей усмешкой:

– А как вы догадались, что это он?

– Достаточно было узнать имя его спутника и увидеть его собственное лицо. Так вы ответите на мой вопрос?

– Нет, – неожиданно просто ответил герцог.

– Милорд! – вдруг взорвался барон, – Предупреждаю, я более не намерен быть инструментом для удовлетворения ваших прихотей! У меня нет ни малейшего желания кончать жизнь на виселице, а вы ведёте меня к ней с самого того несчастного дня, когда мы с вами встретились.

– Но, сеньор, разве я не помог исполнению вашего желания? Разве вы не стали единоличным хозяином владений вашей сестрички?!

– Да, стал! Но какое это имеет значение сейчас?! Встреча с вами несёт мне одни несчастья! Я стал "хозяином". Да! Но... знаете ли вы, что яд, оставленный вами, увёл на тот свет мою жену, а она была беременна!

– Вы были женаты?!

– Да, чёрт побери! Да!!! Став хозяином, я ввёл Маританну

в этот проклятый дом. Я мечтал сделать её счастливой, но она умерла, по ошибке выпив яд. Отравление было так очевидно, что мне пришлось приложить большие усилия, чтобы всё уладить... Но, всё же церковь заподозрила неладное. Обо мне поползли ужасные слухи, и я остался совершенно один...

Эти горькие воспоминания сильно растревожили барона, ему даже пришлось прерваться чтобы восстановить дыхание. Но это была мимолётная слабость. И вот он уже снова спокоен и суров:

– Марианна выросла. И я сильно подозреваю, что ей известно больше, чем следовало бы. С недавних пор она отчаянно стала искать возможность встретиться с Лаганами. А тут вдруг эти двое!

– Девчонка знает, вы говорите?! Да, похоже, – задумчиво перебил его герцог.

И барон осёкся. Он вдруг сильно пожалел о сказанном. Герцог был не тем человеком, перед которым можно было безопасно открывать душу. Но сейчас Его Светлость был поглощён своими мыслями:

– Они узнали меня и бросились бежать... – задумчиво обронил он.

– Вы понимаете, чем это нам грозит? – при этом барон даже подался чуть ближе.

– В худшем случае граф узнает правду. Но я всё равно к этому и веду. Это один из пунктов моей мести.

– Да вы сумасшедший! – снова вспылил испайронец.

– Нет, просто о Фрэнке граф уже знает и ищет его. А я ещё жив... – и герцог беззвучно рассмеялся.

– Вы это серьезно?! Он знает?!

– Конечно. Это было лишь делом времени. Я вернулся на тропу войны, как говорят в Западных Колониях.

Барон поднял на него тяжёлый взгляд, но больше ничего не сказал, вместо этого он встал и мрачно отошёл к окну.

– А вы выросли, барон, – вдруг обронил внимательно наблюдавший за старым приятелем герцог, – Я помню, познакомился с отставным офицером, в конец разорившимся и презираемым всеми дворянином. А сейчас я вижу перед собой большую тайну, сумевшую управлять губернатором Рунда. Признавайтесь, вы припасли для меня ещё какие-нибудь сюрпризы?

– Как знать... – сверкнул единственным глазом Парадесс.

– Вот и прекрасно. А то ваши причитания едва не пошатнули моё о вас мнение.

Барон резко развернулся к герцогу и успел заметить на его лице усмешку.

– Приятно видеть плод своих трудов? Ведь это вы сделали меня таким. Если бы не ваша идея умертвить Ромена и Эспиранту, моя жизнь сложилась бы иначе, а душа не стала бы чёрным камнем. Вы, именно вы толкнули меня на это преступление! А сейчас, я чувствую, близится час расплаты.

– Хватит, барон! Обвинять меня бессмысленно. Я лишь

бросил семя в плодородную почву. Что же касается нашего дела, то во времена нашей молодости мы и впрямь перемудрили. Но сейчас надо думать о дне настоящем. А настоящее для нас в следующем: Анри и Фрэнк возможно уже всё знают, Марианна с ними, и, если мои люди сейчас не отловят их, что мало вероятно, это кончится тем, что появятся граф де Монсар, Жан де Гурье граф де Лаган и его жена Марианна де Гурье и далее и далее, вам лучше знать её полное имя.

– Что?! Жена!? – изумился барон.

– Я слышал, Антуан де Валеньи жаждет просватать её, верно? А он и Фрэнк близнецы, не забывают... Почему-то мне кажется, что в делах сердечных эти двое обречены на соперничество, вот только на стороне Фрэнка брат девицы. Согласны? Значит, расклад ясен.

Барон нахмурился и добавил:

– Вы забыли упомянуть графа де Лаган, который, как вы сказали, ищет Анри и этого вашего Френсиса.

– Верно, и который, будьте уверены, не простит вам смерть Ромена де Монсар, если, конечно, узнает о вашей в ней роли.

– Чёрт бы вас побрал!!! – снова вспылал барон, – Мстите, так мстили бы, но зачем растягивать это на двадцать лет!

– Зачем? – и герцог хищно усмехнулся, – А что, если все эти годы измышления плана мести этому человека были моей самой большой отрадой? Нет, не скажу, что я жил только этим, но это было как отложенная про запас сладость. В лю-

бом случае, теперь графу действительно есть, что терять!

– Разве однажды он уже не потерял всё?! – изумился барон.

– То было лишь первым актом создаваемой мной трагедии, теперь пришло время начаться акту второму. Да он уже и начался. А в конце... да, а с ним, с Аленом де Лаган, я поговорю в конце, как и с Роменом.

И барон содрогнулся всем телом, а его рука невольно потянулась к шее, на которой, как ему показалось, уже начала затягиваться петля.

Вдруг внизу послышалось большое оживление. И герцог неожиданно поспешно устремился к окну, тем самым выказывая свою крайнюю заинтересованность результатами погони. В самом деле, на конюшенный двор входили его сильно уставшие гвардейцы.

– Замечательно. Кстати, барон, заметьте, они не знали, где я остановился, – герцог всем своим видом выказывал полное удовлетворение, но в этот момент его внимание привлёк лежавший в пыли человек. Связанный по рукам и ногам, он не подавал никаких признаков жизни.

– Кто это? И где ещё двое?! – вырвалось у барона, который, как оказалось, стоял за спиной герцога.

Его Светлость метнул на старинного приятеля несколько рассеянный взгляд и поспешил вниз. Барон не отставал. Оказавшись на крыльце, герцог обратил внимание, что вернулись не все его гвардейцы, и многие имели сильно потрёпан-

ный вид. Несчастный же, о чьём способе передвижения не слишком позаботились, по-прежнему лежал недвижим.

– Кто это? – грозно задал свой вопрос герцог.

Вперед вышел Ламороу, чьи удивительно светлые волосы были сейчас изрядно припорошенными пылью и слипшимися от пота.

– Это Френсис, Ваша Светлость, – ответил первый праиэр после почтительного поклона.

Герцог ещё раз окинул взглядом свою гвардию и обронил:

– Приведите его в чувства и ко мне. А ты, Ламороу пойдёшь со мной прямо сейчас и всё объяснишь... – распорядился герцог и жестом пригласил барона следовать за собой.

Ламороу перекинулся парой слов с Филом и Питом и бросился догонять господина. А из окна второго этажа за всем происходящим наблюдал граф де По.

Как только дверь комнаты герцога закрылась за спиной Ламороу, Бетенгтон обрушил на него долгожданный приказ.

– Рассказывай, всё по порядку!

Первый праиэр тяжело вздохнул и немногословно передал события последних нескольких часов, не скрыв ничего, как бы то ни было рискованно для его спокойствия: и то, что Анри был дважды подстрелен, и то, что Марианну найти не удалось.

Какое-то время барон и герцог усваивали услышанное, и в этот момент в дверь постучали.

– Войдите! – разрешил герцог.

Дверь распахнулась, и Рон с Филом втащили Френсиса. Пит замыкал это шествие.

– Он пришёл в себя?

– Внизу нам так показалось, что да... – растерялся Рон.

– Ладно, оставьте его. Да нет, не пачкайте мебель... – распорядился герцог, величественным жестом указав на ту часть пола, которая не была покрыта ковром.

Праиэры опустили Френсиса на пол и разошлись в разные углы комнаты, словно заступили на караул, а герцог подошёл к юноше и заглянул в его лицо. На голову несчастного, как видно, вылили ни одно ведро воды, но его тяжёлые веки оставались неподвижными, а разукрашенное кровавыми ссадинами лицо излучало удивительное спокойствие.

– Зачем?!.. Зачем, Ваша Светлость, вам понадобилось вскармливать змею на собственной груди?! – тихо поинтересовался барон, который снова оказался за спиной герцога.

– Я долгое время полагал, что он единственный из четырех уцелел. И... он должен был быть другим!..

– Ладно, это ваше дело, – и барон резко развернулся к Ламороу, – Но как вы объясните исчезновение девушки!? Если говорите, что всё время погони не упускали их из виду, куда она могла деться?!

– Вообще-то не всё время, – хмуро отозвался Ламороу, – Полагаю, у них был шанс. В лесу порой они скрывались от наших глаз за скалами, деревьями. Это было не более, чем на несколько секунд, но за одним из поворотов мы чуть не

сшибли фургон бродячих артистов. К сожалению, мы тогда не обратили на него должное внимание, потому что Монсо грозил скрыться за следующим поворотом, и была полная иллюзия, что девушка ещё с ним. Её шаль ввела нас в заблуждение.

– Ну и?..

– Вернувшись после гибели Монсо, мы не нашли артистов, они словно испарились.

– Фургон испарился, хотите вы сказать!? – изумился барон.

– Не нашли, значит, это было невозможно сделать, – резко оборвал приятеля герцог.

– Фургон не мог испариться! – взвился тот, – Хоть кто-нибудь из ваших слуг умеет читать следы?!

– Там каменистая почва... – всё-таки попытался оправдаться Ламороу.

Но барон, поняв, что более ничего путного не услышит, в отчаянии всплеснул руками:

– Ваша Светлость, вы и правда намерены простить это своим нерадивым слугам?!

– Лучше гордитесь своими! – возразил герцог, и голосе его ясно зазвучало затаённо рычание, – Племянницу увели из соседней с вашей комнаты, и никто даже ухом не повёл! В отличие от ваших, люди знают своё дело! Хотя... Ламороу, ты уверен, что Монсо погиб?

– Да, Ваша Светлость. Монсо мёртв. Я знаю, от таких ран

не выживают, а тут ещё и падение в воду... и я помню, вы требовали доставить их живыми, но... Так что мы готовы понести наказание, – при этом Ламороу открыто покосился на Рона.

– А тело? Тело всплыло?! – не унимался барон.

– Нет. Там глубокий омут. Мы с трудом спустились к берегу и какое-то время ныряли туда, но всё без толку... Вода мутная... В конце концов, он мог за что-нибудь зацепиться... – осмелился предположить Ламороу.

– Они не видели тела! Я вновь не видел его труп!!! – возмутился барон, – Не удивлюсь, если он снова объявится.

– Успокойтесь, барон! Ламороу же говорит, что он мёртв! – нахмурился герцог.

– Он слишком похож на своего родителя! Это дурной знак!!! – резко возразил испайронец.

– Чёрт вас побери! – сорвался-таки и герцог, – Ламороу, приведи себя в порядок и приготовь нам коней. Мы с бароном желаем осмотреть то место сами. Даю тебе полчаса.

– Как вам будет угодно, Ваша Светлость, – и первый праиэр, сверкнув на барона недобрым глазом, вышел, уведя с собой и всех остальных праиэров.

– Теперь вы довольны, сеньор? – сморщился герцог.

Парадесс ничего не ответил, но по его лицу было видно, что беспокойство его ничуть не стихло.

– Вы ещё не разобрались, стоит ли бояться этого мальчишку, а уже бледнеете при упоминании его имени, – пре-

зрительно фыркнул герцог, – Да и граф... Он увяз в государственных делах, и ему не до вас, а его сын сейчас всецело поглощён своим здоровьем. У некоего Крахтью хватило отваги вонзить шпагу в спину врага, но не хватило умения сделать это как следовало бы.

Герцог вновь обратил взор на Френсиса. Тот оставался недвижим, но цвет лица стал живей. Герцог усмехнулся и, наклонившись к уху юноши, шепнул:

– Анри де Монсар мёртв!

Френсис не реагировал, хоть это уже прекрасно слышал. Он справился с собой, благо израненное лицо плохо подчинялось ему, к тому же было ясно, что значительно больше он узнает, если будет притворяться бесчувственным. Но герцог не сводил с него глаз, продолжал пытливно рассматривать.

– И что вы намерены с ним делать? – вдруг поинтересовался барон.

– Посмотрим. В худшем случае кое-кто его не узнает, в лучшем – не захочет узнавать. С Монсарамы разговор почти закончен, вашу племянницу мы отловим. Теперь дело за этими гадёнышами. Поверьте, они станут настолько же не похожи, насколько сейчас их путают. Я уверен, судьба на моей стороне. Вот и этот цыпленок не смог от меня убежать!..

– Играете с огнем, герцог, – подвёл черту барон, – Но меня это сейчас не заботит.

– Все думы о племяннице? Кстати, она у вас диво как хороша. А как бы вы посмотрели, если бы я взял её в жены?

Она богата, я тоже, мы подходим друг другу по всем статьям.

– Не думаю, – и барон помрачнел пуще прежнего.

А герцог от души рассмеялся:

– Испугались, что пойдёте собирать милостыню. Ведь она единственная наследница! Не расстраивайтесь. Мы вполне сможем договориться, я так и быть, что-нибудь выделю вам, не дам умереть с голоду.

– Да лучше я отправлю её к родителям! И она мне за это ещё спасибо скажет! – и барон зло сверкнул единственным глазом.

– Оу! Зачем же так... – герцог развеселился пуще прежнего, но тут он заметил, что веки Френсиса дрогнули. Его Светлость всё это время пристально следил за юношей и не упустил реакцию того на последние слова барона.

– Да, талантливый мальчик! – процедил герцог и неожиданно ударил юношу по щеке.

Тот вздрогнул и наконец-то открыл глаза.

– Что, пришёл в себя?! – поинтересовался герцог, продолжая мрачно сверлить пленника глазами.

Но да взгляд Френсиса был не менее тяжёл. Этот поединок продолжался несколько секунд. Наконец, герцог усмехнулся:

– Господин барон, вы спрашиваете, что я буду с ним делать. А что отцу делать с собственным сыном? А, Фрэнк! Надеюсь, ты ещё не отрёкся от отца?

– От отца?! Нет! И меня звать Жаном, если вы не в курсе, милорд, – жёстко отрезал юноша.

– Жаном!?! И давно? – зло сощурился герцог.

– Я так понял, что это имя дано мне при рождении. Хотите сказать, что не знали?

– Вот, значит, как... Ладно... Мы ещё обсудим проблему твоего имени. Сеньор, – герцог обратился к барону, – Вы лучше знакомы с этим домом. Найдётся ли здесь для этого щенка подходящий уголок?

– Найдётся... – хмуро отозвался испайронец.

– Прекрасно, – и герцог вернул своё внимание пленнику, – Мы чуть отложим нашу беседу. А пока прими мои соболезнования, Фрэнк. Помнишь, я говорил, чтобы ты держал Монсо на расстоянии. Теперь во всем, что с тобой случилось и случится, вини только себя.

– Я Жан, – глухо откликнулся юноша. (Отныне и мы будем так называть этого человека).

Появились слуги барона, во главе с коренастым, седовласым пиратского вида предводителем. Барон отдал приказание на испайронском, и те, грубо подхватив Жана под мышки, уволокли его прочь.

– Какого чёрта!?! Как ваша племянница всё узнала!?! – вскипел герцог сразу, как за пленником закрылась дверь.

– Для меня это тоже большая загадка, но она умная девочка, – барон болезненно сморщился и указал на дверь, – По-едемте, Ваша Светлость, мы уже потеряли достаточно много времени.

– Хорошо, едем, – и герцог взялся за шляпу...

Глава 16. Второе дыхание.

Жана кинули в тёмный чулан прямо на пыльный пол. В голове юноши стоял страшный гул, а всё тело ужасно болело. Но вот дверь чулана захлопнулась, словно была крышкой гроба, густой мрак обрушился на пленника всей своей тяжестью, и глаза юноши закрылись сами собой. Сейчас у него хватило сил только на то, чтобы попробовать самому отвернуться от этого ужасного мира. Бороться с ним он уже не мог.

Жив ли он? Мёртв ли? Ему просто не было это интересно. В голове не нашлось ни одной членораздельной мысли.

Перед его мысленным взором всё поплыло, сливаясь в несуразные картины, быстро и на первый взгляд бессмысленно сменяющие друг друга. Этот круговорот даже вызвал лёгкое чувство тошноты, и не прошло и минуты, как рассудок закрыла плотная пелена кошмаров – шутка ли, двое суток почти без сна.

Но Жан не смог проспать долго, ведь такое забвение не способно принести покой и восстановить силы. Скоро он снова открыл глаза.

Оказывается, в этом чулане не так темно, как это показалось в первый момент – здесь нашлось окно! Пусть и закрытое крепкими деревянными ставнями, оно сумело стать источником скудного света. Тонкие нити солнечных лучей сумели избавить юношу от неприятного чувства слепоты и те-

перь взялись обрисовать контуры творящегося здесь беспорядка. Очевидно, что это помещение служило кладовой, или скорее свалкой вышедших из употребления вещей. Была тут и мебель, и изъеденная временем и пылью одежда, и разбитая посуда.

Жан вдруг понял, что то положение, в котором он пребывал уже неизвестно сколько времени, было далеко не самое удобное. Может быть, именно благодаря ему он и испытывал такую сильную боль в пояснице? Жан попробовал встать и только сейчас вспомнил, что он связан. И в тот же миг воспоминания обрушились на него беспощадной лавиной, грозя раздавить, стереть в порошок, а в душу запустил клешни холод страха. Всё уже пережитое и только обещанное герцогом случиться навалилось на утомлённую душу одновременно, словно тысяча игл пронзили сердце. Но в этот раз почти сразу, откуда-то из глубины, поднялся сильный протест, или, быть может, гнев. Так или иначе Жан ощутил страшный жар в груди, а всё, что бурлило в его сознании, наконец сформировалось в одно слово: «Марианна!» Именно это имя заставило юношу собраться, прояснило сознание, вернуло способность мыслить более не менее связно.

«Неужели Анри не удалось уйти?! Неужели он в самом деле погиб?!» – Жан отказывался в это поверить, но тут в его памяти вдруг некстати всплыли когда-то оброненные Анри слова касательно праиэров: «Помяни моё слово, однажды эти гады убьют меня!» Нет, было немислимо представить,

что он, Жан, никогда больше не увидит друга, не услышит его шутки и смех. Нет! И Жан отказал себе в праве рассуждать на эту тему! Люди герцога не видели Анри мёртвым! Он не может погибнуть, и точка!!! Но где теперь Марианна?! Что с ней?! Сплошные такие изматывающие вопросы...

Ясно только одно – он, Жан, сможет помочь Марианне и найти друга только, если выберется из плена! Это также очевидно, как и то, что он сейчас валяется в этом Богом забытом чулане и покорно ждёт воли герцога. Но нет!.. Надо выбираться!!!

Жан осмотрелся более внимательно, и тут же судьба улыбнулась ему. У дальней стены стояло что-то похожее на разбитый чан. Сделав невероятное усилие, Жан встал и маленькими прыжками добрался до него. Глаза его не обманули. Отбитый край оказался достаточно острым, чтобы с его помощью можно было бы попытаться перерезать верёвки, связывающие руки за спиной. Преодолевая сопротивление измученного тела, Жан опустился на пол спиной к чану и, немислимо изогнувшись, поднёс руки к острому краю чана. Цель достигнута, и работа закипела.

Вдруг за дверью раздался кашель. Он не приближался и не удалялся, возник как-то сразу, неожиданно, и Жан понял – его стерегут. Что ж, тем лучше. С каждой секундой надежда крепла всё больше, но неудобство позы быстро истощало силы. Если бы через миг верёвки не поддались, Жан, как ему показалось в тот момент, сошёл бы с ума. Но он победил.

Освободившись от пут, Жан растянулся на полу: «Сейчас... минутку... Только бы хватило сил! Только бы хватило сил! Сейчас... Сейчас ты встанешь и что-нибудь сделаешь», – начал уговаривать он сам себя...

Стражник, один из слуг барона, надломленный столь однообразной работой, уже клевал носом, когда в чулане вдруг поднялся страшный грохот, обильно сдобренный стонами и причитаниями. Слуга отказывался что-либо понимать: «Этих звуков быть не должно, не место им здесь! Что там происходит? Что толку тут сидеть, если с пленником что-нибудь случится?!?» Безобразие в чулане набирало силу, и стражник решился. Он крепче вцепился в свой длинный нож, откинул запор и осторожно заглянул во внутрь.

В тот же миг всё стихло, а на любопытную макушку обрушился тяжёлый удар, и страж скрылся в чулане.

В коридоре никого не было видно, и совершенно одинаковые его концы с равной силой манили узника. Неизвестно сколько бы ещё Жан пребывал в нерешительности, ведь окна здесь были узкими, как бойницы, и затянуты непрозрачной слюдой, но откуда-то справа раздались шаги, и в следующий миг Жан уже знал, что делать. Затаив дыхание, он слился с дверным проёмом.

Скоро стало ясно, что приближается один человек, и этот человек совершенно не подозревает о поджидающей его опасности. Лихой мотивчик оборвался на полуслове. Стоило певцу обогнуть угол, как он плашмя рухнул на пол. Сбив

этого незадачливого служителя гостиницы с ног, Жан аккурратно ударил его по голове, и тот уснул, так и не узнав, что за напасть свалилась на его голову.

К сожалению, несчастный не был вооружен, но это не очень расстроило Жана. Он чувствовал прилив гигантской силы и невольно мысленно поблагодарил Генриха Рая за преподанные в своё время уроки выживания.

Коридор оказался не слишком длинным. Он завершался широкой винтовой лестницей, и... именно на ней удача отвернулась от юноши. Вместо того, чтобы направиться вниз, он был вынужден стрелой метнуться назад, потому что прямо на него поднималось человек шесть слуг барона, и, завидев пленника, они недолго раздумывали над тем, что им делать.

Что ж, и у Жана не осталось выбора. Совсем позабыв о ранах и синяках, он несся по нескончаемым коридорам гостиницы, сбивая с ног и пугая людей. Но он так и не видел выхода, и это начинало остро щекотать нервы.

И тут, бросив взгляд в очередное распахнутое окно, Жан понял, что под ним конюшенный двор гостиницы. Кто бы раньше сказал этому герою, что фортуна улыбнётся ему столь неожиданным образом. Да, позади слуги барона. А вот и впереди показались слуги герцога во главе с Филом. Но всё ещё выход есть! Жан взлетел на подоконник и, ни секунды не колеблясь, прыгнул прямо в приглянувшийся ему стог сена.

Этот живописный прыжок смогли по достоинству оценить

не только преследователи юноши, но и только что вернувшиеся герцог, барон и сопровождавший их Ламороу. Господа замешкались на крыльце, бурно делясь впечатлениями от своей прогулки, когда из окна второго этажа гостиницы вылетел похожий на разбойника Жан. Следом за ним показался Фил. Он не стал так опрометчиво прыгать, а предпочёл спустить вниз по фасаду, сделал это очень быстро, ловко, и вот уже тоже скрылся за изгородью. Дальнейшего ни барон, ни герцог видеть не могли. Прибывая в полной растерянности, они переглянулись, и настроение обоих выразил барон:

– Ещё какой-то час назад я бы голову дал на отсечение, что этот мальчишка готовится отойти к праотцам. Но... он Лаган!

Герцог не нашёлся, что сказать в ответ. Их изумление возросло бы ещё больше, если бы они имели возможность наблюдать разыгравшуюся на конюшенном дворе сцену.

Жан кубарем скатился со стога и сразу же бросился к коням. Перепуганные конюхи в ужасе отшатнулись от него, ожесточенно крестясь и вспоминая всех святых разом, ведь и они видели, что Жана привезли в этот дом подобным трупу. Но юноша не обращал на них никакого внимания, как не обращал внимание и на свои раны, на сильно порванную, грязную, окровавленную одежду. Он всей душой рвался на свободу!

Коней уже начали рассёдлывать, и потому найти хотя бы одного, готового принять всадника, оказалось невозможно.

Что ж, Жан кинулся укреплять подпруги ближайшего коня. Спуск Филадельфия он видел лишь краем глаза. Не ускользнуло от его внимания и стремительное появление Ламороу с Роном. Жан надеялся успеть, надеялся до последнего момента. Но вот его накрыла гигантская тень первого праиэра, и юноша понял, битвы не миновать.

Огромный кулак Ламороу метил в скулу юноши и наверняка сломал бы её, но в этот раз Жан увернулся. Этот страшный удар пришёлся по седлу, и перепуганный конь тут же дико заржал, встал на дыбы, начал бить копытами. Жан отпрыгнул в сторону, но не удачно, Рон исхитрился подставить подножку. Падение вышло очень болезненное, у юноши страшно загудело в голове, словно она стала бедным колоколом, а тело свело в судороге. Это выглядело страшно. Даже Ламороу замешкался, засомневался, жив ли ещё Жан, цел ли? Но нет, свою цель юноша знал и видел по-прежнему ясно, и уже через миг заставил первого праиэра рухнуть на землю – тот не выдержал неожиданный удар каблука прямо в живот.

А Жан уже был на ногах и бросился к конюшне, но опомнившиеся конюхи и гвардейцы преградили ему дорогу. Что ж, пришлось отступить. Оправившийся от падения Ламороу уже возглавил наступление, зычно раздавал приказы направо и налево и открыто праздновал победу, ведь деваться Жану некуда. Угрожающий вид неумолимо сжимавшегося вокруг Жана кольца гвардейцев герцога должен был посеять в душе юноши панику, внушить естественное желание сдать-

ся. Но нет, это не про Жана. Когда человеку нечего терять, когда все его устремления обращены к одной заветной цели, к свободе, мир вынужден прогнуться.

Продолжая отступать, Жан натолкнулся на бочку с водой. Юноша быстро окунул в неё голову, и, словно с водой на него хлынула гигантская сила. Он с первой же попытки перевернул эту бочку. Обильно смочив густой слой пыли, вода тут же устроила во дворе страшную грязь, и гвардейцы, увидев, что Жан метнулся к большой телеге, вместо того чтобы побежать за ним, были вынуждены растянуться поперёк двора, образуя достойную сочувствия свалку. Даже Рона затянула эта трясина. Пожалуй, только Фил и Ламороу избежали этой грязной участи, но всё равно оказались отделены от Жана этой грудой перепачканных тел. Что ж, они решили добратсья до Жана, обойдя поверженных, один справа, другой слева.

А тем временем на дворе появилось ещё несколько гвардейцев, а с ними и Пит, последний из четырёх праиэров. Он быстро раздал распоряжения своим людям, а сам предпочёл остаться в стороне. Жан не стал гадать о намерениях этого человека, просто не до того ему было. Вот она, телега о двух огромных колёсах. Юноша подхватил её за оглобли и ринулся прямо на своих врагов. Конечно же те в ужасе кинулись в стороны, а телега, развив довольно большую скорость, со всего маху врезалась в стену конюшни. В результате Жан, который не спешил отпустить оглобли, взлетел на крышу конюшни. Та, будучи соломенной, конечно же провалиться под

весом этого живого снаряда, и до слуха изумлённых зрителей донеслось перепуганное ржание. Все, кто стал свидетелем этого представления, ещё не решились смеяться им или плакать, когда из-под покосившегося навеса конюшни стрелой вылетел Жан верхом на неоседланном коне. Ловко орудуя хлыстом, он легко разметал гвардейцев и прорвался-таки к открытым воротам.

Наградой ему стало зрелище перекошенных лиц герцога и барона. Эти двое отказывались верить своим глазам.

– Я не прощаюсь, господа! – крикнул им Жан и был таков.

– О, дьявол!!! – зарычал герцог и ударил кулаком по дверному косяку.

– А мальчишка-то не промах! – оскалился барон и сам себя удивил, обнаружив, что рад этому побегу Жана. Что могло более досадить герцогу?!

– Да, чёрт побери! Его воспитанием занимался сам Генрих Рай, а это дьявол, а не человек! – процедил сквозь зубы герцог.

В этот момент из ворот выбежал пунцовый от злости Ламороу.

– Он мне нужен, Лар!!! Живым!!! – крикнул герцог, – Коня мне!!!

– Коня Его Светлости!!! – праиэр так же зычно отправил этот приказ далее.

Его Светлость разбушевался ни на шутку, даже лично отправился в конюшню, по пути раздавая нерадивым слугам

сердечные туманы. Барону, не разделявшему рвение своего союзника, оставалось лишь посторониться и молча наблюдать за тем, как герцог и все его гвардейцы отхлынули от гостиницы. О существовании барона Его Светлость в этот момент, казалось, забыл.

Кинув рассеянный взгляд на поднятую конями пыль, барон обратился к предводителю своей гвардии, к тому самому, пиратского вида.

– Что скажешь, Карлос?

– Ваше приказание выполнено, всё готово к отъезду.

– Замечательно.

– Сеньор, – остановил барона Карлос, – есть новость ...

– Говори.

– В том направлении, куда стремились сегодня утром беглецы, есть примечательное имение, оно стоит чуть в стороне, и именно туда направлялись ТЕ артисты.

– Превосходно, Карлос!!! Что это за имение?

– Это владения некой графини де Шероль. Есть человек, который проводит нас туда.

– Отлично!!! – барон одарил слугу столь редкой для него улыбкой и извлёк из кармана несколько золотых. Просиявший Карлос с благодарностью принял их.

– Через пять минут уезжаем. Всё, – распорядился очень приободренный барон.

– Будет сделано! – и Карлос исчез.

Ещё не решаясь до конца поверить в то, что удача вновь

развернулась к нему лицом, барон усмехнулся и решил подняться к себе, чтобы оставить герцогу несколько слов. А уже через несколько минут, спускаясь к своей карете, он столкнулся лицом к лицу с графом де По.

– Замечательно. Я как раз хотел послать за вами, любезный граф.

– Вы уезжаете, господин барон?! – искренне встревожился де По.

– Да, вы верно заметили.

– Но... наше соглашение!!!

– Оно пока остаётся в силе, но его исполнение придётся отложить на... думаю, не слишком далекое будущее.

– Но господин барон!..

– Ваше Сиятельство, я уезжаю, чего и вам желаю. Примите добрый совет, не связывайтесь с герцогом Бетенгтоном. Он приведёт вас к могиле самой короткой дорогой. Исчезните на время, не попадайтесь ему на глаза. Что же касается наших с вами отношений, я их по-прежнему чту. Как только уладится это недоразумение с моей племянницей, я дам вам знать о месте нашей встречи. Меня не обременяет дружба с вами, и, думаю, вы понимаете, она может ещё очень даже вознаградить нас обоих. А пока... повторяюсь. Уезжайте отсюда. И, до свидания.

С тем барон и удалился, оставив графа наедине с так и неразрешёнными тысячью и одним вопросами. Уже через несколько минут барон покинул гостиницу и направился к

оужным городским воротам, правда, окольными путями.

А тем временем Жан мчался во весь опор по уже хорошо знакомым улицам Рунда. Поворот, ещё поворот... Он не знал, есть ли за ним погоня, но чувствовал, что опасность ещё не миновала. Неожиданно, обогнув очередной угол дома, он врезался в ряды всадников, слуг, сопровождавших карету какого-то вельможи, и тем самым юноша стал причиной большой неразберихи. Карета встала поперёк улицы, совершенно перегородив её, но Жан уже был по другую сторону и, с трудом утихомирив перепуганного коня, снова заставил его перейти на рысь.

– О, дьявол! Рунд всегда был тихим городом! – донесся из кареты сердитый голос Антуана де Валеньи.

Генрих Рай уже охрип, сиюсь навести порядок и развернуть карету. Несколько сопровождавших их слуг, воевали со своими конями и не особо слушались распоряжений. Рай спешил и распахнул двери кареты.

– Как вы, сударь?

– Уже лучше, – попробовал улыбнуться позеленевший от боли Антуан.

Ранение, полученное им в Грандоне, заставило молодого графа путешествовать почти лёжа, и сейчас, это столкновение привело к его падению на пол. Рай помог Антуану принять удобную позу и вытер пот с его лба:

– Я должен оставить вас, мой друг!

– Что случилось?

Только теперь Антуан заметил особенную бледность Рая и справедливо заподозрил, что причина такой страшной тревоги брианца скрывается где-то там, за пределами кареты. Что ж, Генрих Рай сокрушённо кивнул:

– Видите ли, сударь, этим налетевшим на нас безумцем был никто иной, как Френсис! Я не мог ошибиться!

– Жан!?! Точно!?!

– Да. Это так же точно, как и то, что я говорю с вами!

– Но, господин Рай! Он же вас не узнал! Может быть, вы всё-таки ошиблись? – Антуан даже попробовал задержать Рая, взяв того за руку.

– Просто он не ожидает увидеть меня здесь, и не до того ему... Вы бы видели, как ужасно он выглядел!!! Нет, не удерживайте меня, сударь! Я должен постараться догнать его!

Антуан понял, что на самом деле Рай не просит разрешения, а просто ставит его перед фактом, потому смиренно кивнул. Карету ещё не развернули, но уже образовалась достаточная щель, чтобы Рай мог проскользнуть в неё верхом на своём коне.

И вдруг раздался выстрел. Рай круто развернулся и увидел не далее, как в десяти шагах от себя герцога Бетенгтона в окружении гвардейцев. Выстрелил сам герцог, и Рай почувствовал, что конь под ним стал медленно, но верно падать. А сам Генрих Рай в этот момент, казалось, остолбенел от неожиданности, но герцог быстро привёл его в чувства.

– Взять этого гада!!! – был отдан приказ, и, не имея ни

времени, ни возможности что-либо объяснять Антуану, Рай нырнул под карету и через миг исчез в ближайшем переулке.

Герцог, будучи верхом, отлично видел этот манёвр Рая и покраснел от злости. Ламороу, не дожидаясь приказа спешился, благо кони здесь ещё не могли пройти, и бросился в погоню. К нему присоединились Рон и Фил. Герцог с досадой перевёл дыхание и тоже сошёл с коня. Неожиданность и молниеносность этой встречи и его потрясла до глубины души. Он мало верил, что его праиэры смогут поймать Рая, и это страшно злило.

Ничего не понимающий Антуан вздрогнул всем телом, когда дверь кареты вдруг распахнулась, и в её проёме возникло красивое лицо герцога. Их взгляды встретились, и герцогу хватило лишь мига, чтобы понять – Антуан его не узнал. Ну а в том, что перед ним, герцогом, оказался де Валеньи, сомнений быть не могло. Да, умирая в замке Бетенгтон, герцог был не похож на себя, и юноша, тогда не проявив к нему должного внимания, теперь даже не подозревал, кто перед ним стоит.

– Святая Богоматерь! Что с вами, сударь!? – ужасно забеспокоился герцог, – Могу ли я чем-нибудь помочь вам?

Антуан растерялся, он попробовал выглянуть из кареты, ища глазами Рая, но герцог, якобы невольно, преградил ему дорогу. Тогда Антуан вновь поднял глаза на странного вельможу.

– Что это был за выстрел? – молодой граф был предельно

собран, его права рука лежала на эфесе шпаги.

– Вас сопровождал мой злейший враг, и я попытался поймать его.

– О ком вы? Где Генрих Рай, Гийом? – воскликнул Антуан, завидев знакомое лицо своего слуги.

Но герцог не собирался выпускать инициативу из своих рук:

– Успокойтесь, сударь... Не знаю с кем имею честь...

– Антуан де Валеньи сын графа де Лаган к вашим услугам, – и Антуан почтительно поклонился.

– Очень приятно. Герцог Ларм к вашим услугам. Но... Позвольте! – без труда присвоив себе чужое, герцог обратил взгляд на Гийома, – О ком спрашивает твой господин?

– О том человеке, в которого вы только что стреляли, Ваша Светлость, – робко откликнулся слуга.

– Но позвольте, это же был Питер Люм, мой бывший камердинер, подлец, ограбивший меня.

– Это был Генрих Рай, друг моего господина, – осмелел Гийом.

– Это верно?

– Похоже на то, раз его не видно, – Антуан с досадой вздохнул, – Очень сожалею, но вы ошиблись, Ваша Светлость. Генрих Рай никогда не был вашим камердинером.

– Но... А давно вы знаете этого человека? Впрочем... – герцог поспешил унять излишнее волнение, – Я ни в коем случае не хочу оскорбить вас своими агрессивными действи-

ями, поверьте. Я даже готов предположить, что ошибся. Когда этот человек, как вы говорите, Генрих Рай, вернётся, всё образуется.

– Значит, он сбежал, – подытожил его слова Антуан.

– Но ведь я напал на него безо всяких объяснений, и нормальная реакция нормального человека защищаться. Конечно, это очень старая история, но я не думал, что смогу допустить такой промах... – герцог выразил искреннее сожаление, конечно же не уточняя, по какому именно поводу.

А Антуан примирительно улыбнулся:

– Что ж, получается, мы оба сожалеем о случившемся. Но я уверен, время всё расставит по своим местам.

– О да, конечно! – воспрянул духом герцог, – Вы только приехали, как я вижу. И уже решили где остановиться?

– Нет пока...

– О, тогда позвольте мне загладить мою нечаянную вину и предложить вам свои услуги.

– Это очень любезно с вашей стороны, но мне не хотелось бы вас затруднять.

– Что вы, окажите такую честь! – герцог уже ликовал.

Глава 17. Ссора.

– О, дьявол! – закричал молодой человек с лицом близнецов Лаганов.

Его сверкающие огнём праведного гнева глаза сразу же обратились к стоявшему перед ним парню с тем же лицом, вот только этот второй совсем не разделял чувства брата.

Несмотря на удивительное природное сходство, сейчас эти люди являли собой разительный контраст. Первый, мокрый до нитки, сидел в луже, и было ясно, что ещё миг, и он вцепится обидчику в горло. Второй был одет тоже бедно, но опрятно. Он только что преспокойно поставил на пол ведро, содержимое которого секундой раньше вылил на голову безмятежно спавшего брата.

– Какого чёрта, Виктор! Что ты себе позволяешь?! Собаки тебя разорви!!! – продолжал возмущаться обиженный.

В ответ Виктор, молча улыбаясь, протянул брату руку. Его доброе спокойствие стало лучшим успокоительным, и тот принял помощь, но с него текло, будто он только что вылез из реки.

– Ничего, скоро обсохнешь, – Виктор дружески похлопал брата по плечу.

– Нет, с какой стати?! Теперь ты мой должник!

– Нет, мы квиты.

– Это как так?! Когда я тебя так обливал?!

– Это плата за мои вчерашние муки. Думаешь, легко было тебя сюда притащить? Ужрался, как свинья!

– А я тебя не просил со мной нянчиться!!!

– Ладно, ты прощён. И не переживай ты так. Кто тебя здесь оценит? – и Виктор сделал рукой широкий жест, как бы призывая оглядеться.

Что ж, обстановка говорила о правоте его слов. Это был постоянный двор, причём далеко не лучший. Он являл собой ночной притон бродяг и нищих, некогда организованный на благотворительные пожертвования знати Рунда, и ныне пришедший в полное запустение. Публика здесь собиралась очень пёстрая, можно сказать, самый свет "больших дорог": побирушки, слепые музыканты, пьянчуги, просто гольная нищета и люди без какой-либо определённой принадлежности к тому, или иному сословию – таких называли странниками. На близнецов лишь бросали косые взгляды, но это нормальное человеческое любопытство давно не обращало на себя их внимание.

– Да я буду сохнуть весь день! Идиота ты кусок! – продолжал сокрушаться обиженный.

– Успокойся, Эжен, не пройдёт и двух часов...

– Двух часов! Да ты знаешь, когда я лег!?!..

– И каким ты лег?! Чёрт тебя побери! – вдруг вскипел Виктор, – Знаю ли я?! Да, кто если ни я приволок тебя сюда на собственном горбу?! Да если бы ни я, проснулся бы ты сейчас в какой-нибудь канаве, если вообще проснулся бы!

От таких слов брата Эжен залился багровой краской, но прилив стыда вылился в очередную вспышку гнева:

– О! Мой благодетель!!! Но раз уж взялся нянчиться, так дал бы и выспаться! Или ты для того меня поднял, чтобы теперь поиздеваться? Не поможет! Поздно заниматься моим воспитанием! Я сам знаю, что мне и как делать. Ясно? Хотел напиться, и напился, и тебя это не касается.

– Не касается?! – Виктор потемнел. – На мою беду, ПОКА касается.

– А причём здесь это "пока"? – сразу насторожился Эжен.

– Притом, что... хоть я и твой брат, но мне это всё до смерти надоело! – и Виктор с досадой пнул ногой то самое пустое ведро.

И такая горечь прозвучала в этих его словах, что Эжен невольно присмирел, казалось, он даже чуть уменьшился в размерах.

Виктор какое-то время не сводил с него тяжёлый взгляд, а потом вдруг взялся собирать свои вещи в привычный худой узелок.

– И куда это ты собрался? – не понял Эжен.

– Мы сейчас же уезжаем из Рунда. Дорогой придёшь в себя.

– Что?! С какой это стати?! Я только-только нашёл тёплое место... Мы смогли бы здесь как-то подзаработать. И что, собственно говоря, такого страшного случилось? Ну, отметили мы с ребятами это дело. Ты знаешь, ведь Рунд непло-

хой городок...

– Здравствуйте, договорились!..

– Именно! Еда, жильё – всё бесплатно, только помахай чуток молотом. О чём ещё мечтать?

– О чём?! Эжен, Эжен!.. Глаза бы мои тебя не видели! Мы ведь в Фонтэнж собирались, или ты уже забыл?

– Почему забыл! Только зачем? Что мы там не видели?

– Погоди. Тебя что, устраивает быть кузнецом?

– А почему нет? Утихомирься, Виктор. Осмотрись, и тебе что-нибудь найдётся! Если не кузнецом, то конюхом устроишься. Да, я думаю, ты времени зря не терял, уже приглядел что-нибудь для себя, верно? – Эжен очень старался перевести разговор в шутку, – Признавайся, где ты вчера пропадал?

– Где, где... Какая разница?

– Да, ладно, я-то помню, как здорово тебя заинтересовала та свихнутая графиня. Чернявая, стройная, решительная. Она очень мила, наверно... Ты видел её поближе? Жаль, мы вчера очень далеко стояли. Ты нашёл её? Она и правда не в своем уме? – и Эжен заговорщицки ударил Виктора в плечо.

– Да с чего ты взял, что она помешанная? – возмутился Виктор, но всё же уступил искушению поделиться с братом своими недавними открытиями. Он присел на опасно покосившийся стул и чему-то улыбнулся, – По-моему, она много нормальнее нас с тобой. И да, у неё большие проблемы. Это ясно, как божий день. Что-то мне подсказывает, что она не ошибалась, защищая того приговорённого. Да, точно, здесь

какая-то тайна! Скорее всего, у неё с тем парнем какие-то, ну скажем, общие интересы, он ей друг, или больше, может быть, он ей кем-нибудь приходится. Помнишь, барон упомянул о его сходстве с отцом графини? Да и как иначе объяснить ту решительность, с которой она бросилась его защищать? И признай, как она была великолепна!

– О как!? Я вроде был рядом с тобой и, признаться, мало, что видел. Да и слышно было плохо... Ладно-ладно! Великолепна, значит великолепна... Стало быть, ты нашёл возможность её разглядеть?

– Не угадал. Я её не видел, – сокрушённо вздохнул Виктор.

– Ну вот... Что же ты тогда выступаешь? Констанцию восхвалял бы, я бы ещё понял, она вон рядом, такая пухленькая, прямо булочка с пылу жару. Рядом, всё ясно – оценивай её красоту, хоть на глаз, хоть на ощупь. А ты... Послушай-ка ты меня, не лезь в эти игры богатых. До добра это не доведёт, сам знаешь.

– Знаю? Это ты на Эмилию намекаешь? Но здесь, брат, совсем другое дело. Тебя обожгла любовь, или скорее страсть. Мною же движет простой интерес. Да, мне было ужасно интересно узнать, что же на самом деле вчера произошло. Может быть, той сеньорите пригодилась бы моя помощь! И мне казалось, что ты разделял мой порыв. Ведь вчера на площади мы вместе задали жару этим идиотам жандармам! Те беглецы теперь до конца жизни будут гадать, почему за ними так

и не выслали погоню... И помнится, ты, как и я, искренне переживал за того приговоренного, точнее «не приговоренного». Не ты ли говорил, что он и его друг стоящие ребята?

– Я и сейчас готов это повторить, но к чему ты клонишь? Если тебе так не терпится влезть в это дело, воля твоя. Развлекайся. Я тебе жить не мешаю!

– Если бы! – снова едва не взорвался Виктор, – Да, вчера вечером я узнал, где остановилась та графиня, и если бы ни ты, то я бы нашёл возможность с ней встретиться!

– Помилуй, я-то здесь причём? – совершенно искренне не понял Эжен.

– Ты?! – и Виктор от возмущения даже вскочил на ноги, – При чём здесь ты?! Правда не понимаешь?! Хорошо, я объясню. Мне сказали, что ты начал большую бучу в трактире "Золотое руно", там даже уже послали за полицией, или грозили послать. Не важно... Пока я туда добрался, пока выволок тебя оттуда, пока нашёл куда приткнуться... Я всё прозевал!!! Сегодня ночью, те двое похитили графиню!!! Чёрт побери, я даже знаю, что по утрам эти трое бежали из города!!! Но какой-то знатный брианец выслал за ними погоню. Что досталось на мою долю, так это полюбоваться на преследователей, когда они возвращались, словно с войны, оборванные, взмокшие...

– Что, не догнали? – тут же любопытствовал Эжен.

– Их вернулось очень мало... сейчас я думаю, что, может быть, часть из них прошла через другие ворота, или просто

позже или раньше, не знаю, я их прозевал... Думаю, они беглецов не догнали... Точнее, надеюсь на это... Я видел, как потом, много позже барон с брианским лордом отправились за город, и даже слышал, что они продолжают искать беглянку... Так что, в Рунде больше делать нечего!

– Я рад за твоих героев, но позволь с тобой не согласиться. Чем тебе не угодил Рунд? По мне так очень милый город: здесь есть для нас место.

– Эжен, опомнись, что ты говоришь?! Ты что, собрался стать простым обывателем?! Не рано ли?! Вспомни, брат, как мы с тобой мечтали о жизни, полной приключений, высоких целей, благородных подвигов! Да, нет, это всё слова, конечно! Но ты меня понимаешь... Вспомни, ведь мы хотели найти брата!!!

– О как?! Брата... Виктор, ты ли это!? Мой мудрый, мой проницательный Виктор! – Эжен сидел на скамье и смотрел на брата снизу вверх, при этом во взгляде его проступила страшной силы тоска и сожаление, – Ты ещё и неисправимый мечтатель! О каком брате ты вообще говоришь? Его усыновил какой-то дворянин, и ты полагаешь, что там для нас будет место? Наивный!!! Тебе напомнить о законе на... Как там сказано? А, вспомнил. Закон «О недопустимости преступного сходства». И ты серьёзно думаешь, что этот любимчик фортуны обрадуется появлению братьев близнецов? Да ещё если окажется, что старший не он! Ты серьёзно думаешь, что дворянам, усыновившим его, это надо!? Лично мне нет,

не надо! И точка! Я хочу просто жить.

– Этот закон не убивает, даже не калечит. Ну, максимум какой-то шрам. Что, на наших с тобой телах мало шрамов? Одним больше, какая беда? За то...

– Что «за то»? Что!? Я диву тебе даюсь! То такой умный, мудрый, а то, прям тупее тупого! – в запале Эжен вскочил и чуть было не ударил брата по лбу, но в последний момент остановился, перевёл дыхание, и дальше говорил уже спокойнее, – Уйми пыл, дружище, выше головы не прыгнешь! Не твои ли это слова? Просишь вспомнить... Вспомни и ты, как увещевал меня, уговаривал отказаться от любви к моей маркизе. Так вот, я вразумился. Теперь твоя очередь.

– Ты что, и правда решил остаться здесь? – Виктор сердито нахмурился.

– Да.

– Ты отказываешься от наших планов ехать в Фонтэнж?

– Что я там не видел? – и Эжен строптиво отвернулся.

Виктор подавил первый порыв, объяснить, что там не видел Эжен. Он присел рядом и после минуты молчания осведомился:

– Ясно. Так что ты намерен делать дальше?

– Жить. Работать, – тут же ожил Эжен, – Я устал гоняться за призраками наших грёз. Всё нормально, Виктор. Мы будем жить при таверне, хозяин обещал комнатку!

– Мы?! – взгляд Виктора ушёл куда-то вдаль, и как бы из небытия он задал тяжелый вопрос, – Это твоё окончательное

решение?

– Да. Я тебе это сказал ещё вчера. Забыл?

– Нет, но я не хотел верить... – и Виктор, больше не глядя на брата, быстро закончил сборы.

– Я что-то не понял, ты что, всё-таки уезжаешь?! – изумился Эжен.

– Да. Я уезжаю. Отныне и я волен распоряжаться собой, – Виктор выпрямился, – Я еду в Фонтэнж. А ты, если хочешь, догоняй. Нет, Бог знает, когда ещё свидимся.

Ошеломлённый Эжен даже не сразу нашёлся, что сказать. Он вскочил, как ужаленный и, всей грудью глотнув воздуха, выпалил:

– Ты сума сошёл!!! Куда тебя несёт?! На эшафот?!

– Это лучше, чем гнить в этой дыре!!! – в тон ему выдал Виктор.

– Ха! Давай, давай... Я только нашёл приличное место, а он на тебе... Давай, давай, полетай, птичка! Вот пообрежут тебе нос, поприжмут хвост, и воротисься, а я ещё подумаю, принять ли тебя. Короче, знай, Я ОСТАЮСЬ!

– А я УЕЗЖАЮ! Извини, но с меня хватит этого года! Сейчас ты рассуждаешь о прелестях мещанской жизни, а уже вечером опять напьёшься, как свинья. Вот в чём заключается для тебя смысл этой жизни. А я устал видеть твою упившуюся физиономию! Устал ждать, когда в тебе проснётся прежний Эжен! Мой брат Эжен! Видно, он утонул в вине! Всё!

И Виктор, не оглядываясь, вышел, хлопнув за собой две-

рю. Та застонала, и сползла с петель, жалобно прислонившись к косяку.

Эжен с минуту стоял, как во сне, и вдруг неожиданно для окружающих с силой пнул ногой стену. Та угрожающе затрещала.

– Эй, парень, потише! – послышался раздражённый голос из дальнего конца зала. Но Эжен не обратил на это ни малейшего внимания и, схватив свою дырявую шляпу, и, ни на кого не глядя, вышел... в другую дверь.

* * *

Вот уже и городские ворота остались позади, а Эжен так и не появился.

Грустно, тошно было на душе Виктора. Ведь это впервые, когда он развернулся к брату спиной. Конечно и прежде случалось, что они начинали ходить разными дорогами, даже расставались на день или два, но в таких случаях между ними всегда был уговор, где и когда они встретятся. Держать друг друга в поле зрения – вот правило, которому они свято следовали всю свою жизнь.

А сейчас Виктор просто ушёл.

Да, такое решение созревало долго, многие месяцы. Поначалу юноша стойко гнал от себя саму мысль об этом, но по мере того, как копилась злость на это самоуничтожающее поведение брата и свою неспособность это изменить, Виктор начал допускать мысль, что что-то исправить к лучшему смогут только крайние меры. А что может быть большим

вызовом, как подобный разрыв?

Но да разве ж такое возможно? Правду сказать, Виктор очень-то не верил в то, что это сработает. Во-первых, потому что Эжен привык полагаться на брата, а значит слишком велики были шансы на то, что он просто пропустит эти угрозы мимо ушей. Во-вторых, и сам Виктор не давал себе на это права. Но, с другой стороны, что-то надо было сделать, изменить, даже путем разрушения. И вот Виктор решился: «Пусть даже если потом весь остаток жизни я потрачу на поиски моего непутёвого брата, но сейчас надо дать ему понять, что дальше так продолжаться не может!»

Решено – сделано, и Рунд остался позади.

На дороге было мало путников, почти все они направлялись в город и на одинокого путника не обращали никакого внимания, что, впрочем, было взаимно, ведь для Виктора гораздо важнее было то, что творится позади. Не раздастся ли там конский топот или залихватский свист брата? И потому Виктор уже в который раз обернулся. Но нет. «Одно разочарование... Только пустые надежды...» – горько вздохнул юноша, сошёл со своей кобылы и повёл её на холм под уздцы.

Восхождение получилось не таким долгим и тяжёлым, как то казалось поначалу, и вот уже вершина. Отсюда открывался красивый вид на Рунд и дорогу к нему. И на этой дороге не нашлось никого хоть отдалённо напоминающего Эжена. Признавшись себе в этом, Виктор не удержал горестный вздох и честно постарался воскресить в памяти нарисован-

ные прежде картины будущей жизни в Фонтэнже, но... безуспешно. Разумом он понимал, верил, что и Эжен сейчас надеется на то же самое – что он, Виктор, не решится его бросить и вернётся. Но обида, досада, накопленные за последний год, не желали ослабить свои тиски. Именно досада сейчас будила в его душе гордость, настойчиво нашёптывала: «Хватит, ты уже побегал за ним!»

И тут вдруг пробудился другой внутренний «Я», обладающий какими-то отеческими интонациями: «Это да, верно, но с другой стороны я всё-таки не имею права так бросать его! Это предательство. Просто я не нашёл нужных слов, чтобы сдвинуть его с места. И это лишь доказывает мою слабость!»

«Что?! В самом деле?! Вернёшься?! И что тогда?!!» – тут же закричал на него страшно сердитый «Я» – «Чего тогда будут стоять твои слова?! Какова им цена?!»

О, как Виктор устал от этого внутреннего конфликта! Как он устал!

И, почувствовав эту его слабость, сердитый внутренний голос добавил: – «Каждый сам решает, как ему жить! Свободу выбора ещё никто не отменял! Раз Эжен не догнал тебя, значит, так тому и быть».

Что ж, Виктор развернулся к Рунду спиной и начал свой спуск с холма.

Прошёл ещё час такого изнурительного путешествия. Виктор ехал один, ни о чём конкретно не думая, просто запретил себе рассуждать, словно погрузился в сон наяву. Но

эта полудрёма не помешала ему заметить звук конского топота позади.

Виктор резко очнулся, остановился и оглянулся. В тот же миг его постигло горькое разочарование. Нет, это был не Эжен. Какая-то карета в сопровождении доброго десятка слуг направлялась по дороге, также как и Виктор, от Рунда.

Сдержанть горький вздох досады не было никаких сил и ехать дальше ему уже совсем расхотелось. Так он и остался стоять на месте, совершенно не отдавая себе отчёт в том, что же теперь делать. Палящее солнце царило над этим холмистым краем, и не единого дуновения ветерка. Виктор снял шляпу и стал бездумно обмахиваться ею.

А странная карета приближалась.

Не доезжая нескольких шагов до молодого человека, карета неожиданно остановилась. Один из сопровождавших её слуг, бросая косые взгляды в сторону Виктора, обратился, судя по всему, к своему господину, прячущемуся в карете. Скоро дверца приоткрылась и из-за неё показалась чья-то чернявая голова.

Пот застилал глаза Виктора, но всё происходящее не могло не заинтриговать его. Он протёр глаза, надел шляпу и прищелкнул к путешественникам, проявившим к нему такой интерес.

Герб кареты показался ему смутно знакомым. Слуги сильно смахивали на испайронцев, хотя были среди них и те, которые могли сойти за фрагийцев южных провинций. Но

вот их господин!.. Он уже вышел из кареты и неприкрыто разглядывал Виктора. Тот же в свою очередь увидел одетого во все чёрное высокого одноглазого дворянина, в котором без труда признал барона Парадесса, чьё красочное явление вчера на рыночной площади Рунда нельзя было не запомнить. Лично встретиться с самим бароном Парадессом! «Какая удача!» – мысленно возликовал Виктор, но радость эту он никак не показал, ибо уже знал, что этот испайронец очень сложный и вряд ли хороший человек.

Наконец, барон подал юноше знак приблизиться. Что ж, Виктор подъехал, сошёл со своей кобылы и, к своему удивлению, оказался заметно выше испайронского сеньора. Слуги расступились перед молодым человеком. Многие из них тоже спешили, и было видно, что они готовы к любым даже самым решительным действиям. Поняв это, Виктор внутренне напрягся пуще прежнего, но... он был безоружен!

– Куда направляешься, парень? – осторожно поинтересовался барон, он говорил на фрагийском с заметным испайронским акцентом.

– В Фонтэнж, сеньор, – чуть поклонился юноша, – А с кем имею честь, если позволите...

Виктор не мог не заметить, как услышавшие этот его вопрос слуги в недоумении переглянулись.

– Это барон Парадесс! – патетически представил господина Карлос.

Что ж, Виктор с готовностью склонился в приветственном

поклоне, так скрыв удовлетворённую улыбку, а выпрямившись и сам представился:

– Виктор Ровиньоль, к вашим услугам.

– Виктор... Ровиньоль... – нараспев повторил барон, не сводя с новоявленного Лагана пристального взгляда.

Он уже справился с волнением, охватившим его в первый момент, но поверить своим глазам всё ещё не мог. Перед ним стоял третий сын графа де Лаган?! Ведь это точно не Антуан, тот заносчивый мальчишка никогда бы не сел на такую клячу, не вырядился бы в такое тряпье. И не Жан это – его лицо не могло бы в столь сжатый срок очиститься от каких бы то ни было следов синяков и ссадин. Да, всё говорило в пользу того, что перед бароном стоял третий сын графа де Лаган!

– Значит, Ровиньоль. Виктор, ты меня ждал? – осторожно поинтересовался барон.

– Если так и получилось, то не по моей воле. Я просто раздумывал, куда мне ехать, – охотно откликнулся юноша и светло улыбнулся.

– Вот как?! Ты заблудился?

Виктор чувствовал к себе очень нездоровый интерес, и это всё больше и больше интриговало его:

– Не совсем так. Я знаю, что позади остался Рунд, а где-то впереди должен быть Фонтэнж.

– Так ты сомневаешься, ехать ли тебе в Фонтэнж?

– Да, сеньор, верно, – снова улыбнулся Виктор.

– А зачем ты направился в Фонтэнж, позволь спросить? – продолжал дознание барон, всем своим видом давая понять, что ему очень приятна эта встреча.

– Может быть, найду себе подходящее занятие.

– В поисках лучшей жизни, иными словами?

– Да, господин, можно и так сказать.

– А как ты отнесёшься к моему предложению поехать со мной? А, Виктор Ровиньоль? Я в итоге тоже направляюсь в Фонтэнж, а своим слугам я плачу щедро.

При таких словах барона Виктор даже не попытался скрыть своё удивление:

– Сударь, ваше предложение это большая честь, но позвольте спросить... вы всегда подбираете слуг на дорогах?

– Bravo, Виктор Ровиньоль, ты всё больше и больше нравишься мне. Ты должен был задать мне этот вопрос, иначе я бы подумал, что ошибся в тебе. Так ты принимаешь моё предложение?

И Виктор призадумался. Ведь это значит, что от Эжена он всё-таки уезжает. Но такой шанс!.. Не сама ли судьба ему улыбается?! Этот барон – такой тугой клубок загадок! Да и до его прекрасной подопечной может оказаться недалеко... А Эжен... В конце концов, он заслужил урок. К тому же этот негодник вряд ли потрудится уйти из Рунда. Так что чуть погода найти его не представит труда... Да, они обязательно встретятся. А пока... Виктора охватил азарт и.. он решил:

– Хорошо, господин, хоть и не скрою, что очень удивлён.

– Хорошо, что удивлён. Это говорит в твою пользу, – улыбнулся барон, – Но успокойся и спиши это на прихоть странствующего богача.

– Тогда это нельзя расценивать иначе, как подарок судьбы! – Виктор от души рассмеялся, и ещё раз, в знак того, что готов повиноваться, поклонился барону.

– Превосходно! А сейчас садись ко мне в карету. Да-да, не удивляйтесь, я хочу получше тебя узнать. Для меня важно понимать, с кем я имею дело.

«Это полагалось бы выяснить прежде, чем брать меня на службу», – заметил про себя Виктор. Что-то двусмысленное различил он в словах барона, тем более что, от его внимания не ускользнуло, как барон чуть задержался, якобы пропуская нового слугу вперёд, а сам тем временем отдал какие-то распоряжения Карлосу.

Глава 18. Гостеприимная хозяйка.

– А вот и наша благодетельница! – радостно воскликнул Франсуа, глава актёрского семейства, и тут же обернулся к Марианне, – Госпожа, это очень большая удача! Теперь я уверен, всё будет хорошо!

Сейчас их окружало светло кружево берёзовой рощи. Где-то позади остался небольшой приток Съены, они недавно перешли его вброд и теперь прокладывали себе путь прямо по лесу, сторонясь даже просёлочных дорог, ведь их цель – укрыться от людских глаз. С другой стороны, им была нужна помощь сильного покровителя. Артисты надеялись, что таким человеком для них станет Анна графиня де Шероль, потому открыто обрадовались, встретив её уже сейчас.

Марианна не возражала, но и не спешила разделить эту их радость, так как очень хорошо понимала, что несёт с собой большие проблемы, и далеко не каждый согласится в такой ситуации протянуть руку помощи. Так что надо быть готовыми к отказу, и тогда придётся умолять графиню де Шероль забыть про эту их встречу.

Что ж, Марианна обратила взор в указанном Франсуа направлении и увидела двух всадников, молодых мужчину и женщину в богатых дворянских платьях верхом на прекрасных гнедых скакунах. Мужчина одет в тёмно-синее, женщина в светлое платье, имеющее приятное глазу сочетание бе-

лого и кремового цветов. Эти двое заметили приветственные жесты Жюльена, юноши лет пятнадцати, сына Франсуа, и теперь определённо направлялись к фургону бродячих артистов, так что уже очень скоро появилась возможность разглядеть их получше.

Графиня де Шероль оказалась редкой красавицей, блондинкой, молодой девушкой, вряд ли старше Марианны, и в седле держалась не хуже нашей испайронки. Она уверенно правила своим конём, открыто получая удовольствие от быстрой скачки. Молодой человек, её спутник, тоже был милвиден лицом и ладно сложен, но в искусстве выездки явно уступал своей подруге, сейчас заметно отставал, и было видно, что это сильно расстраивало его.

– Она не одна... – нахмурилась Марианна, – Ты знаешь, кто это с ней?

– Да... Это маркиз де Рельгро, – при этом открытии оптимизм Франсуа явно поубавился.

Заметив такую его реакцию, Марианна сочла за благо снова спрятаться дверным пологом фургона.

– Приветствую тебя, маэстро! – воскликнула разгорячённая скачкой графиня де Шероль. Она резко остановила коня прямо перед фургоном и легко спрыгнула наземь.

– Да прибудет с вами удача, благодетельница вы наша! – Франсуа театрально вскинул руку, и в тот же миг под этой рукой возникло личико его маленькой пятилетней дочери.

– И тебе привет, Анжелика! – воскликнула, увидев её,

Анна де Шероль и даже призывно распахнула руки.

– О! Госпожа! – звонко отозвалась страшно обрадованная девочка.

Она резво спрыгнула с передка фургона, и почти сразу оказалась в тёплых объятиях хозяйки этих земель.

– Ваше Сиятельство госпожа графиня! – вдруг раздался над ними раздражённый голос маркиза де Рельгро, – Что вы делаете!?! Эта оборванка испачкает вас!

Маленькая Анжелика уже была достаточно взрослая, чтобы понять смысл этих слов, ей уже довелось приобрести горький опыт гонения сельской детворой, поэтому она тут же сменилась с лица, словно маркиз замахнулся на неё плетью. Чуткая графиня де Шероль заметила эту случившуюся с её любимицей перемену и тут же за присела на корточки, сразу став ниже Анжелики:

– Не слушай его! – шепнула она на ушко девочки, – Он хоть и взрослый, но страшно глупый! Никак не хочет понять, что ты моя самая любимая подруга! Ну же, выше носик, звёздочка!

Девочка заглянула в прекрасные серо-голубые глаза графини и в тот же миг оттаяла, благодарно кивнула в ответ. Она поверила в искренность любимой госпожи, которую считала доброй волшебницей, и обняла её за шею, крепко-крепко, от всей своей огромной детской души. Разве можно лучше выразить свои чувства? И Анна де Шероль с большой радостью приняла такое проявление любви девочки,

крепче прижала её к себе.

Маркиз был страшно недоволен поведением своей спутницы и прилагал невероятные усилия, чтобы ещё раз не высказаться по этому поводу.

Наконец, графиня де Шероль отпустила девочку, выпрямилась и обернулась к маркизу. Она верно распознала его душевные муки, слабым кивком поблагодарила за такую попытку угодить ей. После этого Анна снова обратилась к Франсуа и Жюльену:

– Разве вы не обещали приехать ко мне в конце прошлого месяца? Я уже начала волноваться?

– Что вы, благодетельница! – тут же запротестовал Франсуа, – Принести вам беспокойство? Как мы можем! Да я скорее съем свою шляпу! Просто... просто мы не рассчитали свои силы, слишком далеко зашли в своём странствии, и повернули назад позже, чем следовало бы...

– Значит публика хорошо вас принимала? Я рада это слышать, – улыбнулась графиня.

Она продолжала нежно обнимать девочку за плечи, приветливо улыбнулась восхищённо вззирающему на неё Жюльену и, наконец, поняла, что её смущает:

– А почему я не вижу Маргарет... Похоже, всё-таки что-то случилось...

Франсуа обернулся к фургону и искренне растерялся. Он только что опрометчиво пообещал съесть свою шляпу в случае, если причинит графине де Шероль неприятности. Не

пора ли уже приступить к трапезе?

Пауза затянулась. Потому графиня де Шероль легонько толкнула Анжелику и задала вопрос ей:

– Солнышко моё, где твоя мама? Жива ли? Здорова?

– Мама в порядке! Она здесь! – охотно откликнулась девочка и вскинула руку в сторону фургона.

Белокурая красавица обернулась в указанном направлении и обмерла. Вместо хорошо знакомой матери этого славного актёрского семейства она увидела... Марианну.

Графиня де Монсар спустилась на землю и так оказалась лицом к лицу с графиней де Шероль. Две графини, бесподобные красавицы, одна достойная звания королевы звёздной ночи, другая ослепительно светлая словно богиня утренней зари – они застыли друг напротив друга, и никто не смел нарушить магию этой встречи. Марианна отчаянно искала ответ на вопрос, можно ли довериться этой белокурой незнакомке. Анна, в свою очередь тоже страшно разволновалась, даже прижала руки к груди. Было видно, что и она в страшном смятении, отчаянно ищет ответ какой-то свой вопрос. Она-то и не выдержала, первой нарушила молчание:

– Вы... испайронка, верно?

Марианна удивлённо повела бровью. Это впервые, когда её приветствовала таким образом представительница голубой крови. При других обстоятельствах она бы сочла такую вольностью за грубость, или даже оскорбление, но сейчас, глядя в глаза Анны, Марианна поспешила отмахнуться от

такой мысли и предпочла дать прямой ответ:

– Моя мама испайронская сеньорита, а отец фрагийский дворянин.

– Девушка благородных кровей, на половину испайронка, на половину фрагийка, – словно заморожённая резюмировала Анна и, кивнув каким-то своим мыслям, поспешила осмотреться.

У Марианны появилось острое ощущение, что Анна ожидает увидеть кого-то ещё. Её поведение удивляло всё больше и больше. Марианна остро нуждалась в ответе:

– Госпожа графиня, позвольте спросить, почему вы так странно...

– ... веду себя? – графиня де Шероль за неё закончила мысль и примиряюще улыбнулась, – Кто знает, может быть, когда-нибудь я отвечу на этот вопрос. А пока лишь прошу меня извинить, если это вас смущает. Думаю, наши имена, моё и моего спутника, вы уже знаете.

Марианна утвердительно кивнула и тут же предположила:

– И теперь вы ожидаете услышать моё имя... Но дело в том, что... Если вы откажете мне в помощи, всем будет проще, если вы и ваш спутник останетесь в неведении... Пока я готова сказать только то, что я, как и вы, графиня, но сейчас нахожусь в бедственном положении. Мой брат тяжело... болен, – Марианна оглянулась на фургон, – Милая Маргарет делает всё, что в её силах, но надежда слаба. Нам очень нужна возможность где-то остановиться... чистая вода, ка-

кая-нибудь чистая ткань, просто место, где мой брат мог бы спокойно лежать. Маргарет говорит, что сейчас для него лучшее лекарство, это покой...

Решившись произнести эти слова, Марианна пробила плотину, которой прежде запечатала свою боль, и теперь слёзы хлынули из её глаз неудержимыми потоками. Графиня де Шероль тут же подошла к ней ближе и протянула свой белоснежный платок. А тем временем из фургона показалась тучная жена Франсуа.

– Добрый день, Маргарет! Что, больной так плох? – тут же поинтересовалась Анна.

– Очень плох, госпожа! – горестно вздохнула актриса, – Этот мальчик потерял очень много крови. Скажу честно, то, что он ещё жив большое чудо. И это лучшее доказательство того, что этот человек достоин нашей помощи. Умоляю, госпожа, дайте приют этим господам.

– Надо полагать, тайный приют, так?! – не выдержал маркиз.

Он всё ещё восседал на своём коне и взирал на происходящее с нескрываемым раздражением. Анна де Шероль лишь нахмурилась в ответ на эти его слова, разворачиваться не стала, как не стала и отвечать. Она обратилась к Маргарет:

– Здесь недалёко мой охотничий домик. На пути туда нет оврагов. Место там тихое и в доме есть всё необходимое. Это сгодится? Что скажешь, Маргарет, твой подопечный перенесёт такой переезд?

Актриса радостно всплеснула руками и энергично закивала. Анна улыбнулась ей и снова развернулась к Марианне:

– Я рада вам помочь! Вам и вашему юному брату!

– Юному? – Марианна и правда не поняла, почему Анна так решила. Ей уже мало-мальски удалось совладать со слезами, но победа эта была ещё крайне ненадёжна.

– Маргарет назвала его мальчиком... Я неверно услышала? – Анна улыбнулась ещё теплее.

– О нет, госпожа, я просто так неудачно выразилась! – поспешила оправдаться Маргарет, – Молодой господин старше госпожи графини, хоть и ненамного...

При этих словах взгляд Анны замер. Заметив эту перемену, Марианна даже подалась ближе:

– Это что-то меняет, сударыня?!

Анна растерянно отвела взор. Пока она подбирала слова, чтобы как-то объяснить своё замешательство, маркиз спрыгнул с коня и бросился к фургону. Он двигался так стремительно, что никто не успел преградить ему путь. В миг позабыв о своей брезгливости, маркиз вскочил на подножку и заглянул вовнутрь. Увиденное там лишило его дара речи. Он так и развернулся, ошеломлённо открыв рот. Но Марианна уже пришла в себя. Она подбежала к нему, схватила за руку, так заставила спуститься на землю и отойти. Теперь она загородила собой фургон и всем своим видом дала маркизу понять, чтобы он оставил своё мнение при себе. Но маркиз был не из понятливых:

– Да это же!.. Это же... Столько крови! Вы бандиты!?! Кто бы так изранил добропорядочного человека!? Признавайтесь, почему скрываете имена!? Вы преступники!?! – взвился маркиз де Рельгро.

– Нет! – и Марианна гордо вскинула голову, – Мы честные люди! Но сейчас скрываемся от влиятельных врагов! Вот их-то надо называть бандитами! Если бы королевская власть знала о их злодеяниях, нас бы защитили!

– Кто вы такие!? И кто эти ваши так называемые влиятельные враги!? – потребовал ответа маркиз и в запале даже топнул ногой.

– Я сразу сказала, что для вас будет лучше не знать это, – Марианна нахмурилась, и в голосе её ясно зазвучал властный холод.

– Ах вот как?! Так и убирайтесь ко всем чертям! – и маркиз вскинул руку, словно указывая место обитания тех самых чертей.

– Достаточно, Ваша Сиятельство! – Анна де Шероль подошла к маркизу и легонько ударила по его всё ещё вскинутой руке, – Вы в моих землях! Здесь решающее слово за мной! И я своё слово уже сказала. Если вас что-то не устраивает, я более не смею вас задерживать.

Эти слова стали для маркиза словно ледяной дождь при ясном небе:

– Анна, опомнитесь! Ваше милосердие делает вам честь, но надо же хоть чуть-чуть прислушиваться и к голосу разу-

ма! – взмолился маркиз, – Вы обещали свою помощь, плохо представляя с чем именно столкнулись... Эти мошенники нагло обманули вас, намерены использовать, подставить под удар...

– Вот к чему весь этот драматизм? – графиня де Шероль и правда рассердилась, – Я уже приняла решение!

– Почему эта... эта... – маркиз секунды две тщетно пытался сообразить, как бы назвать Марианну, но не справился с задачей, – Почему она не назвала своё имя!?

– Потому, что вы, сударь, не внушаете мне доверия! – с вызовом воскликнула Марианна.

– Вы это слышите?! – возмутился маркиз.

– Да, и это понятно, – Анна гордо повела головой, – При таких обстоятельствах я поступила бы так же. Маркиз де Рельгро, если вас хоть немного заботит мое мнение о вас, потрудитесь оставить мне право самой решать, что делать. Благодарю за приятно проведённое время. И прощайте!

И больше не обращая внимания на маркиза, очаровательная графиня де Шероль легко взлетела в седло своего великолепного коня.

– Следуйте за мной! – она ободряюще кивнула Марианне.

Та уже была в фургоне и ответила Анне благодарной улыбкой. Артисты тоже успели занять свои места.

– Прощайте, господин маркиз! – Франсуа приподнял шляпу и стегнул пару запряжённых в фургон коней.

Маркиз остался недвижим. Графиня де Шероль больно

ранила его самолюбие, и он уже чувствовал, как в его душе закипает страшная буря.

– Но Я не прощаюсь, Анна! – процедил он сквозь зубы и, выхватив шпагу, с досадой рассёк бедный куст дикого шиповника, неосторожно оказавшийся рядом.

* * *

– Что здесь происходит, Пьер?! – Анна изумлённо обвела глазами чёрных коней и карету, сделавшую внутренний двор её дворца почти непроходимым.

Седовласый слуга помог хозяйке сойти на землю и поспешил объяснить.

– Ой, моя госпожа, и не говорите! Приехал очень странный человек. Его сопровождает добрый десяток слуг, и ведёт себя этот человек, так вызывающе. Он вошёл в главную гостиную дворца и заявил, что намерен дожидаться вас.

– Имя этого человека!?

– Он отказался представиться, но это несомненно дворянин, быть может, испайронец. У него нет одного глаза...

– Этого ещё не хватало!!! – графиня заметно побледнела, – Ладно, Пьер. Прошу тебя, позаботься о Витязе, но пусть его пока рассёдлывают.

– Как скажете, госпожа. Этот гость приказал сделать тоже самое.

Анна удивлённо повела бровью, но кивнула и направилась к парадному крыльцу. Её мысли пришли в полный беспорядок. Ещё будучи под впечатлением от краткого рассказа Ма-

рианна, Анна была ошеломлена столь неожиданно скорым появлением барона. Что делать графиня не представляла, но прежде, чем появиться перед гостем, она нашла силы взять себя в руки.

Барон дождался хозяйку в гостиной. Он удобно расположился в глубоком кресле и развлекал себя общением с Виктором и Карлосом. Слуги стояли напротив господина, но при появлении Анны поспешили отойти в сторону, тогда как барон напротив, бодро поднялся из кресла и сделал несколько шагов навстречу хозяйке дома.

– Разрешите представиться, сударыня, барон Парадесс, – и барон энергично взмахнул шляпой.

Графиня ответила величавым кивком, но протянуть гостю руку не спешила.

– Чему обязана, господин барон?

К такому открыто холодному приёму барон оказался не готов. Он выпрямился и скривил губы в улыбке:

– Мне говорили, что хозяйка этих великолепных владений отличается исключительным радушием и гостеприимством, поэтому я, проезжая мимо, и осмелился просить у вас приюта.

Анна проявила полное равнодушие ко всем этим комплиментам, так как услышала только одно – барон решительно намерен остаться здесь! «Почему он вообще заявился ко мне!? Совпадение? Или этот человек уже что-то прознал!?» – загудело в голове молодой графини де Шероль.

Рассказанное Марианной уже успело окрасить образ барона в демонические оттенки, и теперь, при личной встрече с ним, избежать объятий страха оказалось невозможно.

Признавшись себе в этом, Анна страшно рассердилась на себя и в этой злости почерпнула недостающие силы. Ей удалось-таки сохранить внешнее самообладание. Девушка скрыла тяжёлый вздох и обратила внимание на спутников своего нежданного гостя. Боковым зрением она уже успела оценить их платья и сделать вывод, что это лишь слуги барона, но теперь появилось желание понять, что они из себя представляют, возможно ли прогнать с глаз долой хотя бы их.

Вид седовласого Карлоса заставил девушку содрогнуться. Пират, закоренелый убийца, вот кого в нём видели люди, мгновенно попадая под чары грозного выражения смуглого лица и неизменно мощного арсенала всякого рода оружия – множество ножей за поясом, шпага, и даже два небольших складных арбалета за спиной – всё это убранство впечатлит кого угодно. У графини де Шероль мгновенно пропало желание иметь дело с этим человеком, и она поспешила отвести взгляд, словно это было способом и правда избавиться от его присутствия.

Признавшись себе в такой наивности, Анна горько усмехнулась и обратила взор ко второму спутнику барона Парадесса. И вот оно, новое потрясение. Высокий стройный синеглазый красавец смотрел на неё с таким откровенным восхище-

нием, словно видел в ней небожительницу, никак не меньше. Юноша сам не замечал, что лицо его озаряет улыбка неподдельного счастья.

Анна де Шероль знала цену своей красоте, уже давно привыкла ловить на себе восхищённые взгляды не только мужчин, но и женщин, но в лице этого молодого человека было что-то много большее. Эти синие глаза... Такой взгляд таких глаз буквально зачаровал Анну, заставил забыть про барона и его несчастных племянниках. Перед ней стояло живое воплощение её девичьих грёз! Всё прочее в миг утратило значение.

Барон и Карлос обменялись изумлёнными взглядами, и барон решил вклиниться в немой диалог молодых людей.

– Госпожа графиня, позвольте рекомендовать вам моих верных слуг – Карлоса Дегально и Виктора Ровиньоля. Они готовы исполнить любое ваше желание.

Трескучий голос барона заставил Анну содрогнуться, послужил грубым толчком, сбросившим девушку с небес на землю.

– Любое?.. – Анна вновь обратила взгляд к Виктору, который склонился перед ней в поклоне, – Виктор Ровиньоль... Так вы слуга барона!?

– Да, мадемуазель, это так, – ответил Виктор и снова поклонился.

Его голос тёплым эхом отозвался в душе девушки, а вот смысл слов в сознании никак не укладывался: «Он слуга!?

Слуга барона!? Как так!?!... И даже если так... если всё, что сказала Марианна, верно, как человек с таким лицом может служить этому негодяю?!» От этого внутреннего конфликта Анну прошиб озноб, и она невольно сложила руки в крепкий замок, но голос её не утратил твёрдости:

– Признаюсь, барон, ваш приезд оказался очень неожиданным, а настойчивость, с которой вы дожидались меня, и нежелание представиться дворецкому удивляют. Но так или иначе, я рада, что вы нарушили однообразие моей жизни.

Барон благодарно поклонился и тут же осмелился пойти дальше:

– Сударыня, скоро ночь, позвольте остаться у вас. Комната и немного еды, вот все мои неприхотливые желания.

– Bravo, господин барон, у вас талант навязывать своё общество, – несколько нервно рассмеялась Анна, – Солнце ещё высоко, и ночь придёт нескоро, но раз уж ваше путешествие так наскучило вам, то я не вижу причин возражать. Оставайтесь, и окажите такую любезность, отобедайте со мной. Думаю, обед уже готов.

– С большим удовольствием! – наконец-то барон был удовлетворён.

Анна оперлась на предложенную им руку и уже хотела было направиться с ним в столовую, как вдруг решила задержаться.

– Господин барон, позвольте предположить, господин Ровиньоль дворянин? – вдруг поинтересовалась она.

Виктор онемел от неожиданности, а острый взгляд барона просто впился в графиню.

– Почему вы так решили? – осторожно поинтересовался он.

– Мне показалось, что это... возможно... Почему бы бедному дворянину не служить барону? Простите, если я ошиблась, – просто объяснила девушка.

– Преклоняюсь перед вашей проницательностью, сударыня, – улыбнулся барон, – Вы рассмотрели его голубую кровь даже невзирая на столь бедное платье. Я восхищён!

Анна удовлетворённо кивнула, только теперь с удивлением заметив, что Виктор и правда одет очень бедно. Она ведь увидела это сразу, ещё прежде, чем обратила внимание на его лицо, но уже успела забыть об этом. Оно и не удивительно, ведь природное изящество юноши мистическим образом скрывало изъян в одежде.

– Тогда вы, сударь, можете к нам присоединиться, если, конечно, барон не против, – предложила Анна.

– Почему нет? – тут же согласился барон.

– Благодарю за честь! – Виктор залился краской смущения и низко поклонился.

Такого поворота он никак не ожидал. Юноша помнил, как барон обратился к нему со странной просьбой, держаться тем, за кого его, Виктора, примут. Тогда он не понял, как отнестись к такому предложению. Мало ли за кого его примут! Тем более не мог он ожидать такого... Что это взбрело

графине в голову увидеть в нём дворянина?!

И барон... столь странные слова он изрёк после того, как они провели больше часа, беседуя в трясущейся по неровной дороге карете. Барон позволил себе быть искренним, почти... и на замечание Виктора о вчерашней несостоявшейся казни, просто рассказал о сумасшествии и бегстве племянницы. Но всё-таки юноша почувствовал некоторую недосказанность в этом простом по форме рассказе своего нового господина, и потому счёл за благо на время забыть о существовании Эжена, искренне не желая впутывать брата в это тёмное дело.

В конце концов Виктор уверился, что не согласись он на предложение барона, тот всё равно так просто от него не отстал бы. Слишком уж живой интерес проявлял этот странный человек к жизни своего нового слуги, так сильно старался выведать мельчайшие подробности. Это его пока непонятное любопытство вызвало у Виктора лишь ответную защитную реакцию, и он тоже предпочёл ограничиться полуправдой. Барон узнал, что его молодой собеседник грамотен, может постоять за себя с любым оружием в руках и без него, что благодаря какому-то времени службы пажом при стареющей виконтессе знаком с этикетом. При этом львиная доля полной приключений жизни Виктора осталась для барона за семью печатями. Он видел перед собой сообразительного молодого человека, преисполненного мечты о славе и приключениях, что, впрочем, было не далеко от правды. И это

так банально для человека двадцати лет... Так что барону уже казалось, что он понял этого юношу.

С другой стороны, из того, что Карлос смог разузнать о графине де Шероль следовало, что она вряд ли знает Антуана. Девушка осиротела около года назад, жила затворницей, ещё ни разу не бывала в Фонтэнже, и ко двору ещё не была представлена.

Потому барон и решил рискнуть, показал ей Виктора. Он видел в этом ещё одну удобную возможность получше приглядеться к новому близнецу. Только за обеденным столом барон остро осознал, как он рисковал... Впрочем обед прошёл довольно спокойно, по крайней мере так могло показаться со стороны. Но если проявить больше внимания, то станет ясно, сколь сложно всё было на самом деле.

Анна не могла скрыть свой огромный интерес к Виктору. Живя одна в своём имении, будучи сиротой, она не часто видела молодых дворян. Маркиз де Рельгро являл собой редкое исключение, и несмотря на то, что он её порой сильно раздражал, Анна всё же принимала его как какое-то средство от скуки... Ещё пара другая молодых представителей сословия голубой крови имели счастье знать прекрасную затворницу, но это всё было тускло. Виктор не мог не заинтересовать её даже несмотря на своё подчиненное барону положение. Она уверенно приняла его за дворянина, ведь к тому у неё была своя тайная, можно сказать, заветная причина. Но очень скоро ей пришлось убедиться в том,

что молодой гость не только скромно одевается, но и ведёт себя тоже слишком скромно. Например, был не очень уверен в своих должных быть естественными за столом действиях. Неуверенность удивляла, но каких-либо "ошибок" заметить не удалось. Анна поймала себя на мысли, что он сдаёт своего рода экзамен и сдаёт, вообще говоря, хорошо. Правда... Беседу он поддерживал неохотно, предпочитая больше слушать, что и понятно при его подчинённом положении. И всякий раз, когда девушка ловила на себе его восхищённый взгляд, он сильно смущался.

Да, Виктор очень занимал мысли девушки, но барон своим присутствием не позволял открыть душу неведомому. Он постоянно напоминал ей о той опасности, в которой оказались её гости – артисты и несчастные брат и сестра де Монсар. Барон что-то подозревал и всё выводил и выводил Анну на откровенность. Но Анна твёрдо стояла на своём, и барон не услышал из её уст даже намёка на то, что ей вообще что-нибудь известно о его неприятностях. Барон с упрямством заядлого рыбака закидывал в спокойную гладь озера удочку, но по водной глади лишь расходились ровные круги.

По завершении обеда Анна лично проводила барона к отведённой ему комнате. Удостоверившись, что гость вполне доволен, хозяйка, наконец, сочла возможным вспомнить и о своих нуждах, посетовала на то, что страдает головной болью, а потому заранее просит прощения, если не сможет разделить с бароном ужин. Уходя, она не удержалась, снова

взглянула на Виктора, ей хотелось ещё раз проверить, не был ли этот синеглазый красавец прекрасным сном. Но нет, он реален, он и правда так смотрит на неё!.. Девушка смущённо улыбнулась и поспешила удалиться.

Что ж, наблюдавший за этим трогательным общением барон не удержал покровительственную ухмылку:

– Да ты влюблён, дружок! – барон сочувственно поджал губы, обращаясь к новому слуге, – Но эта жар-птица летает слишком высоко для тебя. Ладно, ладно, ты и сам должен это понимать... А я... я тобой доволен. Ты нравишься мне всё больше и больше. Я даже думаю, что из тебя вышел бы превосходный дворянин. Но уж, кори судьбу-злодейку. Да, вот ещё что, прежде чем ты уйдёшь, я бы хотел узнать твоё мнение обо всём услышанном...

– Право, господин, я не знаю, что могло бы вас заинтересовать. Если вы здесь ищете следы беглецов, то... графиня очень старается скрыть их от вас, – с готовностью откликнулся Виктор и даже счёл необходимым чуть поклониться.

– Старается?

– Да. Трудно было не заметить, как её встревожило ваше появление. Радости уж и близко не было.

– Верно. Верно... Хотел бы я знать, что эта красавица от меня скрывает... – согласно кивнул барон и тут же вскинулся, – Ну да, ладно. Ты умён, и, что меня радует, искренен со мной. Я доволен тобой, и будь уверен, в долгу не останусь.

И барон тут же извлёк из кармана пару золотых:

– Думаю, тебе не придётся ожидать жалования до конца месяца.

Виктор с благодарностью принял этот знак уважения и с низким поклоном удалился.

«Кто бы знал!.. Знал бы граф де Лаган, что мне кланяется в ноги его сын!» – горько усмехнулся барон, наблюдая за тем, как новый слуга закрывает дверь.

А Виктор чувствовал, как у него за спиной раскрываются крылья. В какой же стремительной пляске закружила его жизнь! Переночевав в притоне для нищих, он ещё до захода солнца оказался в роли дворянина, получил больше, чем имел за те последние несколько месяцев, что они с Эженом бродят по Фрагии, и, главное, увидел графиню де Шероль!.. Да, эта девушка захватила все его помыслы. Её прекрасное лицо стояло перед его внутренним взором, и мысли неуклонно возвращались к ней...

Он искренне ответил на прямые вопросы барона, потому как был уверен, что всё сказанное им не станет для барона откровением. Виктор отдавал должное уму своего нового господина. Но графиня!..

Самой судьбе, как видно, было угодно привести его во двор именно в тот момент, когда старый слуга выводил из конюшни гнедого красавца с женским седлом. Виктор сделал надлежащие выводы и, отшутившись от назойливых вопросов, тоже завладел конём. Он покинул дворец, самоуверенно полагая, что своего не упустит. Что внушило ему эту

уверенность, осталось его тайной, но так или иначе он правильно выбрал место для засады, не прошло и пяти минут, как невдалеке промчалась Анна.

Ужасная тревога извела её, лишила сил и заставила забыть об осторожности. Она выпорхнула из дворца, наивно полагая, что осталась незамеченной, и теперь стрелой неслась, надеясь опередить беду. Но та уже тянулась за ней мрачным шлейфом...

Виктор держал её на порядочном расстоянии, но не упускал из виду. Сомнений в цели путешествия графини уже не оставалось, приходилось лишь ждать. Да и ждать-то недолго. Лес быстро густел, стали появляться скалы, которые приходилось огибать с риском упустить златовласую всадницу, и скоро...

Виктор чуть не вылетел на маленькую поляну, раскинувшуюся перед сказочно красивым охотничьим павильоном. С дальней стороны к этому теремку лес примыкал вплотную. Юноша привязал своего коня к дереву, а сам под прикрытием леса направился к домику.

Около маленькой конюшни стоял фургон бродячих артистов, коней из него ещё не выпрягли. Внутри конюшни Виктор нашёл и коня графини. А вот людей видно не было. Тогда молодой человек решил заглянуть в окна павильона. На его счастье, шторы оказались плохим прикрытием, и он без труда увидел всё, что хотел.

Анна о чём-то оживлённо разговаривала с Марианной, в

которой Виктор сразу узнал графиню де Монсар, искромётную испайронскую сеньориту с рыночной площади Рунда. Невдалеке на кровати лежал мужчина. Он не подавал никаких признаков жизни, и лицо его разглядеть было невозможно.

Тут же расположились притихшие артисты. Заметно седой, с небольшой лысиной и очень вмятым брюшком, но ещё довольно крепкий, глава семьи Франсуа. Богатые усы и окладистая аккуратная борода делали его похожим на доброго волшебника. Его жена Маргарет, женщина о которой можно было бы сказать, что её тучность даже шла ей, делая её особенно уютной, почему-то с первого же взгляда на неё возникала уверенность, что она не откажет своим детям ни в одном их капризе, но скажем честно, это впечатление было обманчивым. И их дети. Жюльен, изящный пятнадцатилетний юноша, ещё не складный, но его крепкие руки и широкие плечи позволяли предположить, что, возможно, он отличный гимнаст. Лицом он сильно напоминал мать, такие же большими серые глаза и ямочки на щеках. Маленькая Анжелика пристроилась на колене брата, и он держал её как дорогую любимую куклу. Все были объяты неподдельной тревогой.

Виктору очень не хватало голосов, ему казалось, что он оглох, а это не самое приятное чувство. И тут он заметил, что соседнее окно не заперто. Сделав это открытие, он набрался наглости и толкнул раму. Та поддалась совершенно бесшум-

но, и позволила Виктору удовлетворить любопытство.

– Я всё понимаю, но ведь вы ему ничего не сказали. Может быть, у нас есть хотя бы ночь... – и Марианна горестно заломила руки. Взгляд её был обращён к раненному брату.

– Как бы я хотела с вами согласиться, но барон и правда страшный человек... – Анна горько поджала губы.

– Верно, и я его ужасно боюсь. Но... Маргарет говорит, что сейчас самое важное это покой. Жизнь Анри висит на волоске, и я думаю, надо рискнуть... Барон, может быть, и не доберётся сюда...

– Что тут ещё сказать...

– Да, и Геньи обещал вернуться к утру с вестями о Жане. Я очень за него переживаю, просто боюсь подумать, что могло с ним произойти!

Видать, Марианна всё-таки решилась что-то представить и от этого тут же содрогнулась всем телом, а заметившая этот её страх Анна, тут же бросилась её утешать:

– Успокойтесь, дорогая, Геньи найдёт вашего друга! Я уверена! Найдёт и приведёт к вам! А Анри..., он поправится! Я в это верю! Ведь его лечением занимается сама Маргарет! А насчёт остального... Да, положение ужасно, но не безвыходно... О вашем здесь пребывании знаю только я и... маркиз. Но это не должно вас тревожить!

– Да-да, благодарю вас, милая Анна! – Марианна ответила подруге крепким рукопожатием и тут же снова вскинулась, – Но всё же не следовало вам сюда приезжать. Слуги барона

опытные шпионы. Я буду молиться, а вы скорее возвращайтесь.

– О боже!.. – вырвалось у Анны, – Вы хотите сказать, что меня могли выследить?! Да нет же!!! Я уезжала тайно!

– Хочется верить... – всё-таки вырвалось у Марианны.

– Вы пугаете меня! Что ж, я уезжаю, немедленно. Но верьте мне! Я сделаю всё возможное, чтобы защитить вас!!!

– И да поможет вам Бог! Всем нам!!! – устало вздохнула Марианна и благодарно поклонилась Анне.

Глава 19. Синеглазый нахал.

– Эжен! Проказник! – неожиданно громко рассмеялась белокурая девушка, стараясь поудобнее устроиться на коленях своего кавалера.

При этом Эжен, словно не замечая её движений, схватил чарку с вином и залпом проглотил её содержимое.

– Оу!!! – девушка не удержала возглас восхищения этим геройским поступком.

– Всё, мне это надоело! – вскипел хозяин таверны, – Послушай, парень, если ты сейчас же не возьмёшься за работу, то тебе придётся расплачиваться со мной до конца жизни!

– Не бушуй, Жерар. А то лопнешь! – рассмеялся в ответ Эжен, поднимая на хозяина такие синие невинные глаза.

– Попридержи язык, молокосос! Я дважды не повторяю! Налакался как зюзя, и ещё выступает! Пошла вон, сука! – огрызнулся трактирщик на девушку, и ту словно ветром сдуло, – А ты, бездельник, чёрт тебя возьми, либо плати, либо сейчас же отправляйся в конюшню! Я ясно выражаюсь?!

– Яснее и представить трудно, – горестно вздохнул Эжен, тоскливо взирая на дверь, за которой скрылась служанка, так очаровательно скрашивавшая его застолье.

– Ну и.. – хозяин грозно надвинулся на молодого дебошира и так загородил собой ту самую дверь.

Что ж, только теперь, так не меняя позу, Эжен поднял на

него утомлённый взгляд:

– Послушай, Жерар, мне сейчас не до тебя. Будь добр, оставь меня в покое.

– Ты сейчас же отправишься в конюшню! Понял?! Но прежде, я выпотрошу все твои карманы, хоть и сильно сомневаюсь, что в них найдётся сумма, которую ты мне задолжал.

– Тогда к чему так надрыватьсья? Поверь, друг, в твоих интересах не трогать этого симпатичного парня, – и брови Эжена трагически сомкнулись, – Я безобиден, беспомощен и несчастен. Не бери грех на душу.

От такой наглости Жерар не сразу нашёлся, что сказать в ответ. Стало ясно, что в следующий миг он взорвётся, а то и в драку полезет, но именно в этот момент на его плечо легла чья-то тяжёлая рука. Хозяин нервно смахнул её и круто развернулся, но на том его запал и иссяк, ведь перед ним стоял дворянин, чьё лицо выразительно говорило о возможностях и взглядах на жизнь его обладателя.

– Господин? – удивился Жерар.

– Подай мне что-нибудь поесть и оставь в покое этого парня.

– Да, как вам будет угодно, – Жерар метнул на Эжена испепеляющий взгляд и.. поспешил выполнить приказание неожиданного гостя.

Да и юноша больше не интересовался трактирщиком. Он с интересом смерил незнакомца взвешивающим взглядом и

в итоге счёл необходимым снять ногу с соседнего стула.

Что ж, Генрих Рай, а это был именно он, не сводя с Эжена глаз, присел на освобождённое место. При этом на его лице уже играла счастливая улыбка, а глаза, казалось, стали влажными от подступивших слёз.

– Что это вы на меня так уставились? – рискнул поинтересоваться Эжен.

– Давно не видел... Ты очень изменился... Я не ослышался, тебя зовут Эженом?

– Нет, не ослышались. Только позвольте заметить, мы вряд ли виделись...

– Точнее, ты не помнишь этого, – Рай просто светился от радости.

Эжен же, ничего не понимая, только пуще прежнего хмурился.

А Рай продолжал улыбаться и в то же время пытливо изучать ещё одну неожиданную копию Френсиса, взлохмаченного растрепанного изрядно захмелевшего Эжена. Заметив, что тому это внимание не очень нравится, Рай усмехнулся:

– А ты не хочешь меня поблагодарить?

– Интересно, за что это?

– Этот здоровенный детина чуть не раздавил тебя.

Но Эжен лишь раздражённо махнул рукой:

– Это было бы очень трудно сделать, сударь. И вообще... Давайте-ка, выкладывайте, что вам от меня надо. Вы так выглядите, будто во мне весь смысл вашей жизни.

И Генрих Рай беззвучно рассмеялся:

– Как знать...

В это время Жерар сам принёс поднос с наспех собранными яствами и стал выставлять их на стол.

– И вина. Ещё две чарки. Живей, – вдруг хозяйским тоном заявил Эжен.

– Да ты, щенок!.. – Жерар заскрежетал зубами.

– Поспеши, господин ждёт! Да и я не в духе, – и Эжен вдруг так глянул на хозяина таверны, что тот осёкся.

Этот наглый мальчишка в миг превратился в просоленного всеми ветрами, вдрызг уставшего от жизни, ожесточенного мужчину, от которого повеяло если не угрозой, то просто немой силой. Заметно растерявшийся Жерар бросил на Рая вопросительный взгляд. Но тот не обращал на него никакого внимания. Что ж, хозяин таверны счёл за благо удалиться.

А тем временем Рай ощутил, как радость встречи вдруг надломилась. Что-то было не так. Перед ним не пьяный ребенок, а.. большая загадка... новая проблема...

– И почему же ты не в духе? – поинтересовался Рай.

– Послушайте, а вы, собственно, кто? – и вид у Эжена был такой, словно он не может отмахнуться от назойливой мухи.

– Дворянин, или не видишь?

– Я пьян... – отрезал молодой хам.

– Вижу, но соображать ты ещё можешь...

– Да пошли бы вы... – и Эжен с непередаваемым выражением скуки отодвинулся чуть в сторону, – Не хотите призна-

ваться, не надо, только оставьте меня в покое.

С этими словами Эжен откинулся на спинку стула, закрыл глаза и замер.

Что ж, Рай осуждающе покачал головой и огляделся. Неожиданно для себя он обнаружил недалеко от стола бочку с водой. Решение пришло само собой. Он наполнил ковш этой застоявшейся жидкостью и окатил ею столь невежливого собеседника. Конечно же Эжен тотчас же взвился, как ужаленный.

– Но это уже слишком! Второй раз за день!!! – и он, схватив попавшийся под руки нож, кинулся на Рая, но тот ловко перехватил грозящую ему ударом руку и вывернул её.

Он уже праздновал победу, и потому для него осталось загадкой, когда и как Эжен смог освободиться. Теперь юноша стоял напротив и яростно метал в Рая гневные молнии из глаз. Рай же только сокрушённо развёл руками:

– Ты чуть не убил меня, дружок!

– Разрази вас гром, сударь! – и Эжен, наконец, нашёл выход своей ярости.

Он круто развернулся, и нож почти на дюйм врезался в ближайшую деревянную колонну.

– Так-то лучше, – одобрил удивлённый Рай.

– Возможно... но скажите мне, почему людей так заботит моя чистота?! – возмутился юноша.

Рай начинал нравиться Эжену, а эта небольшая встряска заметно развеяла хмельной туман. Он вновь занял своё ме-

сто и взлохматил мокрые волосы.

– Полагаю, тебе пора задуматься над своим поведением...

– рассудил Рай, усмехнувшись.

– Может быть, но... скажу я вам, – Эжен сощурился, – Такие шутки сходят с рук лишь одному человеку, и с вами мы ещё, быть может, поговорим по этому поводу.

Рай почувствовал, что последняя фраза прозвучала как открытая угроза, но предпочёл свести всё в шутку:

– Ты, как я погляжу, большой любитель угрожать. Но хотел бы я знать, что даёт тебе право так нагло со мной разговаривать?

Лицо Эжена выразило искреннее удивление, но, заметив приближающегося к их столику хозяина трактира, он неожиданно для Рая ответил по-бриански:

– Позвольте, милорд, вы сами. Вы до сих пор не подняли на меня плеть, хотя я уже давно прошу вас дать мне этот повод подраться... – и Эжен, извиняясь, улыбнулся светлой до боли знакомой Раю улыбкой. Перед ним вдруг возник Фрэнк, правда, говорящий с каким-то непонятным акцентом, то ли фрагийским, то ли испайронским, то ли ещё каким. От такой неожиданности Рай опешил.

Тем временем Жерар поставил перед Эженом чарку вина.

– Когда будешь платить?

– Этот господин заплатит, – небрежно отмахнулся Эжен, вернувшись на фрагийский.

Жерар хотел было что-то возразить, но Рай поспешил

спровадить его нетерпеливым жестом.

– Господин... – пробурчал себе под нос хозяин, – Позволяет какому-то щенку такое хамское обращение... Вот и пойми этих господ.

Но Рай и Эжен не слышали его слов.

– Значит, ты понял, что я брианец, и знаешь мой язык, – Рай сощурился, тоже перейдя на брианский.

– Да, немного... но, если это вас не затруднит, давайте лучше по-фрагийски, – улыбнулся Эжен.

– Хорошо. Тогда ответь, ты только что сказал, что позволяешь поливать себя водой только одному человеку. Кто это, и почему тогда ты так скоро прекратил выяснять отношения со мной? Только не говори, что в тебе заговорил голос разума.

Эжену понравился вопрос, и он вдруг просиял.

– А, может быть, вы похожи на моего папочку.

– Ну, ты и нахал, братец! – рассмеялся Рай, – Но... Да будет тебе известно, что ты почти угадал.

– Вот-вот, я же знаю, что говорю, – с сознанием дела согласился Эжен.

– Ладно, хватит. Мне это вокруг да около начинает надоедать, – наконец, признался сам себе Рай.

– Давно пора, – тут же похвалил его юноша, – Заметьте, я вас не держу.

– Да... плеть по тебе плачет. Держишь! Ещё как держишь!!! И я возьму на себя труд объяснить тебе это, – Рай

сокрушённо повёл головой и решился, – Да будет тебе известно, что у тебя есть брат, близнец!

– Верно, – согласился Эжен.

Он едва-едва сдерживал улыбку, так его рассмешил вид Рая, тот будто собирался сделать для него открытие, но в сердце всё-таки закралась тревога: «Что это чудачку брианцу пришла в голову мысль припомнить Виктора?»

Но Рай продолжал открывать Эжену глаза на его происхождение:

– Ты не понял, вы похожи, как две капли воды!

– Я понял.

– Послушай, его воспитал я!

– Ну да, конечно же, папочка, – и Эжен не выдержал, всё-таки от души прыснул.

От такой его наглости Рай вдруг вскипел и даже с силой ударил кулаком по столу:

– И он никогда не позволял себе так пренебрежительно общаться со мной! Извини, но ты полный придурок, если полагаешь, что я намерен это терпеть долго!

Жерар, наблюдавший эту сцену из-за стойки, криво усмехнулся.

А тем временем и с лица Эжена слетела ухмылка.

– Я стану придурком, если поверю вам, – спокойно выдал он Раю, – Вы не могли воспитать моего брата без моего ведома.

Такое заявление привело Рая в замешательство. Этот

мальчишка вновь поставил его в тупик. Что значит, «без его ведома»? Как с ним разговаривать дальше?!

Но тут Эжен решил прийти на помощь:

– Ладно, извиняюсь, сударь. Я в самом деле веду себя непростительно вольно, но тому есть масса причин, правда, ни одна из них не способна оправдать меня полностью. И всё же... Что же касается ваших слов, то, извините, я никак не могу взять в толк, зачем вы всё это выдумали?

– Выдумал?! Это правда! Если ты потрудишься выслушать меня, не перебивая, то я берусь всё тебе объяснить.

– Очень мило с вашей стороны. Поверьте, ваша настойчивость вызывает у меня большое уважение, но видите ли... Тогда вы воспитали и меня. На этом вы тоже будете настаивать?

– Нет. Этого я не говорил.

– И слава Богу, а то я уже начал беспокоиться о вас... – Эжен миролюбиво улыбнулся и взялся за чарку вина.

– погоди пока... – остановил его Рай.

– Это вам. Выпейте, успокойтесь. У меня и правда талант доводить людей до белого колена. Замешу кашу, а потом расхлёбывай. Вот и брата доконал.

– Брата?!

– Ну да, вы же сами говорите, что у меня есть брат близнец, – и Эжен тяжело вздохнул, – Только вы не могли его воспитать, потому как до сегодняшнего утра мы не расставались, были как две горошины в одном стручке, всю жизнь

вместе. Так что, сожалею, но вы всё же ошиблись.

Рай с минуту смотрел на Эжена в немом оцепенении, даже не моргая. И такая его реакция заставила брови юноши удивлённо приподняться. Он не ожидал, что его слова станут для этого странного брианца столь сильным ударом.

Наконец, Рай согласно кивнул и с облегчением вздохнул:

– Да-да, всё верно... Но кто бы мог подумать...

– Я рад за вас, – и Эжен улыбнулся знакомой светлой улыбкой.

– А я за тебя, мой мальчик, – Рай тряхнул головой, – Твоего брата зовут не Виктор?

Брови Эжена вновь приподнялись. У него чуть не сорвалось: «Что ж вы не знаете, как зовут вашего воспитанника?» – но он вовремя остановил себя, благоразумно решив ограничиться лишь утвердительным кивком.

– Значит Виктор, – заключил Рай, – Замечательно! Вы так и остались вместе, Эжен и Виктор!.. Видно, мне на роду написано собрать ваше несчастное семейство воедино. Так вот, мой друг, я не пожалел столько времени на пустую болтовню с тобой, только ради этой минуты. Я знаю, кто ты, кто твои родители, братья.

Теперь пришёл черед Эжена утратить дар речи. Рай понял, что задел юношу за живое, и решил не превращать это откровение в пытку:

– Тебя с братьями выкрали из родительского дома, когда вам было только по два года. Это было сделано по приказу

злейшего врага твоей семьи, герцога Бетенгтона...

– Герцога?! Ни больше ни меньше?! – невольно усмехнулся Эжен.

Рай веско кивнул:

– Вам удалось бежать. В результате вы попали в дом бедной женщины в Грандоне. Спустя какое-то время тебя с Виктором выкрали бродячие артисты...

Рай видел, что Эжен не пропустил ни одного слова и больше не смотрел на него, на Рая, как на умалишённого. Доказательством тому стал последовавший вскоре вопрос:

– Так это вы забрали у той бедной женщины Антуана?

Рай просиял. Ему не придётся разбиваться в доску, чтобы доказывать очевидное, Эжен знает о существовании Антуана!

– Нет, не я. Его забрал ваш отец, граф де Лаган.

– Граф?! – было видно, Эжен потрясён, – Значит, он вырос в родной семье и это семья графа!!!

– Да, – с готовностью согласился Рай, но его удивляло, что это открытие не очень-то обрадовало Эжена. Что-то было не так. Эжен вновь поднял на Рая глаза:

– Хорошо. Значит выяснили, вы были воспитателем в доме этого графа.

– Нет. Ещё неделю назад я не подозревал, что история почти двадцатилетней давности получит такое продолжение.

– Но позвольте. Кого же тогда вы воспитали?! Или вы уже отказываетесь от этого заявления? – изумился юноша.

– Жана. Я воспитал четвёртого из вас!

– Четвертого?! – и Эжен даже чуть привстал, – Не слишком ли много нас получилось?!

– Да, многовато-то, – Рай беззвучно рассмеялся, и ещё раз повторил историю похищения близнецов, теперь сделав акцент на Жане, – Он выжил. Герцог Бетенгтон усыновил его, полагая, что он единственный уцелевший сын графа де Лаган. А я... Так вышло, что последние десять лет я был его воспитателем. Так что... Я очень рад, что вас всё ещё ЧЕТВЕРО.

Но эти последние слова Рая никак не хотели укладываться в сознании Эжена. Рай видел, как юношу буквально раздирали сомнения, верить – не верить. Наконец, Эжен согласно кивнул, ведь всё прозвучало стройно. Не было никаких оснований не верить этому брианцу.

– Ладно, допустим, я вам поверил, – наконец, произнёс Эжен, – Так что вы собираетесь делать теперь?

И снова Рай почувствовал некоторое замешательство перед этим молодым человеком. Да, они с Антуаном братья, как ловко они задают выбивающие из седла вопросы. И Раю стало очень неуютно, ведь ему приходилось всё больше и больше раскрываться, при этом Эжен совсем не спешил выходить из своей скорлупы. Так же было и с Антуаном.

– Я намерен ввести тебя, Виктора и Жана в лоно вашей родной семьи!

И вот опять, Рай заметил лишь тень усмешки, мелькнув-

шую в уголках губ юноши, и всё, ни малейшего намёка на радость. «Что происходит?! Он мне не верит? Другой на его месте возликовал бы, из грязи в князи, а этот... Всё ещё не верит мне?!»

– Вы специально искали нас с Виктором, чтобы только после этого представить и своего Жана бедному графу де Лаган? – вдруг поинтересовался Эжен с какой-то ехидной интонацией в голосе.

«Этот бродяга точно что-то не договаривает...» – решил для себя Рай, но озвучил другую свою мысль:

– Я и мечтать не смел, что я встречу тебя, юный хам. Но раз уж так случилось... Слушай дальше... – и Рай поведал Эжену историю последних дней: посещения графом и Антуаном замка Бетенгтон, исчезновения Жана и Анри, грандонские события и, наконец, недавнее столкновение с Его Светлостью, – Сейчас Антуан попал в лапы герцога, а я вместо того, чтобы выручать его, развлекаюсь болтовней с тобой. Вот так, сынок, не в самое мирное время тебе подвернулась тропа домой, она оказалась тропой войны, и тебе решать, вступить на неё или нет.

Эжен кивнул:

– Всё ясно.

– И что тебе ясно? – решил уточнить Рай.

– Мне ясно, что Виктора унесло куда-то не туда.

– Ты о чём?

– Сегодня утром мы поругались, да, видно сильно поруга-

лись, раз он ещё не вернулся. А я ему говорил, что Рунд ещё не иссяк на сюрпризы.

– Он здесь? В Рунде?!

– Нет. Грозил уехать. Думаю, так и сделал...

– Куда он уехал?

– В Фонтэнж! – Эжен сделал широкий театральный жест.

И Рай невольно улыбнулся.

– А ты остался утопать в вине, – заключил брианец, – Тогда не трудно догадаться о причине вашей ссоры.

И Эжен тут же метнул в Рая гневный взгляд. Но Рай ловко отразил его:

– Так я могу на тебя рассчитывать? Ты поможешь мне найти Антуана?

– Да-да... Да! – согласился Эжен, – Считайте, я уже нашёл его.

И юноша резко встал. Рай едва-едва успел схватить его за руку:

– Это превосходно, и ты намерен сделать это один?

Эжен вздохнул и снова присел:

– Я знаю город как свои пять пальцев, я знаю всю голь этого города, так что... считайте, Антуан у меня в руках. Да, и я сделаю это быстрее, если не буду таскать за собой вас. Давайте так, я пробегусь один. А вы тем временем снимите приличное жильё. Отныне и я буду жить как человек, верно?

В ответ Рая невольно нахмурился:

– Ты снова зарываешься, мальчик мой.

– О нет, я только хочу сказать, что на улице Святой Кармеллы в шестом доме от площади Звезды живёт милая вдова с двумя детьми. Ей нужны деньги, она очень хочет съездить к своей сестре. И у неё есть лишняя комната. Что-то мне подсказывает, что вы без труда с ней договоритесь. Если она спросит, откуда вы узнали о ней, сошлитесь на Эжена Ровиньоля.

– И имя великого нахала откроет мне её двери? – не поверил Рай.

– Проверьте. Встретимся через два часа, – Эжен заговорщицки улыбнулся, и уже через миг о нем осталось одно воспоминание.

– Э-э! Сударь! – к столику подскочил взбудораженный Жерар, – Вы и правда намерены расплатиться за этого негодяя?

Рай поднял на него несколько растерянный взгляд. Ему потребовалось секунды две, чтобы понять, чего от него хотят.

– А!?! Да, я заплачу...

* * *

Рай побывал по указанному адресу и в итоге снял очень приличную комнатку за довольно скромную плату. В первые минуты разговор с хозяйкой дома никак не клеился, она была напугана его вторжением и отрицала всякую возможность остановиться у неё. Тогда Рай, вспомнив Эжена недобрым словом, признался бедной женщине, что он ни в коем случае

не хотел смутить её покой, просто некто по имени Эжен Ровиньоль посоветовал ему к ней обратиться. И в тот же миг случилось чудо. Вдова радостно всплеснула руками и едва не обняла Рая:

– Что же вы сразу не сказали, что вы от этих милых мальчиков!

Потрясённый этой переменной Рай тотчас был принят и обласкан. Женщина запросила меньше, чем Рай уже был готов отдать за столь радушное гостеприимство.

– О нет-нет, больше, пожалуй, не надо. Бог послал мне вас только для того, чтобы я наконец смогла съездить к своей бедной сестре.

– Но... – ещё продолжал настаивать Рай.

– Я этим мальчикам должна много больше...

– Что же они сделали?

– Как?! Вы не знаете? – женщина даже прослезилась. Она присела рядом и тепло улыбнулась, – Они помогли мне похоронить моего несчастного мужа! Они отогнали от моего дома сборщика налогов! Вы представляете, те мерзавцы хотели забрать у меня дом!!!... Ах, господин, я предлагала этим мальчикам остановиться у меня, но они наотрез отказались. Сказали, что им нечем заплатить... но будут навещать меня... Какие глупости! Заплатить...

Теперь Рай снова сидел в таверне, мучаясь от нетерпения поскорее увидеть Эжена.

Он уже ни раз провернул в своей памяти все подробности

своего недавнего разговора с ним, особенно задержался на первых минутах, когда при виде Эжена едва ли не утратил дар речи. Зная, что по свету гуляет неприлично много людей с таким лицом, он легко допустил мысль, что перед ним не Фрэнк, но всё же...

Как они похожи и не похожи одновременно, эти братья. С Антуаном Рай ещё не успел найти общий язык, что-то в молодом человеке отталкивало, и Рай ничего не мог с этим поделать. Антуан постоянно ставил перед собой непробиваемый барьер, достучаться было невозможно. И в то же время он мог быть светлым и открытым, прямо как Жан. Если подумать, Антуану досталась любовь, первоначально предназначенная четверым... Не вышел ли перебор? Не перестарались ли его родители?.. К тому же Рай чувствовал, как непросты отношения сына и отца...

И вот Эжен. Совсем другая ягода, дикая, недоверчивая. Или... Этот воспитанник улиц и больших дорог был не проще Антуана, и в своей недосказанности чем-то на него даже похож. Рай вспомнил, как раз или два из-под маски беззаботного нахальства проглядывали боль и даже озлобленность. Конечно, было очень непросто ещё раз попробовать отодвинуть Фрэнка и принять ещё одну душу в той же оболочке, а ведь где-то бродит и четвёртый. Что-то он из себя представляет?..

Рай невольно усмехнулся. Видно, Господь крепко связал его с этой семьёй, делая всё возможное, чтобы именно он,

Генрих Рай, собрал разбросанных по свету близнецов.

Но время шло, а Эжен не появлялся. Рай начинал тревожиться. Эжен был пьян, и, хотя к концу их разговора Раю и показалось, что хмель вылетел из головы парня, ручаться за это было нельзя. Эжен пообещал, что что-нибудь узнает, приходилось лишь гадать каким образом. Это всё же не менее возможно, чем существование четырёх близнецов. Только вот... Всё же Эжен был пьян. Рай решительно гнал от себя эту мысль, но она неуклонно возвращалась, и бездействие всё больше и больше изматывало его. Не наделал бы парень каких-нибудь глупостей...

Рай уже несколько минут не сводил глаз со входа, потому неожиданное движение рядом заставило его вздрогнуть и развернуться. Что ж, он увидел молодого человека со светло-рыжей копной волос, тёмно-рыжими необычно густыми бровями и того же цвета усами, торчащими над неказисто вспученной губой.

– Господин заметил меня?! – возликовал незнакомец, спеша отвесить низкий поклон.

– Чего тебе, парень? – раздражённо нахмурился Рай.

– Меня зовут Блорном, господин.

Рай с крайним недоумением продолжал глядеть на вторично склонённую голову этого неприятно картавящего человека и отвечать не стал.

– А вы Генрих Рай? Я угадал! – рыжий подобострастно улыбался, продолжая заливать Рая волнами наивно голубого

света.

– Что тебе надо, парень? – Рай заподозрил неладное.

Похоже, Блорн, наконец, почувствовал затаённую угрозу, потому понизил голос и даже чуть склонился к уху Рая:

– Вы ведь ждёте некоего Эжена. Эжена Ровиньоля? Верно?

– И где он?! – тут ж вскинулся Рай.

– Да не волнуйтесь вы так! Просто он ввязался в скверную историю и не может здесь появиться. Но я могу вас проводить к тому месту, где он вас ждёт. Только не отказывайтесь, а то он мне шею свернёт.

Рай заметил в голосе Блорна неприкрытую мольбу и горько усмехнулся: «Час от часу не легче!»

– Ладно, веди, – и Рай встал.

Открыто обрадованный Блорн чуть посторонился и нерешительно протянул руку, заискивающе улыбаясь:

– Мне говорили, что меня хорошо отблагодарят.

В ответ Рай невольно усмехнулся. Похоже, Эжен считал себя в полном праве распоряжаться его деньгами. Рай уже рассчитался за него с Жераром, и теперь... Но да выбора не было. Рай сунул в раскрытую ладонь монету и толкнул попрошайку вперёд себя. Тот весьма довольный собой, поспешил угодить Раю.

Очень скоро оживлённая улица осталась где-то позади. Блорн всё больше и больше оглядывался по сторонам и продолжал углубляться в лабиринт зловонных подворотен.

– Послушай, парень, куда ты меня ведёшь? – наконец не выдержал Рай.

– Не волнуйтесь, мне надо заглянуть в одно место и всё. Это одна секунда. Уже пришли, – тут же откликнулся Блорн.

– Негодник, я тебе за что платил?! – возмутился Рай.

– Я только на секунду... Это быстро, и мы продолжим путь... Это и в ваших интересах! – залепетал рыжий, ловко увернувшись от замаха брианца.

Но и Рай был не прост, он уже хотел схватить проходимца за ухо, но тот неожиданно проворно юркнул за какую-то дурно пахнущую дверь. А вот Рай задержался, уж очень скверно оттуда пахло. Он ещё не решил, как к этому всему относиться, а перед ним уже возник сияющий Эжен. Он на ходу сворачивал какие-то свои вещи в сильно замусоленный кожаный мешок.

– Приветствую вас, господин Рай!

Генрих, никак не ожидавший такого поворота событий, удивлённо улыбнулся:

– Приятный сюрприз. А где эта рыжая бестия Блорн?

– А, чёрт с ним. Он нам пока не понадобится. Так что пусть себе гуляет. Но он славный парень, замечу я.

– Тебе виднее. Но скажи, зачем тебе понадобилось затаскивать меня в эту дыру и ввязывать в это дело какого-то кре-тина?

– Не волнуйтесь вы так. Всё в порядке. Вы сняли комнату?

Рай кивнул.

– Тогда я готов её осмотреть.

– Если я тебя туда отведу.

– Вот как? А не я ли показал вам туда дорогу? – и в глазах

Эжена заиграл лукавый огонёк.

Что ж, Рай окончательно оттаял, даже рассмеялся:

– Что тут скажешь. Хозяйка в вас с Виктором души не чает.

– Я же говорил, милая женщина... Между прочем, эту ночь мы с Виктором провели как раз в этой дыре. Признаться, я рад, что мои жилищные условия так улучшаются. Дорогой брат позавидовал бы мне от всей души. А то мы уже начали забывать, что значит постель, – рассуждал юноша, идя рядом с Раем по булыжной мостовой, которая должна была привести их на главную улицу города.

– А вы это знали? – поинтересовался Рай.

– Мы даже знали, что такое столовое серебро, – похвастал юноша, – И вообще, вы можете не поверить, но скоро проверить, я получил хорошее образование.

– Да ну?! Это какое же? – едва не рассмеялся брианец.

Но Эжен принял эту его реакцию как вызов, вдруг надел маску мудреца и со значением произнёс:

– Да будет вам известно, что мой брат и я умеем говорить, читать и писать на брианском, испайронском, фрагийском, в своё время изучали географию, историю, арифметику и Закон Божий, конечно. Мы в принципе знакомы с этикетом и так называемыми хорошими манерами, – тут Эжен не ожи-

данно чихнул и рассмеялся, – Но чихать я хотел на эти ваши хорошие манеры.

– И это говорит сын графа де Лаган! – тоже рассмеялся Рай, – Ты прав, очень скоро я это проверю. Буду рад, если на этот раз ты меня не обманул.

– А когда это я вас обманывал?! – изумился Эжен.

«И правда, когда?» – мысленно согласился Рай, но в слух произнёс:

– Посмотрим.

Дверь отворила сама хозяйка, мадам Бефо, и, увидев Эжена, она чуть не бросилась к нему на шею:

– Ну, наконец-то, давно не заходил! Проходите, проходите...

И Рай с большим удивлением увидел, как такой бойкий на язык Эжен вдруг заметно смутился этой встрече. Хозяйке пришлось буквально затащить его в дом и продвинуть к комнате. Но когда появились два мальчугана шести и восьми лет, сыновья мадам Бефо, ситуация резко изменилась. Сначала мальчишки взгромоздились на шею Эжена, так что под их тяжестью тот рухнул на пол, и только через нескольких минут борьбы тот, что помладше, удосужился поинтересоваться:

– Ты Эжен или Виктор?

Эжен весело рассмеялся.

– Дурак! – тот, что постарше, дёрнул за рукав младшего братишку, – Ты что не слышал, этому господину наш дом

отрекомендовал Эжен. Ты ведь Эжен? Верно?

– Верно, верно, Поль, – и Эжен потрепал угольную шевелюру мальчугана.

– Мои мальчики души не чают в близнецах, – шепнула хозяйка на ухо Раю, и, уже обращаясь к Эжену, поинтересовалась, – А где Виктор? Он тоже придёт?

– Возможно, но позже, – и Эжен кинул на Рая смущённый взгляд, – У него кое-какие дела...

– Хорошо, хорошо... – хозяйка легко усмирила своё любопытство и уже развернулась к Раю, – Ваша комната готова, надеюсь, она вам понравится.

– Я уверен в этом, но мы будем здесь жить вдвоем, – заметил Рай, – Простите, что я не сказал об этом раньше.

Хозяйка снова обратила на Эжена изумлённый взгляд:

– Но у меня только одна свободная комната...

– Нам хватит и одной, – поспешил заверить её Рай.

– Мальчик мой, твои дела пошли на лад? – всё-таки поинтересовалась мадам Бефо у Эжена.

– Похоже на то, – и Эжен чуть покраснел.

– Ты будешь жить с нами!!! – зазвенели мальчишки, – Вот здорово!

– А ну, марш отсюда! – тут же приструнила сыновей хозяйки, – Господа Рай и Ровиньоль должны осмотреть свою комнату.

И её сыновья от души рассмеялись:

– Господин Ровиньоль! – буркнул на ухо младшему брату

Поль.

Но взрослые уже не обращали на них никакого внимания...

Комната была небольшая, но очень уютная. Ажурные занавески на окне и зеркале, белоснежная скатерть и цветы в маленькой вазочке наполняли эту комнатку непередаваемым домашним теплом. Во всём чувствовалась заботливая женская рука.

– О! Госпожа Бефо! Это великолепно! – искренне похвалил Рай.

– Благодарю! Располагайтесь, – хозяйка уже хотела уйти, но все же решила задержаться и обратилась к Эжену, – Если тебе захочется привести себя в порядок, через полчаса я нагрею достаточно горячей воды. Тогда ты сможешь надеть чистое, а свою одежду отдать моим заботам.

Брови Рая чуть приподнялись, ведь даже несмотря на некоторый полумрак, царивший в затемнённой шторами комнате, он заметил на щеках юноши предательский румянец.

– Да, благодарю, мадам, – поспешно согласился Эжен и даже поклонился ей.

Довольная хозяйка кивнула и, улыбнувшись гостям, аккуратно прикрыла за собой дверь. И в этот же миг Эжен расправил плечи, как будто ему стало легче дышать.

– Ты, как видно, побаиваешься эту женщину, – рискнул предположить Рай.

– Побаиваюсь?! Да нет, что вы, просто как-то неловко, она словно видит в нас с Виктором своих старших сыновей. Это как-то... странно...

Отмахнулся Эжен и принялся с сознанием дела осматривать комнату, даже выглянул в окно, как бы желая определить, далеко ли до земли. Наблюдая за ним, Рай поймал себя на странной мысли: «А не прикидывает ли этот пройдоха пути для бегства?!»

– Это комната её покойного мужа, – вдруг заговорил Эжен, – Тут очень мило. Знал бы я ещё неделю назад, что поселюсь здесь... А вот и шкаф... Согласитесь, замечательный шкаф! Кстати, вот эту дверцу ремонтировал я, а эту Виктор. Пришлось, видите ли, после того, как мы тут учинили маленькую потасовку. Надо было наводить порядок...

– Это связано со сборщиком налогов?..

– Да. Она вам рассказала? – удивился Эжен, но тут же сам и нашёл ответ, – Да, надо было предполагать...

– И ваше вмешательство его вразумило? Я бы больше поверил, что это навлекло на голову бедной вдовы новые несчастья... – обронил Рай и присел на единственную здесь кровать.

– О, это вы зря. Мы, особенно Виктор, умеем разговаривать с людьми, – отмахнулся Эжен, – Нет, вы только оцените этот шкаф!

Казалось, что Эжен сейчас нырнёт в него. Рай сокрушённо повёл головой:

– Не пора ли уgomониться? Лучше расскажи, где тебя носило? Ты нашёл Антуана?

При этом вопросе Эжен резко развернулся к Раю, как-то в миг позабыв о существовании этого замечательного шкафа, и брианец заметил в глазах юноши затаённую грусть.

– Антуана?

И юноша присел на рядом стоявший стул. С минуту он думал о чём-то своём, наконец, задумчиво произнёс:

– Значит мы сыновья графа де Лаган!.. Становится интересно жить, – и Эжен поднял на Рая печальные глаза, – Эх, господин Рай, вам бы появиться годом раньше, а лучше двумя годами. Не пришлось бы бедному Виктору так со мной мучиться.

– О чём ты?

В ответ Эжен тяжело вздохнул:

– Я, как и обещал, видел Антуана де Валеньи, и даже говорил с ним...

От такого заявления юноши удивлённый Рай едва не встал с кровати. И да, он заметил про себя, что полное имя Антуана он ещё не сообщал Эжену.

– Где видел? Как?!

– Где? Да там, где он сейчас находится, – снова едва ли отмахнулся Эжен, вскочил и снова обратил всё своё внимание на излюбленный шкаф, – Вот, это работа! Что скажете?

– Не дури, Эжен! Рассказывай по порядку, – и правда начала сердиться Рай.

– А что рассказывать, я накрыл ему стол, дождался, когда уйдёт ваш герцог, и шепнул ему на ухо пару слов.

– Ты меня за дурака держишь?! – возмутился Рай, – Своей-то внешностью да прислуживать им!

– Нет, вы только посмотрите, здесь даже внутри зеркало есть! Этот шкаф стоит целого состояния! – Эжен уже совсем скрылся за распахнутыми створками.

– Закрой шкаф! – Рай позволил-таки себе повысить голос, он уже чувствовал, что начинает выходить из себя.

– Я снова довёл вас? Простите, ради Бога! Может быть, красавчик Блорн нас примирит?

И не успел Рай и глазом моргнуть, как створки шкафа закрылись, и пред его очи предстал улыбающийся... Блорн. Эжен исчез! Хотя... Одежда!

– Что за чёрт?!

Рыжий парень от души рассмеялся и заговорил голосом Эжена:

– Блорн большая умница и таит в своей лохматой копне море талантов. Так почему бы ему не поухаживать за раненым братцем?

Что ж, Раю осталось только сокрушённо развести руками. А Блорн тем временем подсел к столу и медленно оторвал брови, усы, выплюнул приподнимавшую губу губку. Последним сполз парик.

– Что это за чудо?! Где ты это взял?! – Рай наконец-то обрёл дар речи.

– Это давняя история. Один из наших с Виктором способов избегать людского любопытства. Вы ведь знаете, как мы с братом похожи. Помнится, эта бутафория нам дорого досталась. Раньше мы ею по очереди пользовались, от случая к случаю, а потом как-то это у меня осталось, – Эжен с какой-то тоскливой нежностью теребил лохматый парик, – Видите ли, однажды эта шевелюра хорошо вымокла и выпачкалась, с тех пор она отказывается принимать божеский вид. Но и в этом есть своё очарование, верно?

– Да, что-то есть... – совершенно искренне согласился растроганный Рай.

– Я рад, что вы со мной согласны, – и Эжен благодарно улыбнулся, – А вот милашка Виктор наотрез отказывается это признавать.

– Мой слух так ласкает нежность, с которой ты говоришь о брате...

И Эжен с готовностью кивнул, мол, это ещё мало:

– Эх, господин Рай, не судите о нём по мне. Вот в ком всегда говорила голубая кровь. И уж кто-кто, а он достоин носить титул графа.

Рай и не думал спорить.

– Так вам интересно, где я был? – наконец Эжен вспомнил, с чего они начали, – Что ж, я с удовольствием поведаю вам эту историю.

– Я весь во внимании, – охотно откликнулся брианец и даже придвинулся ближе.

Эжен тоже, настроившись на длинный рассказ, расположился по удобнее:

– И так, у меня есть свой человек в гостинице "Золотой рог". Я отловил его, и так заполучил их форменный камзол... Вот так Блорн вошёл в дом и наглостью взял своё.

– В какой дом?

– Гостиницу, я же сказал.

– Но почему именно в неё?

– Вы сказали мне, где вас встретил герцог, эта гостиница к тому месту самая близкая. Да к тому же, в вашем рассказе промелькнули два имени: барона Парадесса и графини де Монсар, да и друга Жана, вы сказали, зовут Анри Монсо?

– И что это всё говорит тебе?! – Рай весь напрягся.

– Ну... Видите ли, вчера эти имена узнал весь Рунд.

– Что?! Каким образом?!

– Постойте, вы правда не знаете?! О, так это ведь презабавная история! – и Эжен красочно обрисовал события прошлого дня. Рай слушал, едва дыша, и когда юноша приостановился, не выдержал:

– Хорошо, что же дальше?!

– А дальше... пока я плавал в вине, Виктор, романтическая душа, ни на шутку этим всем заинтересовался. Думаю, если бы я ему не мешал, он бы хорошо влип в это, а так... Сегодня утром он поведал мне историю о том, что графиня де Монсар этой ночью сбежала с Анри Монсаром и этим третьим. Ой, простите, Анри Монсо... я оговорился.

– Ничего, может быть, ты и прав... – тут же обронил Рай.

– Да?!... Значит точно, мы с Виктором ещё вчера пере-секлись с вашими воспитанниками! Значит, всё же третьим был Жан, или Фрэнк, как вам нравится его называть!?

– Безусловно! И ты это понял ещё в таверне и не слова мне не сказал! – невольно пожурил юношу Рай.

– Да ладно, не обижайтесь! – примиряюще улыбнулся Эжен, – Я только хотел как следует всё уточнить, ведь в таверне я был малость пьян. Честное слово, у вас есть основания гордиться своими воспитанниками! А у меня, похоже, есть повод гордиться вновь обрётённым братом!

Растроганный Рай только и смог, что благодарно кивнуть. А Эжен уже продолжал:

– Как я понял Виктора, утром эти трое покинули город очень шумно. За ними гнались слуги какого-то Бог весть откуда взявшегося брианского господина. Но Виктор сказал, что те вернулись ни с чем и в очень уменьшенном числе, – завершил свой рассказ Эжен и тут же довольно щёлкнул пальцами, – Да, Жан и Анри парни не промах, ни то, что этот родительский сынок!

– Это ты про Антуана? – Рай невольно потемнел. Это «родительский сынок» заставило его сердце забиться сильнее.

Эжен ответил ему не менее хмурым взглядом и, как бы не расслышав этот вопрос, продолжил:

– Так вот, я проник в гостиницу. Спасаясь от зорких глаз хозяина, я налетел на слугу, несшего еду одному из постояль-

цев. Мы с ним быстро договорились, и я вместо него вошёл в назначенную дверь. Судьбе было угодно, чтобы это была нужная мне комната. Признаться, в первый момент я даже растерялся. Едва не первая попавшаяся дверь, и вот я уже увидел Антуана, мило беседующего с.. по всей видимости, с герцогом. Конечно же, на красавчика Блорна господа не обратили особого внимания. Я ещё не успел закончить сервировку стола, как герцог нашёл повод выйти. Тогда я кинулся к вашему Антуану и говорю ему:

«Сударь, вам известно, что вы разделяете общество герцога Бетенгтона?»

«Это герцог Ларм, ты хотел сказать!» – ответил он.

Надо сказать видеть меня Антуану не доставляло никакого удовольствия.

«А я говорю, что это Бетенгтон», – пришлось повторить мне, – «Вы встретились с ним сразу же после исчезновения Генриха Рая!»

«Ты от него?» – наконец-то сообразил братишка.

«Да, его очень беспокоит то положение, в которое вы попали».

«Замечательно! Но герцог Бетенгтон почти мертвец, передай это Раю, если он забыл. И пусть он не мутит воду и возвращается. Если его совесть чиста, недоразумение сразу же разрешится» – заявляет мне Его Сиятельство

«Но его хотели убить, а что вам грозит, это ещё надо выяснить» – говорю ему я.

«Я сам о себе позабочусь», – выдал мне этот красавчик и уже даже потянулся к шнуру для вызова прислуги. Что ж, мне пришлось встать между ним и тем шнурком.

«Ну, ну, вас положат на сковороду» – заявил я ему – «а вы будете убеждены, что стало жарко только потому, что вас накрыли пуховым одеялом!»

– Так и сказал?! – Рай невольно улыбнулся.

– Да. Дословно так. О, вы бы видели его лицо! – продолжал кипятиться Эжен.

«Убирайся вон!» – зашипел он на меня, – «Ещё одно слово, и я прикажу тебя высечь!»

«Ну, на этот раз вам это не удастся, милейший», – отрезал я.

Сейчас, сидя напротив Рая, Эжен мысленно вёл этот сложный диалог с братом и бушевал, как вулкан:

– Я чуть не ... Ох, как же мне захотелось ему врезать! Вы даже не представляете, господин Рай! Но да не переживайте вы так, на этот раз я сдержался, и только ещё раз сказал ему, что вышедший из этой комнаты человек никто иной как герцог Бетенгтон, мол пусть, братишка делает выводы. Забавно, почему я сам тогда был так уверен в этом?

– Сдаётся мне, что ты прав, но скажи, почему ты не показал ему своё лицо?

– Сначала как-то не сообразил, а потом просто не успел... – чуть сконфузился Эжен, – Вернее, только я подумал об этом, как за дверью раздались шаги, и вошёл этот ваш гер-

цог. Грозный господин. Вошёл и сразу мне на дверь указал. Стоит ли говорить, что у меня не было настроения задержаться там? Тем более время уже поджимало. Вот только...

– Что ещё?

– Я там нечаянно подслушал разговор двух господ. Собственно, я проходил мимо, когда услышал имя барона Парадесса. Так я узнал, что барон отбыл как раз перед тем, как вернулся герцог. Они называли его Бетенгтоном. Вот тогда-то я и понял, что был прав... Перед отъездом барон очень советовал тем господам не связываться с герцогом, и они, похоже, как раз собирались последовать его примеру, и тоже уехать.

– Кто это был? Ты имен не расслышал?

– Молодой – виконт де Крахтью, второй его отец – точно граф.

– Граф де По, похоже.

– Вы знаете их?

– Немного... Когда они уедут?

– Не знаю. Как раз в тот момент на меня вынесло хозяйина гостиницы, и мне пришлось вложить руки в ноги. Теперь красавчику Блорну туда путь заказан. Но больше всего мне не нравится одно обстоятельство. Я, болван, только сейчас об этом подумал!

– Ты сейчас о чём?

– Не о чём, а о ком! Виктор!

– Не понял...

А Эжен уже не мог усидеть на месте, вскочил и начал мерить комнату широкими шагами:

– Барон отправился куда-то в сторону Фонтэнжа и по времени это очень близко к нашей с Виктором ссоре. Вы понимаете, как велики их шансы на встречу? У Виктора дохлая кляча, а барон на отличных скакунах. Отгадайте, догонит ли барон Виктора, и что получится из их встречи? Ох, как же мне это не нравится!

– Да, закрутилось! – Рай отлично понимал тревогу юноши, но честно постарался взбодриться, – Давай будем надеяться на лучшее...

– Надейтесь, если хотите, а я лучше попробую что-нибудь предпринять!

– Что же, если не секрет...

– Догоню Виктора, – и Эжен всем своим видом показал, что готов отправиться в путь прямо сейчас.

– Вот тебе и на! – Рай едва поспевал за ходом мыслей юноши, – Подумай, ты ведь отстал от него больше чем на полдня! К тому же я уверен, барон, даже если они встретятся, не причинит Виктору никакого вреда.

– Вот как?! – сердито сощурился Эжен, – Можно ли быть в этом уверенным после того, что вы мне рассказали? Ведь не далее, как вчера этот барон чуть не повесил Анри? Простите, вы меня не успокоили.

– Барону есть, что делить с Монсарами, но желать смерти сыновьям графа де Лаган у него нет причин.

– Вы сами-то верите в то, что говорите?!

– Послушай, Эжен. Антуан тоже твой брат, у тебя есть реальная возможность помочь ему. Виктора же ты вряд ли найдёшь. Мне сердце подсказывает...

– Лучше я постараюсь помочь Виктору, – отрезал Эжен.

Он уже даже взялся за свою чахлую дорожную сумку, но Рай успел-таки её перехватить:

– Эжен, сынок, ты же видел, Антуан в беде, ему очень нужна твоя помощь, а Виктор, может быть, и не встретился с бароном...

Эжен сурово нахмурился, взгляд его стал очень тяжёлым, от чего он теперь казался старше лет на десять:

– Да, мы похожи с этим Антуаном, но я далёк от мысли называть его братом. Меня больше заботит судьба моих настоящих братьев. Хорошо, Виктор, может быть, и не встретился с бароном, но а ваши Жан и Анри, а теперь с ними и графиня? Что вы скажете о них? Их судьба вас беспокоит? Так вот, Виктор, похоже, отследил не всех слуг герцога, другая их половина отловила-таки Жана. Как я понял, его изрядно потрепали...

Рай содрогнулся всем телом, но нашёл силы согласно кивнуть:

– Да, я видел, вид у него был ужасный...

– То-то, к тому же, я не хочу вас пугать, но поговаривают, что Анри погиб.

– Что?!! – и Рай смертельно побледнел.

– Я сказал, «поговаривают», – тут же поспешил напомнить Эжен, – Барона бесило, что труп Анри никто не видел.

– Почему же решили, что он погиб?!

– В него попали две пули, и в довершение ко всему он свалился с очень крутого утеса в реку и не всплыл.

– Матерь Божья!!! – Рай уронил руки.

Казалось ещё миг, и он лишится сознания, таким отчаянным стал его взгляд.

И Эжен искренне пожалел о сказанном:

– Я же сказал, никто не видел его труп... – ещё раз напомнил он, присел рядом с брианцем и заглянул ему в глаза, – Господин Рай, я думаю, теперь вы меня понимаете. Я должен попробовать найти Виктора, пока ему всерьёз не потребовалась моя помощь. Или если не его, то Жана, или графиню. Барон на площади был не очень ласков с ней. Кстати, о ней у меня нет никаких вестей.

– Как же... когда ты всё это узнал?! – горестно улыбнулся Рай.

– Я очень общителен, и у меня очень большие уши, вы не находите? – и Эжен ответил ему такой же горестной улыбкой.

– Что ж, – Рай тяжело вздохнул и всё-таки заставил себя расправить плечи, – Я тебя выслушал, теперь позволь высказаться и мне.

Эжен согласно кивнул и всем своим видом дал понять, что готов это сделать.

– Смотри, Жан побывал в руках сразу и барона, и герцога и остался жив, – начала Рай, пытливо заглядывая в глаза юноши, – Напрашивается вывод, что им не нужна его смерть, иначе что бы им помешало убить его? Герцог затеял долгую и сложную игру с графом де Лаган, а смерть в этой ситуации – это слишком быстрая и простая развязка. Ты понимаешь, к чему я клоню? Герцог сильнее барона, и уже это не позволит барону поднять руку на сына графа.

– Это вы о Викторе? – всё-таки уточнил Эжен.

– Именно! О Викторе! Я ещё раз повторяю, барону не нужна его смерть, а это значит, что твоему брату грозит не такая уж большая опасность. В крайнем случае барон прибегнет к своим рукам, не посвящая в тайны его происхождения, просто воспользуется неведением того. Ты меня понимаешь?

– Да. Но Виктор не станет слепой игрушкой в руках этого негодяя!

– Тем меньше у тебя причин для беспокойства о нём, верно? Другое дело Монсары. Да, я говорю про Анри и Марианну, я почти уверен, что они брат и сестра, очень многое говорит в пользу этого. Вот им и правда надо опасаться барона, потому что здесь идёт речь о наследстве. И опять же, Жан бежал, и его на этот раз не догнали. Скорее всего, он знает, где найти Марианну, и, может быть, и Анри, прости, я хочу в это верить. Жан крепко держался на спине неоседланной лошади, а значит у него есть силы и постоять за себя,

и помочь друзьям.

Эжен вынужденно кивнул:

– Что тут возразишь? Он, похоже, хорошо собой владеет и живуч как собака!

– Именно! Он на многое способен. Пришло время, когда он покажет всё, чему я его научил, тем более что, к моей великой радости, в ваших жилах течёт кровь достойного человека.

– Вы это про графа де Лаган? – и Эжен сощурился.

– Да.

– Позвольте возразить, но и в жилах Антуана течёт та же кровь...

– И что же?

Эжен замялся.

– Договаривай, – тут же потребовал Рай.

Но Эжен поджал губу и ответил не сразу.

– Этот Антуан вам не верит и не видит, с кем общается. Что это, глупость или...?

Рай тяжело вздохнул:

– Он тоже твой брат, и ты не будешь спорить, что он сейчас находится в наибольшей опасности.

– Не считая Анри, – мгновенно парировал Эжен, – И мы не знаем, куда отправился барон.

– Антуан нуждается в нашей с тобой помощи, это факт! А остальное в данный момент только наши с тобой догадки. Эжен, Антуан твой брат! У него лицо твоего Виктора!

Рай не мог не заметить порыв юноши резко возразить, но Эжен вдруг сам себя осёк. «Этот мальчишка откровенно не любит Антуана! Почему?! Только ли потому, что тот единственный вырос в родном доме? Нет, здесь что-то иное!» – пронеслось в голове Рая.

– Хорошо, – вдруг заявил Эжен, – Что вы собираетесь теперь делать?

– Добраться до Антуана, и вытащить его из лап герцога, – и Рай даже подался ближе к юноше.

Но тот скептически усмехнулся:

– Другими словами, вы хотите пойти в гостиницу?

– Да.

– Ну, ну, я скажу вам, чем это всё закончится, – и губы юноши скривились в недоброй усмешке, – Он уже рассказал герцогу о моём визите, и нас с вами там встретит очень радужный приём.

– После этих твоих слов Антуан вызвал бы тебя на дуэль, – Рай нахмурился, но его очень ободрило это «нас с вами».

– Нет, – и Эжен метнул в Рая острый взгляд, – не вызвал бы, и не потому, что мы братья, а потому, что он не снизошёл бы до поединка с босяком, пусть даже и дерзающим назваться его братом. Я хорошо знаю этих дворян.

– Эжен! – вырвалось у Рая, но вот для того, чтобы высказать наболевшее пришлось очень старательно подыскивать слова, – Друг мой, мне кажется, ты до сих пор не сказал мне всего. Признайся, какие у тебя есть причины для такой нена-

висти к Антуану? Я должен это знать.

Но юноша замер, словно окаменел, и глаза его стали подобны грозовому небу, в них одновременно виднелись и дождь, и молнии, и мрак.

– Эжен!!! – взмолился Рай.

– У меня есть причины так думать об Антуане, – нехотя признался юноша, – Но... Ладно, уговорили, я вам помогу, повидаетесь с ним, может быть, время что-нибудь изменило...

– Что? О чём ты?

– О чём? Что ж, я расскажу вам это, но только после нашей вечерней прогулки. Или не расскажу, если вдруг Антуан не оправдает мои ожидания.

– Обещаешь?

– Да, сделаю, как сказал. Я не хочу потом сожалеть о сказанном, – и Эжен гордо повёл головой.

– Хорошо, договорились, – кивнул Рай, протянул руку, и Эжен крепко пожал её, – А пока... Тебе предлагали тёплую воду, да и, помнится, накормить нас собирались.

– О! Об этом не волнуйтесь. Это будет сделано по всем правилам, – тут же рассмеялся Эжен, будто и не было этого тяжёлого разговора, словно всё в миг забылось. «Забылось на время», – понял Рай.

Глава 20. Злопамятен?

Уже перевалило за полночь, и город словно вымер.

– Ну и что теперь? – всё-таки поинтересовался Эжен.

В этот момент они с Раем стояли в глубокой тени узкого проулка, оба одетые в чёрное, в чёрных полумасках, закрывающих нижние части их лиц. Чуть впереди справа была видна гостиница, где остановился герцог, где они надеялись найти и Антуана.

– Ты спрашиваешь, что? Нам надо увидеть Антуана... – так же шёпотом откликнулся Рай.

– Это ясно. Но как именно вы собираетесь это сделать?

– А у тебя есть идеи?

– У меня?! Но это ваша блажь... Ладно-ладно... – Эжен тяжело вздохнул и пальцем указал на здание гостиницы, – Вон то окно, на втором этаже, крайнее справа. Это его комната. Точнее она была его сегодня днём.

Это было как раз то окно, из которого днём раньше, точнее вечером, Марианна приняла помощь Жана и Анри и кинулась в объятия неизвестности. Но Рай с Эженом об этом не знали. Они смотрели на это тёмное окно и прикидывали, каким образом достигнуть своей цели.

– А твой человек в этом доме точно не сможет нам помочь? – Рай снова обратился к Эжену.

– Нет. Точно не в этот раз. Ему знатно влетело за то, что он

сегодня дал мне форменный камзол, а потом помог смыться... Да-да, неловко вышло, подставил я пацана, попавшись на глаза его отцу...

– Пацана?! Отцу?! Ты хочешь сказать, что...

– Верно, мне помог хозяйский сын, мальчишка тринадцати лет. И сейчас он наказан, сидит под замком. И даже если бы это было не так, там слишком много людей этого вашего герцога, слишком много. Вон, и лакеев Антуана нам найти не удалось. О чём это говорит? Задумайтесь! И вообще, чем больше я думаю об этом, тем меньше понимаю, как это меня угораздило так лихо войти туда, да ещё потом и выйти, причём, целым...

– Да, дружок, с тобой трудно не согласиться, – усмехнулся Рай, – Что ж, если войти в дверь и слоняться по дому для нас не вариант, остаётся только окно...

– Да, получается так: верёвка, или чужие плечи.

– Чьи? – усмехнулся Рай.

– Похоже, мои. Ведь это вы желаете с ним поговорить. Диву на вас даюсь! Вроде человек в возрасте, а такой... – и Эжен уже хотел было выдать пару трёшку подходящих определений, но Рай не позволил, приложил к его губам палец:

– Это больше не обсуждается. Сможешь меня удержать?

– Да не бойтесь, – заверил Эжен, убрав руку брианца от своего лица, – Я, конечно, не так силен, как это бывало раньше, но ещё кое на что способен. Только вот...

– Что ещё?

– Может быть, не надо?

– Ты снова за своё?!

– Молчу, молчу...

– Так-то лучше, – и Рай развернулся к гостинице, – Когда-то я был дружен с безумием. Придётся тряхнуть старинной. Что ж, рискнем, дружок?

– Как вам будет угодно, – тоскливо отозвался Эжен.

Он осторожно выглянул из своего укрытия, поправил рукой шпагу, подаренную ему Раем, и стрелой метнулся к гостинице. Рай не отставал. Дальше они действовали так же бесшумно, быстро, слаженно. Эжен помог Раю вскарабкаться к себе на плечи, при этом с удивлением обнаружив, что его старший товарищ неожиданно ловок. Но роста не хватало. Тогда Эжен взял ноги Рая в ладони и, поднатужившись, выпрямил руки в локтях, благо и у Рая была возможность помочь ему, найдя упоры в фасаде здания и подтянувшись на руках.

За приоткрытым окном притаилась крошечная мгла, но там было тихо. А это значит, надежда на удачу ещё жива. Ободренный сильной поддержкой Эжена, Рай нажал на раму и открыл окно шире.

– Антуан? – воззвал брианец в тишину.

Всё дальнейшее, казалось, произошло в одно мгновение ока. Рай скорее почувствовал, чем увидел, как к нему метнулась молния стали, но он смог-таки уйти от удара, точнее он улетел, потому что в тот же миг Эжен с криком "Прыгай-

те!" разжал руки. Только чудом Рай приземлился на ноги. А вокруг уже сомкнулось плотное кольцо гвардейцев герцога. И даже появилось несколько ослепляюще ярких факелов.

– Это ловушка! – захрипел Эжен, с трудом разгибаясь, от удара, полученного в живот.

Рай уже и сам понял, что дела их плохи. Не успел он и глазом моргнуть, как на него ринулся вооружённый шпагой Ламороу. Что ж, Рай принял вызов, бросился навстречу, и его крайне рискованный расчёт оказался точен. Это только стороннему неискущённому наблюдателю могло показаться, что стареющий вояка решил напороться на шпагу врага. А на самом деле, начав вращательное движение, Рай пропустил шпагу первого праиэра где-то на расстоянии пальца от своей груди, а сам тем временем успел выхватить свою и тут же полоснул Ламороу сзади. Но да тот, похоже, уже был знаком с таким приёмом Рая, а потому успел развернуться и парировать этот удар. И вот уже он снова в атаке. Сокрушительная сила его нового удара заставила-таки Рая податься назад, и это едва не стало роковым для него движением, потому что Рон толкнул под ноги Рая одного из своих подчинённых. Рай устоял, но на долго ли его хватит? Ведь праиэры герцога Бентенгтона это грозная сила, и у Рая ёкнуло сердце: «О, дьявол!!! Эжен!!! Я подвёл тебя, дружок!!!»

В самом деле, вот Ламороу и Рон, выступающие слаженным смертоносным дуэтом. За ними плотное кольцо до зубов вооружённых гвардейцев. А где Эжен?!!

И тут раздался дикий мало похожий на человеческий вопль. А уже в следующий миг Рай с изумлением увидел, как один из стоявших за Ламороу гвардейцев взлетает в воздух и падает, сбивая собой первого праиэра. Столь же изумлённый Рон развернулся к своему старшему товарищу и тут же получил в скулу сильнейших удар пяткой от какого-то существа, в этот момент сильно смахивающего на чёрта. Да, это был Эжен. Его совершенно чёрная одежда в самом деле делала его подобным призраку, а то, что он вытворял, заставляло кровь в жилах стынуть.

Он снова издал холодящий душу вопль, и выдал поднимаящемуся на ноги Ламороу такой удар с разворота, что того понесло на неосторожно приблизившихся гвардейцев, и в итоге все они повалились наземь, образовав бесформенную изрыгающую тысячи проклятий свалку.

Но насладиться этим зрелищем Эжену не позволил подоспевший к месту сражения Фил. Что ж, вызов принят, и юноша выдал трюк, подобный тому, что минутой ранее исполнил Рай. Вместо того, чтобы отступить, он ринулся на встречу врагу, по ходу дело оттолкнулся от спины только-только вставшего на четвереньки Рона, в немыслимом акробатическом прыжке перелетел через голову изумлённого Фила, а уже в следующее мгновение отправил его в объятия отчаянно чертыхающегося Рона.

И тут ожил Рай, как раз вовремя, чтобы парировать атаку Пита, направленную на чуть замешкавшегося Эжен. Из

их встретившихся шаг вылетел фонтан искр, и Пит с Раем отошли друг от друга на пару шагов. Это должно было стать началом новой атаки, и вдруг раздалось:

– Помните, Рай нужен Его Светлости живым!

Это завопил Ламороу, обращаясь к товарищам на брианском.

– Здравсте! Вспомнил! – выругался в ответ Рон.

– А этот второй? – тут же уточнить Пит.

– Убить! – отрезал Ламороу.

– Парень, ты слышал? – усмехнулся Фил на фрагийском, занимая позицию по правую руку от Пита, – Плохую компанию ты выбрал. Но если снимешь маску и отступишь, я хлопочу за тебя!

– А ты милашка! – откликнулся Эжен.

В здании гостиницы начали стремительно зажигаться огни. К месту сражения совершенно точно бежали ещё люди, скорее всего гвардейцы герцога. Те, кого Эжен успел уложить, уже повставали на ноги, и теперь кольцо окружения вокруг Рая и Эжена стало до ужаса плотным – четыре праиэра, а за ними едва ли не вся гвардия герцога.

– Признавайтесь, господин Рай, насколько сильно вам хочется ещё подраться? – поинтересовался Эжен, – Может быть, всё-таки пойдём спать?

– Ох, я бы рад, сынок! – сокрушённо выдохнул Рай.

– Вот и славно. Тогда всем спать! – вдруг зычно приказал Эжен.

А уже в следующий миг Рай различил, что к ним летит то ли какой свёрток, то ли бутыль, и даже не одна, а пара. Это нечто, запущенное неведомой рукой, было как раз над головами Рая и Эжена, когда вдруг юноша взмахнул своей шпагой и рассёк эти странные снаряды, чётко, один за другим. В тот же момент над их головами раздался громкий хлопок, и воздух стал совершенно непрозрачным. Все без исключения бросились закрывать глаза и нос, ведь и запах у этого неожиданного тумана был резкий, неприятный.

А тем временем Рай почувствовал, что его схватили за руку и потянули прочь. К счастью, ноги брианца не подкосились, спотыкаться не стали. Видать полумаска на его лице, закрывающая нос и рот, уберегла его, не позволила надыхаться этой гадости, и не лишила разум ясности. Ещё несколько шагов, и вот он, наконец-то, вздохнул нормальным воздухом,

– Господин Рай! Слышите меня? – Эжен хорошенько потряхнул старшего товарища.

Рай кивнул.

– Отлично! Поль, тащи его домой.

И Рай почувствовал, что теперь его взял за руку явно ребёнок. Царившая здесь темнота дарила неприятное чувство полной слепоты. Или это всё ещё оставался эффект того гадкого тумана?

– Ну же, Поль, уведи его! – рассердился Эжен.

– А ты!? – возмутился мальчишка.

– Сейчас ещё раз приголублю этих гадов и догоню вас. Ты меня понял? Тогда действуй!

И названный Полем потащил Рая прочь. В той стороне было чуть светлее, и Рай не стал сопротивляться. Ему жизненно важно было вернуть себе способность видеть. Но достигнув этого освещённого уличным фонарем угла дома, он тут же остановился. Рядом с ним оказался старший из сыновей госпожи Бефо.

– Что же вы встали? Пойдёмте!!! – потребовал мальчишка.

– Я должен помочь Эжену, – возразил Рай.

– Он без вас лучше управится! Поверьте, он больше не станет с ними драться! Только ещё раз ослепит и придёт домой. Пойдёмте же!

– Ты уверен? – ещё сомневался Рай.

– Уверен. Мы с ним сразу так и договорились. Поэтому я и ждал вас здесь... Ну же...

И Рай подчинился, доверился своему маленькому провожатому. Складывалось впечатление, что этот чернявый паренёк способен видеть в темноте, шёл он быстро, уверенно, решительно не позволяя Раю раздумывать и колебаться.

– Когда это вы сговорились с Эженом? – поинтересовался на ходу сильно раздосадованный этим событием Рай.

– Вечером, – откликнулся Поль, – Он сказал, что пятьдесят на пятьдесят там будет ловушка, а значит нужен запасной план...

* * *

– Вот и ты принёс этот противный запах, – вместо приветствия произнесла открывшая дверь госпожа Бефо.

– Значит, господин Рай дома, – догадался Эжен.

– Дома. Но я и тебя попрошу отдать мне камзол. Я должна проветрить его, – и женщина требовательно протянула обе руки.

Юноша с радостью подчинился, чем очень порадовал хозяйку дома.

– Я подала господину Раю ужин в вашу комнату. Там хватит на обоих, – распорядилась госпожа Бефо и отправилась на задний двор, вывесить камзолы постояльцев проветриваться.

Эжен потрепал шевелюру выглянувшего ему навстречу Полю, и только после этого развернулся к стоявшему на пороге комнаты Раю. Тот понял, что давно замечен, но юноша пытается оттянуть момент начала неприятного разговора. Что ж, брианец понял и это, и решил быть терпеливым. Он дождался момента, когда Эжен сам направился в их общую комнату, аккуратно запер за ним дверь, проследил, чтобы юноша сел именно ко столу и сам наполнил его миску кашей. Эжен молчаливо наблюдал на всеми этими знаками внимания и заботы, и только пуще хмурился.

– Эжен... – наконец не выдержал Рай.

– Забавно получается, сударь... – откликнулся юноша, не отводя взгляд от тарелки, – Мы оба знали, что это полное

безумие, идти в гостиницу, где нас ждут, и всё же сделали это. Как вы полагаете, зачем? И что мы в итоге имеем?

– Я уверен, что Антуана там не было. Видимо герцог позаботился об этом заблаговременно. Возможно, теперь будет непросто найти твоего брата...

– Ха... Моего брата...

Эжен резко выпрямился, и Рай от неожиданности даже вздрогнул, ему показалось, что глаза юноши запылали. После того, что Эжен вытворял у гостиницы «Золотой рог», было не трудно заподозрить его в связи с нечистой силой, и потому Раю пришлось сделать над собой усилие, чтобы всё-таки сообразить – этот пламень в глазах юноши является всего лишь отражением масляной лампы.

– Скажите мне, как в Фонтэнже найти графа де Лаган, – тут же потребовал очень сердитый Эжен.

– Графа? Всему своё время, сынок.

– Я еду в Фонтэнж. А вы, как знаете, – сказал, как отрезал Эжен.

И весь вид юноши говорил о том, что он не намерен обсуждать это решение. Но и Раю упрямства было не занимать.

– Говори открыто. Что это ты надумал?

Но Эжен на всё имел своё мнение, и теперь в его голосе зазвучал сарказм:

– Знаете ли, мы с Виктором никогда там не бывали. При нашем-то образе жизни это существенный пробел. Согласитесь.

– Не дерзи, – ожесточился Рай, – Не забывай, с кем ты разговариваешь. Я спросил, что ты намерен делать?

– Это мне теперь перед вами за каждое слово отвечать?! – Эжен чуть поежился, – Чёрт меня побери, если я добровольно влезу в эти ежовые рукавицы!

– Дружок, ты зря горячишься, но гонору лучше поубавь.

– Похоже, ваш Фрэнк получился пайнкой, раз умудряется пользоваться такой вашей нежной любовью. А Антуан такой же шёлковый? Цветы с любимой клумбы, – выдал сердитый Эжен, но, встретив, суровое молчание Рая, чуть поостыл, – Я еду в Фонтэнж, – повторил он с тихим упрямством.

– Лучше скажи прямо – за Виктором, – сурово подытожил Рай.

– И это тоже, – тут же вскинулся Эжен, – И вообще, я думаю, что надо как можно скорее ко всему этому привлечь батюшку, если это вообще его интересует.

– Эжен!

– Что Эжен?! Трудно со мной? Ну уж, извините. Но Фонтэнж это наша первейшая цель. Это же ясно как белый день! Виктор уехал туда. И даже не в нём дело. Ваши Жан, Анри и графиня, не сомневаюсь, стремятся туда же, потому что, как я понял, отпрыскам де Монсар больше не у кого искать защиты. В Фонтэнж, ибо там развернутся главные события, и чем они закончатся, известно лишь Богу.

При таких словах юноши Рай невольно улыбнулся, ведь

слова вспылчивого нахала не были лишены здравого смысла. Но...

– А Антуан? С ним-то как быть? Ты до сих пор не проникся мыслью, что и он твой брат.

– Антуан?! – Эжен с трудом сдержался, чтобы не плюнуть под стол, – Ради него я больше в петлю не полезу, даже если вы очень-очень попросите меня об этом.

Сказал, как отрезал. На душе Рая похолодело.

– Что ж. Позволь напомнить, ты обещал рассказать мне о причине твой ненависти к Антуану. Сейчас самое время.

Но было видно, что Эжену очень не по душе это предложение:

– Мои откровения ничего не исправят.

– Но я хочу понять причину.

– Просто выбросите из головы, и всё, – и Эжен отвернулся к окну.

– Дружок, мне не хочется думать, что эта твоя неприязнь вызвана мелочной завистью.

– Что?! Завистью?! – и Эжен удивленно развернулся.

– Да, ведь он единственный из вас, кто вырос в родном доме...

И тут Эжен невольно усмехнулся:

– А ведь вы правы, это могло бы стать причиной!

– Эжен, – Рай тяжело перевёл дыхание, – Мне необходимо знать, что ты не договариваешь. Иначе мы так и не сможем понять друг друга... Ты сегодня предсказал эту засаду, об-

винив Антуана, в, скажем, предательстве. Это очень серьёзно. Я хочу знать, что дало тебе на это право.

В ответ юноша поднял на Рая хмурый, даже злой взгляд:

– Видите ли, я по природе своей злопамятен. Что делать... и я не верю, что что-нибудь способно переделать человека... разве что... молот и наковальня, – и Эжен невесело рассмеялся, – Суть, или душа, если угодно, это нечто раз данное, даже когда внешняя оболочка и изменяется до неузнаваемости, это остается неизменным. Это касается и Антуана. Простите, но до сих пор он давал мне повод думать о себе только плохо, как бы Виктор и не старался изменить это моё к нему отношение. Кстати, он тоже всегда напирает на то, что тот мой брат. «Брат»! А я гораздо выше ценю настоящую дружбу. И Виктор для меня прежде всего лучший, надёжнейший друг.

– Постой, Виктор старался изменить это твоё мнение?... Так вы знали о существовании Антуана! Верно, верно... Мне так показалось ещё во время нашего первого с тобой разговора...

– Конечно, знали. Мы даже мечтали... О, как мы мечтали о встрече с ним! Вон, Виктор и поныне мечтает...

– А ты?

– А я уже повстречал его! – и глаза Эжена снова вспыхнули пусть и отражённым, но таким ярким пламенем, – Да, мы встречались аж два раза, и было это шесть и два года назад.

– Что?! – изумлению Рая не было предела.

– Уж поверьте, вы не ослышались, – горько рассмеялся Эжен, – И я скрыл это от Виктора, хотя оба раза это было очень трудно сделать. Просто так не хотелось расстраивать его...

– Расстраивать?!

– Да, расстраивать! Я знал, что как бы ни старался, мой рассказ будет очень гадким. Всякий раз, когда я уже был готов раскрыть рот, одна мысль останавливала меня. А, может быть, я всё же ошибаюсь? Может быть, мы с Антуаном пали жертвами недоразумения?..

«И после этого ты будешь говорить, что злопамятен! Ты будешь это говорить после того, как уже на моих глазах дважды попытался пойти на контакт с братом, явно всякий раз надеясь на чудо!? Нет, сынок, ты веришь в доброе в людях... Потому и не стал чернить Антуана в глазах Виктора, хотя, похоже, повод был...» – Рай тепло улыбнулся, но озвучил другие свои мысли:

– Недоразумения? А, может быть, так оно и было? Может быть, и сегодня... Видишь ли, Эжен, я больше всего на свете сейчас хочу, чтобы вы все стали братьями не только по крови, но и по духу, какими являются друг для друга Анри и Фрэнк.

– Постойте, – Эжен сощурился, – Они ведь братья и по крови, не только по духу, как вы говорите, верно?!

– Ты очень внимательный слушатель. Да, они братья, в некотором роде, ведь отец Анри был троюродным братом ва-

шей матери. Я хочу сказать, что и в их отношениях бывали сложные моменты, но они находили в себе силы справиться с этим, потому что знали, всегда знали, что они могут друг на друга положиться. А обиды... Согласись, как бывает легко сказать что-нибудь, о чём потом жалеешь долгие месяцы, и даже годы. Слово не воробей, вылетит, не воротишь. А ведь такое бывает и не со зла, а так, под горячую руку. Да что далеко ходить. Разве твоя ссора с Виктором не является лучшим тому примером?

Эжен неохотно кивнул:

– Что это вас потянуло на морали, господин Рай?

– На морали? Нет, сынок, просто мне больно, физически больно видеть всё это. С одной стороны, я вижу, как вы похожи, не только внешне. У вас одна улыбка, у вас – это у Жана, у тебя и Антуана, думаю, и у Виктора. И ты, и Антуан, я уже не говорю о Фрэнке, уже ни раз доказали мне, что у вас благородные сердца, вы мужественные, сильные люди. Я вижу, в вас много общего. И в то же время... Антуан и Фрэнк ещё не видели друг друга, а уже, боюсь, стали соперниками в любви, – заметив, как изогнулись брови Эжена, Рай тяжело вздохнул, – Ну, во всяком случае, Антуан уже приревновал графиню де Монсар к брату. И это и понятно, и обидно. Видишь ли, Антуан влюблен в графиню де Монсар, он уже собирался предложить ей руку и сердце, а тут Фрэнк. Он спасает графиню в Туманной Гавани, когда ту понёс взбесившийся конь, и теперь он вместе с Анри похитил графиню.

Антуана можно понять, ведь он и Фрэнк... то есть, Жан... они близнецы!

Широко распахнутые глаза Эжена застыли в удивлении:

– В графиню не трудно влюбиться, это точно, – согласился он, – Так что, я готов поверить, тут дело серьёзное.

– А теперь ты. Ты и Антуан... Так в чём причина вашей с ним, скажем, нелюбви друг к другу?

– Друг к другу? Позвольте, вы уже уверены, что и Жан возымел зуб на Антуана? Хотя, да, понимаю, до этого уже не далеко... Но с чего вы взяли, что Антуан холоден ко мне? – и Эжен лукаво усмехнулся.

В ответ Рай сокрушённо покачал головой:

– Я лишь предполагаю... Вот ты говоришь, вы с ним встречались, а он об этом ещё ни словом не обмолвился ни со мной, ни, я уверен, с графом, вашим отцом. Теперь я начинаю догадываться, что причина здесь та же, что не позволяет говорить и тебе...

– Ага! Вот видите, не сказал! – но тут же радость Эжена сменилась на задумчивость, – Может быть, он всё же устыдился? Теперь, когда он знает правду... Ведь вы говорите, что он до встречи с вами не знал о нашем существовании.

– Да, ему не говорили.

– Не говорили... Забавно... А теперь как ему признаться перед своим благородным отцом, что он заехал в мою тоже Лаганскую физиономию, когда у меня были связаны руки!? Что по его рекомендации мы с Виктором были жестоко вы-

сечены?!

– Что?! – от таких слова юноши Рай содрогнулся всем телом.

– Да, вы уж поверьте, мы с ним очень душевно встречались! – и Эжен нервно рассмеялся, – Вот ситуация! Так вы говорите, что граф настроен принять нас всех к родимому очагу? Мило. Очень мило. Тогда я бы не хотел оказаться на месте Антуана. Как-то мы встретимся, и он посмотрит мне в глаза...

Эжен развернулся к Раю и всей душой почувствовал, как сильно брианец хочет понять его.

– Хорошо, уговорили... Но позвольте мне начать очень издалека. Вы сами хотите знать всё... Всё, так всё, если это вообще возможно... – Эжен снова опустился на стул и, тяжело опершись локтями о стол, начал свой рассказ, – Многие не верят... даже Виктор мне не очень верит, но я на самом деле помню, как мы жили у той нищенки, как вы её называли... Точнее, я не помню лицо той женщины, но в моей памяти хорошо засели наши долгие прогулки по вонючим портовым подворотням, помню тех больших злых собак, которые однажды чуть нас не покусали за то, что мы первыми подхватили, упавшие с повозки лепёшки. А нас – это Виктора, меня и Антуана. Да, я помню, что нас было трое. И я помню, как мы с Антуаном постоянно дрались, а Виктор нас разнимал. Я не помню причин этих ссор, только это жгучее чувство обиды и желание заехать в нос братика. Но, кажется, тогда всё

же больше всех попадало Виктору, потому что он лез между нами, и я диву даюсь, почему он совсем не помнит это. И вот однажды, на нашей улице появились странные люди...

– Позволь, но тебе ведь было от силы три четыре года!

– Вот и я о том. Можете не верить. Но разве возможно забыть, как вдруг чья-то жуткая сила поднимает тебя над землей и начинает совать в мешок?! Я заорал благим матом, сильно укусил Гийома (у него на всю жизнь остался шрам от моих зубов), и единственное, что ещё успел увидеть, это как Виктор с таким же жутким криком бежал на Гийома, склонив голову, словно бык. Антуана артистам так и не удалось найти, хорошо спрятался, видно. Так началась наша с Виктором артистическая жизнь. На самом деле, к нам очень хорошо относились. Все нас очень любили, и жилось в этой новой компании куда как лучше, чем у той нищенки. Наше абсолютное сходство принесло труппе большие деньги, и скоро нас начала видеть нечто вроде талисмана удачи. Все считали своим долгом заботиться о нас, учили всяким фокусам. Да, это были бродячие циркачи. И мы стали циркачами. У нас даже был свой номер: мы появлялись вдвоём, в алых дастанских шароварах и что только не вытворяли, дурачились, танцевали, дрались по-восточному... добрейший души чжунгорец, член нашей труппы, Ю-Ань, многому нас научил... Что тут ещё сказать? Это были наши лучшие годы...

Рай видел, как от этих приятных воспоминаний Эжен буквально засветился, и тут вдруг взгляд юноши остановился и

померк.

– Но всему приходит конец, – вернулся он к своему рассказу, – Вот и этому... По прошествии где-то лет семи труппу постигло страшное несчастье. Мы не знаем всех причин, вызвавших на наши головы гнев влиятельных особ Бордона. Но в тот раз удача сработала лишь для нас с Виктором... Однажды ночью на труппу напали и почти всех перерезали, только мы с Виктором уцелели, чудом... Вот тогда-то умирающий Ю-Ань и рассказал нам о нашем брате... Да, о том, что где-то в Грандоне должно быть живёт наш брат близнец, и что зовут-то его Антуаном. Так мои смутные воспоминания получили подтверждение... С тем бедный Ю-Ань и умер. А мы... А нас с того момента жизнь закрутила в бешеной пляске. Буквально через день нас выловили, как остатки злосчастной труппы, но стараниями сердобольной виконтессы де Глуар мы неожиданно стали её шутами, а по факту пажами, или даже, вернее сказать, воспитанниками. Наша жизнь круто изменилась. Хорошая женщина была очень стара, и в нас нашла любимую игрушку. Она решила дать нам образование, точнее продолжить его, благо к тому времени мы уже могли считать и писать, более ни менее свободно говорили по-бриански, испайронски и... фрагийски, конечно... и даже неплохо знали лату... Да, в нашей бедной труппе был один беглый монах, эдакий вольнодумец. У нас вообще была очень колоритная труппа. Ну а виконтессе взбрело в голову обучить нас этикету и... открыть двери в свою библиотеку...

Короче, мы, будучи очень способными малышами, всё схватывали на лету, и читали, читали запоем. Да, это прекрасная женщина на всю жизнь останется в наших сердцах солнечным светом. Но... и этому пришёл конец. Через четыре года она умерла. Ходили слухи, что она сделает нас наследниками, но её племянник, человек, некогда приведший нас к ней, тотчас после её смерти выгнал нас, да так основательно!

И Эжен беззвучно рассмеялся:

– Он не поленился отдать приказ, и нас увезли далеко на юг. Так, его стараниями, мы оказались у берегов Срединного моря, и не прошло и месяца, как мы в качестве юнг взошли на торговый корабль "Счастливая Надежда". О! Как мы были счастливы! В огромной библиотеке виконтессы мы только об этом и мечтали! И где мы только не побывали, что только не испытали. Да... нам довелось побывать и юнгами, и пиратами, чуток, бродягами, и снова матросами, и нигде мы не задерживались надолго... Так нам пришлось значительно расширить наши познания в географии и ещё кое в чём...

– В чём же? – Раю доставляло большое удовольствие слушать этот незатейливый и в то же такой насыщенный на события рассказ.

– Ну, мы научились хорошо плавать... Да ладно. Тут пора уже рассказать о моей первой встрече с Антуаном. Это произошло, как я уже говорил, шесть лет назад, на заре нашей морской карьеры... Я увидел, как какой-то разряженный пацан плетью избивает зажатую в угол собаку, хлещет и приго-

варивает: «Будешь знать, как кусаться!» Ну, я разбирать не стал, налетел на него и сшиб с ног. Уже через миг мы стояли друг против друга, как готовые к бою волки. Но это был только миг. Сами понимаете, мы увидели лица друг друга. Я с минуту соображал, а потом чуть ли не подпрыгнул: «Антуан?!» «Какой я тебе Антуан!» – нерешительно, но всё же встал в позу братишка, – «Перед тобой сын графа!» «Да ну брось! Мы братья! Ты понимаешь? Мы близнецы!»

И Эжен сокрушённо усмехнулся:

– Да, близнецы... Я чуть не похлопал его по плечу, но тот отпрыгнул от меня, как ошпаренный. Тогда я смекнул, что надо бы померить свой пыл: «Да ладно, сударь, граф так граф, но зовут то тебя Антуаном, верно?» И он согласно кивнул. А тем временем несчастный пёс подполз к моим ногам и жалобно заскулил. Видите ли, я знал эту псину, очень добрый весёлый пёс, и его обиду я воспринял как свою. Но обидчиком оказался потерянный брат! «За что ты его избил? Если бы ты не был моим братом, я бы нагрел тебе холку. Этот пёс – добрейшее создание!» – сказал я ему. «Да что ты себе позволяешь!? Какой я тебе брат, оборванец! И не смей мне указывать! А то сам получишь той же плетью!» – едва ли не заорал Антуан. «Не понял», – и правда, не понял я. Я просто отказался расслышать в его словах угрозу. «Твое добрейшее создание осмелилось укусить меня! За это и получил!» – тем временем продолжал бушевать братишка, – «А ты... Сейчас же убирайся отсюда, пока я не позвал слуг.

Ишь, обнаглел, воспользовался нашим сходством и заявляет, что он мой брат!» «Но я и правда твой брат! Ты, видимо, просто забыл, как мы с тобой вместе побирались на грандонском рынке!» – признаюсь, и я начал терять терпение. «Что!? Что бы я побирался на грандонском рынке?!» – Антуан даже позеленел и как хлестнет меня этой своей плетью. Вот тут-то мы и сцепились, казалось, на смерть, но ему повезло больше, он оказался сверху, а я лицом прямо в грязи. Поверьте, я бы заставил его поменяться со мной ролями, я был сильнее... Но тут откуда-то прибежали его воспитатели, оторвали его от меня и увели, но прежде один из них не забыл меня пнуть, так сказать, в назидание. Да так постарался гад, что у меня даже в глазах потемнело. Вот так и остались мы с тем псом на пару зализывать раны. Ну и как вам это?

– Да, горько, – согласился Рай, – Но ты слишком круто на него налетел.

– Ну... Я потом много думал о том... может быть, вы и правы. Хотя... – Эжен тряхнул головой, – Знаете, та наша с ним встреча стала началом длинной... ну, если не чёрной, то уж точно странной полосы в нашей с Виктором жизни. Достаточно сказать, что в первое же после этого плавание нашу "Счастливую Надежду" взяли на abordаж пираты, и мы провели в их плену почти полгода.

– Это ты об этом упоминал, когда говорил, что вы были пиратами?

– Да, об этом. Нас тогда не убили только благодаря наше-

му такому сходству. Уж очень это потешало их капитана. Потом сумасшедший побег, нас долго пытались отловить, настоящую облаву устроили. Мы никак не могли от этих пиратов отвязаться, на какой бы корабль ни нанимались, где бы мы ни прятались, будь то испайронский или фрагийский порт, рано или поздно всё равно натыкались на них. В последнюю нашу с ними встречу мы с Виктором не придумали ничего лучше, как поступить на службу к Его Величеству королю Фрагии на фрегат «Изабель». Пришлось приписать себе по паре лет. Там мы стали недосыгаемы для пиратов, и даже смогли вздохнуть чуть свободнее. Но ненадолго. Военная жизнь – это не сахар, скажу я вам. Никакого права подумать, оступиться, да ещё командир отменный дурак... Стало тоскливо, а через полгода просто невыносимо. Душа рвалась на свободу, и тут снова Антуан.

– Ваша вторая встреча?

– Да, вторая, мало отличавшаяся от первой, – и Эжен горько усмехнулся, – Это произошло в Грандоне. Наша флотилия тогда стояла там в ожидании приказа отбыть в Западные Колонии. Как раз незадолго до этого мы с Виктором, только по его инициативе, нашли те трущобы, в которых некогда жили, и даже кое-что узнали о той нищенке и нашем брате. Всё, как вы и сказали, приехал какой-то дворянин и забрал их. Помню, как Виктор радовался, и я его понимал. Найти брата в той дыре означало бы, что он был бы глубоко несчастным, может быть, даже падшим человеком. Да, как же у меня

тогда чесался язык рассказать Виктору про Антуана. Но что-то остановило. Может быть то, с каким теплом он размышлял о братишке? И потом, что я мог ему сказать? Что успел подражаться с ним? Милое дело, я даже не узнал его полное имя. Короче я тогда сдержался от откровений, а уже на следующий день вновь встретил его.

Эжен хлебнул молока и вдруг поинтересовался:

– Я ещё не утомил вас?

– Нет, нет, продолжай, пожалуйста, – Рай даже подался ближе.

Эжен кивнул:

– В тот день я поспорил с товарищами, что совершенно бесплатно наемся досыта в одной из харчевен. Помнится, и ставка была велика, кожаный ремень с моей стороны, и кожаная куртка со стороны боцмана. Так я в компании свидетелей пари явился в таверну «Синий луч». Уж не помню, что я там нёс и как собирался претворить свой замысел в жизнь, да только вдруг увидел я Антуана. Он вырос, как и мы, то есть по-прежнему был на нас с Виктором до безобразия похож, только ясное дело одет богаче нас, точнее меня в тот момент. Помню, как у меня защемило в сердце, я с минуту колебался, а потом решился, отодвинул товарищей и подошёл к Антуану. Он поднял на меня равнодушный взгляд, и в тот же миг сменился с лица. Так я понял, что узнан, и решил, что это достаточный повод, чтобы присесть напротив. Оставленные мною матросы начали зубоскалить. Думаю, они остались в

роли зрителей только потому, что успели разглядеть необъяснимо богатое платье Виктора, за которого приняли Антуана. И Антуан почувствовал это их внимание, начал быстро закипать, правда это я понял потом, так сказать, задней мыслью. А тогда... «Ну, здравствуйте, сударь!» – приветствовал я его, – «Вижу, узнали... Как ваша жизнь?» Антуан откинулся на спинку стула, как бы желая от меня отстраниться, смерил высокомерным взглядом и только после этого обронил: «Ты теперь матрос?» «Как видите», – ответил я. Честное слово, я в тот момент не знал, радоваться мне или плакать. Антуан не гнал меня, но и раскрыть объятия не спешил. Впрочем, с этим я ошибся, так как он вдруг заявил: «Вот что, любезный, оставь меня. Наше с тобой неприличное сходство слишком привлекает внимание. Избавь меня от твоего общества. Это ради твоего же блага». «Простите», – возразил я, – «Но у нашего с вами сходства есть причины». «Ну да, мы же братья!» – и Антуан недобро усмехнулся. «Именно! Нас было трое, и жили мы в своё время здесь, в Грандоне, в квартале бакалейщиков, точнее на его задворках. А потом нас с Виктором забрали бродячие артисты, а тебе, как видно повезло больше, тебя прибрал какой-то дворянин. Ты, правда, ничего не помнишь?! Похоже, ты зовёшь этого дворянина отцом, верно?» О, вы бы видели, как вдруг позеленел Антуан: «Да как ты смеешь!» – зашипел он на меня, – «Я родной сын графа и у меня нет и не было братьев!!! И я очень советую тебе поскорее расстаться с мечтой напроситься ко

мне в родственники! Ты меня понял?! Забудь об этом, пока я не приказал изуродовать твою физиономию! Мой отец недостаточно богат, чтобы разбрасывать своё состояние на благотворительные усыновления! Я же своё место уступать тебе не намерен!»

– Эжен, признайся, ты сейчас присочинил, – всё-таки решился предположить Рай.

– Нет, – тут же вскинулся юноша, – Я помню эти слова дословно. Помню, что вскочил, словно ошпаренный. Да, мы поднялись из-за стола одновременно. Представляю картинку, дворянин и матрос, а лица одинаковые! Он закончил свою блистательную речь уже в полный голос, и я ответил ему, тоже в полный голос, да так, что это уже слышали все присутствующие: «Да подавись ты своим состоянием! Мы с Виктором много богаче тебя! Хотя бы потому, что мы никогда не отречёмся друг от друга! У тебя гнилая душа, братец!» Тут он схватил кубок с вином и выплеснул его содержимое прямо мне в лицо. А я... я чуть не перепрыгнул через стол, но меня поймали мои, так сказать, товарищи. Антуан оказался передо мной, а у меня руки были вывернуты за спину. Видно, я очень красноречиво на него посмотрел, потому что он вдруг ещё больше позеленел и как даст мне в скулу, да так сильно, что у меня перед глазами всё поплыло. У этого дворянчика оказалась тяжёлая рука.

И Эжен даже взялся за скулу, словно решил проверить, в самом ли деле она цела. Видать, эти воспоминания воскре-

сили в нём не только душевную, но и физическую боль:

– Да, приласкал он меня тогда не по-детски. До сих пор не понимаю, как я тогда не лишился пары другой зубов. Но да о чём это я? Ах да... Антуан... Помню, как сквозь туман увидел я своего капитана господина Ля Голя и услышал его вопрос, обращённый к братишке: «Что происходит, Ваше Сиятельство? Чем я могу помочь?» «Что происходит?!» – переспросил Антуан, потирая ушибленную руку, – «Да вы только взгляните на этого проходимца! Надо ещё что-нибудь объяснять?!» «Да!.. Но... Но у меня на корабле есть ещё один такой же... Чёрт... Это невероятно!!!» «Вы спрашиваете, чем вы можете мне помочь? Так вот, помогите мне выбить из головы этого негодяя навязчивую мысль о нашем родстве! Это чувшь! И вам это известно!» «Да... Как это я раньше не заметил...» – простонал Ля Голь, он был знатным тугодумом, но в тот раз вдруг сообразил, – «Так ведь королевский указ чётко определяет, что подобное сходство простолюдина и дворянина недопустимо! И...» – тут, кажется, капитан усмехнулся и что-то зашептал на ухо Антуану.

Эжен еще отпил молока, оторвал от краюхи лепёшки здоровенный кусок, проглотил его, почти не жуя, и продолжил:

– К тому моменту у меня в голове уже чуть-чуть прояснилось, и я заметил... кажется, заметил, что Антуана вдруг, как холодной водой окатило. Он бросил на меня ледяной взгляд и произнёс: «Нет! Я против и настаиваю на этом! В этот раз хватит хорошей порки. Но если он ещё раз попадётся мне на

глаза, я последую вашему совету». «Не было бы поздно!» – я прочитал эту фразу по губам капитана. «Капитан, я хочу вас попросить, чтобы об этом инциденте, то есть о моём с ним сходстве, никто из присутствующих не проронил ни слова, вообще о его существовании. В противном случае вы лично будете иметь дело с адмиралом!» С тем Антуан ещё раз смерил меня брезгливым взглядом и вышел. Пригрозить именем самого адмирала! Высоко летает братец, подумал я тогда, и это было последней моей ясной мыслью в тот вечер. Не знаю, успел ли Антуан выйти из таверны, когда меня так приласкали... Больше я про Антуана до сегодняшнего дня ничего не слышал. Хотя, почему же... Уже тем же вечером насмерть перепуганный капитан приказал привязать меня и ничего не понимающего беднягу Виктора к мачте корабля, и нас отменно высекли. Мы отлеживались в трюме ночь и весь следующий день, а потом... Ночью мы сбежали. Да, стали дезертирами. Нас, кстати, не очень-то искали. Вот такая получилась история. Виктор до сих пор поминает недобрым словом некоего господина де Валеньи, а я до сих пор не смог сказать ему, что за этим именем скрывается его обожаемый братец.

Рассказ Эжена подошёл к концу, и Рай, наконец-то, позволил себе перевести дыхание:

– Да, очень неприятная история... Но, Эжен, тут надо учесть, что он и правда тогда ничего не знал... вернее хорошо забыл вас с Виктором. И твоя настойчивость в этой си-

туации не могла ему понравиться. Да и небезопасно это для дворянина, наследника большого состояния...

– Ага, всё-таки большого, – усмехнулся Эжен.

– Не в этом дело.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, господин Рай. Мы ещё легко отделались. Верно!?

– Ты не представляешь, насколько хуже всё могло быть! Антуан рассказал мне о королевском запрете на близнецов. Ты слышал о таком?

– Слышал... – Эжен нахмурился пуще прежнего, – И я догадываюсь, что капитан Ля Голь предлагал сделать с нами. Получается, Антуан запретил ему. Интересно, почему...

Рай кивнул, усмехнувшись в усы:

– И никто из матросов не проговорился Виктору про Антуана?

– Представьте, нет. Точнее не успели. Сначала нас обоих упекли под замок, потом секли, потом снова под замок, а потом мы сбежали. Нелегко это было сделать, когда наши спины обработали плетьюми. Интересно, знает ли Антуан, как добросовестно капитан выполнил его просьбу.

– Эжен, не забывай, другой на месте Антуана...

– Нет, господин Рай, речь не о другом, а об Антуане! – вдруг сорвался Эжен, – Ведь сердце ему подсказывало, что я прав, иначе он бы поступил как-нибудь иначе, как какой-нибудь ваш «другой»! Он сознательно отказался поверить мне, иначе чем объяснить тот факт, что он, с одной стороны, не

последовал предложению капитана положить конец нашему сходству, и с другой стороны, не рассказал о нас своим родителям. Мог бы поведать об этом, как анекдот. Но он, как я понял, не сделал это!

– О! Эжен! Как раз это можно понятно, – и Рай примиряюще положил свою руку на руку юноши, – Представь, рассказать родителям, что в принципе существует возможность подмены их единственного сына. Не настолько у них простые отношения... А почему он потом, после моего появления не рассказал, ты и сам прекрасно понял. Послушай, Эжен, он неплохой человек. Я видел, как равнодушно он принял известие о Жане.

– Ещё бы! Как тут останешься равнодушным! – усмехнулся юноша и выдернул свою руку из-под руки Рая.

– Эжен!

– Хорошо, ну а вы не заметили после того, как он узнал о нашем с Виктором существовании, он не пытался нас найти?

– Признаться, не заметил, да и не было у нас ещё на это времени. Эжен, я хочу обратить твоё внимание ещё на одну деталь. Тогда в Туманной Гавани я встретил сначала только Антуана.

– Да, я помню, вы говорили...

– Тогда я принял его за Френсиса. И согласись, моё заявление, что я воспитал его брата близнеца, и что он, вообще говоря, один из четырёх было даже похлеще твоего признания. Но мне не пришлось долго уговаривать его свести меня

с вашим отцом. Теперь я могу это объяснить только тем, что он хорошо помнит встречи с тобой, и, скорее всего, эти воспоминания гложут его душу. Он в самом деле хотел в этом разобраться, хотел услышать это от отца. Согласись, ведь он мог бы, как ты выражаешься, послать меня подальше...

– Что ж, может быть... от вас было не так просто отделаться, как от меня, – ядовито усмехнулся Эжен, – Вы были лучше моего одеты и в родственники ему предлагали не босняка, а сына герцога... Вашей настойчивости можно позавидовать, – и Эжен отвернулся, – В любом случае, вы насытили свой интерес?

Рай и не стал скрывать тяжёлый вздох:

– Я благодарен тебе, сынок! Правда! Это было для меня очень важно. Теперь я стал лучше понимать и тебя, и Антуана... Придёт время, и вы с ним обязательно найдёте общий язык, я верю в это...

– Ваше право. Каждый развлекается как может, – горестно усмехнулся Эжен, – Но я читаю в ваших глазах ещё один вопрос. Надеюсь, только один, а то уже очень поздно, и мои кости изрядно гудят после этой встряски...

– Верно, дружок, верно. Есть ещё один вопрос, – легко согласился Рай, – Скажи мне, почему ты так много пьёшь? Ведь, как я понял, так было не всегда.

– Не всегда... – и Раю показалось, что Эжен стал как-то горько-печален, – Не всегда... Вы хотите знать и это? – юноша пожал плечами, – Что ж, почему бы и нет? Но, мо-

жет быть, вы попытаетесь угадать? Что может так испепелить жизненные силы, как по-вашему?

– Что?... Утрата близкого человека? – рискнул предположить Рай.

– О как?! Почти попали. Я имел неосторожность по уши влюбиться в... кого бы вы думали? В маркизу! Я буквально сошёл с ума. Как ещё можно объяснить охватившее меня безумие? Я не только имел наглость сказать ей об этом, я осмелился за ней ухаживать.

– И...

– И меня, как у нас говорят, отшили, или послали к чёрту, если хотите. И ладно бы просто отказали, запретили, а то ведь... Всю душу истоптали. Простите, я не стану рассказывать об этом подробнее. Просто, вот так с горя и запил. И так уже год. Знал, что надо бы остановиться, а не мог. Жизнь потеряла для меня всякий интерес, хоть в петлю. И была бы петля, если бы не Виктор. Бедный брат намучился со мной, почти год нянчился, да и... не выдержал. Мне, признаться, очень стыдно перед ним.

– Что ж, прости мне это любопытство... Я знаю, такие раны особенно глубоки. Но...

– Что, ещё вопрос?! – едва ли не застонал Эжен.

– Да, если позволишь, – но было видно, что Рай колеблется, – Эжен, ты сможешь мне выручить Антуана?

– Антуана... – и Эжен сердито сощурился, – Вы заставляете меня пойти против себя. А ведь я обещал, что больше из-

за него в петлю не полезу. Да и возможно ли помочь человеку, который отказывается от помощи?! Господин Рай, он же не верит вам. Мне вообще кажется, сейчас он гораздо больше доверяет вашему герцогу.

– Именно этого я и опасюсь... Эжен, я не предлагаю тебе лезть в петлю, – улыбнулся Рай, – Только ведь мне без тебя не справиться. Ты один способен заменить всю гвардию герцога! Перед тобой безрассудно нахальной смелостью я просто преклоняюсь. Нет, дружок, без тебя мне никуда.

– Вот это да! – и Эжен от души рассмеялся, – Так грубо мне никогда не льстили! Разве ж можно устоять! Вот только... Этот закон о близнецах. На кой чёрт нам с Виктором в таких условиях становиться дворянами?!

– Но ведь и простолюдинами вам не позволят остаться, не изменив внешность...

– А это если поймают!

– погоди, не перебивай! Я смотрел в глаза твоего отца. Вы все четверо равно дороги ему! Для него нет вопроса, принимать ли вас в семью. И я уверен, если есть хоть малейшая возможность уберечь вас от увечий, он использует её! Надо лишь дать ему время! Сейчас наша главная задача – спрятать всех вас от герцога и барона...

В ответ Эжен тяжело вздохнул и кивнул:

– Я вас понял... Какой получится разговор с графом, если мы потеряем Антуана?.. Ладно, считайте, уговорили. В петлю я из-за него не полезу, но кое-какие советы дать вам, по-

жалуй, смогу.

– Значит, договорились! – и обрадованный Рай протянул юноше руку.

Эжен лукаво сощурился, помедлил секунду другую, и... уступил, протянул руку в ответ:

– Бог с вами, господин Рай, договорились! И... спасибо вам... от Виктора!

– От Виктора?! За что?!

– Только за то, что вы вытащили меня из бутылки, – и Эжен улыбнулся своей такой светлой улыбкой близнецов.

Глава 21. Ночные видения.

Анна выбежала из дверей охотничьего павильона, взлетела в седло, и уже через пару секунд здесь о ней осталось лишь странное воспоминание. Странное, потому что тайно наблюдавший за её таким поспешным отъездом Виктор испытывал очень противоречивые чувства. Насколько графиня нравилась ему, настолько же он и не одобрял её действия. Ведь если подумать, на его, Виктора, месте мог оказаться кто-нибудь из слуг барона, и тогда жди беды. Но да ладно. Теперь пора решать, как быть дальше. Остаться ли здесь, или попытаться как-то помочь беспокойной графине де Шероль.

Виктор осмотрелся. Его конь оставлен на другой стороне этой поляны. «Досадно...» – вздохнул юноша и вдруг ясно различил звуки ломающихся сухих веток, словно кто-то пробирается через кусты напролом. А вот и конский топот! Не раздумывая, Виктор бросился ту сторону, и успел-таки заметить между деревьями всадника в ливрее барона.

– Вот чёрт! – в сердцах выругался юноша.

Решение пришло мгновенно. Он подбежал к двери домика и постучал. Ему не ответили. Видно, его стук был слишком силен и напугал беглецов. Что ж, Виктор решил не тратить время на уговоры.

– Слушайте внимательно! – закричал он в замочную скважину, – Графиня, сама того не желая, привела за собой шпи-

она барона. Я постараюсь его перехватить, но в случае неудачи имейте в виду, что барон будет здесь где-то через полтора или два часа!

Сказав это, Виктор бросился к своему коню уже не скрываясь, прямо через поляну. Припавшая к окну Марианна увидела лишь летевшего прочь от охотничьего домика человека в бедной шляпе и поношенном плаще.

– Собираемся! – круто развернулась она к артистам.

Удача улыбнулась Виктору очень своеобразно. Вырвавшись из густых зарослей кустарника на относительный простор, он скоро увидел слугу барона, но тот был уже далеко, слишком далеко! Осталось лишь возблагодарить небеса за то, что сейчас под Виктором была не его старая кляча, а один из скакунов Парадесса, но даже этого оказалось недостаточно, расстояние между ним и шпионом барона если и сокращалось, то страшно медленно, тут уж хоть локти кусай. Так, друг за другом, мчась подобно урагану, они и прибыли в дворец Шероль.

Случилось это аккуратно после захода солнца.

Проиграв в этой гонке, Виктор решил сыграть на другом. Он сходу бросился к барону, и его поспешность завершилась тем, что он смог-таки застать у своего нового господина очевидно того самого слугу, который так блестяще выполнил роль ищейки. Значит барон уже всё знает.

– В чём дело, Ровиньоль?!

– У меня есть, что вам сказать, господин, но...

– Что же?..

Глаза Виктора резанули удачливого конкурента.

– Ни эта ли спина мелькала предо мной?

– Так с чем ты пришёл? – барон начал терять терпение.

– Я знаю, где ваша племянница!

– Вот как?! Приятно слышать! – и барон тут же перестал скрывать радость, – Ты уверен, что это она?

– Конечно, господин! Я видел её собственными глазами!

– И она одна?

– Нет. С ней артисты...

– Бродячие артисты, ты хотел сказать... Хорошо! Очень хорошо! А какого-нибудь раненного молодого человека с ней нет, или, быть может, не раненного, но не артиста?..

Виктор уже открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент за дверью раздался стук, будто кто-то задел стул. Юноша одним прыжком оказался у двери и распахнул её. У противоположного выхода мелькнуло кремовое платье графини де Шероль.

– Она их предупредит! – тут же озвучил свои мысли Виктор и, не дожидаясь приказа, бросился догонять Анну.

А она, поражённая своим открытием, совсем потеряла голову, и теперь неслась прочь из дворца, совершенно не разбирая дороги. Слезы удушающим комом подступили к горлу, а душа горела в смятении. «Дура!!! Какая же я дура!!!» – едва ли не рвала она на себе волосы и продолжала бежать, бежать что было сил, но всякий раз, когда она оглядывалась,

видела не отстающего Виктора. Он что-то кричал ей, махал руками, но девушка была слишком взволнована, чтобы заметить отчаяние на лице преследователя и услышать мольбу в его голосе. Как ни старался Виктор, он не мог достучаться до сознания графини, как не мог и догнать её в её доме.

Неожиданно, проскользнув вслед за ней в очередную дверь, Виктор оказался во дворе дворца в непосредственной близости от конюшни. Здесь он чуть замешкался, решая, куда же направилась беглянка, но та быстро подсказала ему ответ. Уже через минуту она выскочила из конюшни верхом на гнедом коне, почти сразу пустила его в галоп и так не оставила Виктору ни малейшего шанса схватить её. Что ж, снова погоня? Молодой человек тоже бросился в конюшню. Слуги барона ещё не понимали, что происходит, видно, никакие распоряжения пока сюда не дошли.

– Передай барону, что я догоню графиню! – огрызнулся Виктор на одного из тех, кто хотел преградить ему дорогу и был таков.

Анна неслась подобно стреле, и то и дело грозила раствориться в сгущающихся сумерках. Наверно, так бы и случилось, если бы не её светлые волосы и кремовое платье, которые делали её похожей на лесную нимфу или, вернее, путеводную звезду, что указывала Виктору путь. И юноша не мог упустить эту звезду. Но... Он, наяву грезивший Анной, всё-таки не потерял голову, и скоро понял, что графиня скачет не к охотничьему павильону. Точно нет! Скорее наоборот,

в сторону противоположную ему. Он решил проверить, насколько осознанно она это делает, и.. остановился.

Его подозрения оправдались. Девушка тоже не упускала его из виду, вернее не хотела упустить, потому, как только он исчез с её глаз, Анна сразу же остановилась в растерянности. Она пару минут тщетно вглядывалась в сумрак и прислушивалась к звукам отходящего ко сну леса, как вдруг прямо перед ней возник Виктор. Это произошло так неожиданно, что девушка вскрикнула от ужаса, но уже в следующее мгновение Виктор ловко снял её с седла.

Поставил на землю, а вот отпустить... забыл. Даже в мечтах ему не грезилось, что женщина может так завораживающе пахнуть! Он держал её за талию и всеми фибрами души ощущал её тепло, её трепетное сердцебиение и горячее дыхание. Вот она! Так близко! Но, как часто бывает, стоит вдохнуть аромат вожаденного напитка, как тут же возникает непреодолимое желание и испить из этой чаши. Виктору захотелось быть к ней ещё ближе. Это желание было сильнее его, ибо отвечало всем чаяниям его сердца, вдруг открывшегося неведомому. Но это оказался именно тот момент, когда промедление «смерти подобно».

Анна очнулась раньше и, рывком высвободив руку, тут же залепила Виктору звонкую пощечину.

– Негодяй! Подлый шпион! – закричала она и уже была готова ударить ненавистного слугу барона снова, но на этот раз он повернулся.

– Госпожа, умоляю, выслушайте! – взмолился Виктор, но тут же был вынужден увернуться от очередного нападения, на этот раз она метила в него хлыстом.

Нет, она решительно отказалась его слушать. Если бы кто-нибудь спросил Анну в этот момент, что именно она собиралась сделать с Виктором, девушка точно не смогла бы ответить. Убить? Нет, конечно. Но этот человек не должен вернуться к барону! Да, это единственное, на чём сосредоточились помыслы полыхающей в огне отчаяния девушки. Она снова и снова замахивались на него хлыстом, а по щекам её текли горькие слёзы.

Виктор мог бы ещё долго уклоняться от этих её атак и так измотать, заставить успокоиться и наконец прислушаться к голосу разума. Но его сердце предательски дрогнуло. Оказалось, что ему не под силу видеть слёзы в этих прекрасных глазах. И потому он решил прибегнуть к крайней мере – силой остановить эту случившуюся с Анной истерику.

При очередном её нападении Виктор ловко перехватил руку девушки за запястье и вывернул за спину, да так, что в мгновение ока сковал её движения и снова оказался к ней опасно близко. О миг блаженства!

Но Анна отчаянно рванулась, и только это её сопротивление не позволило Виктору забыть о его решении, потому другая его рука сразу потянулась к горлу девушки, но Анна изловчилась и вцепилась в эту руку зубами, причём в запале сделала это так сильно, что тут же ощутила во рту вкус кро-

ви. Кровь?! Это страшно испугало её и заставило разжаться зубы. А уже в следующий миг Виктор сделал то, что решил сделать. Он хитрым образом сдавил горло девушки, и её мир опрокинулся. Так принудительно усыплённая Анна стала медленно опускаться на землю, но Виктор не позволил ей упасть, он бережно поддержал её, просто опустился рядом на колени, а она, наконец, затихла в его тёплых объятиях.

– Как же с вами сложно, – вздохнул Виктор, всматриваясь в прекрасное лицо девушки.

Мир уже утратил цвета, переодевшись исключительно в оттенки серого и синего, но тем не менее этого призрачного света всё ещё хватало, чтобы видеть идеальные черты лица Анны, любоваться ими. «Так вот, оказывается, что имел в виду Эжен, когда говорил, что в присутствии Эмилии ему трудно дышать! Да, такое не объяснишь другому...» – Виктор смотрел на Анну и никак не мог насмотреться, как и не мог не улыбаться. Так же неосознанно он потянулся ко лбу девушки, потому что очень захотелось поправить выбившийся из причёски локон. Он остановился лишь в последний момент. Эта свободная рука была сильно укушена, она напомнила об этом тихим эхом боли. Но главное, рана сочилась кровью. Испачкать лоб девушки кровью!? Да не за что! И Виктор вначале взялся было остановить кровь языком. А поняв, что этого недостаточно, аккуратно сменил позу и нашёл возможность перевязать руку.

Сколько времени они провели вот так наедине, трудно

сказать. Никогда прежде Виктор не терял связь с реальностью. Сегодня Анна подарила ему новый удивительный опыт, но всё равно, даже сейчас, если он и забылся, то ненадолго. Лишив девушку чувств, он принял на себя ответственность за её безопасность. Остаться на ночь в лесу одним, это не лучший способ позаботиться о ней. Решение пришло быстро – пока ещё не окончательно стемнело, надо отвезти графиню обратно в её дворец.

Виктор с братом ни раз зарабатывал на жизнь, работая конюхами, но ещё больше они узнали о лошадях в бытность членами труппы бродячих артистов. Так что сейчас Виктору не представило труда договориться с умным конём графини, заставить его опуститься на брюхо. Это позволило сесть на его спину прямо с Анной на руках. Пусть и с трудом, конь смог встать с такой двойной ношей. Вот так, держа Анну перед собой, Виктор и отправился в обратный путь ко дворцу Шероль. А другого коня, которого юноша уже нагло называл своим, он заблаговременно привязал к задней луке седла Анны.

Девушка, по сути, лежала на плече Виктора. Её сейчас ровное дыхание обжигало его шею, а белокурые волосы щекотали щеку. Всё это, каждый миг, юноша воспринимал как великое чудо, и был счастлив необыкновенно. Он был бы рад вот так ехать хоть всю ночь, хоть на край света. Этого и только этого хотела его душа. Но она не была способна полностью заглушить голос разума, так что именно он правил конём и

не ошибся в выборе дороги. «Графиня де Шероль дала кров графине де Монсар и её друзьям, отчаянно хочет защитить их. Разве я не должен ей помочь!?» – аккуратно поинтересовалась эта разумная часть существа Виктора, и блаженная от влюбленности другая его часть всё-таки услышала этот довод и согласилась с ним.

Дворец Шероль выступил из-за ветвей высоких грабов неожиданно, словно затеял игру в прятки. Окна его по большей части были темны, с этой стороны на дворе никого. Виктор расценил всё это как добрый знак. Он легко спешился, умудрившись так и сохранить покой усыплённой им Анны. Пристроив девушку на мягкую траву у стены, юноша позаботился о том, чтобы привязать коней к ограде, ведь они ещё могут понадобиться. После этого снова поднял на руки своё сокровище и понёс в дом.

В этих местах Виктор был впервые, потому чётко придерживался замеченных прежде ориентиров – и ко дворцу он вернулся точно тем же путём, каким прежде преследовал графиню, и в самом дворце теперь шёл точно той же дорогой, по которой, кто знает сколько часов назад, пытался её поймать. К чему сейчас экспериментировать? Дворец большой. А он точно знает, что так скоро окажется в главной гостиной, а там есть удобный диван. В том, что барон уже покинул дворец, Виктор не сомневался.

Его расчёт снова оказался верным, и уже через несколько минут он смог опустить спящую Анну на мягкий диван,

обитый бардовым бархатом.

– Что вы сделали с моей госпожой!?! – вдруг раздался трескучий голос дворецкого Пьера.

Седовласый слуга самоотверженно бросился на защиту хозяйки. Он схватил Виктора за плечи, оттолкнул прочь и уже хотел взяться будить Анну, но Виктор ловко перехватил его руку и развернул слугу к себе:

– Не надо её будить. Просто не получится.

– Что!?! Что вы... ты... – дворецкий понял, что не знает, как правильно обратиться к этому странному человеку. Но тут его взгляд зацепился за бедное платье странного гостя, наконец припомнилось и то, что Виктор при бароне Парадессе был лишь слугой, и это подсказало решение, – Что ты творишь!?! Признавайся, что ты сделал с моей госпожой!?!

– Я её усыпил, и тебе лучше сказать мне за это спасибо, – Виктор дружески улыбнулся слуге, и тем сильно пригасил пыл того, – Поверь, с ней всё в порядке. Она всего лишь спит. И лучше пусть всё так и будет, пока барон не уедет...

– Он уже уехал... Он и все его люди, кроме тебя... Их нет во дворце.

В ответ Виктор удовлетворённо кивнул:

– Значит и мне пора. Не тревожь госпожу. Она проснётся к утру, и всё это покажется ей лишь ночным кошмаром.

Теперь старый дворецкий совсем растерялся. Он не понимал, почему больше не опасается этого слуги барона, почему вдруг проникся такой верой и доверием к его словам. Вик-

тор понял его смятение, подошёл и дружески похлопал того по плечу:

– Обещаю, я позабочусь о том, чтобы барон больше не докучал твоей госпоже.

– Ты? Как? Ты ведь один, а их вон как много... Нет, вряд ли... Я тебя не знаю...

– Меня звать Виктором Ровиньоль. Так что теперь ты меня знаешь.

Пьер невольно кивнул и тут же смутился такой своей стоворчивости:

– Ты ведь слуга барона?

– Да.

– Так и... Это... Передай своему господину, чтобы убрался из наших земель! Иначе им займётся сам страж земель Шероль!

– Звучит грозно! – оценил Виктор, – Но я боюсь, что барон, как и я, не знает, о ком ты говоришь.

Дворецкий тут же вскинулся:

– Если хочет жить, пусть молится, чтобы и не узнать!

– Ох, старик, и любитель же ты говорить загадками. Бог с тобой! Передам. Мне пора. Позаботься о своей госпоже. Но не буди, не надо...

Виктор почтительно поклонился дворецкому и решительно направился к двери для прислуги.

– Ты куда это!? – изумился дворецкий, – Выход в другой стороне!

– Здесь ведь ближе, верно? – лукаво улыбнулся Виктор.

Его взгляд снова зацепился за нежный прекрасный лик Анны, так мирно, так тихо спящей на диване. «Почему мне кажется, что если я уйду сейчас...» – загудело в голове юноши, но темпераментный дворецкий прервал его мысленный монолог:

– Мне решительно не нравится, что слуга барона расхаживает по этому дому как по своему собственному! Это возмутительно!

Что ж, Виктор прощально взмахнул ему рукой и скрылся всё-таки в выбранном именно им направлении. Он снова бежал скрытыми ходами дворца Шероль, дорогой, указанной ему перепуганной хозяйкой дома, и очень скоро снова оказался на заднем дворе.

Стало совсем темно, но ночь выдалась ясная, звёздная, а скоро и луна взойдёт. «Значит, справлюсь!» – решил юноша и решительно отправился в путь по тёмному лесу, прихватив с собой и коня Анны. Внутренний голос юношу буквально потребовал это сделать. Если конь не пригодится, то просто останется в охотничьем павильоне.

Дорога его оказалась не близкой и много сложнее, чем хотелось бы. Ему всё-таки пришлось поплутать в тёмном лесу, но интуиция в конце концов помогла ему найти верный путь. Вот он, затерянный в лесу домик, и с одного взгляда на него стало ясно, что теперь здесь хозяйничает барон. На поляне паслось с десятков коней, виднелись костры, а в павильоне

ярко освещены все окна.

Виктор оставил коня Анны на некотором отдалении, и, больше не таясь, полностью положившись на судьбу, направился прямо к этому новоявленному лагерю разбойников. При виде его гвардейцы барона сразу всполошились, и к моменту, когда Виктор подошёл к дверям павильона, вокруг него уже образовалось ошестинившееся шпагами и ножами оцепление.

– Эй, ребята, вы чего? – искренне возмутился Виктор, – Я ведь теперь один из вас! Зачем же так пугать меня?

– Ха, один из нас, – с нескрываемой насмешкой передразнил его появившийся на крыльце павильона грозный Карлос.

– Пусть войдёт! – тут же раздался приказ барона.

Карлос был открыто недоволен, но всё-таки подчинился и отступил в сторону.

– Что же ты будешь делать, старина, когда я и правда захочу тебя обидеть? – усмехнулся Виктор, лукаво подмигнув сердитому Карлосу.

Грозного испайронца при таких словах юноши аж передрнуло, но тот словно и не заметил это, спокойно прошёл мимо.

– Значит вернулся! – приветствовал его барон.

Он встал с кровати, на которой осталась лежать Марианна. Виктор с изумлением увидел, что руки девушки связаны за спиной, а на глазах чёрная повязка.

– Что за блажь завязывать мне глаза! – возмутилась она.

– Заткнись! Или я завяжу тебе и рот! – огрызнулся барон.

Девушка тяжело вздохнула и подчинилась. Ошеломлённый Виктор с трудом отвёл взгляд от её сердито сжатых губ. И вот уже барон заставил содрогнуться и его. Взгляд единственного глаза испайронца был страшно ядовит.

– Господин, я чем-то разгневал вас? – Виктор решил сразу прояснить этот вопрос.

– Разгневал меня? Ты? Напротив, малыш, я рад, что ты вернулся, – отозвался барон и даже попробовал улыбнуться.

«Может быть, тогда и Карлос тоже так выражал свою радость?» – мысленно усмехнулся Виктор, – «Что за люди!?»

– Давай же, рассказывай, где же тебя носило? – потребовал барон, – Догнал беглянку?

– Конечно догнал, – и Виктор самодовольно усмехнулся, – Желаете услышать подробности?

Барон выразил готовность слушать, и Виктор пустил в пространный рассказ о своих ночных похождениях, даже показал укушенную руку. А сам между тем осматривал комнату, которая изменилась до неузнаваемости. Ему даже показалось, что несколько часов назад он заглядывал не сюда, такой здесь теперь царил беспорядок: большая часть мебели поломана, вазы разбиты, гардины и картины сорваны со своих креплений, перекошены, рискуют в любую минуту рухнуть на пол. Всё это и растрепанный вид Марианны говорили о том, что здесь разыгрались трагические события. Но какие?.. «Фургона артистов нет. Как нет и никаких призна-

ков присутствия того раненного, Анри, кажется... Возможно, графиня приняла на себя главный удар, и дала артистам возможность увезти того парня! Кем же он ей приходится, раз она ради него готова жизнью рискнуть!?» – пронеслось в голове Виктора.

– Вот, в общих чертах, и всё, – тем временем завершил он свой рассказ и снова поклонился.

– Ты выглядишь так, словно ожидаешь похвалы, – оскандился барон, – Серьёзно!? Разве не знаешь, что моей целью была поимка племянницы! А ты вздумал за блондинкой бегать...

– Господин барон, выслушайте меня. Просто я знал, что кроме меня есть кому показать вам дорогу... Вы и ваши люди достигли своей цели. А графиня де Шероль оказалась не в силах вам в этом помешать, – и Виктор веско повёл бровью, – Так что же не так, господин? Чем именно вы недовольны? Скажите, и, если в моих силах угодить вам, я сделаю это.

– Вот значит, как, – смягчился барон, – А ты умеешь гладко стелить. И правда умён. Ладно. Хорошо, что вернулся. Иди спать. Утро вечера мудренее...

В самом деле, уже полночь не за горами, посиделки у костров не затянулись, но Виктор успел-таки за это время разговорить гвардейцев барона, которые в отсутствие Карлоса оказались не прочь лучше узнать своего нового приятеля. Так, слово за словом, Виктор понял, что он верно представил себе разыгравшуюся здесь драму. Марианна героически

держала оборону аж пару часов. Когда найденный ею в охотничьем домике боевой арсенал иссяк, в ход пошло холодное оружие. Схватить строптивую бунтарку оказалось очень трудно. Хоть она и палила в воздух, и сражаясь со шпагой в руках, не стремилась убивать, тем не менее почти все гвардейцы барона оказались оцарапаны, а пара так и конкретно ранены.

И только после такой трудной победы над племянницей, барон вспомнил про фургон артистов. Он сразу послал людей найти его, и те вернулись ни с чем. На вопрос, как такое возможно, ведь фургон не мог испариться, должны же были остаться следы, гвардейцы ответили, что к тому времени уже стало темно, следы затерялись во мраке, и барон позволил продолжить поиски утром. Его слуги открыто выразили надежду, что к утру их господин забудет про этих бродяг, ведь если подумать, зачем они ему сдались? Племянница нашлась. Всё, проблема решена!

Виктор согласился с ними, и тут же взялся сам потешить их историей про одного вечно пьяного кузнеца, который так ревновал жену, что повесил ей на талию пояс из колокольчиков...

– Что там за гогот? – хмуро поинтересовался барон у такого же хмурого Карлоса.

– Ровиньоль развлекает этих дураков какими-то байками...

– Он тебе не нравится. Почему?

– Что он, баба, чтобы нравиться мне? – огрызнулся Карлос.

– А если серьёзно?

– Он умный пройдоха, господин. У меня на его счёт дурное предчувствие... Зачем он вам сдался?

– Поживём, увидим... – барон горько поджал губы, взглянул на затихшую племянницу и отправился спать в соседнюю комнату, даже дверь за собой плотно закрыл.

Скоро и его люди начали располагаться ко сну. Кто-то разложил свои плащи прямо на земле у костров, кто-то предпочёл отправиться на сеновал. В числе этих последних оказался и Виктор. Там он расположился с краю, так, чтобы в просвет между крышей и стеной можно было видеть звёздное небо, ведь надо же как-то скоротать время, дожидаясь, пока все вокруг уснут.

Ночь и правда выдалась необыкновенно звёздная. Юноша смотрел на небесную алмазную россыпь, а видел на её фоне лучезарный образ Анны. Эта девушка так крепко запала в его душу, что уже не было никаких сомнений, отныне его жизнь не будет прежней.

«Она хочет защитить графиню де Монсар. Наши желания совпадают», – Виктор тепло улыбнулся призрачной Анне и снова прислушался к звукам вокруг. Те, кто расположился здесь же, на сеновале, уже спят. Углубить, закрепить их сон хитрым приёмом через нажатие особых точек на шее, это для Виктора всё равно, что детская забава. Главное, это так

же бесшумно добраться до горла тех, кто сторожит графиню де Монсар.

Карлос, предводитель гвардии барона, позаботился о том, чтобы расставить дозорных. Как минимум два человека точно не спали – один у конюшни, другой сидел у главного костра. Этот второй всё-таки уже клевал носом, видать устал любоваться залитой лунным светом поляной.

«Должен быть кто-то ещё», – размышлял Виктор, всматриваясь в расстановку гвардейцев, – «Карлос не дурак. Он один раз уже упустил графиню, теперь он должен охранять её лучше... Как бы на его месте поступил я?»

Стоило задать такой вопрос, ответ пришёл мгновенно, осталось только проверить. Виктор аккуратно выбрался из сарая, в котором располагался сеновал, и нырнул в густую тень деревьев. Его целью была тыльная сторона охотничьего павильона, та, что вплотную примыкала к лесу. Да, он оказался прав, здесь, с разных сторон павильона, он и нашёл двух действительно бдительных стражей. Точнее сказать, бдительности их всё-таки не хватило для того, чтобы заметить Виктора, так что она им не помешала предаться навязанному юношей сну. Следующим стал страж, присматривающий за конями. Усыпить того, что был виднее всех, сидя у костра, оказалось проще всего, потому что этот малый сам задремал. Видно, никто не напомнил ему, что нет лучшего снотворного, чем зрелище тлеющих углей.

Всё, теперь можно заняться главным. Виктор знал, в какой

комнате видел Марианну, знал, в какое окно надо постучать. Точнее он понадеялся, что, как и днём, стучать не придётся. В самом деле, рама снова поддалась совершенно беззвучно.

На столе тихо тлела лучина. Марианна по-прежнему лежала на кровати, руки связаны за спиной, на глазах повязка. У дверей комнаты прямо на полу сидел страж. Разглядеть его лицо было невозможно, но его выдало его дыхание. «Как же слуги барона любят поспать!» – порадовался Виктор и решился перемахнуть через подоконник. Ещё лишь два широких шага, и вот она, уверенность, что и этот страж проснётся очень нескоро. Дверь в соседнюю комнату, где спал барон, была закрыта плотно. «Что ж, пожалуй, лучше туда не соваться», – рассудил Виктор, развернулся к Марианне и невольно содрогнулся.

Изучая обстановку в комнате, Виктор уже видел Марианну, но то было лишь сухое наблюдение. Юноша давно усвоил, что, когда затеваешь игру со смертью, ни в коем случае нельзя давать волю эмоциям. Но сейчас, когда выдалась возможность чуть перевести дух, но вдруг обратил внимание на то, что племянница барона всё ещё лежит на кровати связанная уже как минимум пару часов.

«Неудивительно, что эта девушка предпочла бежать с незнакомцами, чем оставаться под такой вот опекой. Тогда, может быть, и против моего общества она не станет возражать?» – приободрил сам себя Виктор и осторожно приблизился к Марианне.

– Я друг и пришёл спасти вас, – произнёс он тихо-тихо.
Девушка тут же кивнула.

«Вот и умница!» – порадовался Виктор и снял с её глаз повязку. Пока он развязывал связанные за спиной руки девушки, она старательно жмурила, надеясь так скорее вернуть глазам способность видеть. Как только появилось долгожданное чувство свободы, Марианна резко развернулась к своему спасителю, и неверного света лучины хватило, чтобы разглядеть лицо Виктора.

С уст девушки уже был готов сорваться возглас радости, но юноша успел предостерегающе приложить палец к её губам. Что ж, Марианна снова кивнула в знак того, что готова слушаться его. Виктор указал в сторону окна и уже через мгновение сам был около него. Снаружи по-прежнему тихо. Марианна возникла за его спиной словно тень, совершенно бесшумно, и всем своим видом дала понять, что готова к побегу. Тем лучше.

Виктор первым перемахнул через подоконник. Только он хотел было обернуться назад, чтобы предложить девушке свою помощь, как она уже сама спустила на землю, сделала это быстро, ловко, тихо, словно она всю свою жизнь лазила из окон. Теперь лишь пара шагов в сторону, и они уже оказались в плотной тени деревьев. В тот же миг Марианна схватила Виктора за руку.

– Не надо бояться! – Виктор ободряюще шепнул Марианне на ухо.

– Я ничего не вижу, – так же тихо откликнулась девушка.

Виктор крепче сжал её руку и потянул в сторону. Луна уже взошла, так что стало значительно светлее, чем то было ещё час назад, но всё равно недостаточно, чтобы можно было передвигаться быстро. Как в таких потёмках найти гнедого красавца графини де Шероль? До этого момента Виктор был уверен, что это проще простого, но теперь уверенность его стала быстро преобразовываться в мольбу о чуде. И эта мольба была услышана – наконец, в нескольких шагах впереди отчетливо раздалось конское фырканье.

– Ай да молодец! – похвалил коня Виктор.

И уже через мгновение смог лично потрепать холку того. Листва деревьев здесь была не очень густой, лунный свет, перепрыгивая с листа на лист, всё-таки умудрялся обрисовывать контуры ветвей и не только их.

– Этот конь... – изумилась Марианна.

– Это конь сейчас наш, – тут же откликнулся Виктор, – Осталось только решить, куда ехать. Есть идеи на этот счет?

– Да. Ко дворцу графини де Шероль, – тут же решила Марианна.

– Почему туда?

– Где-то недалеко от него есть буковая роща. Геньи велел в случае проблем направиться туда.

– Геньи? Страж земель Шероль?

– Да...

– А точнее? Где именно у дворца находится эта роща?

– Я не знаю. Артисты поняли его без лишних слов, и я не стала это уточнять. Теперь очень сожалею... Если бы я могла предположить, что всё так сложится...

– Всё в порядке. Я знаю, кто нам поможет. Главное решено – едем ко дворцу Шероль.

– А ты знаешь дорогу?

– Да, знаю... Ничего, если мы устроимся на этом коне сразу вдвоём? – счёл необходимым уточнить Виктор.

– Конечно. Тебе решать!

Виктор в очередной раз от души порадовался такой стоворчивости своей ночной спутницы, помог ей занять место в женском седле, а сам расположился на крупе коня, позади девушки. Вот так и началось их путешествие.

К сожалению, очень скоро стало ясно, что пора снова начинать молиться. Хотя Виктор уже прошёл этим путём ни один раз, находить ориентиры в ночном лесу, это тот ещё аттракцион. На их счастье, луна и правда сегодня была большая, яркая, и предельно обострившееся зрение всё-таки позволяло находить так необходимые приметы. И ещё, великой удачей стало то, что конь Анны был из той редкой породы лошадей, которые отлично видят в темноте. Кто знает, может быть ещё и поэтому внутренний голос Виктора настоял на этой краже.

Они ехали молча. Всё внимание Виктора было поглощено поиском верной дороги. Марианна чувствовала это и по его тревожному дыханию, по тому, как он осторожно пра-

вит конём, одновременно оберегая её от падения. Её спаситель творил невозможное, и девушка решила хранить благодарное молчание, хоть так помочь ему.

Когда же в просвете между деревьями в неверном лунном свете проступили очертания дворца Шероль, Виктор искренне воздал хвалу Всевышнему.

– Получилось! – радостно вздохнул он.

– Это дворец Анны де Шероль? – решила уточнить Марианна.

– Да, верно.

– Я всё-таки напомним, нам нужен не он, а...

– ...буковая роща. Я помню. Но здесь мы найдём того, кто скажем нам, где находится эта роща.

– Вот как... Ты не перестаешь меня удивлять! Откуда такое знание этих мест и людей, живущих здесь? – Марианна, наконец, озвучила так изводивший её вопрос.

– В двух словах и не ответишь, – усмехнулся Виктор.

– Хорошо. Отложим этот разговор, – легко согласилась девушка, – Так кому именно мы будем задавать вопросы?

– Как насчёт хозяйки этих земель? Она ведь должна знать ответ, верно?

– Анна? Она, конечно, знает, но... Как её здесь найти? Нам лучше бы остаться незамеченными...

– Верно. Поэтому сделаем так... – Виктор уже остановил коня, спешил сам и помог Марианне спуститься на землю, – Я объясню, где найти графиню, вы её разбудите и при-

ведёте сюда... Ну, либо она выделит нам провожатого.

– Я ничего не понимаю! – не выдержала Марианна, – Откуда ты знаешь Анну? И...

– Мы ведь уже решили отложиться вопросы-ответы на лучшее время, верно? Вы доверились мне. Тогда просто сделайте так, как я прошу. Хорошо?

Марианна тут же кивнула.

– Отлично. Тогда вы сейчас войдёте вон в ту дверь, за ней будет глухой коридор шага в три, и дверь, которая не запирается. Толкнете её, и окажитесь в коридоре, в котором точно есть окна, а значит и свет... – и Виктор подробно описал путь, которым Марианна должна была во дворце найти Анну. После этого он рассказал, как именно привести Анну в чувства.

– Так, погоди, а это откуда ты знаешь?! – изумилась Марианна.

– Сегодня был длинный день... – усмехнулся Виктор, – Я с удовольствием отвечу на все вопросы, но позже.

– А почему не пойдёшь со мной?

– Я сегодня видел одну примечательную буковую рощу. Она и правда здесь недалеко... Пока вы будете будить графиню де Шероль, я наведаюсь туда, проверю.

– Так, может быть, вместе проверим?

– Признаться, я бы вообще не хотел водить вас обеих по ночному лесу! Поэтому, лучше бы и не пришлось... Дождитесь меня здесь, и в случае моей неудачи, вместе решим, что

дальше делать, хорошо?

– Хорошо.

– Дорогу в покои графини запомнили?

– Да... – менее охотно подтвердила Марианна, всё-таки такая осведомлённость, как она думала, Жана, сильно её смутила.

Но Виктор не позволил ей зацепиться за эти мысли. Он уже подвёл её к заветной двери, немного поколдовал с замком, открыл его, вошёл первым и отворил следующую внутреннюю дверь, за которой и правда был виден залитый лунным светом коридор. Что ж, Марианна подчинилась. Виктор поклонился ей в знак признательности и сам закрыл за ней дверь. Но девушка не выдержала, всё-таки вернулась, приоткрыла внешнюю дверь, выглянула наружу и увидела, как её ангел-хранитель бежит к тёмному лесу.

Что ж, раз она решила подчиниться его воле, значит... вперёд. «Будет здорово, если меня сейчас поймают слуги Анны! Как я буду объясняться?!» – мелькнуло в сознании Марианны, но эта мысль не столько смутила, сколько развеселила смелую испайронку. Так бывает, когда ты уже переступил черту невозможного. Теперь и правда, только вперёд!

Найти правильный путь в тёмном дворце оказалось проще, чем Марианна ожидала, и по дороге ей никто не встретился. Первую зажженную свечу девушка нашла только в гостиной, в которой на диване продолжала спать хозяйка дворца. И вот здесь-то и обнаружился первый из слуг графини де

Шероль. Дворецкий Пьер пристроился на стуле около госпожи и небезуспешно боролся со сном.

– Стой! Кто идёт?! – вскинулся седовласый слуга сразу, как тайная дверка пришла в движение.

– Я друг... Точнее подруга госпожи Анны! – поспешила откликнуться Марианна.

То, что новый непрощенный гость оказался женщиной, очень удивило Пьера.

– Имейте в виду, я готов стрелять! Если не передумали, заходите медленно...

И Марианна решилась. Она продолжила открывать дверь, медленно, очень осторожно. И как только стало возможно, сразу показала стражу свои открытые ладони.

Незванный гость оказался не просто женщиной, а молодой прекрасной девушкой, одетой явно в дворянское платье. Это совсем обескуражило бедолагу Пьера. Марианна приветливо улыбнулась ему и даже поклонилась:

– Поверьте, я пришла с миром!

– Ну да, через тайный проход... Ночью... – недоверчиво вздохнул Пьер.

– Я могу разбудить вашу госпожу. Для этого и пришла. Позвольте мне это сделать?

– Что? В самом деле?.. Тот человек сказал, что это сложно сделать... – растерялся Пьер, – Вы правда можете? Тогда давайте!

Марианна ещё раз поклонилась верному слуге Анны, по-

дошла к его госпоже и, недолго думая, звонко хлопнула перед её лицом. В тот же миг графиня де Шероль вздрогнула и открыла глаза.

– Так просто?! – обрадовался Пьер и тут же упал на колени перед госпожой, – Как вы себя чувствуете, Ваше Сиятельство?!

– Я... я что-то не понимаю! – отозвалась Анна, изумлённо осматривая комнату. Она дома... и рядом Марианна?! – Как вы здесь оказались, сударыня?

– Сударыня?... – Пьер тоже развернулся к ночной гостье, – Значит, верно, вы из благородных? Впрочем, что это я... Вы так выглядите... Но тогда откуда вы так хорошо знаете дворец госпожи?! Прийти сюда ходами прислуги....

Та примиряюще улыбнулась в ответ:

– Об этом надо спрашивать того, кто привёз меня сюда... А я просто получила очень подробные указания и могу с гордостью похвастать, что нашла дорогу, совершенно не плутая.

– Я не поняла, сударыня, кто именно указал вам этот путь?! – Анну охватило такое волнение, что она тут же забыла и про головную боль, и про ломоту во всём теле.

– Мой спаситель...

– Спаситель? Объясните мне толком, о ком вы говорите? И где сейчас барон? – потребовала Анна.

Марианна устало вздохнула и кратко рассказала о том, что произошло в охотничьем павильоне:

– Поверьте, сударыня, мне очень жаль, что я принесла вам

столько волнений. Я бы не посмела явиться сюда и дальше вам досаждать, но мой брат... Его увезли артисты, и только вы можете помочь мне найти их. Вы ведь знаете, о какой именно буковой роще говорил Геньи?

– Конечно знаю. Но всё-таки, я так и не поняла, почему этот ваш друг так хорошо знает мой дом?

На это Марианна лишь развела руками:

– Признаться, мне тоже это очень интересно...

– И где он сейчас?

– Он предположил, что знает, где находится эта роща, и пошёл проверить. Скоро должен вернуться.

– Вернуться сюда? Снова этим путём? – нахмурился Пьер.

Марианна вынужденно кивнула.

– Пойдёмте, встретим этого загадочного спасителя, – и Анна решительно встала с дивана.

Марианна даже обрадовалась этому её решению, вот только предложила подруге прежде переодеться во что-то более тёплое и тёмное. Та легко согласилась и почти бегом бросилась в свою гардеробную. Она запретила Пьеру будить кого-либо из горничных, он должен был просто ждать. А вот Марианна составила подруге компанию и даже помогла ей поскорее избавиться от кремового платья, после чего Анна быстро нырнула в другое, более удобное. Наблюдая за ней, Марианна поняла, что эта графиня, как и она сама, умеет легко обходиться без посторонней помощи, даром что благородная. Анна не была изнеженной особой. И её решение пря-

мо сейчас самостоятельно разобраться с проблемами своей злосчастной гостью говорило ещё и о большой смелости.

Они вдохнули прохладный воздух глубокой ночи уже очень скоро.

– Ничего не понимаю... Я ведь запер дверь после ухода того человека... – озадаченно пробурчал Пьер, но делиться этими соображениями с госпожой не стал.

Сейчас именно он отвечал за её безопасность. Хоть с этого момента он сделает всё правильно. Теперь седовласый слуга был вооружен парой пистолетов и шпагой, и чувствовал себя грозной силой. Анна и Марианна остались стоять около факела, который Пьер пристроил в кольцо около входной двери. Правда, этот факел делал ночь только темнее, а лес, до которого его свет не мог дотянуться, только ещё страшнее. Поняв, что эта темнота начинает сковывать сердце ледящим кровью страхом, Анна решила нарушить молчание:

– Как думаете, долго нам придётся ждать вашего друга?

– Очень надеюсь, что недолго... – Марианна испытывала точно те же чувства.

Девушки посмотрели в глаза друг друга и им стало чуточку легче.

– Милая графиня, признаюсь, я до смерти напугана, – Анна дружески коснулась руки новой подруги, – У меня странный провал в памяти! Лес, погоня и.. моя гостиная! Я лежу на диване, будто заснула за чтением! Бред!!!

– Успокойтесь! О нас заботится сильный друг. Опасность

позади!

– Хотела бы я вам верить... Но во всём этом слишком много непонятного... Каким образом ваш друг взял моего коня? Почему именно моего?... Это откровенное воровство, ведь никто из моих слуг не позволил бы взять его без моего разрешения!

Марианна чувствовала, что её уже пошатывает от усталости, и глаза начали слипаться. Слушать Анну внимательно было трудно, да ещё и такие рассуждения... Так что Марианна невольно испытала раздражение:

– Я всё-таки прошу не спешить обвинять благородного человека в воровстве. Ведь вы сами сказали, что у вас какие-то проблемы с памятью...

– Ну знаете... Это уже можно назвать грубостью... – возмутилась Анна.

Марианна правда не хотела с ней ссориться, но и позволить оскорблять Жана, не могла. Неизвестно, куда бы завёл их этот разговор, но тут совсем рядом раздался приглушённый мужской голос:

– Наше почтение! – и из темноты вышел приземистый бородатый человек в громадной шляпе.

А вслед за ним появился Жан. Дикая усталость, несмотря на все старания скрыть её, сквозила в каждом его движении.

– А вот и ответ все наши вопросы! – обрадовалась Марианна, – Мы ждали вас!!

– Нас?! – изумился бородач.

– Конечно. А где Анри, артисты? Вы нашли их?!

– Да. Франсуа один из моих лучших учеников... Но... –

Геньи осёкся на полуслове.

Мужчины растерянно переглянулись.

– Вас что-то смущает? – заметила это их движение Марианна.

– Смущает? Скорее радуется... Вы обе здесь! Столь же храбрые, сколь и прекрасные, – откликнулся бородач, – Артисты едва живы от страха, уверены, что ваш опекун посадил вас, сеньорита, едва ли не в клетку. А вы вот... невредимые гуляете в ночи, – Геньи открыто улыбался.

– Постойте, – Анна решительно выступила вперёд, – Геньи, – обратилась она к спутнику Жана, – Ты хорошо знаешь этого человека? – и девушка выразительно кивнула в сторону юноши.

– Да... настолько, насколько это было возможно сделать за полдня...

– О! Анна, не волнуйтесь! – Марианна схватила подружку за руку и развернула к себе, – Это мой лучший друг! Я знаю его очень хорошо! Уже ни раз этот человек спасал меня и моего брата от верной гибели. Я сильно подозреваю, что мы с Анри нашли в его лице своего ангела хранителя!

– Графиня!.. – Жан невольно смутился.

– Очень интересно... – недоверие Анны ничуть не уменьшилось.

– Вы ещё многого не знаете. Нам надо найти какой-нибудь

укромный уголок, и мы всё проясним, – и Марианна крепче сжала руку подруги.

– Что верно, то верно, мадемуазель, – усмехнулся Геньи, – Вы ещё кого-нибудь ждёте?

– Нет! – решительно заявила Марианна.

– Вы уверены?! – всё-таки уточнил Геньи.

– Да нет же, кого ещё ждать?!!

– Тогда ладно! Предлагаю отправиться ко мне... – принял решение Геньи – Пьер, я забираю твою госпожу. Если барон снова появится, скажешь, что она уехала в Рунд, и у него больше нет повода здесь задерживаться. Понял?

Дворецкий с готовностью поклонился.

Анна взлетела на своего любимого коня, Марианну взял в седло Жан, Геньи возглавил шествие. И уже минутой позже лишь величавые сосны недоуменно перешёптывались, взирая на опустевший двор.

* * *

Новым убежищем беглецов оказалась небольшой одноэтажный дом на берегу живописного тихого озера. Как пошутил хозяин, старый добрый слуга, а точнее друг графини де Шероль, бородач Геньи, о существовании этого райского уголка не знает даже ветер. Это конечно же преувеличение. Просто посвященных можно было пересчитать по пальцам одной руки. Но теперь тайна надломилась, и тихая обитель приняла сразу так много гостей...

Геньи пообещал, что за пару часов очистит свою мастер-

скую и соорудит из неё настоящие хоромы, достойные прекрасных графинь. Таков был план на утро. А пока... В конце разбитые от усталости гости этого заповедного уголка легли на брошенные на пол одеяла и погрузились в глубокий сон.

Они проспали до полудня, до самого того момента, когда их человеческая сущность не начала взывать к удовлетворению голода. Оно и понятно, ведь Геньи, колдовавший над небольшим очагом, раздражил обоняние гостей ароматами жареной дичи. Неудивительно, что равнодушным к этой пытке остался лишь лежавший без сознания Анри. Его жизнь всё ещё вызвала сильные опасения, но ухудшения не было, и это обнадеживало.

За наспех сооруженным огромным столом собралась небывало пёстрая компания: две графини, прекрасные, как ясный день и звёздная ночь, семейство бродячих артистов, старый прокопчённый всеми ветрами Геньи и молодой человек, не то герцог, не то граф, с очень расписным лицом. Все ссадины и синяки, так щедро отвешенные Жану прошлым днём гвардейцами герцога, теперь проявились во всём своём великолепии, а как болело хорошо помятое тело, ведомо было лишь ему одному.

– Боже праведный! Жан! – ужаснулась Марианна, увидев его.

Молодой герой только что искупался в озере, но это лишь ещё больше подчеркивало его воинственную окраску.

– Я так страшен? – Жан, извиняясь, попытался улыбнуть-

ся, но припухшее лицо плохо его слушалось.

– Как же тебе досталось!

– Всё позади.

– Да, мадемуазель, – вмешалась в разговор Маргарет, – Вашего друга хорошо помяли. Но, главное, кости целы. А с этими кровоподтеками мы разберемся в два – три дня.

– Милая Маргарет уже осмотрела меня, – при этом Жан благодарно поклонился целительнице.

– Какое же это счастье, что Анри и Жан попали в ваши руки, дорогая Маргарет!!! – и Марианна крепко обняла целительницу.

– На всё воля Божья, – растроганная Маргарет даже прослезилась.

За столом царило радостное оживление, они счастливо избежали пленения – чем не повод для праздника? Вот только Анна никак не могла поддаться очарованию момента, против воли не переставала изучать лицо Жана... Конечно же он не мог этого не заметить и молча терялся в догадках – Анна явно хотела о чём-то спросить его, но пока не решалась.

А тем временем пир близился к завершению. Все воздали должную хвалу таланту Геньи, на что тот тут же заметил, что провизии надолго не хватит, и это будет представлять некоторую, пусть и небольшую проблему. Но сейчас никто не хотел думать о таких мелочах, они обсудят это позже. А пока... солнце озорно подмигивало сквозь изумрудную листву и мастерски рисовало на лицах людей счастливые улыбки.

– И всё же, мне не даёт покоя одна мысль, – вдруг заявила Анна. Её взор обратился к Жану, который уже давно ждал от неё вопроса, – Когда вас так разрисовали, сударь?

– Вчера, ещё до полудня, – с готовностью ответил юноша. Он очень обрадовался тому, что Анна наконец-то отважилась объяснить себе и окружающим, что так смущало её.

– Но этого не может быть!!! – глаза Анны возмущённо распахнулись.

– Почему же?! Как я понял Геньи, Марианна рассказала вам о наших бедах...

Искренность и непосредственность вопроса поставили Анну в тупик. Она огляделась. Все без исключения ожидали от неё объяснений. Что ж, Анна сокрушённо покачала головой:

– Похоже, кто-то из нас сошёл сума, и раз я в меньшинстве, то... Но факты! Что с ними делать?!

– Что вы хотите сказать? – Марианна выразила всеобщее недоумение, и за столом воцарилось гробовое молчание.

– Дорогая Марианна, кто привёз вас в мой дом, дал вам указания, как добраться до моей гостиной по чёрному ходу? – Анна всем телом развернулась к Марианне.

– Да, интересный вопрос, – тут поддержал её и Жан.

– Как кто?! Жан, это спрашиваете вы?! – изумилась Марианна, в возмущении вдруг забыв, что они с Жаном уже успели перейти на "ты".

– Да. Я, думаю, и господин Геньи присоединяется.

Тот веско кивнул.

Теперь пришёл черёд Марианны нахмурить брови:

– Это уже не смешно! Жан, кто если не вы помогли мне бежать от барона?!

– Я?! – Жан даже приподнялся от удивления, – Я бы всё отдал, чтобы поспеть к вам на помощь, но в этот раз...

– А кто же ещё?! Я же не слепая!!! – Марианна начинала злиться. А у Анны отлегло от души: "Значит, будем решать эту головоломку вместе!"

– Марианна, вы уверены? – осторожно уточнил Жан.

– Что с вами, Жан?!

– Вот и ладно, – и Анна решила взять инициативу в свои руки, – Давайте разбираться. Марианна, припомните, как был одет ваш спаситель.

– Мне было не до одежды, хватит того, что я видела его лицо! – в голосе Марианны слышались нотки раздражения и тревоги.

– Да, лицо! Именно! Я тоже его видела, только оно не было так разрисовано синяками! – и Анна развернулась к Жану, – Сударь, всё утро я нагло рассматривала вас... Прошу, извините мне эту бесцеремонность. Я только старалась выяснить, не ошибаюсь ли. Очень жаль, что вашу внешность сейчас так портят эти ссадины, но вы остаётесь собой, и при этом изумительно похожи на него.

– На кого же?! – Жан даже подался ближе к ней.

Но прежде, чем ответить, Анна перевела дыхание:

– Видите ли, сударь, у барона на службе состоит невозможно похожий на вас человек! Да, изумительное сходство! Я имела возможность с ним пообедать, барон представил его дворянином... Поверьте, я не ошибаюсь! Ведь мы с ним сидели за одним столом! – Анна ожидала, что тут ошеломлённые слушатели остановят её, и остановилась сама.

Слушатели и правда были ошеломлены, но возражать ей не спешили: артисты предпочли не вмешиваться в разговор господ, Геньи сощурился и в задумчивости потирал нос, а Марианна и Жан словно оцепенели. Анна пожала плечами и решила продолжить свой рассказ:

– Он очень странный... Помню, я ещё ломала голову, как человек с такой благородной внешностью, с такими чистыми глазами может служить барону?.. Но потом всё прояснилось. Он такой же негодяй, по крайней мере я так решила после того, как сама, собственными ушами слышала, как он докладывал о том, что выследил меня, что знает, где я вас спрятала. Потом они заметили меня... Я пыталась, убегая, увести этого шпиона подальше, но... он силой остановил меня. Помню, как я отчаянно вырывалась из его рук, и вдруг всё оборвалось... Я проснулась в своей гостиной... Всё бы ясно, да только меня смущает то, что по всей видимости это именно он спас вас, Марианна, именно он привёз вас в мой дом и рассказал, как подняться ко мне дорогой, по которой несколькими часами раньше преследовал меня. Да, получается именно так! Это он воспользовался моим конём, чтобы

привезти вас...

Артисты и Геньи закачали головами, каждый на свой лад, но эти жесты, как бы ни рознились они по форме, означали одно и то же – услышанное не укладывалось в их сознании. Тогда Анна обратилась к Жану:

– Сударь, ну что же вы молчите?! Подтвердите или опровергните мои слова!

И тут взгляд Жана прояснился:

– А как его зовут?

– Виктор Ровиньоль, – поспешила ответить Анна.

– Значит... Виктор! – и Жан медленно развернулся к Марианне.

Она поняла его и уже тоже не могла не улыбаться:

– Милая Анна, вы сказали, что он был представлен дворянином. Так он дворянин, или?..

– Он служит барону, это точно. А что касается его дворянства, откуда мне знать?.. – охотно откликнулась Анна, – Хотя... Да, помню, он очень удивился, когда я назвала его дворянином. И барон как-то странно среагировал на это моё предположение... Вы что-нибудь понимаете?

В ответ Марианна радостно кивнула:

– Всё за то, что это он предупредил нас об опасности! Помните того человека? – Марианна подарила артистам веский взгляд и снова вернула всё своё внимание подруге, – Вам, Анна, видимо, придётся сильно изменить мнение об этом человеке. Он не виноват в нашем несчастье. Кто-то ещё

выследил вас, а он нас предупредил...

– Но я слышала...

– Что-то мне подсказывает, что это не имеет значения. Этот Ровиньоль приехал много позже барона. Я уже была связана, когда он появился. И он в самом деле очень похож на Жана. Барон знает это, и потому завязал мне глаза. Дядя не хотел, чтобы я увидела этого Виктора. Но я видела его, чуть позже! Ах, если бы я могла предположить такое! За всё время нашего путешествия я ни разу не назвала его по имени. Кто бы мог подумать!

– А потом появились мы, – подытожил Жан, – Вы приняли меня за него, и... сказали, что нам больше некого ждать. А мы-то с вами хороши, господин Геньи!

– Но куда же он тогда делся? – встревожилась Марианна.

– Вы что-нибудь понимаете? – не выдержала Анна, – Так объясните же нам. Как это может быть?! Такое сходство!..

Марианна примирительно взяла Анну за руку и тепло улыбнулась:

– Извините, дорогая, что раньше не отнеслась к вашим словам серьёзнее. Видите ли, дело в том, что в лице этого Виктора Ровиньоля мы нашли сильного и умного друга. И что особенно приятно, так это то, что он, очевидно, брат Жана. Они близнецы! – и Марианна испытующе посмотрела на окружающих, – Вам трудно поверить, но ещё труднее будет смириться с тем, что вообще-то от рождения их четверо! Четыре близнеца!

– Но это уж слишком! – отмахнулся Геньи и неловко рассмеялся.

– Может быть... – улыбнулась Марианна, – Это длинная история, и мы обязательно как-нибудь расскажем её вам. А пока... Жан, вас уже трое! Ты, Антуан де Валеньи, Виктор Ровиньоль. Я начинаю верить в чудеса.

– Да уж, – Жан, улыбаясь, перевел дыхание, – Того и гляди, четвёртый появится.

Марианна охотно закивала и тут же взялась загибать пальцы:

– Виктор возник вчера. Ты днём раньше...

– Я возник? – от души рассмеялся Жан.

– Простите, друзья, хоть я человек и не суеверный, но тут пахнет нечистой силой, – заметил Франсуа.

– Близнецы. Что здесь страшного? – возразила Марианна.

– Но четыре?!

– Четыре... – эхом отозвался Жан, – Для меня это тоже дико, друзья, но одного я уже видел, другого – вы, третий перед вами. Если вы, господин Геньи, поможете мне, то мы не сегодня, так завтра привезём его сюда, и тогда посмотрим, – и Жан усмехнулся, представив себе эту встречу, – Значит, дело лишь за четвёртым. Как его зовут, Марианна, Эжен?

– Да, если ничто не изменилось, – Марианна выразительно посмотрела на Жана.

– Но ведь Виктор сохранил имя, – возразил Жан, – И исчезли они вместе... Значит... Эжен... Лихо дело закручива-

ется. Но прежде всего Виктор!

Глава 22. Старый друг.

Первые проблески утренней зари застали Виктора на сеновале охотничьего павильона графини де Шероль. Он лежал с закрытыми глазами, изображал спящего, но на самом деле снова и снова прокручивал в голове события минувшей ночи. «Будь я проклят, если что-нибудь понимаю! Куда они подевались?! Куда?!» – этот вопрос настойчиво буравил сознание юноши, заставляя забыть и про усталость, и про сон, – «Так, ещё раз, по порядку. Первое: графиня де Монсар уверенно спутала меня с кем-то из своих друзей... Как же это я умудрился не представиться?! Возомнил о себе невесть что! Так бы она и доверилась незнамо кому... Вот остолоп!!! Ох, ладно... Теперь-то ясно, спутала. Всего лишь спутала... При этом я похож на этого кого-то настолько, что это можно разглядеть и среди бела дня. Да, вот оно! Поэтому барон завязал племяннице глаза! Чтобы она не увидела меня раньше времени... Именно моё лицо так привлекло внимание барона к моей скромной персоне! Он совершенно наверняка собирается как-то воспользоваться этим, конечно, если я буду дураком... Но кто этот «кто-то»? Эжен? Точно нет!.. Ладно... В охотничьем домике этого кого-то не было, но надо вспомнить, что графиня бежала с двумя... Да, двое с рыночной площади! При чём "неприговорённый", Анри, сейчас серьёзно ранен, а второй... Второй на площади был в маске!

Если учесть, что у нас с Эженом... Эжен... У нас с Эженом есть брат, то... Да! Всё становится на свои места! Даже больше!!! Антуан!!! Бог весть кем он стал, но... Он ведь был усыновлен дворянской семьей! Не поэтому ли барон решился представить меня дворянином?.. Графиня де Шероль вполне могла знать Антуана как человека высшего света, барон ясно выразился... Стоп, а если бы она и правда знала Антуана, и тут вдруг я, близнец-простолюдин... Что за игры затеял барон?! Ведь в таком случае, раскрылось бы... Чёрт, я снова ничего не понимаю. Не понимаю я этого барона! Не понимаю, куда же всё-таки делись девушки?! Так стоп, вот это как раз стало чуть яснее. Получается, что графинь увёл... Антуан?! Ведь он где-то здесь... Нет, ну ладно, они могли принять его за меня, в это я готов поверить. Но он-то что? Назвался мной? Зачем? Хотя, может быть, он, как и я, неразговорчивый? Ведь сумел же я, козёл лопаухий, почти час вести графиню де Монсар по лесу и не спросить о главном, не назвать своё имя! Конец тебе, Виктор! Получай корону короля олухов! Где теперь искать девушке и... Антуана?! Искать?.. Нет, похоже, теперь их черёд искать меня...»

Ночью, осознав, что упустил девушек, Виктор не придумал ничего лучше, как вернуться к барону. Он рассудил, что это возвращение по крайней мере даст ему ответ на вопрос, не угрожает ли барон прекрасным графиням. Теперь же, когда пришло осознание того, что он принял единственно верное решение, Виктор позволил себе расслабиться и да-

же смог задремать, но отдых его оказался очень кратким.

На дворе охотничьего павильона переполох начался за-долго до восхода солнца. Крики на испайронском и фрагийском, хлопки дверей, ржание потревоженных коней. Какой уж тут сон? Причина этого столь раннего оживления могла быть лишь одна – исчезновение графини де Монсар. Виктор сладко потянулся, с жадностью лоя, быть может, последние спокойные мгновения: «Бедный барон! Как он это переживёт?! Но что ещё интереснее, когда Антуан доберётся до меня? Ох, поскорее бы... Ведь Анна сейчас наверняка с ним! Анна?! Да, Анна...»

– Ровиньоля к барону! – округу накрыл зычный приказ Карлоса, это Виктор разобрал совершенно чётко и внутренне собрался.

Уже через минуту он увидел сквозь длинные ресницы, как вход в сарай заслонила грозная фигура самого Карлоса. Старый верный слуга барона не знал мягкости в обращении со своими подчинёнными. А этому молокососу, так ловко наступающему ему на пятки, уж и подавно не стоило рассчитывать на деликатность командира.

Схватив попавшийся под руку тугий узел скрученной верёвки, Карлос с силой швырнул его в Виктора. Юноше пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы, даже видя момент этого броска, не попытаться увернуться. Если уж изображать спящего, то до конца! Удар получился чувствительный, но, конечно же, не смертельный. Юноша вскочил

на ноги и от души выругался.

– Тебя требует к себе сеньор, – сухо выдавил из себя Карлос и, метая искры из глаз, всем своим видом дал понять, что пойдёт к господину только следом за Виктором.

Тот счёл за благо не обострять ситуацию и поспешил показать лицо утренней заре. Его появление чуть успокоило других слуг, но этого нельзя было сказать о бароне, стоявшем в дверях павильона. Что ж, Виктор, якобы с трудом раздирая глаза, приблизился к грозному господину.

– Где ты был этой ночью?! – взгляд чёрного глаза барона словно острая стрела вонзился в юношу.

– Спал, господин, – Виктор, казалось, искренне удивился вопросу.

– Спал?! И тебе ничего не известно о случившемся?

Ответом стало безмолвное изумление синих глаз. Барон чуть сощурился:

– Ты хочешь сказать, что не знаешь о новом побеге моей племянницы?

– Что?! Снова?! Помилуйте, она же была в комнате, соседней с вашей!

Губы барона сжались так сильно, что превратились в узкую щёлку. Виктор якобы только сейчас понял, что взболтнул лишнее, ударил себя по губам и поспешил снова склониться в почтительном поклоне.

– Всем собираться, – тут же распорядился барон, и голос его был холоден, как лёд, – Карлос и Ровиньоль отправятся

во дворец Шероль и проверят, там ли графиня де Шероль, хорошо ли себя чувствует. Долго не прохлаждаться. Встретимся на дороге к Рунду.

С тем барон и скрылся в павильоне, успев, правда, кинуть на Карлоса весьма загадочный взгляд. Слуга остался неприкаянным, только мгновенная усмешка искрой коснулась его губ и утонула в густых седых усах. Виктор скорее почувствовал, нежели заметил, всё это, но сама перспектива ехать в Шероль очень ему понравилась, а риск благородное дело...

Карлос искренне невзлюбил Ровиньоля, но того гораздо больше удивляло другое. Этот старый испайронец, твёрдый и непреступный, как скала, то и дело стучался в прошлое Виктора. Как-то невзначай: нечаянный жест, тон, взгляд – нет-нет да и удивят Виктор, будто он уже видел это прежде, хорошо знал...

Они ехали ко дворцу Шероль молча, казалось, каждый целиком ушёл в себя, но на самом деле взаимная слежка не ослабевала ни на миг.

«Да, что-то в этом человеке не так...» – Виктор подавил тяжёлый вздох, – «Но главное – это то, что он с удовольствием воспользуется первой же удобной возможностью, чтобы посмотреть, каков я изнутри. Барон, барон... Вы серьёзно думаете, что я стану это долго терпеть? Не знаю, зачем вообще вы меня подобрали, но эдак игра оборвётся раньше, чем вы бы хотели. А всему виной станет ваша "правая рука" ...»

Ко дворцу Шероль они добрались одновременно с первы-

ми лучами солнца. Где-то в птичнике во всю голосили петухи, на скотном дворе блеяли овцы – вот там и правда жизнь кипела вовсю. Но с этой стороны дворца ещё было очень тихо, ни души. Неожиданно для Виктора Карлос заявил, что о делах графини де Шероль они будут справляться тайно и... порознь. Коней он приказал оставить здесь, под прикрытием густых зарослей ив, и здесь же они должны снова встретиться через час.

«Хочешь поиграть в кошки мышки?» – мысленно усмеялся Виктор, – «Герой, ты вообще помнишь, зачем мы сюда приехали?» Словно в ответ на эти мысли юноши, Карлос смерил его грозным взглядом и вдруг счёл необходимым напомнить, что главная их задача, это найти какие-нибудь следы племянницы барона. Что ж, Виктор поклонился в знак того, что всё понимает.

На самой кромке леса Карлос жестом дал понять, что намерен пойти в сторону парадного входа дворца. Виктор безразлично пожал плечами и указал в сторону, где явно располагались подсобные помещения, конюшня, скотный двор, мол пойдёт другим путём. На том они и порешили. Виктор отправился в выбранном направлении, не покидая тени леса. В какой-то момент он перепрыгнул через поваленное дерево и затаился, обернулся. Оказалось, что Карлос пошёл обходить дворец Шероль открыто, не таясь, словно просто прогуливается здесь.

«Чудак-человек! Это называется разведать тайно?» – изу-

мился Виктор, но тут же смекнул, что испайронец взялся разыгрывать этот спектакль именно для него, для Виктора. «Хочет, чтобы я поверил в то, что он оставил меня в покое... И что тогда? Чего именно он от меня ожидает?» Виктор с тоской посмотрел в направлении чёрного входа во дворец, где этой ночью оставил Марианну. Всеми фибрами своей души он хотел оказаться сейчас именно там, и при дневном свете всмотреться в следы, которые точно должна была сохранить влажная земля, посыпанная там речным песком. Но Карлос всё усложнял.

Вот он, наконец, скрылся за углом. Виктор сменил позицию, и снова затаился. Испайронца невидно. Выждав минут десять, Виктор ещё раз повторил манёвр, сменил укрытие и снова выждал. Раз уж и в этот раз Карлос не объявился, Виктор решился-таки рискнуть, отправился в желанном направлении, благо это было очень близко, лишь обогнуть правую башню.

Да, здесь ночью его должна была ожидать Марианна, при идеальном раскладе, вместе с Анной. Земля, ещё сырая от росы, и правда вся испещрена следами. У Виктора от радости даже дух перехватило. Это же прямо раскрытая книга! Надо лишь суметь прочитать! Но чтобы читать такой текст, нужен особый навык и особый опыт. Когда-то Виктору доводилось охотой добывать себе пропитание, так что поначалу задачка представлялась лёгкой. Но оказалось, что следов здесь даже слишком много! И человеческих, и конских...

Слишком много! И Виктор озадаченно схватился за голову. Эта загадка начала пугать. «Как же быть? Так, стоп. А где здесь мои следы?» – и юноша присмотрелся к отпечатку собственного башмака. Это стало началом. Дело, пусть и с трудом, всё-таки сдвинулось с мертвой точки. Юноша с головой нырнул в разгадывание этого ребуса, и вдруг за спиной раздалось:

– И что здесь видно?

Виктор резко развернулся и увидел усмехающуюся физиономию Карлоса.

– Следы.

– Умный мальчик. И что же они тебе говорят?

– Я в них не разбираюсь?

– А я так очень хорошо разбираюсь. Посмотрим?

И Карлос присел рядом.

Минуту они смотрели на землю, и эту минуту Виктор, с трудом усмирив гул крови в ушах, размышлял, как избавиться от этой неприятной опеки.

– Парень, а что ты здесь делал этой ночью? – Карлос медленно развернулся к Виктору.

– Я?! Ты, видать, не так уж хорошо разбираешься в следах...

– Не держи меня за идиота, молокосос! – и Карлос сплюнул сквозь зубы, – Вон там ты наследил сейчас, а это память ночи. Сравнить ты в состоянии?

– Ладно. Уговорил, – с нескрываемой издёвкой в голосе,

усмехнулся Виктор, – Напомню тебе, что я привёз сюда графиню. Вот уж не думал, что у тебя такая короткая память.

– Да, привёз, и не одну... – в тон ему отозвался испай-ронец, – Вот ты нёс де Шероль, шаг тяжёлый, глубокий... Так... Вот шёл обратно... Очень мило... А это?! Ох, мальчишка, – и Карлос открыто развернулся к «напарнику», – Этой ночью ты наследил не только здесь, но и под окнами охотничьего павильона. Там твои следы шли шаг в шаг со следами сеньориты Марианны. Знаешь, как выглядят её следы? Или сам мне покажешь? Ведь это был ты, верно? И ты привез её сюда, так? Что, наконец, понял? Не на того ты на-рвался, сопляк! Мои соболезнования!

Теперь они стояли друг напротив друга. Сердитая ухмылка Карлоса могла кого угодно испугать, только не Виктора. Юноша лишь с откровенным сожалением вздохнул:

– Убить меня хочешь? Ох, старина Карлос, а ведь барон это не одобрит. В моём лице он лишится такой занятной игрушки.

– Игрушки? – Карлос сощурился, – Быть может, и так... Но он уже сделал свой выбор. Послав нас сюда вдвоём, он уже всё про тебя решил. Либо ты дурак, либо мертвец.

– Фокус в том, что я нечто третье... Ты правда ещё не понял это?! – и улыбка Виктора стала более открытой и наглой.

– А это мы сейчас выясним, – огрызнулся в ответ Карлос, и уже в следующий миг выхватил шпагу и ринулся на Виктора.

Но тот вдруг бросился бежать, чем сильно удивил испайронца. Обогнув этот небольшой двор по периметру, Виктор так же неожиданно остановился на кромке леса. Он решил принять бой здесь. Неожиданный забег заставил Карлоса запыхаться и несколько выбил из колеи, но решимости ничуть не убавил. Он с ходу ринулся в нападение, и сразу стало ясно, что это точно не игра. Испайронец в самом деле ищет смерти Виктора. Но молодость, её ловкость и безумная смелость, подкреплённые большим мастерством, оказались для старого слуги барона непреодолимым препятствием. Очень скоро он осознал, что за наглостью его молодого противника стоит нечто такое, против чего он, умудрённый немалым жизненным опытом вояка, теперь оказался бессилён. Это привело его в бешенство, а гнев стал затмевать разум. Виктор почувствовал это и постепенно проникся сочувствием к противнику, но тот упрямо лез и лез на шпагу. Это надо было остановить и как можно скорее. Ведь, положив руку на сердце, юноша не желал Карлосу смерти.

Решено, сделано. Шпага молнией вылетела из рук испайронца и вонзилась в стоящее рядом дерево. Так оставшись безоружным, Карлос пытался осознать смысл произошедшего ещё секунды две. Неужели этот щенок так играючи смог его разделать?! Его!!! Лучше уж смерть, чем такой позор!!! Тяжёлый взгляд чёрных глаз вонзился в Виктора:

– Как?!? Дьявол!!! Так убей же меня!!!

Но Виктор, отрицательно качнув головой, сделал шаг на-

зад.

И Карлос взорвался:

– Да чтоб кашалот взял тебя на закуску к рому!!! Ты сделаешь это!!! Или я...

Закончить мысль Карлосу помешала более, чем странная реакция Виктора – молодой человек вдруг просиял и с силой хлопнул себя ладонью по лбу. Уже в следующий миг на Карлоса смотрела лучезарная мальчишеская физиономия, выражая такой бурный восторг, такую неподдельную радость, что испайронец растерялся...

– Как же я раньше не понял?! Чёрт побери!!! «Чтоб кашалот взял тебя на закуску к рому!» Мигель?! Мигель Вальначо!!! Живой, старый чёрт! Как же тебя изменило время!!! Оказывается, у меня не хватило воображения представить тебя без той знатной бороды! А я-то думаю, что это моё второе "я" в тебе нашло... Ха! ... на закуску к рому!!! Мигель!!!

Карлос недоверчиво отступил:

– Это имя я не слышал уже без малого пять лет... Кто ты?!

– А если бы со мной рядом был Эжен, ты бы узнал? – теперь Виктор говорил на чистом испайронском, – Хотя вряд ли, ведь мы были совсем пацанами, к тому же всегда грязными... Помнишь, пираты...

– Эжен... Эжен и Виктор?! Не может быть!!!

– Ещё как может! – радость Виктора не унималась, – Наш угрюмый кок, неприступный кок!!! С каким же удовольствием мы тебе пакостили, и каким же дорогим человеком ты то-

гда был для нас!!! Мигель, Мигель...

– Виктор?!! – Карлос, казалось, изо всех сил старается разглядеть в своём недавнем противнике четырнадцатилетнего мальчугана, пытающегося стянуть со стола колбасу... и только улыбка, этот заразительный смех, говорили, что он не ошибается, – Виктор! Я схожу с ума! Ты?!!

– Я, копчёный краб!!!

– А Эжен? Эжен-то где?!

– Где-то в Рунде.

– Ты...

И тут Виктор с изумлением заметил, как увлажнились глаза его старинного друга:

– Вот это да!!! Гранит Вальначо прослезился?!

– Заткнись, цыплёнок! – огрызнулся Карлос и вдруг раскрыл объятия.

Стоит ли говорить, что Виктор не заставил себя упрашивать. Они, наконец-то, обнялись...

Когда первый порыв радости чуть улёгся, Карлос оттолкнул от себя Виктора, как бы желая рассмотреть со стороны:

– Да... возмужал! Как же лихо всё закрутилось! Что же мы теперь будем делать, парень?

– Ты, морской волк, ни в пример барону, уже всё просёк, и тебе решать, поддерживать мою игру или просто отпустить. Надеюсь, теперь ты не желаешь мне смерти?

– Не обижай, сынок! Я знаю, что значит быть благодарным!

– Тогда помоги мне, Мигель! – и в голосе Виктора послышались нотки мольбы.

– Следы прочитать?.. – усмехнулся испайронец, – Это ты, парень, молодец, что додумался не принимать бой там. Пойдём...

Виктор боялся поверить своей удаче. Карлос оказался Мигелем, человеком, которого он с Эженом, будучи ещё мальчишками, спасли от верной гибели. Куда делась эта косматая копна всегда спутанных волос? Как он решился расстаться со своей окладистой бородой, прежде надёжно скрывавшей всю нижнюю половину его лица? В этом коротко подстриженном испайронце с благородно аккуратными бородкой и усами просто невозможно было распознать старого пирата! Мигель стал Карлосом! Кто бы мог подумать?! Но так ли сильно изменило время его изнутри, как сделало это снаружи? Если бы он стал союзником, это бы было почти победой! Если бы... Голос Карлоса вывел Виктора из задумчивости. Они уже вернулись ко дворику у чёрного входа, и испайронец прикидывал, что здесь к чему...

– Где ты научился так драться, малыш? – задал он неожиданный вопрос.

– У меня было много разных учителей... Ты и сам знаешь, хочешь жить, умеешь вертеться, – Виктору не терпелось приступить к разгадке ребуса, и он позволил себе поторопить Карлоса, – Я всё тебе расскажу, но потом. А сейчас...

Карлос кинул на Виктора косой взгляд и усмехнулся:

– Ладно, тогда будь любезен отвечать на мои вопросы честно, и дело пойдет быстрее. Так... Значит, парень, племянницу барона ты привёз сюда...

Виктора кивнул.

– А куда дел?

– Подозреваю, на этот вопрос ты сможешь ответить лучше меня.

– Вот как?! Ты хочешь сказать, что потерял её?! Блеск!

Карлос осторожно бродил по двору, тщательно обходя всё, что может дать хоть какой-то ключик к разгадке тайны.

– Так, так... Ты проводил сеньориту Марианну вон к той двери, а сам... так ты, убежал в лес... Слушай, за тобой приехали ещё двое! Вот тебе и ответ. Эти двое и увезли наших красавиц.

– Как? Силой?! Я ничего не слышал... Кто эти двое?!

– Не всё сразу... Эй, парень, я сейчас тебя к столбу привяжу! Не путайся под ногами!

– Прости.

– Они появились здесь сразу... или почти сразу после того, как удалился ты. Так... Так... Ну, что я могу сказать? Это не мои люди, дело ясное. И я не думаю, что это люди герцога... Один из этих двоих ростом с тебя...

– Ты и рост по следам можешь определить? – изумился Виктор.

В ответ Карлос соорудил оскорблённую мину:

– Поставь сюда свою ногу. Видишь? Один размер, вы оди-

накового веса, у вас похожая походка, размах шага... Второй, чуть хромает и значительно старше... Это точно не артисты... Кто-то другой. Я видел его следы у охотничьего павильона... Вот и всё.

– Как всё?! А девушки!?

– А девушки с удовольствием предпочли их общество твоему. Так... Молодой взял к себе в седло графиню де Монсар, графиня де Шероль воспользовалась услугами своего коня и всё... Осталось только выяснить, куда им приспичило отбыть.

И тут Виктор взял Карлоса за плечо:

– Мигель, теперь тебе надо решить, как велико твоё желание обо всём этом рассказать барону.

При таких словах юноши Карлос вдруг рассердился:

– Я сейчас тебя удавлю, щенок! Ты, что, забыл – я служу только себе?! Или тебе надо это напомнить?

– Не горячись! – легко уступил Виктор, – Я только хочу, чтобы ты правильно понял и меня. Ты сейчас правая рука барона, и твоё решение многого стоит.

– И именно в мои руки он вручил твою судьбу, – закончил Карлос.

– Мигель! – Виктор нахмурился пуще прежнего.

– Парень, ты дурак или притворяешься?! – и Карлос раздражённо сплюнул сквозь зубы, – Ещё пять лет назад я обещал тебе и Эжену верную дружбу, а я такие заявления на каждом шагу не разбрасываю. Тем более, мне очень жаль се-

ньориту Марианну... Ты думаешь почему я не сказал барону о том, что видел твои следы под её окном?..

– Что?! А правда, почему? Ты не против того, что я её выкрал, но при этом собирался меня убить. Как-то сложновато получается...

– Кто такой этот Виктор Ровиньоль, чтобы вмешиваться в судьбу сеньориты Марианны? По мне так опасный пройдоха! Выкрал девчонку и тут же потерял. При этом ещё и самозабвенный врун... – усмехнулся Карлос, – Терпеть не могу тех, что пытается водить меня за нос и замахивается на то, что им не по зубам. Так что не переживай, в своем намерении убить тебя, я был искренним. Как искренен и теперь, протягивая тебе руку.

– Вот как... – Виктор сокрушённо вздохнул, – Продолжаешь зубами выгрызать себе место под солнцем... Время тебя совсем не изменило.

– Нет, парень, изменило, и ещё как изменило... Так едем?..

Виктор поклонился другу в знак большой признательности и почти бегом бросился туда, где они оставили своих коней, ведь если Карлосу предстоит читать следы, то Виктору вести коней.

Но путь их оказался недолог. Уже в полумиле от дворца следы окончательно запутались.

– Всё. Это конец. Тот старик, что их опекает, знает толк в этих делах. Вчера тот артист смог-таки укрыть свой фургон,

правда, я не очень-то хотел его найти... Но сейчас... Это и правда работа мастера, – Карлос снял шляпу и вытер вспотевший лоб.

– Ты уверен?..

– Абсолютно... Что ты намерен делать теперь?

Виктор молча смотрел в глубину леса: «Ничего!?! Неужели удача снова отвернулась от меня?!!»

– Ты уверен, что хочешь их найти? – вдруг поинтересовался Карлос, который всё это время продолжал пытливо всматриваться в лицо своего молодого друга.

– Уверен, – тут же кивнул Виктор.

– Ясно. Другого я, признаться, и не ожидал услышать...

Тогда скажи – при них есть раненный?

Виктор чуть сощурился и всё-таки решился, кивнул.

– Получается, господин Анри снова выжил. Надо же, какой живучий, – усмехнулся Карлос, – Не зря барон не стал спешить справлять по нему панихиду. Впрочем, насколько я понял, он её уже справил, много лет назад... Так или иначе, с ними тяжело раненный, значит далеко они не уйдут. Но, с другой стороны, здесь слишком большой лес, потребуется слишком много времени, чтобы его перевернуть...

– В этом нет необходимости. Они сами меня найдут, рано или поздно найдут, но только при условии, что я буду при бароне, – уверенно заявил Виктор.

– Вот значит как. Ты считаешь, что, когда они разберутся, кому сеньорита Марианна обязана своим спасением, у них

возникнет непреодолимое желание поблагодарить тебя? – усмехнулся Карлос.

– И не только поэтому. Признайся, Мигель, этот "молодой" как две капли воды похож на меня. Думаю, этой ночью девушки обознались... Верно?

– Так ты знаешь?! – изумился Карлос.

– Ну... Я и раньше знал, что у нас с Эженом есть брат. Когда мы были вместе, его звали Антуаном. Мы знаем, что его забрал какой-то дворянин, возможно, даже усыновил. Верно? Иначе, чтобы это барон проявлял к моей персоне такое внимание? Ну, Мигель, скажи, что я ошибаюсь.

– Не скажу, – и Карлос печально кивнул, – Только звать его Френсисом...

– Что ж, может быть, это выбор того дворянина, чтобы не было связи с нищенским прошлым... Пусть будет Френсисом... Когда беглецы всё сопоставят и поймут мою роль, сыгранную этой ночью, я уверен, они станут меня искать, и я могу помочь им в этом, только оставшись при бароне.

– Я тебя понял, малыш, но ты рехнулся.

– Почему?

– Это я у тебя должен спросить. Ты хоть понимаешь, в какую петлю лезет твоя голова?

– Возможно, да, – Виктор сощурился, – Мы с Эженом были позавчера на рыночной площади Рунда. Этот раненый Анри, похоже, брат сеньориты Марианны, и барон желает ему смерти, так? А мой брат, согласишься, славный малый, вер-

ный друг! Как он спас этого Анри! Он в одной упряжке с Монсарами. Верно? Барон им враг, а я близнец этого Френсиса...

– Барон уверен, что ты ничего не знаешь!.. – отказывался верить своим ушам Карлос.

– Мне всё это сегодня ночью приснилось... Мигель! Так ты поможешь мне?

– Нет. Больше того, я не позволю тебе это сделать!

– Мигель!

– Не позволю, потому что ты ещё не до конца понимаешь, во что ввязываешься.

– Тогда объясни.

– Изволь. Тебе мало того, что жизнь молодого Монсара висит на волоске?! Барон тебе враг. Это точно. Но по-настоящему тебе надо бояться не его, а герцога Бетенгтона, британского дворянина, вырастившего Анри и Френсиса... Вот кто по-настоящему ненавидит вас всех. Если бы ты видел, как вчера помяли кости этому твоему брату, то, может быть, вразумился бы. Ему чудом удалось бежать, и он в самом деле парень не промах. Но это игры с огнём, точнее со смертью.

– Так это люди этого герцога вчера утром преследовали беглецов!? Я видел погоню...

– Герцог в Рунде. И барон едет к нему. Так что, мальш, возвращайся к Эжену, и отправляйтесь-ка вы лучше в Фонтэнж, поищите графа де Лаган. Это самое разумное, что можно сделать в сложившемся положении.

– Ты сказал графа де Лаган? Кто это?

Карлос сощурился:

– Видишь ли... Я всего лишь слуга, можешь назвать меня правой рукой барона, но я всё равно лишь слуга... Барон не спешит откровенничать со мной, посвящать в свои тайны, скорее мне отведена роль безропотного исполнителя его воли. Если я что и знаю, так это только благодаря своим глазам и ушам, случайно увиденному и услышанному... Я никогда не видел графа де Лаган, как, впрочем, и его единственного сына, но я наверняка знаю, что он близкий друг покойных родителей сеньориты Марианны. Это влиятельный человек... И я точно знаю, что барон и герцог его очень уважают и, может быть, даже побаиваются. Более того, поговаривают, что его сын собирался свататься к сеньорите Марианне. Это стало головной болью барона...

– Женихов нам только и не хватало, – усмехнулся Виктор, – Но, чёрт меня побери, если твои слова, Мигель, не звучат разумно! И всё же... Пусть сначала они меня найдут, а там вместе и решим, что делать. Мигель, я должен остаться при бароне.

– Да катись ты... – Карлос раздражённо махнул рукой и отвернулся.

– Мигель, мне нужна твоя помощь... – Виктор поспешил обойти старого друга, чтобы всё-таки видеть его лицо.

– Я с сумасшедшими дел не имею! – Карлос открыто начал сердиться.

– Так и не имей, если на то дело пошло. Просто не мешай.

Прошу тебя. Я тебя не подведу, будь уверен!

– У тебя наклонности самоубийцы! Эжен такой же?

– С Эженом справиться ещё трудней. Упрямство у нас в крови.

– Это вас и погубит. Высечь бы тебя как следует.

– Так по рукам?

Карлос сощурился. Он медлил с ответом бесконечно долгую минуту. Наконец всё-таки сдался:

– Это твоё решение. Только вот что, забудь это имя, Мигель Вальначо. Человек с таким именем погиб сто лет назад.

– Отлично. Тогда и ты не спеши вспоминать имя Эжена Ровиньоля. Рано ещё впутывать его в эту историю. По рукам?

– Делай, как знаешь, только избавь меня от удовольствия видеть твой изуродованный труп, – с крайней неохотой согласился Карлос.

– Это я тебе обещаю, – Виктор протянул Карлосу руку, и его лицо озарила улыбка безмерной благодарности.

* * *

Догнать барона оказалось нетрудно, благо тот и не торопился. Выбравшись на большую дорогу, он и вовсе остановился, вышел из кареты и стал прохаживаться, даже не пытаясь скрыть с каким нетерпением он ожидает результаты поездки Карлоса и Виктора.

Те явились пред его очи очень мрачные.

– Долго же вас пришлось ждать, – огрызнулся барон, – Карлос, сядь ко мне в карету, – и, обращаясь к кучеру, добавил, – Теперь живее, в Рунд.

Как только Карлос занял место в карете, весь эскорт перешёл на быструю рысь. Виктор присоединился к другим гвардейцам барона. Те с интересом поглядывали на его слегка измазанное платье и раздосадованное лицо, но никто из них и предположить не мог, как при этом светло и легко было на душе у их нового приятеля. Он до мельчайших подробностей представлял себе разговор между бароном и Карлосом, и сердце его было готово петь. Карлос! Мигель! Это добрый знак!

А тем временем Карлос рассказывал барону всё, как было, с той лишь поправкой, что сцены душе излияния, сладких воспоминаний и заключение договора о совместных действиях заменил крепкой бранью в адрес Виктора и старательно умолчал о его истинном участии в ночных событиях. Вместо этого заслугу спасения Марианны он полностью приписал Френсису. Внимательно выслушав весь рассказ, барон крепко сжал кулаки:

– Если ты прав... Этот «сынок» Бетенгтона начинает мне надоедать... Он уже в третий раз встаёт на моем пути.

«На площади и два похищения сеньориты Марианны...» – мысленно подсчитал Карлос, а вслух поинтересовался:

– А этот щенок? – кивнул он в сторону Виктора, – Долго вы намерены его терпеть?

– Я вижу, он тебе крепко надоел? – усмехнулся барон, – Ревнуешь? Брось. Он ничто иное, как мой подарок старому другу. Тот, наверное, затаил на меня обиду за столь поспешный отъезд. Это его утешит.

Карлос понимающе кивнул, а мысленно содрогнулся: «Да, влип мой парень!»

– Кто знает... – барон тоже усмехнулся, – Возможно, ты бы сослужил ему лучшую службу, убив сегодня. У герцога фантазия побогаче.

– Я просто не захотел пачкать руки... Скользкий тип...

– Может быть, но теперь это не моё дело. Позаботься, чтобы он куда-нибудь не исчез в Рунде, – и барон выхватил взглядом Виктора, который как раз поравнялся с дверцей кареты, – Да, Карлос, в чём-то ты прав... Этот мальчишка большой клубок загадок, иначе быть и не может. Но... У меня хватает своих проблем.

Глава 23. Подарок герцогу.

Несмотря на поспешность, с которой барон возвращался в Рунд, встречу с герцогом он решил отложить. Раз уж у него самого за неполные сутки столько всего произошло, то, может быть, и Его Светлость не скучал? Разузнать последние новости было поручено Карлосу. А тем временем сам барон решил остановиться в тихой опрятной гостинице «Лунный свет», расположенной недалеко от южных ворот Рунда. В разное время разные люди рекомендовали её барону, но отдалённое от центра города расположение сильно снизило ценность этого заведения в глазах такого взыскательного господина. Но обстоятельства изменились, и теперь этот недостаток стал главным достоинством.

Оказалось, что «Лунный свет» в смысле предоставляемых удобств и правда заслуживает похвалы. В считанные минуты новому гостю накрыли превосходный стол в просторной хорошо обставленной комнате и даже предложили выбор из четырех лучших вин Фрагии. Это всё чуть улучшило настроение барона, помогло его мыслям переключиться от горького и досадного прошлого к пока призрачному будущему. А в самом ближайшем будущем главным действующим персонажем должен был стать Виктор Ровиньоль. Так что неудивительно, что барон призвал его к себе сразу, как покончил с обедом.

Новый слуга снова был удостоен особой чести, господин предложил ему присесть в кресло напротив и рассказать о своей жизни здесь, в Рунде. Это было неприятное для Виктора любопытство, но он уже успел к нему подготовиться. В течение следующего часа Виктор легко и просто рисовал перед Парадессом картины своего здесь время препровождения, при этом упоминая лишь тех людей, что знали только его, указывая лишь те места, где бывал только в гордом одиночестве, благо из-за запоев Эжена они и правда в последнее время часто ходили разными дорогами. Очень возможно, что новый господин распорядится проверить что-то из сказанного, так что лгать было нельзя. Барон хотел слушать, приходилось говорить, говорить, обильно сдабривая свой рассказ всякого рода мелкими описаниями и не относящимися к делу воспоминаниями.

А барон смотрел на него и как-то незаметно, исподволь в его сердце росла глухая ненависть к этому лицу. Скоро он уже только в нём и видел источник всех своих неудач и бед. Внешне спокойный, барон никак не мог погасить в своём чёрном глазу ядовитую злобу.

Виктор заметил это и скоро почувствовал, как по его спине забегали предательские мурашки. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы, наконец, не появился Карлос. Оба встретили его как спасителя.

Виктор сразу же был отправлен прочь из комнаты. Прошло ещё около часа прежде, чем барон решил встретиться

с герцогом. И снова новый слуга оказался удостоен странно высокой чести, ему было приказано сопровождать барона не в составе конной эскорта, а личным присутствием в карете. Этот приказ Виктору передал лично Карлос. Он велел юноше следовать за ним, и по пути улучил момент поговорить без свидетелей:

– Пацан, слушай внимательно! Либо ты сейчас же сбежишь, либо здорово влипнешь. Я узнал, что с некоторых пор герцог нянчится либо с Эженом, выдающим себя за некоего де Валеньи, либо с четвёртым из вас, что ясное дело невозможно... Но это не беглец! Ручаюсь! У того лицо сейчас это один сплошной синяк. Так что беги, если ты не самоубийца.

– Эжен там?! – Виктор весь напрягся, – Не может быть! Вчера утром я оставил его больным от похмелья на одном из здешних постоялых дворов!

На это Карлос не нашёлся, что возразить, и тогда Виктор принял решение:

– Я должен разобраться!

– Что ж... Будь осторожен! – Карлос с досадой поджал губы и махнул рукой в сторону кареты господина.

Барон не заставил себя ждать. Теперь он был полон энергии, и это заметно преобразило его – и осанка стала величественнее, и движения его избавились от лишней нервозности. Виктору было приказано войти в карету вслед за бароном, Карлос занял место во главе конного сопровождения, и кортеж двинулся к центру города. Видать насытив-

шись общением с Виктором, теперь барон предпочёл путешествовать молча. Он плотно закрыл шторы кареты и даже закрыл глаза. Так что у юноши появилась возможность обдумать слова Карлоса: «Де Валеньи... Де Валеньи... Где я слышал это имя? Валеньи... Да, чёрт побери! Да! Это его приказом нам с Эженом разрисовали спины! Помнится, ой как хорошо разрисовали!.. Странные у Эжена шутки. Ничего лучше выдумать не мог. Но как он умудрился до такой степени ввязаться в это дело, что уже попал на попечение к самому герцогу? Ох... Прав Карлос, пахнет жареным!»

Их путь оказался недолог. Не прошло и получаса, как карета остановилась у роскошного здания, и Виктор с неприятным удивлением признался себе, что хоть и провёл в Рунде больше двух месяцев, он ни разу здесь не бывал и не знает имя хозяина дома. Что ж, пришлось тут же распрощаться с мыслью о том, что Рунд это "прочитанная книга". У этого отеля даже была своя парадная зона, где возможно было бы разместить три, а то и четыре экипажа.

Барон приказал Виктору оставаться в карете и дожидаться распоряжений, а сам в сопровождении Карлоса величественно направился к уже открытым для него дверям. Виктор всё-таки выглянул наружу и тут же убедился в верности своей догадки – к нему приставили охрану. Что ж, юноша решил просто насладиться моментом – когда ещё представится возможность так вольготно раскинуться на таких вот мягких подушках? Виктор был уверен, что пожелай он уйти,

эта охрана точно не стала бы помехой, но мысль, что где-то здесь Эжен, слишком сильно заинтриговала и стала для него лучшими оковами... А тем временем...

– О! Сеньор! – герцог встретил Парадесса изумлённым движением орлиных бровей.

При этом гость не заметил со стороны хозяина ни малейшего порыва встать, что должно было бы выражать если не радость, то элементарную вежливость.

– Милорд, – отозвался барон, сдержанно поклонился и спокойно направился к приглянувшемуся ему креслу.

С его стороны это было открытой дерзостью, и будь сейчас в этой комнате кто-то третий, вряд ли Его Светлость спустил бы испайронцу такую вольность. Дело барона стоять перед герцогом на вытяжку и с трепетом внимать каждому его жесту, каждому слову. Но сейчас, здесь никого больше не было, и мутное прошлое, связывающее этих людей, размыло рамки условностей. Герцог молча проводил барона взглядом и, выдержав церемонную минуту молчания, счёл-таки возможным поинтересоваться:

– И как прогулялись, сеньор? Надеюсь, вы нашли, что искали?

– Почти, – откликнулся барон и тут же замялся, словно подбирая нужные слова, – Птица была поймана, но ей вновь удалось ускользнуть... Полагаю, следующую партию мы сыграем вместе.

– Вы полагаете?.. – и лёгкая усмешка коснулась губ гер-

цого.

– Уверен.

Спокойный тон барона заинтриговал герцога:

– И что же внушает вам такую уверенность? Я, хочу заметить, не так давно решил, что с вами иметь дело не слишком-то выгодно. Но, похоже, вы хотите доказать мне обратное?

– Я не намерен ничего вам доказывать. Если вы ещё не понимаете, что наши судьбы связаны крепким узлом, мне останется только удивляться, – и барона ядовито улыбнулся.

– Тогда удивлюсь и я. Ведь как же странно слышать такие слова от человека, который только и умеет, что сбегать, подобно крысе с тонущего корабля! – вдруг вспыхнул герцог, – Впредь я не собираюсь потакать вашим капризам. В отличие от вас я знаю, что делаю и...

– Даже вы не способны всего предвидеть, милорд, – барон дерзнул перебить Его Светлость и даже чуть повысил голос, – Удача, вот та капризная дама, с которой неплохо было бы подружиться нам обоим.

– Вы вздумали учить меня жить?! – изумился герцог.

– Судите сами, Ваша Светлость, – как бы не заметил вопроса барон, – Мне нужны племянники. Анри сгодится и в виде трупа. Марианна только живой. Вам их судьба тоже не безразлична. Верно? С другой стороны, сыновья графа стали вам поперёк горла, но и меня они уже вывели из себя. Лучшее, что можно придумать в этой ситуации, так это протя-

нуть друг другу руку помощи... Прошу, выслушайте меня, а уж потом судите! – барон жестом поспешил погасить порыв герцога перебить его, – В то время пока вы нянчились с де Валеньи, я нашёл нечто, способное изрядно развлечь нас с вами.

– Вы не могли бы выражаться покороче! – огрызнулся герцог.

Надо сказать, его неприятно удивила осведомлённость барона.

– Как вам будет угодно, – и испайронец даже поклонился, – Итак, на арене два сына графа, Жан и Антуан. А где, по-вашему, ещё два?

При таких словах барона герцог весь напрягся. А тот просто наслаждался моментом:

– Не знаете? Что ж, я привёз сам половину ответа. Здесь внизу, в моей карете, сидит Виктор, третий сын графа.

И вот он, триумф барона Парадесса. Он даже в самых смелых своих фантазиях не смог представить, как сильно удивится Его Светлость. Герцог непроизвольно вцепился в подлокотники своего кресла и отрицательно замотал головой, а уже в следующий момент, поддавшись внутреннему порыву, подбежал к окну чтобы посмотреть на карету барона.

– Вздумали пошутить, барон!?!

– Это не шутка, и вы его увидите. Но прежде будет разумнее выслушать меня. Теперь, я вижу, вы в состоянии уделить моему рассказу должное внимание... – и барон жестом пред-

ложил Его Светлости вернуться в кресло.

Что ж, герцог снова занял своё место, и барон поведал ему о событиях минувшего дня, от встречи с Виктором, до своего появления в этом доме. Он рассказал всё, что случилось и что знал, рискнув вызвать издёвку герцога, но тот не воспользовался такой возможностью. Он слушал предельно внимательно, а в голове его тем временем возникали свои тёмные мысли, вспыхивали, гасли, тлели, переплетались и выстраивались в стройные цепочки. К концу рассказа барона герцог уже чётко представлял, чего он желает, и как добьётся исполнения этих желаний.

– Вы совершенно правы, сеньор. Мы с вами крепко связаны. И знаете, что я вам скажу? Мы найдём беглецов, и скорее, чем вы, возможно, думаете.

В ответ барон кинул на герцога недоверчивый взгляд, и тот принял это как вызов:

– Теперь послушайте меня... – и Его Светлость даже подался ближе к барону, столь большое в нём проснулось желание быть услышанным и понятным...

* * *

В окошко кареты Виктор увидел, что к нему приближается атлетического сложения блондин-альбинос, одетый в очень дорогое форменное платье. Дверца распахнулась, и Ламороу произнёс с плохо скрываемым удивлением в голосе:

– Прошу следовать за мной... сударь.

Что ж, Виктор с готовностью подчинился. Он сразу понял, что имеет дело со слугой герцога. Яркий брианский акцент не оставлял ни малейшего сомнения. Так, не отставая от Ламороу ни на шаг, Виктор уже очень скоро вошёл в хорошо освещённую комнату.

– Ты свободен, Ламороу, – прозвучавший приказ заставил первого праиэра закрыть двери с другой стороны.

А Виктор обратил взор к человеку, которому принадлежал этот властный приятного тембра голос. Присутствие в комнате барона тоже не осталось незамеченным.

Юноше уже довелось мельком видеть герцога, тем утром, когда Марианна, Анри и Жан бежали из Рунда. Но что он тогда видел? Богатую шляпу и дорожный плащ некоего дворянина верхом на великолепном коне... Правду сказать, тогда Виктора гораздо больше интересовали беглецы, и он не уделил должного внимания господину тех, кто отправился в погоню. Позже, узнав о существовании некоего герцога и возможной встрече с ним, Виктор уже успел мысленно нарисовать его портрет, но в этот момент придуманный образ обратился в прах. Герцог Бетенгтон, казалось, был воплощённым совершенством мужской красоты: безупречная осанка, атлетическое телосложение, властный взгляд, идеально правильные черты лица, богатейшая копна волос, а не какой-нибудь напудренный парик... Нередко сам Виктор, описывая таких людей своим товарищам по чарке вина, говаривал: «Это создание королевской породы!» Бессознательно оценив своё

первое впечатление и вспомнив эту некогда обычную для него фразу, юноша улыбнулся.

– У тебя хорошее настроение, Виктор Ровиньоль. Так, кажется, тебя зовут? – мягко заметил герцог.

В ответ Виктор почтительно поклонился.

Да, перед герцогом стоял ещё один сын графа де Лаган! Ещё один близнец! «Не тронутая целина!!!» – мысленно ликовал герцог, – «Если этот парень и правда ничего не знает, то... Мог ли я мечтать о такой удаче?!»

– Барон Парадесс рассказал о тебе много хорошего, но мне интересно, как бы ты сам похвалил себя. Представь, что я могу взять тебя на службу на превосходное жалование, но ещё не принял окончательное решение. Помогите же мне определиться.

«Карлос оказался прав, меня преподнесли в подарок», – Виктор сощурился:

– Похвалиться? А насколько превосходное жалование?

– Замечательный вопрос. Ты не будешь обижен. Итак...

– Что ж, извольте... Господин барон, – Виктор поклонился тому, – знает меня слишком мало, чтобы по достоинству оценить все мои таланты. И тем не менее, того немногого, что ему удалось заметить и передать вам, милорд, хватило чтобы вы смотрели на меня, как на человека. Умножьте всё то хорошее, что мне уже приписано, раз эдак в десять, и вы получите кое-какое представление о том, с кем изволите говорить.

– Bravo! – рассмеялся герцог, – Меня восхищают твои познания в арифметике и логике. А умение говорить, не говоря, указывает на некоторую сообразительность. И всё же я бы предпочёл, чтобы ты перечислил свои достоинства сам.

– Извольте. Дерусь как лев, умен как филин, образован лучше иных дворян и собираюсь стать богатым, – и Виктор выразительным движением головы поставил в этой тираде весомую точку.

– Чёрт меня побери, если это звучит неубедительно! – одобрил герцог, – Может быть, уже и план есть? Как именно ты собираешься разбогатеть?

– Пока точно не знаю, но судьба мне ещё улыбнется. Я в это верю. Вот, например, вы уже заговорили о превосходном жаловании.

– Этот мальчишка мне нравится всё больше и больше, – герцог кивнул барону, – Он и правда умен, но ещё и нахал! Значит, парень, ты любишь деньги.

– Конечно. А кто же их не любит?

Этот последний вопрос герцог оставил без ответа. Точнее ответом стал пристальный оценивающий взгляд, смеривший Виктора с ног до головы и обратно.

– Замечательно... – наконец, обронил Его Светлость, – Стало быть, ты «умен, как филин»... Если это так, то наверно ты уже сообразил, что здесь делаешь.

– Конечно, милорд.

– Вот как? Что ж, поделись с нами этими соображения-

ми...

– Как вам угодно, – и Виктор снова поклонился. А когда выпрямился, заявил сразу как есть, – Вас и господина барона очень развлекает моё лицо. Ни так ли?

Барон невольно кинул на герцога удивлённый взгляд, тот в свою очередь движением бровей тоже выразил свою заинтересованность:

– И чем же так примечательно твоё лицо?

– Это вам виднее... Ведь не влюбились же вы в меня, – усмехнулся юноша, и тут же выдал второе «соображение», – Думаю, я на кого-то очень сильно похож.

– И знаешь на кого? – герцог даже подался ближе.

– Думаю, на какого-нибудь дворянина.

– И когда же к тебе в голову пришла эта мысль?! – не выдержал барон.

– Не знаю точно, но не прошло и суток, – теперь Виктор поклонился и ему, – Видите ли, сеньор, я за свою жизнь служил разным людям, но никто ко мне не относился так, как вы, никому не приходила в голову мысль заставлять меня разыгрывать дворянина. Ведь вчера у графини де Шероль вы попросту устроили мне экзамен, и я, смею надеяться, выдержал его.

Смех герцога стал скованнее:

– Становится очень интересно. Виктор Ровиньоль, а как у тебя с моральными устоями? Могли бы они подвинуться ради богатства и славы?

– Конечно, моралью сыт не будешь...

– Барон, этот парень просто находка! – подытожил герцог, хлопнув ладонью о подлокотник кресла, в котором восседал всё время разговора. Он был полностью удовлетворён, и теперь к Виктору обратился полный искреннего расположения взгляд, – Ты, судя по всему, понимаешь, что ничто в этом мире не даётся даром, и наша с бароном к тебе благосклонность, это лишь прелюдия к той истории, начало которой ты угадал правильно. Да, мы бы хотели воспользоваться твоим сходством с одним человеком, поэтому предлагаем услугу за услугу. Ты занимаешь место этого человека, принимая всё, что к этому прилагается: имя, титул, богатство. А ты в благодарность сделаешь кое-что, о чём мы тебя попросим. Как видишь, мы тебе всецело доверяем, перед тобой весь наш план, как на ладони. Решай. По-моему, игра стоит свеч.

Но Виктор не спешил радоваться, напротив, он недоверчиво повёл головой:

– Этот ваш план странно пахнет.

– В самом деле? И что же тебе в нём не нравится?

– Кто этот дворянин?

– Имя позже. Сначала твоё решение.

– Знаете ли, я уважаю риск, но в разумных пределах. Эдак вы со мной поиграете, да и отправите в путешествие к праротцам. Я знаю, как весело в этой стране относятся к внешнему сходству дворянина и простолюдина.

– Но разве ж, риск не благородное дело?! Ты в накладе не

останешься, слово герцога!

– Поверьте, я далёк от мысли оскорбить вас, господа, но предложение слишком пёстрое. Эдак я и к королевскому двору попаду...

– Как знать... – продолжал поддерживать разговор герцог.

– Что, правда?! Признайтесь, вы пошутили!!! – совершенно искренне взмолился Виктор.

– Нет, я серьёзен, как никогда, – и герцог и правда стал серьёзен.

– Это... я... я только надеюсь... вы понимаете, что предлагаете?.. – Виктор сокрушённо повёл головой.

Герцог нахмурился, казалось, он начал терять терпение, но голос его прозвучал по-прежнему ровно:

– Я не отрицаю, многое зависит и от тебя... от твоего старания и твоих, так сказать, талантов.

Виктор понимающе кивнул и тут же поинтересовался:

– А как велико моё состояние?

Слово "моё" приятно улыбнулось герцогу:

– Оно достаточно велико, чтобы вы, сударь, в самом деле имели право показываться на глаза королю. Это правда.

– Вот значит, как... И мне, конечно же, не полагается спрашивать, что станет с тем, кого я заменю? – лукаво сощурился юноша.

Герцог в задумчивости коснулся усов, и Виктору показалось, что тот облизывается, словно лев, оценивающий вкусно пахнущую добычу.

– Верно... Хотя... Нет, особой тайны в том нет. Просто этому дворянину необходимо на время исчезнуть, и желательно, чтобы этого никто не заметил. Пусть его судьба тебя не тревожит. Он в курсе дела и согласен на эту подмену.

– Господа, дайте мне только одну минуту...

– Изволь, – кивнул герцог, продолжая с большим интересом наблюдать за юношей.

Виктор крепко задумался, рука непроизвольно коснулась подбородка: «Будь я проклят, если мне оставлен выбор – либо мы продолжим эту игру, либо я просто стану пленником, или того хуже...»

Что ж, Виктор выпрямился:

– Господа, я к вашим услугам.

– Превосходно. Тогда сейчас тебе принесут поесть, а потом я познакомлю тебя с Антуаном де Валеньи.

«Антуаном?! О боже! У Эжена совсем крыша поехала!» – и у Виктора невольно приподнялись брови:

– Так зовут того дворянина, которого мне надо заменить?

– Да. А тебе знакомо это имя? – тут же встрепенулся герцог.

– Нет, впервые слышу.

– Вот и славно. Это чудо, как вы похожи, но доподлинно известно, что у него нет и не было братьев, – заверил герцог и от души рассмеялся, – Умеет же природа преподнести сюрпризы! Ладно... ладно... У тебя ещё есть какие-нибудь вопросы?

– Пока нет.

– Прекрасно. Тогда, господин барон, давайте предоставим нашему молодому другу возможность прийти в себя.

Барон тут же встал и, бросив на Виктора какой-то задумчивый взгляд, вышел вслед за герцогом.

Дверь тихо затворилась, и на Виктора обрушился весь шквал мыслей и чувств, которые он до сих пор держал в узде. Молодой человек отошёл к окну, стараясь навести порядок в толпе тех перебивающих друг друга фраз и картин, что появлялись и гасли в его сознании с такой скоростью, что не успевали превратиться в какие-либо осмысленные выводы, не касались рассудка. Но уже через пару минут, как солнце из-за туч, из этого моря бессмыслицы выплыло: «Нас четверо!!! Четыре близнеца!?!» «Чушь!!!» – тут же поспешил он перебить сам себя, – «Виктор, да ты с ума сошел!!!» Но было поздно, ведь теперь всё встало на свои места. Именно! Теперь стало понятным поведение Эжена на той порке и последующее его нежелание говорить и думать о брате. «Он просто пощадил меня!» – горестно вздохнул Виктор, – «Эжен, Эжен... Извини, брат, но при всех твоих талантах, ты бы не смог так сильно одурачить герцога и барона. Похоже, они слишком хорошо знают этого де Валеньи. Да, верно, сейчас мне представят кого угодно, только не Эжена... Значит, Антуан!!...»

А тем временем в комнату вошла хрупкая девочка подросток с большим подносом в руках. Чуть присев, в знак при-

ветствия, она начала накрывать на стол. Виктор кивнул в ответ и стал невидящим взглядом наблюдать за её руками, одновременно продолжая размышлять: «Да и не беглец это, не Френсис. Карлос мне за это поручился... Интересно получается, ведь Френсиса, человека с моим лицом, едва не убили! Валеньи... В каком качестве он здесь? Он в самом деле согласен на эту подмену?! Ох, беда! Похоже, прав оказался Карлос – здесь пахнет жареным, да, и от меня тоже...»

– Всё готово, господин. Извольте отобедать, – робкий девичий голос заставил Виктора очнуться.

Он поднял на служанку свои синие глаза, и щёки девушки тут же залились ярким румянцем.

– Благодарю тебя, милое дитя, – светло улыбнулся ей юноша.

– Я не дитя! – тут взвилась служанка, – Мне уже исполнилось шестнадцать!

– Ох... Прошу прощения... – искренне смешался Виктор и честно попытался оправдаться, – Я ни в коем случае не хотел тебя обидеть...

Но слова застряли в его горле, так сильно его удивили большие изумрудные глаза служанки. Эти не детские глаза заставили его пересмотреть своё первое впечатление. Перед ним стояла очень молоденькая, ещё нескладная девушка в платье чуть ниже колен, из-под которого виднелись полосатые чулки. Белокурые волосы кокетливыми прядями выглядывали из-под чепчика и обрамляли её личико. Она не была

красива, но это лицо относилось к разряду тех, на которое, взглянув раз, захочешь посмотреть снова и снова. И главным его украшением были глаза. Они и курносый носик говорили о том, что у их обладательницы очень непростой характер.

– Позвольте мне подождать здесь, господин? – было видно, чтобы решиться задать такой вопрос девушка собрала всю свою смелость.

– Конечно. Садись, где тебе нравится, – и Виктор указал ей на мягкое кресло, которое прежде занимал герцог, – Может быть, и компанию мне составишь?

Но это было уже слишком, на лице служанки даже отразился ужас, на что Виктор от души рассмеялся:

– Это, может быть, последний раз, когда я сажусь есть, будучи безродным бродягой. Почему же ты отказываешь мне в такой малости?

По виду девушки было ясно, что она не понимает или точнее не желает его понимать.

– Хорошо, могу я хотя бы узнать, как тебя зовут?

Девушка совсем смутилась, потупила взор, но голос её прозвучал уверенно:

– Маргарита.

– Красивое имя! А я Виктор, – и юноша почтительно поклонился, чем в конец смутил девушку.

Что ж, решив, что ей надо дать чуть больше времени и свободы, Виктор переключил своё внимание на принесённую ею еду. В самом деле, угощения были роскошными,

словно с королевского стола, но Виктор не давала покоя безумная догадка, и он снова обернулся к служанке:

– А скажи-ка мне, Маргарита, не видела ли ты в этом доме человека с моим лицом?

– Я не понимаю вас, сударь... – едва ли не простонала девушка.

– Не прислуживала ли ты кому-нибудь очень похожему на меня? – повторил свой вопрос Виктор, уже поняв возможный ответ.

– Вы задаете странные вопросы, я не знаю должна ли на них отвечать, – едва слышно откликнулась Маргарита, старательно избегая встречи с его взглядом.

«Ты уже ответила, милая», – улыбнулся ей Виктор, а вслух произнёс:

– Я не настаиваю... Но, может быть, ты можешь сказать, кому служишь, если это тоже не секрет?

– Господин обижается на меня? Но... – и в прекрасных глазах служанки заблестели слёзы.

– Обижаясь? Что ты, милая! – Виктор встал, подошёл к ней и протянул ароматный кусок пирога, – Поступай, как считаешь нужным. Я бы хотел, чтобы в твоей душе царили мир и согласие, – тепло улыбаясь, добавил он.

Вот так, быстро и незаметно Виктор проникся к этой девушке необъяснимо светлым чувством, похожим, возможно, на отеческую, или братскую любовь. Маргарита почему-то показалась ему удивительно знакомой и близкой. Поз-

же, вспоминая эти минуты, Виктор ни раз задавал себе вопрос, как это произошло? Почему? Списать это на желание найти в волчьей стае родную душу, на тоску по Эжену, было бы очень просто, но вряд ли верно...

Маргарита в изумлении приняла кусок давно соблазнявшего её пирога и, как замороженная, не сводила с Виктора глаз, пока он возвращался к столу, наливал себе вина... «Набирайся сил, Виктор», – думал он в это время, – «Бой только начинается. Очень скоро ты познакомишься с четвёртым из нас, самым неожиданным экземпляром. Если всё верно, то я просто не понимаю, почему он так обозлился на Эжена. Ведь ясно как божий день, Эжен не мог его обидеть. Мы с ним так мечтали о брате. Да... Да. Они видели друг друга, и это закончилось ужасно. А теперь с ним встречусь я, и эта встреча тоже не предвещает ничего хорошего».

– Господин, – вдруг окликнула его Маргарита. Оказалось, что она успела подойти к нему и теперь почти шептала, – Я только хотела сказать, что да, есть в этом доме похожий на вас человек, только он совсем другой, и ещё... Я служу маркизу де Рельгро. Ему же и принадлежит этот дом.

От таких её слов юноша едва не выронил кружку: «Рельгро?! Этого ещё не хватало! Да... плохи твои дела, Виктор!!!»

– А маркиз сейчас здесь?

– Нет, в загородном поместье, – девушка поклонилась.

И в этот момент открылась дверь. На пороге появился гер-

цог, собственной персоной:

– Мой юный друг, ты закончил есть?

– Да, благодарю, – и Виктор всем своим видом изобразил готовность служить высокородному господину.

– Тогда следуй за мной, – и, не задерживаясь ни секунды, герцог вышел.

Что ж, Виктор поспешил следом за ним. По дороге герцог счёл нужным дать юноше некоторые наставления:

– Твоя задача как можно лучше понять, кого тебе предстоит изображать. Оно, конечно, чужая душа потёмки... чтобы узнать другого человека, нужно время, и всё же... С сегодняшнего вечера тебе предстоит стать похожим на него не только внешне. Так что, дерзай и помни – от твоих стараний зависит твоё будущее благосостояние.

Антуан встал при их появлении и буквально пронзил Виктора испытующим взглядом, видно отчаянно надеясь угадать, что ему сулит появление неизвестно откуда взявшегося брата. Виктор ответил ему тем же. Сомнений не осталось. Перед ним Антуан де Валеньи, его третий брат. «Но тогда он знает про Эжена! Если у него с герцогом дружеские отношения, то скоро мне придётся признаться в том, о чём я утаил... А, всё равно придётся, ведь это дом Рельгро! Шила в мешке не спрячешь. Ну что ж, братец, здравствуй!!» – пронеслось в голове Виктора, и он невольно сощурился.

«Скоро же вы объявились!» – размышлял в то же время Антуан, – «Значит ты Виктор. А где Эжен? Ведь вы тогда

были вместе...»

А Его Светлость наблюдал за этой встречей близнецов в буквальном смысле слова «не дыша». Ему страсть как любопытно было примерить на себя роль и одного, и другого, но с этим как-то не заладилось. Он бы не смог и сам себе объяснить, как именно он представлял эту встречу, но получилось что-то странное. Казалось, в этой комнате даже воздух загустил, такую сильную недосказанность ощутили все трое. Что ж, герцогу осталось порадоваться хотя бы тому, что братья встретились не только как совсем чужие люди, но и как возможные враги, соперники.

– Разрешите мне познакомить вас, – и Его Светлость широким жестом указал на Виктора, – Виктор Ровиньоль.

И юноша тут же старательно поклонился, как того и требовала выбранная им роль, а герцог уже развернулся ко второму близнецу:

– Антуан де Валеньи сын графа де Лаган.

При звуке своего имени Антуан даже не вздрогнул, а потому и не упустил момент, увидел, как Виктор замер. На самом деле, внутренне Виктор прямо-таки обмер, так его сразило этого новое открытие: «Сын графа де Лаган!!! Так он считается сыном единственного друга Монсаров?! Врага барона и герцога?! Да что здесь такое происходит?!!»

И тут вдруг герцог от души рассмеялся и едва не обнял юношей:

– Вы, молодые люди, настоящее чудо природы! Диву да-

юсь!!! Ваше сходство просто поразительно!!! Вижу, вы тоже в шоке... Что ж, думаю, я понимаю ваше состояние и, пожалуй, не ошибусь, решив, что вам есть, о чём поговорить, верно? Тогда будет лучше, если я оставлю вас наедине.

И герцог, таинственно улыбаясь, покинул комнату. Виктор невольно проводил Его Светлость взглядом: «Оставить? Вы очень любезны, милорд, но сдаётся мне, оставить нас наедине выше ваших сил». Дверь бесшумно затворилась, и Виктор медленно развернулся к Антуану. Их взгляды снова встретились.

«Так вот ты какой, Антуан! И зачем же была нужна та порка?! В каком качестве ты здесь?!» – начал немой диалог Виктор.

«Теперь-то я знаю, что вы мне братья», – мысленно отошёлся Антуан, – «Но что изменилось? Мы всё равно чужие люди. Вот этот мечтает стать богатым, как сказал герцог... А знает ли он о моей встрече с Эженом? Да что это я... Не может не знать. Плохо. Брат...»

Вдруг Виктор улыбнулся, как показалось Антуану, печально:

– Позвольте спросить, сударь, как вы относитесь к моему появлению?

Антуан оказался не готов к такому вопросу, а потому и не стал спешить с ответом. Он медленно отошёл к оставленному прежде креслу и тяжело опустился в него, при этом не сводя с Виктора пытливого взгляда:

– Как отношусь?.. Труднее вопроса не придумаешь. А ты?

– Удивлён, – просто ответил Виктор, – Мы и правда похожи до безобразия сильно. Я говорю о внешнем сходстве, конечно. А что бы вы сделали, встретиться мы при других обстоятельствах?

При этом Виктор отошёл к окну, позволил себе присесть на подоконник, и теперь Антуан не мог смотреть на него, не жмурясь от яркого солнца, бьющего прямо в глаза.

– Например? – в его голосе почувствовалось раздражение, и Виктор распознал это, как распознал и собственную набирающую силу злость. Всё-таки та порка оставила глубокие шрамы не только на его спине, но и на душе. Вот эти душевные раны сейчас вдруг вскрылись и с этим надо было срочно что-то делать, этим он и занялся в первую очередь:

– Спрашиваете «например»? – отозвался Виктор, – А давайте представим какую-нибудь таверну, тихое послеобеденное время, непринужденную пьянку...

В ответ Антуан горько поджал губы: «Да, он, конечно же, знает и не может мне простить!» – сделал он вывод и сам же содрогнулся от его незыблемости. И тут же в его душе поднялся сильнейший протест: «Нет, всё не так просто! К тому, что тогда случилось, есть причины, объяснение! Есть!!!» И Антуан выпрямился, а боль от раны в спине только ещё больше подстегнула его желание принять этот бой:

– Я привык видеть глаза человека, с которым говорю, – не без вызова воскликнул он, – Будь так любезен, отойди от

окна.

– Ох, прошу прощения, – легко уступил Виктор и выполнил эту просьбу, отошёл к камину и опустился в стоящее там кресло, – И всё же я задал вопрос.

– Да, но ещё не сказал всего. Будешь продолжать?

Виктор не произнёс ни звука, но его глаза исполнились такой глубокой печалью, что Антуан внутренне содрогнулся и вдруг выдал:

– Все мы платим по долгам, и я догадываюсь, что ты здесь делаешь...

– И что же? – тоже сощурился Виктор.

– Меня рассматриваешь, – вдруг усмехнулся Антуан.

В ответ Виктор удивлённо повёл бровью: «А ведь он парень не промах и... да, чертовски похож на нас!»

– Кажется, вы занимаетесь тем же, – заметил он вслух.

Но Антуан неожиданно сменил тему:

– Так ты служил барону Парадессу? Или нет?

– Да, было такое.

– И успел за это время увидеть его племянницу?

«Так, ему много рассказали», – мелькнуло в голове Виктора:

– Я имел удовольствие оценить её красоту и раньше, до поступления на службу к барону.

Виктор не мог не заметить нехороший огонёк, мелькнувший в глазах Антуана.

– Интересно, и при каких же это обстоятельствах?

– Во время несостоявшейся казни некоего Анри Монсо. Вы не слышали об этом?! Правда?! – совершенно искренне удивился Виктор: «Ты ведь врёшь, верно?! Не мог ты не слышать об этом, если знаешь, что графиня де Монсар в бегах. Что ж, сыграем», и Виктор от души рассмеялся, – Как же! Это событие потрясло весь Рунд. Я видел эту комедию во всех подробностях. И это, скажу я вам, было нечто... Анри едва не повесили, графиня де Монсар вступилась за него, но это не спасло бы его, если бы его друг не прорвался сквозь строй стражи и не освободил бедолагу.

И Антуан тут же подался ближе:

– Друг?!

Что ж, Виктор понял и этот знак: «Он знает про Френсиса! И ему интересно знаю ли я...»:

– Да, друг. Он был в маске.

«Получается, он не видел лицо Жана!» – и Антуан заметно расслабился, даже позволил себе откинуться на спинку кресла, – «Но это значит, что... Чёрт возьми! Анри в самом деле может оказаться братом Марианны, а Жан спас его! Снова Жан!!!»

– Сударь... – Виктор заставил Антуана вернуться к реальности.

– Я, собственно говоря, имел в виду другое, – тут же вскинулся Антуан, – Я слышал, что барону удалось выследить её...

«Вот-вот, братец! Слышал! Давай уж на чистоту!» – Вик-

тор рассмеялся и, повысив голос, заявил:

– Да, и это ему удалось ни без моей помощи.

Брови Антуана медленно поползли вверх, и Виктор поспешил добавить:

– Правда, графине вновь удалось бежать. Отчаянная девица, скажу я вам, да и тем, кто ей помогает, смелости не занимать.

Глаза Антуана потемнели, а сжатые кулаки побелели. Что ж, Виктор с прискорбием отметил и эту перемену: «Ревнует!» – чётко поставил он диагноз. Но Антуану уже удалось немного овладеть своими эмоциями:

– Позволь узнать, а что движет тобой? Что заставило выслеживать графиню?..

– Барон обещал щедро заплатить, – с готовностью ответил Виктор, и в тоне его звучало: «Неужели это не понятно?»

– Значит, ты жаден и, наверно, мечтаете стать богатым.

– Нет, уже не мечтаю, я знаю, что стану богатым.

«Так ты позарился на моё состояние! Да, всё, как и сказал герцог. Надо признать, Его Светлость умеет разбираться в людях», – пролетело в мыслях Антуана:

– Интересно звучит, учитывая наше сходство.

– Признайтесь, при других обстоятельствах вы бы приказали высечь меня за такое нахальство, верно? – Виктор сощурился, – Но это другой случай. Вам тоже понадобилось наше сходство. Зачем же?

И Антуан снова напрягся. Было видно, к этому вопросу

он оказался не готов, а потому и невольно ожесточился:

– В твоём положении лучше не задавать лишних вопросов. Мы разные люди!

– Правда? – усмехнулся Виктор, – Вы в зеркало давно смотрели? Многие ли смогут нас различить?

И Антуан тут же вскочил на ноги, даже сделал шаг по направлению к брату, чем заставил и того подняться из кресла. Так они оказались лицом к лицу.

– Ты хоть понимаешь, что это означает для тебя? – зашипел Антуан, – Во Фрагии...

– Если вы собрались напомнить про закон «О недопустимости преступного сходства», то не стоит. Я знаю о нём, – в тон ему отозвался Виктор, – Вот только уместно ли с вашей стороны сейчас угрожать мне? Его Светлость сказал, что именно вы заинтересованы в этой подмене. Так не разумнее ли было заручиться моим расположением? А то ведь я могу и не захотеть вернуть вам тёплое место.

– А ты мастер набивать себе цену, – усмехнулся Антуан, – Вот только у каждого своя роль, имей силу признать это.

– Значит каждый за себя, – сделал вывод Виктор, – Что ж, признаю, положение моё, конечно, дрянь, но вышло так ни без вашей помощи! Если бы не наше сходство, не был бы я сейчас здесь в этом качестве!

Из глаз братьев, казалось, сыпались искры.

Кто знает, куда бы завели их эти вдруг разыгравшиеся страсти, но в этот момент дверь открылась, и на пороге ком-

наты появился герцог. Что же он увидел? Виктор и Антуан, взведённые, как пружины, стояли друг напротив друга и, к радости герцога, казалось, были готовы сцепиться в поединке.

– Простите, друзья, я прервал вашу беседу, но, господин де Валеньи, не пора ли нам с вами заняться делами?

Антуан бросил на Виктора холодный взгляд и вышел вслед за герцогом.

«Вот и познакомились», – с досадой подвёл итог Виктор, – «Идиотский получился разговор. Я уверен, нас подслушивали... Но даже если так, мы могли бы найти возможность как-то сговориться... Но в итоге каждый тянул одеяло на себя. Да, теперь я понимаю Эжена, этот Антуан не спешит во всех нас признавать братьев». На душе Виктора было очень беспокойно. Он всеми фибрами своей души ощущал приближение неотвратимой беды. Но как выбраться отсюда? На окне решетки, за дверью пыхтит охранник.

«Что ж, я влип по уши!» – Виктор крутанулся на каблуках и рухнул в оставленное Антуаном кресло.

Глава 24. Снова вместе.

– Этот день, мой друг, вы запомните надолго, – произнёс герцог, пропуская Виктора в комнату.

Теперь юноша был вымыт и одет как дворянину, и с некоторых пор герцог в обращении к нему перешёл на "вы", чтобы тот скорее привыкал к новой роли. Весь остаток дня Виктор учился изображать Антуана, впитывая в себя все советы и наставления герцога, и не переставая при этом размышлять, куда же делся Антуан, и как бы ему самому выйти из воды сухим.

– Я доволен вами, мой друг, но день ещё не окончен, – продолжал озвучивать свои мысли Его Светлость.

– Разве вы привели меня не в спальню? – удивился Виктор.

– Да, но кто сказал, что я предлагаю вам здесь спать? – усмехнулся герцог, – Да, да, не удивляйтесь. В Рунде находится человек, лелеющий надежду увидеть де Валеньи. Я пока с трудом понимаю, как, но допускаю мысль, что он может здесь появиться. Генрих Рай, брианец вот такого роста, моего возраста... – герцог чуть задумался, – Он может прийти ни один, или вообще кого-нибудь подослать. В любом случае, если заметите что-нибудь подозрительное, сразу же поднимайте тревогу. Вот этот шнур и вот этот соединены со звонками в других комнатах. Мои люди будут здесь в одно

мгновение.

– Милорд, мне это начинает не нравиться. Эдак я усну, а меня и прибьют?.. – искренне возмутился юноша.

– Что вы, нет, конечно. Раю не нужна ваша смерть. Просто это... скажем, это неизбежное зло нашего с вами положения. Но чем скорее мы поймаем Рая, тем скорее узнаем, что такое спокойный сон. Вы всё поняли?

– Так... я вам нужен как приманка? Предупреждаю, это будет дорого вам стоить, я высоко ценю свою жизнь, – Виктор сощурился.

И герцог невольно усмехнулся:

– Вы умны, мой друг, и это сулит нам удачу. Но на этот раз вы ошиблись, вы мне нужны именно как де Валеньи. А Рай, это всего лишь неприятность. Ещё вопросы есть?

– Нет, – вынужденно смирился Виктор.

– Хорошо, – одобрил Его Светлость, – И запомните, помощь не заставит себя ждать. Кто-нибудь из моих праиэров обязательно будет в соседней комнате.

– На Бога надейся, а сам не плошай! – задумчиво обронил Виктор.

Герцог усмехнулся в ответ, после чего грубо окликнул готовившую постель горничную Маргариту:

– Скорее заканчивай.

– Слушаюсь, господин, – тут же откликнулась та и опустилась в реверансе.

– Спокойной ночи, сударь, – Его Светлость прощально,

несколько театрально, махнул Виктору рукой.

– Благодарю, милорд, – Виктор почтительно поклонился в ответ, и герцог величественно покинул комнату, а кто-то из его слуг плотно закрыл за ним дверь.

Виктор тут же развернулся к Маргарите. Та уже давно закончила стелить постель и теперь просто тянула время, уже в десятый раз взбивая подушку.

– А правда, мадемуазель, не пора ли и вам отправиться спать? – поинтересовался лжеАнтуан.

Девушка тут же бросила своё занятие, присела в кратком реверансе и направилась к двери, правда, медленно, с явной неохотой, и Виктор решился – как только Маргарита поравнялась с ним, он вдруг схватил её за руку и притянул себе:

– Ты что-то хотела сказать, Маргарита! Давай же, говори! – шепотом потребовал он.

Испугавшаяся было девушка подняла на него свои большие изумрудные глаза и увидела, как сильно Виктор ждёт ответ.

– Можно просто Маги... – так же шёпотом откликнулась девушка, – Под кроватью кто-то есть!

– Человек герцога? – Виктор улыбался, но Маги поняла, что ему не до смеха.

– Не знаю, честно! Ведь вы не де Валеньи?! – в её голосе слышалась огромной силы надежда.

– Нет, милая... – так же шёпотом ответил Виктор и тут же подтолкнул девушку к двери, – Спокойной ночи и благодарю

за труды.

Маги заметно смутилась, ещё раз чуть присела в реверансе и всё-таки покинула комнату.

Виктор сам закрыл за ней дверь и, наконец, остался один. Но один ли? «Пока горит свет, он не появится мне на глаза, значит у меня столько время, сколько пожелаю я», – рассудил юноша, отошёл к окну и открыл маленькую форточку.

Город давно погрузился в объятия глухой ночи, ни звука, ни дуновения ветерка. Виктор замер, силясь сквозь крохотный просвет форточки разглядеть хоть одну звезду, и неожиданно поймал себя на том, что на самом деле его мысли трепетно кружатся вокруг одного нежного образа. Анна, светло улыбающаяся Анна лукаво манила его к себе. «Что-то она сейчас обо мне думает?.. Не может быть, чтобы они не поняли, что я с ними! Невыносимо даже представить, что эта девушка отвернётся от меня при встрече. Нет, точно нет! Они всё поймут... Вот оно! Вот куда делся Антуан! Ах, Господи, зачем ты так испытываешь нас?! Да, Маргарита, милое дитя, как ты права. Я не де Валеньи. Но я и не я, раз позволил так себя провести! Хотя постой, что бы я исправил? Разве у меня был выбор? И что теперь делать? Карлос?.. Нет, вряд ли он сумеет это предотвратить. Надо самому выбирать... Стоп, Виктор. Успокойся. Ещё не факт, что ты прав, Антуан мог попасть в большую беду, а ты уже так грессишь на него. И потом, кого он увидел в моём лице, объяснять не надо... А для него в случае, если я прав, это реальный шанс вырвать-

ся из западни, обрести друзей, а потом уж вызволить и меня... Ведь, похоже, с герцогом он был не очень искренен, про Эжена, ничего не сказал, иначе, уверен, герцог не вёл бы себя так... Да, определённо, Антуан очень непрост...»

Свеча тихо плакала над печалью Виктора, а её огонь изо всех сил пытался улыбнуться ему. «Жизнь продолжается!» – безмолвно шептал его танец.

«Постой, что тебе, дружище, мешает вот сейчас сигануть в окно и всё исправить? Да, так и сделаю, только вот выясню, насколько приятно лежать под кроватью?» – вдруг вспомнил Виктор о ночном госте и усмехнулся, – «Да, я уже порядком злоупотребил его терпением. Пора раскрыть объятия».

На том порешив, он стал раздеваться. При этом напряжение его только росло. Он уже успел тщательно изучить комнату и теперь был убежден, что у него есть все шансы на удачу. Но кто дожидается темноты? «Вряд ли Маргарита ошиблась, её симпатия сулит мне удачу. И ведь какая смелая! Знала, что там кто-то есть, и не дрогнула!!! Но как там может оказаться посторонний?! Здесь, сейчас?! Это ловушка герцога, приговор либо проверка, иначе быть не может. Так нахально прийти в гости, где так ждут гостей, мог бы только сумасшедший!...» – решение ускользало.

Виктор всё оттягивал и оттягивал тот момент, когда его голова коснётся подушки. Настоящая человеческая постель никак не могла привлечь его. Мог ли он этому поверить ещё утром?

«Ох, Эжен, Эжен! Знал бы ты, как я влип!» – и Виктор, наконец, решил рискнуть, задул свечу и залез под одеяло.

Окутавшая его слепота тут же заставила его содрогнуться, но по мере того, как глаза привыкали к темноте, чувство бессилия испарялось. Так, обратив всё своё внимание на малейшие звуки, Виктор застыл в ожидании, и потянулись бесконечно долгие минуты.

«Ошиблась ли Маргарита? Нет, скорее гость ждёт, когда я усну», – рассуждал тем временем юноша, – «Вот палач, так издеваться над человеком, толком не спавшим более двух суток. Решено, если в течение ближайших десяти минут он не появится, я сам вытащу его оттуда».

Смутные очертания комнаты стали наполняться призраками. Хорошо, что где-то внизу на улице горят факела. Глухие удары сердца...

Видимо, усталость всё-таки взяла своё, и Виктор на секунду другу отключился, иначе как объяснить то, что он не заметил, как прямо около его кровати тень сгустилась и обрела человеческие очертания. Только юноша поймал себя на этой мысли, как эта плотная тень пришла в движение, и в тот же миг Виктор оказался парализован. Он был убежден, что человек не способен так бесшумно перемещаться, и в его душу закрался ужас.

Незнакомец не дал ему опомниться, зажал рукой рот, чуть сдавил горло и зашептал прямо в лицо:

– Прости за нежность, брат, но я понял, что с тобой иначе

разговаривать нельзя. На этот раз ты меня выслушаешь. Понял?! Это четвёртый и последний раз, когда я пытаюсь поговорить с тобой по-людски. Меня послал Генрих Рай. Он мне всё рассказал. Ясно? Всё! И я хочу знать, что ты тут делаешь? Ты ведь теперь знаешь, что это именно герцог Бетенгтон! Ведь знаешь, верно?! Тогда что это такое? Ты забыл, что герцог заклятый враг твоей семьи?! Или ты просто дурак?! Решай!!! Тебе надо уходить отсюда, и я помогу...

Виктор быстро оправился от шока и почувствовал, что сердце его сейчас готово разорваться от переполнившего его счастья. Эжен!!! Его Эжен, которого он оставил Бог весть в каком состоянии!!! Да, только этот безумец мог додуматься и главное суметь залезть под кровать. Но надо было ещё заставить его разделить эту радость. И Виктор знал, как это сделать.

Произошло то, чего Эжен ожидал меньше всего. Виктор хитро изогнулся, и в тот же миг на голову Эжена легло поднятое ногами брата одеяло. Секунды хватило, чтобы они успели поменяться ролями. Ещё не опомнившийся Эжен уже ничком лежал поперёк кровати, а Виктор, чуть ли не оседлав его, припал к его уху:

– А теперь, пропитый окорок, слушай меня! Я безумно рад видеть тебя, но у нас слишком мало время. Слушай и запоминай. На службе у барона состоит некто Карлос. Это никто иной, как Мигель Вальначо! Да, тот самый старый пират! Он с нами за одно. Найди его. Барон остановился в го-

стинице «Лунный свет», это недалеко от южных ворот. Может быть, тебе удастся выяснить, куда делся Антуан. Сегодня по воле герцога его здесь заменили мною, а меня, как мне кажется, им...

К концу этой речи Виктор уже успел отпустить брата, и тот совершенно ошеломлённый силился пробить взглядом темноту, чтобы разглядеть дорогие черты.

– Виктор?! Ты идиот!!! – наконец зашипел он.

– От него и слышу!!! – в тон ему отозвался тот.

В коридоре уже слышались шаги.

– Эти черти уловили-таки нашу с тобой возню, – в миг понял Виктор, – Уходи!!!

– А ты что, решил остаться?! Ты вообще в себе?!

– Ничего страшного услышать они не могли, а я ещё не всё узнал.

– Так пойдём со мной, и ты узнаешь всё!

– Убирайся! Но если тебе станет скучно, можешь поступить на службу к барону.

– Да ты рехнулся!

– А ты потерял свой парик? Не бойся за меня, я здесь долго не задержусь, но этих мерзавцев нельзя оставлять без присмотра. Понял?! Только найди Антуана, пока не случилось беды!!! Найди!!!

Раздались удары в дверь.

– Испарись!!! – зашипел Виктор.

Он уже соскочил с кровати и, схватив стул, с силой ударил

его о стол.

– Не знаю, как, но ты должен уйти!!! – взмолился Виктор.

– О, дьявол! Тебя бы да знаешь куда?!! – всё так же шепотом выругался Эжен, но он уже был у окна.

Чуть больше десяти футов до земли. Но прежде, чем прыгнуть, он не удержался, чтобы ещё раз не оглянуться.

– Ну же!?! – Виктор уже достиг апогея в создании шума и хаоса в комнате.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь?!

– Теперь знаю, брат!!!

Эжен снова различил в голосе Виктора нотки мольбы и больше не стал заставлять себя упрашивать. Сделав в воздухе сальто, он удачно приземлился на ноги и скрылся в соседнем переулке.

Дверь рухнула, и ворвавшийся вместе с людьми свет выхватил из темноты разгорячённого битвой окровавленного Виктора. Чем он успел себя поцарапать, осталось его тайной, но эффект получился потрясающий.

– Что здесь произошло?! – взревел растерявшийся герцог.

– Это я хотел бы у вас спросить! – в тон ему едва ли не закричал Виктор, – Меня только что откровенно хотели убить! Знаете ли, мне моя жизнь дороже всяких денег! Я в такие игры больше не играю!!!

– Где он?!

– Кто? – словно не понял Виктор.

– Тот, кто на тебя напал, чёрт тебя побери! – огрызнулся

герцог.

Что ж, Виктор указал рукой на окно. Герцог уже и сам пришёл к такому выводу. Расстояние до окна было покрыто в пару шагов, и ночь потряс громоподобный призыв:

– Пит!!! Питер Вайт!!!

Ответом стала абсолютная тишина, словно поражённый мир оглох и онемел. Казалось, из глаз герцога сыпались молнии:

– Рон. Срочно вниз. Разберись, куда делся Пит и его люди! Нет, не в дверь, идиот! Прыгай в окно!

Рон попытался воспротивиться, но герцог остался глух к этой слабости своего праиэра:

– Если он смог выпрыгнуть в окно, значит и ты сможешь. В противном случае ты мне не нужен!

Что ж, Рон, сердито оскалившись, подчинился, но прыгать всё-таки не стал, а нашёл возможность спуститься по внешней отделке стены. Герцог недовольно фыркнул и развернулся к притихшему Виктору:

– Почему ты не звонил?

– Даже если бы я и не забыл об этом, у меня не было ни малейшей возможности искать ваши шнурки! – и Виктор в сердцах сплюнул.

Но герцог всё ещё отказывался смириться с этим происшествием:

– Но хотя бы кто это был и как здесь оказался?! – потребовал он ответа.

– Я не знаю этого человека. Скажу лишь, что он был старше и ниже меня, и явился просто ниоткуда. Я не уловил ни малейшего звука.

– Неужели он даже не пытался заговорить?! – изумился герцог.

– «Не пытался!» – невольно передразнил Виктор Его Светлость, – «Я не привык, чтобы со мной так шутили, сынок, поэтому теперь у нас будет короткий разговор!» Это всё, что я смог понять.

– Чушь собачья!!! Рай бы волоса на твоей голове не тронул! Хотя... он человек загадка... Чёрт знает, что! Если ты меня сейчас дурачишь... – и герцог угрожающе надвинулся на юношу.

– Я не желаю быть игрушкой! – искренне вскипел Виктор, – Этого в нашем уговоре не было!

Герцог встретил полный неподдельного возмущения и обиды взгляд и отступил. В этот момент прибежал Рон и, с трудом восстанавливая дыхание, доложил:

– Пит и все его люди оглушены и... Мы нашли всех восьмерых без сознания, связанными, с кляпами во ртах. Правда, Пит уже пришёл в себя, – и Рон кивнул на дверь, на пороге которой стоял весьма потрёпанный Пит. Заметив, что теперь внимание всех обращено к нему, он отпустил косяк и постарался выпрямиться:

– Нас... обработал Рай. Мы засели по двое в разных местах, чтобы охватить все прилегающие закоулки. Я разли-

чил его в самый последний момент, но уже ничего сделать не смог, – Пит всем своим видом дал понять, что признает свою вину и готов понести наказание.

– Рай один повязал всю твою ватагу с тобой во главе?! – отказывался поверить своим ушам герцог.

– Он нападал в ночи, со спины... Это не было битвой, – всё же попытался оправдаться как всегда бесстрашный Пит.

– Ну да... И никого не убил! – усмехнулся Рон.

– Никого?! – только теперь герцог обратил внимание на это обстоятельство. Но Пит, словно не заметив этой реплики господина, уже обратился к Рону:

– Ещё скажи, что это мы сами себя вырубили, а потом повязали! – и против обыкновения в голосе Пита зазвучал такой метал, что Рон едва не присел от испуга.

Герцог кивнул каким-то своим мыслям и развернулся к Ламороу.

– При свете дня мы перевернём весь Рунд! – хмуро заверил тот господина.

Герцог усмехнулся, мол это само собой, окинул комнату тяжёлым взглядом, и Виктор различил произнесённые не ясно для кого слова:

– Такой прыти я не мог от тебя ожидать, старик. Что ж, давай сразимся... Ты уже давно просишь, чтобы я тебя приласкал...

* * *

– Он поднял тревогу?! – воскликнул Рай, когда Эжен при-

близился к нему.

– И ещё какую!!! – Эжена просто распирало от непонятного Раю счастья.

– Чему же ты так рад?..

– Ой, господин Рай! Идёмте спать... Дома, в тепле и уюте я всё вам расскажу.

Но сам Эжен спокойно идти не мог. Неожиданно для Рая он взвился в воздух и с ходу сделал сальто, перейдя из него в колесо. Брианец такое видел в первый раз, и у него дух перехватило от изумления.

– Артистическое воспитание? – выдохнул он наконец.

Эжен залился беззвучным смехом и потянул Рая прочь...

Стараясь не шуметь, они проникли в свою комнату и, наконец, смогли расслабиться. Свет свечи аккуратно раздвинул сумрак, приглашая их к мирной беседе о чём-нибудь загадочном и прекрасном. Но Рай не поддался этому ненавязчивому дурману. Его нетерпение едва-едва не выливалось в слова, но он уже по опыту знал, что Эжен и сам всё расскажет, надо только дать ему собраться с мыслями.

– Вы меня послали к Антуану, так? – наконец лукаво поинтересовался Эжен.

– А ты сомневаешься?

Юноша удобно расположился на маленьком деревянном стуле, словно тот в этот момент превратился в кресло.

– Вам и во сне не приснится то, что там произошло. Я до сих пор не могу поверить своим ушам!

– А я глазам... – невольно огрызнулся Рай, – Нет занятия хуже, чем дожидаться, пока тебя прибьют.

– Ну, тут вы не правы... Когда это я предлагал вам дожидаться именно этого! – тут же возмутился Эжен.

– Ладно, рассказывай по порядку, с самого начала. Ты залез в окно, это я видел...

– И спрятался под кроватью.

Рай сокрушённо повёл головой, и Эжен заметил это:

– Да бросьте вы! Мы ведь к тому моменту уже знали, что эту комнату выделили Антуану, так? К тому же мне улыбалась удача. Посудите сами, только я это сделал, как в комнату вошла служанка, стала стелить постель, а скоро появились и герцог с де Валеньи.

– И какие у них отношения? Дружеские?

– О, даже более того! Уж как любезничали! Герцог едва ли ни сам уложил братца спать.

– Неужели Антуан не понимает?.. – вырвалось у Рая.

– Это ещё надо выяснить, что он понимает... Но прежде дослушайте меня, господин Рай, – и Эжен стал красочно описывать, как он маялся под кроватью в ожидании момента, когда погаснет свет, как считал минуты, чтобы выдержать паузу приличия и привыкнуть к темноте, как лихо взял в оборот брата и высказал всё, что было на душе...

– Ты снова очень талантливо подобрал слова, – упрекнул его Рай, – Это же надо, назвать молодого графа дураком!

– Я предложил ему помощь! – возразил Эжен, – А теперь

отгадайте, что было после?

– Он залепил тебе пощечину, – усмехнулся Рай.

В ответ Эжен от души рассмеялся:

– Да ваш “молодой граф” не смог бы и пальцем пошевелить. Вы меня недооцениваете! Но вышло как раз нечто подобное. Я и глазом не успел моргнуть, как уже растянулся поперек кровати. «А теперь, пропитый окорок, слушай меня!» – заявил мне братец. А?! Как вам это нравится?!

Рай согласно кивнул, улыбнулся и вдруг обескуражил Эжена вопросом:

– Когда же ты, наконец, скажешь, что это был Виктор?

– Что?! – изумился Эжен, – Вы догадались?! Когда?!

– Да вот когда увидел твою сияющую физиономию, – слукавил Рай.

– И всё это время подыгрывали мне?! – искренне расстроился Эжен, – Из вас выйдет хороший актёр.

– Благодарю за комплемент. Но я жду продолжения.

Что ж, Эжен, уже с меньшим энтузиазмом, во всех подробностях пересказал их с Виктором краткий разговор и всё, что произошло после.

– Я закончил. Всё, – и Эжен сложил на груди руки.

– Ясно. Вы друг друга стоите, – глубоко вздохнул Рай, ведь почти всё время этого нехитрого рассказа брианец едва дышал.

– А вы сомневались? – усмехнулся юноша.

– Но как он туда попал, и зачем остался? – тут же вски-

нулся Рай.

– Не знаю.

– Блеск! И, чёрт вас побери, кто может поручиться, что он ещё жив!? – в самом деле распалился брианец.

– Я, – уверенно заявил Эжен.

– Вот как?! И откуда же такая уверенность?

– Если бы это было не так, меня бы сейчас здесь не было, – и Эжен веско хлопнул ладонью по столу.

– Что ж, это довод, – признал Рай, – Ладно, пусть будет так. И что теперь со всем этим делать?

– Вы же слышали, он просил найти Антуана, даже сказал где. Вот этим и займёмся прямо с утра. А там видно будет. Виктор, кстати, был не против, если бы я поступил на службу к барону.

– Что?! – и правда не понял Рай.

– Всё очень просто. С помощью Мигеля я, конечно, изменив лицо, стану слугой барона, и мы будем держать этих гадов на коротком поводке. Испайронский я знаю, как второй родной. Новую физиономию сделаю за один день. Дело за Мигелем.

– Значит за Мигелем... – Рай мысленно выругался и вслух заключил, – Это безумие! За Мигелем... Нет, ты мне объясни, зачем Виктор решил остаться?!

– Думаю, скоро вы сами это у него спросите. Он не собирался там долго задерживаться.

– Тогда вообще зачем было... – и Рай снова чертыхнул-

ся, – Ох, не нравится мне всё это!

– Что именно? – решил уточнить Эжен.

– И ваша затея, и исчезновение Антуана. Пахнет бедой.

– Если бедой, так это от Антуана, а у нас с Виктором всё в порядке.

– Лезть в пасть льва, это называется "всё в порядке"!?

Эжен уже собрался было объяснить Раю, что здесь к чему, а точнее просто выругаться, но в последний момент успел остановить себя. Дело в том, что за эти пару дней он проникся к Раю искренним уважением, симпатией, и даже благодарностью. Надо признать, что уже очень давно рядом с ним не было человека, который бы так искренне переживал за них с Виктором. Мадам Бефо, конечно же, не в счёт. Ей близнецы просто не позволили бы быть в курсе своих выходок.

– Вы устали, – примиряющей улыбнулся Эжен, – Давайте спать. Завтра на заре я найду Мигеля. У нас мало времени. Спокойной ночи.

Рай тяжело вздохнул, но принял это предложение. «Безумна и бесстрашна юность», – думал он, засыпая, – «Ведь если вспомнить, каким в молодости я был, то, может быть, и похлеще их рисковал. А теперь... Ох уж мне эта старость. Вот, оказывается, какого она цвета. Вечная тревога за них скоро сведёт меня в гроб. Но всё же... Граф может гордиться сыновьями. И мои Фрэнк с Анри от этих двоих не отстанут».

«Бедный старик», – вздохнул Эжен, прислушиваясь к ды-

ханию Рая, – «Если он и дальше будет всё принимать так близко к сердцу, то долго не протянет. Надо бы его побережь... Ладно, Бог с ним. Главное, Виктор!!! Мы снова вместе!!! Ну, держитесь теперь, любезные герцоги и бароны!»

* * *

Вот уже несколько минут Рай с удивлением осматривал густые столбы пыли, высвеченные лучами недавно взошедшего солнца. Эти лучи пробивались сквозь широкие щели в потолке старого ветхого сарая. Правду сказать, Рай уже очень давно не оказывался под сводами такой дырявой крыши. Да и сам сарай внушал не только жалость, но и страх, ибо оставалось только гадать как он умудряется сохранять равновесие. Но да ладно, это у него получается, а вот с мыслью защитить своих постояльцев от дождя и ветра он точно расстался давным-давно.

– Куда ты меня привёл?! – Рай, наконец, развернулся к Эжену.

Тот деловито осмотрелся и указал на некое подобие скамьи:

– Присаживайтесь. По-моему, это замечательное место. Здесь нас не найдёт ни одна собака.

– Ты уверен? А мне сдаётся, что это место не так забыто Богом и людьми, как это тебе кажется, – и Рай красноречиво указал на сравнительно чистый стол и корзину под ним, – Да и эта скамья очищена до нашего с тобой здесь появления. Хочешь сказать, что всё это твоих рук дело?

Эжен отрицательно мотнул головой и озадаченно коснулся затылка. Да, похоже, Рай был прав, но ни он, ни Эжен не могли даже предположить, что всё это следы Жана и Монсаров, которые именно здесь проверили ночь накануне их бегства из Рунда. Близнецы ходили по одним тропам, но ещё не догадывались об этом...

– Ладно. Значит, Мигель придёт сюда. Верно я тебя понял? – взгляд Рая снова был обращён к его молодому спутнику.

– Его приведут.

– Кто?

– Один мой приятель.

– Ты же понимаешь, что в нашем с тобой положении очень опасно расширять круг посвященных...

– Думаю, вы напрасно так драматизируете. Барон и герцог ищут ВАС. Вот вы и держитесь в тени, – отмахнулся Эжен и первым расположился на приглянувшейся ему скамье.

– Дружок, очень опасно недооценивать врага! – Рай присел напротив и, как только поднял на Эжена взгляд, так и осёкся.

В глазах юноши открыто читалось раздражение и досада. Рай уже успел заметить, что это случалось всякий раз, когда он позволял себе пусть и краткое нравоучение. Такого рода замечания всегда воспринимались Эженом в штыки, мол «Я и сам знаю! К чему эти прописные истины?!». «Да, старина, пора уже запомнить, ты больше не учитель, и перед тобой не

Френсис!» – снова напомнил себе Рай и поспешил сменить тему:

– И когда же ты успел всё это организовать? Письмо написал и нашёл посланца...

– Да вот когда вы прощались с хозяйкой, – тут же оттаял Эжен, – Согласитесь, это очень кстати, что она с детьми уехала. Теперь в её доме хозяева мы, и мы можем быть совершенно свободными в своем праве громко ругаться и стучать каблуками.

– Эжен, Эжен... А готовить нам кто будет?

– Я бы сказал, что сам могу, но боюсь, мне будет некогда. Так что эту проблему вы решите как-нибудь сами, – отмахнулся Эжен.

Что ж, Рай лишь горестно вздохнул: «Похоже, мне уже никогда не удастся угнаться за ним. Что за человек! Но ведь и правда, за его хвастовством стоит столь многое».

– А что именно ты написал в своём послании? – вдруг вскинулся брианец, – Спрашиваю, потому что если вдруг оно попадёт не в те руки...

– И вот снова. Вы правда держите меня за дурака? – и Эжен скорчил обиженную гримасу, – Я написал то, что поймёт только Вольначо. Не сомневайтесь! Общее прошлое, это я вам скажу...

И тут вдруг юноша осёкся на полуслове, так его изумило поведение Рая, который вдруг ринулся прямо на него. Всё последующее произошло в одно мгновение ока. Эжен мет-

нулся в сторону, а прямо над освобождённым им местом сцепились кулак в кулак Рай и Карлос, точнее первый перехватил руку второго. Появление испайронца было так неожиданно, что показалось, будто он возник из воздуха. Карлос определённо метил в Эжена, но Рай спутал его карты и оказал настолько сильное сопротивление, что совладать с ним простым напором оказалось невозможно.

После минуты безмолвного состязания, брианец и испайронец, наконец, разняли руки, и в этой ветхой хижине воцарилось напряжённое молчание. Все трое придирчиво изучали друг друга. Эжен предельно пытливо всматривался в каждую черту лица Карлоса и лишь потому, что он знал, кого именно пригласил сюда, память начала подавать голос.

– Ума не приложу, как Виктор разглядел в тебе Мигеля Вальначо. Не думал, что время способно так сильно изменять лица людей... – изумлённо выдохнул Эжен и тут же скорчил обиженную гримасу, – Так-то ты, пират, встречаешь старых друзей.

– Друзей? – Карлос сердито сощурился, – Хочешь сказать, что ты не Виктор, а... а Эжен?

– Да, именно это я уже и сказал. Какого чёрта ты чуть не прибил меня? Виктор сказал, что ты нам друг!

– Виктор сказал... Виктор сказал... – передразнил его испайронец, – А это кто ещё? – и он кивнул в сторону Рая.

Тот с напряжением ожидал результата этой перепалки. Карлос и Эжен говорили на незнакомом ему испайронском

языке, а лица их пока не предвещали ничего хорошего.

– Это друг, – ответил Эжен, – человек, не в пример тебе, не желающий мне смерти.

– Да уймись ты, щенок! – рыкнул на него Карлос, – Кто-то, а я тебе смерти не желаю.

– Тогда я отказываюсь тебя понимать!!! Что-то не припомню, когда это у испайронцев кулак заменил дружеское рукопожатие.

– Вот язва, разрази тебя гром!!! Я лишь хотел хорошенько взгреть твоего братца, да ненароком ошибся. А для тебя у меня не припрятано камня. Иди сюда!

Лицо Карлоса чуть разгладилось, и Эжен решился, подошёл к нему, принимая протянутую руку, а уже в следующий миг они крепко обнялись. Теперь и у Рая отлегло от сердца.

– Всё-таки, Мигель, – уже сиял Эжен, – Давай перейдём на фрагийский, а то господин Рай нас не понимает.

– Значит господин Рай, – Карлос развернулся к Раю, – Брианец. Что ж, прошу прощения, сударь, давайте ещё раз пожмём друг другу руки, но теперь менее крепко, тем более что теперь мы товарищи по несчастью.

– С большим удовольствием, – Рай улыбнулся в ответ. Испайронец начинал ему нравиться, – Но почему по несчастью?

– Похоже, мы с вами вместе обречены терпеть выходки этих мальчишек.

– Вот и замечательно! – одобрил Эжен, – Теперь, дружи-

ще Вальначо, выкладывай, какого чёрта ты взъелся на Виктора. Если бы он мог предвидеть, что ты так зол, он бы предупредил меня.

– Не знаю, не знаю... Со вчерашнего вечера я отказываюсь понимать его поведение. После встречи с герцогом человека будто подменили. Я к нему: «Рад видеть тебя живым!» А он смотрит на меня, словно впервые видит. Нет, я, конечно, предполагал, что эта поездка не пройдёт для него бесследно, но, чтобы так... Может быть, тебе известно, каким образом ему отшибло память?

– Известно. Я разговаривал с ним сегодня ночью.

– Значит, он исчез специально, чтобы поговорить с тобой. И ничего мне не сказал! Вот как после этого на него не сердиться?

– Подожди. Как исчез?! Когда?! – тут же взвёлся Эжен.

– Сегодня рано ночью. Ты же сам сказал, что говорил с ним...

Но Эжен уже развернулся к Раю:

– Вот оно! Дело лихо закручивается! Чем дальше, тем хлеще! Вы понимаете, чем здесь пахнет?! – и юноша не стал дожидаться ответа, уже развернулся к испайронцу, – Мигель, скажи, а барон знает, куда он пропал?

– Нет, – сощурился Карлос.

– Ты уверен?

– Ты задаёшь этот вопрос мне? – Карлос сощурился, – Лучше давай, выкладывай, что здесь происходит.

– Сеньор Вальначо... – вмешался Рай.

– Можно просто Карлос.

– Хорошо. Карлос... Случилось нечто крайне важное, и без вас мы не разберёмся. Но это возможно только при условии внесения некоторых уточнений.

– Согласен, вносите, – и Карлос, наконец, сел.

Эжен понял, что начал разговор ни с того, и счёл за благо не перебивать Рая, а тот уже продолжал:

– Дело в том, что Виктора и правда подменили, и вышло вот как. Некто Антуан де Валеньи, родной брат Эжена и Виктора, да, ещё один близнец, поддался чарам герцога и, похоже, готов выполнить некоторые желания того. Не знаю, кого из себя строит Виктор, но герцогу удалось организовать их подмену. Теперь Виктор выдаёт себя за Антуана де Валеньи, а Антуан де Валеньи, назвавшись Виктором, вместе с бароном вернулся от герцога, и сегодня ночью из гостиницы «Лунный свет» исчез именно он, Антуан. Эжен же нашёл Виктора в спальне Антуана, там же он и узнал о вас. Я не слишком сбивчиво рассказываю?

– Сносно, но постойте, господин Рай. У меня голова идёт кругом. Понимаете ли вы, что всё это возможно только, если их четверо?! Четверо! Не многовато ли? Хотя, что это я, старый болван... – и Карлос начал озадаченно теревить шляпу, – Как я раньше не сообразил?!

Рай и Эжен невольно переглянулись, и Рай снова взял инициативу на себя:

– Мы рады, что вам не надо это долго втолковывать. Их и правда четверо. С самого рождения.

– Многовато!.. – Карлос тяжело вздохнул, – Чёрт побери! Тогда получается, что Виктор оказался прав, этой ночью за ним пришёл его брат Френсис и забрал... Антуана. А Виктор остался в золотой клетке герцога. Блеск! Если бы я мог всерьёз предположить, что их так много! Это ведь я сказал Виктору, что герцог нянчится с его близнецом. Я был уверен, что это ты, Эжен. Если бы ни это, Виктор не полез бы в пасть к герцогу и не увяз бы там. Карамба! Оказывается, я полный идиот!!!

– Карлос, нам с Эженом очень надо знать всё, что произошло с момента встречи барона и Виктора, всё, что известно вам... – и Рай всем своим видом выразил, как велико его желание услышать все эти подробности.

Карлос понимающе кивнул и лаконично поведал благодарным слушателям всё, что знал. Рай с огромным облегчением вздохнул, услышав, что Анри жив, хоть и тяжело ранен. А Эжен не мог усидеть на месте от охватившей его гордости за Виктора, весь его вид кричал, мол есть ли кто круче его любимого брата?! Тут Рай и Карлос даже не думали спорить.

– Значит вас четверо... Превосходно! – подытожил, наконец, Карлос, – Не обижайся, дружок, но мне кажется, что этот Валеньи по недоразумению носит с вами одно лицо.

– Мне тоже приходила в голову такая мысль, – и Эжен покосился на Рая.

– А я бы не спешил с выводами, – вступился тот, – Испачкать человека легко, а вот чтобы снова обелить порой требуются годы. Пока ясно одно. Антуана выкрал Фрэнк, и это не даёт нам никакой зацепки, чтобы найти их. Кто бы мог подумать, что он развернётся так быстро!!!

– Он вообще у вас расторопный, – усмехнулся Эжен, припомнив, как Жан спас Анри от виселицы, – Но на этот раз это может очень плохо закончиться для него и его друзей. И вот не надо! Не возражайте, господин Рай!

Эжен встал и начал мерить хижину широкими шагами. Что ж, Рай нашёл-таки в себе силы уступить, теперь, как и Карлос, он просто наблюдал за тем, как меняется выражение лица синеглазого Лагана, от раздражения и даже злости через некоторую растерянность к собранности, а там уже и вот они, искорки озорной решимости. Да, Эжен принял решение:

– Друзья, не кажется ли вам, что теперь самое разумное, это посадить на короткий поводок этих гадов – барона и герцога? Только это позволит нам вовремя вмешаться, случись здесь какая-нибудь заваруха, верно? Виктор в облачении Антуана связан по рукам и ногам. Быстро внедриться в гвардию герцога возможно только одним образом... Я понял, какие мысли нашептали Виктору идею сделать из меня слугу барона.

– Что? – Карлос даже приподнялся, – Ты что, тоже захотел стать подарком, как и Виктор?

– Точно нет! Мы с Виктором два раза на одни грабли не наступаем. Вот, кто вам сказал, что барон меня узнает? Дайте мне день и много денег, и я наведу себе такой видон, ни то, что вы или барон, Виктор меня не узнает. На такие дела у меня богатый опыт. И дальше всё упрётся в тебя, Мигель. Если ты, дружище, правая рука барона, то твоя протекция лучший зарок на удачу. Я говорю по-испайронски. Дерусь не хуже Виктора, и голова у меня, поверьте, варит. Давайте подумаем вместе, какую бы историю сочинить для ушей барона, а там и герцога... Вы ведь поняли? Я намерен потом перейти на службу к герцогу. Двоих надзирателей для барона будем многовато... Но да это в будущем... Итак?

Карлос и Рай выслушали эту речь в каком-то оцепенении. Но теперь Эжен ждал их приговор.

– Я против! – Рай ожил первым и решительно замотав головой, – Это слишком опасно!

– Это в вас говорят отцовские чувства, – возразил Эжен, – Но, с другой стороны, они не помешали вам уже дважды заставить меня подставиться во имя спасения Антуана. Так что просто оставайтесь верны себе. Тем более, что вы уже знаете, на что я способен! К тому же при вашей поддержке риск будет минимальным.

В ответ Рай сокрушённо повёл головой.

– Лихие вы, черти! – усмехнулся Карлос, – Совсем не изменились. У меня тоже душа слоится от беспокойства, но... пожалуй, я помогу.

– Карлос! – Рай даже не попытался скрыть, как сильно он разочарован, не найдя в испайронце должной поддержки.

– Господин Рай, вы только посмотрите на это недоразумение. Разве моего отказа достаточно, чтобы выбить из его головы эту дурь?!

Эжен сиял. Эта победа вызвала в нём такой восторг, что естественным выходом этого яркого чувства стал головокружительный прыжок, который он совершил, не сходя с места: вверх, оборот через голову и чётко на ноги.

– А вот про это забудь! Допрыгаешься! – выдохнул изумлённый Карлос, – Какой из него актер?! Вон, всё на лице написано!

– Кое-что он может, – нехотя признал Рай, и наградой за эти слова стал ему благодарный взгляд Эжена.

Глава 25. Кривые зеркала.

Озорные солнечные зайчики уже несколько минут бегали по лицу Антуана, и, наконец, добились своего. Он открыл глаза. Раннее утро, свежий ветерок аккуратно перебирал пряди его волос, то и дело заставляя чувствовать лёгкий озноб. Ясное нежно-голубое небо, виднеющееся в проёме открытой двери, обещало хорошую погоду... Всё это, конечно, замечательно, но... Принять эту радость жизни мешало одно «но»... Вопрос – как он сюда попал? Стоило задаться этим вопросом, как тут же в сознании юноши начали проявляться воспоминания о минувшей ночи и не только...

Да, в гостиницу «Лунный свет» Антуан приехал с вполне определённым намерением – какое-то время побыть Виктором, ведь по убеждению герцога, это был простейший и скорейший способ найти сбежавшую племянницу барона Парадесса. Шанс снова увидеть Марианну! Вот главное, что заставило Антуана отмахнуться от всех смущающих «но», пусть таких было и не мало: это и сильная слабость после ранения, полученного в Грандоне, рана не позволяла о себе забыть через постоянную ноющую боль; это и слишком смутные представления о том, что за человек, этот его вновь объявившийся брат, как именно его изображать?

А ещё стоит упомянуть и те противоречивые чувства, которые Антуан теперь испытывал к герцогу и барону, ведь по-

сле более близкого знакомства с этими двумя однозначная ненависть уступила место едва ли не симпатии. Да и была ли ненависть прежде? И если да, то ему ли она принадлежала? Может быть, всё-таки нет?

Граф де Лаган видел в герцоге заклятого врага. Пусть доверие к суждению отца и было велико, но, так уж вышло, что Антуан предпочитал на первое место ставить результат именно собственного умозаключения. Конечно же, до тех пор, пока фактов недостаточно, работало доверие, основанное на уважении и любви, но как только появлялась возможность самостоятельно присмотреться, картина могла сильно изменить свои краски. Случай предоставил Антуану такую возможность и в этот раз.

Да, он не узнал герцога в момент их встречи на улице Рунда, а тот назвался другим именем. Да, некоторые из слуг нового брианского друга показались Антуану знакомыми, но то было лишь смутное узнавание, ничего конкретного, благо те, кого юноша и правда хорошо помнил, Ламороу, Пит, Фил, смогли не попасть в его поле зрения. Глаза юноши открылись именно благодаря словам "красавчика Блорна", этого невероятного посланца Генриха Рая. Вот когда смутное узнавание слуг герцога обернулось уверенностью, их лица чётко проступили в памяти юноши на фоне интерьеров дворца Бетенгтон. «Герцог Бетенгтон?! Дурачить меня вздумал?!» – Антуан вскипел, – «Лучше уж я буду пленником, чем игрушкой!» И он решил рискнуть. При первом же появлении гер-

цога Антуан назвал его настоящим именем. Тот изумился, но отпираться не стал, а вместо оправдания, вдруг едва ли не упал на колени, столь искренним выглядело его раскаяние в этой лжи. Эта искренность так сильно смутила Антуана, что он согласился выслушать объяснения, и в результате герцог поведал ему уже известную историю... да на новый лад.

Его Светлость решил начать из далека, а именно, со своего знакомства с юной Арабеллой де Гурье. И сразу изумил юношу тем, что помнит тот момент в столь мелких деталях, вплоть до цвета одежды юной красавицы и её матери, ароматов цветов, которыми был украшен зал приёма, и вкусов подаваемых в тот вечер блюд. Полностью отдавшийся во власть воспоминаний герцог даже едва ли не дословно передал их первый разговор и описал как именно Арабелла реагировала на его слова. Это стало лучшим доказательством сказанного после – за всю свою долгую жизнь, Его Светлость так и не встретил другую, способную сравниться с Арабеллой де Гурье, женщину.

А тогда, уже больше двадцати лет назад, герцог в своих грёзах о счастье взлетел до самых небес и поначалу даже не заметил конкурента. Но главная ошибка Его Светлости была в том, что он не принял в расчёт Ромена де Монсар, кузена Арабеллы. Горькая, трагическая ошибка! Оказывается, и здесь память герцога сохранила во всех мыслимых подробностях историю о том, как искусно Ромен воспользовался своим особым положением в доме Гурье – мастерски очер-

нил герцога и в то же время возвёл на пьедестал счастливица своего друга, Алена де Валеньи графа де Лаган. Его Светлость так увлёкся, разгорячился, что даже в запале начал мерить комнату широкими шагами, но встретив взгляд Антуана, он вдруг осёкся и поспешил извиниться, мол сожалеет, что позволил себе лишнее, ведь он не имеет морального права говорить плохо о родителях своего гостя. И настолько убедительно он выразил свое смирение, что Антуан даже сам попросил его продолжить уже начатый рассказ, до конца поведать свою версию этой истории.

– Ромен де Монсар скончался много лет назад, мир его праху, – сокрушённо вздохнул Его Светлость, – А Ален де Лаган стал вашим отцом. Так что... Да, напрасно я затеял этот разговор, сударь. Напрасно... Это всё моё желание выговориться, быть понятым... непозволительная слабость с моей стороны. Я не должен был забывать, что речь здесь всё-таки о ваших родителях... Очень прошу простить меня!!! И... я уверен, вам, интереснее другое – почему я похитил вас и ваших братьев, верно? Как я решился причинил любимой женщине такую боль...

Антуан с готовностью кивнул, и тем благословил герцога на новую историю. Теперь Его Светлость поведал о том, как он нашёл-таки в себе силы в конце концов отступить от Арабеллы, но вот забыть эту сказочную нимфу так и не сумел, как ни старался. И однажды его посетила мысль, поначалу показавшаяся безумной – «Как было бы замечательно

воспитать сына этой женщины!» Раз появившись, эта идея мертвой хваткой вцепилась в его разум и душу. Хоть так быть ближе к любимой, заботиться о ней! Взять только одного ребенка, это ведь допустимо, она сможет родить ещё. Так рассудил тогда Его Светлость и всё-таки решился, отдал приказ. Какого же было его изумление, когда оказалось, что его люди перестарались и привезли всех четверых близнецов! Но план оставался в силе, взять только одного, и пусть он близнец. Ведь совсем не обязательно, что с возрастом не проявится достаточное внешнее отличие, и потом ведь это разные страны... В этой части рассказа герцог снова начала пылко призывать небеса к свидетели своего искреннего намерения вернуть Арабелле трёх остальных её сыновей. Он бы обязательно сделал это, если бы их безумный слуга не вздумал бежать. А так... У герцога на руках всё-таки остался ребёнок Арабеллы. И чем если не искренней любовью к этой женщине объясняется тот факт, что он усыновил, как ему казалось, единственного выжившего из близнецов? Он сделал его единственным наследником своего огромного состояния!..

От всего этого у Антуана голова пошла кругом. Он сразу усмотрел в рассказе герцога некоторые логические дыры, но яркая, такая неожиданно резонирующая, эмоциональная окраска смогла как-то их прикрыть. А тем временем терпеливый герцог взял на себя труд объяснить и смысл разыгранного в Бетенгтоне "спектакля":

– Я догадался, зачем граф де Лаган явился в мой дворец. Но что я мог ему предъявить? Да, я выкрал и усыновил его сына. Можно продолжать рассуждать о мотивах, которые мною двигали. Но неужели это стало бы доводом для графа? Нет, уверен, что нет. Он явился забрать сына, который стараниями Генриха Рая, отказался признавать своим отцом меня... – герцог горестно перевёл дыхание, – Пришло время снова смириться, признать своё бессилие, отступить. Не надо было мне красть сыновей Арабеллы – вот единственное, что я признаю от всего сердца и в чём каюсь! Воистину, вся эта идея настоящее помутнение рассудка! А признав это, я конечно же должен отступить перед графом де Лаган. На дуэль я выхожу только с чувством полной собственной правоты. Это мой твёрдый принцип. А тут другой случай... Вот, такая печальная история. Так я не нашёл ничего лучшего, как организовать свою кончину. Я собирался исчезнуть, начать новую жизнь... под другим именем... Пусть это и станет актом моего покаяния – так я решил, и даже уже начала работать над претворением этого плана в жизнь, переводить своё состояние на другое имя... Но это требует времени, и пока суть да дело, я не устоял перед искушением всё-таки наведаться во Фрагию и хоть издали убедиться в том, что жизнь того, кого я все эти годы называл сыном, налаживается... Поэтому я здесь. Благодаря этому я познакомился с вами...

– Но ведь вы должны были понимать, милорд, что рано

или поздно ваш обман раскроется. На что же вы надеялись, когда стали лгать мне? И эта попытка пристрелить Генриха Рая... – Антуан ещё пытался рассуждать логически.

Герцог тяжело вздохнул, взгляд его стал очень печален.

– Каюсь, мой юный друг, грешен. Но тут ведь как получается... Не перестроился я, так неожиданно было увидеть вас... Не успел я поменять свои планы, решить "воскреснуть"... Что же касается Генриха Рая, то я и правда хотел его пристрелить, и клянусь, есть за что! Этот негодяй обокрал меня! Он настроил против меня Фрэнка!!! Теперь тот даже не желает со мной говорить, просто возненавидел! Этого я Раю никогда не прощу!..

Совершенно незаметно Антуан и герцог нашли общий язык, их отношения стали просты и, как казалось юноше, искренни. Его Светлость предстал перед ним доверительно распахнутой книгой, тихо тлеющим камином, жаждущим согреть одинокую душу. Ведь только по-настоящему чуткий человек мог так верно распознать чужую душевную боль.

Его Светлость лишь вскользь предположил, что, возможно, Жан знает где найдет Марианну, и Антуан в тот же момент вспыхнул, как сухой хворост на ветру. Ведь уже несколько дней весь мир юноши замкнулся на мыслях о Жане и Марианне. Его богатая фантазия рисовала красочные картины трогательных отношений возлюбленной и брата, он чувствовал себя несправедливо отвергнутым и потому глубоко несчастным. Мир стремительно терял краски, а в душе

разрасталась глухая всё поглощающая боль...

Ни раз Антуан ловил себя на мысли, что в своих фантазиях зашёл уже слишком далеко, что зря выдумывает то, чего, быть может, и нет, но голос разума был слишком слаб, и вновь верх брали чувства... С высоты этой колокольни юноше казалось, что действия герцога во времена молодости того вполне понятны, хоть конечно и не могут быть полностью оправданы. Он узнавал в Бетенгтоне свою боль, и потому уже не мог ненавидеть этого человека. Эта одна беда, название которой, "отвергнутая любовь", казалось, связала их души невидимой прочной нитью. Как-то незаметно герцог из злейшего врага превратился едва ли не в лучшего друга, может быть, единственного на свете человека, способного понять эту боль и разделить её.

И Антуан поверил в искренность герцога, когда тот в итоге пообещал помочь, если представится случай. Свое такое желание Его Светлость объяснил, как всегда, просто – ему, герцогу, очень не хочется, чтобы недоразумение, замешанное на природном сходстве и несправедливой случайности, стало причиной, быть может, незаживающих душевных ран такого замечательного человека, как Антуан. Уж ему-то, герцогу, как никому другому известно, как это бывает... Если уж братьям суждено полюбить одну девушку, их борьба за её руку должна быть честной и справедливой! Так герцог пообещал Антуану помощь, и подходящий случай представился неожиданно быстро. Появление Виктора явилось как гром

среди ясного неба...

Антуан как-то и думать забыл, что где-то по свету ходят ещё два его брата. Оно и понятно, думы про этих двоих могли причинить только новую боль. Но сейчас здесь объявился только один – Виктор. Разве ж это ни удача?.. Герцог предложил Антуану на время стать Виктором и, если конечно, повезёт, собственными глазами увидеть, что же на самом деле имеет место быть между Френсисом и Марианной! Нет, герцог не принуждал, а лишь предположил, что это реально и разумно. Последующее знакомство с Виктором, не принесшее ни одного мгновения радости, подтолкнуло Антуана принять решение, и вот он в доме барона. Юношу не очень беспокоило то, что ещё незажившая рана в спине быстро лишает его сил. Если предположение герцога и барона верно, то он очень скоро увидит Марианну, а потом... будь что будет... Так он думал. Да, где-то в глубине души он даже почувствовал некоторое сочувствие к переживаниям барона и радость от мысли, что с этим человеком у него тоже складываются хорошие отношения.

И за судьбу Виктора Антуан не переживал, ведь герцог полон искреннего желания загладить прошлые ошибки. Пусть пока суть да дело Его Светлость преподаст этому пройдохе несколько уроков хороших манер... Не стал Антуан переживать и за участь двух своих лакеев, которые пока оставались при нём. Он просто приказал им отправиться в Валеньи, мол здесь их услуги больше не нужны. Такой приказ не показал-

ся им странным, потому что Антуан и прежде любил путешествовать в сопровождении кого-то из знакомых или в гордом одиночестве, это уж как сложится... Приказ отдан, слуги уехали. Теперь ничто не могло отвлечь Антуана от главного – увидеть Марианну! А надо ли ей возвращаться к дяде, это он решит потом...

Так началась его жизнь в образе лжеВиктора, и дальнейшие события не заставили себя долго ждать. Уже за ужином помощник повара незаметно шепнул Антуану на ухо, что его хотят видеть два человека, один из которых очень на него похож. Место встречи – задворки кухни. Время встречи – ближе к полуночи, когда все уснут. Конечно, юноша вспомнил настоятельный совет герцога сообщать барону лично обо всём странном, но, разумно рассудив, что вмешательство барона могло испугнуть поздних гостей, Антуан предпочёл игнорировать этот совет.

Так лжеВиктор терпеливо дождался конца ужина, а потом и момента, когда постояльцы и прислуга гостиницы «Лунный свет» погрузились в сон, и только после этого явился на кухню. Его встретила гробовая тишина, если бы не потрескивание маленького факела, героически боровшегося с темнотой, ни что бы не нарушило томное спокойствие сковородок и кастрюль. Никого, но свет есть. Антуан обошёл всё помещение и уже с досадой хотел развернуться к выходу, когда вдруг заметил, как боковая дверца начала бесшумно открываться. Юноша весь напрягся, а рука непроизвольно легла на

рукоятку ножа, который с некоторых пор постоянно был у него за поясом. Через миг из-за дверки появилось настороженное лицо Геньи. Страж земель Шероль пытливо всмотрелся в лицо Антуана и тихо присвистнул:

– А я всё же не верил! Приветствую вас, сударь!

– Кто вы?

– Друг вашего брата.

– Брата?!

– Да, будьте любезны, пройдите сюда, – Геньи поманил его к себе, и Антуан решился, последовал за ним.

Оказалось, что дверка скрывала длинную комнату с низким потолком. От одного её конца к другому протянулся крепкий приземистый стол, видно, в этом помещении готовилась выпечка... Сейчас здесь было чисто и сумрачно. И тем не менее скудного света свечи хватило, чтобы Антуан тотчас, как вошёл, увидел лицо Жана. Братья застыли, пытливо разглядывая друг друга. Геньи прикрыл за Антуаном дверь и присоединился к их занятию.

Жан уже успел привыкнуть к мысли о существовании близнецов-братьев, но одно дело знать об этом, и совсем другое видеть собственными глазами. Лунная ночь в Грандоне, помнится, показала ему лицо Антуана, но это воспоминание уж сильно смахивало на сон, а теперь всё иначе. Перед ним брат, брат по крови!

Антуану уже приходилось видеть Эжена, Виктора, и потому его смятение было несколько другой природы. Обсто-

ательства, при которых он встречался с другими братьями, оставляли желать лучшего, но с Жаном совсем другая история. Сумрак комнаты скрыл синяки и ссадины, полученные Жаном в погоне и пленении, и теперь Антуан видел перед собой... полную свою копию. Это был Жан, выросший под именем Френсиса Бетенгтона, воспитанный сыном герцога... То, что этот человек воспитан благородным чувствовалось и в том, как он держится, и в том, как носит сейчас довольно простую одежду. Но почему в своих фантазиях Антуан никогда не видел этого лица?

– И что же вы, даже не обниметесь? – не выдержал Геньи.

И в тот же миг лицо Жана осветила ясная такая светлая улыбка. Он сделал несколько шагов по направлению к Антуану и мягко произнёс до боли знакомым голосом:

– Я понимаю, Виктор, в это трудно поверить, но мы и правда братья, родные братья близнецы. Меня зовут Жаном.

И Жан протянул руку для рукопожатия. Душу Антуана охватило страшное волнение. Он вдруг увидел в этом человеке своего отца, его интонации, его жесты. Поддавшись внутреннему порыву, Антуан схватил протянутую руку, и уже в следующий миг братья обнялись...

– Вот и ладно, – с удовольствием подытожил удовлетворённый Геньи.

– Это невероятно! Откуда ты взялся! – воскликнул Антуан сразу, как эмоции чуть по улеглись.

– Я могу задать тебе тот же вопрос, – рассмеялся Жан, –

Нам есть, что рассказать друг другу, но позже и точно не здесь. Надеюсь, ты уже понимаешь, что попал в стан наших врагов.

– Ну...

– Я предлагаю тебе присоединиться к нам, то есть ко мне, брату и сестре де Монсар и нашим новым замечательным друзьям. Твоё решение?..

– Ты что же, допускаешь мысль, что я могу отказаться?! – изумился Антуан, – Да я просто сгораю от нетерпения!

– Вот и замечательно! Тогда поспешим! – и Геньи поманил близнецов прочь из комнаты. Оказывается, здесь нашлась ещё одна тайная дверка.

* * *

И вот утро, Антуан на сеновале. Теперь он всё вспомнил: и как они втроём тайком выбрались из гостиницы «Лунный свет», как во время их путешествия по лесу сердце грозило остановиться, заходясь от приступов страха (в детстве Антуан просто панически боялся темноты); как они, решив не будить женщин и Франсуа с Жюльеном, устроились спать на сеновале. Антуан к тому моменту уже не помнил себя от усталости и ноющей боли от грандонской раны. Отдаться сну, вот, что было его заветной мечтой в тот момент...

Теперь же, проснувшись, он обнаружил, что остался совсем один. Ни Жана, ни Геньи рядом не было. И тем не менее он, Антуан, здесь и где-то поблизости Марианна!!! Что же дальше?!..

– Как спалось, сударь? – приятный женский голос заставил Антуана вздрогнуть.

В тот же миг он увидел, что в проёме дверей появилась удивительно красивая девушка с богатыми цвета белого золота волосами.

«Это, наверно, графиня де Шероль! Значит, она и правда разделила общество беглецов!» – пронеслось в голове Антуана.

– Благодарю, мадемуазель, это было верхом блаженства! – откликнулся Антуан и поспешил подняться на ноги, поправить одежду.

От такой резкой смены положения, у него слегка закружилась голова, с новой силой заныла рана, но он справился с этой слабостью, смог её скрыть.

– Блаженства?! Ни за что не поверю. Вижу, что вы неприхотливы, и тем не менее... – девушка явно смутилась, замешкалась, с трудом подбирая слова, – Я... Я хочу просить у вас прощение за то, что позавчера позволила себе плохо о вас думать. Право, я счастлива, что так ошиблась!

– Ошиблась? – Антуан насторожился.

Он ясно представлял себе, что могло вызвать негодование графини, ведь именно Виктор выследил её, когда она спешила предупредить беглецов о появлении барона, но, похоже, потом произошло что-то, о чём ему не сказали, о чём, возможно не знает сам барон. Только сейчас Антуан отметил, что, похоже, и Жан не таит на него обиду, ведь они встрети-

лись так тепло!

– Что же заставило вас изменить своё мнение?! – решился уточнить юноша.

Он очень постарался скрыть то, с каким напряжением ждёт ответ, и ему это удалось.

– Конечно же то, что вы сделали! – смущение едва позволяло Анне говорить, – Сударь, ваши героические действия не только исправили мою ошибку, но и спасли жизни наших друзей. Не сомневаюсь, если бы не вы, брату и сестре де Монсар пришлось бы очень туго. То, как вы вырвали Марианну из лап барона... О, это достойно чести быть воспетым в балладах!

«Что?! Вырвал из лап барона?!» – изумился Антуан, – «С ума сойти!!! Оказывается, я многого не знаю! Похоже, Виктор полон сюрпризов! А барон и герцог об этом даже не подозревают! И в каком это положении я здесь оказался? Стоп! Почему они так упорно говорят о брате и сестре де Монсар? Значит Анри выжил?! И, похоже, что они уверены в их родстве!!!»

– О чём вы так глубоко задумались? – Анна подошла чуть ближе и так заставила обратить на себя внимание.

– Признаюсь, меня очень смутили ваши слова, сударыня. Право, я не знаю, что и сказать, – признался Антуан и растерянно развёл руки.

– Тогда и не говорите ничего, лучше пойдёмте. Наши друзья уже давно ждут вашего пробуждения! – и Анна реши-

лась-таки, взяла его за руку и шутиливо потянула за собой.

Что ж, юноша не стал сопротивляться. Один шаг за порог, и...

– Уже так поздно?! – Антуан изумился тому, что солнца уже почти подобралось к зениту. А утро-то совсем не ранее!

– Мы хотели дать вам всем возможность выспаться. Так что для тех, кто этой ночью не ходил в Рунд, это будет уже второй завтрак...

«Какая же прелесть эта де Шероль?» – улыбнулся Антуан в ответ и с удовольствием отдался на волю радушной госпожи этих земель.

Приободренная его учтивым вниманием Анна не помнила себя от счастья. Весело смеясь и по-хозяйски знакомя его с обстановкой нового жилища, она совсем незаметно для себя привела его к веранде домика Геньи. Большой дубовый стол уже был почти накрыт, и над ним дружно хлопотали Маргарет и Анжелика. Франсуа и Геньи уже заняли свои места и сейчас вели какую-то неспешную беседу, при этом тучный артист не упускал случая, чтобы не отпустить какую-нибудь остроту в адрес жены или дочери. Сын же его, Жюльен, коротал время у огня.

«Вот и артисты!» – пронеслось в сознании Антуана, – «Милые люди».

Заметив подошедших, Франсуа смолк, Маргарет и её дети забыли о своих делах. Взгляды всех обратились к лицу Ан-

туана, и это неприкрытое внимание сильно смутило его.

– Что же будет, когда вы увидите их вместе? – от души рассмеялся Геньи.

– Вот так будет выглядеть Жан, когда заживут его синяки и ссадины, – поддержала его Анна.

При этих словах Антуан невольно оглянулся на неё, и девушка заметила в его взгляде тень беспокойства, но причину его истолковала неверно:

– Жану здорово досталось от людей герцога, он едва цел остался, но, слава Богу, все позади. Итак, давайте я вас познакомлю, – и Анна с удовольствием представила Антуану артистов.

– Мы очень рады, что вы с Жаном так счастливо нашли друг друга. Семья – это так много значит... – радушно улыбнулась Маргарет.

– Да, вот и Марианна с Анри нашли друг друга... – поддержала маму Анжелика.

– Верно, милая, верно! Только бы Анри поправился, – Анна нежно погладила девочку по кудрявой голове, и вдруг вспомнив, что давно не видела ни Марианну, ни Жана, заинтересовалась, – Они снова у Анри?

«Они! Анна даже не сочла нужным назвать их по имени! Они уже «они»! И Анна сказала "снова"!!!» – невольно мысленно отметил Антуан.

– Да, – Франсуа жестом пригласил Анну и Антуана присесть ко столу, – Они не находят себе места от волнения за

его жизнь. Я им говорю, раз мать сказала, что этот парень теперь выкарабкается, значит так и будет, а они будто не слышат.

– Переживают, и это понятно, – эхом отозвалась Маргарет.

– О! Легки на помине! – оживилась Анна.

В самом деле, на пороге дома показались Жан и Марианна. При свете дня уже не представляло труда заметить, что левая щека Жана была одним большим синяком, а его лоб расписан кровавыми ссадины. Но ни это захватило все внимание Антуана. Рядом с его братом стояла Марианна! И она была ещё прекраснее, чем он привык рисовать её в своём воображении. Изысканные линии густых чёрных бровей над такими лучистыми очами, идеально правильные черты лица, мягкие с золотым отливом волосы волнистым каскадом ниспадающие до самой талии, упругий, изящный стан, каждое её движение исполнено непередаваемой грации... О, как же она прекрасна!!!

Пораженный, словно громом, Антуан даже встал. При этом никто не заметил, как улыбка слетела с губ Анны. Однажды ей уже довелось видеть в этих синих глазах вот такое восхищение, только это было по отношению к ней, Анне! Тогда она успела поверить в его искренность и приняла эти чувства с большой благодарностью. Но увидеть, как этот окрыляющий свет вдруг обратился к другой... Это оказалось для Анны крайне сложным испытанием.

– С добрым утром, брат! – воскликнул Жан и приветственно взмахнул рукой, – Выспался?

Антуан с трудом отвёл взгляд от Марианны и рассеянно кивнул. Девушка как само собой разумеющееся опиралась на руку Жана! Эта деталь так задела Антуана, что на какой-то миг в его глазах потемнело, и в такой рассеянности он умудрился не заметить, как те подошли ближе. Теперь бодрый голос Жана зазвучал совсем рядом и это заставило вновь поднять на него глаза.

– Надеюсь, брат, ты уже успел познакомиться с нашими друзьями? Замечательно! Тогда позволь мне закончить церемонию знакомства... Дорогая Марианна, я рад представить тебе моего брата Виктора Ровиньоля.

– Виктор, сын графа де Лаган. Вот как правильнее надо было представить этого человека, – Марианна шутливо пожурила Жана.

«Она и правда знает!!!» – смешался Антуан, – «О, боже! Но как она прекрасна!!!»

Видя его смущение, Жан рассмеялся:

– Тебе уже кто-то сказал о том, что ты сын графа? Нет? Просто ты реагируешь много спокойнее, чем я ожидал, – заметил Жан, но не стал цепляться к этому открытию, его взгляд уже снова был обращен к Марианне, хоть на словах он и продолжал разговор с братом, – Той ночью миром правили призраки! Как ты, брат, умудрился похитить Марианну, привезти в Шероль и при этом ни словом не обмолвить-

ся о себе?! Если бы мы с ней тогда могли хотя бы допустить мысль, что здесь, в окрестностях Рунда, судьба свела нас с тобой... Ладно, что было, то было. Теперь слава нашла своего героя!

– Думаю, не будет преувеличением сказать, что вы, Виктор, спасли Анри жизнь! Да и мне тоже... Право, я не знаю, как выразить мою благодарность! – и Марианна снова улыбнулась, только теперь сдержаннее, она не могла не заметить, как зачарованно смотрит на нее Антуан.

При таких её слова Антуан искренне стушевался. Выслушивать похвалу, обращенную к другому... Но Жан спас положение:

– И вот снова это обращение на «вы». Марианна, ты забыла о нашем уговоре? Да, Виктор, не знаю, сказали ли тебе... Учитывая, в каких обстоятельствах мы все оказались, мы решили жить здесь, скажем, одной семьей. Так что обращайся к любому из здесь присутствующих на “ты” и не ошибёшься.

Антуан согласно кивнул, и Жан с большим удовольствием вдохнул полной грудью:

– Вот и славно! Воистину Райский уголок! – при этом его взгляд упал на Анну, и Жан тут же осёкся, – Что-то случилось?

– Что? Нет, что ты, Жан! Тебе показалось, – встрепенулась девушка, – Вы с Марианной пришли как нельзя вовремя, мы только что хотели за вами послать.

– Дело в том, что посланца опередили эти ароматные за-

пахи, – Жан уже отодвигал перед Марианной табурет.

Что ж, Антуан был вынужден сесть рядом с Анной и так оказался как раз напротив Марианны. Это вылилось в простое испытание. «О Боже! Она рядом!!!» – Антуан едва владел собой от волнения, но внутренний голос уже приступил к констатации некоторых замеченных фактов, – «Хвала Всевышнему! Этот синяк Жана заставляет её содрогаться при каждом взгляде на него, а во мне нет ничего отталкивающего. К тому же она дама высшего света, а Жан, очевидно, слишком прост для неё. Может быть, Жан для меня не такая уж и большая угроза. Марианна!!!»

Антуан несколько раз поймал на себе любопытный взгляд чёрный глаз Марианны, и всякий раз она улыбалась ему...

А трапеза тем временем шла полным ходом. Жан, будучи весьма оживлённым, мастерски вёл общий разговор, при этом не забывая ухаживать за своими дамами, Марианной и маленькой Анжеликой. Девочка была в полном восторге. Марианна же принимала эти знаки внимания со спокойной благодарностью. Что и правда всё больше её беспокоило, так это взгляды Антуана. Она уже привыкла к мысли, что Жан влюблён в неё, и это доставляло ей удовольствие, но оказывается, что и Виктор так же стремительно присоединяется к нему... Мысль, что она может стать причиной раздора между братьями, обожгла сердце девушки, в душу уже начал проникать холод страха. Марианна пару раз пытливо посмотрела на Жана, замечает ли он такое поведение брата, но

Жан отказывался вступать в этот немой диалог и выглядел весьма довольным и беззаботным... «Отказывается... Значит всё-таки заметил, но не желает всё усложнять», – поняла Марианна и благодарно улыбнулась ему, – «Ты очень великодушный человек, Жан. Хорошо бы и твой брат проявил хоть каплю твоей сдержанности!»

– Вы очень странный человек, Виктор, – это неожиданное замечание заставило Антуана взглянуть на Анну. Та смотрела на него со смешанным чувством интереса и упрёка в глазах.

– Извините?.. – искренне не понял Антуан. «Почему Виктор? Ах, да! Чёрт побери! Я о нём уже забыл!»

– Вы меня совсем не замечаете, но при этом не забываете ухаживать за мной, подавая овощи, вино... Впечатление, что это уже не просто привычка, а часть вашей натуры, а при нашей первой встрече, всё было сильно иначе, – Анна вложила в эти слова особенный смысл, ведь она помнила, что прежде с таким восхищением эти глаза смотрели именно на неё, но Антуан не понял этот намёк и, примирительно улыбнувшись, попытался оправдаться:

– Спишите это на мою двойную игру.

«Черт возьми! Почему я должен разыгрывать из себя этого Виктора, человека, которого я в принципе не знаю?! Надо заканчивать с этим! Но тогда надо будет объяснять, почему я выдал себя за него... Стоп!!!»

– Жан... Кто это тебя так разукрасил?! Сегодня ночью я

не заметил этих твоих ран! В доме барона мне показалось, что мы абсолютно похожи!!! Что же случилось?!

Жан невольно усмехнулся:

– Что тут скажешь, ночь... Это произошло ещё позавчера утром... Как же много нам предстоит тебе рассказать...

– Нет погоди... Утром?! – Антуан тут же смекнул, что Жан вынесло на его карету уже где-то после полудня, да и Рай успел обмолвиться об ужасном виде того, – Я краем уха слышал о несостоявшейся казни Анри. Но говорили, что вы тогда благополучно бежали... Потом, вы выкрали Марианну... За вами была погоня?! Анри подстрелили... а тебя поймали, но ты сбежал...

Жан с готовностью кивнул:

– Всё так! Радостно видеть, что у моего брата такая ясная голова!

Антуан был настолько поглощен процессом открытий, что даже не заметил этот комплимент. Он круто развернулся к Марианне:

– Я знаю, сам видел, что барон очень беспокоится о тебе, Марианна. Искренне беспокоится!..

– Да уж, это точно, – сощурилась девушка, – Только обо мне ли? Он спит и видит, как выдает меня замуж за этого прыща Крахтью!!! Он искренне признал в Анри моего брата и тут же отправил его на эшафот!!!

– Если Анри в самом деле сильно похож на вашего отца, то, быть может, барон просто сильно испугался? Я говорю о

суеверном страхе?! Ведь он сам похоронил Анри де Монсар!

– В среде барона стали говорить гораздо больше, чем то было при мне!.. – заметила Марианна, – Но нет, не пытайся его оправдать. Я точно знаю, что именно он сгубил наших с Анри родителей!!!

Антуан поверил ей и содрогнулся:

– И вот, он предпринял очередную попытку убить Анри? Теперь более удачную попытку?!.. Жан, расскажи мне об этой погоне! Как ты попался, и как тебе удалось бежать от барона?

– Я бы сказал от герцога, – печально усмехнулся Жан, – Ведь нас преследовали именно слуги герцога...

– Герцога?! Не барона?! – Антуан искренне надеялся, что услышался.

– Да, – Жан печально улыбнулся. Но тут в разговор решительно вступила Марианна:

– Раз уж речь зашла об этом, то лучше, расскажу я, а то Жану сильно мешает его природная скромность, – и Марианна живо поведала Антуану историю её побега из-под опеки барона и последовавшей за тем погони, но услышанное с трудом укладывалось в сознании Антуана. Он упрямо повёл головой:

– Но я ясно слышал, что герцог всерьёз называет Френсиса сыном, что он желает ему только добра!!!

– Это при каких таких обстоятельствах он пел такие песни?! – брови Жана изумлённо изогнулись, – Желает мне

добра?! И движимый этим желанием, он залил мне уши сказкой о моей зверски замученной матери и благословил меня на убийство её мучителя графа де Лаган?!

– Что?! – глаза Антуана изумлённо округлились. Но Жан уже завёлся:

– Видит Бог, как трудно мне было расстаться с иллюзиями о славном образе герцога-отца, но не далее, как позавчера, он сам поведал мне историю нашего похищения, гибели родителей Марианны и Анри! Он более, чем красочно рассказал мне, какие у него планы на мой счёт! Я не стану тут вдаваться в подробности, только скажу, что при исполнении самого невинного из них, меня бы не узнали даже Анри с учителем! Нет, брат, герцог и правда питает к семьям Лаган и Монсар очень сильные чувства, но надо обладать извращённой фантазией, чтобы назвать их добрыми!

Потрясённый Антуан почувствовал, как в его душе закипает настоящая буя: Его Светлость всё-таки обвёл его вокруг пальца, словно щенка!!! Обаял, очаровал, обманул! Герцог принял его, Антуана, за полного идиота, и даже решил, что через него сможет добраться до беглецов!!! Именно через него, а не через Виктора!!! Значит Антуан де Валеньи, как противник, совершенно списан со счетов. Игрушка, покорная глина в его умелых руках!!! Ладно, расчёты герцога не оправдались, Антуан инстинктивно принял верное решение, не дав барону знать, что намерен исчезнуть. Но Виктор, его брат... Оставаясь с герцогом он подвергается реальной очень

серьёзной опасности!!!

И Антуан резко встал. «Надо выручать Виктора!!!» – только и звучало у него в голове. Он даже забыл, что здесь все искренне считают Виктором именно его, Антуана. И вместо того, чтобы прежде всего развеять этот туман лжи, Антуан ринулся к коням. Никто ничего не понимал.

– Что с тобой?! Ты куда собрался?! – Жан сорвался с места и бросился вслед за братом.

Антуан уже был около единственного оседланного коня, но Жан успел схватить поводья:

– Очнись и объясни толком, что происходит! Ты не в себе?!

– Не в себе?! – машинально переспросил Антуан.

– Именно! Ты бы себя видел, мертвецки бледен, лоб в поту... У тебя жар?! Да остановись же ты!!!

– Ты не понимаешь, у нас совершенно нет времени!!! – вскипел Антуан, – Надо срочно вернуться в Рунд!!! Если мы опоздаем, отец, мама, прежде всего я сам себе этого никогда не прощу!!!

И Антуан взлетел в седло. Он уже хотел вырвать у Жана из рук поводья, как почувствовал, что мир вокруг него закружился и... опрокинулся... Жан едва-едва успел поддержать его, чтобы он не свалился с коня вниз головой. Антуан, казалось, умер, такая мертвецкая бледность покрыла его лицо.

Никто ничего не понимал, и только Маргарет не растерялась. Она с силой рванула камзол Антуана, и все увидели, что

рубашка Антуана обильно залита кровью. Множество бинтов под этой алой от крови рубашкой оказались непрочным корсетом.

– Он ранен?!?! – не верил своим глазам Жан.

– Он потерял и теряет много крови! – кивнула Маргарет, – Слишком много крови! Кому плохо от этого зрелища отвернитесь! Анжелика, чистой воды и бинты! Живо!

Девочка бросилась исполнять приказ, а проворные руки Маргарет уже добрались до раны...

Через какое-то время бесчувственного Антуана перенесли в дом и положили на кровать рядом с Анри, благо ложе это было достаточно большого размера.

– Рана не опасна для жизни, – объявила наконец освободившаяся Маргарет, – Но он потерял слишком много крови, и какое-то время, видимо, будет без сознания. Не понимаю, как он мог не замечать, что у него открылась рана?! Ещё и на коня полез!..

– Как же так, Жан, – воскликнула Марианна, – Неужели Виктор ни разу не обмолвился о том, что ранен?!

Потрясённый Жан отрицательно качнул головой.

– Его ранили в спину! – отметил Геньи, – А то, как мужественно он переносил боль говорит в пользу того, что рана была нанесена трусом!

Жан согласно кивнул.

– Но что вдруг так позвало его в Рунд?! – вырвалось у Анны.

– Возможно, он уже бредил... – Жан тяжело вздохнул и опустился на край кровати, на которой теперь лежали два столь дорогих ему человека. И сознание того, что он сейчас никак не может им помочь, дополнительной болью отзывалось в его душе.

И в то время, как Анна не могла оторвать глаз от лица Антуана, взгляд Марианны остановился на Жане. Она его понимала, отлично понимала. Их души звучали в унисон. Словно почувствовав это, Жан поднял взгляд и утонул в свете её глаз...

Глава 26. Хлопок дверью.

Виктор вольготно откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Случилось чудо, герцог позволил ему побыть одному. Оно, конечно, не подразумевалось, что «воспитанник» Его Светлости будет прохладиться без дела – на столе перед юношей лежал свод последних королевских указов Фрагии, «учитель» велел прочитать их, после чего выписать основные идеи. Да, работа предстояла большая, но обязательная ли? На этот счёт «воспитанник» имел собственное мнение, а потому просто вытянул ноги, скрестил на груди руки, закрыл глаза и постарался расслабиться.

Ему так хотелось поймать эти столь редкие теперь минуты одиночества и насладиться ими в полной мере, но не думать вовсе он не мог: «Итак, уже прошло больше двух дней с тех пор, как я стал Антуаном де Валеньи... Что же мы имеем?.. Во-первых, Эжен сказал, что Антуан вырос в родной семье! В «нашей родной семье»! И «отец ищет нас с Жаном»! Стало быть, мы все сыновья графа де Лаган?! Лихо! И я не против такого расклада!» – Виктор невольно улыбнулся. Что греха таить, ему нравилась мысль о том, что он отпрыск знатного рода. Ведь это даёт право мечтать об Анне де Шероль не как о сказочной фее, а как о... Вот тут у юноши даже дух перехватило. Назвать её невестой... даже мысленно дерзнуть назвать её так у него пока не хватало смелости, но да это де-

ло лишь времени, ведь его внутреннее Я уже видит её только так и никак иначе. Вот чей образ был способен разорвать связь Виктора с реальностью, заставить забыть обо всём на свете... И сейчас именно это и случилось. Прекрасная лучезарная Анна в том кремовом платье, залитая солнечным светом, улыбается ему! А вот уже почти ночной сумрак, и бесчувственная девушка лежит у него, у Виктора, на коленях, и это непреодолимое желание убрать локон с её лба, а на самом деле, если уж быть честным – поцеловать её...

И тут где-то за окном раздался громоподобный грохот – видать, кто-то тащил тяжело гружённую телегу по булыжной мостовой. Что везли в той телеги с таким вот дребезжащим шумом? Нет, Виктор не стал выяснять, ему было гораздо интереснее вернуться к внутреннему разговору: «Так о чём это я? Ах, да – Эжен. Ай да брат! Пока я решаю ребусы, он уже всё знает! Вот как ему так везёт?! Ладно... Что он там сказал? Жан... Да, четвёртого из нас зовут Жаном... Интересно, а Карлос называл его Френсисом. Но да, если мы сыновья фрагийского графа, то, стало быть, настоящее имя этого моего брата скорее всего именно Жан. Хорошо. Что же дальше?»

Виктор открыл глаза и весь подобрался, постарался сосредоточиться, так как остро понимал, что одиночество его вряд ли будет долгим, что вот-вот в эту комнату войдёт если не сам герцог, так кто-нибудь из его праиэров.

«А дальше... Я уже вполне освоился с ролью лже-Антуа-

на, и герцог это оценил... А вот сам Антуан... Да, Жан забрал его из дома барона, а за мной не спешит. И вот здесь начинаются варианты... Герцог разочарован исчезновением Антуана, значит тот не выполнил какие-то их договоренности. Короче, Антуан не сдал беглецов герцогу и барону. Уже хорошо. Но они с Жаном не пришли за мной! Это означает либо то, что меня тут слишком хорошо охраняют, либо то, что... Антуан ничего обо мне не сказал... продолжает называться моим именем! А что, если так?! Неужели так аукнулась та порка, и теперь он готов бросить меня на съедение герцогу, лишь бы... Нет, чушь! Я – то шило, которое в мешке не утаишь! И он должен это понимать! Тогда почему?!.. И к тому же, если он там называется моим именем, значит его считает Виктором и Анна, а он сам влюблён в Марианну... Вот ведь чёрт!!! Нет, какой же я осёл!!!»

Юноша вскочил и, стараясь успокоиться, сделал круг по комнате один, а потому ещё один. Это помогло: «За что ты себя ругаешь, дружище Виктор? Ты же до последнего момента не подозревал, что вас четверо, четыре брата-близнеца. Знай ты об этом заранее, этого промаха не случилось бы...» – и юноша протёр глаза, – «Так, Виктор, успокойся! Остынь! Антуан всё же не стал играть в игру, предложенную герцогом, и теперь Его Светлость возлагает все надежды на меня. Я и приманка, и... Да, похоже, герцог пытается сострять из меня какую-нибудь пакость для графа де Лаган, и что самое ужасное, я уже не могу быть уверенным, что снова не

дам промашку, как это случилось с Антуаном. Нет, не стоит заходить слишком далеко. Пора выбираться из этой грязи!»

И тут на память Виктора пришла его недавняя встреча с маркизом де Рельгро. Конечно же, тот сразу увидел в нем Ровиньоля и начать открыто смеяться над герцогом ему не позволило только уважение в высокому титулу знатного гостя. А вот назвал Виктора самозванцем это легко, даже необходимо, именно на юношу маркиз и обратил всю силу своего сарказма.

Сказать, что герцога очень удивило такое заявление маркиза, это ничего не сказать. От внимания Виктора не ускользнуло и то, насколько сильное впечатление на Его Светлость произвело упоминание об Эжене, о четвёртом близнеце. Юноше пришлось выдержать прямо-таки испепеляющий взгляд Бетенгтона, но он твердо решил отложить все объяснения на потом, и в тот момент вцепился за роль Антуана, что называется, всеми зубами. Его, казалось, искреннее возмущение поведением маркиза, его тон, ни на миг не дающий усомниться в его высокородном происхождении, слова, в которые он обернул свой гнев – всё это было исполнено настолько блестяще, что маркиз растерялся, едва ли не утратил дар речи. И в этот момент вмешался герцог, объяснил де Рельгро, что на самом деле произошло недоразумение и, несмотря на удивительно сходство, де Валеньи не имеет ничего общего с упомянутыми братьями Ровиньолями. Безукоризненная игра Виктора скоро окончательно убедила марки-

за в ошибке, и тот даже принёс свои извинения. После чего между ним и Виктором стали складываться весьма дружеские отношения, насколько это возможно между пленником и притесненным в правах хозяином.

А вот Его Светлость... Он в тот же вечер учинил Виктору очень жёсткий допрос относительно всего, что касалось Эжена и знакомства Виктора с маркизом. Что ж, Виктору пришлось ещё раз применить свой недюжинный актерский дар и в красках описать наспех сочиненную балладу о гибели Эжена: взяв за основу историю своего побега с матроской службы, только сдвинул события на полтора года вперёд, он рассказал, что после того, как их с Эженом несправедливо высекли, они отлежались и ночью прыгнули за борт стоявшего на рейде корабля. До берега доплыл он один, а тело брата выловили сутки спустя. Дело в том, что их побег был замечен, и вслед им началась пальба. Одна из пуль и оборвала жизнь Эжена. Так он, Виктор, осиротел. А то, что всё это до сих пор оставалось для герцога тайной, было объяснено просто нежеланием ворошить старое, ведь напрямую не спрашивали. А воспоминания эти настолько болезненные, что даже сейчас, во время этого рассказа, на глазах Виктора выступили слёзы.

Что же касается уже столь давнего знакомства с семейством Рельгро, то и тут пришлось нырнуть в закрома памяти и поведать герцогу историю любви покойного брата к сестре маркиза, безответной любви, причинившей ему столько

страданий. И эта душещипательная история произвела на герцога большое впечатление, но всё же Виктор понял, что, начиная с этого момента, доверие герцога к нему сильно пошатнулось. Их игра перешла на другой, более высокий уровень. Герцог не мог не оценить актерский талант своего подопечного, а значит, это когда-нибудь могло стать мощным оружием и против самого герцога.

Так что причин расстаться с Его Светлостью набралось больше, чем достаточно. Виктор принял решение. Ощущение риска щекотало его нервы, но он признавал только разумный риск, и вот уже сутки, как взвешивал все «за» и «против», подыскивал наилучший способ улизнуть из этой «золотой клетки».

Но пришлось признать, что всё уперлось в Эжена. Если бы тот совершил невозможное и как-то приблизился к барону, то можно объявить герцогу открытую войну. Если нет, то лучше уйти тихо.

«Но как узнать, что творится за пределами этих стен?!» – сокрушённо вздохнул Виктор, – «Если сегодня не произойдёт нечто из ряда вон выходящее, то ночью придётся прогуляться», – юноша подвёл черту под этими непростыми размышлениями, и как раз в этот момент в дверь его комнаты постучали.

На пороге появился праиэр Пит, сдержанно, удивительно грациозно поклонился и бесстрастным голосом передал Виктору приказ Его Светлости явиться в парадную приём-

ную. По дороге туда юноша заметил юную Маргариту. Девушка притаилась в нише за высоким канделябром, и взгляд её был такой беспокойный, даже испуганный, что Виктор не удержался и озорно подмигнул ей. Если бы он задержался здесь ещё хоть на секунду, то смог бы увидеть, как Маги залилась краской счастливого смущения, словно её коснулся свет её ангела хранителя, никак не меньше. Но Пит, грозный праиэр Его Светлости, не позволил Виктору понапрасну терять время.

И вот Виктор уже перед дверью парадной гостиной отеля маркиза де Рельгро. Хмурый взгляд Пита скользнул по лицу Филадельфа, тот ответил ему тем же. Сторонний наблюдатель мог бы решить, что эти двое враги, но Виктор уже имел возможность присмотреться к ближайшему окружению герцога, и пришёл к точно обратному выводу. Просто у этих двух праиэров Его Светлости такой вот стиль общения, да ещё, похоже, и обстановка добавила суровости. Ведь не каждый день праиэр брался за работу церемониймейстера. Эта обрушившаяся на Филадельфа честь грозила раздавить его, он страшно не любил принимать участие в господских приёмах. Как правило, ему удавалось уклониться, но сегодня как-то не вышло.

Фил уже взялся было за позолоченные ручки двустворчатой двери, но в последний момент всё-таки решился обратиться к Питу за помощью. Он развернулся к товарищу и так на него посмотрел, что уже никакие слова и не требовались. Наблюдающий за этим немым диалогом Виктор успел

заметить на губах Пита тень улыбки, а уже в следующий миг праиэр блондин величественно кивнул, и Фил вздохнул с таким большим облегчением, что Виктор невольно проникся к нему сочувствием: «Да, у каждого свои страхи. Фил, бедолага, тебя так напрягают игры богатых? А почему Пита нет?»

Но Виктору не оставили времени для размышления над этим открытием. Фил уже распахнул двери и едва ли не поклонился Питу, а тот выступил вперёд так уверенно, словно был самым королем. Виктор следил за действиями этого человека словно заворожённый. Если в зале до этого момента велись какие-то разговоры, теперь все голоса смолкли, и голос Пита прозвучал в звенящей тишине:

– Антуан де Валеньи граф де Лаган!

«Красиво звучит! А Пит мастер! И какой у него идеальный фрагийский!» – восхитился Виктор, но тут же осёкся, – «Стоп!!! Это ведь он объявил меня!!!» Почему-то до этого момента юноша позволял себе наблюдать за происходящим будто со стороны, словно зритель из зала? Но теперь пришло время подняться на сцену. «Что ж, станцуем, господа!» – Виктор весь собрался и заставил себя сделать первый самый трудный шаг. Второй шаг дался уже легче.

Дальше всё, как учил Его Светлость. Виктор прошёл мимо посторонившегося Пита, остановился и склонился в изысканном поклоне, выждал торжественную паузу и с достоинством выпрямился. Только теперь появилась возможность осмотреться. «Вот, оказывается, что так смутило беднягу

Фила!» – Виктор сразу оценил особую значимость момента.

Герцог Бетенгтон, во всём своём великолепии восседал в огромном мягком кресле, странно похожем на трон. За высокой спинкой этого кресла стояли парадно одетые Ламороу и Рон.

Слева от герцога в кресле размерами суть скромнее Виктор увидел барона Парадесса. Испайронец, одетый в платье любимого чёрного цвета, походил на бронзовую статую. За его спиной так же расположились двое слуг: справа Карлос, слева – кто-то незнакомый Виктору, худощавый человек без возраста со странно неприятным лицом.

Справа от герцога на широком диване расположился маркиз де Рельгро в обществе редкой красавицы, с волосами цвета червонного золота. Гордо вскинутый подбородок, надменное выражение лица. К своему великому ужасу, Виктор узнал в этой даме сестру маркиза, Эмилию де Рельгро.

– Антуан де Валеньи граф де Лаган!? – ошеломлённая Эмилия произнесла это имя с таким выражением лица, словно ожидала, что этот мираж вот-вот развеется в воздухе.

Но не тут-то было – снова услышав это имя, Виктор счёл необходимым ещё раз поклониться, на этот раз менее церемонно, с акцентом на благородную даму, обратившую на него внимание. Он действовал безукоризненно правильно, ни один мускул его лица не выдал охватившее его душу волнение. В отличие от него Эмилия даже не пыталась скрыть своё удивление и теперь открыто развернулась к брату. Тот

снисходительно улыбнулся сестре.

– Да, сударыня, вы не ослышались, и ваши глаза вас не обманывают. Вы только что вернулись в Рунд и сразу же стали жертвой недоразумения, с которым в своё время я, признаюсь, справился с большим трудом, – маркиз доверительно коснулся руки Эмилии, – Дорогая сестра, я спешу вас заверить, что этот достойный человек не имеет ничего общего с теми людьми, о которых вы сейчас, вероятно, подумали. Примите это как шутку природы.

– И вы в этом уверены?! – не поверила Эмилия.

– Абсолютно. Через пару минут и у вас не останется сомнений, – маркиз стал серьёзен и почтительным жестом указал на Виктора, – Перед нами и правда сын графа де Лаган. Не сомневайтесь!

Эмилия ещё раз пытливо всмотрелась в лицо Виктора, упрямо повела головой, но всё-таки решила уступить. Если этим господам угодно в это верить, она не откажет им в этом праве. Что же касается её собственного мнения... Она решила ещё раз испытать названного Антуаном:

– Если так, сударь, я рада нашему знакомству, – и маркиза протянула Виктору руку.

И к такому Его Светлость уже успел подготовить своего прилежного ученика. Юноша опустился перед маркизой на одно колено, аккуратно взял эту руку за самые кончики пальцев и склонился над ней, изобразив поцелуй. А когда он выпрямился, его губ коснулась мягкая улыбка:

– И я рад, наконец, быть представленным вам, мадемуазель. Я слышан о вас как об одной из самых красивых фрейлин королевы. Но теперь вижу, люди ошибались...

Маркиз тут же нахмурился, а его сестра напротив, встрепенулась, как та девчушка, которая нашла-таки спрятанную от неё игрушку. Но Виктор не дал ей шанса возразить:

– Прекрасная Эмилия маркиза де Рельгро достойна быть королевой бала, никак не меньше!

Маркиз в тот же миг оттаял, словно услышал комплимент в свой адрес. А его сестра так и замерла. Феноменальное сходство этого дворянина с известными ей двумя оборванцами всё-таки лишило её дара речи. Виктор воспринял это её молчание, как победу, и ещё раз учтиво поклонился:

– Я правда рад этой встрече. Остаётся лишь гадать, каким чудом наши пути до сих пор не пересекались...

Эмилия смущённо поджала губы и чуть кивнула в знак согласия.

Теперь Виктор счёл возможным развернуться к герцогу. Стало ясно, Его Светлость был едва ли не самым внимательным зрителем этого представления, и он остался вполне довольным. Его ученик справляется со своей ролью хорошо, даже слишком хорошо! Весь жизненный опыт герцога убедил его в том, что просто невозможно всего лишь за два дня превратить бездомного босяка в такого блистательного дворянина! А это значит, что мальчишка либо снова что-то утаил, либо... необыкновенно талантлив! И с тем, и дру-

гим надо будет обязательно разобраться, но позже. А пока Его Светлость, на правах старшего по званию, жестом указал Виктору на приготовленное для него кресло.

Виктор с благодарностью принял это предложение, и тут же стал всего лишь одним из участников этого странного приёма. Ведь в самом деле, это тот случай, когда сразу и не скажешь, кто в этом доме хозяин. Его Светлость обладал даром подавлять людей уже только одним своим присутствием. Если барон Парадесс всё-таки сумел заслониться от этого давления своим горьким опытом, жестким нравом и возрастом, то маркиз де Рельгро оказался совершенно беззащитным. Перед громадой личности брианского лорда он испытывал едва ли не благоговейный трепет, то и дело поправлял свою одежду и прическу, не давая покоя рукам. Эта унижительная суэта брата задела Эмилию до глубины души, и тем интереснее для неё стал новоявленный сын графа де Лаган, который, в отличие от маркиза, чувствовал себя в этом обществе вполне вольготно.

Виктор и правда вошёл в раж. Он для себя решил твёрдо, никому из присутствующих здесь он ничем не обязан, и вообще, быть может, это последний раз, когда он их видит. Так почему бы не развлечься? Да, то, как герцог смотрел на него, очень красноречиво дало понять юноше, что всё, пора заканчивать эту игру. Вопрос только, как именно это сделать? Чем скорее, тем лучше! Прямо сейчас? Что же, пора решать, и Виктор внимательнее осмотрелся.

Обстановка под стать странности обстоятельств. По всему периметру зала выстроились гвардейцы герцога, в общей сложности человек десять, это если не считать праиэров и личную свету барона. Как тут маркизу не нервничать? Кстати, о свите барона. Виктор вспомнил о том, что в ней появилось незнакомое лицо, и его взгляд сразу скользнул к этому новому человеку. Один миг, и... Всё встало на свои места сразу, как только этот незнакомец подмигнул. Синие глаза! Только их цвет! Вот и всё, что осталось от внешности Эжена.

«Груанга!!!» – понял Виктор и, как бы между прочем прикрыл рот рукой. Ему была нужна хоть секунда, чтобы всё-таки дать выход охватившей его радости. Пусть пытливым наблюдателям кажется, что он героически борется с зевотой! Никому из них не положено знать, что на самом деле юноша ликует! «Вот теперь и правда пришло время для танцев! Обещаю, вы все надолго запомните этот день!» – мысленно пообещал Виктор и обратил томный взгляд к окну.

Эмилия оказалась не в силах стерпеть такую его вольготность, в то время как её брат едва ли не теряет сознание от трепета перед герцогом.

– Господин де Валеньи, вы говорите, что наслышаны обо мне... – как бы между прочем произнесла маркиза.

Что же, Виктор снова развернулся к ней и сдержанно кивнул.

– Могу ответить вам тем же, – чуть сощурилась Эмилия, – Ваше имя у многих на слуху. Кто-то восхищается вашей фе-

номенальной памятью и уже не дерзает играть с вами в карты. Кто-то преклоняется перед вами, как полиглотом. Я даже слышала, что во всей Фрагии нет другого такого знатока редких языков. Кто-то называет вас опытным сердцеedom, мол пожелай вы, и ни одна дама этого королевства не устоит перед вашими чарами. Так признайтесь же, кем надо быть, чтобы заработать такую славу уже к двадцати годам? Ах да, ещё раньше я слышала, что вы были обладателем звания Королевского соловья! Да, верно! Это была великая слава, голос Воплощённого Ангела! Так, кажется, вас называли? Как жаль, что мне так и не удалось слушать вас в те времена! Наверно нелегко было смириться с утратой таланта...

Виктор впервые услышал такие хвалебные речи в адрес Антуана. «Ничего себе! И это всё правда о нём!? Ладно хоть петь не заставят!» – невольно усмехнулся он, и Эмилия поймала его на этом:

– Хотите сказать, что утрата такой славы вас совсем не задевает?

Теперь Виктор улыбнулся открыто:

– Позвольте, сударыня, не вы ли прямо сейчас доказали, что эта слава всё ещё при мне? Взгляните на Его Светлость герцога Бетенгтона и Его Милость барона Парадесса. Вы заставили их увидеть меня в новом свете. Мог ли я желать более изысканного комплимента? – и Виктор благодарно поклонился Эмилии.

Ей понравился ответ. Она даже последовала этому со-

вету и взглянула на герцога и барона. Оказалось, что эти двое и правда даже не пытаются скрыть своё удивление: Его Светлость смотрит на молодого Лагана так, словно впервые увидел. А барон напротив, сощурился, заслонил рот рукой, но Эмилия могла поклясться, что этот грозный испайронец так прячет усмешку. Его всё это потешает? Почему? Взгляд Эмилии снова обратился к Виктору. Тот ждал этого и сразу же улыбнулся ей.

– Это... невозможно... – невольно выдохнула Эмилия.

– Что именно? – и Виктор всем своим видом дал понять, как сильно хочет услышать ответ.

– Ваше лицо... Вы изумительно похожи...

– Я знаю, что похож на своего отца, – вдруг обронил Виктор, – Но назвать это невозможным... Кстати, вы, мадам, и с ним не знакомы?

Эмилия тут же встрепенулась:

– Верно! Граф де Лаган! Теперь я поняла... Вы и правда очень на него похожи! – и уже обращаясь ко всем присутствующим, добавила, – На балу у графа де Жего я увидела человека, чьё лицо мне показалось до боли знакомым, но где я могла его встретить раньше, тогда я так и не смогла вспомнить. И тогда граф де Жего познакомил нас. Это оказался граф де Лаган. В самом деле, почему сыну не быть похожим на своего родителя.

– И как себя чувствует мой отец? – живо поинтересовался Виктор, – Я давно не видел его и рад любым вестям.

– Кажется, неплохо, – кивнула Эмилия и тут же встрепенулась, – Но он выглядел чем-то озабоченным... Да, сударь, если в ближайшую неделю вы не поспешите в Фонтэнж, то можете не увидаться с ним ещё довольно долгое время. Я слышала, что король решил отправить его в Испайру с какой-то ответственной и, очень может быть, долгосрочной миссией.

– Благодарю за внимание и заботу, мадемуазель, – Виктор таинственно улыбнулся ей, и девушка в замешательстве чуть склонила головку.

Нет, всё же она никак не могла поверить своим глазам, смириться, и ещё раз обратилась к брату:

– Те двое... Возможно ли, чтобы природа так изощрённо шутила?!

– Возможно, сударыня, – ответил Виктор, опережая маркиза, – Боюсь, мне ещё ни раз придётся доказывать своё дворянское происхождение.

– Уверяю вас, дорогая, – поддержал его Рельгро, – Нет никакой необходимости не доверять господину де Валеньи. Что есть, то есть. Лучше, господа, объясните, зачем вы желали, чтобы мы здесь собрались. Ваша Светлость?..

– В этом нет ничего странного, – снисходительно улыбнулся герцог, – Приезд очаровательной маркизы, решение барона переехать сюда, разве недостаточно поводов, чтобы обитатели этого замечательного дома получили возможность лучше узнать друг друга?

– Несомненно, – поспешил согласиться маркиз.

– Быть может, маркиза расскажет нам, чем сейчас живет королевский двор? – и величественный взгляд герцога обратился к Эмилиии.

Та любезно улыбнулась в ответ и неопределённо повела рукой:

– Право не знаю, господа, что может вас заинтересовать... Я провела при Дворе последние несколько месяцев и пришла к выводу, что в жизни там нет той привлекательности, о которой мечтала юная девочка из провинции... Признаюсь, шумное однообразие жизни Фонтэнжа изрядно наскучило мне, и потому я здесь. А вы, Ваша Светлость, давно из Бриании? Как дела там?

– Туманы и дожди... – улыбнулся герцог, – Оказывается, жизнь не такая уж весёлая штука.

– Позвольте с вами не согласиться, господа, – вдруг возразил Виктор, – Я уверен, что ни у кого из нас нет причин для скуки. Вот и мадемуазель приехала в Рунд, возможно, полагая, что здесь ей будет веселей, не так ли?

– Прежде всего, я приехала домой! – заметила девушка, Виктор очень её интересовал, ни единый его взгляд, жест, слово не ускользало от её пристального внимания, – Но вы правы, сударь, я очень надеюсь, что мне не дадут здесь скучать...

– И чем же вы планируете заняться? – улыбнулся герцог. Он заметил, что между Эмилиией и Виктором образова-

лась и крепнет некая связь, их реплики постепенно приобретают какой-то пока неочевидный для него подтекст, и это обещало занятное развитие дальнейших событий: «Помнится, этот мальчишка рассказывал, что в прежние времена его брат Эжен был влюблен в маркизу. Уж не слукавил ли он снова? Что если они оба были от неё без ума, благо в этом семействе разнообразие даже не ночевало».

– Я пока не решила, – тем временем Эмилия лукаво улыбнулась, – Но до меня дошли слухи, что здесь и правда... весело. Попробуйте отгадать, что мне рассказали, когда моя карета остановилась в одном селе в четырёх часах езды от Рунда?

– О несостоявшейся казни некоего Анри Монсо, – Виктор первым принял вызов.

– Верно! – Эмилия веско кивнула.

– Это событие потрясло весь город, так что нет ничего удивительного в том, что я угадал, – не без самодовольства заметил юноша.

– Да, да... – и как будто вспомнив что-то, Эмилия развернулась к барону, – Ваша Милость, если я не ошибаюсь графиня де Монсар ваша племянница?

– Это так, – барон помрачнел.

– Я слышала, что она бежала из-под вашей опеки, и помогли ей в этом тот самый Анри Монсо и его друг, так блестяще спасший ему жизнь. Эти слухи тоже верны?

– И где же вы это слышали? – барон нахмурился пуше

прежнего.

– Полагаю, в Фонтэнже об этом узнают дня через два, – Эмилия довольно сощурилась, она попала в точку, и это доставило ей большое удовольствие, которое она не очень постаралась скрыть: «Не только вам позволено смущать покой этого дома!»

– К чему так волноваться, дорогой барон? – вмешался герцог, – Остановить слухи это всё равно что пытаться поймать ветер, пустое занятие...

– Вы хотите сообщить мне новость? – огрызнулся барон.

– Я хочу, чтобы вы взяли себя в руки, приняли случившееся как факт и, наконец, задумались над тем, как быть дальше, – и, обращаясь к остальным, герцог добавил, – А нам с вами, господа, всё-таки следует проявить деликатность. Его Милость очень волнуется за судьбу своей племянницы, за её репутацию, это его беспокойство заслуживают уважения и сочувствия.

– Что ж раз это такая больная тема, поговорим о другом, – маркиза сочла возможным уступить, – Милый брат, вы случайно не знаете, куда делась графиня де Шероль?

– Вам и это известно?! – изумился маркиз.

– Вы ведь знаете, как мы с ней дружны, и, конечно же, по дороге в Рунд я не устояла перед искушением заглянуть к ней. Там-то мне и рассказали, что уже два дня как о ней нет никаких вестей. Уверена, кто-то из вас может ответить на мой вопрос. Вот вы, господин барон, дворецкий графини

сказал, что это как-то связано с вашим визитом в Шероль.

– Маркиза много знает и ещё больше желает узнать... – прошипел барон, заставив Эмилию поежиться.

– А не кажется ли вам господа, что это может оказать нам некоторую услугу? – вдруг вмешался Виктор.

– Что вы хотите сказать, сударь? – удивился герцог.

– Ни для кого из вас не секрет, что графиня де Шероль приняла самое активное участие в судьбе беглецов, – Виктор говорил уверенно и быстро, решив взять «быка за рога», и никто не успел его остановить, – Именно с её помощью тем удалось уйти из верной ловушки. Значит, у нас есть едва ли не единственная возможность найти их – надо выяснить, чем может располагать графиня де Шероль. Простите, господин барон, но мне кажется, что прошедшие дни вы потратили впустую. Вероятно, вы идёте по ложному следу... Скажите, господин маркиз, есть ли у графини де Шероль какой-нибудь друг, человек, способный сделать невозможное и бесследно спрятать в лесу около восьми человек?

Возмущенный барон уже собрался было что-то возразить, но герцог остановил выразительным движением бровей, так призвал хотя бы выслушать ответ на столь неожиданный вопрос. Его Светлость уже давно размышлял над решением этой загадки, но ему как-то не приходило в голову, что действительно может существовать какой-то местный лесной чародей, взявший под свою защиту беглецов. Теперь же, своим вопросом, Виктор ещё раз дал герцогу возможность оце-

нить своеобразие своего ума.

– Пожалуй, есть такой, – согласился маркиз, – С Анной де Шероль дружен некто Геньи. Это человек-легенда, лесное приведение, как его порой называют. Кто он, откуда взялся в этих местах, никто не знает, но поговаривают, что он может разговаривать с животными и птицами и путается с нечистой силой. В любом случае старик очень привязан к графине и не знает отказа её прихотям.

– А что-нибудь конкретнее? Раз его в этих краях так хорошо знают, значит есть и места, где он любит бывать. А там могут знать, и где именно он живёт, – продолжил дознание Виктор.

– Уверен, ответ будет кратким – в лесах Шероль, – и маркиз неловко рассмеялся, – Я частый гость Анны, но даже я не знаю большего. Геньи приходит ниоткуда, и уходит в никуда. Это человек-призрак. Анна называет его своим Ангелом хранителем. Может быть, это и так...

– А я и не подозревал, что вы такой романтик, Ваше Сиятельство! – улыбнулся Виктор, – А вы, сударыня, как подруга графини, вы не могли бы что-нибудь добавить?

– Нет! – в тоне маркизы послышалось возмущение, но она быстро взяла себя в руки, – Я ведь уже сказала, мы с ней не виделись уже несколько месяцев.

– Что ж, это негусто... За какой угол ни загляни... везде тупик, – Виктор огорчённо вздохнул, – Желающим их найти остаётся утешаться лишь тем, что Анри де Монсар тяже-

ло ранен, это должно задержать беглецов в лесах Шероль по крайней мере на несколько дней...

– Вы не оговорились, сударь? Анри де Монсар!? Или вы намекаете на то, что некто Анри Монсо это и правда брат племянницы барона?! – изумилась маркиза.

– Почему намекаю? Это так, спросите кого угодно здесь, – усмехнулся Виктор и, чуть поддавшись к маркизе, добавил, – То, что он вырос простолюдином, ещё не значит, что он не был рожден графом, – и, оставив девушку в полном замешательстве, Виктор тотчас развернулся к барону и пригвоздил его вопросом, – Так что же вы намерены предпринять дальше, Ваша Милость? Какие у вас планы?

– В любом случае это мои планы! – тут же вспыхнул тот.

– Но меня они волнуют не меньше вашего, – Виктор встал и начал прохаживаться, – Ладно, предположим, что я оговорился, назвав Монсо Монсаром... Тогда согласитесь, легкомыслие графинь де Шероль и де Монсар не может не вызывать беспокойства. Пребывать в обществе каких-то бродячих артистов вот уже два дня! Да ещё и эти два молодых человека... Нет, уже три! Некто претендующий на звание брата графини де Монсар и... два моих близнеца! Какая занятая ситуация!

– Что!?! – изумлению Эмилии не было предела, – Два ваших близнеца!?! Признайтесь, вы шутите! И если так, то...

– То, что? Мадемуазель? – в глазах Виктора светился лукавый огонёк, – Вы всё время приёма упорно сравниваете

меня с кем-то, верно? Не стоит отпираться, ваш брат рассказал нам о ваших злоключениях где-то годовалой давности. Но здесь пришло время огорчить вас. Те двое, кто сейчас разделяют общество прекрасных графинь, не имеют со знакомыми вам босяками ничего общего кроме внешности. Впрочем, нет! Зачем я так? Раз уж речь о близнецах, значит речь и про общих родителей... Родственникам положено беспокоиться друг о друге, верно? Так что признаюсь, я и правда обеспокоен.

– Вы обеспокоены... – герцог даже чуть подался вперёд, – Что-то раньше это не бросалось в глаза...

– Раньше?! Ваша Светлость, согласитесь, у нашего с вами знакомства очень короткое “раньше”. Как же вы берётесь судить? Поверьте, ни вы, ни господин барон, ни тем более семейство Рельгро, всегда отличавшееся изрядной душевной слепотой, даже не представляете, с кем сейчас разговариваете, – Виктор говорил с нарастающим азартом, при этом всё свободнее двигаясь по залу, – Я до сих пор обременял себя вашим обществом только потому, что надеялся побольше узнать о ваших планах и возможностях. Свой интерес я удовлетворил. Благодарю. Время, проведённое с вами, прошло с большой пользой для меня. Вы многому меня научили! Воистину, Ваша Светлость, из вас мог бы получиться замечательный отец, потрудись вы завести собственного ребёнка и прояви вы к нему подобную заботу искренне, а не потехи ради. Ваша Милость барон, чего именно вы ожидали от пле-

мянницы, позволяя себе оставлять её связанной на несколько часов? Не вы ли сами вынудили её пуститься в эти столь рискованные бега!? Тогда, думаю вы правы, её брат был просто обязан восстать из могилы и воззвать к справедливости! Уверен, вы не напрасно его боитесь! Милые маркиза и маркиз, вы и на этот раз не поняли, что вам говорят ваши глаза. Да, перед вами урождённый сын графа де Лаган. Господа герцог и барон позже поведают вам историю о том, что у графа на самом деле было четыре сына-близнеца. Один из них перед вами, и он до некоторых пор носил имя Ровиньоль. Только, Ваша Светлость, я Эжен, а не Виктор. Да, я вам уже говорил, что после гибели брата имею обыкновение примерять на себя то одно, то другое имя, благо мы всегда были одним целым. Вот маркиза, возможно, в этом не сомневается.

– Как, Виктор погиб?! – эхом отозвалась Эмилия, чем сама себя удивила.

– Да, почти полгода назад, – черты лица Виктора тут же ожесточились, – Теперь нас трое, три близнеца! Но не волнуйтесь, сударыня, у вас больше не возникнет проблемы с опознанием меня. Ведь, только в моих глазах вы будете читать правду о событиях уже годовалой давности. Только через меня вам дано понять, кто вы такая на самом деле, – сказал, как отрезал Виктор.

Ещё никто не успел прийти в себя от такой его наглости, а он уже обратился прямо к герцогу:

– Что ж, Ваша Светлость, примите мои соболезнования.

Не получается у вас игра с нами, близнецами. Антуан не оправдал ваших надежд. Жан открыто воюет с вами. Я перехожу на их сторону. Я, урожденный сын графа де Лаган, заявляют, что не пройдет и года, как я буду признан в своих правах и окажусь рядом с графиней де Монсар, когда та пойдет под венец. Маркиза, маркиз, вы умеете ценить красоту. Может быть, вас пригласят насладиться великолепием этого зрелища, а, может быть, и нет.

И барон не выдержал первым:

– Щенок!!! Ты перешёл все границы!!!

– Взять его!!! – зарычал герцог.

И в тот же миг все гвардейцы, словно цепные псы, рванулись к Виктору, но тот, ожидая такого поворота дел, занял очень выгодную позицию и сумел не только увернуться от первой атаки, но и, обезоружив врагов, одолжить у них две шпаги. Господа поспешили отойти к стенам, дабы не мешать сражающимся. Тем более, что почти сразу стало ясно, что численное превосходство гвардейцев удивительным образом обратилось против них же – те, кого Виктор успел опрокинуть, вызвали падение и своих товарищей. Остававшиеся на ногах нападали вразнобой и не представляли для молодого авантюриста серьезной угрозы. Казалось, он просто играл. Карлос, ещё не пришедший в себя от шока, вызванного речью Виктора, предпочёл остаться подле барона. «Виктор и Эжен, два безумца, ввязаться в такое?!!!» – мысленно ужаснулся Карлос, – «Пусть эти негодники сами расхлёбывают

заваренную ими кашу!»

– Да когда же это закончится?! – взревел герцог, – Не можете схватить одного мерзавца?!!

Его Светлость обратил гневный взгляд на своих праиэров, трое из которых до сих пор не вмешались. Да, пока только Рон попытал удачу, но оказался одним их тех, кто теперь никак не мог подняться на ноги, потому что об него то и дело кто-нибудь спотыкался. Ламороу, Фил и Пит не испытывали ни малейшего желания участвовать в этой унижительной драке. Пусть рядовые порезвятся. Всё равно этому нахалу отсюда не уйти, Фил и Пит надёжно перекрыли выходы из зала.

Но герцог был страшно зол. Он уже собрался собственноручно вытолкать в центр залы стоявшего рядом Ламороу, но в этот момент людской гвалт накрыл зычный голос нового слуги барона:

– Все прочь!!! Я возьму его сам!!!

– Смело, приятель, – рассмеялся уже взмокший Виктор.

Вызов странного испайронца был услышан всеми. Неудачливые гвардейцы, большей частью уже раненные, поспешили расступиться, и вот уже в центре зала образовалось свободное пространство. Ещё лишь миг, и Виктор с Эженом бросились в атаку друг на друга. Между ними завязался такой сумасшедший бой, что многие из невольных зрителей даже перестали дышать.

– Это ещё кто?! – изумился герцог.

– Мой слуга, – откликнулся отказавшийся рядом барон.

– Откуда он взялся? Почему я раньше его не видел?

– Он уже час мозолил вам глаза, милорд.

– Сеньор?!

– Вы хотите сказать, что теперь я должен спрашивать вашего разрешения при наборе слуг?! – огрызнулся Парадесс.

– Разрази вас гром, барон! – едва ли не замахнулся на него герцог.

– Этот парень сделает то, что оказалось не под силу всем вашим гвардейцам вместе взятым.

Герцог уже был готов возразить, но битва, разыгрывающаяся посреди залы, сковала его внимание. Виктор и Эжен кружились словно искры адского пламени. Казалось, Эжен превосходил брата в мастерстве, и тот уходил от ударов только благодаря ловкости. Их поединок затягивался, чем дальше, тем жёстче. Виктор заставил Эжена раскрыться во всей красе, вспомнить всё, чему их когда-то научила жизнь, сам же старался ограничиться малым, позволял Эжену теснить себя. Но Виктор отступал с достоинством. Все остальные, затаив дыхание, следили за поединком, не решаясь даже делиться впечатлениями.

Наконец, Виктор оказался прижат к распахнутому окну, и тут он решил, что пора уходить. Улучив момент, юноша вскочил на подоконник и театрально взмахнул рукой:

– Я не прощаюсь, господа!

И в тот же миг он ринулся вниз со второго этажа. Расте-

рвавшийся Эжен запротестовал:

– Он же сумасшедший!

Но снизу донесся задорный смех Виктора:

– Что, храбрец, слабо?!

Эжен зарычал и тоже прыгнул вниз. Это стало сигналом к тому, чтобы господа подлетели к окнам, ведь всем хотелось знать, что же будет дальше! Что ж, они увидели, что Эжен тоже счастливо приземлился и бросился было за Виктором, но по иронии судьбы он оказался заперт в узкой улице, потому что путь ему преградила выехавшая из-за угла карета похоронной процессии. Пока он пробирался через ряды одетых в траур людей, Виктор скрылся из виду.

– Улизнул! – и барон неожиданно рассмеялся.

Герцог уже чуть отошёл от того приступа гнева, который вызвали в его душе слова Виктора. Он погрузился в свои тёмные думы и так далеко ушёл от реальности, что голос маркиза прорвался к его сознанию будто из небытия:

– Я не склонен думать, что этот человек говорил неправду, тем более что и в прошлом он всегда был чрезмерно искренен, только надо было это понять. Но тогда получается, что вы, господа, затеяли против дома графа де Лаган какую-то изощрённую интригу... Или это война? Похоже этой истории уже очень много лет...

– Маркиз, прихотью этого молодого нахала вы и ваша сестра оказались в курсе наших дел, и вам будет не лишним узнать, что мы с бароном не заинтересованы в том, чтобы

нам мешали словом или делом, значения не имеет, – и герцог так посмотрел на маркиза, что того прошиб озноб, и он суетливо закивал.

– О, не волнуйтесь, господа, – и Эмилия взяла брата за руку, – Мы не станем как-либо вам мешать. У нас с маркизом старые счёты с этими Ровиньолями, особенно с Эженом, так что...

– И то, что они оказались урождёнными дворянами, не изменило вашей к ним "симпатии"? – сощурился герцог.

– Это лишь даёт этому нахалу право скрестить со мной шпагу, если придётся, – встрепенулся маркиз.

– Что ж, я рад это слышать. Значит, мы остаёмся друзьями, – заключил герцог и даже позволил себе благосклонную улыбку.

И тут он заметил вернувшегося, ещё разгоряченного Эжена.

– Как тебя звать?

– Хуан-Глен Горрадо, Ваша Светлость, – откликнулся новоявленный герой и почтительно поклонился.

– Ты отменный боец, Хуан-Глен. Мы видели, ты сделал всё, что было возможно. Этому нахалу позволила уйти лишь прихоть судьбы злодейки. В любом случае, я был бы рад видеть тебя в составе моей гвардии.

При этих его словах удивлённый барон развернулся к герцогу всем корпусом, и Его Светлость, заметив это, тут же счёл нужным добавить:

– Но этот вопрос мы обсудим позже.

– Благодарю за столь высокую оценку моих скромный стараний, – и Эжен снова поклонился.

– Неплохо, честное слово неплохо, – благосклонно улыбнулся герцог.

Эжен выпрямился и невольно кинул взгляд на Эмилию. Та смерила его высокомерным взглядом и обратилась к герцогу:

– Да, Ваша Светлость, вам нужны такие люди, тем более, если остальные близнецы похожи на Эжена не только внешне. Вам ещё придётся за ними побегать, но в любом случае вы можете рассчитывать на наше с маркизом гостеприимство и посильную мощь.

– О, да я уже чувствую себя победителем! – герцог удовлетворённо усмехнулся и коснулся губами протянутой ему ручки маркизы.

А Эжен остался недвижим, словно статуя, и только потому, что руки его были сцеплены за спиной, никто не заметил, как побелели его кулаки.

Глава 27. Новые планы.

– Проснулся, сынок? – дружелюбный голос Рая прогнал остатки сна, и Виктор приподнялся на локте.

Брианец по-отечески ласково улыбнулся и продолжил неспешно накрывать на стол. Дело близилось к концу. Виктор видел Рая впервые, но заметный брианский акцент, возраст и обстоятельства подсказали юноше, с кем он имеет дело, ведь какой другой брианец мог бы так вольготно чувствовать себя в доме мадам Бефо и так к нему обращаться? А вот Рай плохо представлял, кто перед ним:

– Город наводнен сыщиками. Сегодня я часа два бегал от одного особо цепкого. Умоляю, будь осторожен! Очень не хотелось бы, чтобы они добрались до нашего убежища... Как только я узнал, что барон переехал к герцогу, точнее к маркизу, так и настроился нескоро тебя увидеть, а ты явился уже сегодня. Нет, я конечно же очень рад тебя видеть, не пойми неправильно... – Рай, наконец, опустил на стул, – Ладно, не томи, рассказывай уж. Брата видел? Как дела у барона и герцога?

– Их дела оставляют желать лучшего... – улыбнулся в ответ юноша и тут же потянулся к пшеничной лепёшке, – Но я голоден, как чёрт!

– Так давай же, подсаживайся! Кстати, а что это ты сразу завалился спать? Солнце только село. Чем же ты занимался

ночью?

– Ой, господин Рай, как же много вопросов.

– Ладно... ладно. Ешь.

И Виктор с удовольствием занялся едой, изредка поглядывая на Рая, расположившегося напротив. Брианец сразу понравился ему, но юноша ещё не до конца понял, какие отношения сложились между ним и Эженом, кто этот человек, которого так уважает герцог. Рай тоже смотрел на своего молодого друга, уже в который раз чувствуя прилив отеческой нежности к вообще-то чужому ему человеку.

– Так, а ты делаешь успехи, сынок? – вдруг заметил он.

– Вы о чём? – не понял Виктор.

– О твоей культуре поведения за столом. Я делаю вывод, что ты водил меня за нос, заставляя несколько раз повторять то, что, как оказалось, тебе очень даже хорошо известно.

Виктор только теперь обратил внимание на то, что за эти дни так свыкся со своим дворянским статусом, что уже и не замечал таких мелочей, как, например, держать вилку.

– Господин Рай, честное слово, я не хотел вас обидеть, – искренне заверил Виктор, но при этом мысленно усмехнулся: «Выходит он, бедняга, взялся учить Эжена этикету!»

– Ладно уж. И всё же. Жестоко изводить старика молчанием. Бездействие последних дней уже заставляет меня усомниться в том, что я вообще человек. Но да это мы обсудим позже. Говори же!

– С чего же начать? – и юноша лукаво улыбнулся.

– Для начала меня очень интересует, как ты выбрался из этого дома среди бела дня?

– Легко. Выпрыгнул в окно парадной гостиной. Это те большие окна на втором этаже.

– Сынок, мне ни до шуток, – невольно нахмурился Рай.

– Но это правда!

– Понимать ли это как то, что ты ушёл от барона?

– Да, и от герцога тоже. А до того я не отказал себе в удовольствии высказать им всё, что я о них думаю.

– Это как так?! – и правда не понял Рай.

– Да вот так, как я и сказал, – и Виктор рассмеялся, так его потешила растерянная удивленность брианца, – Согласитесь, герцог достоин сочувствия. Сколько сил он кладёт на то, чтобы из нас, близнецов, сделать послушное орудие борьбы с графом, да и вообще... А мы один за другим срываемся с его крючка. Вот и в Антуане он просчитался.

– А твой брат?..

– О! Он в полном порядке. Сегодня ему представился случай показать себя во всём своём великолепии.

– Ты упорно что-то не договариваешь... – едва ли не обиделся Рай.

– Поверьте, я говорю чистую правду!

– Допустим... Но для этого ли ты придумывал Глена? И же что дальше?

– Да, я тоже не откажусь услышать ответ! – на пороге комнаты появился Эжен, – Ответь! Но прежде помоги мне ре-

шить другую проблему, обнять тебя, чёрта, или сначала душу выбить?

Виктор живо поднялся к нему навстречу.

– Для начала обними, а потом я тебе объясню, что второе делать не надо, – Виктор примиряюще улыбнулся и открыл объятия.

Что ж, ещё миг, и братья в едином радостном порыве крепко обнялись.

Рай замер. Он впервые видел сразу двух близнецов, близнецов своего Фрэнка, и не мог избежать некоторого замешательства. Он до сих пор не понимал, кто есть кто. Тем временем братья чуть угомонились.

– А, вы пируете! – обрадовался Эжен, деловито подсаживаясь ко столу и сразу хватая чарку с вином.

Ещё мгновение, и Рай сообразил, что пришедший оказался Эженом. Тогда брианец медленно развернулся к Виктору. Тот, светло улыбаясь, смотрел на брата, и, казалось, что нет на свете зрелища милее его сердцу. А тем временем Эжен поднял чарку и, тоже сияя как майская роза, воскликнул:

– Давайте же выпьем. Мы до сих пор живы, а это отличный повод!

– Да, – согласился Виктор, – И, главное, что мы снова вместе!!!

Минутой позже Виктор с извиняющимся видом обратился к Генриху Раю:

– Господин Рай, не держите на меня обиду! Я рассказал

вам чистую правду, только прежде не удосужился представиться. Но, я вижу, сейчас в этом необходимость отпала.

– Да, слава Богу! – усмехнулся Рай, – Но это верно, мы были не в равных условиях, ты меня знал, а я, оказывается, не ведал, с кем говорю.

И Эжен азартно хлопнул в ладоши:

– Ха! Похоже, этот спектакль, что ты закатил доме маркиза, сильно раззадорил тебя, брат. Но тогда, если я не ошибаюсь, господин Рай тебе не представлялся. Как же ты его узнал?

– Это не представляло труда, ведь герцог дал мне довольно полное описание, да и ты сказал, что некто Рай, твой друг, может нам всё о нас рассказать.

– Это когда же я успел столько наговорить? Кажется, у нас не было времени даже руки друг другу пожать.

– Но на это-то время у нас было. Помнишь? Когда ты выпрыгнул из-под моей кровати...

– Твоей?!

– Вот что, друзья, – вмешался Рай, – Почему бы вам не успокоиться и не рассказать мне всё по порядку?

– Да, да, – согласился Эжен, но тут же вспомнив о чём-то своём, снова накинулся на брата, – Но прежде объясни, что это тебе взбрело в голову себя похоронить? Я как услышал, так в миг остолбенел, словно кол проглотил.

– Эжен, – укоризненно качнул головой Рай, но тот только отмахнулся.

Виктор был гораздо сдержаннее, спокойнее и, возможно, поэтому казался старше.

– А что тебя не устраивает? Подумай сам, если мне поверили, то наши враги продолжают не досчитываться одного близнеца, и это ещё ни раз сыграет в нашу пользу.

– Возможно... – кивнул Эжен и тут же снова встрепенулся, – Но позволь спросить, что ты там наплёл о графине де Монсар? Ты что, собрался с ней под венец идти? И при этом назвался моим именем!!!

– Так вот, что так взбудоражило тебя на самом деле! – от души рассмеялся Виктор, – Во-первых, я уверен, что рано или поздно она пойдёт под венец либо с Антуаном, либо с...

– ... с Жаном, ты хочешь сказать, – начала понимать Эжен.

– Именно. Так вот, не знаю как ты, а я намерен присутствовать на этом торжестве. Ладно, во-вторых... я бы на твоём месте забыл своё имя от счастья.

– Это ещё с какой стати?

– Ты ещё не остыл к Эмилиии? Нет? Тогда я тебя не понимаю. Она увидела в тебе человека своего круга, она тебя приревновала! Мог ли ты о таком мечтать ещё год назад? Теперь всё в твоей власти.

И Эжен невольно залился краской смущения:

– Но, если уж до конца, это в тебе она увидела человека своего круга...

– Да брось ты, – отмахнулся от него Виктор, с удовольствием потягивая вино, – Тебе прекрасно известно моё мне-

ние, и я его подобно тебе, пока не изменил.

– Постойте, кто эта Эмилия? – Рай наконец-то поймал момент, чтобы удовлетворить и своё любопытство.

– Маркиза де Рельгро, сестра хозяина дома, где остановились герцог и теперь барон, зазноба Эжена, – объяснил Виктор.

– Допустим, – Эжен продолжал озвучивать ход своих мыслей, – Но как я могу воспользоваться этой «властью», оставаясь на службе барона?

– Не горячись, кажется, речь идёт о том, что теперь на службу к барону пойду я, – возразил Виктор, – А тебе придётся сделать так, чтобы одно упоминание имени Эжена Ровиньоля приводило этих господ и их слуг в содрогание.

– Блеск! – наконец удовлетворился Эжен и, радостно сверкнув глазами, метнул нож в стену напротив.

– Я самый счастливый человек на свете! – рассмеялся Виктор

– Ты это о чём? – не понял Эжен.

– Мой брат снова стал человеком!

– А когда я им не был?!

– Уже забыл?!

– Это было давно и не правда.

– Да будет так!

И братья ударили рука в руку.

Не передать словами как ласкала душу Рая эта картина. Эта столь трогательная привязанность близнецов друг к дру-

гу приводила его в восторг. Он невольно вспоминал своих Фрэнка и Анри и мысленно уже рисовал их встречу с Виктором и Эженом. Когда-нибудь она обязательно состоится. Вот только Антуан...

– Господин Рай, вы уже выпороли этих сорванцов? – звучный голос Карлоса заставил всех развернуться к двери. Вид испайронца не предвещал ничего хорошего.

– Остынь, Мигель! Всё давно позади! – воскликнул Виктор.

Было видно, что Карлос ещё не определился, кто есть кто, и его озадаченный вид вызвал взрыв общего веселья.

– Как же можно их пороть, Карлос? – Рай уже вытирал слёзы, подступившие от смеха, – Ведь урождённые дворяне!

– Палка по ним плачет!!! – испайронец начинал оттаивать. Он уже присел к столу, – Представьте, Генрих, что со мной стало, когда эти черти сиганули из окна. Да и как дрались!.. ЭТО, скажу я вам, далеко не детские шутки, уж я-то знаю.

– Зато, Эжен раскрыл все свои таланты, а значит, я не сомневаюсь, как слуга, он очень вырос в цене.

– Ага, значит ты Виктор! – наконец решил Карлос.

– Точно.

– О, дьявол! Нет, Генрих, связавшись с ними, я сократил свою жизнь уже лет на десять. Если меня не прибьют, я скончаюсь от разрыва сердца.

– В этом я с вами согласен, – и Рай веско кивнул, – Мне это тоже становится не под силу.

– Успокойтесь, друзья, – Виктор потянулся за вином, – Мы признаем только разумный риск.

– И то, что вы творите, называется разумным риском?! – возмутился Карлос.

– Что касается меня, то уйти от герцога, пусть и так, как оно получилось, было легче и правильнее, чем остаться с ним. Я просто чувствовал, как он подводит меня под монастырь, а после прокола с Антуаном, лучше бы воздержаться от таких игр. А вы что об этом думаете, господин Рай?

– Я рад, что ты верно понял герцога, – кивнул брианец, – Но что ты хотел сказать насчёт Антуана?

Виктор с досадой поморщился, было видно, что ему очень не хочется делиться своей догадкой, как будто после этого она станет реальностью:

– Я думаю, что он сейчас разыгрывает меня среди беглецов.

– Очень может быть...

– Что же тут ещё добавить? – Виктор тяжело вздохнул и подарил Эжену долгий взгляд, от которого тому стало не по себе. Эжен почувствовал, что Виктор мысленно обратился к их грандонской порке, после которой они дезертировали с флота Его Величества короля Фрагии. Поняв это, Эжен, извиняясь, повёл плечами и отвёл взгляд.

Заметив этот немой разговор, Рай усмехнулся в усы. Припомнив рассказ Эжена о его прежних встречах с Антуаном и признание, что он, Эжен, ничего о том не говорил Викто-

ру, Рай верно догадался, о чём подумали братья, но его всё же изумило, как они хорошо друг друга понимают. И как в таком случае Эжену удалось сохранить свою тайну?

А Виктор тем временем продолжал:

– Только Богу известно, чем это всё закончится. Я видел, какой нехороший огонь появляется в глазах Антуана, когда речь заходит о графине де Монсар. Он болен! Точнее, болезненно ревнует её к Жану, и возможно... не без основания. В таком случае мне не хочется представлять подробности их общения. И при этом он продолжает называться моим именем! Это ясно, как божий день! Как вы полагаете, если бы Жан узнал, что я в руках герцога, он бы пришёл за мной?

Эжен неопределённо пожал плечами, мол как знать.

– А я уверен, – горячо заявил Виктор, – Человек, способный не задумываясь рискнуть ради друга жизнью, не оставил бы брата в беде. Ведь пришёл же он за мной к барону, точнее получилось, что за Антуаном. Верно я говорю, господин Рай?

– Безусловно!!! – глаза Рай горели восхищённым огнём.

– Значит, Антуан, ничего им не рассказал! – подытожил Виктор, с досадой хлопнув ладонью по столу, – Может быть, он не захотел подключать в эту битву за руку графини де Монсар ещё и меня? Где влюблены двое, почему не быть и третьему? Но это дела не меняет... У Антуана странные отношения с герцогом, и он ведёт какую-то свою неприятную игру с беглецами. Не хочу накликать беду, но пахнет жарен-

НЫМ.

– Я почувствовал этот запах в тот же момент, как услышал имя Антуана, – сквозь зубы обронил Эжен.

– Позволь, Виктор, – Рай даже подался ближе, – Похоже, тебе не надо объяснять твою родословную и как вышло, что из вас четверых в родном доме вырос только Антуан!..

– Думаю, в общих чертах я уже это знаю.

– Но откуда?! Я не поверю, что герцог взял на себя труд всё тебе объяснить.

В ответ Виктор горько усмехнулся:

– Господин Рай, не обижайте... Но я знаю не всё, и с удовольствием бы заполнил пробелы...

– Я же вам говорил, что у моего брата очень ясная голова, – вмешался Эжен, – И беду ты, Виктор, не накликать, мы просто в неё вляпались.

– А я-то уже начал сомневаться, понимаете ли вы это, – усмехнулся Карлос, – Ну, и какой новый финт вы намерены выкинуть? Найти ваших беглецов очень непросто... К тому же теперь герцог и барон удвоят свои усилия по их поиску, и опередить их... Вот что здесь можете предпринять вы?

Виктор озорно усмехнулся:

– Во-первых, можно в меру сил им в этом мешать, у Эжена это с блеском получится, и мне уже жаль этих негодяев, правда, самую малость. Во-вторых, будем искать вместе с ними.

– Вместе, я не ослышался? Разве одно не противоречит другому? Объясни, – сощурился Карлос.

– Но у нас самих и правда нет ни сил, ни возможностей прочесать лес. Значит, будем держать герцога и барона на коротком поводке и... ждать. Герцогом займусь я. Эжен, Его Светлость уже взял тебя к себе на службу?

– Чёрт побери, но я ещё этого не говорил! – воскликнул Эжен.

– Но не зря же мы сегодня старались?!

– Да, да и ещё раз да! Нет, вы это слышите, господа! Мне уже жаль герцога, – Эжен окинул взглядом Рая и Карлоса и нашёл в их глазах понимание, – Виктор, но ты ещё плохо представляешь, куда суётся твоя голова. В этом осином рою существует строгая иерархия, и первый в ней, после герцога, конечно же, Ламороу, отменный негодяй. Его воля для всех там закон, это мне уже весьма определённо дали понять. Потом ещё трое: Рон, Пит и Фил, тоже те ещё волки. Фил хитер, как лиса, палец в рот не клади, откусит, Пит производит впечатление глухонемого, который тем не менее даже слишком хорошо слышит, а как глянет, до мурашек пробивает... ну а Рон – это просто мерзость. Вся остальная стая... короче ни один не стоит хорошего слова. Нет, служба у барона, это рай в сравнении с этим! Признаюсь, я бы не хотел, чтобы ты туда совался... И вообще, лучше объясните, чего мы с ними возимся?! Почему не решить всё наши проблемы разом? Просто взять и убить герцога и барона?

И в комнате воцарилось напряжённое молчание. Все с трудом усваивали последние слова Эжена. Наконец Карлос

веско положил руку на стол:

– Я думаю, с бароном торопиться не надо. С ним можно и договориться. Видите ли, господин Рай, скоро после того, как мы с этими чертяками улизнули от пиратов, меня поймали испайронские служители закона, всё же я был старым разбойником, и если бы не барон, вздёрнули бы меня тогда на виселице. Так что, я обязан барону жизнью так же, как и вам, ребята, а такие услуги я помню. Знаете ли, к старости начинаешь ценить эту штуку, жизнь. Но я говорю, что с бароном можно договориться не только поэтому. Он сложный человек... Короче, его не трогайте, пока, по крайней мере.

– Ты предпочтешь, чтобы он ещё раз попытался повесить Анри?! – не поверил своим ушам Эжен, – Лично я не поверю, что он так просто откажется от этой мысли.

– Он больше этого не сделает, это я вам гарантирую.

– А-а! – протянул Эжен, сделав жест, как будто умывает руки, – Ну, а герцог? У него какие смягчающие обстоятельства?

– Никаких, – отрезал Рай, но тут же сощурился, – Эжен, а не слишком ли ты кровожаден для своих лет?

– Кровожаден? – даже Эжен чуть растерялся, – Но послушайте, как вы думаете вразумить герцога? Не в кровожадности дело!

– Господин Рай попал в самую точку, – тяжело вздохнул Виктор, – Пропавшее наше дело.

– Это ещё почему? – не понял Эжен.

– А вот ты сможешь отравить герцога? Или зарезать его во время сна? Или нанести удар в спину?

– Зачем же такие крайности? Неужели я не одолею его в честном поединке?!

– Пока он не выполнит задуманное, на честный поединок вызвать его будет очень трудно. В этом Виктор прав. Я ещё раз снимаю перед тобой шляпу, сынок, – сокрушённо повёл головой Рай.

– Превосходно, обменялись любезностями, и что прикажете делать?! – возмущённо вскочил Эжен.

Виктор подошёл и положил ему на плечо руку:

– Я уже сказал, надо быть рядом с ним и не упустить подходящий момент скрестить с ним шпагу.

– Виктор!!! – Рай тоже встал и так заставил юношу развернуться.

– Что вас так напугало, господин Рай? Я же сказал, мы с Эженом признаем только разумный риск.

– Это понятно, но... – вздохнул Эжен и тут же вскину, даже схватил брата за руку, – погоди, Виктор! Неужели нет никакого другого способа достать герцога? Ну же, напрягитесь, мыслители!

– Вот что, – Виктор мягко отстранился и снова сел, – у нас очень мало времени, Эжен должен успеть ввести меня в курс дела, хотя главное я уже представляю. Дальше я пойду с Карлосом. Эжен займётся тем, что Бог на душу положит, идеи будем согласовывать, чтобы не бить вхолостую. А вас,

господин Рай, я прошу поехать в Фонтэнж.

– Что?! – удивился Рай.

– Я почти уверен, что здесь, в Рунде, ещё какое-то время будет тихо, но лишь какое-то время. Никто не может ручаться за завтрашний день, поэтому, чем скорее граф де Лаган узнает обо всём этом, тем лучше. Кажется, герцог его даже побаивается. И тут надо поспешить. Дело в том, что в очень недалеком будущем граф покинет пределы Фрагии. Об этом сегодня рассказала только что приехавшая из столицы маркиза де Рельгро. Господин Рай, вы должны его остановить. Нам очень нужна его помощь.

– Но почему я? – вздохнул Рай, уже ощущая неизбежность поездки.

– Больше никому. Нам с Эженом на роду написано быть вместе, мы найдём возможность общаться даже под носом герцога. Карлоса тоже не пошлешь. Господин Рай, если ехать, то только вам.

Рай молчал, молчали и Эжен с Карлосом.

– Если мой план вас устраивает, давайте обсудим детали, – и Виктор развернулся к брату, – Прежде всего расскажи, где ты умудрился найти груангу? И сколько её у нас?

Эжен тоже сел и довольно откинулся на спинку стула:

– Что, удалось мне тебя удивить? Признайся, ведь ты далеко не сразу меня узнал!

– Узнаешь тут, – усмехнулся Виктор, – Признаюсь. Я рад вот так вот удивляться!

– Ребятки, подождите, – Рай даже поднял руку, так ему хотелось привлечь внимание близнецов, – Эта ваша груанга. Меня пугает то, что ты, Эжен, рассказал мне про эту траву.

– Она не ядовита! – отмахнулся Эжен, даже не пытаясь скрыть досаду, из чего Виктор понял, что Рай коснулся этой темы не впервые.

– В самом деле? – нахмурился Рай, – Яды если не убивают, то калечат, и это, может быть, как раз тот самый случай! Погоди, Эжен, сейчас говорю я! Ты сказал, что её действие сказывается только в том, что лицо сводит судорогой...

– Мягкой судорогой! – всё-таки вклинился Эжен, – И вообще, судорога неприятное слово. Всё гораздо безобиднее. Вы же видели, я не утрачиваю контроля над лицом, могу и говорить, и улыбаться, и подмигивать, если надо. Вполне живое лицо получается, малость уродливое, это да, но ведь мы не красоту ищем.

– Черты лица эта груанга изменяет знатно, признаю. Но это ненормально! А если вы потеряете эту вашу... как её? Противоядие....

– «Гру» это вход, а «анга» выход, – пояснил Эжен как можно терпеливее, – Вместе «груанга». Вы понимаете? Вместе! Человек не пьёт гру, если у него нет анга. Вот и всё.

– Хочешь сказать, что не понял, о чем я волнуюсь? – нахмурился Рай.

– Всё он понял, – и Виктор даже коснулся руки уже разгорячённого Рая, – Если человек потеряет анга, ему придётся

дождаться, пока эффект сам собой спадёт. Просто это долго. Анга возвращает лицу обычный вид уже через минуту, максимум две после приёма. А без неё для возврата потребуется неделя. И это правда безвредно! Чжунгорец, научивший нас этому, сказал, что ему довелось два года жить на этой траве, спасался от преследования чжунгорских императорских сыщиков, и ничего, никаких последствий для здоровья. На этот счёт не волнуйтесь. Зато такая маска с лица не слетит.

– Зато парик может слететь в любой момент, – фыркнул Карлос.

– Что ещё я должен был сделать, чтобы доказать, что нет такой проблемы!?! – тут же вскипел Эжен, – И на руках ходил, и сальто делал, и... Да вон, со второго этажа прыгнул! Чего тебе ещё надо, Карлос!?

– Я скажу, чего мне не надо! – в тон ему откликнулся Карлос, но не выдержал горящий взгляд синеглазого строптивца и развернулся к его брату, – Виктор, у меня была слабая надежда, что ты разумнее брата.

– Ха! – усмехнулся Эжен, – А ничего, что это была его идея!?

Карлос тут же осёкся, растерялся. А Виктор снисходительно кивнул:

– Ну что? Говори?

– Я видел, как этот гадёныш менял внешность, прямо обращение в демона, ни дать ни взять...

– Ну вот зачем!?! – Виктор сердито нахмурился и развер-

нулся к брату.

– А кто просил его подглядывать? – сконфузился Эжен.

Виктор сокрушённо вздохнул и снова обратился к Карлосу:

– Это не так страшно, как кажется, поверь!

– Вот только не говори, что совсем не больно!

– Боль бывает разная. Здесь речь идёт скорее о дискомфорте, к которому быстро привыкаешь, – Виктор всем своим видом попытался дать понять Карлосу, да и Раю, что говорит чистую правду.

– Ладно, допустим... – Карлос хотел уже было смириться, но тут же вспомнил об ещё одном смущающем обстоятельстве, – Но это, как я понял, что-то вроде спазма лица. Ты уверен, что у тебя это получится так же, как и у Эжена?

– Уверен. Иначе не предложил бы обмен. Мы ведь не просто так настолько похожи. Можем стать такими же похожими уродами. Уже пробовали, – усмехнулся Виктор, – Ещё вопросы есть? Нет? Хорошо. Тогда, Эжен, ответь, наконец на мой вопрос. Ещё помнишь?

– Помню. А вот ты, что, забыл, что Рунд один из крупнейших городов севера Фрагии? – усмехнулся Эжен, – Ладно, ладно. Лавка «Солнце Джунго» у западных ворот. В ней от Джунго не только название. Господин Рай дал много денег, так что я скупил всё, что там было. Сейчас есть запас на пару месяцев.

– Туда ходил ты или красавчик Блорн?

– Ты издеваешься!?! – возмутился Эжен.

– Я проверяю, не все ли мозги ты пропил, – лукаво усмехнулся Виктор.

Эжен тут же запустил в него уже пустой чаркой. Виктор легко поймал это метательное орудие и стал совершенно серьёзным:

– Тогда начинай выкладывать всё по порядку, быстро, только по сути. Что я должен знать о придуманном тобой Глене!?!

Глава 28. Ничто не изменилось?

Эмилия де Рельгро, облачённая в шёлковый белоснежный пеньюар, только-только закончила расчесывать свои роскошные золотые волосы. Она встала, чуть отошла от зеркала и, грациозно изогнув спину, ещё раз окинула себя взглядом, при этом мягкая волна пробежала по дивной шали волос. Девушка заметила это, собрала их в охапку и подняла на затылок. Да, вот так лицо выглядит совсем иначе, и шея кажется длиннее, но... к чему это баловство? Она резко отпустила волосы и с непередаваемым удовольствием и гордостью почувствовала, как они опустились на плечи и спину тяжёлым покрывалом. Красиво! И девушка не удержалась от того, чтобы ещё раз не коснуться их. При этом из её груди невольно вырвался глубокий вздох. Что это? Печаль? Не высказанная тоска, неуёмная нежность?.. К кому?

Неожиданно Эмилия поймала себя на мысли, что ей бы очень хотелось, чтобы сейчас кто-нибудь, мужчина, конечно, и конечно молодой, подсматривал бы за ней, увидел бы её вот такую, простоволосую, открытую, погружённую в томное волнение. «Я не могу не нравиться... Как я могу не нравиться?!»

И тут, словно гром среди ясного неба, в её голове возникло имя «Монсар»: «Интересно, какая она, эта испайронка? У Эжена изменились вкусы?» Эти мысли сильно смути-

ли, даже разозлили. И спасаясь от этих неприятных чувств, Эмилия бросилась к гардеробу. Если бы кто-нибудь спросил у нее в эту минуту, что она там ищет, девушка непременно бы растерялась. Её пальцы быстро перебирали платья, а брови тем временем всё сдвигались и сдвигались, словно две грозовые тучи. И молния не заставила себя ждать – Эмилия резко выхватила бардовое платье и в сердцах швырнула его на пол. «Почему?! Почему, когда он был безродным мужланом, я ему нравилась, он сходил от меня с ума, а стоило ему стать, или почти стать, дворянином, как его взгляд обратился к другой? Мерзавец! Подлец!!! Я буду не я, если не сотру его в порошок! И её в придачу!!!»

Эмилия вновь упала на банкетку перед зеркалом и, схватив гребень, начала расчёсывать волосы. И это помогло, постепенно к ней стало возвращаться спокойствие, а перед мысленным взором вновь замелькали картины вчерашнего дня, той встречи в парадной гостиной, на которой Виктор устроил памятное представление. «Если бы я только знала, подозревала, что он такой, что он может быть таким! Да, он очень изменился!» – к своему удивлению, Эмилия, казалось, запомнила каждое его слово, движение, каждый взгляд, и всё это сильно волновало её...

«Постой, голубушка, уж не влюбилась ли ты в этого проходимца?!» – усмехнулся внутренний голос. «А что в этом теперь страшного? Теперь он дворянин, и когда-то боготворил меня! Боготворил?» – и Эмилия невольно фыркнула. «Тогда

он был мальчишкой, щенком, готовым лизать подошвы моих туфель. Да, дерзким, наглым мальчишкой... А ещё милым... Эти синие восторженные глаза! Как же было приятно видеть в них обожание! Но откуда бралась эта дерзость!? Голос крови?.. Но тогда... тогда он должен был знать своё место! Вон, Виктор знал. А Эжен... Он сам виноват! Я не могла стерпеть такую наглость! Просто не имела на это права! Да, именно так! Он сам виноват!!! Но... кто бы мне тогда сказал, что я буду так сильно скучать по его синим глазам... Этот негодник всё-таки добился своего, лишил меня покоя на эти долгие месяцы! И в итоге обратился дворянином, чтобы... Чтобы что!? Добиться возмездия!? Он... Он правда стал другим человеком, или просто раньше я этого не замечала!? В любом случае, я бы многое отдала, чтобы ему отшибло память! Тогда был бы шанс... Только бы быть уверенной, что эта де Монсар...»

И Эмилия снова с силой рванула волосы.

– Позвольте спросить, вы собираетесь снять с себя скальп?

Эмилия круто развернулась на голос и обмерла. На подоконнике вольготно расположился... Эжен! Сидит и без тени стеснения рассматривает её!

– Что ты сказал?!! – Эмилия с трудом обрела дар речи и гневно сверкнула глазами.

Её застали врасплох! Несомненно, этот наглец попирает все правила приличия! Но, правду сказать, в её голове даже

не мелькнула мысль прогнать его.

– Ты?! – Эжен усмехнулся и отошёл от окна, – Это значит, что госпожа изволила признать меня. Замечательно, вот только вынужден напомнить – не “ты”, а “вы”. Вы, видно, забыли, или не желаете смириться с тем, что перед вами стоит дворянин, чьё происхождение ни в чём не уступает вашему. Или вы всё ещё продолжаете судить о людях по их одежде?

– Послушайте, сударь!.. – Эмилия тоже встала.

– Так-то лучше, – одобрил Эжен и тут же поинтересовался, – Вам кто-нибудь говорил, что в гневе вы ещё прекраснее?

Молодой нахал, всё так же лукаво улыбаясь, смерил девушку взглядом, и, едва заметно усмехнувшись, отвернулся. Казалось, теперь его гораздо больше занимало содержимое туалетного столика маркизы.

– Вы явились сюда для того, чтобы рассматривать всё это? – поинтересовалась Эмилия, не выдержав молчания.

Эжен, чуть наклонив голову, развернулся и ещё раз окинул девушку взглядом. Затенённые густыми ресницами, его синие глаза в этот момент казались чёрными:

– Пожалуй, вы правы, Эмилия. Вас я знаю. А эти вещички вижу в первый раз. Да вы только посмотрите, как совершенна форма этого флакона. Bravo!!! И цвет! Этот цвет зрелого персика даже возбуждает аппетит!

– Да как ты смеешь! – возмутилась маркиза, вырвала у него из рук флакон и швырнула его в дальний угол комна-

ты, – Как вы смеете находиться здесь?! Вон!!!

Эжен чуть отступил и теперь посмотрел на неё, как ценитель живописи на только что приобретённое полотно.

– Н-да, пожалуй, вы не менее прекрасны, – неожиданно спокойно, даже с некоторым равнодушием в голосе, произнёс юноша, – Позвольте, кстати, заметить, этот ваш последний вопрос я должен был услышать первым. Это может означать лишь одно, вам приятно моё общество, может быть, вы даже хотели, чтобы это случилось. Не сомневаюсь, мысли обо мне были не самые ласковые, но они были, и ваше поведение служит тому лучшим доказательством.

И случилось невообразимое – что-то всё-таки удержало руку Эмилии от того, чтобы дать нахалу пощечину, и, сама себя не узнавая, она отвернулась, залилась краской стыда и досады. В голове её стоял страшный гул, мысли, словно языки адского пламени, полыхали в её взбудораженном сознании, но ни одна не могла подыскать подходящее обличие слов.

Эжен только видел её стройный стан и с силой сжатые кулаки. «Не слишком ли далеко я зашёл?» – мелькнуло в его голове, – «Прежняя Эмилия уже ни раз и не два попыталась бы ударить меня. Но в этот раз она себя сдерживает! Почему!? Что с ней произошло за этот год!?»

Девушка и правда была на грани срыва, так сильно её возмущала и пугала вся эта ситуация. Этот безумец здесь, в её спальне!.. Позвать слуг!? Самой вытолкать его вшаей!? Эти

мысли лишь мелькнули, словно горькое эхо далёкого прошлого. Что сейчас и правда страшно пугало её, так это риск разоблачения! По сути, оно уже случилось, конечно, если этот наглец сможет серьёзно отнестись к уже сказанному им же самим...

И словно в подтверждение этого страха, голос Эжена вдруг зазвучал по-новому, особенно, как-то печально приглушенно. Эмилия помнила этот голос. Этот негодник так говорил с ней лишь раз, в последнюю их встречу прежнего знакомства: «Я ухожу. Вы не смогли распознать во мне свою судьбу. Но я не ошибся, потому и не обещаю вас забыть. И вы меня не забудете. Пусть это станет вашим наказанием, раз уж вы решили прогнать меня... Прощайте!» – с этими словами Эжен ушёл в ночь, тогда, год назад. Эти слова врезались в память Эмилии каленой печатью, стали её ночным кошмаром, кровоточащей раной. «Ах, если бы...» – восклицала она в ответ всякий раз, но не решалась закончить эту фразу. И здесь, сейчас, Эжен соединил эти два события:

– Изменилось ли что-нибудь с тех пор, Эмилия? Я всегда был сыном своего отца, всегда подозревал свое высокое происхождение. Это ли питало мою дерзость любить вас? Да и вы всё также прекрасны и далеки... Нет, мир не меняется, разве только некоторые мелочи. Например, сейчас ваши новые знакомые заставляют вас принять известное решение. Но я бы не хотел, чтобы вас ввели в заблуждение. Быть игрушкой в руках таких людей, опасное развлечение. Вам ещё

не рассказали, как герцог едва не четвертовал моего брата Жана?

Эмилия медленно подняла на Эжена тяжёлый взгляд, но юноша опередил её:

– Вам не мешает знать, что, во-первых, герцог объявил войну семье Лаганов ещё до нашего с вами рождения. Это слишком старая история для таких юных созданий как вы, тем более что вас не выкрадывали из родной колыбели и не делали из вас нищенку, как это случилось с Виктором и со мной. Из вас не растили отцеубийцу, как это чуть не случилось с Жаном. Ваших родителей не отравили, а на вашего брата не примеряли ярлык раба, как это может сказать графиня де Монсар. Анри де Монсар, её старший брат, и тем стал поперёк горла барона... И, во-вторых, вам может быть интересно, что отец Марианны и Анри де Монсар является дальним родственником моей матери, лучшим другом моего отца. Больше, чем уверен, что Марианна отдаст свою руку Жану, и во время их свадьбы я намерен быть рядом с ними в качестве свидетеля. Не правда ли, наша семейная история неплохая тема для романа. Но примите дружеский совет, остерегитесь искать в ней место для себя... по крайней мере на стороне наших врагов.

С этими словами Эжен сдержанно поклонился, вскочил на подоконник, взмахнул шляпой и... спрыгнул вниз. Сердце Эмилии оборвалось. Она кинулась к окну, но за ним всё тихо, спокойно, словно это появление Эжена было все-

го лишь порывом ветра. Нет, он был здесь! Перед её мысленным взором всё ещё стояло его лицо. И что она увидела в этих синих глазах? Печаль, боль?.. Жуткой силы недосказанность! С его уходом Эмилия словно лишилась своей половины. Такой опустошенной она себя никогда прежде не чувствовала!

Сколько времени Эмилия просидела так перед зеркалом, ничего не видя, ничего не слыша, она не знала. Но наконец-то её одиночество снова было нарушено.словно из далекого небытия она расслышала стук в дверь. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы встать и открыть. Как она уже и ожидала, это был её брат, маркиз де Рельгро.

– Вы не здоровы, сударыня?

– Почему же, здорова, – томно отозвалась девушка, и тут же поймала себя на мысли: «А он никогда не зовет меня Эмилией?»

– Вы уверены? – маркиз всё-таки продолжил волноваться.

– Вполне, – девушка гордо повела головой и поинтересовалась, – Чему обязана столь ранним визитом?

– Ранним? Помилуйте, скоро полдень. Но в одном вы правы, я хотел вас видеть прежде, чем вы встретитесь с герцогом и бароном.

На лице Эмилии появился интерес.

– Да, дорогая, речь пойдёт об этом нахале Ровиньоле.

– Но, кажется, он оказался не Ровиньоном, а Лаганом, – сестра тут же поправила брата и невольно лукаво улыбу-

лась.

– У графа де Лаган один сын, Антуан де Валеньи! – невольно вскинулся маркиз.

– Н-да, один меньше, чем четыре... – усмехнулась Эмилия, – Так чего же вы хотите?

Что ж, маркиз опустил в кресло и кинул на сестру растерянный взгляд:

– Почему вы так уверены?

– В том, что их всё же четыре? Так ведь вчера разговор состоялся и в вашем присутствии.

– Мне не нравится ваше настроение, сударыня.

– Я не в духе, это правда, – легко призналась Эмилия.

– Не Эжен ли тому причиной?

– Что?! – тут же вспыхнула девушка.

– Успокойтесь, я только опасался, как бы вы не перенесли кое-что из событий годовой давности в настоящее. Уж лучше бы не Виктор, а этой проходимец покоился бы на дне морском. Мне, во всяком случае было бы много спокойнее.

– Я отказываюсь вас понимать.

– Его претензии на звание дворянина, возможно небезосновательные, его безрассудная наглость, его мечты о вас, наконец! – распалился маркиз, но тут же честно постарался взять себя в руки, – Всё это заставляет меня просить вас быть осторожнее. А я в свою очередь сделаю всё возможное для вашей безопасности. Я не позволю ему не то, что подходить к вам, даже смотреть в вашу сторону!..

При таком заявлении брата брови Эмилии удивлённо приподнялись, и она рассмеялась: «Подходить?! Смотреть в мою сторону!? Вы только гляньте на этого героя!! Это ОН-то собирается не подпускать ко мне Эжена?!!» Но заметив, как потемнел маркиз, Эмилия уладила своё веселье:

– Не преувеличивайте, маркиз. Прошел целый год!

– Мы вчера видели, как мало изменилось за этот год.

«Уже второй раз за утро! Неужели они сами в это верят!?» – нахмурилась Эмилия.

– Сударыня, – маркиз даже не пытался скрыть своё раздражение, – Уж вам-то не надо объяснять, как неприятно и беспокойно существование это человека...

–... для перешедших ему дорогу? Лучше расскажите это герцогу и барону.хлопот у них прибавилось, это точно, – недобро усмехнулась девушка.

– Сударыня, позвольте вам напомнить, что вчера вы обещали им содействие...

– И что?

– Они ведут свою сложную игру. Я не уверен, что вам стоит в неё ввязываться.

– Да? Тогда я вас не понимаю. Вы предостерегаете меня ото всего мира, не так ли? Может быть, мне сразу в монастырь пойти? – и Эмилия склонилась над сидящим в кресле братом, – Все мы игрушки в руках судьбы, не так ли? Я уверена, она уже решила, как нам быть.

– И как же? – маркизу стало душно.

– Признайтесь честно, вы можете в чём-либо помешать герцогу? Сейчас не вы хозяин в этом доме. Вот правда. Что касается меня, то я считаю самым разумным ни во что не вмешиваться, по крайней мере настолько, насколько это будет возможно.

При таких словах сестры маркиз невольно сощурился:

– Что я слышу! Признавайтесь, сударыня, что изменилось со вчерашнего вечера? Ведь на далее, как вчера вы обещали герцогу активное участие...

– Разве? Активное?! Вы что-то путаете. Если я не стану ни во что вмешиваться, это уже будет большим содействием с моей стороны, вы не согласны? – Эмилия выразительно повела бровью и тут же поставила точку в этом разговоре, – Я всё сказала. И оставьте меня в покое.

– Но ведь именно о вашем покое я и волнуюсь! – неожиданно рьяно вскинулся маркиз, – Меня очень беспокоит появление Ровиньоля!

– Вы уже говорили об этом, – томно обронила Эмилия, разворачиваясь к зеркалу.

– Сударыня, умоляю! Будьте осторожны и держите меня в курсе всех событий дня!

И в тот же миг в него вонзился отражённый от зеркала гневный взгляд сестры. Против такого, он всегда был бессилен. Вот и в этот раз сразу маркиз поспешил оговориться:

– Нет, нет, вы неправильно меня поняли, я говорю обо всех подозрительных событиях...

– Благодарю за заботу, сударь, а вы? – Эмилия едва-едва смогла сдержать презрительную усмешку, – Что намерены делать вы?

Что ж, маркиз кивнул каким-то своим горестным мыслям:

– Я хоть и ущемлённый в правах, но всё же хозяин этого дома, и я не намерен оставлять гостей без присмотра, тем более что мы можем быть друг другу полезны...

– Что?! – и Эмилия снова открыто развернулась к брату, – Я не ослышалась?! Не вы ли минуту назад говорили, что это опасные люди?!

– Об этом стоит помнить, но они ищут беглецов!

– Беглецов... – на миг призадумалась златовласая маркиза и тут же поняла, что за подтекст прячет в своих словах её брат, – Святая Дева Мария! Анна! Вы всё ещё любите её?!

И маркиз не стал юлить:

– Да... Да, к несчастью, – тяжело вздохнул он в ответ.

Весь его вид взывал к сочувствию, и потому неожиданная реакция сестры не только удивила, но и крайне возмутила беднягу влюблённого – Эмилия разразилась горьким смехом.

– Сударыня!!! – едва ли не закричал маркиз.

– Ох... Да... – Эмилии потребовалось время, чтобы взять себя в руки, – Насколько же многолика любовь! Сколько людей, столько и вариантов! Одни становятся безрассудно смелы, другие на удивление глупы. Последнее касается вас, мой милый брат.

– Сударыня!! – маркиз уже даже покраснел от гнева, но сестра имела над них особую власть, и потому сейчас, стоило ей снова стать серьёзной и пытливо заглянуть ему в глаза, как он тут же присмирел, словно мышь перед удавом:

– Анна с беглецами! – со значением произнесла Эмилия, – Значит она, скажем, приняла их сторону. И теперь, принимая сторону её врагов, вы всё ещё ждёте её благосклонности, взаимности?! Я правильно вас поняла, сударь?!

– Замолчите, сударыня!!! – сорвался-таки маркиз, едва ли не взвыл, – Ах, если бы вам оказаться на моём месте! Или... – и маркиз бессильно рассёк рукой воздух.

– Или что?.. – и правда не поняла Эмилия.

– Там же находятся два отпрыска графа де Лаган! Вы это понимаете?! И уж по крайней мере один из них точно достоин звания брата Ровиньолей. Если бы вы видели, на какой безумный шаг пошёл этот человек, чтобы вытащить голову своего друга, этого Монсо, из петли! Вы слышали эту историю, но всё же это надо было видеть! Да и этот Монсо, или вернее Монсар... Он тоже хорош собой... Очень хорош... благо пока весь в бинтах... К тому же, прихотью некоего Генриха Рая, эти двое, Монсо и Френсис, воспитаны как равные...

– Иными словами, вы боитесь не выдержать соперничества? Лаганы и Монсар составили вам страшную конкуренцию?! – Эмилия безжалостно подвела черту, едва ли не фыркнула и тут же отвернулась к своему туалетному столи-

ку: «Очень мило! Мой братик признал в Лаганах достойных соперников, а ведь и Эжен Лаган...» – мелькнула в неё голове такая смущающая мысль.

Маркиз тоже не смел нарушить молчания. Да, верно, он боится. Он не может не думать, что его шансы ежеминутно тают, словно утренний туман. Так, они и пробыли в плену своих горестных мыслей где-то с четверть часа. Но Эмилия первая ожила, снова развернулась к брату:

– Сударь, сколько же можно!? С самого детства... Столько лет... Надо же, наконец, набраться мужества и признаться себе в том, что у вас нет никаких шансов! НИКАКИХ! Своей настойчивостью вы только ставите под угрозу самую возможность оставаться с Анной хотя бы в дружеских отношениях. Она скоро просто прогонит вас с глаз долой! Поверьте, если вы будете продолжать в таком духе, и тем более делать то, что вы намерены делать, я имею в виду герцога, это закончится тем, что она вас...

– Прогонит?! – и маркиз нервно рассмеялся, – О Боже, сестра, да она меня уже столько раз прогоняла!.. Но наступал новый день, и всё начиналось с начала... Разница теперь в том, что новый день может и не наступить!

Маркиз горестно вздохнул, задумчивым кивком головы подытожил свои невесёлые мысли и стремительно направился к двери. Уже на пороге он, вдруг опомнившись, бросил сестре:

– Встретимся за обедом...

«Бедный братик...» – Эмилия горестно вздохнула. Она было встала, чтобы проводить его, за что и была вознаграждена этими последними словами, но теперь девушка тихо опустилась на край кровати, да так и замерла, всё ещё не сводя глаз с только что закрывшейся двери, – «Сколько же ещё он может себя терзать?! Как слеп и как упрям... Но ведь и Эжен такой же! Он до сих пор любит меня, это ясно! Любит, несмотря на всё то, что ему пришлось пережить по моему легкомыслию, или... жестокости?.. Анна обходится с моим братом полегче, и я могу её понять. Луи бывает нестерпимо навязчив... Как это Анна однажды сказала? Быть предметом такого обожания это тяжкое испытание, это бывает физически невыносимо... Кажется, теперь я начитаю понимать, что она имела в виду, спасибо Фонтэнжу...»

И Эмилия, поддавшись внутреннему порыву, вдруг стрелой метнулась к двери и повернула ключ в замке. Стало спокойнее, но ненадолго.

«Брат ревнует! А ведь и я ревновала, вон, всё сегодняшнее утро покоя не было! И кого?! Эжена Ровиньоля! Сказали бы мне это год назад! Увидеть бы эту де Монсар... И почему мужчины так слепы?! Что заставляет их думать, что ничто не изменилось?! Ведь год – это целая вечность! Вечность... Да, и я уже не та Эмилия, капризная и самовлюблённая девчонка. И мир вокруг не тот. Не тот... Легко ли было чувствовать себя без вины виноватой, отсюда что ни шаг, так новая глупость, а ему боль... Но ведь не со зла же я, в самом-то

деле! Что особенного в том, чтобы выпороть лакея?! Путь и влюблённого, но всё же лакея! И не надо было ему при этом петь! И в конце концов, если ему так нравилось меня веселить, почему же ему было не побыть шутком на моём балу, велика беда, гостей посмешить... ну... чуть пьяных гостей, но они-то все особы титулованные, а кем был он?.. Безродным мальчишкой... Н-да, если бы Луи не взбрело в голову разыграть тот спектакль – как бы женить его на свинье... и, если я бы не поддержала эту шутку, не вцепился бы Эжен в горло Луи... Всё! Хватит! Вот только не надо вспоминать о том, что было после этого! Не надо!!! И этого достаточно! Он был всего лишь ЛАКЕЕМ! ...и он заставил меня думать о себе все эти долгие месяцы, подарил это постоянное чувство вины, стыда... Да, чёрт побери, он доказал, что я не достойна его, хоть и маркиза. Особенно теперь, когда он оказался отпрыском одного из лучших домов Фрагии! Стоп. А почему это я решила, что он по-прежнему любит меня?! Ведь об этом не было сказано ни слова?! Он просил меня не вмешиваться в дела его семьи. И что?.. А то, что он всё же счёл нужным развеять мои подозрения насчёт графини де Монсар!!! И этот его взгляд... Он стал опасен, очень опасен для меня! Да и мой брат признал это, Лаганы красивы, благородны, до безрассудства смелы, верны, умны... Почему он говорит, что ничто не изменилось?! Я всё также плоха, или, быть может, он всё также любит меня?.. Быть может, он не затаил на меня зла?..»

И в этот миг что-то заставило её оглянуться. На подоконнике появился букет её любимых голубых незабудок! «Незабудки?! Эжен! О Боже, он помнит и это. Как же?.. Каким образом брат собирается защитить меня от этого человека?!» Сердце Эмилии заколотилось так сильно, что в голове поднялся страшной силы шум, а руки сами собой прижались к груди. Но эта девушка не была бы маркизой де Рельгро, если бы не справилась с таким вот оцепенение уже через пару секунд. И вот она уже подбежала окну, выглянула на улицу, но нет, там не нашлось ничего, на чём бы мог зацепиться глаз. Только вот на подоконнике это маленькое чудо! На подоконнике её окна прямо среди бела дня появился букет её любимых незабудок!!! Эмилия так и застыла перед ним. Она не смела взять букет в руки, смотрела и чувствовала, что... нет, нет прежней Эмилии. «Что же будет?!»

Глава 29. Сказочный рыцарь.

Этот белокурый детина Ламороу с первых же дней своего появления в доме Рельгро не давал бедняжке Маги проходу. Даже в самом широком коридоре он не мог с ней разминуться без того, чтобы не задеть её рукой или словом. Пожалуй, это заметили все, и также, кажется, все решили, что это нормально. «Разве не для этого созданы служанки?» – смеялись гвардейцы герцога.

И Маги оставалось лишь терпеть. Ей, бедной сироте, не у кого было искать защиты, оставалось только верить в обычную девичью сказку: когда-нибудь обязательно скоро, появится прекрасный рыцарь на белоснежном коне и в серебряных доспехах, сурово накажет всех обидчиков и предложит ей, Маргарите Безансон, руку и сердце...

Вот мы и коснулись большой тайны маленькой Маги. Эта мечта и, правда, ужасная тайна незаметной шестнадцатилетней служанки дома Рельгро. Она ждала, верила, а пока... пока научилась по-мужски грубо огрызаться на грязные приставания, для всех была закрыта и остра, как крапива, но кто бы знал, какой дивный сад цветёт в её душе... Она посадила этот сад для своего рыцаря. И несколько дней назад он, наконец-то, показал ей своё лицо. Это было так дивно! Кусок медового пирога, дарованный ей Виктором, стал мостом между её мечтой и реальной жизнью. Виктор, сам того не по-

дозревая, стал живым воплощением её сказочного рыцаря.

Сначала Маги очень расстроилась, что он совсем не обращает на неё внимание, вернее относится к ней как к ребёнку. Это было горько. Но потом она решила, что ещё не всё потеряно, время обязательно поможет... Надо лишь подождать, немного подождать.

Конечно же, Виктор не мог не заметить эту романтическую влюблённость маленькой служанки. Удивляясь её смелости, смекалке, искренне тронутый её расположением, он всё же был далёк от мысли относиться к этому серьёзно. Потому ни он, да и никто другой на всём белом свете не мог себе представить, какой трагедией стало для Маги его “торжественное прощание” с господами герцогом, бароном и семейством Рельгро. Мир юной горничной обесцветился, рухнул!

С того дня Маги стала подобна призраку. То и дело её можно было найти стоявшей у какого-нибудь окна или комода, ничего и никого не видящую и не слышащую. Никто не был способен понять её. Ведь никто кроме неё не знал, сколько раз Виктор коснулся этой книги и как улыбнулся ей, Маги, когда заметил её... Сколько дивных воспоминаний он оставил ей за эти неполные три дня, такие длинные и одновременно короткие три дня. Её рыцарь появился, озарил её тусклую жизнь, наполнил её такими яркими красками, заставил ликовать, благодарить Господа за дарованную милость, и вдруг... исчез. Бросил её!? Промчался мимо!? Просто не заметил, не узнал!? Оставил здесь, в окружении этих груби-

янов, снова совсем одну!? Как же это горько!!! Как горько...

Она только что окончила уборку библиотеки и шла к себе, когда перед ней возник Хуан-Глен Горрадо, новый слуга герцога, обладатель такой отталкивающей... да что там, просто противной внешности.

– Тебе, крошка, лучше бы идти другой дорогой, – хрипло, с каким-то оригинальным акцентом заявил он.

Как же Маги ненавидела этого человека! Ведь он посмел поднять руку на её рыцаря, угрожал ему!!!

– Я сама решаю, какой дорогой и куда ходить! – прошипела она в ответ, гневно сверкнула на него своими зелёными глазами и уверенно продолжила путь.

– Крошка, Ламороу набрался... – услышала она вслед, но не осознала смысл этих слов.

Уже за вторым поворотом ей пришлось сильно об этом пожалеть. Могучая, обросшая белёсыми волосами рука схватила её за горло и втащила в маленькую комнату для лакеев. Это был Ламороу. Он и секунды не дал Маги, чтобы опомниться, тут же кинул её на кровать и, словно изголодавшийся медведь, навалился сверху. Она даже не могла кричать, ужас сковал её параличом. Весь мир затмила раскрасневшаяся, брызжущая слюной вонючая физиономия Ламороу. И вот уже Маги ощутила, как его руки стали рвать на ней платье!!! Это... это...

И вдруг что-то необъяснимое подняло брианца в воздух и швырнуло в противоположный угол комнаты.

Слёзы застилали глаза Маги, она никак не могла поверить в происходящее. Спасена!?!

Оказывается, в комнате появился Глен. Он поднял Ламороу на ноги, что-то прорычал и от всей души врезал тому в скулу. От этого страшного удара брианец-альбинос отлетел к стене, под ней он и рухнул на пол. Что ж, Глен склонился над жертвой и проверил, жив ли тот. «Что ж, раз жив, пусть тогда пока спит», – решил Виктор и точным движением руки закрепил сон первого праиэра гвардии герцога.

Теперь надо было позаботиться и о Маги. Бедняжка ещё сидела на кровати, такая маленькая, беззащитная. Блуждающий взгляд её широко распахнутых глаз ни на чём не мог сфокусироваться, потому что всё её внимание было поглощено другим – её тело в местах, где коснулся Ламороу, горело так сильно, словно это были страшные ожоги. Это так мерзко!!! Удушающе гадко!!! Как же это?!!...

Поддавшись первому порыву, Глен сделал шаг по направлению к девушке, но она тут же вся сжалась в комок, и ужас в её глазах только усилился.

– Всё позади, Маги. Слышишь? – раздался дорогой её сердцу голос, – Он больше тебя никогда не тронет, это я тебе обещаю. Ты меня слышишь?

Но Маги отрицательно замотала головой и... не выдержала, зарыдала, зарыдала на взрыв. Весь пережитый ужас вырвался из неё и лишил возможности что-либо видеть, слышать, осознавать. Её захлестнула удушающая волна... пусто-

ты.

Что ж, Глен сокрушённо вздохнул, осмотрелся, остался чем-то очень недовольным и стремительно вышел. Маги не заметила, как он ушёл, как не заметила и момент его возвращения. Просто, в очередной раз с трудом переведя дыхание, она вдруг увидела перед собой кружку с водой и снова услышала магический бархатный голос:

– Выпей, Маги! Станет легче!

И девушка подчинилась, припала к кружке. Ей даже не пришло в голову взглянуть на того, кто протянул эту кружку. Этот голос! Обещание помощи! Вода и правда оказалась животворной, дышать стало много легче. Маги шмыгнула носом и, наконец, подняла опасливый взгляд на этого странного синеглазого гвардейца. «Разве у испайронцев бывают синие глаза? Я слышала, что все они кареглазые...» – мелькнуло в её голове. А тот тут же улыбнулся своей кривой улыбкой и присел перед ней на корточки, так он сразу уменьшился в размерах, и его присутствие перестало так сильно давить.

– Спасибо, – всхлипнула Маги.

– Вот и славно, – добродушно откликнулся Глен, – Тебе сейчас лучше всего пойти к себе... Сможешь подняться?

Маги кивнула и уже хотела было встать, но вспомнила о разорванном платье, и слёзы снова хлынули из её глаз. Да ещё и бесчувственный Ламороу в дальнем углу комнаты. Истерика грозила взять её за горло с новой силой, но Виктор больше был не в силах на это смотреть.

– Маги, позволь тебе помочь! – взмолился он, сознательно заслонив собой Ламороу, и девушка услышала его. Этот тёплый голос обладал волшебной силой.

Девушка допустила его теплоту к своему сердцу, и это позволило различить в руках испайронца какую-то большую тканую вещь.

– Это мой плащ. Твоё платье порвано, лучше прикрыться, – тут же объяснил Глен, – Можно?

Маги кивнула, чем страшно удивила себя. Глен накинул ей на плечи этот плащ, и девушка инстинктивно схватилась за его тёплые мягкие полы и укуталась в них. Да, так стало много лучше. Теперь и правда можно пойти. Надо пойти! Маги тяжело вздохнула и решительно встала. Прочь из этой ненавистой комнаты! Бежать как можно быстрее и как можно дальше!

Но, на беду, взгляд снова упёрся в распростёртого на полу Ламороу. Отвращение к этому белобрысому чудовищу и к тому, что он сделал с ней, а ещё больше к тому, что он собирался с ней сделать, всё это одним махом ударило в её раненое сердечко, голова закружилась, и ноги сами собой подогнулись, а в глазах потемнело.

Но Виктор не позволил ей упасть на пол, один шаг, и вот она уже на его руках. Он решился подхватить её, хоть и страшно боялся, что так может вызвать у бедняжки ещё больший приступ паники. Но нет, этого не случилось, ведь девушка потеряла сознание.

– Может быть, так даже лучше, – вздохнул юноша и принял решение отнести её.

Вот только он не знал, где живет это зеленоглазое чудо. На его счастье, уже в соседней комнате он встретил старшую горничную дома Рельгро Жаклин Норьи. Та, увидев смертельно бледную заплаканную Маги, в ужасе всплеснула руками, растерялась. Что этот испайронец сделал с бедной девочкой!?! Жаклин уже собралась было броситься на обидчика с кулаками, но тут вдруг обратила внимание и на другие не менее важные детали: девушка бережно завёрнута в плащ, этот мужчина держит её на руках так аккуратно, так нежно...

– Маги упала в обморок. Но вы не переживайте так сильно. Она... в порядке. Уверен, теперь с ней всё будет хорошо, – поспешил заверить Глен и даже попытался поклониться старшей горничной, – Будьте так добры, покажите мне её комнату. Бедняжке надо хорошенько выспаться, и всё уладится.

Жаклин всмотрелась в синие глаза этого неприятного лица и вдруг уступила, кивнула:

– Следуйте за мной, – хмуро распорядилась пожилая женщина.

Жаклин взялась сама проводить Глена, лично позаботиться о том, чтобы никто из прочих служителей большого дома Рельгро не досаждал этим двоим. Виктор был безмерно рад такой удаче, и теперь молился лишь о том, чтобы Маги не очнулась по дороге. Не надо было сильно напрягать воображе-

ние, чтобы представить, как сильно испугается эта малышка, обнаружив себя на руках гвардейца Его Светлости. Но вот эти мольбы юноши не были услышаны. Маги, несмотря на свою хрупкость, обладала сильным духом, и уже определённо начала приходить в себя.

Виктор заметил, как дрогнули её длинные ресницы, как грудь наполнилась воздухом. Ещё мгновение, и Маги увидит его страшное лицо. Он не мог ей это позволить, а потому крепче прижал к своей груди и заговорил тихо, нежно:

– Маги, солнышко, всё хорошо! Поверь мне! С тобой всё хорошо! Ты в безопасности!

И Маги расслышала это. Очень ясно. Этот голос! В самом деле, пусть будет так! Так хочется в это поверить, довериться! И девушка не стала открывать глаза, только ближе прильнула к его груди. И пусть по щекам снова заструились слёзы. Пусть. Ведь это было уже что-то другое...

Виктор вздохнул с великим облегчением и тихо пожал её плечо, словно пытаясь убаюкать. Девушка приняла и эту заботу. Вот и славно! Виктор улыбнулся кривой улыбкой Глена и поднял глаза на Жаклин.

Старшая горничная наблюдала за этим таинством словно заворожённая, даже рот открыла от изумления.

– Далеко ещё? – поинтересовался Глен и так вернул Жаклин к реальности.

Та растерялась, улыбнулась, кивнула и поспешила дальше.

Оказалось, что Маги жила в маленькой комнатке в правом флигеле, где кроме подсобных комнат и кладовых было ещё несколько комнат для проживания прислуги. Жаклин Норьи была не только старшей горничной дома Рельгро, но и главной ключницей. И от комнатки Маги у неё нашёлся ключ.

Виктор сразу направился к кровати и аккуратно положил на неё затаившуюся Маги. Девушка, как только ощутила под собой твёрдую опору, сразу сжалась в комок и отвернулась к стене. Сейчас ей хотелось только одного, спрятаться в своей скорлупе, отгородиться от этого такого пугающего мира.

– Маги, деточка моя! – Жаклин присела рядом, – Ты в порядке?

Женщина нежно коснулась плеча девушки, попыталась заглянуть ей в лицо.

Маги утвердительно кивнула, но ещё глубже зарылась в этот плащ.

– Девочка моя, давай отдадим этому господину его плащ... – предложила Жаклин, решив в этом найти подходящий предлог, чтобы всё-таки убедиться в том, что Маги цела.

– Она может вернуть мне плащ позже, – тут же откликнулся Глен, он снова говорил со странным акцентом, – Позаботьтесь о ней, мадам Норьи!

Глен поклонился Жаклин и уже собирался удалиться, как в комнатку Маги влетел перепачканный в саже поварёнок:

– Госпожа старшая горничная! Беда! Мы не сможем по-

дать обед вовремя! Там...

– Что!?! – тут же встрепенулась Жаклин, – Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сказал!?

– Столько людей в доме... – захныкал поварёнок, – Мы так старались... Я... Я перевернул кастрюлю с водой...

– Что ты мямлишь!?! Неужели эта вода стала приговором для обеда всего дома!?! – Жаклин отказывалась его понимать.

– Ну... Это... Кастрюля была большая. Я залил главный очаг... – всхлипнул поварёнок, – Мастер Торэ приказал позвать вас. Старшая кухарка Жанна в гнев, говорит, что надо думать, как отложить обед... договориться с господами можете только вы...

– Руки бы тебе, растяпе, поотрывать! – вскипела расстроенная Жаклин и растерянно оглянулась на затаившуюся Маги.

Женщине очень не хотелось оставлять эту девочку одну, и решение пришло мгновенно. Жаклин развернулась к Глену:

– Вот что, господин гвардеец, присмотрите за моей малышкой. Я вернусь скоро! Вы меня поняли?

Жаклин деловито ударила Виктора по плечу и, взяв поварёнка за шиворот, толкнула его вперёд себя. Виктору осталось только проводить её растерянным взглядом. Что делать?! Маги лежит на кровати вся, как взведённая пружина. Затаилась, ни жива, ни мертва. Всё её существо превратилось в слух. Надо было бы и уши закрыть, но для этого

пришлось бы пошевелиться, но нет! «Надо выглядеть спящей!» – решила девушка, – «Тогда этот странный человек уйдёт!»

Кто бы ей сказал, как на самом деле выглядят спящие...

Её уши так и остались не закрытыми, и она услышала, что хоть дверь и тихо скрипнула в петлях, закрылась, половицы всё ещё скрипят, а вот и стул хрустнул. «Этот Глен остался в комнате?! Зачем!?» – ужаснулась девушка. Но Виктор не позволил Маги снова нырнуть в объятия новой волны страха. Он тихо... запел. Это была старинная фрагийская песня о том, как крестьянин встречает рассвет после пожара, как заря нового дня дарит ему надежду на воскрешение утраченного достатка... Виктор пел тихо, почти шёпотом, тем заставляя острее прислушиваться к словам, и их мудрый смысл откликнулся в раненой душе, явился живительной силой. Песня была длинная, можно было бы её назвать и заунывной, если бы не этот светлый лёгкий мотив и простые и в то же время красочные слова. Маги сама того не заметила, как стала мысленно рисовать эти картины: полевые цветы, покрытые бриллиантами утренней росы, пока тусклыми, ведь солнце ещё не встало, ажурная вуаль отливающих золотом облаков над светлеющим горизонтом... А вот и ослепительно яркий золотой бок дневного светила! Это значит, что скоро капли росы заиграют всеми цветами радуги! Скоро, очень скоро...

Этот сказочный сон оборвался как-то вдруг. Маги откры-

ла глаза. День близился к закату. Она у себя в комнатке в постели. Это разорванное платье!!! Этот чужой помятый плащ!!! Она тотчас вспомнила все подробности случившегося с ней утром и в страхе осмотрелась. Слава Богу, она одна. Маги выпорхнула из кровати и бросилась к двери. Заперта. Какое счастье! Но...

Она что-то никак не могла понять. Её ключи в кармане, а дверь заперта! А это что?! На столике у окна стояла кружка молока и на тарелке три больших куса белого хлеба, намазанные вареньем, её любимым!!! Маги так и села, где стояла. Что это?! Кто её сюда принёс? Горрадо? Глен?! Но она слышала не его голос! И это всё не может быть его рук делом! Но тогда... Нет! Нет сомнений, её убаюкивал её рыцарь, его голос она ни с кем не спутает, его глаза... Но в целом это был не он, а новый слуга герцога! Невероятно, но именно он спас её! Стоп. А точно ли он?.. Вот хлеб и молоко могла принести и Жаклин Норьи, старшая горничная, она же могла и дверь закрыть на ключ...

Ох, теперь Маги уже ни в чём не была уверена...

* * *

Некоторые сомнения Маги разрешились в тем же вечером...

Она никак не могла не появиться в обеденной комнате прислуги. Ужин уже начался. Как всегда в последнее время здесь было многолюдно. Вся, собравшись, словно взведенная пружина, Маги направилась к женскому столу, но как

же трудно было идти по этому, казалось бы, привычному пути! Приходилось сражаться за каждый новый шаг, таким густым и жестким показался девушке воздух в этой комнате. Ни один гвардеец не окликнул её, наоборот, все только при- молкали с её появлением. Вот так, почти в гробовой тишине, цепенеющая от страха Маги и заняла своё место за женским столом. И в столовой возобновилось хоть какое-то общение.

Да, сегодня люди переговаривались непривычно тихо, обычного оживления не было и близко, будто произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Ничего не понимаю! – Маги различила приглушённый голос прачки Лу, – Что, редко к нам пристают эти кабели? Подумаешь происшествие! Видали мы такое! Что же это, с ума что ли все посходили?!

– Заткни пасть, дура! – оборвала её кухарка Жанна, – Не дал Бог ума, так и молчи!

«Все всё знают!!!» – ужаснулась Маги, и ей тут же стало трудно дышать от подступившего в горле кома слёз, но тут на её плечо легла чья-то тёплая рука. Маги вздрогнула, вскинулась и тут же с облегчением вздохнула – это была Жанна, она сочувственно улыбнулась и подала кусок хлеба:

– Ешь, деточка. Всё будет хорошо!

– Нет, в самом деле, – не унималась Лу.

– Сядь, дура, – фыркнула на неё Жаклин Норьи и, обращаясь теперь к Жанне, тревожно спросила, – Как думаешь, испайронцы вмешаются? Их главный, Карлос, кажется, глаз

не спускает с брианцев.

– Я слышала, что Горрадо был среди них лишь пару дней. Может быть, он не успел стать для них своим, тогда не вмешаются, – Жанна тоже почти перешла на шёпот.

– Но этот Горрадо приходится Карлосу каким-то родственником...

– Что-то, конечно, будет, слишком уж это задело брианцев...

Этот разговор не мог не заинтересовать Маги, и она робко взглянула на брианский стол. Глен сидел там и спокойно ел. Рядом с ним места были пустыми, но он, казалось, не замечал этого, и аппетит его никак не пострадал.

Вдруг все смолкли. В проёме дверей появился Ламороу. Его правый глаз украшал изысканный по размерам и обилию оттенков синяк.

– ТЫ!!! – зарычал он.

Виктор с досадой поднял на него глаза, и рука Карлоса сама собой потянулась к ножу. Стоит заметить, что в этот вечер все мужчины были вооружены.

– Встань!!! – приказал Ламороу.

– Ты это мне? – отозвался, наконец, Виктор.

– Тебе, пёс!!!

– Не видишь, я занят.

– Я сейчас тебе покажу, как ты занят, – и Ламороу ринулся к Виктору как бешенный буйвол, морда красная, а глаза так и вовсе горят каким-то безумным огнем.

Стоит ли говорить, что те немногие, кто оказался на его пути, тут же метнулись в разные стороны, освобождая ему дорогу. Один только миг, и вот уже Ламороу словно огнедышащий дракон навис над Виктором и ядовито повторил:

– Встань, иначе ты уже никогда не встанешь!

Но Виктор не дрогнул, лишь остро сощурился:

– Похоже, ты не понимаешь, с кем разговариваешь, ублюдок. Что ж, придётся объяснить.

Ламороу ещё не успел уяснить смысл услышанных слов, как Виктор схватил его за чуб, а уже в следующий миг тыльной стороной ладони так ударил ему в лоб, что брианца понесло назад. Ожесточённо размахивая руками Ламороу так и не нашёл, за что бы ему зацепить, и в итоге рухнул на соседний стол, едва-едва не переломив его на двое. Одна его рука угодила в рагу, другая смахнула со стола кувшин с вином, и это вино большей своей частью пролилось на штаны безумного брианца. Это всё просто не могло уложиться в сознании невольных свидетелей, которые уже все без исключения были на ногах.

Только после этого Виктор позволил себе встать.

– Да что он себе позволяет!!! – заволновались брианцы.

– Я сам с ним разберусь!!! – взревел Ламороу.

Его испачканная в рагу рука уже метнулась в сторону ближайшего гвардейца Бетенгтона, видать одежда этого бедолаги представилась первому праиэру самым подходящим полотенцем, и тот не решился уклониться от такой сомнительной

чисти. Для Ламороу это была правая рука, и чтобы взяться за оружие, хотелось бы иметь её чистой.

– Согласен, – звонко отозвался Виктор, – Это дело двоих. Ребята, оставьте его нам.

Одним широким прыжком Виктор перемахнул через свой стол, и теперь врагов ничто не разделяло.

– Ты хотел поговорить? – поинтересовался Виктор, чуть склонив голову.

– Нам не о чем говорить! Я только собираюсь умыть твою харю, – и Ламороу ринулся на врага.

Его удар был точно рассчитан, это могло бы принести много неприятностей для его цели, возможно, даже лишить жизни, но Виктор неожиданно легко от него ушёл.

– Я бы посоветовал тебе выбирать слова. Обещаю, что впредь ты будешь внимательнее к своей речи, – и Виктор нанёс свой удар, подобный молнии, он пришёлся прямо в висок врага, и тот снова опрокинулся, теперь он распростёрся на полу.

Но Виктор не позволил ему там долго прохладиться, вылил на голову врага ковш холодной воды.

– Мразь! – выдавил из себя тот.

– Да ты непонятливый, – с досадой заметил Виктор.

Но Ламороу был крепким орешком, он уже успел прийти в себя и теперь словно ураган обрушился на Виктора. Стало жарко. Они крушили всё, что не попадя, и никто, совершенно никто не смел им помешать. Во-первых, это было очень

опасно. А во-вторых, исход битвы был предрешен. Это уже многие понимали. Ламороу не мог достать Виктора, а тот, казалось, даже не сбил дыхания. Изумлённые брианцы не верили своим глазам.

Наконец, Виктор перехватил руку Ламороу и круто вывернул её за спину. Брианец упал на колени.

– А я намерен с тобой поговорить, – ядовито заявил победитель, – И ты не только выслушаешь меня, но и впредь поостережёшься наступать на тень Маргариты. Ты меня понял? А если ты ещё хоть раз коснёшься её, я тебя заживо зарюю! Тебе ясно?!

– Да... – захрипел Ламороу, – Пусти! Рука!!! Ты сломаешь её!!!

– Повторяй за мной. Прости меня, Маргарита! Ну же!!!

– О!!!.. Прос-ти м-меня, Маргарита...

– А если я всё-таки напомню тебе о своём существовании, пусть у меня отсохнет мужская гордость. Аминь! Ну же!!!

На лицах зрителей появились усмешки.

– Аминь! – прохрипел Ламороу.

Только теперь Виктор отпустил его, и брианец без сил растянулся на полу, а Виктор обратился к тем, что взирал на это всё в изумлённом оцепенении:

– Вы все слышали, он дал слово. Мне сказали, что слово гвардейцев герцога, а тем более праиэров, крепче стали, потому я верю ему. Маги, верь и ты.

В самом деле, как-то незаметно для себя Маги оказалась

в первых рядах, и теперь лица всех присутствующих в зале обратились именно к ней. Это было уже слишком. Она не выдержала и стремглав бросилась прочь из комнаты.

– Новичок, ты в самом деле собрался перекроить наше белье?! – хмуро поинтересовался Фил.

– Вот уж увольте. Своих забот хватает, – в тон ему откликнулся Виктор, – Но позвольте спросить, изнасиловать молоденькую девчонку для вас норма? Да какие мы мужчины, если не можем сделать так, чтобы женщина сама прыгнула в наши объятия? Я не прав? Всё. Я вас понял, – Виктор поднял два пальца и торжественно произнёс, – Даю слово уважать кодекс чести вашей гвардии, обещаю чтить его и стать вам братом. Но это обещание касается только мужчин, а не похотливых козлов.

– Круто берешь, парень, – сощурился Фил, – Но... в этом мы не намерены с тобой спорить. Верно?

Фил, а за ним и Виктор с Карлосом, обвели своих товарищей тяжёлым взглядом. Никто из них не спешил возражать. Все были возбуждены, кто больше, кто меньше. Рон, казалось, уже в следующий миг был готов вцепиться Виктору в горло, но что-то сдерживало его. Быть может, слова Фила, или поведение другого праиэра, Пита, который с как всегда непроницаемой миной на лице, уже снова сел и приступил к поглощению своей чудом уцелевшей еды.

– Пит, – окликнул товарища Фил, – Ты что скажешь?

Пит, нехотя, поднял взгляд на Глена, потом посмотрел на

Ламороу. По его лицу нельзя было даже предположить ход его мыслей. Наконец он обронил:

– Ты же знаешь, Фил, я с тобой согласен. Ламороу не стоило трогать девчонку. Лично меня действия Глена не задели.

– Ясно. Глен, это ваше с Ламороу дело, – подвёл черту Фил и тоже вернулся к ужину.

Примеру Фила и Пита последовали и большинство других брианцев. Теперь Ламороу никто не замечал. Карлос подошёл к Виктору и по-испайронски произнёс:

– Я горжусь тобой, сынок, но не лучше ли тебе пойти к нам, хотя бы пока они не остынут?

– Нет, Карлос. Теперь моё место среди них, – Виктор пожал ему руку, и Карлос вернулся на своё место.

– Завидный у тебя родственничек объявился, Карлос, – заметил один из испайронцев, – Если тебя в своё время он только подвинул, то этого Ламороу просто раздавил.

– Дети должны идти дальше родителей, а его отец как никак мой брат. Так что, знай наших, – усмехнулся Карлос, – Помяните моё слово, бестолочи, этот парень ещё даст прикурить этим проходимцам. Они ещё попляшут под его дудку.

– Да уж, если, конечно, цел останется...

А Маги плакала, плакала всю ночь, но прежняя горечь уже отступила, ведь она нашла друга там, где меньше всего ожидала, и теперь не знала, как отблагодарить за это Всевышнего.

Глава 30. Объявление войны.

В убежище старого Геньи, с лёгкой руки Жана названном «Райским уголком», наладилась размеренная, внешне спокойная жизнь. До недавних пор о местонахождении этого дома кроме самого Геньи и Анны знали ещё только три человека, особенно близких друзей Геньи. Он жил отшельником и, казалось, не тяготился своим уединением. Теперь же всё преобразилось, и эта перемена пришлась Геньи по сердцу, он вдруг ясно осознал, как устал от одинокой жизни.

Артисты тоже наслаждались этим неожиданным для них отдыхом. Странствия, которые в последнее время не приносили ни дохода, ни удовольствия, сильно утомили семью Бенуа, и эта передышка в их нескончаемом беге пришлась как нельзя кстати. Появилось время починить давно нуждающийся в ремонте фургон, заодно и разобрать старый скарб, который устрашающе увеличился в размерах. Каждый новый день артисты встречали с благодарностью, и милому счастью этой семьи можно было только позавидовать.

А вот в душах молодых дворян бушевали настоящие бури...

* * *

К Антуану сознание вернулось только через день с момента его появления в Райском уголке. Когда пелена забвения слетела с его глаз, все прочие обитатели этого места уже

отошли ко сну. И снова в первый момент юноша не понял, где оказался, но в этот раз он быстро справился с этой своей растерянностью.

Дом Геньи. Антуан почему-то уверовал в это мгновенно, хоть прежде и не бывал в этой комнате. «Я всё ещё здесь!?» – юноша ещё не понимал, радоваться ли ему этому открытию, или нет. Он приподнялся на локте и осмотрелся. Прежде всего Антуан увидел человека, лежавшего рядом с ним на кровати. Он был почти полностью покрыт тугими бинтами, даже лицо, при взгляде на него было невозможно не содрогнуться. «Анри. Стало быть, он ещё жив. Хорошо», – мысленно улыбнулся Антуан.

В этот момент прохладный ветерок раздвинул занавески на окне и, словно умывая, коснулся лица юноши.

– Очнулся?!! – раздался радостный женский возглас.

Антуан круто развернулся, от чего у него чуть закружилась голова, но тут же весь дурман как рукой сняло. Перед ним стояла Марианна!!! Как видно, она задремала, сидя около его с Анри кровати, но шум, вызванный движениями очнувшегося, разбудил её.

– Тебе нельзя двигаться! Ну-ка ложись!!! – тут же зашипела она на Антуана, и он с блаженством подчинился.

Марианна!!! Рядом с ним!!!

– Что вы тут делаете? Почему не спите? – робко спросил он.

– Почему же не сплю? Похоже, я как раз задремала... –

рассмеялась Марианна.

И как же самозабвенно запела душа Антуана!!!

А в улыбке девушки уже появился лукавый огонёк:

– И мы ведь перешли на «ты», забыл? Так как ты себя чувствуешь?!

– Чувствую? Как в раю!!! – совершенно искренне отозвался Антуан.

– Я серьезно! – потребовала девушка, и даже для пущей важности нахмурилась.

– Так я и серьезно, – Антуан просто не мог не улыбаться.

И вот снова – этот восторженный блеск в его глазах! Марианну он очень смущал, и она невольно отвела взгляд в сторону. Но у неё было слишком много вопросов, и она не желала и дальше оставаться в неведении, а потому решила продолжить разговор:

– Признавайся, когда тебя ранили? Почему ты скрыл это от нас? – и девушка снова посмотрела на юношу, – И чего ради ты вдруг так рванулся в Рунд?

– Как же много вопросов... – сокрушённо вздохнул Антуан, – Так я из-за этой проклятой раны вдруг слёг?

– Ты потерял очень много крови и провёл без сознания почти два дня!

– Что?!! Два дня?!! – изумился юноша и снова сделал попытку приподняться.

– Умоляю, лежи! – тут же запротестовала девушка и с мягкой настойчивостью, постучала ладонью по его подушке.

Конечно же, он подчинился и тут же был вознаграждён ослепительной улыбкой своей очаровательной сиделки.

– Так-то лучше, – одобрила Марианна, – Позволь выразить моё восхищение твоим самообладанием!..

Но вот это Антуан не расслышал. В его сознании всё ещё колокольным звоном гудели два простых слова: «Два дня?!!». Юноше пришлось взять себя за голову, и даже протереть глаза: «Я рванулся в Рунд? И правда, чего ради?!»

Заметив, что Антуан ушёл в себя, Марианна осторожно тронула его за руку и тем заставила его вздрогнуть.

– Виктор, да что с тобой?!

«Виктор?!!» – вот тут-то Антуан, наконец-то, вспомнил всё, и сердце его сжалось от боли.

– Я пробыл без сознания два дня?! Не может быть!!! – ужаснулся он вслух.

– Может, к сожалению... – растерялась Марианна от такой его горячности, – Ничего страшного. Мы в безопасности. У нас ещё вся жизнь впереди.

«Хочется думать...» – тяжело вздохнул Антуан и кивнул.

Рядом лежал всё ещё бесчувственный Анри. Виктор всё ещё в руках герцога, Бог весть что за этого время там произошло. А он, Антуан, валяется тут... Юноша посмотрел в чистые прекрасные глаза любимой и понял, что не хочет, просто НЕ МОЖЕТ сказать ей, что он обманул её, назвавшись чужим именем, и в результате Виктор подвергся большой опасности. Да, у него есть оправдание, но сейчас даже в его

собственных глазах это оправдание, выглядело неубедительно. Оно, конечно же, будет принято, но всё равно этот факт отложится тяжёлым грузом в памяти, сознании этой прекрасной девушки, заставит её отвернуться от него. «Нет. У меня ещё есть шанс отмотать время вспять! Я найду Виктора. Мы поменяемся обратно, и никто ничего не заметит!» – решил для себя Антуан и заметно успокоился.

Они ещё какое-то время поговорили, и в результате Антуан узнал подробности той ночи, когда Виктор помог Марианне бежать от барона из Охотничьего павильона графини де Шероль. Эта история произвела на Антуана двойное чувство. С одной стороны, ему стало очень досадно, что опять не он, а его брат, вызволил Марианну из беды. С другой стороны, это вселило в него надежду, что, быть может, ему удастся договориться с Виктором. Теперь он представлялся Антуану мудрым, достойным человеком. «К моменту нашей подмены он уже всё понимал! Он же сказал, что влип только из-за меня...» – промелькнуло в голове Антуана, – «Может быть, он всё же сможет простить мне ту порку?! Ведь в его глазах не было злобы!»

Вскоре Марианна пожелала ему спокойной ночи и удалилась, но Антуан этой ночью так и не сомкнул глаз. А как только восток начал розоветь, он встал, тихо оделся, без труда нашёл свои ножи и отправился к коням. Сил ещё было очень мало, слабость ужасающая, но решение ехать, и ехать немедленно оказалось значительно сильнее. Он уже хотел

взобраться в седло, как сообразил, что если уедет так, то может и не вернуться. Если герцог и барон до сих не нашли это место, то сможет ли он, Антуан, справиться с этой задачей? Откуда у него была уверенность, что он сможет выбраться, юноша не смог бы объяснить, но возвращаться самостоятельно... даже если он не заблудится, то может привести за собой слежку. Решение пришло тут же. Взяв уголёк, он быстро начертил на обеденном столе краткое письмо, и после этого, преодолевая ужасную слабость, исчез в лесу.

* * *

– Жан, скорее, пойдём! – Геньи толкнул Жана в бок, побуждая как можно скорее проснуться и выйти из комнаты.

Жан, почувствовав неладное, не заставил себя уговаривать. Геньи вывел его на крыльцо и подвёл к дубовому столу, за которым их честная компания имела обыкновение трапезничать. Жан, уже почти проснувшийся, хотел было присесть на скамью, но Геньи остановил этот его порыв:

– Полагаю, стоя, тебе будет легче это прочитать, – и он указал на послание Антуана.

Что ж, изумлённый Жан тут же прочитал и перечитал это неожиданное непонятное письмо:

«Простите, что исчезаю, не предупредив. Мне необходимо срочно вернуться в Рунд. Уверен, доехать туда сил у меня хватит. Но за обратную дорогу поручиться не могу. Потому прошу, встретимся у южных ворот в трактире «Привал». Жан, я буду ждать там.

Твой брат.»

– Какого чёрта?! Он же ещё вчера был подобен трупу!!! – возмутился Жан.

– Он уехал, – вздохнул Геньи, – Меня тоже изумляет этот человек. Какая нужда толкает его на эти подвиги, или лучше сказать безумства?!

Жан не знал, что ответить.

– Что ж, сынок, собирайся, пойдём искать этого упрямца. До Рунда он не доберётся, это точно, а найти его мы найдём. Слава Богу, в следах я кое-что понимаю.

Жан согласно кивнул. К моменту, когда они уже хотели уехать, на крыльце появилась Анна. Пришлось задержаться, чтобы всё ей объяснить. Её попросили всё запомнить и передать остальным. Ни Жан, ни Геньи не требовали от неё понимания, они и сами не могли понять, что происходит. Так, оставив Анну в полном изумлении, они отправились на поиски безумного героя.

К великому удивлению Геньи, тот, кого они все называли Виктором, смог выбраться из леса. Очевидно, ориентируясь по солнцу, Антуан сделал большой крюк и всё же попал на дорогу, соединяющую Рунд и Фонтэнж. Куда он направился, оказавшись на ней, уже не было загадкой. До Рунда они добрались уже много после полудня.

В трактире «Привал» было по-своему уютно и немногочисленно. Стоило Геньи появиться на пороге, как у нему навстречу бросился сам хозяин, маленький, тучный человек с

добродушным лицом:

– Геньи?! Какая честь!!! Как я рад тебя видеть!!!

– И я рад! Как поживаешь, старина? – Геньи сердечно пожал протянутую ему руку.

– Хорошо, хорошо поживаю. Давно ты не бывал у нас. Люди уже начали поговаривать...

– Не дождутся, – оборвал его Геньи, – Вот что, Пьер, лучше скажи, не появлялся ли тут парень лицом очень похожий на моего спутника?

Хозяин перевёл взгляд на Жана, и его брови поползли вверх. Отметим тут, что стараниями чудесницы Маргарет синяки Жана уже потеряли буйство красок, и сильно сократились в размерах.

– О как?! И правда похож!

– Значит уже видел такого? – понял Геньи, – И когда в последний раз?

Что ж, Пьер выразительно кивнул в сторону лестницы, и только теперь Геньи, а за им и Жан увидели, что за стоящим там столом, прикрыв лицо шляпой, спит какой-то человек. Жан в пару шагов покрыл разделяющее их расстояние и тронул спящего за плечо. Тот никак не отреагировал, но Жан уже был уверен, что перед ним брат, для этого не надо было поднимать уже такую знакомую шляпу. Он взял его за плечи и тряхнул сильнее. Тот издал тяжелый вздох и, наконец, очнулся.

Да, это был смертельно уставший Антуан. Он тут же при-

знал Жана.

– Ты приехал?! – Антуан даже попытался улыбнуться.

– Какого... ты тут делаешь?! – вспыхнул было Жан, но весь вид Антуана взывал к состраданию, и сердце Жана дрогнуло, – Нам надо уходить из города. Ты сможешь?!

– Я постараюсь...

Нет таких слов, чтобы описать как тяжело далась Антуану обратная дорога. С какого-то момента Жан перепоручил своего коня Геньи, а сам расположился позади брата, чтобы подстраховать того от падения наземь. По приезду в Райский уголок Антуан буквально свалился на руки брата и Франсуа, и те отнесли его на постель. Рана снова кровоточила, но на этот раз не так обильно. Маргарет в сердцах уже хотела дать Антуану гневную отповедь, но он с мольбой в глазах отрицательно качал головой, и целительница растерянно смолкла. Раненый страдалец прикрыл глаза и в тот же миг провалился в пучину глубокого сна.

Антуан проснулся только после полудня следующего дня. Сквозь длинные ресницы он увидел, как на уже знакомом потолке играют солнечные блики. В горле поднялся ком слёз: «Всё не так!.. Всё не так!!!» – Антуан закрыл глаза и почувствовал острое желание провалиться сквозь землю.

Вчера, преодолевая яростное сопротивление своего тела, он добрался до Рунда, что само по себе было чудом. Более того, он видел... видел, как Виктор бежал из дома Рельгро!!! Да, это был Виктор, Антуан ясно разглядел его лицо!!!

Он бежал от герцога! И сделал это играючи, смело, нахально! Это произошло так неожиданно для Антуана, Виктор так стремительно исчез, что нечего было и думать догнать его, тем более что у Антуана на это не было никаких сил. Главное, Виктор свободен. Освободился сам!

Антуан горько вздохнул. Ему припомнилась та часть его разговора с этим своим братом, когда тот ясно намекнул на грандонскую порку. «Всё знает. Помнит. Не простит. Я снова подставил его, сам исчез, бросил. У него, не в пример мне, хватило ума расколоть герцога. Он сам выбрался из этой переделки. Как не посмотри, он герой. Бездомный бродяга играючи обошёл меня во всём! И Жан герой. Сколько раз он спасал Монсаров, меня... И кто такой на их фоне я?! Сплошное недоразумение!!! Как мне тягаться с ними?! Марианна!!!» – и душа Антуана горько заплакала.

– Эй?! Так ты пришёл в себя? – вдруг раздался слабый мужской голос.

Сначала Антуану показалось, что у него начались галлюцинации.

– Эгей! Виктор? Я же слышу, ты проснулся!

Антуан снова открыл глаза, приподнялся на локте и только теперь понял, что к нему обращается Анри. Множество бинтов по-прежнему совершенно сковывали движения того, почти полностью скрывали лицо, но один свободный глаз смотрел очень ясно. Смотрел на Антуана.

– Анри?!

– Будем знакомы, – возможно, Анри хотел улыбнуться, но биты едва позволяли говорить.

– Когда ты очнулся?

– Вчера, скоро после твоего побега.

– Побега?!

– А как ещё назвать твой поступок?

– У меня были дела... – нахмурился Антуан, – Но я не собирался исчезать, – «Хотя, стоило, наверно!!!»

– Они, эти твои дела, и правда стоили твоей жизни? – Анри словно услышал его мысли.

– Жизни? К чему так драматизировать? – нахмурился Антуан и снова откинулся на подушку. Ему было достаточно слышать, видеть Анри не хотелось, да и слабость во всём теле ещё не позволяла сесть.

– Я лишь называю вещи своими именами. Ты едва не умер, – сердито произнёс Анри.

– Умер?! – Антуан решил, что ослышался, – Это вряд ли... Мои раны всегда быстро заживали. И сейчас я чувствую себя много лучше...

– Сейчас, может быть, хоть ты ещё и не готов сесть, верно? А вчера тебя привезли в страшной лихорадке. Маргарет даже заявила, что ты не жилец, ведь твоя рана начала гноиться, – похоже, Анри не собирался оставить товарища по кровати в покое.

Его слова удивили Антуана, он даже коснулся своего лба и внимательнее прислушался к ощущениям в ране.

– Что? Думаешь сочиняю? – явно усмехнулся Анри, – Это было вчера. На твоё счастье, к тому моменту я уже очнулся...

– Ты? И как это связано?... – и правда не понял Антуан.

– Просто... Я объясню, как это связано, но только если ты расскажешь, зачем ездил в Рунд.

Но Антуан не стал отвечать. Анри выждал пару минут и всё-таки попытался снова пробить эту стену молчания:

– Эй, Виктор, ты уснул чтоли? Я уверен, тебе уже должно быть много лучше. Ведь так?

– Так... – тихо отозвался Антуан и отвернулся от Анри.

Тот, скованный бинтами, не столько увидел, сколько почувствовал это, понял, что новый знакомый не желает продолжать разговор, и тоже смолк...

* * *

Непонятное поведение Антуана привело всех в сильное замешательство. Он полностью замкнулся. Отказался что-либо объяснять. Переехав в мужскую комнату, он сослался на слабость и предпочёл отлежаться. Но шквал тяжёлых мыслей, пережитых впечатлений, болезненных эмоций обрушился на него с такой силой, что грозил раздавить. При этом было почти физически больно видеть Жана. И тогда появилась Марианна. Антуан и не догадывался, что именно Жан попросил её поговорить с ним.

– Марианна, попробуй пробить его броню. У тебя получится, я уверен, – сказал Жан Марианне, тщательно скрывая, как он опасается того, что у неё, возможно, и правда

«получится». Ведь он не слепой. Он ясно видел, понимал, что и вновь появившийся брат влюбился в эту прекрасную девушку.

И, казалось, что у Марианны получилось. Скоро Антуан ожил. Будучи не в силах разрешить созданную им же дилемму, Антуан решил положиться на судьбу и пока остаться при имени Виктора, просто насладиться общением с той, о которой так грезил во сне и наяву.

Быть рядом с Марианной, только с ней, вот смысл всей его жизни, и Антуан ринулся в погоню за мечтой, что называется, «с места в карьер», наотрез отказываясь даже допускать мысль о том, что у Марианны есть право самой выбрать, кто милее её сердцу. Этот вопрос он решил за неё окончательно, и теперь прилагал все мыслимые усилия, чтобы скорее разъяснить ей очевидность того, что именно он, Антуан, является тем единственным мужчиной, с которым она может связать свою дальнейшую жизнь. И будучи человеком не бесталанным, Антуан изрядно преуспел в деле затмевания своего конкурента.

Ему удалось практически полностью занять внимание Марианны, он чутко реагировал на перепады её настроения, на всё случаи жизни у него была в запасе занятная история, у него мастерски получалось создавать ситуации, когда Жан и Анна чувствовали себя лишними и были вынуждены оставлять их. Казалось, победа уже в его руках.

Что же касается братских чувств... то о них пытался хло-

потать лишь Жан, но, не находя должного отклика, все его усилия разбивались вдребезги, как волны о скалы. Какие только страсти не раздирали душу Жана: злость, страх, досада, обида, и в то же время любовь и надежда... Ему было мучительно больно видеть, как бесцеремонно брат отнимает у него право даже находиться рядом с любимой девушкой, а чувство своего полного бессилия противостоять этому будило в его душе тёмные, до селя не знакомые мысли, которые ему пока удавалось держать в узде. Его неискушенному в таких делах уму было не под силу вести столь тонкую и жёсткую интригу. Он любил, просто любил, но оказался совершенно не способен противостоять напору брата, брата, который неумолимо становился его главным врагом...

«Врагом?! Правда?!» – однажды признался себе и ужаснулся Жан.

Воспитание и братское отношение к Анри не позволяли ему так просто скинуть со счетов факт родства с Антуаном, он не мог не уважать его, как брата, который к тому же до такой степени похож на него, что даже влюблён в ту же девушку. Жану требовалось время чтобы решить для себя эту проблему, прежде всего снова обрести внутреннюю опору, и как-то само собой получилось так, что он отошёл в сторону. Что ж, Геньи с удовольствием принял его предложение о помощи, и они вместе стали исчезать из Райского уголка, уходя то на охоту, то по дрова...

Стоит сказать, что Марианна видела всё это, но не реши-

лась что-нибудь изменить. Антуан был очень интересен и мастерски навязчив. Понимая проблему Жана, Марианна искренне сочувствовала ему, но что-то внутреннее, чисто женское, не давало ей протянуть ему руку помощи. Да и зачем?.. Они оба влюблены в неё, одинаково красивые и достойные люди. Начав помогать Жану, она бы выказала ему предпочтение, а с какой стати? Пока не было никаких явных причин предпочесть одного другому. Или уже были?..

Видя этот жестокий треугольник и к своему великому сожалению, не находя в нём места для себя, Анна тоже поникла. Ей тоже очень нравились близнецы. Было что-то в их внешности притягивающее, завораживающее. Несомненно, графине де Шероль приходилось видеть мужчин и красивее, но у близнецов красота была необыкновенно живая, доступная, располагающая. И не в красоте главная проблема, а в романтическом ореоле, которым окутало эту внешность её воображение.

Да и в самом деле, как чудесно спас Жан жизни Анри и уже не один раз Марианны, как провёл Виктор барона! Как они оба галантны, воспитаны, благородны. Может быть, имя Виктора чаще всплывало в её мыслях, и это понятно. Жана она как-то сразу, ещё при их первой встрече, признала за Марианной. А вот Виктор... Разве возможно было забыть его восхищённый взгляд, когда он впервые увидел её, Анну?! Да тут ещё и чувство вины, как она могла усомниться в нём... Впрочем, это уже стало далёким прошлым, сладко-горьким

миражом... Теперь оба бредят Марианной, и это начало убивать Анну. Она даже почувствовала, что скоро возненавидит свою новую подругу, и искренне страшилась этого.

И Анри... Намертво прикованный к кровати, он был вынужден выполнять роль пассивного зрителя, а это было так не в его духе. Эта пусть и временная пассивность была ему в тягость ещё и потому, что он без памяти влюбился в Анну, влюбился, что называется, с первого взгляда. И вот, лежать и созерцать, как Анна тускнеет от ревности к Марианне, как Бог весть откуда взявшийся Виктор высасывает из лучшего друга все жизненные соки, а родная сестра потакает этому...

Жан от части угадал причину внутреннего смятения друга, и уже строго-настроено запретил ему вмешиваться в битву близнецов за внимание Марианны, но искушение поправить положение росло в душе Анри ежечасно. Он очень быстро двигался по пути выздоровления, но ещё быстрее терял терпение... И вот однажды, ему удалось сдвинуть эту глыбу с места...

* * *

Было уже не очень раннее утро. Начинался девятый день пребывания беглецов в Райском уголке. Антуан только что проснулся и по обыкновению пришёл на озеро, чтобы умыться. Душу его страшно смущала мысль, которая накануне снова не давала ему заснуть – Марианна считает его Виктором! До каких пор это может продолжаться?!

Да, ему удалось повернуть дело так, что не пришлось при-

думывать какой-то чуждый ему образ, обошлось только заимствованием имени, а всё остальное – образование, воспитание, объяснено в один миг и безоговорочно принято всеми: лжеВиктор вырос при дворе герцога Гизрака и его положение там в силу особой симпатии герцога мало чем отличалось от положения неродовитых дворян, а после гибели герцога на дуэли, лжеВиктор оказался выдворен вон, и ему пришлось самостоятельно заботиться о своём пропитании, но вот тут-то и подвернулся барон Парадесс... Да, всё оказалось очень просто, просто выдать себя за Виктора, просто оттеснить от Марианны Жана и занять своей персоной всё её внимание. Непросто только выйти из этой игры и назваться собственным именем. Как же это непросто!!!

«Чем дольше я тяну с этим, тем труднее будет признаться!» – Антуан присел у воды и уже в который раз задумался над своей бедой, – «Время только ту же завязывает узел. Чёрт побери! Я же понимал это с самого начала! Почему было не сказать правду сразу?! А теперь, как она отнесётся к тому, что любимый ею человек так упорно обманывал её?.. Как я мог бросить брата?! А потом уже столько дней рассказывал сказки о своём прошлом... Вот что придётся ей объяснять. А как? Как?! Ох уж мне эти братья...»

Антуан резко зачерпнул воды и плеснул ею себе в лицо.

– Жан, ты забыл полотенце, – вдруг раздался у него над головой голос Марианны.

«Жан?! Она приняла меня за Жана?!!» – не поверил сво-

им ушам Антуан.

Несмотря на их феноменальное сходство, до сих пор люди как-то решали этот ребус, ориентируясь на одежду, поведение. Это было впервые, когда Антуан так определённо был принят за Жана. И кто ошибся?!

– Марианна?!

– Я. На вот, оботрись, – лучезарно улыбалась испайронка, и в душе Антуана снова проснулась змея ревности: «Это она ему так улыбается! Чёрт возьми, с какой стати?!»

– Благодарю, не стоило хлопот, – и юноша поклонился.

– Мне не трудно, – девушка кивнула в ответ и смущённо потупила взор.

Они вместе направились обратно к дому. Антуан скоро поймал себя на мысли, что пикантность ситуации стала не только раздражать, но и очень забавлять его. Он решил подыграть, кто знает, когда ещё представится такая возможность узнать, как на самом деле обстоят дела...

– Жан, можно тебе задать один вопрос? – Марианна вдруг нарушила молчание.

– Конечно.

– Чем я тебя обидела?

– Обидела?

Брови Марианны приподнялись, переспрашивать было типичной чертой Виктора, но девушка тут же списала это на то, что она ещё плохо знает Жана, а ведь юноши близнецы.

– Мне показалось, что ты за что-то обижен на меня... Ведь

ты не будешь отрицать, что в последнее время стал избегать меня?

Антуан улыбнулся и уже хотел было мягко возразить ей, но в этот момент в его душе вдруг поднялся страшной силы протест, и он сказал то, чего ещё миг назад сам от себя никак не ожидал:

– Избегать? Просто у меня есть дела и поважнее, нежели ходить за тобой словно тень. Кто-то должен позаботиться обо всей этой братии, включая и праздно воркующих голубков. Около тебя постоянно крутится человек с точно таким же лицом, как и у меня. Неужели недостаточно?

– Жан? – Марианна даже остановилась в растерянности. Она никак не ожила такой грубой отповеди.

– Простите, сеньорита, меня ждёт Генья...

И Антуан, прибавив шагу, поспешил к дому. «И это всё, на что ты оказался способен?!» – изумился внутренний голос и тут же возразил сам себе, – «Ладно, пусть узнал немного, зато масла в огонь подлил. Этой выходки она ему не простит, а он даже и не заметит!» Так, назвавшись чужим именем, Антуан допустил в душу беса и начал с ним диалог...

Марианне потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя от услышанного. Да, может быть, она неправильно сформулировала вопрос, но одно очевидно, Жан очень обижен на неё, и позволил этой обиде излиться вот в такой форме. Жан выразился жёстко, но... скорее всего справедливо... Эти слова очень расстроили Марианну, и чем дольше

она обдумывала услышанное, тем ближе подступали слёзы.

– Сестрёнка!

Марианна обернулась на голос и увидела забинтованное даже страшноватое лицо Анри. Оказывается, эта растерянность застала её как раз напротив окна, из которого её брат наблюдал за жизнью Райского уголка. Девушка поспешила подойти ближе:

– Что случилось, Анри?

Кровать раненого была так развернута и приподнята, что он без труда мог видеть всё происходящее на улице, и сейчас ему не пришлось прилагать какие-либо усилия к тому, чтобы разглядеть лицо сестры.

– Это я у тебя хочу спросить, что случилось. Что тебе сказал Виктор?

– Причём здесь Виктор?

– Я видел, ты так расстроилась после того, как он тебе что-то сказал.

– А, ты об этом... Ничего страшного, да и не Виктор это был, – и Марианна отвернулась, чтобы Анри не дай Бог не заметил, что у неё глаза на мокром месте.

– Плохая шутка, сестра.

– Какие тут могут быть шутки? Это был Жан, – и в голосе Марианны послышалось раздражение.

– Вот как?! Ты хочешь сказать, что мой один глаз видит лучше твоих двух?

Это заявление брата обескуражило Марианну, заставило

медленно повернулась.

– Почему ты так уверен?

– Да если бы я даже не знал, что Жан уже два часа как на ногах и в этот самый момент они с Геньи колют дрова, хотя... – Анри прислушался, – Похоже, уже закончили... Всё равно я бы понял это. Жан ещё ни разу не прошёл мимо моего окна, не бросив на меня взгляда. Да и вообще, они хоть и похожи, но не копии друг друга. Они разные, очень разные!

– Анри...

– Так, значит, Виктор выдал себя за Жана. Дождались! – подвёл черту юноша, – И что он тебе наговорил?

Марианна очень растерялась.

– Я хочу знать, сестрёнка! – потребовал Анри.

– Да ничего страшного, не беспокойся ты так. Просто я спросила, не обидела ли я его чем-либо... Мне показалось, что он стал меня избегать... А он обрушился на меня с упрёками, мол не многовато ли мне будет развлекаться сразу с двумя столь похожими людьми, что у него есть дела и поважнее, чем бегать за мной словно тень... Но это был Жан!

– Да Жан скорее свой палец откусит, чем позволит себе словом или делом обидеть тебя! Он же молится на тебя, как на святую!!!

– Анри... – Марианна нахмурилась, – Ты так уверен... Вот что, я сейчас же проверю это. И если это действительно был Виктор, то ему не поздоровится. Только не говори пока ничего Жану. У них и без того натянутые отношения.

– Вот ведь взяли манеру загружать мою и без того тяжёлую от бинтов голову всякого рода тайнами. Пожалуйста, не скажу, если ты так хочешь, тем более что Жан строго настрого запретил мне совать нос в эти ваши дела.

– Что ты хочешь сказать? – тут же насторожилась Марианна.

– Ничего, ничего...

– Начал, так заканчивай!

– Да и пожалуйста. Жан запретил мне говорить с тобой о нём, обо всех вас, чтобы я не мог повлиять на твой выбор.

– Выбор между ними?

– Да. Но меня пугает, что ты никак не научишься их различать. Марианна, без этого вас ждёт много неприятностей, и сегодня Виктор это доказал. Разберись, сестричка!

При таких словах брата Марианна невольно нахмурилась:

– Я обязательно разберусь. Клянусь, теперь они сотню раз подумают, прежде чем решиться так разыгрывать меня!

– Кому-то не нравятся розыгрыши? – вдруг раздалось со стороны двери.

Марианна круто развернулась на звук этого голоса. Верно, на пороге комнаты стоял... один из близнецов. Он держал поднос полный яств. Один шаг, и вот уже близнец около кровати Анри, а поднос на столике рядом. Освободив руки, юноша присел на кровать и, ободряюще улыбнувшись, пожал забинтованную руку Анри.

Тот кивнул и повернулся в сторону Марианны:

– Тебе надо объяснять, кто это?

Марианна залилась краской страшной досады. Здесь комментарии были излишни.

– Так ты слышал наш разговор? – теперь Анри повернул голову к Жану.

– Самый его конец, – тот сразу стал серьёзным. Он медленно развернулся к Марианне и подарил ей долгий печальный взгляд, – Марианна, тебя ждут к завтраку, Маргарет сегодня превзошла сама себя. И не стоит хмуриться. Ты прекрасна и в гневе, но всё же гораздо милее, когда улыбаешься...

Но Марианна не двинулась с места и продолжила напряжённо всматриваться в лицо Жана, упрямо отыскивая в нём что-нибудь, что в дальнейшем сможет уберечь её от ошибки, но сделать это было очень непросто. Поняв всю тщету своих усилий, она взорвалась:

– Будь проклято это ваше сходство! У меня уже голова кругом идёт! Терпеть не могу, когда меня дурачат!

В тот же миг брови Жана удивлённо приподнялись, а в глазах появился лукавый огонёк:

– Сколько шума и огня! Марианна! У тебя ведь всё в порядке с юмором, не так ли? Виктор всего лишь пошутил.

– Всего лишь?! – Марианна отказывалась верить своим ушам, а притаившийся Анри теперь внутренне умирал от смеха и слёз одновременно.

– Да, всего лишь, – повторил Жан, вставая и подходя к

окну, за которым по-прежнему стояла Марианна, – Ты даже не представляешь, какое это искушение, будучи абсолютно похожим на другого человека, ещё и шкуру его примерить. Тебя это так оскорбило? Уверен, Виктор раскаивается в содеянном, а я в свою очередь теперь даже и попытаюсь не стану. Всё... Ни я, ни, уверен, он зла тебе не желаем, так будь снисходительнее. Ну же, Марианна?

И взгляд темпераментной испайронки смягчился, ведь в этот момент Жан смотрел на неё так, как смотрел Анри в ту ночь в Рунде, когда успокаивал её, глядя по голове, как смотрела бабушка, в очередной раз вразумляя свою взрывную внучку – столько тепла и любви было в этот взгляде.

– Вот и ладно, – просиял Жан, заметив в ней эту перемену, – Забыли? А теперь, тебя ждут... – и Жан, поддавшись внутреннему порыву, коснулся её руки.

И это стало чем-то совершенно новым! Марианну словно прожгла молния! И она обратила изумлённый взгляд на эту руку. Почему её охватило такое странное смятение? Его теплое нежное касание неожиданно сильно встревожило девичье сердечко. Почему? Ведь Виктор уже ни раз касался этой руки, и такого не было! В тот же миг Жан весь смешался и медленно отвёл руку. Марианна подняла взгляд к его лицу и... Да, глаза Жана полны любви к ней, но любви не братской и тем более не отеческой...

– Иди же, Анри не простит мне, если я позволю тебе умереть голодной смертью, – совсем смутился Жан, медленно

пяться к кровати друга.

– А ты?

– Сегодня моя очередь покормить нашего младенца, – при последнем слове в глазах Жана снова заиграл лукавый огонёк, к нему вернулась прежняя его добрая уверенность, – Мы уж тут как-нибудь сами разберемся, без женского участия.

– Вот встану, и ты ответишь мне за младенца!!! – вскипел Анри, облачая переполнявшую его радость в краски гнева, ведь от его внимания не ускользнули все тонкости произошедшего разговора, и это доставило ему большое удовольствие.

– Т-ссс! – тут же зашипел на него Жан, призывая ко спокойствию, – Отвечу, но, когда встанешь, а сейчас, друг, извини, но ты в полной моей власти.

И Марианна от души рассмеялась.

– Да, вижу, я здесь и правда лишняя, – с тем она и растаяла, словно дивный мираж.

В тот же миг веселье с Жана как рукой сняло, и он вопросительно посмотрел на Анри:

– Она была очень сердита. Что же он ей такого наговорил?

– То-то! Ты бы спросил об этом прежде, чем начал его защищать, – и Анри тяжело вздохнул.

– Говори.

– Правда? Можно? Впрочем... в принципе, ничего страшного, – и Анри передал тот разговор, всё, как услышал со

слов Марианны.

Жан взял со стола тарелку, ложку и на минуту задумался.

– Эй, старик! – окликнул его Анри, – За сестру, конечно, спасибо, её ты отправил к завтраку, а про меня что ж, уже забыл?

– Видно пришло время нам с ним выяснить отношения, – взгляд Жана прояснился. – Мой брат зашёл слишком далеко, он начинает наносить удары ниже пояса.

– Да уж, поговори с ним, давно пора, – одобрил Анри.

– Да будет так, – Жан тряхнул головой и деловито развернулся к другу, – Ну-ка, открывай ротик, детка...

* * *

Марианна и правда появилась за столом последней. Её встретило дружное постукивание ложек о тарелки и хруст сухарей. Аппетитные запахи мясного жаркого, поймавшие её в свои сети ещё в комнате Анри, уже успели растравить зверский аппетит, но ещё больше было желание увидеть глаза Виктора. Что ж, Марианна увидела их и... содрогнулась. На нее смотрел Жан, точнее лицо Жана, та же светлая улыбка, тот же ласковый обожающий взгляд, и это вызвало в душе девушки сильнейшее смятение. Она словно в тумане заняла место рядом с Антуаном, благо оно единственное было свободным. В чувства её привёл всё тот же так смущающий её в последнее время голос:

– Почему ты не ешь? Неужели не нравится?

Марианна подняла на Антуана вдруг прояснившийся

взгляд:

– А ты ничего не хочешь мне сказать?

И Антуана прожгла мысль: «Она всё узнала?! Уже?! Ну да, конечно, она встретила Жана... И бросилась продолжать выяснять с ним отношения? Вот уж не ожидал, что у неё настолько мало самолюбия!»

– Виктор, – Марианна давала Антуану последний шанс признаться, и он это понял.

– Прости, – юноша опустил глаза, – Не знаю, что на меня нашло... Ты появилась так неожиданно и вдруг назвала меня Жаном... Прости. Я не хотел тебя обидеть.

– Ты хотел, чтобы я обиделась на Жана. Верно?

Сердце Антуана ёкнуло, он резко вскинулся и замер: «Э, да, кажется, я совершил громадную ошибку!»

– Значит я права, – заключила Марианна и взялась за ложку, – И после этого ты просишь у меня прощения. А не узнай тебя Анри, то ты бы и не подумал извиниться? Или даже больше, стал бы продолжать и дальше в этом духе?

«Анри! Разрази его гром! Это из-за Анри!» – только и отобразил Антуан. Он чувствовал, что почва уходит у него из-под ног, но он всё ещё отказывался в это поверить.

Никто за столом не обращал на них внимания, или точнее сказать, все делали вид, что не видят и не слышат их разговор. Правда, расслышать-то было трудно, Марианна и Антуан говорили шепотом...

– Марианна, я правда, искренне прошу у тебя проше-

ния! – теперь Антуан смотрел прямо в глаза девушки, и она видела, что он в самом деле очень сожалеет о случившемся, но раскаивается ли, в этом она не была уверена. А Антуан продолжал, – Впредь я никогда не стану выдавать себя за Жана, обещаю!.. Но почему ты из-за моих слов должна была обидеться на него? Я сказал тебе грубость, или соврал? Марианна, разве он и правда не пропадает всё время в обществе Геньи?.. Поверь, я не хотел даже от его имени обидеть тебя, а если и выразился несколько неловко, то поверь, не по злому умыслу. Просто мне было горько узнать, что в нас, в смысле в близнецах, ты скорее видишь его, а не меня... Сорвался, прости...

И Антуан отвернулся. Марианна подсознательно поняла, как не просто ему произносить эти слова, каких усилий ему стоит заставить себя попросить прощения, и сердце её дрогнуло.

– Хорошо. Но помни, ты мне обещал. Никогда больше не делай так.

Антуан, ещё не доверяя своим ушам, медленно поднял на неё глаза, и в них засветилось такое неподдельное счастье...

Больше между ними за столом не было проронено ни слова, но у обоих на душе стало много легче.

* * *

Жану не пришлось долго искать Антуана. Тот, не зная куда податься после завтрака, присел на бревно около конюшни. Утреннее смятение, которое так неожиданно было

прервано Марианной, теперь с ещё большей силой сковало его душу. С одной стороны было сильно желание остановить этот безумный бег под чужим именем, а с другой – он остро чувствовал, что кризис их отношений, его, Марианны и Жана, вот-вот выльется в ураган. И появление Жана почему-то его не очень удивило.

– Скучаешь? – поинтересовался Жан, присаживаясь рядом.

– Почему сразу скучаешь? Просто задумался, – Антуан даже не повернулся в сторону брата.

– О чём же, если не секрет? – Жан почувствовал холодность тона брата, но решил пока не поддаваться этому его настроению

– Секрет, – отрезался Антуан.

Жан не растерялся.

– Твоё право... У меня предложение, мы с Геньи собираемся в лес проверить силки. Присоединишься?

– Нет.

– Что так?

– Я ещё не окреп после ранения.

Жан сощурился:

– Да, конечно, осмотр силков – это не побег в Рунд... Но не стоит мне-то рассказывать сказки про твою рану.

– Сказки? Ты вообще о чём? – и правда заинтересовался Антуан.

– Маргарет не устаёт воспевать чудо в том, как быстро ты

поправляешься, – и Жан усмехнулся так, словно знает природу этого чуда, – Как бы то ни было, твоя рана уже стала историей, верно? Может быть, чуть ноет, но не более. Через день два, сможешь даже плавать...

Что ж, Антуан не стал скрывать своё удивление:

– Ты-то откуда знаешь? Маргарет рассказала? Впрочем, нет. Она сама каждый раз, осматривая меня, охает и ахает, словно впервые такое видит.

– Так, верно, ведь? – и Жан загадочно улыбнулся, – Так что... твоя рана – это не то, что может тебе помешать присоединиться к нам с Геньи. Согласен? Поэтому я готов повторить приглашение. Ты пойдёшь сегодня с нами?

В ответ Антуан сердито сощурился. Ему очень не понравилась эта затеянная Жаном игра в иносказания.

– Нет, – отрезал он жёстко.

Жан с досадой качнул головой и уже без всякого энтузиазма в голосе поинтересовался:

– И чем ты намерен заниматься?

– Я обязан отвечать?

И Жан кивнул, как бы подводя итог сказанному:

– Иначе говоря, а не пошёл бы ты, братец, куда подальше... Нет, пока не пойду. Не кажется ли тебе, что пришло время нам выяснить отношения?

– Что здесь выяснять? Лично мне всё ясно, – заявил Антуан, но на этот раз всё-таки с нескрываемым интересом в глазах наконец развернулся к Жану. Его заинтриговал тон

брата, потому как до сих пор он даже не представлял Жана в гневе, а сейчас появился шанс сделать такое открытие, стало ясно, что Жан настроен решительно.

– Всё? Тогда скажи, причина такого твоего поведения кроется во мне, или в... Марианне? Только теперь честно, не надо ссылаться на раны и настроение.

– Успокойся, хватит и Марианны, – уступил-таки Антуан.

– Превосходно! Вот и добрались до главного. Думаю, нам пора заключить соглашение, иначе у нас может не остаться шансов увидеть друг в друге братьев. Мы оба любим Марианну, любим всеми силами души. Мы похожи до безобразия, и не удивлюсь, если и в шпагах окажемся равными... Но как бы там ни было, согласись, право выбора остаётся за Марианной! Это справедливо. Это ей решать, кто милее её сердцу! А мы просто должны дать ей время для этого решения, а потом принять его. Ты согласен? Мы должны пообещать друг другу, что примем её выбор, каким бы он ни был...

– Ого! Да в тебе проснулось такое красноречие!!! Признаться, я удивлён! Очень удивлён! – брови Антуана чуть приподнялись, а губ коснулась тень улыбки, – Что ж... Ты здесь заикнулся о справедливости. «Мы равны»... «Она сама должна сделать выбор»... Замечательно! А как же Антуан де Валеньи? Ведь он первый из нас увидел её и полюбил, он первым решил просить её руки. Так как же быть с ним? Если уж говорить о справедливости, то Марианна должна выбирать из троих. А если и Эжен объявится и присоединится?

Значит надо подождать, пока все соберутся. Лишь так будет справедливо. Ты со мной согласен? – Антуан, изогнувшись, посмотрел на Жана снизу вверх и горестно усмехнулся.

Жан стал подобен грозовой туче и отвечать не спешил. И тогда Антуан разразился нервным смехом:

– Справедливость... Пусть сама решает... Прости, брат, ты меня за дурака держишь? О какой справедливости может идти речь, когда тебя двигает вперёд её любимый братец? Да, я про Анри говорю. Марианна его слов мимо ушей не пропускает, а на чьей он стороне уточнять не надо. И ты ещё смеешь говорить, «пусть она сама решает»... Да, кто здесь что решает?! Очнись! Нас ведёт слепой случай. Именно случай свёл тебя с Марианной в Туманной Гавани, меня с бароном, всех нас здесь, а неудачника Валеньи оставил в Грандоне.

От таких слов брата Жан едва не сорвался, он даже позволили себе хлестнуть кнутом по близ стоявшему кусту:

– Превосходно! Значит, так ты думаешь? Что ж, не могу отрицать, в твоих словах много резону... Но я хочу, чтобы ты знал, Анри строго настрого запрещено вмешиваться в наши дела. Он мне слово дал! Так что тут мы равны!

– Да ну?! А сегодня? А сегодня он не вмешивался?

– Сегодня? Если уж речь зашла об этом... Марианну очень расстроила твоя выходка. Ничего удивительного, что она обратилась за поддержкой к брату...

– Вот и я о том же! Он исказил смысл произошедшего в

твою пользу!..

– Ты в этом уверен?! – брови Жана сошлись, словно две тучи, – Я случайно оказался в курсе. Не появись я у Анри, чтобы покормить его, это так и осталось бы для меня тайной, но, если бы Анри не открыл Марианне глаза, ты, видимо, продолжил бы и дальше бить меня ниже пояса, пользоваться тем, что она пока плохо нас различает, и втаптывать меня в грязь. Верно?

– Давайте же, скажи, что ты и сам не собирался делать то же самое? – и Антуан зло сощурился.

– Ты знаешь, что нет! Но, похоже, списываешь это на моё тупоумие, наивность, недалекость, или не знаю на что ещё. И всё же... Вот, что я тебе скажу. Ты слишком торопишь события. Она ещё путает нас!!! Ты понимаешь, что это значит? О какой любви с её стороны здесь может идти речь?! Мы ей нравимся, но не более. Сегодня она тебя приняла за меня, завтра произойдёт наоборот, и в этой ситуации ты хочешь решить всё одним махом?! Как это возможно?! Знаешь, что... Кстати, ты вспомнил о де Валеньи. А и правда, давай дождёмся встречи с ним, дадим ему право поучаствовать в этом состязании.

Теперь и Антуан вскочил на ноги. То, что Жан вдруг «вступился» за права де Валеньи страшно задело его. Он вдруг понял, что его брат не так уж и прост. Вон как повернул ход этого их разговора!

– Я люблю её больше жизни, и не намерен делить её ни

с кем-либо из вас! – выпалил в запале Антуан, – Ты доби-
ваешься, чтобы я открыто объявил тебе войну? Изволь. Ты
желаешь, условиться о правилах? Так я скажу. Никаких пра-
вил, за исключением разве одного, я сегодня дал ей обеща-
ние никогда больше не выдавать себя за тебя. Ты, похоже,
тоже успел ей это пообещать. Вот на этом и сойдёмся. И не
пытаться уверить меня в безучастности Анри. Только тебе эта
дружба не поможет. Я привык добиваться своего, и теперь
тоже добьюсь.

– Чёрт тебя возьми, Виктор! – Жан тоже вскипел, – Да
ты с ума сошёл! Твою душу обуревают бешеная страсть, а
не любовь, и, если ты не совладаешь в ней, она сожрёт те-
бя. Конечно, это дело твоего выбора, но изматывать Мари-
анну я тебе не позволю. Если ты когда-нибудь доведёшь её
до слёз, причинишь ей боль словом или делом, тебе предста-
вится возможность узнать меня получше.

– Ого! Вот мы добрались и до угроз. Блеск! – и Антуан
нервно рассмеялся, – Терпеть не могу лицемерия... И что же
ты со мной сделаешь, позвошь узнать?

– С тобой? Не знаю... пока... Но учти, Марианну я тебе
на растерзание не отдам, – Жан подарил брату страшно тя-
жёлый взгляд, круто развернулся и едва ли не убежал прочь.

* * *

После завтрака Марианна сама не заметила, как позволи-
ла Анне увести себя в женскую комнату. Беззаботно болтая
о прелести погоды и обжитого ими местечка, девушки скры-

лись с глаз остальных обитателей Райского уголка. Только оказавшись один на один в чисто прибранной, сказочно уютной комнате, Марианна почувствовала, что подруга замыслила начать какой-то очень непростой разговор, и это её напугало, она даже попробовала уклониться, ведь ей уже хватало впечатлений от утренних выяснений отношений, но Анна была тверда в своём намерении:

– Нет, Марианна, не перебивай меня. Хватит о цветах и птицах. На самом деле у меня нет ни желания, ни сил обращать внимание на эти красоты. Мне жизненно важно с тобой поговорить, понимаешь? Иначе я сойду с ума!

Под таким пламенным напором Марианна не устояла, даже отпрянула, невольно нахмурилась. Ведь здесь к гадалке не ходи, сейчас подруга поставит её перед лицом огромной проблемы! «Как же не хочется!» – мысленно заскулила Марианна, почти с мольбой о помиловании заглянула в глаза Анны, и... тут же забыла об этих своих страхах. Так бывает, когда сталкиваешься с чужой болью, когда принимаешь её словно свою. Да, в прекрасных глазах Анны стояли слёзы.

– Что случилось?! – совершенно искренне ужаснулась испайронка.

– Что? Я... Я хотела тебя спросить... Вот только не знаю... как... – Анна с великим трудом подбирала слова.

Марианна решительно взяла подругу за руку и ободряюще улыбнулась:

– Говори прямо, как есть!

Анна кивнула, набрала полную грудь воздуха и вдруг выдала:

– Они оба любят тебя! Оба!!! – выпалила это, и сама же ужаснулась, залилась краской смущения.

Марианна сокрушённо кивнула. Что тут возразишь...

– Почему?.. – едва слышно произнесла Анна, – Да, они близнецы, но почему... они должны любить одну женщину?

– Иначе говоря, ты хочешь, чтобы я поделилась, – отрезала Марианна, при этом она очень постаралась смягчить твёрдость слов интонацией, но что сказано, то сказано.

Такая прямота испайронки прямо-таки шокировала Анну, лишила дара речи.

– Я угадала, – Марианна горько улыбнулась, – Прости, это прозвучало очень грубо... Но я привыкла называть вещи своими именами.

Нет, это было как-то уж слишком. Анна непроизвольно начала отрицательно крутить головой из стороны в сторону и даже отступила, отвернулась, переплела руки на груди в крепчайший замок и так замерла.

«Ох, зачем же я так?!» – ужаснулась и Марианна, сморщилась, словно проглотила лимон, – «Вот чуяло моё сердце, не время и не место сейчас... Но Анна... Такая красивая, такая замечательная! Она как никто другой заслуживает счастья! И я её безмерная должница! Нет... если я могу ей чем-то помочь, я просто обязана!!!» – и Марианна решилась, подошла к подруге сзади и нежно обняла её за плечи. Пер-

вым порывом Анны было отстраниться, но она не успела это сделать. Прикосновение Марианны было нежным, тёплым, и Анна всё-таки уступила, приняла искренность этой заботы.

В этот момент они стояли у окна, кружевная штора надёжно скрывала их от случайных взглядов проходящих мимо, но зато сами девушки хорошо видели, как близнецы у конюшни о чём-то разговаривали.

– Вон они, оба, – вздохнула Анна. – Ты отличишь, кто есть кто?

Марианна замешкалась:

– Возможно, но... если честно... я боюсь ошибиться.

– Вот видишь, как бывает, ты не можешь уверенно отличать их, а я даю руку на отсечение, что справа Виктор, а слева Жан. Они держатся по-разному, они вообще очень разные люди... Ты не можешь их различать, может быть, потому что с близкого расстояния плохо видно. Я их различаю. И что же с того?

Анна тяжело вздохнула и всё-таки решилась излить подруге душу, это было жизненно необходимо для неё:

– Да, твои слова прозвучали очень... жёстко, но да... Ладно. По сути, ты задала вопрос, верно? Если уж начистоту, то в ответ я расскажу тебе историю. Не бойся, она короткая. Мой папа скончался лишь два года назад. Перед смертью он взял с меня обещание не покидать Шероль до тех пор, пока я не обручусь с достойным человеком. Никаких поездок в Фонтэнж. Никаких других городов кроме Рунда. Я возмути-

лась, мол как я найду мужа на таких-то условиях. А он вдруг заявил, что ходил к очень знающей гадалке, и та уверена пообещала ему, что мой суженый сам меня найдёт, здесь, в Шероль. Папа сказал, что однажды в мою жизнь войдёт огнедышащая испайронка благородных кровей и попросит о помощи. В тот день я увижу и его, моего будущего мужа.

– Что!?! Ты сейчас серьёзно!? – ошеломлённая Марианна даже заставила Анну развернуться, так ей захотелось всмотреться в глаза подруги.

Та не стала возражать и грустно улыbnулась в ответ:

– Припомни, не показалось ли тебе странным моё поведение в день нашего знакомства?

– Да, верно... Верно! Было что-то очень странное в том, что и как ты тогда делала... – Марианна была вынуждена согласиться, – Но в тот день ты познакомилась сразу с обоими близнецами! Да ещё и мой брат...

Но Анна отрицательно повела головой:

– Жана я увидела лишь ночью. Не уверена, что можно говорить о том, что это произошло в тот же день, скорее на утро следующего дня... А с Анри я познакомилась, по сути, только когда он очнулся. Нет, не думаю... Но я помню во всех подробностях мою встречу с Виктором... И, раз уж пошла такая откровенность... Я бы так много отдала, чтобы вернуться в тот момент нашей первой встречи! Если бы он ещё хоть раз посмотрел на меня также, как в тот день...

Марианна искренне смешалась. Она снова различила в

глазах подруги слёзы, и вдруг всем сердцем ощутила её боль.

– Прости! – горестно выдохнула Марианна.

В первый момент Анна решила, что ослышалась. Но нет, гордая испайронка и правда исполнена искреннего сожаления.

– Ох, Марианна, милая моя подруга! – и Анна даже всплеснула руками, – Поверь, я ни в чём тебя не виню... Но...

– Может быть, и без вины, но я виновата, – Марианна горько поджала губы, – Мне и самой страшно неловко... и больно видеть и твою печаль, и их... разлад.

– Разлад? Да, верно. Боюсь, это уже даже что-то большее, – Анна взялась за руку Марианны и заставила её снова посмотреть в сторону близнецов, – Что, если это уже не разлад, а... война? Соперничество всё больше и больше отдаляет их друг от друга.

– Постой, ты думаешь, если я... я сделаю между ними выбор, их отношения улучшатся? Правда? – эта мысль вдруг так взволновала Марианну, что она снова развернулась к Анне, словно та и правда знает ответ.

– Я не уверена... – блондинка непроизвольно замотала головой, но вдруг осеклась, – Впрочем... возможно, да, хоть... нет... не знаю... точно не сразу. Отверженному понадобится время, чтобы прийти в себя, но потом он успокоится и... – озвучивая свои мысли, Анна буквально теряла силы, и голос её становился всё тише и тише.

– ... обратит внимание на тебя? – заключила Марианна. Анна тут же вспыхнула, и Марианна поспешила извиниться:

– Прости меня! Пожалуйста, прости! Я снова непозволительно прямолинейна!

Что ж, Анна сокрушённо вздохнула и... кивнула:

– Да, непросто в таком признаваться. Но да, верно. Я на это надеюсь...

– Ты же понимаешь, что это может произойти очень нескоро, – рискнула заметить Марианна.

– Я готова ждать столько, сколько потребуется... – и Анна горестно поджала губы.

– Ты говоришь, что можешь их различать... И твоё сердце принадлежит Виктору. Я верно поняла? – Марианна честно старалась аккуратнее подбирать слова, но в таком разговоре, когда идёшь по хрупкому льду, даже предельная осторожность смертельно опасна.

Анна отрицательно замотала головой, и по её щеке соскользнула-таки горькая слеза.

– Подруга! Умоляю, не расстраивайся ты так!!! – взмолилась Марианна.

Анна чуть отстранилась, перевела дыхание и заговорила тихо, надломлено:

– Я справлюсь. Разве может быть иначе? Сейчас я молюсь только о том, чтобы справились и они!

В этот раз Марианна не решилась касаться подруги, а

лишь проследила за её взглядом. Анна с горькой улыбкой на губах, смотрела на близнецов. Сразу же бросилось в глаза, что позы братьев стали гораздо напряженнее, по всему было видно, что разговор между ними становится всё более жёстким. Вот Антуан нервно рассмеялся и издевательски согнулся перед Жаном, а тот уже в следующий миг с силой стеганул плетью по неосторожно близко стоящему кусту...

– Марианна, их надо развести и скорее, пока они не взяли за шпаги...

Испайронка согласно кивнула и в то же время неопределённо повела плечами.

– Неужели тебе совершенно всё равно, кого из них предпочесть? – Анна с отчаянием стала искать в лице подруги ответ на свой вопрос, – Ты так много времени проводишь с Виктором. Ты неплохо знаешь и Жана. Кто из них тебе ближе? А если никто... если в твоём сердце есть чувства к какому-то другому мужчине... О боже, я об этом как-то совсем не подумала!

– Нет в моей жизни никакого другого мужчины! – тут же вскинулась Марианна, – И признаюсь, мою душу очень греет мысль о том, чтобы стать женой Лагана. Вот только...

И Марианна в задумчивости повела головой:

– Ты спрашиваешь, кто из них мне ближе? Я бы сказала Жан, особенно после сегодняшней выходки Виктора, но... всё-таки я не уверена. Виктор мне много понятнее...

– Значит, ты всё-таки видишь между ними отличия, вер-

но? Тогда... – Анна оборвала себя на полуслове. В этот момент девушки увидели, как Жан резко развернулся и стремительно пошёл прочь от Антуана.

– Мне ещё не доводилось видеть его таким раздраженным! – изумилась Марианна.

– Мне тоже... – эхом отозвалась Анна.

Минуту Марианна потратила на то, чтобы привести свои мысли в порядок. Она должна была что-то предпринять! Если в её силах что-то сделать... если она может как-то примирить столь дорогих её сердцу людей... о чём тут раздумывать? Надо просто принять решение!

– Да, Анна, ты права, надо сделать выбор, – гордо вскинулась темпераментная испайронка, – Так дальше продолжаться не может. И я сделаю его.

– Что? Как?! – Анна даже подалась к ней ближе.

– Пока не знаю, но с этим нельзя тянуть! Уверена, стоит задаться целью, и решение придёт! Да, я сделаю это уже завтра, к полудню. Решено. А на сегодня, милая моя подруга, развяжи мне руки. Я должна решить этот ребус сама, – Марианна вся засветилась отчаянной решимостью, и в её глазах уже заиграл азартный огонёк.

Глава 31. Талант.

Итак, в этот день были приняты два решения: Марианна пообещала себе сделать выбор между близнецами, а сами близнецы тем временем объявили друг другу войну. Но внешне всё это никак не отразилось на размеренной жизни Райского уголка.

Как и накануне, Жан исчез почти на весь день, вместе с Геньи ушёл в лес на охоту и проверять силки, а Антуан полностью посвятил себя организации досуга Марианны. Его опасения о том, что после утреннего инцидента их отношения сильно усложнятся, как будто не оправдались. Напротив, Марианна стала даже более внимательной к нему, казалось, теперь она не пропускала ни одного его слова, ни одного его жеста, и этот неподдельный интерес с её стороны стал для Антуана очень большим искушением, ему уже казалось, что победа у него в руках. Но он даже близко не мог допустить мысль о том, что интерес Марианны был несколько иной природы.

На самом деле девушка отчаянно старалась проникнуть в глубину его души, распознать суть его помыслов не только о ней, но и Жане, и, конечно же, ей жизненно важно было научиться различать их, близнецов. Что ж, к вечеру Марианна, как ей казалось, получила исчерпывающее представление об этом человеке. Он добрый, смелый, сильный, превосходно

образованный и воспитанный – не нашлось ни одного изъяна. Это человек в полной мере готовый занять в высшем свете достойное его происхождения место, дело только за титулом. Да, он любит красиво говорить и умеет приукрасить, но разве ж это грех? Тем более, что слушать его и правда, так интересно! И конечно же, он всеми фибрами своей души любит её!

И всё же что-то Марианну настораживало, вызывало беспокойство. Да, портрет Антуан получился прямо-таки идеальным, но душа девушки пока упорно отказывалась произнести такое простое слово «да». Признавшись себе в этом, Марианна очень удивилась, и со свойственной ей решимостью, бросилась на поиски ответа и на этот вопрос – откуда взялось это внутреннее сопротивление? Может быть, её свободолюбивый нрав восставал против его столь сильного напора? Но ведь надо признать, что вопрос замужества встал перед ней уже довольно давно, от него не увернуться. Так что поступиться свободой придётся в любом случае, это не обсуждается. Единственное, о чём девушка уже несколько лет возносила молитвы Всевышнему, это о том, что ей было позволено сделать выбор самой! И вот, казалось бы, её молитва услышана – она делает выбор! Но, Боже, как же это оказывается сложно!

«Он ведь такой замечательный!» – мысленно воскликнула Марианна, – «Разве ж могла я ещё неделю назад мечтать о таком варианте?!» «Могла!» – тут же возразила она сама се-

бе, – «Могла и делала это! А сейчас... у меня ещё есть время! Решение надо принять только к обеду завтрашнего дня... А пока... Что если?..»

– Виктор, скажи, что для тебя дороже всего на свете?

Этот вопрос её едва не лишил Антуана дара речи. «Марианна даёт мне шанс признаться?! Правда!? Сейчас?!» – от таких мыслей у юноши на какой-то миг даже голова закружилась. Но да это была лишь мимолётная слабость. А уже в следующую секунду Антуан решился, и его глаза запылали пуще прежнего:

– Твоё счастье, милая Марианна! Я очень хочу видеть тебя всегда улыбающейся!

Что ж, Марианна не смогла скрыть, как ей приятно услышать эти слова, но в запасе был ещё один более страшный для неё вопрос:

– Моё счастье?.. Скажите, а если я решу, что могу быть счастливой с другим человеком... ты меня понимаешь?.. Ты бы принял такой мой выбор? Не стал бы... ну, например, вызывать этого человека на дуэль?

«С небес да камнем об землю!» – именно так Антуан воспринял эти её слова, юношу словно молнией поразило. Лицо его в миг покрыла мертвецкая бледность, кулаки сжались, взгляд остановился. Услышать такие слова! Сейчас! Нет, он оказался не готов. Мысли закружились в бешеном круговороте: «Что это?! Отказ?!?! Нет, не может быть!!! Тогда что?!? Она хочет проверить меня? Да... Да! Точно!!! А что в таком

случае должен ответить мужчина, чтобы выбить из рук женщины «кинжал»? О чёрт, а если это не проверка?!..»

Антуан с трудом перевёл дыхание, и взгляд его смягчился:

– Конечно же приму. Иначе быть не может... – Антуан окинул взором округу, как бы прося у неба и леса помощи, и снова обратил свой взгляд к девушке, с таким трепетом ожидающей его ответа, – Марианна, я понимаю, о чём ты говоришь. Жан и я... Что ж, скажу за себя. Я люблю тебя больше жизни! Твоё счастье для меня дороже всего на свете! Ради тебя я готов горы свернуть, весь мир обойти... Да что же это я... Я просто не мыслю этой жизни без тебя! Но если ты решишь, что ты можешь быть счастливой только с другим человеком, что ж ... я не стану вам мешать.

Антуан не мог больше смотреть на Марианну, он вдруг представил такую ситуацию, и в глазах у него потемнело. Из оцепенения его вывело нежное прикосновение Марианны. Он тут же поднял на неё взгляд и увидел, что в глазах девушки заблестели слёзы:

– Милый, дорогой мой Виктор, ты не представляешь, как для меня было важно услышать эти слова! Да, я подумала о вас с Жаном, ведь мне мучительно больно видеть, как вы, братья-близнецы, отдаляетесь друг от друга. И ещё меня изводит мысль о том, что я могу стать причиной ещё большего разлада между вами. Милый Виктор, ты замечательный человек! Мне кажется, я тебя знаю уже тысячу лет, и мне очень-очень дорого твоё хорошее отношение...

– Марианна, можно ли понимать твои слова, как... ответное чувство? – рискнул-таки уточнить Антуан.

– Что?! – девушка словно ошпарилась, даже чуть отпрянула, а уже в следующую секунду страшно смутилась этого своего поведения, – Я... Мне надо ещё проверить... себя...

Но Антуан распознал в её таком поведении обнадеживающие знаки и решился поднажать:

– Но, Марианна, умоляю тебя, не тяни с решением! Эта неопределенность... начинает сводить меня с ума...

Брови девушки удивлённо приподнялись, и она сделала ещё более определённый шаг в сторону:

– Признаюсь, меня даже немного пугает сила твоих чувств...

– Пугает?! О нет, только не это! – тут же запротестовал Антуан.

– Хорошо, – тут же уступил Марианн, – Я так поняла, что ты обещал сделать ради меня всё, что я пожелаю...

– Да, конечно!

– Тогда останься верен своим словам, первым протяните Жану руку дружбы. Хорошо?!

И Антуан с готовностью кивнул, чем привёл Марианну едва ли не в восторг, она даже в знак благодарности чуть поклонилась ему и тут же решила пойти дальше:

– Признаюсь тебе... Я решила сделать выбор уже завтра и больше не изводить всех нас неопределённостью. Пойми меня правильно, для меня это важное решение, я хочу разо-

браться в себе...

– Да, да, конечно! – и Антуан так светло улыбнулся, что на душе Марианны сразу стало необыкновенно тепло, и она ответила ему тем же.

Теперь Марианне было необходимо найти Жана, поговорить с ним. Ей казалось, что решение уже близко, очень близко, но справедливости ради ей надо было бы поговорить и со вторым близнецом. Она почти не сомневалась, что он её любит не так горячо, но ведь тоже любит... И Анри... Анри почему-то не принимает Виктора. Конечно, тут может быть дело в простой ревности, Анри скорее предпочтёт отдать руку сестры своему лучшему другу, почти брату, чем Виктору, этому в общем-то чужому для него человеку. Но, в конце концов, причём здесь Анри? Это должен быть её выбор!..

Так, в сомнениях, Марианна провела остаток дня, и никто не мешал её одиночеству, даже Антуан нашёл в себе силы позволить ей самой всё обдумать. К Анри Марианна не пошла сознательно, чтобы он не мог повлиять на её решение.

Жан и Геньи появились только на закате, уставшие, но довольные. Став за это время большими друзьями, они, казалось, уже начали понимать друг друга без слов, и видеть это их дружеское отношение было очень приятно. Марианна наблюдала за ними, сидя на веранде, и сейчас невольно залюбовалась ими. Какая благородная усталая мужественность!

«Кормильцы» разгрузили свою добычу, смеясь и подшучивая друг над другом, передали её заботам Маргарет и от-

правились умываться на озеро. Не ускользнуло от внимания Марианны и то, как тепло посмотрела старая актриса вслед этой парочке. «Странно, почему все здесь так расположены к Жану? Что такое он для этого делает, или сделал?» – вдруг задумалась Марианна, но тут же над её головой раздался голос Антуана:

– Марианна, взгляни на это, пожалуйста.

От неожиданности девушка вздрогнула всем телом. Виктор?! Но после взгляда на то, что он ей показывал, мелькнувшее было раздражение девушки испарилось без следа. Антуан держал в руках искусно выстроганную из деревяшки голубку. Такое совершенство, мягкость линий, естественность пропорций!

– Это сделал ты?!!

– Да. Тебе нравится? – Антуан даже затаил дыхание от волнения.

– О, да! Конечно! Это восхитительно!!! Виктор, я никак не ожидала от тебя такого! У тебя же необыкновенный талант скульптора!!! – совершенно искренне воскликнула Марианна.

Антуан вздохнул с большим облечением и благодарно улыбнулся в ответ:

– Я люблю этим заниматься, но никогда не относился к этому серьезно... Если тебе понравилось, сделай мне приятное, прими эту голубку от меня в качестве подарка.

– О, с удовольствием!..

Только через несколько минут, Марианна вспомнила, чем она занималась до появления Антуана, и взглянула на озеро. Жана там не было. Она не заметила, как он ушёл, и, когда расслышала его смех уже в доме, с изумлением поняла, что он должен был бы пройти мимо неё, буквально в нескольких шагах, ведь она специально так расположилась. Да, Марианну так поглотило созерцание подаренной Антуаном игрушки, что она не заметила, как посмотрел на неё проходивший мимо Жан, как встретились взгляды братьев, и в воздухе между ними промелькнула молния.

Жан увидел Марианну, восторженно что-то рассматривающую, её благодарно восхищённый взгляд, обращённый на Антуана, увидел и торжество того, и сердце его бешено заколотилось. Но внешне он никак это не выказал, только в доме позволил вылиться этому раздражению в нервный смех в ответ на не очень удачную шутку Геньи. Тот всё заметил и понял. Подойдя к своему молодому другу, он хлопнул его по плечу и, наклонившись к уху, произнёс:

– Поверь старику, дружок, ещё не всё потеряно! Выше нос! Просто тебе тоже пора перейти в наступление, так сказать, заявить о себе. Понимаешь, о чём я говорю? Давай! Ты ведь не робкого десятка. Решено – завтра я освобождаю тебя от моего общества.

Что ж, смущённый Жан ответил другу благодарной улыбкой...

Но подойти к Марианне оказалось очень непросто. Сра-

зу после возвращения Жана, Антуан снова обрушил на Марианну всю силу своего обаяния, а та никак не могла найти предлога, нужный слов, чтобы попросить его оставить её в покое. Как можно было ему объяснить, что ей надо ещё поговорить и с Жаном?! Марианне приходилось обходиться только наблюдением со стороны, да и то, так, чтобы это не очень бросалось в глаза Антуана.

Она видела, как Жан заходил к Анри, как маленькая Анжелика вскарабкалась ему на плечи, и добрые полчаса он её катал, куда бы при этом ни шёл, чем бы ни занимался. Она видела, как потом Жан в шутку поборолся с Жюльеном, как тот в свою очередь показал ему пару акробатических приёмов... «Почему здесь все так любят его?» – снова задала себе этот вопрос Марианна. Но ответить на него ей не давал Антуан. Он ревностно отслеживал каждый её взгляд, старательно затмевал собой брата. Он понимал, что рискует вызвать сильное раздражение возлюбленной, но это её внимание к Жану просто мешало ему поразмыслить над последствиями своих поступков.

И, тем не менее, девушка заметила, что Жан, несмотря на все свои занятия, так же не выпускает её и Антуана из поля зрения. Пару раз девушка даже поймала его взгляд, и сердце её защемило. Что было в этом взгляде?! Любовь? Горечь? Всякий раз после этого девушка разворачивалась к Антуану и, к своему удивлению, находила в его взгляде нечто очень сходное. «О боже! Как они похожи! Что же мне делать?!» –

мысленно ужаснулась Марианна.

* * *

Обеспокоенный тем, что за весь день Марианна так ни разу и не зашла к нему, Анри заподозрил неладное. Узнать подробности происходящего в мире вне его комнаты ему помогла Анжелика. Девочка принесла ему цветы, и он не отпустил её, пока не выведал все так недостающие ему сейчас детали. Так он узнал, что Антуан весь день занимает внимание его сестры, и что прежде у близнецов состоялся какой-то неприятный разговор, со слов девочки представилось, что юноши едва не подрались. Анри почувствовал, что близится решающий момент, и ему просто необходимо помочь другу. Но как?! Он хорошо знал упрямство Жана. Если тот просил не вмешиваться, значит, во имя сохранения их дружбы вмешиваться нельзя. Но как это возможно?! Анри уже спел довести себя до головной боли, так отчаянно искал выход из этого положения, и вдруг решение пришло само собой, точнее в лице Анны.

Белокурая красавица весь день изнывала от тоски и одиночества. Только одна мысль как-то поддерживала её силы – завтра многое изменится. Она видела, что Марианна ищет ответ, и дело только за терпением. Но что делать до тех пор? Вот тогда она и пришла к Анри, чтобы с его позволения взять из-под его кровати старинную гитару.

– Гитара? Откуда?! – изумился Анри.

– На самом деле, это инструмент наших артистов, они

оставили его у меня лет пять назад, – девушка присела на стул рядом с кроватью Анри и бережно коснулась струн, – Бедняжка, такая пыльная... Я хочу вернуть её. Как видишь, я на ней не играю.

– А они?

– Старина Франсуа немного умеет... Пойду, может быть, мне дадут урок? – невесело рассмеялась Анна и поспешно вышла прочь.

Гитара. Вот оно, решение!

Вечером, после ужина все собрались на веранде. Так уж повелось, что почти каждый день все обитатели Райского уголка собирались здесь, чтобы вместе скоротать время до сна. На этот раз Анри настоял, чтобы его тоже вынесли на веранду. Его расчёт оказался верен. Он сразу попал в центр внимания. Его укутали, чтобы он не продрог от вечерней прохлады, каждый второй вопрос обращался к нему... Но не это было его целью.

Жан, как и всегда, пристроился рядом с другом и при необходимости заботливо поправлял его одеяло. А Марианна с Антуаном расположились поодаль, чуть в стороне. Так получилось главным образом благодаря стараниям Антуана. Что ж, Анри оценил ситуацию и, выждав какое-то время, приступил «боевым» к действиям.

– Франсуа, а что та гитара, которую Анна вам вернула? На ней ещё можно играть?

– Конечно, – оживился артист, – Это превосходный ин-

струмент! Его подарил нам один странствующий музыкант, кстати испайронец. Подарил, умирая. Беднягу настигла шальная пуля. А сам он приобрёл эту гитару у первого из мастеров этого дела... О, чёрт! Забыл их имена, и музыканта, и мастера!

– Гитара?! – встрепенулась Марианна, – Да ещё и из Испайры?!

– Да, мадемуазель, верно.

– О, Франсуа, покажи, пожалуйста! – тут же взмолилась темпераментная испайронка.

– Сию минуту. Ну-ка, Жюльен! – артист деловито развернулся к сыну.

И юноша тут же бросился выполнять приказ.

– А ты играешь? – поинтересовался Антуан.

– Да, играю, – безо всякого смущения призналась Марианна.

Уже через минуту гитара была у неё в руках. Тщательно очищенная от пыли, она мягко отражала танец пламени в маленьком очаге, установленном в середине их тесного круга. Гитара! Здесь, так далеко от Испайры! Марианну вдруг охватило страшное волнение:

– Когда-то я очень неплохо играла. Но после смерти бабушки и моего переезда к барону, я больше не брала гитару в руки. Барон терпеть не может музыку, и по его приказу в нашем замке были разбиты все музыкальные инструменты. Я никогда не могла понять причину такой его ненависти. Но,

так или иначе, я не играла уже где-то пару лет.

– Так попробуй сейчас, – с нежностью в голосе предложил Анри.

– Да... Прошу меня извинить, если что не так... – Марианна страшно разволновалась, словно оказалась перед лицом очень строгих судей.

Но желание прикоснуться к столь дорогому прошлому победило этот её страх. Прежде всего девушка быстро проверила строй гитары, чуть поправила его. И вот он, момент, когда занавес, наконец, должен подняться... Пальцы левой руки Марианны уверенно встали на гриф, длинные пальцы правой руки сжались в кулак, и этот кулак тугим бутоном навис над струнами. Ещё миг, и воздух пронзил изумительный по насыщенности и стройности раскат звуков – кулак девушки раскрылся словно изысканный цветок, рассыпав по струнам россыпь расгеадо. Ещё аккорд! Ещё! Новая сила, новые неизъяснимые переливы удивительных созвучий! Мир наполнили сказочные звуки и эхо их чарующих оттенков!

Но эта сказка закончилась так же неожиданно, как и началась.

Потрясённые слушатели с трудом перевели дыхание. Им потребовалось ещё несколько секунд, чтобы прийти в себя, а потом... Маленькая Анжелика сорвалась с места и запрыгала, захлопала в ладоши, ей от всей души вторили брат и мама.

– Это... Это потрясающе!!! Bravo!!! – пламенно заапло-

дировал и Франсуа, – Точь-в-точь как играл тот испайронец!

– Ничего удивительного, ведь Марианна на половину испайронка! – заметил очень довольный Анри.

– Как и ты, – эхом отозвалась Марианна.

– Да, только я не играю на гитаре.

– А я тебя научу, – девушка кивнула брату и развернулась к остальным слушателям, – Вам понравилось? Хотите ещё послушать?

– О да, конечно!!! – понеслось со всех сторон.

Весь вечер Марианну не покидала мысль, что ей пока так и не удалось поговорить с Жаном, и теперь, вспомнив об этом, она бросила на него вопросительный взгляд, понравилось ли и ему? Почему не слышно его слов одобрения? И тут она поняла, что, быть может, как раз в его лице она и нашла истинного ценителя. Жан сидел, словно поражённый громом, ошеломлённо смотрел на этот удивительный инструмент, и даже, несмотря на царящий здесь полумрак, не представляло труда заметить, как он побледнел. «Не может быть, чтобы он прежде не видел гитару!» – мысленно усмехнулась Марианна, и тут их взгляды встретились, Жан в тот же миг ожил и светло улыбнулся. «О боже! Как же я люблю эту улыбку!» – мысленно откликнулась Марианна и улыбнулась в ответ, но... ей не позволили задержаться на этой мысли. Благодарная публика требовала всё внимание артистки.

Теперь этот вечер грозил превратиться в сольный концерт

Марианны де Монсар, и все без исключения были искренне рады этому. Пальцы девушки быстро обрели утраченную резвость, уверенность, и теперь щедро дарили людям праздник. А ещё у неё обнаружился удивительно приятный, сочный, мягкий голосом, и ей пришлось уже в который раз выслушать хвалебные тирады. Скоро посыпались и специальные заказы на песни, ведь благодарным слушателям тоже захотелось петь. Что ж, Марианна, обладая абсолютным слухом, с лёгкостью подбирала неизвестные ей прежде мотивы и накладывала на них аккомпанемент...

– Сестренка, а сыграй «Голубую даль»! – улучив момент, попросил и Анри.

– Что это? Боюсь, я не знаю о чём ты говоришь, Анри, – улыбнулась в ответ Марианна.

– Ну, как же!

– Анри, это ведь наша, брианская песня, – напомнил другу Жан.

– А, ну да, но... Я уверен, звучало бы замечательно, – искренне расстроился Анри.

– А вы напойте! Я подберу, – с готовностью предложила Марианна.

– Но Анри лучше бы воздержаться от пения! – тут же поспешила возразить Маргарет.

– Жан, – взмолился Анри, – Я тебя очень прошу! Эта песня должна здесь прозвучать. Спасай! Ведь ты мне друг!?!

– Вот значит, как ставится вопрос? – рассмеялся Жан.

– А что, Жан, уважь больного, – поддержала Марианна, – Ему расстраиваться нельзя.

Эти её слова больным эхом отозвались в сердце Антуана. В его душу закралось сильное беспокойство, но он оказался бессилён предотвратить надвигающуюся беду, ведь внимание буквально всех в этот момент было приковано к Жану и Анри.

Между тем Жан развернулся к другу и лукаво усмехнулся:

– Ну что, больной, хочешь сказать, на кон поставлена наша дружба? Только так и не иначе?

– Именно! – с шутливым вызовом в голосе откликнулся тот.

– Ох, как же ты жесток, приятель! – и Жан так же шутливо поджал губы, но оттаял буквально через миг и поинтересовался, – Если на то дело пошло, может быть, что-нибудь другое?

– Нет, это. Спой! А Марианна подыграет, – взмолился Анри.

– Спой... – эхом отозвался Жан, – Что-то я не припомню, когда бы ты просил меня петь?!

– Сейчас прошу! И не говори, что ты не можешь этого сделать. Неделю назад я сам слышал, как здорово это у тебя получается.

Жан понял, к чему клонит Анри, и неволью нахмурился.

– Давай же, Жан, – поддержала брата Марианна, тут и другие слушатели стали выражать своё нетерпение.

– Не робей, парень! Здесь кроме Марианны певцов нет, но я уверен, все хоть как-то поют, – заявил Геньи и ободряюще похлопал по плечу своего молодого друга.

Жан окинул всех присутствующих смущённым взглядом и... кивнул.

– Хорошо... – смирился Жан и тут же шутливо пригрозил Анри, – но я тебе это ещё припомню!

Анри с готовностью кивнул в ответ, и в тот же миг все затаились в нетерпеливом ожидании, так их заинтриговала эта небольшая перепалка друзей.

Жан обратил взор к недавно взошедшей луне и... запел.

Тихая, завораживающая мелодия поднялась над головами слушателей и устремилась ввысь, при этом, оставаясь тут, рядом с каждым, способным слышать её, тая в душах и испепеляя их. Тихая сила голоса Жана слилась со старинным незамысловатым мотивом, и вместе они вдруг расцветили эту ночь непередаваемыми красками. Казалось, этому голосу нет границ, стоит Жану захотеть, и его услышит весь мир, но Жан не пускал его в даль, твёрдой волей направляя это сокровище в удобное для себя русло. Так, незаметно для себя обретая уверенность, Жан поднял взгляд на Марианну, и с той секунды он пел только для неё, и она просто затрепетала от страха упустить хоть один звук. Она так и не начала играть, боясь помешать этому волшебству.

Мелодия смолкла и воцарилась глубокая тишина. Жан ещё смотрел на Марианну, она на него...

– Снимаю шляпу, сударь! – прошептал Франсуа, – За всю свою длинную жизнь я не слышал ничего подобного! А уж я-то повидал мир!

Жан расслышал эти слова и смущенно опустил глаза.

– И я забираю свои слова обратно, – поддержал Геньи главу семейства артистов, – Это едва ли не самое сильное впечатление моей жизни!

Тут и остальные слушатели начали наперебой хвалить Жана, и тот, уже не зная, куда деваться от такого внимания и смущения, попробовал перевести разговор в другой русло. Он развернулся к Антуану и, увидев, что тот как-то ушёл в себя, окликнул его:

– Виктор, а ты поёшь?

Антуан вздрогнул всем телом и сухо отрезал:

– Нет.

– А, может быть, всё-таки попробуешь? – голос Жана звучал очень дружелюбно, – Ещё неделю назад я даже не подозревал, что... к этому можно относиться серьёзно. Вон, Анри свидетель, я сделал это открытие очень неожиданно, когда мы шли из Грандона в Рунд...

– Нет, – и Антуан, плотно сжав губы, отвернулся.

– Виктор, я тебе не верю, – Марианна мягко коснулась его плеча, – Вы же не просто братья, вы близнецы. Нет, даже больше! Вы изумительно похожие близнецы! Вот я могу ручаться, что у Анри отличный слух, потому что знаю за собой такой грех. Уверена, если ты попробуешь...

– Я своё уже отпел, – Антуан резко развернулся, и его холодный взгляд пронзил Жана, – Дело в том, что в детстве я и правда хорошо пел, обо мне, как о певце, даже слагали легенды. Но в период юношеской ломки голоса, я его сорвал, как оказалось безвозвратно. Вот так, моя беда в том, что я слишком рано узнал о своём даре.

Жан понимающе кивнул, было видно, что он искренне расстроился. Но Антуан не поверил в эту его искренность и снова отвернулся.

– Ладно, друзья мои, – Генъи встал, – На сегодня открытый хватит. Время позднее, давайте спать.

На том концерт и закончился...

Антуан ушёл спать на сеновал совершенно подавленным. В эту ночь он долго не мог уснуть, он ещё и ещё раз мысленно прокручивал события прошедшего дня, и с ужасом осознавал, что многое надо было бы сделать и сказать не так, а тут ещё и этот неожиданно открывшийся талант Жана. Антуан вдруг почувствовал, что позиция его далеко не так крепка, как это ему казалось при свете солнца, и с ужасом осознал, что боится наступления следующего дня.

Глава 32. Выбор.

Марианне казалось, что этой ночью она так и не сомкнула глаз, ведь в её ушах неотступно звучал божественный голос Жана, и перед внутренним взором стояло его лицо. Да, именно его лицо, а не Виктора, в этом она была уверена. Его взгляд...

Голова шла кругом...

Ещё за ужином она была уверена, что знает, какое решение ей принять, но теперь всё смешалось.

«Они ведь так похожи, почти абсолютно похожи!» – едва ли не ужаснулась девушка, и тут же сама себя поймала на слове:

«Почти?!»

«Да, почти!» – вынужденно согласилась Марианна и изумлённо замерла.

Ей вдруг представилось, что и она раздвоилась, что теперь она состоит из двух равновеликих частей, которые находятся едва ли не в ссоре. Одна из них жаждет правильности, ясности, терпеть не может недомолвок и полутонов, и её очень раздражает другая вдруг пробудившаяся, «колючая» часть души. Эта вторая вдруг решила выйти из тени, сделала это тихонько-тихонько, словно неожиданно выступивший к сцене зритель, и начала задавать неудобные вопросы. Ох, и трудно же стоять перед лицом вот такого внимательного

зрителя, который к тому же ещё и решил заговорить:

«Стало быть между ними всё-таки есть разница, а значит и выбор имеет право быть сделан осознанно. Осталось только присмотреться внимательнее. Давай же!»

«Ты серьёзно? Может быть, вот ты-то и укажешь мне на отличия? Лично я... я не знаю... Вон, внешне так вообще никаких шансов! У них даже манеры одинаковые, жесты, взгляды... Ох...»

«Но что-то отличное точно есть. Ты сама это признала! Так что же?»

«Что? Голос Жана?..»

«Это да, настоящее чудо! Но сейчас ведь речь не о том, согласишься!»

«Да, конечно... А вот когда он прикоснулся к моей руке! Почему это так сильно взволновало меня?! Почему?..» – девушка горестно вздохнула и уже в который раз сменила позу.

«А что, если это был всего лишь эффект неожиданности?» – тут же возразила она сама себе, – «Он и прежде меня касался, ведь бывало?»

«Да, бывало, и почти всегда вот так же волнительно! Не отрицай это! Не надо!..»

«Хорошо. Не буду. Значит, близость Жана тебя очень волнует... А что же с Виктором? Иначе?»

«Да, иначе. С ним мне как-то понятнее, в некотором роде спокойнее...»

«Но ты сомневаешься, такого ли спокойствия ты ищешь,

так?»

«Не знаю...»

«Но что ты знаешь наверняка, так это то, что вчера ты так и не смогла поговорить с Жаном! Это неправильно! Ведь если ты хочешь решать сама, делать выбор, надо прежде разобраться, из чего именно ты выбираешь, ведь так? А пока касательно Жана ты судишь только по каким-то «странным ощущениям» и по словам Анри. Кстати, а что, если Анри шукавил, говоря, что Жан тебя боготворит?»

«Да нет же! Я ведь вижу это, чувствую и сама!»

«И снова «чувствую», «вижу»... Я не отрицаю, это важно, но что, если ты ошибаешься? Вон, обрати внимание, как трудно тебе быть честной самой с собой! А тут ты вознамерилась разобраться в других людях».

«Я вознамерилась разобраться в себе! Именно это и имела в виду, когда пообещала сделать выбор!»

«Так давай же. Дерзай! Разбирайся! А я лишь помогаю... Так что не сердись!»

«Ладно... И как именно мне в этом разобраться?»

«Поговори с Жаном! Присмотрись к нему, а главное, к себе при этом общении... Сейчас я тебя удивлю – не обязательно всё облекать в вуаль слов. Они всегда являются лишь искажением правды, преломлением. Правда доступна только сердцу, или душе... Ну, ты меня понимаешь?»

«Не уверена...»

«Поговори с Жаном. А потом возвращайся, ещё раз «по-

молчим»!»»

А тем временем робкая заря коснулась востока и стала осторожно приподнимать вуаль мрака, заполнявшего комнату. Поняв, что дальше лежать это значит окончательно свети себя с ума, Марианна осторожно встала и как могла тише пробралась к выходу, не забыв прихватить и любимую шаль. Стоило ступить за порог комнаты, как сразу же захотелось укутаться, ведь утро выдалось очень сырое, промозглое. Небо неукротимо светлело, но пока ещё было плотно прикрыто облаками, или, быть может, туманом?..

– Это туман, – неожиданно сзади раздался голос.

Марианна вздрогнула всем телом и резко обернулась. На полене под окном примостился... Жан или Виктор? Девушка быстро окинула его взглядом с ног до головы, но он укрылся большим пледом, и распознать по одежде было невозможно. Заметив это её замешательство, близнец снисходительно улыбнулся:

– Я Жан.

Марианна поняла, что её разоблачили, и с досадой отвернулась. А Жан тем временем встал, скинул плед и подошёл к ней поближе. Марианна скорее почувствовала это, чем услышала, и её сердце забилося быстрее.

– Наконец-то закончилась эта ночь, – тихо заговорил Жан, тоже облачиваясь на поручни веранды, – Когда не получается уснуть, время тянется так медленно...

– Ты не мог уснуть? Почему? – Марианна медленно раз-

вернулась к нему: «Он тоже не спал?!»

Жан смущённо улыбнулся какой-то своей мысли и поднял на неё мягкий взгляд:

– Ты потрясающе играешь и поёшь ! Я никогда прежде такого не слышал! Скажи, а возможно ли научить играть на гитаре такого старика, как я?

– Это ты-то старик?! – Марианна даже рассмеялась.

– Ну, как же, двадцать лет солидный возраст! – и Жан со значением поджал губу, но лукавый огонёк в его взгляде прямо-таки умолял: «Возрази мне! Пожалуйста! Возрази!»

Поймав себя на этой мысли, девушка мысленно усмехнулась, с деланной серьёзностью смерила «ученика» суровым взглядом и, выдержав значительную паузу, протянула:

– Н-да, двадцать... многовато для начинающего. Правда... случай не безнадёжный. Только вот что мне за это будет?

– Что?!.. – Жан задумался, но всё тот же лукавый огонёк, играющий в его глазах, подсказал Марианне, что этот вопрос для него уже решен. И она не ошиблась, – Я предлагаю... в оплату будущих трудов... прогулку верхом.

– Что?! Верхом?!

– Да, верно. Предложение принимается, или будет назначена другая цена?

– Нет, подожди, прокатиться верхом?! Прямо сейчас?! – Марианна боялась поверить своим ушам.

– Да, нет ничего невозможного.

– Но Геньи строго на строго запретил покидать Райский уголок! Ведь лес полон ищеек барона и герцога!

– Так ведь мы с Геньи каждый день уходим отсюда, – резонно возразил Жан, – Поверь, это совершенно безопасно. Я уже знаю эти места не хуже, чем леса Бетенгтон, и Геньи научил меня кое-каким фокусам, например, как запутывать следы или не оставлять их вовсе. Это совершенно безопасно как для нас, так и для наших друзей. Так едем?

– Конечно!!! – Марианна едва не подпрыгнула от восторга.

– Тогда вперёд? – и Жан в миг перемахнул через перила.

– Что?! Так сразу?!

– А почему нет? Я запрягу коней в считанные минуты. Ты согласна?

– Да! Конечно же, да! Я помогу тебе! – и Марианна решительно протянула Жану руку.

Протянула и сама же вдруг испугалась такой своей смелости.

Но надо было видеть, какой счастливой, какой светлой улыбкой при этом озарилось лицо юноши. Будь он посмелее, так взял бы любимую на руки и закружил, закружил... а потом, конечно же, поцеловал... На самом деле, мысленно он именно это и сделал, пережил, но наяву дать волю вот таким мечтам не посмел. Этим туманным утром Жан был безмерно счастлив уже тем, что Марианна сама протянула ему руку, позволила прикоснуться к своим таким изящным холодным

пальцам, согреть их...

На самом деле согрел он не только пальцы возлюбленной, но и её душу... В этом она осмелилась себе признаться.

Коней они запрягли в считанные минуты, сделали это так слаженно, будто всю жизнь выступали дуэтом, словно обладали одним разумом на двоих, ведь как иначе объяснить такие моменты единения, когда один протягивает руку, а другой уже вкладывает в неё именно то, что нужно. Они почти сразу заметили такое своё единодушие, конечно же удивились, и, так же безмолвно, решили проверить, насколько хватить этого чуда. С этого момента эта пара словно раздвоилась. Одна их версия работала над задуманным, а другая «наблюдала со стороны». И чем дальше, тем больше росло их удивление. Ни одной осечки – оказалось, что им не нужны слова, чтобы понимать друг друга.

Уже через четверть часа кони тихой поступью унесли своих седоков в ещё спящий лес.

Туман с большой неохотой отрывался от земли, рвался о деревья, оставляя после себя крутую росу. Жан и Марианна ехали молча, прислушиваясь к глухому хрусту сучьев под копытами, да к шёпоту листвы. Они ехали рядом, Жан чуть впереди, и Марианна вдруг остро ощутила, как безгранично доверяет этому человеку. Он превосходно держится в седле, в каждом его движении чувствуется спокойная уверенность и... забота о ней.

Правду сказать, Марианна не смогла бы объяснить, поче-

му она была так уверена, что сейчас он думает только о ней. Да и к чему что-то объяснять? Ведь бывает и абсолютное знание. К тому же эти взгляды синих глаз, как бы спрашивающие: «Ну как ты? Всё в порядке?»... Они дарили такое тепло, делали этот мир таким понятным, простым, сказочным... «Интересный у нас с ним получается разговор!» – усмехнулась девушка, поймав себя на мысли, что, сойдя с крыльца дома Геньи, они до сих пор не проронили ни слова.

Сколько эти двое путешествовали вот так, в загадочной волнующей недосказанности, кто знает... И вот они оказались на краю поляны. Оценить её истинные размеры не позволял туман, всё ещё царивший здесь, и потому возникло ощущение, что они остановились на краю пропасти. Словно почувствовав волнение Марианны, Жан коснулся её руки:

– Это настоящее чудо!

– Ты о чём? – в этот раз девушка и правда не поняла его, ведь сейчас этот туман скорее пугал её, заставлял ёжиться от промозглой влаги.

Но Жан явно не разделял эти её чувства. Он легко спрыгнул с коня и жестом предложил Марианне сделать то же самое. Что ж, она не заставила себя упрашивать, одно движение и... вдруг, соскользнув из седла, девушка оказалась на руках своего спутника. «Как лихо он меня перехватил! А ты дерзкий, Жан!» – изумилась и, что греха таить, обрадовалась Марианна. Но юноша не решился насладиться моментом, сделал шаг в сторону и уже поставил возлюбленную на

плоский камень. И таким смущённым он теперь выглядел, что Марианна невольно улыбнулась: «Похоже, ты растерян больше моего! Забавно...»

Жан поднял на неё взгляд и оробел пуще прежнего. Нет, Марианна не могла оставить это незамеченным:

– И часто тебе доводится носить на руках девушек?

– Что!?! – тут же возмущённо встрепенулся юноша и всё его смущение, как ветром сдуло. Взгляд стал пытливей. Но нет, не похоже, чтобы Марианна в самом деле рассердилась. Придя к такому выводу, Жан чуть расслабился и виновато развёл руки, – Я не хотел тебя оскорбить. Но если это всё-таки случилось, прошу прощения. Просто здесь очень сыро... – попробовал он оправдаться.

Но да у Марианны не было ни малейшего желания сердиться, и она не стала это скрывать. Увидев её благосклонную улыбку, Жан окончательно успокоился и, наконец, вспомнил, ради чего всё это затеял:

– Я хочу показать тебе кое-что... Присядь.

И сам Жан тут же присел на корточки. Марианна едва не рассмеялась, но всё же последовала его примеру, но уже в следующий миг её дыхание перехватило.

Она оказалась под туманом! Именно под, а не в тумане. Его рдеющая, но всё ещё густая пелена бурлила над головой, но под ней воздух уже был совершенно чист и прозрачен, видна каждая умытая им травинка, каждый камушек. Марианна перевела восхищённый взгляд на Жана и обнару-

жила, что он тем временем любит её. Поймав её взгляд, он тут же смущённо отвернулся, и уже как бы между прочим заметил:

– Ещё несколько минут, и можно будет выпрямиться, и не пройдёт и получаса, как от всей этой сказки не останется и следа.

– Ты так уверен...

– Так бывает у нас...

– В Бетенгтоне?

Жан согласно улыбнулся.

– Это всё же потрясающе, как вы Лаганы умеете улыбаться!

– Что? Как-то особенно? – не понял и потому насторожился Жан.

Марианна кивнула:

– Улыбайся чаще.

В ответ Жан напротив, стал печальным. Он ещё раз окинул взглядом мистический пейзаж и выпрямился. К удивлению Марианны, его голова при этом не скрылась в тумане, оказывается, этот облачный потолок уже достаточно приподнялся. Тогда девушка тоже распрямила колени.

– От сказки не останется и следа... – вслух повторила Марианна, – Как грустно это звучит... Жан, можно задать тебе один вопрос?

– Конечно. Задавай, – кивнул в ответ Жан, но в душу его закралась тревога, он почувствовал, что Марианна хочет

коснуться щекотливой для неё, а значит и для него темы, и он угадал.

– Мне очень печально видеть, как вы с Виктором не можете найти общий язык. Вы братья, но такие чужие друг для друга. Скажи, в чём причина?

Во взгляде Жана появилась досада:

– Мы слишком похожи, чтобы спокойно принять существование друг друга. Представь, появилась бы здесь твоя сестра-близнец.

– Это было бы замечательно!

– И так же замечательно, если бы вы полюбили одного человека? – и взгляд Жана стал прямо-таки нестерпимо пытливым, словно вознамерился проникнуть в самую сердцевину души Марианны и там найти ответ.

При таких его словах девушка невольно залилась краской смущения. Вот получается, как он признался! Но это прозвучало с таким сожалением в голосе... Или ей это только показалось?.. Марианна нуждалась в ответе, как в воздухе, и потому даже чуть подалась ближе к Жану:

– Значит проблема во мне?

Юноша нехотя кивнул и отвёл взгляд.

– Ясно! – эхом отозвалась девушка.

Нельзя сказать, что она ожидала услышать что-то другое, но всё-таки... Впрочем:

– А если я решу эту проблему? Сделаю выбор. Тогда вы сможете подружиться? – вдруг выпалила Марианна.

В первый момент Жану показалось, что он ослышался, так сильно его удивили эти слова девушки.

– Решишь?!

– Да... Почему нет? Или я ошиблась, не я... – реакция Жана снова смутила Марианну.

В ответ юноша качнул головой и вдруг рассмеялся:

– Какое же ты чудо, прямо жар птица! Во истину ты так же искромётна, как и твоя музыка! Ради такой девушки можно и горы свернуть! – Жан говорил так искренне, так просто, что Марианна растерялась, у неё даже мелькнула мысль «Ты взялся пошутить надо мной?», а он уже продолжал, – Но, Марианна, не бери на себя труд решить нашу с Виктором проблему, не надо...

– Почему? – сердце темпераментной испайронки жаждало ясности, – Что может быть хуже неопределенности? Так я могу вас от неё избавить. Думаю, чем скорее я это сделаю, тем быстрее всё перегорит, успокоится, сложится... Верно? Или ты не согласен? Ты не признаёшь за мной право выбора?

Жан сокрушённо вздохнул и... решился:

– Марианна, поверь, я только об этом и мечтаю. Мне правда очень хочется, чтобы ты разрешила наш спор. Я уверен, тот, кого ты выберешь, станет для тебя вернейшей опорой, а другой – другом для вас обоих. И в любом случае мы ради тебя жизни не пожалеем...

– Ты всё время говоришь за двоих... – заметила вслух Марианна.

В ответ Жан пожал плечами:

– Я сужу по себе... Ведь мы похожи...

– Как-то уж очень сложно получается, – нахмурилась девушка, – Я предлагаю решение. Ты даже сказал, что очень хочешь, чтобы я сделала выбор, и в то же время ты возражаешь... Прошу, объясни так, чтобы я поняла!

Жан перевёл дыхание, подошёл к Марианне чуть поближе, и казалось, его взгляд проник в самое её сердце:

– На самом деле ты всё поняла верно, за исключением одного – ещё не пришло время выбирать!

– Я так не думаю. Мне... мне всё ясно! – и девушка упрямо поджала губу.

– В самом деле?... – и в глазах Жана снова заиграл лукавый огонёк, – А мне кажется, что, если бы всё было ясно, ты бы об этом говорила иначе.

– Я тебя не понимаю... – совсем смешалась девушка.

И Жан не сдержал-таки тяжёлый вздох досады:

– Ты просто требуешь, чтобы я сказал тебе кое-что для тебя неприятное.

– Говори! – тут же вскинулась Марианна.

Что ж, Жан перевёл дыхание и решился:

– Проблема в том, что пока ты просто не готова сделать этот выбор! Ты не любишь никого из нас.

– Что?! – Марианна даже отступила от юноши, и её рука сама собой поднялась и упёрлась в бок, – Ты заявляешь это так уверенно. Хотела бы я знать, что даёт тебе на это право?

Думаешь, я для тебя открытая книга?

– Напротив! – совершенно искренне запротестовал юноша, – Я каждое мгновение делаю всё новые и новые открытия, и был бы рад заниматься этим до конца моих дней. Просто...

– Я уже сказала – говори прямо, как есть! – снова потребовала Марианна.

Что ж, Жан покорно кивнул, и взгляд его стал очень печальным:

– Я всё-таки дерзну предположить, что мы с Виктором тебе небезразличны... И то, что ты испытываешь к нам, возможно было бы назвать... влюблённостью. Да, пожалуй, так. Это ещё не любовь. Это разные чувства, теперь я знаю.

– Позволь, что ты знаешь?! – против воли ожесточилась Марианна, – Ты намекаешь на то, что я вас не различаю?

– Да, – и Жан посмотрел на возлюбленную так, что стало ясно, как божий день, этот факт страшно сильно задевает его. А следующие его слова стали ещё одним тому подтверждением, – Это не намёк, это правда! Очень прошу, Марианна, не горячись так и... не торопись.

От таких его слов Марианна снова нахмурилась: «Может быть, он просто боится, что сейчас я сделаю выбор не в его пользу, и потому просит “не торопиться”?» – тем временем пронеслось в её сознании, – «Это было бы понятно, ведь до сих пор мы с ним почти не общались...»

– Всё равно я сделаю так, как сочту нужным! – упрямо

отрезала она и гордо вскинула подбородок.

А в ответ Жан вдруг с облегчением вздохнул и рассмеялся:

– Уж в этом-то я не сомневаюсь! Иначе ты не была бы сестрой Анри.

И в миг всё напряжение, вся неловкость, вызванная этим разговором, испарилась как мираж. Да, и от утреннего тумана уже осталось одно воспоминание...

* * *

Они катались ещё несколько часов. Жан по просьбе Марианны рассказывал о своей жизни в Бетенгтоне, всякие забавные эпизоды из их с Анри общего детства и юности, и всё, что он говорил, было исполнено для девушки непередаваемого очарования. Столько тепла, искренности изливалось на неё... Она с некоторым удивлением обнаружила, что Жан ничуть не уступает Виктору в красноречии. Только его рассказы были более непосредственные, может быть, потому и больше грели душу...

Марианна совершенно не заметила, когда вдруг и она начала рассказывать о своей жизни в доме бабушки, о том, как та воспитывала из неё истинную Эспирайдос. Столько хорошего припомнилось, так легко и светло стало на душе...

Когда же молодые люди, наконец, вспомнили о времени, солнце уже приблизилось к зениту. Это открытие напомнило и о голоде. И тут Жану представилась лишняя возможность доказать, как хорошо он ориентируется в этих местах.

На обратную дорогу потребовалось меньше получаса.

– Это что же, получается, что мы кружили на одном месте?! – изумилась Марианна.

– Разве? – рассмеялся в ответ Жан.

* * *

Остальные обитатели Райского уголка уже позавтракали, но порции Жана и Марианны остались нетронутыми, и это пришлось как нельзя кстати. Маргарет, с нескрываемым удовольствием обслужила их за столом, позволив себе только осторожно поинтересоваться, где они были, что видели. То, как ей приятно видеть их вместе, именно их, осталось между строк, но и Марианна, и Жан это поняли. Он смутился, она... приняла решение.

После завтрака Жан, памятуя бессонную ночь, посоветовал Марианне пойти отдохнуть. На том они и разошлись, подарив на прощание друг другу один из тех взглядов, которыми влюблённые грезят, в которых находят наивысшее счастье.

Марианне и правда очень хотелось спать, мысленно она уже улыбалась своей подушке, но не тут-то было. Как только Жан скрылся за углом дома, перед девушкой, словно из-под земли, возник Антуан. Только теперь Марианна призналась себе в том, что с момента возвращения в Райский уголок ещё ни разу о нём не вспомнила, ведь рядом был Жан!

Антуан выглядел необычайно бледным, в воспалённых глазах беспокойный блеск, но в остальном юноша был как

всегда приветлив, предупредительно вежлив. Он даже улыбнулся, только улыбка получилась какой-то надломленной, грустной.

– Я всё утро не мог тебя найти. Видно, не знал, где искать. Надеюсь, прогулка была приятной?

Марианна кивнула и с нескрываемым интересом продолжала рассматривать Антуана.

– По началу всё здесь переполошились, не найдя тебя... – юноша сам того не заметил, как начал теревить конец ремня.

– Но не нашли и Жана. Геньи должен был вас всех успокоить, – как могла мягче возразила Марианна.

Антуан с трудом сглотнул:

– Геньи так и сделал... Но извини, это было похоже на...

– На что?

– На побег, что ли.

– Вот как? Странно... – и Марианна пожала плечами.

Её спокойствие всё больше и больше раздражало и возмущало Антуана. Он стоял, по-прежнему преграждая девушке дорогу, правда, нельзя было поручиться, что он делает это специально. Что ж, Марианна решила открыто попросить пропустить её:

– Извини, Виктор, я бы хотела прилечь. Мне сегодня не спалось. А сейчас, наконец, захотелось.

Антуан при этих словах просто с лица сменился: «Бог весть, когда они ушли! Что если ещё ночью...» Его поза стала ещё напряженнее.

– Да что с тобой, Виктор? – нахмурилась Марианна.

– Уже полдень! – вдруг вырвалось у Антуана, и Марианна расслышала в его голосе нотки отчаяния, может быть, мольбы.

– Так вот ты о чём... – в первый момент девушка даже растерялась, эта догадка явно не обрадовала её, – Да, я помню, я обещала...

Марианна подняла на Антуана глаза и... тут же отвернулась. Она и не подозревала, что сказать этому человеку о принятом ею решении окажется так трудно. Но признавшись себе в такой слабости, Марианна только больше утвердилась в намерении пройти через это прямо сейчас: «Чем скорее, тем лучше! И будем жить дальше! Да, именно так!!!» И Марианна решительно развернулась к Антуану:

– Виктор, милый, я обещала к этому моменту сделать выбор, а ты обещал принять его, каким бы он не оказался. Помнишь? Так вот, я решила, что с тобой... с тобой мы будем хорошими друзьями...

И в тот же миг взгляд Антуана замер, а сам он весь окаменел. Увидев такую его реакцию, Марианна почувствовала, что ей стало трудно дышать:

– Виктор!.. Пойми...

– А... почему ты решила именно так? – голос Антуана прозвучал как-то надломлено, глухо.

Марианне стало совсем жаль его. Она уже трижды прокляла этот момент, но надо было довести дело до конца, она

твёрдо решила это сделать. Но как?! И тогда она сказала худшее из всего, что можно было придумать для такой ситуации:

– Вы с Жаном почти абсолютно похожи, и люблю я вас одинаково сильно. Вот я и решила загадать, бросить жребий... Выпал Жан. Так тому и быть.

– Жребий?.. – Антуан и правда решил, что ослышался:

Но Марианна уверенно кивнула и чуть виновато улыбнулась в ответ.

Значит, не ослышался. Осознав это, Антуан взорвался:

– Жребий?! Жребий!!! О какой любви тогда вообще идёт речь?! Да ты просто играешь моими чувствами?! Жребий!!! Графиня де Монсар, ты поступила как ребёнок, выбирающий конфетку закрытыми глазами! Но ведь ты для меня сама жизнь! И сейчас ты растоптала и моё сердце, и мою душу! Без ножа зарезала!.. «Будем хорошими друзьями»!!! Это надо же было придумать!!! Ах да, божественный голос!.. Верховая прогулка!.. Анри!.. Жан играет краплёными картами!! Куда уж мне тягаться с ним! Жребий!!! Смех, да и только! Ну нет, уж кем-кем, а хорошим другом я вам не буду, ни тебе, женщине, так жестоко обманувшей меня, ни уж тем более этому брианскому выскочке!

И, метнув испепеляющую молнию в столь ненавистное ему в эту минуту создание, Антуан почти бегом бросился прочь. Как можно дальше! Только бы не видеть её!!! Он сам не заметил, как обогнул дом и вот там, около недавно собранной кладки дров, натолкнулся на нежившегося на сол-

нышке Жана.

Зрелище этого абсолютного счастья оказалось для Антуана невыносимым. Словно грозовая туча он навис над братом. Почувствовав холод этой тени, Жан раскрыл глаза и увидел перекошенное в кривой гримасе злобы лицо Антуана.

– Мои поздравления, двуличная тварь! – зарычал тот, – Так-то говорить о справедливости! Ну, ну, что ещё можно было ожидать от воспитанника бандита с большой дороги! Что ж, получай её, но особо не радуйся. Она сделала свой, так сказать, выбор, кинув жребий! Тебе ясно? Ты тоже в её руках лишь мимолетная игрушка?!

Жану потребовалась одна секунда, чтобы понять, что произошло, и вот он уже на ногах, а глаза его стали почти чёрными:

– Где она?!

– Не сомневаюсь, хвастает своими подвигами перед братцем. Да, не забудь от всего сердца поблагодарить его за проекцию, только не уверен, что это принесёт тебе радости...

Но Жан уже не слушал раздражённую речь Антуана, которая тем временем всё больше и больше окрашивалась в траурные тона...

* * *

Казалось, что слова Антуана превратили Марианну в статую. Она так и застыла там, где он её оставил, ничего не слышала, ничего не видела. В голове девушки поднялся страшный гул, и не было никаких, абсолютно никаких мыслей.

И кто знает, как долго она так простояла бы, но тут вдруг маленькая Анжелика дёрнула старшую подругу за платье и, недолго думая, вставила ей в руки кружку молока, в ответ Марианна перевела на неё непонимающий взгляд.

– Мама велела отнести это к Анри, – отрезала девочка и убежала.

Что ж, Марианна, медленно кивнула и направилась в комнату брата, по-прежнему ничего не осознавая, просто подчиняясь полученному приказу. Войдя в комнату, она остановилась, как вкопанная, а её невидящий взгляд уперся в стену над головой брата. Сердце Анри похолодело, и он не сразу решился окликнуть сестру:

– Марианна!?

Звук его голоса чуть-чуть прояснил сознание девушки. Она бросила на него всё ещё рассеянный взгляд и, подойдя к тумбочке, освободила руки от кружки с молоком. И тут Анри изловчился, поймал руку сестры и так вынудил её присесть. Что ж, она подчинилась.

– Сестрёнка, что случилось? Ты меня пугаешь! – взмолился юноша.

Марианна развернулась брату, и по мере того, как взгляд её прояснялся, глаза стали наполняться слезами. Только теперь она с ужасом осознала, что находится в комнате Анри! Это открытие обожгло её, словно раскалённое железо! Ведь ей совсем не хотелось посвящать брата в подробности этой истории! Вот прямо совсем-совсем!

– Как я здесь оказалась?! – и девушка в ужасе схватилась за голову.

– Ты принесла мне молоко...

– О Боже! – Марианна резко вскочила, и взгляд её заметался.

А уже в следующий миг она бросилась к выходу.

– Марианна! Стой! – закричал ей в след Анри.

Но Марианна не слышала брата. Ужас нес её к двери, мысленно она уже была в лесу, или под подушкой, где угодно, только одна, и потому она вздрогнула всем телом, когда в самом проёме дверей её остановил тоже разгорячённый Жан:

– Что он тебе наговорил?!

Марианна подняла на него влажный, плохо осознающий происходящее взгляд:

– Ты?!

– Марианна... – эхом откликнулся Жан.

Девушка заметила в его взгляде этот возбуждённый огонь, в пылу неправильно истолковала его и сердито топнула ногой:

– Зачем ты здесь!? Что?! Пришёл, чтобы тоже сказать, что я легкомысленная дура, и ты глубоко оскорблён тем, что я ни во что не ставлю твои чувства?! Что я... я играю ими, словно лентой от платья?! Или, быть может, раз «жребий» пал на тебя, ты побережёшь эту речь для другого случая?! Так знай – я вас обоих ненавижу! Слышишь!!! НЕНАВИЖУ!!!

И Марианна предприняла ещё одну попытку проскочить

мимо Жана, и ей снова не удалось это сделать. Он ловко перехватил её и сжал крепкими руками её хрупкие плечи. Девушка начала изо всех сил вырываться, но стальные объятия Жана скоро усмирили её пыл. Вконец обессилев, она вдруг затихла. Тогда и хватка Жана ослабла, только теперь он осмелился прижать её к своей груди – тихо, нежно. По лёгкому содроганию плеч девушки, стало ясно, что она больше не может сдерживать слезы, и вот уже они предательски заструились по её щекам.

Анри, чьё лицо до сих пор было наполовину закрыто бинтами, лежал, не шелохнувшись, остановившимся взглядом наблюдая за происходящим. Но Жан заметил, каким гневом исполнился единственный, свободный от бинтов глаз друга. Было ясно, если бы не эта вынужденная немощность, тот бы прямо сейчас бросился к Антуану и стёр бы его в порошок. Отлично поняв друга, Жан печально улыбнулся ему, мол извини, я сам.

Через несколько минут, всё ещё держа Марианну за плечи, Жан аккуратно отстранил её и заглянул ей в глаза:

– Марианна, ты слышишь меня? Хорошо. Тогда повторяй за мной – мне на вас обоих наплевать! НАПЛЕВАТЬ! Ничего не было! Никакого выбора, никакого жребия! Ты свободна как вольный ветер! У тебя начинается новая, счастливая жизнь! Ты нашла брата! Ты найдёшь и своё счастье! Только запасись терпением, и всё... Всё очень просто!

– Виктор... – вдруг всхлипнула девушка.

– Он и я только люди, горячо тебя любящие, но... всего лишь люди. Я понимаю, тебе сейчас невыносимо видеть нас. Так и пошли нас обоих к чёрту! Ведь мы не стоим твоих слёз! Сейчас тебе надо знать только одно! Ты лучше всех! Красивее всех, и мудрее всех! И только тебе решать, когда, что, кому и как говорить и делать! Ты меня поняла? Ну же, улыбнись!.. Всё!?! Ничего не было!!!

И Жан заботливо помог ей опуститься на кровать Анри.

– Позаботься о сестре, друг. И вообще, тебе не кажется, что уже пора вставать? Мы с Виктором до смерти надоели твоей сестре...

Анри, не обращая внимания на этот никчёмный трёп друга, нежно взял руку Марианны в свою руку и только обронил:

– Иди к чёрту, Жан. Оставь нас вдвоём.

Жан печально улыбнулся и, не мешкая, вышел из комнаты. Марианна ещё с минуту сидела, сверля остановившимся взглядом стену напротив.

– Марианна! Сестричка! – тихо окликнул её Анри.

Марианна развернулась и... рухнула-таки к нему на грудь. Она плакала беззвучно, но так горько, как с ней то было лишь однажды – при известии о смерти бабушки. Анри, проклиная свою неспособность, смог только чуть выше приподняться на кровати, и теперь нежно гладил волосы сестры.

Сколько они так провели, оплакивая глупость сложившейся ситуации, трудно было бы сказать определённо, но, когда в комнату ворвалась Анна, Марианна уже немного

успокоилась.

– Вот ты где, Марианна! Скорее, пойдём! Надо что-то сделать!

– Что произошло? – Анри не спешил отпускать сестру, давая ей ещё немного времени, чтобы успокоиться. Анна пока не могла видеть лицо Марианны.

– Что?! Близнецы сцепились! Если не вмешаться, Виктор убьёт Жана! – едва ли не закричала сверх меры возбуждённая Анна.

От таких её слов Марианна оцепенела, но уже в следующий момент резко развернулась к Анне. Та же, увидев мокрые глаза подруги, сильно растерялась.

– Он Жану не страшен, уж поверьте мне! – тут же вспыхнул Анри, – Не вмешивайтесь в это! Слышите?! Я не прошу! Я, извините, требую! Марианна, ты меня поняла?! Они должны наконец выяснить отношения. И ничего не бойтесь! Никто никого не убьёт, это вам говорю я!

Но не факт, что Марианна его расслышала, и уж тем более поняла. Она резко встала и пригвоздила Анну вопросом:

– Ты видела, как это произошло?

– Да... Они обменялись парой слов, после чего Жан ударил Виктора в скулу, а тот в ответ схватил какой-то кол и бросился на Жана...

Марианна кинула на брата тревожный взгляд и стремительно вышла прочь. Анна не отставала. А Анри... Он, подавшись порыву, тоже попытался встать, и ему даже удалось

сесть, но тут же голова сильно закружилась, в глазах потемнело, и он снова рухнул на подушку.

* * *

– И ты говоришь, что любишь Марианну?! – Жан грозно надвинулся на брата, которого нашёл там же, где оставил.

Что ж, Антуан встал навстречу.

– А, явился, счастливчик! Конечно же, я не ошибся, она была у своего братца!

– Я задал тебе вопрос!

– Бог мой! А голос! А тон!!! Ты хочешь меня убедить, что тобой движет праведный гнев?! А чего ради-то?! Ведь это ты получил приз. Мои поздравления! – и Антуан издевательски рассмеялся.

У Жана потемнело в глазах, рука сжалась в кулак и... наотмашь ударила Антуана в скулу. Он успел напомнить себе о том, что перед ним брат, только в самый последний миг, и, быть может, только это и спасло Антуану жизнь. Тот, никак не ожидавший такого поворота дел, под силой удара отлетел к палисаду и едва не повалил его. Это был страшный удар. Но этого, именно этого Антуан, казалось, и ждал все эти дни, особенно эти последние минуты.

Он вырвал из палисада длинный тонкий кол и ринулся на Жана. Тот едва-едва успел увернуться. Ему показалось, что глаза Антуана налились кровью. Всё также зло скалясь, он обрушил на брата настоящий шквал ударов. Вот когда Жан по-настоящему поблагодарил Рая за преподанные некогда

уроки жизни: он уворачивался как заяц от волка, где прыгал, где падал, но это только ещё больше раздражило Антуана.

– Не хочешь драться?! – зарычал он, – Так я тебя заставлю!

– Очнись! Идиот! – огрызнулся в ответ Жан, в очередной раз едва увернувшись от страшного удара, – Ты с ума сошёл!

– Напротив! Я прозрел! И знаешь что?! Я терпеть не могу идеально правильных людей!.. Меня от тебя тошнит!!!

И снова удар, ещё удар. И вот Жан оказался прижат к кладке дров, больше отходить было некуда.

– Бери кол, пока я не убил тебя безоружным! – вдруг остановился и Антуан.

– Бог мой, это что, проблески благородства?! – не поверил своим ушам тоже страшно сердитый Жан.

– Бери!!! – зарычал Антуан.

– Ты так сильно хочешь подраться!? А, знаешь, что, я не против! Только давай сделаем это без свидетелей! – в тон ему отозвался Жан.

– Не хочешь, чтобы кто-то увидел, как я втопчу тебя в грязь? Сегодня ты перестанешь быть на меня похожим!

– Ой ли!? Хочешь сказать, что не заметил, как всё это время колотил по воздуху!? Тебе меня не достать! Моим учителем был сам Генрих Рай!

– Ха! Если бы ты знал, кто был моим учителем! Уже несколько лет я не проигрывал ни одного поединка! И этот не станет исключением!

– Брат...

– У меня никогда не было братьев!!! Я в них не нуждаюсь!!! – взорвался Антуан.

И Жан понял, что счёт времени пошёл на доли секунды. Что ж, он выхватил из кладки дров первое попавшееся под руку полено, и встретивший эту неожиданную преграду кол Антуана разлетелся в мелкие щепы, ведь в эту атаку Антуан вложил всю мощь своего гнева и боли, дал им выход, и только теперь смог выдохнуть. А его вторая половина вдруг ясно осознала, что сейчас он едва не убил брата!!!

Сердце Антуана похолодело от ужаса.

Понял это и Жан.

– Не нуждаешься в братьях?! – вскипел он, – А знаешь, что, я могу сказать то же самое! Мне даром не нужен такой брат, как ты!

Он уже метнулся к палисаду, вырвал из него два крепких кола, похожие на пики, и один швырнул Антуану:

– Говоришь, что давно не проигрывал!? Значит, пора исправить это!

И ринулся в атаку, а Антуан, вынужденно перейдя от нападения к обороне, с ужасом обнаружил, что не в состоянии уследить за полетом грозного оружия брата, он оказался совершенно не знаком с таким способом борьбы, и ему не никак удавалось так же счастливо уворачиваться от ударов, как это прежде получалось у Жана. Теперь он отступал, а Жан уверенно теснил его.

Вот кол Жана как-то невысказанно крутанулся, и Антуан оказался безоружен. Ещё удар, и Антуан распостёрся на земле, а Жан сильно замахнулся и... твердо, но неожиданно безболезненно, поставил свой кол брату на грудь. Тот хотел было рвануться, но тут его взгляд встретился со взглядом Жана, и Антуан застыл парализованным.

– Ты правда хочешь стать братоубийцей?! – спросил Жан и теперь с мучительным напряжением ждал ответа.

Его взмокшие волосы совершенно смешались, он тяжело дышал и не скрывал это, но глаза его ещё горели возмущенным огнём, огнём немого гневного вопроса.

И тут Антуан вдруг вспомнил глаза Эжена, как тот смотрел на него, когда он, Антуан, только-только ударил его, чьи руки крепко скрутили матросы. «Братоубийца?!..» И Антуан не выдержал, закрыл глаза, будучи более не в силах выдержать этот взгляд брата.

Жан никак не ожидал, что этому безумию может прийти такой конец. Он уже приготовился к длинной вразумляющей речи, но сейчас, увидев, как побледнел Антуан, как его лицо искривилось в гримасе боли, Жан содрогнулся всем телом. Он тут же отбросил свой кол подальше и присел:

– Ты... цел?!

Что ж, Антуан открыл глаза, в них стояли слёзы. Жан тоже почувствовал ком в горле, ведь Антуан смотрел на него и сквозь него одновременно, такое не могло не испугать:

– Ты цел?!!

Взгляд Антуана прояснился:

– Как это произошло?..

– Что?

Антуан выразительно огляделся, теперь Жан понял и печально улыбнулся:

– Просто тебе оказался не знаком такой способ владения шестом. У брианской бедноты шест – это третья рука.

– Но ты ведь не брианская беднота...

– Меня этому научил учитель. Вставай, – и Жан подал руку.

Что ж, Антуан принял эту помощь и уже через миг встал рядом с братом.

Потом он часто вспоминал этот момент и пришёл к выводу, что если бы тогда Жан назвал его Виктором, он бы во всём признался. В тот момент он, может быть, в первый раз в жизни почувствовал в постороннем человеке родную душу, брата. Но... это чувство лишь промелькнуло. А уже в следующий миг шум у крыльца вернул его к реальности. Жан тоже развернулся.

Оказывается, там собрались все обитатели Райского уголка, за исключением разве что Анри. Стало ясно, что зрелище этой битвы произвело на зрителей сильнейшее впечатление, но никто из них не спешил высказываться вслух. Что ж, Антуан встретился глазами с Марианной и его пронзила новая боль, на этот раз отражённая, боль его возлюбленной. Он всеми фибрами своей души ощутил, чего ей стоило это их

сражение, почувствовал, как сильно она устала, как больно он ранил её своими словами, действиями. Выдержать этот взгляд, взгляд любимой девушки, оказалось невозможно.

Жан заметил этот их немой диалог, но истолковал неверно – он почему-то ощутил себя лишним.

О, сколько бы все они отдали, чтобы обернуть время вспять, чтобы перечеркнуть всё произошедшее в этот последний час, и сказанное, и сделанное... но...

Жан дружески хлопнул несчастного Антуана по плечу и быстро пошёл прочь. Тот вздрогнул, обернулся. Он вдруг поймал себя на желании пойти следом и излить брату душу, но тут его сознание пронзила мысль, что вот теперь-то он окончательно потерял Марианну, теперь уж точно она предпочтёт ему Жана. И предательская ревность снова встала во весь свой гигантский рост. Антуан тяжело перевёл дыхание и... отправился в противоположную сторону.

Глава 33. Прodelки невидимки.

Своим весёлым уходом из дома маркиза де Рельгро Виктор сильно разозлил герцога... В тот день Его Светлость уединился в своей комнате и до ночи не выходил из неё. Как именно он переживал случившееся? Какие коварные планы он вынашивал? Это осталось его тайной, но на утро следующего дня он приступил к действиям.

– Я переверну этот паршивый городишко вверх дном, но достану этого щенка! – заявил он барону Парадессу.

За несколько часов были наняты полтора-два десятка шпионов, в основном бездомной шантрапы, готовой за кусок хлеба из кожи вон вылезть, и город подвергся тщательному обыску. И это стало серьезным испытанием жизнеспособности Эжена, особенно если учесть, что до недавних пор он с Виктором общался преимущественно с такого рода людьми. Его спасло то, что он резко сменил место жительства. Только один шпион всё же сумел прицепиться к Эжену хвостом, и его пришлось вывести из строя уже испытанным способом, то есть усыпить, правда, прежде Эжен счёл необходимым красочно объяснить новоявленному шпику, что лучше бы ему бросить это занятие...

Виктор и Карлос с замирающими сердцами прислушивались к отчётам ищеек и возблагодарили Господа за то, что герцог и барон не обратили должного внимания на то, что

имена Виктора и Эжена звучали одинаково часто. Каким-то чудом ни в одном из докладов не прозвучало, чтобы хоть кто-то видел одновременно двух близнецов, так что герцог и барон остались верными версии Виктора о том, что они имеют дело с одним талантливым близнецом Антуана, дерзко примеряющим на себя оба имени.

К исходу третьего дня стало ясно, что такая мера ничего не дала. Но герцог не мог с этим смириться, тем более что к тому времени Эжен уже дважды напомнил о себе...

Сначала, вернувшись после завтрака в свои покои, герцог нашёл на зеркале послание, написанное чем-то несмысленным. В нём Эжен обещал, что не даст герцогу скучать и будет регулярно делать ему подарки. Во избежание возможных недоразумений Эжен расписался «Ровиньоль-Лаган» и ниже «Р» – «Скоро эта буква будет вам сниться!»

Стоит ли говорить, что при виде этого послания герцог пришёл в ярость? Но даже она не помешала ему заметить: «А почерк-то похож на почерк Френсиса... Интересно!»

Его Светлости потребовалась пара минут, чтобы обуздать свою злость, и только после этого он призвал к себе четырёх праиэров и новенького, Горрадо. Да, взять на себя такой труд, скрыть злость и гнев, его заставило именно присутствие этого новенького, ведь ещё в юности он усвоил урок своего отца – «не позволяй врагам видеть свою ярость – она им слишком понятна, и показывает тебя слабаком!» Нет, это не значит, что герцог увидел в Хуане-Глене Горрадо врага,

но и другом назвать его ещё было нельзя. Предстояло с этим разобраться, так сказать, по ходу дела.

Уже через несколько минут все пятеро выстроились перед расписанным зеркалом. Виктор, конечно, скрыл удовольствие, полученное от этого зрелища. Герцог медленно развернулся к слугам, но заготовленная речь застряла у него в горле, так его поразил живописный фингал Ламороу. Поняв немой вопрос, тот вытянулся в струнку и... ничего не сказал.

– Меня не интересует причина, я спрашиваю кто? – металлический голос герцога рассёк звенящую тишину.

– Горрадо, – с большой неохотой ответил Ламороу.

Герцог сощурился и медленно смерил взглядом Виктора, который был заметно ниже Ламороу. «Неужели его в самом деле не интересует причина?» – не поверил Виктор, но ожидаемого вопроса так и не последовало. Его Светлость уже жестом указывал на зеркало:

– Вы все видите это послание? Это ничто иное, как объявление войны. Меня не важно как, но вы должны достать этого мальчишку, желательно живым, но если уж, то... но это лишь в крайнем случае. Для начала разберитесь, как он сюда попал. Я хочу, чтобы в моей комнате я мог находиться без угрозы подобных визитов. Вопросы есть?

Какая-то нерешительность слуг не рискнула вылиться в слова, но герцог понял её причину. До этого времени главой его гвардии был Ламороу, но этот фингал сильно пошатнул

его авторитет.

– Тогда выполняйте, – отрезал герцог и, обращаясь к Пит-у, добавил, – Ты идёшь за мной.

Герцог и Пит остановились у одного из окон анфилады второго этажа.

– Я слушаю, – герцог смотрел на улицу, но Пит понимал, что всё внимание Его Светлости сейчас было сосредоточено на нём, как и знал, что выбора ему не оставлено. Что ж, он рассказал, как всё было.

Герцог знал, кого спросить о произошедшем. Пит обладал редким даром передавать события, никак не выражая своего или чьего бы то ни было ещё отношения к ним. Возможно, этот дар был логичным проявлением его отношения к жизни, никого и ничто не впускать в себя и ни во что лично не вмешиваться, отсюда и полное отсутствие проявления каких-либо эмоций на его лице...

В свою комнату герцог вернулся один. Праиэры тотчас прекратили свои занятия и замерли, кто где стоял.

– Какие выводы? Как он сюда проник? – потребовал отчёта Его Светлость.

– Мой господин, ваша комната до сих пор никак особенно не охранялась, и войти в неё можно было и через дверь, – поспешил приступить к рапорту Ламороу, – Мы перетрясём всю прислугу дома, любое новое лицо сразу будет подвергнуто тщательному дознанию и...

– Надеюсь, вы сделаете надлежащие выводы, и вам боль-

ше не придётся осматривать эту комнату, – прервал его герцог, – Ламороу, за её неприкосновенность ты отвечаешь головой, – после чего последовал красноречивый жест рукой, приказывающий всем удалиться.

За Ламороу ещё было оставлено право лидерства, и брожение среди гвардейцев уменьшилось. Горрадо никто не спешил признавать своим, ему ещё только предстояло завоевать место под солнцем герцога Бетенгтона. А пока он решил остаться особняком, ограничившись только наблюдением за происходящим, за отношениями окружающих его теперь людей, и это его непроницаемое спокойствие всё больше и больше выводило из себя Ламороу. Какое-то седьмое чувство подсказывало тому, что его царствование подходит к концу, и он заболел идеей известить новичка, оставалось только ждать подходящего случая.

Но случай играл против него...

* * *

Сильно неудовлетворённый результатами дня герцог едва не поругался с бароном, который также был не в лучшем расположении духа. Пока герцог строил новые планы отлова Эжена и пытался даже что-то для этого сделать, барон предпринял новую прогулку в леса Шероль. За ужином прямо в присутствии маркиза де Рельгро Парадесс потребовал помощи:

– Ваша Светлость, я не понимаю вашего невнимания к беглецам. Или, быть может, они больше вас они не интере-

суют? Не забывайте, среди них есть и один из Лаганов.

– Два, вы хотели сказать, – ядовито заметил герцог.

– Верно, два! – тут же приободрился барон, – Что толку носиться по Рунду в поисках одного проходимца, если можно поймать сразу двух?! Тем более что, кажется, это сделать легче!

– Вот как? – искренне удивился герцог, – Это что-то новое. Прочесать леса Шероль легче, чем этот паршивый городишко?! Или я чего-то не знаю?

– Подумайте сами, чем вы тут занимаетесь? Ищите оборванца среди оборванцев. Не похоже ли это на поиск иглы в стогу сена? – голос барона тоже звучал ядовито, хоть он и честно старался держать себя в руках, – В то же время найти гораздо большую компанию в гораздо менее многолюдном месте, не легче ли?

– И вы их уже нашли, не так ли? – зло усмехнулся Его Светлость.

При таких словах герцога барон едва не сорвался, но пусть и с трудом, он всё-таки сдержал уже готовое сорваться с его уст ругательство:

– Найду, если вы, Ваша Светлость, и вы, Ваше Сиятельство – барон обратился в маркизу, – Если вы оба поможете мне людьми и... было бы хорошо найти человека, хорошо знающего лес.

Герцог задумался на пару секунд и вдруг кивнул, после чего развернулся к маркизу:

– Барон прав. За вами, сударь, проводник.

– Но, господа, неужели нет никакой надежды на то, что Антуан даст о себе знать? – невольно сморщился маркиз.

– Есть такая надежда, но что вас смущает, сударь? – усмехнулся герцог, – Или вам уже не так сильно хочется увидеть свою блондинку?

– Дело в её опекуне, господа, – и маркиз густо покраснел.

– Это вы о Геньи?

– Да, о нём.

– Но вы же говорили, что он какой-то лесной бродяга. Почему вдруг решили назвать его опекуном? – фыркнул герцог и тут же ухватился за эту мысль, – А ведь и правда! Графиня де Шероль сирота, верно? Тогда у неё должен быть законный опекун! Кто же это? Расскажите нам про этого человека!

В ответ Маркиз сокрушённо повёл головой:

– Это сложный вопрос...

– Что здесь сложного? Просто назовите имя! – герцога искренне удивило замешательство маркиза.

– Дело в том, что согласно завещанию покойного графа Оноре де Шероль, отца графини Анны, опекуном назван его старший брат Рене граф де Шероль. Но этот человек уже много лет живёт за границей, даже не знаю где именно. Умирая, отец Анны сковал дочь клятвой не покидать Шероль до достижения ею возраста двадцати одного года. Он был странно уверен, что к этому времени она и так найдёт мужа. Когда это случится, этот таинственный Рене де Шероль со-

изволит появиться во Фрагии и передать избраннику Анны права на Шероль.

– Права на Шероль? А сам он тогда с чем останется? – удивился барон.

Маркиз лишь неопределённо развёл руки:

– Этот человек очень давно не появлялся во Фрагии. Возможно, он уже обзавёлся иной собственностью и даже новым титулом. Это всё, что я могу рассказать вам о нём. Вы спросили. Я ответил.

– Ладно. Это уже неплохо. Значит никакого противодействия со стороны сильных мира сего не предвидится, – герцог выразил некоторое удовлетворение.

– Если даже и так... Одного Геньи может оказаться достаточно, – фыркнул маркиз, – Пусть формально он и не опекун Анны, но на деле это всё-таки именно так. И это проблема. Вы не знаете этого человека, а вся округа знает. Хоть он уже и стар, я уверен, что здесь невозможно найти человека, который бы пожелал перейти ему дорогу.

– История становится всё более увлекательной, но всё-таки постарайтесь найти проводника! – герцог веско ударил ладонью по столу, – Завтра мы с вами присоединимся к барону.

– Я рад, что мы, наконец-то, смогли друг друга понять, – и барон даже счёл возможным поклониться герцогу, – А этот Ровиньоль...

– Сам залетит в мои сети, – усмехнулся герцог, – Маркиз,

вы говорите, что когда-то он был без памяти влюблен в вашу сестру?

– Я говорю?! Позвольте, вы станете утверждать, что узнали это от меня?

– Превосходно, – рассмеялся герцог, – Вы только что это сказали. Вот здесь-то я и выставлю свой капкан.

– Ваша Светлость, позвольте заменить, Эжен мало похож на обычную мышь, – нахмурился барон, – Я не думаю...

Но при этих словах барона герцог вдруг залился смехом.

– Милорд!? Что смешного я сказал? – не понял и потому едва не оскорбился барон.

– Мышь... Превосходно, барон! – герцог веско кивнул и честно постарался стать серьёзным, – Продолжайте, прошу вас!

– Я только хотел сказать, что это потребует несколько ваших людей... Не лучше ли было бы...

– Я вас не обижу, – герцог решил, что уже понял, о чем идёт речь, – Мы в одной упряжке, не так ли, господа, и одно дело не важнее другого.

– Позвольте, но согласиться... – всё-таки рискнул возразить барон.

– Ваша Светлость, – маркиз перебил барона, – Я вас прошу, не впутывайте в это дело мою сестру.

– Маркиза очень умная женщина, и правильно рассудила, решив не мешать нам. Чем меньше она будет знать, тем лучше. Мои люди станут только следить за ней, это никак её не

зачнет.

– Ошибаетесь, милорд. Она очень своенравна, и если это ей не понравится, а я уверен, так оно и случится, то она может организовать большой скандал.

– Да?! В самом деле?! Она не показалась мне истеричкой, – и на том герцог закрыл разговор.

Чуть позже, оказавшись наедине, барон посоветовал маркизу ничего не говорить, ни о чём не предупреждать сестру, с чем маркиз не мог не согласиться.

– Герцог чертовский упрям, – усмехнулся барон.

«Упрямее ли Эмилии?» – покачал головой раздосадованный маркиз.

* * *

Уже поздний вечер. За окном темно. Снова праиэры и Горрадо вызваны к Его Светлости. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, в чём дело – все подушки вспороты, одеяло разрезано на длинные аккуратные полосы, та же участь постигла и полог кровати. В довершение этой картины над изголовьем обои были порезаны буквой «Р».

– И как это понять?! – от голоса герцога веяло адским холодом.

Лицо Ламороу стало пунцовым:

– У дверей вашей комнаты постоянно стоит часовой, – едва ли не проскулили он.

– Ну и?..

– Позвольте ещё раз осмотреть комнату! Я уверен, в неё

никто не входил! – страх придал голосу Ламороу силы.

– И это произошло само собой?! – прорычал в ответ герцог, – Мне начинают надоедать выходки этого молокососа. В то время как его ищут по всему городу, он забирается в мою комнату и вытворяет здесь, чёрт знает что! Смотри, Ламороу, я ценю твою службу, но за последние дни, это уже второй прокол... Моё терпение не бесконечно! Остерегись!

И герцог вышел, позволив праиэрам ещё раз попытаться решить этот ребус.

– Почему второй? – выругался вслух Ламороу, – За утро я не в ответе.

– А до сего дня ты был безгрешен? – усмехнулся Горрадо.

– Заткни пасть! – огрызнулся Ламороу, – Хотел бы я знать, за что это герцог так тебя приблизил. Каждый из праиэров заработал своё звание потом и кровью! А ты... Не обольщайся! То, что ты сейчас среди нас, ещё не значит, что ты один из нас. Вероятно, Его Светлость просто решил тебя испытать. Будь уверен, надолго ты здесь не удержишься.

В ответ Горрадо лишь усмехнулся и пожал плечами. Что ж, Ламороу зло оскалился, но на этот раз сдержался:

– Всё, за дело! – распорядился первый праиэр, и его товарищи снова разбрелись по комнате в поисках ответа на поставленный господином непростой вопрос.

«Да, не в добрый для меня час завязалась эта история с Лаганами!» – думал тем временем Ламороу, не упуская из поля зрения Горрадо, – «Похоже, герцог считает моим пер-

вым проколом бегство племянников барона. И этот Ровиньоль ещё тот орешек, наглец несусветный! Да, герцог предлагает мне снова доказывать свою пригодность на роль первого, и в качестве испытания выбрал этого Горрадо, чёрт бы его побрал! Кажется, он образован не хуже любого из нас, шутка ли, говорить и писать на трех языках! И подраться мастер, и умён... Что ж, чем достойнее противник, тем сладо-стнее победа!»

Тем временем герцог, направившись к барону, неожиданно для себя столкнулся с ним уже на полпути. Барон тоже был вне себя от злости. Ещё на ходу, раскатисто выругавшись по-испайронски, он воскликнул:

– Поймите этого потрошителя, герцог! Моя помощь всегда с вами. Его бы так располосовать!

– Что?! Он и ваше ложе порезал?

Брови барона тут же поползли вверх:

– Значит мы в равном положении? – и барон даже чуть успокоился, чем заметно задел самолюбие герцога.

– Рад, что вы начинаете это осознавать, – усмехнулся герцог, – Завтра на заре я составлю вам компанию в вашей прогулке, а этому птенцу... недолго осталось летать.

С тем герцог круто развернулся и неожиданно спокойно, с достоинством скрылся с глаз барона.

В свою спальню он вошёл тихо, так что его не сразу заметили, и Ламороу ещё не закончил раздавать распоряжения:

– Фил, организуешь слежку за окнами. Выскочка, что ты

делаешь в камине, я уже там всё проверил, ты меня слышал?

– Если не хочешь звать меня Хуаном, можно Гленом. Нет?

Тогда уж полностью Хуан-Глен Горрадо Лос Анкон, – спокойно, не спеша прервать своё занятие, откликнулся Виктор.

– Твоё имя растёт раз от разу, – усмехнулся Фил.

– Что ж, надо тренировать память этого склеротика, – в тон ему откликнулся Виктор.

– Да, ты!!! – взвился Ламороу.

– Что? Пасть закрыть? – поинтересовался Виктор, наконец-то, вынырнув из камина.

– Знай своё место, выскочка! – взвился Рон.

Он вслед за Ламороу уже был готов броситься в драку, но тут раздался властный голос Его Светлости:

– Ваше время истекло!

Слуги поспешили вытянуться в струнку, а герцог величественно прошёл к креслу и погрузился в его объятия:

– Так что же? Как он сюда забрался?

– Думаю, через окно, Ваша Светлость, – Ламороу начал рапорт.

– Что значит «думаешь»? Не забывай, здесь второй этаж.

– Я так полагаю... Спуститься по веревке нетрудно. Надо осмотреть крышу. Мы сейчас же это сделаем, и впредь такое не повторится. Мы будем охранять окна и двери круглые сутки.

– Ох, боже праведный! – раздался возглас старшей горничной Жаклин Норьи, – Да мы же так не напасёмся постель-

ного белья!

Но поймав суровый взгляд герцога, женщина сжалась в низком реверансе и, пообещав тотчас всё исправить, убежала прочь.

– Значит в окно, – заключил герцог.

– Нет, Ваша Светлость, – вдруг спокойно возразил Виктор.

– Что?! – от такой наглости новенького Ламороу чуть не взорвался, – Тебе неизвестно, что вы должны обо всём докладывать прежде всего мне?! Смеешь перечить?!

– Даже если бы я и знал об этом «должны», я всё равно не успел бы ничего сказать. Да и стал бы ты меня слушать? – голос Виктор прозвучал издевательски спокойно.

– Не много ли ты...

– Ламороу, – оборвал его герцог, – Говори, – приказ был отдан уже Виктору.

– Выставить караул на крыше, очень трезвая мысль, – названный Гленом почтительно поклонился господину и тут же доложил, – Ровиньоль пришёл сюда через камин.

– Чушь! – не выдержал Ламороу.

– Я слушаю, – герцог кивнул Виктору, а Ламороу стегнул резким взглядом.

Что ж, Виктор взял канделябр и осветил подножие каминна:

– Извольте заметить, Ваша Светлость, что в этом доме на редкость чисто убирают (услышав эти слова, уже вернувш-

яся Жаклин не сдержала гордой улыбки). А здесь, взгляните, видно, что по идеально чистому камню водили, Бог знает, чем, и пепел сгребли в кучу.

– И это всё? – герцог, и правда, удостоил рассказчика некоторым вниманием, что-то в его манере говорить, жестах, казалось ему до боли знакомым.

– Нет, Ваша Светлость, – Виктор засунул канделябр в каминную трубу и осветил её изнутри, – Если вы загляните сюда, то увидите следы...

– Если он сам там наследил, то да, – огрызнулся Ламороу, уже позеленевший от злости.

Но герцог счёл-таки возможным принять это предложение Глена, правда, ничего не увидел. Виктор понял его взгляд и поспешил объяснить.

– Взгляните, здесь, на уступчике сажа уплотнена явно башмаком. А вот выше, стену вообще хорошо потерли. И, наконец, вон там, тремя футами выше, начинается лестница.

Герцог выпрямился, не спеша, стряхнул с себя пепел и поднял взгляд на своего первого праиэра:

– Значит в окно... А у тебя какие соображения, Ламороу?

Тот не смог выдавить из себя и пары слов. Воцарившаяся пауза оказалась для него страшнее смертного приговора.

– Ты ли это, Ламороу? – и герцог презрительно скривил губы.

Уже через секунду Его Светлость извлёк из кармана серебряную монету, бросил её Виктору и добавил:

– Служи мне так и дальше, и внакладе не останешься. Я рад, что не ошибся в тебе. Отныне на мой зов праиэров ты должен появляться без персонального приглашения. А теперь убирайтесь, все, кроме Ламороу.

Поклонившись, слуги вышли.

– С этого момента можешь забыть о спокойном сне, парень, – усмехнулся Фил, обращаясь к Виктору, – Ламороу этого тебе точно не простит.

Но Виктор равнодушно пожал плечами и прошёл вперёд.

– Грядут перемены? – сощурился Рон, с великим трудом удержавшись от того, чтобы не плюнуть во след Глену, – Его уже сделали праиэром... Я согласен с Ламороу, это слишком быстро! Возмутительно!

– Просто удачное для новенького стечение обстоятельств. Но на Ламороу и правда кожа горит, – согласился Фил, – Как думаешь, Пит, чья возьмёт?

– Здесь всё решает герцог, – хмуро обронил Пит, всё ещё сверля взглядом дверь, за которой скрылся Виктор.

После разговора с герцогом Ламороу вернулся даже приободренный. Он отозвал к себе Пита, и они долго о чём-то беседовали. О чём? Это осталось между ними. Виктор только узнал, что герцог подтвердил своё решение поручить обеспечение неприкосновенности дома маркиза Ламороу. То же, что Пит в этот вечер проявил заметное внимание к комнатам маркизы, навело Виктора на мысль, что тому поручено осуществлять слежку за хозяйкой дома. «Хотят взять

братишку на живца! Но тут одного Пита будет маловато!» – усмехнулся Виктор.

Утром следующего дня верный данному накануне обещанию герцог присоединился к барону в поездке в леса Шероль.

Глава 34. Исповедь.

Эмилия почти вбежала в храм Святого Антуана, но на пороге резко остановилась и круто развернулась. Её уловка удалась. Пит, не ожидавший такой хитрости, едва не вылетел из своего укрытия, но внимание прохожих к себе всё же привлёк, создал неуместную здесь суету, и Эмилия лишней раз убедилась, что подозрения её не обманули. За ней следят!

«Ну, милый братец, держись! Теперь ты позавидуешь нашим родителям! Я научу тебя держать язык за зубами! Или я буду не я!» – и Эмилия, гневно топнув ножкой, скрылась в храме.

Торжественность внутреннего убранства этого великого собора была не в силах изменить ход её мыслей. Не будучи набожной, Эмилия редко обращалась к Богу за помощью, и если и ходила в церковь, то, скорее для того, чтобы ей никто не мешал думать о своём. Вот и сейчас, она переступила этот порог именно в поисках тишины, уединения...

Каждый день она находит в своей комнате маленькие букеты незабудок – то на подоконнике, то на пороге, а раз даже на туалетном столике. Теперь мысли об Эжене не оставляют её ни на миг. Она уже стала опасаться, как бы и вслух не произнести его имя. Эмилия уже не могла припомнить, когда и как она могла жить без него, без его внимания, без его озорства.

Позавчера он оказался на задворках её кареты и наговорил ей уйму нелепостей. От волнения Эмилия никак не могла понять смысл его речей, эта безумная смелость Эжена остро щекотала её нервы, а его слегка издевательская манера говорить вынуждала всё время быть на чеку. Он был непредсказуем в словах и действиях, и это очаровывало, завораживало.

Эжен постоянно играл, казалось, совершенно не осознавая, как опасна эта затеянная им игра. Эмилия хорошо знала от брата, что Эжен уже добился того, что герцог и барон бледнеют при одном только упоминании его имени. Его шалости постоянно путали им карты особенно в том, что касалось поисков беглецов. Пару раз все подруги оказывались перерезаны, на починку ушло больше полудня, а потом разразился страшной силы ливень. Уже ни раз кони отказываться покидать конюшню, то их клонило в сон, то одолевали приступы бешенства. А однажды, в один из случившихся-таки походов, на всех всадников напал страшный зуд. Оказалось, что в седлах были спрятаны мешочки с муравьями...

Рассказывая это сестре, маркиз невольно смеялся. Смеялась и Эмилия, но в душе она всё больше и больше боялась за своего героя, хотя, казалось, что Эжен уже и не человек, а некто сверхъестественный. Он умудрялся оказываться в таких местах, узнавать о таких вещах, что становилось страшно, можно было поверить в его вездесущность. Например, маркиз с великим трудом нашёл человека, согласивше-

гося стать проводником в лесах Шероль, но на утро тот исчез. Второго проводника постигла та же участь, и никаких следов. Весть об этом в мгновение ока облетела город. И вот уже казалось, что весь Рунд знает, что пришлые иностранцы охотятся на Геньи, и что у них из этого получается. Жизнь барона и герцога становилась невыносимой.

Что греха таить, в глубине души Эмилия радовалась этому. Но вдруг она обнаружила за собой слезку. Конечно же, мысль о том, что её решили использовать как приманку, вызвала в её душе взрыв негодования, и она тотчас поклялась, что они ещё горько пожалеют об этом. Больше она не намерена оставаться пассивным зрителем: «Всем им аукнется эта оплошность, или я не Эмилия де Рельгро!!! Но как это сделать?!!!...»

– Прости меня, дочь моя...

Эмилия вздрогнула, и только теперь заметила подсевшего рядом священника. Капюшон скрывал его лицо, но это её не интересовало.

– Оставьте меня, святой отец. Я хочу сама пообщаться с Богом.

– Да, понимаю... Я знаю, что вы предпочитаете обходиться в этом разговоре без посредников.

Эмилия с трудом осознала услышанное. Она медленно развернулась к священнику:

– Вы не из нашего прихода.

– Верно, я появился здесь недавно, со дня моего возвра-

щения из Ватикана прошло только несколько дней.

– Да, у вас молодой голос, мне даже кажется, что...

– Верно. Многие готовы назвать меня юнцом, но не здесь, не в храме, – священник набожно свел руки и, казалось, мысленно произнёс молитву, после этого, всё также шепотом добавил, – Вы можете называть меня Фредерик.

Эмилия задумчивым кивком дала понять, что приняла его просьбу к сведению.

– Я так поняла, что меня вы знаете.

Священник веско кивнул.

– Что ж, отец Фредерик, я рада нашему знакомству, но позвольте мне всё же побыть одной. У меня нет желания вам исповедоваться.

– Понимаю, ведь мы едва знакомы. Но, быть может, я позову отца Джорджа?

– О нет! Избавьте! – против воли вспыхнула девушка.

По движению головы отца Фредерика Эмилия поняла, что её слова удивили его, но уже через секунду он снова кивнул.

– Понятно. Вы не доверяете этому человеку.

– Я никому не доверяю, даже священникам, – отрезала маркиза, но тут же смягчилась, – Прошу простите мне эти крамольные слова.

– Не стоит, дочь моя. Я вас понимаю. Священники тоже люди. Я сам, будучи студентом семинарии, получил в этом жестокий урок. Искренне веря в Господа, я позволил себе быть предельно откровенным, но человек, принимавший ис-

поведь, не только не потрудился сохранить услышанное в тайне, но и... Одним словом, это закончилось поркой, не самой страшной в моей жизни поркой, но, быть может, одной из самых болезненных, потому что он исполосовал мне душу, предал моё доверие. Конечно, его душе за это гореть в адском пламени, на то его выбор. Но и у вас есть выбор. Писание не запрещает вам пойти на исповедь к другому священнику, найти человека, для которого верность слову божьему превышает человеческих слабостей. Например, настоятель собора Святой Магдалины...

– Ни разу в жизни я не слышала подобных речей от священников! Вы интересный человек.

– Я всего лишь смиренный раб божий. Но да не стану более вам мешать, дочь моя. Да прибудет с вами мир! – и отец Фредерик сделал движение встать, но Эмилия вдруг поспешила схватить его за руку.

– Отец мой, прошу, выслушайте...

– Вы хотите исповедаться? Я не думаю...

– Нет, расцените это не как исповедь, а как зов о помощи, мне необходим совет. Прошу вас!

– Вам нужна помощь, совет или быть может прощение божье? Вы уверены, что ощущаете эту разницу?

В ответ Эмилия потупила взор, и в её голосе послышалось отчаяние:

– Вы хоть и молодой, но, я чувствую, очень мудрый человек. Мне необходимо выговориться и быть услышанной. По-

нимаєте, я ужасно боюсь, у меня сердце замирает от страха при мысли о том, что может произойти. Возможно, помочь мне советом не в ваших силах, но я уверена, что вы сохраните всё услышанное в тайне...

Было видно, что отец Фредерик колеблется, но уже через минуту он принял решение и снова присел рядом:

– Что ж, я буду рад вам помочь, и уж в любом случае всё останется только между нами двумя. Это я вам обещаю твёрдо.

– Благодарю вас, святой отец, – Эмилия перевела дыхание и решила, – Мне ужасно больно вспоминать события годовой давности. Да, примерно год назад в мою жизнь вошёл человек, поставивший её с ног на голову. Это дитя улицы, человек без рода и племени, нанялся к моему брату лакеем и имел наглость открыто выражать свою любовь ко мне, а я приняла этот дар как никчемную игрушку и очень жестоко обошлась с ним. Я сама, мой брат с моего позволения, мы подвергли его нечеловеческим испытаниям, возможно, потому... потому, что мы не задумывались над тем, что он тоже человек.

– А теперь ваше мнение переменялось? – голос отца Фредерика прозвучал как-то хрипло, но Эмилия, поглощённая своими мыслями, не обратила на это должного внимания.

– О да! Может быть, он самый достойный из всех, кого я когда-либо встречала!

Фредерик медленно повёл головой в её сторону:

– Позвольте спросить, а что заставляет вас так думать? Что именно изменилось за этот год?

– Изменилось? Да... Он оказался отпрыском древнего благородного рода... Но я понимаю, что вы хотите сказать. Нет, не в этом дело!

– Вы... уверены?

– Да. Только после того, как он тогда ушёл, я ощутила, как много он для меня значил. Никто никогда не любил меня так... Хотя правда, всё это время я вспоминала об этом скорее с чувством горького сожаления, может быть, раскаяния, не более... Но сейчас он вернулся. Он снова рядом, он по-прежнему любит меня... Мне так кажется... И я боюсь...

– Его?!

– Я боюсь его памяти!.. И я боюсь за него самого! Понимаете, похоже, его враги прознали, что он ищет со мной встреч, и установили за мной слежку. Вы понимаете, они используют меня как приманку! И я не уверена, что в силах это прекратить!

– Тише, тише! Прошу вас!

– Я обнаружила это только сегодня утром... Я бы могла его предупредить, послать кого-нибудь из верных мне слуг, но я не знаю куда, не знаю, где он прячется, откуда появляется! Тогда, год назад, с моего позволения ему сделали очень.., очень больно! Я не хочу снова явиться причиной беды для него, тем более что теперь ему грозит смертельная серьёзная опасность. Как мне быть?!

Поддавшись внутреннему порыву, отец Фредерик взял её за руку, и его тёплое прикосновение как-то в миг успокоило девушку.

– Ещё один вопрос... – тихо произнёс священник, – При мысли об этом человеке вы по-прежнему испытываете только сожаление и раскаяние? Или теперь к этим чувствам прибавилось что-нибудь ещё? И если да, то причина перемены только в том, что он оказался отпрыском древнего рода?

– А... это важно? – насторожилась Эмилия.

– Мне важно понять, чем руководствуетесь вы, и что движет им.

– Отпрыск древнего рода... Он и раньше был интересен, но теперь я имею право видеть это. Поймите это! И я... я испытываю к нему больше, чем просто дружеские расположение!.. Но это безнадежно... Он не может не помнить того, что было, и ни один человек не в силах это простить.

– Но вы говорите, что он по-прежнему любит вас, что он идёт на невероятный риск, лишь бы увидеть вас. Это ли не доказательство того, что он не затаил за пазухой камня для вас?

Эмилия поджала губу, а отец Фредерик продолжил:

– Что же касается слежки, то и это не стоит такого вашего волнения. Если хотите знать, за вами следят уже три дня. Чем вас не устраивала ваша жизнь в течение этих трёх дней? Ваш друг знает об этом, и потому только в двойне осторожен. Но эта малость не в состоянии запретить ему видеть вас.

И вот тут Эмилия лишилась дара речи. Её словно громом поразила догадка. Она раскрыла душу самому Эжену?!? Поняв причину её замешательства, Эжен сдвинул капюшон, чем окончательно развеял её сомнения.

– Ты?!? – превозмогая шок выдохнула Эмилия.

– Признаться, я удивлен. Пойти на такую откровенность с человеком, лица которого вы так и не увидели!.. – усмехнулся Эжен и тут же стал совершенно серьёзен, – Но что, если это судьба?! Может быть, только так мы могли выяснить наши отношения?..

– Ты только что распространялся о святости тайны исповеди, и тут же сам её нарушил?! – Эмилия была близка к панике.

Но Эжен с силой сжал её руку, призывая оставаться на месте, и быстро зашептал ей почти в самое ухо:

– Кажется, мы договорились, что это будет не исповедь, и я согласился вас выслушать только потому, что вы сказали, что вам нужна помощь. Я не помог вам? Всё просто. Нет причины бояться этой слезки. Нет необходимости изводить себя неприятными воспоминаниями. Верьте в будущее, как в него верю я.

– Нет... Нет! Я тебе этого не прощу! – о, сколь многое отдала бы Эмилия, чтобы сейчас провалиться сквозь землю, но... «Боже! Я призналась ему в любви! Я сама!» – Слышишь! Никогда не прощу!!! – шипела она в бессильном отчаянии.

– Смотрите, к алтарю подошёл Пит, это ему поручено пасти вас, – Эжен сощурился, – Если вы так сердиты, то вот она возможность поквитаться, только возвысьте голос. Пит здесь не один. Я не уверен, что им удастся меня схватить, но побегать они меня заставят, это точно. Так что же вы?

Эмилия скосила взгляд и, правда, увидела спину Пита. Он, подобно статуи, стоял перед алтарём, возможно, весь превратившись в слух. И сердце девушки ушло в пятки. Она медленно перевела полные ужаса глаза на Эжена, но, казалось, он не хотел понимать всю отчаянность своего положения.

– Эмилия! Я был не прав, говоря, что за это время ничто не изменилось. Перед вами уже другой человек. Прежнего Эжена больше нет, он утопил своё горе в море вина и постарел лет на десять. Это не тот восторженный мальчишка с пылающими наивным восхищением глазами. Это страшный циник и хам, который теперь только тем и занят, как бы насолить человеку, лишившему его детство родительского тепла... Да и вы уже не та Эмилия де Рельгро, передо мной очаровательная девушка с доброй душой, умная, сильная, от заносчивой снежной королевы не осталось и следа. Ради встречи с вами не грех рискнуть этой никчемной головой. А ради тех слов, которые я услышал не самым праведным путем, теперь и умереть не страшно. Но да я слишком люблю жизнь, тем более что она, похоже, только начинается! Поэтому не тревожьтесь попусту ни о будущем, ни о прошлом.

– Эжен, ты... безумен!

– Очень многие так думают, – усмехнулся Эжен, – Может быть, это и так, предлагать руку и сердце такой своенравной особе! Но да не стану более занимать ваше внимание, вы пришли сюда, чтобы побыть в одиночестве. Извольте, я исчезаю.

И с тем Эжен встал, при этом капюшон ловко съехал на лоб, снова надёжно скрыв его лицо, рука его торжественно поднялась и осенила лоб девушки крестным знамением.

– Да прибудет мир в твоём сердце, дочь моя! – торжественно, невероятно правильно на лате произнёс он и, набожно сложив руки, не спеша, удалился.

«Ему идет роль священника! Ах да, они же с Виктором, помнится, какое-то время жили в каком-то монастыре... О Боже! Как же он... безумен, и... прекрасен!» – Эмилия проводила его остановившимся взглядом и только, когда дверь притвора закрылась за его спиной, вспомнила о Пите. Но тот по-прежнему стоял у алтаря, ни единым движением не выказывая, в курсе ли он происходящего.

Что ж, Эмилия тяжело вздохнула и подняла было руки к лицу, но тут же обнаружила, что в одну из них вложена маленькая незабудка. Только благодаря перчатке девушка не почувствовала присутствие этого цветка раньше...

Глава 35. Открытие.

Это случилось уже четыре дня назад, а точнее на следующий день после памятного нападения Ламороу на Маги – старшая горничная дома Рельгро Жаклин Норьи рассказала своей госпоже про это происшествие. Эмилия сразу же призвала маленькую горничную к себе, пожелала лично обрадовать её новостью, что теперь она будет приписана только к женской части дома. Услышав это, Маги вдруг упала на колени и слёзно взмолилась о разрешении остаться служить на прежнем месте.

– Уж не с ума ли ты сошла, милочка? – изумилась Эмилия.

В ответ Маги только насупилась и поджала губы. Такая её реакция рассердила госпожу:

– Разве для девушки место среди неотёсанных мужланов? Тем более теперь, когда один из них позволяет себе так грязно распускать руки! Я слышала, ему никто не смеет возразить...

Но Маги продолжала упрямо молчать.

– Вот что, милочка, – раздражённо фыркнула Эмилия, – Пока ты мне не объяснишь, что с тобой происходит, я не желаю потакать этим капризам. Моя воля для прислуги этого дома закон. Надеюсь, с этим ты спорить не намерена?

Маги тут же с готовностью кивнула.

– И то ладно, – Эмилия сделала вид, что начинает отгаи-

вать, – Так ты станешь отвечать?

Что ж, в ответ и на этот вопрос Маги кивнула, правда менее охотно.

– Просить меня оставить тебя там... – тем временем Эмилия продолжала озвучивать свои мысли, – Признаться, я не ожидала такого от тебя! И ладно бы речь шла о какой-нибудь распутной девке, да и в том случае, я не стала бы потакать, просто указала бы на дверь. Но ты ведь у нас умница-благоразумница! И вдруг такая просьба! Да ещё и после этого происшествия... По моему опыту не много найдётся причин для внезапной глупости. И одна из них любовь...

И в тот же миг Маги вспыхнула, как сухой хворост, а внимательная Эмилия заметила это и от души рассмеялась:

– Вот значит как?! Я угадала! Ох, да что же это такое творится в моём доме... Уж не эпидемия ли?... Ладно, ладно. А теперь признавайся, кто это? В кого именно ты влюбилась? – и маркиза даже подалась ближе.

– Госпожа... – взмолилась Маги.

– В кого?!

Маленькая служанка набрала полную грудь воздуха и выпалила:

– В нового слугу герцога, Хуана-Глена Горрадо.

От такой новости даже Эмилия невольно фыркнула.

– Госпожа! – и Маги состроила обиженную гримасу.

– Говорят же люди, любовь слепа, полюбишь и... – едва снова не рассмеялась златовласая маркиза, но в последний

момент осеклась, правда своё ехидное настроение не растеряла, – Детка, ты вообще в своём уме?

Что ж, Маги снова упрямо поджала губы. И тут Эмилия поймала себя на странном, неприятном чувстве – ей стало очень грустно, и голос её прозвучал неожиданно мягко:

– Мне казалось, что ты умная девочка...

– Я знаю своё место, госпожа! – вдруг вскинулась Маги, – К тому же я не собираюсь за него замуж...

– Противная девчонка! Бросаешь меня ради какого-то испайронца?! – Эмилия скривила обиженную гримасу и в тот же миг оттаяла, – Ладно, будь по-твоему. Жаклин продолжит использовать тебя на гостевой половине, но ты будешь появляться у меня всегда, когда это мне потребуется. И не дай тебе Боже меня послушаться! Хотя было бы лучше не потакать этим безумным фантазиям...

– Госпожа... – Маги её не понимала, верить ли ей услышанному, что именно она вообще услышала? Позволение или запрет?

– Да-да, я должна была бы запретить тебе, для твоего же блага! Но да ладно. Я уже решила. Исчезни, – Эмилия раздражённо взмахнула рукой и отвернулась к своему туалетному столику.

А Маги, ни жива, ни мертва, отправилась в свою комнату.

Нет, не Хуан-Глен Горрадо её интересовал, а все, даже малейшие, слухи об Эжене. Это любопытство, сестра тоски, давало ей смелость заглядывать в замочные скважины и

прикладывать ухо к стене, ширме... Решиться на такое было очень непросто, но стоило отважиться раз, второй дался уже легче, и... она нашла управу на свой страх.

Но награда оказалась не велика. Эжена никто не вспоминал иначе, как с бранью на устах, и... Она не знала ни испайронского, ни брианского, а слуги Рельгро обо всём узнавали последними. Маги не могла с этим смириться.

И вот тогда она вспомнила о Горрадо. Назвав его своим возлюбленным в разговоре с госпожой, Маги тотчас забыла о нём, но теперь, поиск хоть каких-нибудь нитей к Эжену заставил её вернуться к мысли об испайронце. Он заступился за неё, вел себя с ней так великодушно. Только благодаря ему отношение к ней со стороны других гвардейцев так изменилось к лучшему. А она ещё и спасибо не сказала! Неблагодарная тварь! Решение созрело само собой.

Виктор наскочил на неё в пустом коридоре, уже окутанном вечерним сумраком. Девушка возникла перед ним словно воплотившийся из воздуха призрак.

– А если бы я наступил на тебя? – рассердился юноша.

Маги смутилась и вежливо чуть отступила. Виктор окинул её пронизательным взглядом, подошёл ближе и, взяв за подбородок, заглянул в глаза.

– Что случилось?

– Я... Я хотела вас... тебя поблагодарить... – язык Маги вдруг отказался повиноваться ей.

– Принято, хотя и с опозданием, – усмехнулся называе-

мый Гленом, – Уже два дня прошло, замечу я. Но, кажется, тебе ещё что-то надо. Я слушаю.

Маги пыталась взглянуть ему в лицо, но поза оказалась очень неудобной, и вся заготовленная было речь в миг испарилась. Признавшись себе с этим, Маги страшно рассердилась, вся вспыхнула. Она вдруг оттолкнула руку Глена и отошла от него на пару шагов.

– Никогда больше не бери меня за подбородок! Слышишь? А то я могу и пощечиной ответить. Ясно?

– Тише, тише! Ишь какая грозная! – и Виктор беззвучно рассмеялся.

Это его веселье заставило Маги снова растеряться. Тогда Виктор, наконец, сжалился. Он чуть наклонился к ней и заговорщицки понизил голос:

– Перестань шпионить, а то нарвёшься на большие неприятности. Ты всё равно не знаешь наш язык, так что лучше зажми своё нетерпение в кулачок. Поняла? Эжен часто даёт о себе знать, ты могла бы это понять и по тому, как часто его ругают, а вот увидеть его тебе вряд ли удастся, по крайней мере до тех пор, пока он сам этого не захочет. Тебе ясно? Обещай же мне быть хорошей, послушной девочкой. Ну, же, Маги!

Но Маги застыла, будучи не в силах отвести от его лица свой замороженный взгляд: «Как он всё понял?! И эти глаза, хоть их разрез чуть иной, но цвет! Эти глаза такие же синие, как и у... Глаза Эжена!!! Но голос не тот, и походка...»

– Маги! – Виктор начал хмуриться.

И девушка робко кивнула.

– Так-то лучше, – Виктор выпрямился, потрепал её по плечу и продолжил свой путь.

А Маги ещё долго стояла в этом коридоре, смотрела в тот его конец, где исчез этот странный человек.

С того вечера словно какое-то наваждение её стали преследовать глаза Глена. Что-то было с ними ни так...

Она уже давно во всех подробностях знала не только то, что произошло в парадной гостиной во время «выступления» Виктора, но и всё, что тогда было сказано, знала едва ли не дословно. Какое-то шестое чувство подсказывало ей, что она стоит на пороге раскрытия большой тайны... Горрадо теперь интересовал её не меньше, чем Эжен, и так как первый жил в том же доме, наблюдения за ним быстрее принесли плоды.

При том, что никто не мог сказать, сколько ему лет, она уже могла поспорить, что он моложе, чем то кажется многим. Маги уже не сомневалась, что эта тяжесть и размахистость походки на самом деле ему не свойственны. Пару раз она заметила, с каким наслаждением он расправлял плечи, думая, что его никто не видит. Его поведение тоже вызывало много вопросов. Он плохо вписывался в свою новую компанию гвардейцев герцога: стоял особняком, никак не подстраиваясь под стиль поведения этих головорезов, и, к большому удивлению не только Маги, со временем это они стали под

него подстраиваться, перенимать его манеру говорить, держаться...

Но главное и самое интересное, это то, куда иногда исчезал Горрадо, и каким преображённым он возвращался обратно!..

Однажды ночью Маги вскочила, словно ошпаренная: «Он связан с Эженом!!!» Она бы не могла объяснить, почему эта мысль тотчас была принята ею как последняя истина. Маги села на кровати, ощущая страшный жар и, судорожно вглядываясь в трещины стены напротив, стала ловить за хвост свой вещий сон: «Вот оно!!! Он не даром похож на Эжена своими глазами! Он был бы абсолютно на его похож, если бы не эти такие чёрные волосы и... черты лица... Да, черты лица отличаются: скулы острее, линия носа иная, эти припухлости у губ... Разве возможно так сильно изменить лицо?! А вот голос, акцент можно и придумать, и походку тоже... Им мог бы быть и сам Эжен, он ведь великолепный актер! Если существует способ изменить черты лица... А почему нет? Я девушка тёмная, могу просто не знать, как это делается... Если есть такой способ, то... Нет!!! Это не Эжен, человек не может одновременно находиться в двух местах. Это уже точно невозможно!!! Но... О Боже!!! У него же есть братья-близнецы!!! Если два сейчас где-то в лесах Шероль, то остается ещё один... Он сказал, что этот последний погиб... Да, вот оно! Это вполне может быть четвёртый!!! Виктор!.. И тогда это мой Виктор!!! Да, такой человек вряд ли стал

бы накликасть беду на голову брата, придумывая красочную историю гибели того. Он похоронил себя, а Эжен при этом был Гленом! Потом они поменялись... Да!!!»

В эту ночь Маги так и не смогла уснуть. Она твёрдо решила уже этим днём найти способ раздобыть подтверждения своей правоте, или... неправоте. И ей удалось это сделать, но только так, как этим пожелал распорядиться случай...

* * *

– Теперь нам никто не помешает поговорить! – Ламороу почти втокнул Маги в нишу. Бедняжка чувствовала, что умирает от страха, – Сейчас ты расскажешь мне всё, что тебе известно о Горрадо. Всё! Ты меня слышишь? И тогда мы разойдёмся полюбовно, но только тогда. Тебе ясно?! Я слушаю.

Маги сжалась в комочек и приготовилась к смерти. Когда Ламороу разобрал в её бормотании слова молитвы, его обуяла досада. Он понял, что совершил ошибку, перепугав девочку, но переигрывать было уже поздно:

– Я тебе ничего не сделаю, если, конечно, ты мне всё расскажешь. Да, говори же, чёрт тебя возьми!

Но Маги только ещё громче начала молиться.

– Ламороу, – металлический голос Глена заставил брианца содрогнуться.

Виктор был не один. Фил не без интереса пытался заглянуть в нишу. Рон же даже нагнулся, и Ламороу непроизвольно толкнул Маги глубже. Ему совершенно не хотелось, что-

бы его застали с этой девчонкой, в его ситуации приходилось опасаться конфликта с товарищами, но... Было поздно.

Названный Гленом спокойно приблизился к Ламороу, а тот в отчаянии преградил ему путь:

– Что тебе надо, выскочка?!

И в этот момент Фил и Рон сменились с лица – из ниши, с трудом передвигаясь от страха, показалась Маги. Вся в слезах, она могла вызвать сострадание даже у камня.

– Да я её пальцем не тронул! – совершенно искренне возмутился Ламороу.

– Но девчонка плачет! – заметил Фил.

Маги не знала по-бриански ни слова, но верно догадывалась о содержании этого разговора праиэров, и ещё и потому, решила выбраться из глубокой тени нише. Нотки страха в голосе Ламороу подсказали ей, где именно надо искать защиты, но на этом её силы и закончились. Как она не крепилась, ноги уже не держали её, и Маги тихо опустилась на пол, обхватила колени руками и горько заплакала.

– Да это истеричка какая-то! – тут же взвился Ламороу.

– Зачем же ты загнал её в нишу? Что ты от неё хотел? – Глен был зон и даже не пытался это скрыть.

И Ламороу вдруг бросился оправдываться, чем удивил прежде всего себя:

– Да она просто пряталась там от меня, словно крыса какая-то, а я сразу и не разобрал... Всем известно, как неспокойно в доме. Вот я и решил проверить... мало ли кто там

мог оказаться!

– Ну, уж не Эжен, – невольно усмехнулся Виктор, – Он сюда и не поместился бы.

Ламороу как-то сразу не нашёлся, что сказать в ответ, а Виктор уже присел возле Маги и тихо тронул её за плечо.

– Он тебя обидел? Ты в порядке? – спросил он по-фрагийски.

Но Маги только продолжала всхлипывать.

– Да вы что, станете слушать эту соплюху? – Ламороу не мог не видеть заинтересованных лиц Филя, а главное и Рона. Этот последний среди праиэров первый трепач, так что стало ясно, как божий день, к ночи об этом узнает весь дом.

– Маги, – Виктор развёл руки девочки, – Посмотри на меня. Ты в порядке?

Девушка, наконец-то, нашла силы взглянуть на него и кивнула.

– Он точно не обидел тебя? – всё-таки решил уточнить Виктор.

– Нет, – всхлипнула Маги.

И Ламороу вздохнул с невольным облегчением.

Что ж, и называемый Гленом тоже заметно успокоился, выпрямился и теперь обратился прямо к Ламороу:

– Лучше бы вам друг друга обходить стороной...

– Снова зарываешься, выскочка? – огрызнулся Ламороу, – Хочешь, чтобы я напомнил тебе, кто здесь главный? Я...

Но на этом боевой запал Ламороу и иссяк. Потому что

трудно воевать с тем, кто не отвечает тебе взаимностью. Ведь называемый Гленом уже не смотрел на первого праиэра. Он вдруг склонился над Маги, легко подхватил её на руки и, обращаясь к Филу и Рону, обронил:

– Я чуток задержусь. Начинайте без меня.

– Давай, валяй, – откликнулся явно доброжелательно к нему настроенный Фил.

Ламороу пришёл в себя только, когда Глен скрылся за поворотом:

– С каких пор среди нас вошли в моду эти щенячьи нежности?!

– Мы всего лишь люди, – усмехнулся Фил.

* * *

Виктор поставил Маги на ноги и предложил самой открыть дверь.

– А как ты попал сюда в тот раз? Я всегда закрываю дверь! – вдруг вскинулась юная горничная и лукаво улыбнулась своему грозному заступнику.

– Жаклин открыла, – сердито ответил тот, – Так что? Откроешь? Я хотел с тобой поговорить, но похоже, придётся отложить.

Что ж, Маги сдалась и быстро извлекла из кармана маленький ключ. Как только дверка её каморки приоткрылась, Виктор втокнул девушку внутрь и запер за собой дверь.

Одна заперта в комнате с гвардейцем герцога!!! Разве ж это не повод ужаснуться, а то и умереть со страха? «Но это

ведь Глен, мой заступник!» – поспешила напомнить себе всё-таки очень испуганная Маги. Она физически чувствовала, как он зол, а потому сочла за благо отступить к своей кровати, тихонько присела на её краешек.

– Надо же было тебе свалиться на мою шею! – «И самое печальное, что, похоже, я не скоро от тебя отделаюсь!» – тяжело вздохнул Виктор, взял стул и сел напротив, – Я же просил тебя не совать нос в эти дела! Мне казалось, что ты меня поняла. Как с тобой ещё разговаривать?!

– Я больше не стану попадаться Ламороу, – едва слышно откликнулась Маги.

– А и не надо. Теперь он сам тебя найдёт! Уж будь уверена, это ты себе обеспечила. И не плачь, слышишь!

– Он так меня напугал, а ты меня ругаешь...

– Ой, как жалко! Я знаю, что он тебе не причинил вреда. Он теперь тебя боится не меньше, чем ты его, но ещё больше он ненавидит меня, а значит, вы ещё не скоро распрощаетесь.

– Я не понимаю... – жалобно всхлипнула Маги.

– Да?! Совсем?! Что ж, объясняю, – продолжал сердиться Виктор, – Он заметил, что ты за мной шпионишь, и, видно решил, что ты счастливее его и уже узнала что-нибудь для него подходящее. Так что будь уверена, он ещё ни раз попытается поговорить с тобой на эту тему.

– Не бойся, я ему ничего не скажу! – вдруг вскинулась Маги.

Она перестала плакать и теперь смотрела на Виктора чуть исподлобья.

– А тебе уже есть что сказать? – совершенно искренне изумился Виктор, – А ну ка выкладывай! Я слушаю.

– Он также говорил: «Я слушаю», – тут же огрызнулась Маги.

– Ты станешь нас сравнивать?

– Нет.

– Тогда говори, что именно ты ему «не скажешь»?

Маги секунду колебалась, и вдруг в глазах её засветился лукавый огонёк:

– А куда это пропал твой акцент? Ты сильно разозлился на меня и уже потерял над собой контроль. Эдак ты долго не протянешь.

От такого заявления Маги Виктора прямо-таки бросило в жар. Как он мог настолько выйти из себя?! Хотя нет... Нет!!

– Что за чушь ты несёшь, детка? – Виктор понял, что она разыграла его, и это заставило его увидеть Маги в новом свете: «Что за фантазии бродят в этой белокурой голове?! А если она и правда знает, кто я на самом деле?!»

– Твоя реакция говорит, что это не чушь, – Маги осмелела ещё больше, – А сегодня в обед ты зачем подсунул записку в щель чёрной двери в правом крыле цокольного этажа? Ведь эта дверь не открывается. Я знаю...

Виктор даже отшатнулся от неё, ему пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы задать следующий вопрос:

– Что-то ещё?

– Мне кажется, я знаю, кто ты, но не бойся, я никому это не скажу, – заявила Маги, доверительно улыбнулась и со значением кивнула.

Но Виктор ещё отказывался её понимать, а потому и нахмурился пуще прежнего:

– И кто же?

И таким пытливым стал взгляд этих синих глаз, что Маги не выдержала, страшно смутилась. Она уже не могла смотреть ему в лицо. Что ж, тогда заговорил названный Гленом:

– Историю с запиской и дверью, как и эту ерунду с акцентом ты выдумала только что. Богатая же у тебя фантазия, надо сказать, – от интонации Виктора повеяло страшным холодом. Он был очень зол и не пытался это скрыть.

Маги залилась краской. Она и правда шла ва-банк, ничего подобного ей пока не удавалось за ним заметить. Да, он крутился у той странной двери, но записок она не видела, и всё же...

– Но, если в твою странную голову придёт мысль наплести нечто подобное кому-нибудь ещё, – тем временем продолжал Виктор, – Я вот этими руками переломлю тебе шею. Тебе ясно? И это произойдёт прежде, чем я успею отмыться от твоих слов.

«Но это уже слишком!» – взвилась Маги и вдруг выдала:

– Ты меня не испугаешь! Рука, угощающая пирогом, не ломает шеи!

– Каким пирогом?! – взгляд Виктора остановился. В его ушах поднялся страшный гул.

Маги уже начинала жалеть о сказанном, но отступать было поздно, и она решилась пойти до конца:

– Никто не был ко мне так добр, как ты, Виктор, а я умею быть благодарной. С меня хватит того, что я знаю и помню твоё настоящее лицо, и я обещаю, что больше не стану тебе мешать. Если хочешь, ты забудешь о моём существовании!

– Хотел бы я знать, что ты под этим понимаешь, – едва слышно выдохнул ошеломлённый Виктор.

Уже в следующий миг он резко встал и отошёл к окну.

Молчание длилось долго, но Маги не решалась его нарушить. Она только подобрала под юбку свои худенькие ножки и приготовилась ждать хоть вечность. Маги слышала, как на улице щебетали воробьи, а на кухне ругались повара, но сильнее всего было слышно биение её сердца. Он стоит у окна и злится на неё. Что ж пусть, зато у неё есть эта возможность видеть его сейчас ровную спину, широкие плечи... Это время уже принадлежит ей, только ей!

Наконец, Виктор развернулся, медленно подошёл к ней, сел рядом на её кровать и предельно тихо спросил:

– Как ты узнала?

От изумления Маги потеряла дар речи.

– Маги, почему ты решила, что я именно Виктор?..

– Я... просто... – залепетала было девушка, но осознав эту свою слабость, страшно разозлилась на себя, и в этой злости

обрела силы, – У тебя такие синие, добрые глаза. Таких ни у кого больше нет! – сказала и тут же смущенно улыбнулась.

– Глаза? И только?! – ещё отказывался поверить юноша.

– Ну... Вас, близнецов, достаточно много... Эжен не может находиться в двух местах одновременно, двое других в лесах Шероль... – Маги решилась-таки попробовать объясниться, – Ты же не станешь отрицать, что тогда, отбив меня у Ламороу, ты потом позволил себе говорить со мной своим настоящим голосом, без этого деланного акцента. Я тогда... после, решила, что мне это приснилось, ты наверно на это и рассчитывал...

– И это всё?!

– Но ты же сам больше ничего мне не дал! – и Маги снова неловко улыбнулась, – Но... чем больше я хотела узнать, тем больше верила своим догадкам...

– Догадкам... Чушь какая-то! – всё-таки Виктор отказывался верить, – Признавайся! Ты продолжаешь что-то скрывать...

– Нет! Правда! Я честна с тобой! – невольно взмолилась девушка, – Просто... я умею разбираться в людях. Тебе подобных я ещё не встречала.

– Чертовщина какая-то! – и юноша сокрушённо тряхнул головой.

– Жаклин называет это проницательностью, – виновато улыбнулась Маги, – За неё, за эту проницательность, она и... чуть побаивается меня. Она говорит, что это ведьмовское,

какой-то дар от моей покойной мамы. А я-то в чём виновата?.. Не волнуйся, я тебя не подведу. Я буду молчать, как могила. Верь мне!

И эта мольба в её глазах проникла в самую душу Виктора. Он поверил в её искренность, принял это и... не устоял, притянул её к себе. И она с радостью спрятала свои слёзы у него на груди. Он обнял её, тихо, нежно коснулся её волос: «Остаётся только молиться, чтобы герцог не был столь же проницателен... Маленькое влюбленное чудо. Зачем же Всевышний ранил твоё сердечко этой горечью безответности? Ведь я люблю другую. Другую! И как же больно думать, что, быть может, в этот самый момент я теряю её... Ах, Маги, Маги...»

Глава 36. Тучи сгущаются.

Всё дружное семейство Бенуа было занято приготовлением обеда, а Марианна, расположившаяся здесь же рядом, на скамье, просто наслаждалась этой картиной, и как-то совершенно незаметно её мысли улетели куда-то в даль прошлого. Ей вдруг представилось, что напротив сидит её мама, прекрасная добрая фея, она нежно треплет угольную шевелюру её братишки, а её папа, точь-в-точь теперешний Анри, тут же, пристроившись на бревне, весело смеётся, он только-только закончил играть на гитаре... Могла ли она это помнить? Ведь в те времена ей было не больше двух лет отроду. Нет, вряд ли... Но почему это не могло быть именно так? Бабушка так много и именно так рассказывала о недолгом счастье семьи Монсаров.

Из этого сладкого забытья Марианну вывело упоминание имени Жана.

– Это точно его рук дело, я сам видел! – горячо стоял на своём Жюльен.

– Что же он такое вытворял с ножами, что так расколол рукоятку?! – всё ещё не понимала Маргарет.

– Нервы успокаивал, – тут же объяснил её сын, – Он говорит, что всегда так делает, когда ему надо прийти в себя. Вы только подумайте, если он на мутную голову такое творит, то можете себе представить, на что он способен, когда...

– Да что творит? Объясни толком! – потребовал отец семейства.

– Метает ножи! Вы бы видели, как он это делает! – и Жюльен даже попробовал это изобразить, – Представьте, из любого положения, даже из-за спины, даже с закрытыми глазами!!! Вот и в этот раз знаете, как произошло? Он с разворота метнул сразу два ножа, ну, или почти сразу, и один на пол лезвия вошёл в бревно, а второй угодил прямо в его рукоятку. Это невероятно! Такое мастерство! Такая сила!

– Похоже, близнецы родились с ножами в руках. Вот и Виктор... какие чудеса он вырезает из дерева... – задумчиво заметил Франсуа, и тут же из груди его вырвался тяжёлый вздох.

– Что с тобой, отец? – чуткая Маргарет не могла не заметить такую перемену в настроении мужа.

– Вот бы заполучить Жана артистом в нашу труппу, с его-то голосом, со всеми его талантами мы сразу же стали бы богачами!

– Ха, мечтать не вредно! – рассмеялся Жюльен.

Маргарет улыбкой поддержала сына и тут же уточнила:

– И часто в последнее время он метает ножи?

Молодой артист быстро прикинул в уме и показал четыре пальца:

– Я застал его за этим делом четырежды за последние два дня.

Марианна поняла, что хотела сказать Маргарет – беспо-

койно на душе Жана. Но кому сейчас спокойно? Девушка встала, и медленно направилась к дому. Свою тревогу она делила с гитарой, такой отзывчивой, ненавязчивой подругой, и сейчас девушка, сама того не осознавая, пошла именно за ней. Никто из артистов даже не подумал её задержать.

Что тут поделаешь? С момента битвы близнецов безмятежное счастье Райского уголка надломилось. Было невозможно выразить эту перемену в словах, и внешне ничто не изменилось, но... Теперь все ждали продолжения, вряд ли радостного.

Уже с гитарой в руках Марианна вышла из дома и остановилась на крыльце. Куда пойти, где скрыться от посторонних глаз? И тут её внимание привлекла фигура... да, Жана. Он стоял, облокотившись на забор, и печально смотрел куда-то в сторону.

Марианна проследила за его взглядом и поняла, что его внимание приковано к Виктору и Анне, о чём-то беседующим на берегу озера. Даже издалека не представляло труда заметить, как счастлива Анна, её звонкий смех многократным эхом разносился по всему озеру. Марианна знала, что Виктор умеет развеселить. Но о чём в этот момент, глядя на них, думает Жан? Марианна видела его лицо в профиль, и ей показалось, что его одолевают грустные мысли.

Что ж, девушка вновь посмотрела на сидящих на берегу. Как раз в этот момент Антуан резко встал и отвернулся от Анны, и та не могла заметить, как он с гримасой боли на ли-

це возвёл глаза к небу. Но уже через миг он снова развернулся к своей собеседнице, о чём-то живо поинтересовался у неё и, получив согласие, стал быстро снимать с себя рубашку, башмаки. Оставшись в одних штанах, он на секунду замешкался. В этот момент восторженный взгляд Анны остановился на его руках, и, поддавшись внутреннему порыву, она схватила его за эти руки. Было видно, что Антуан очень удивлён таким её поведением, но, получив объяснение, он рывком высвободился, правда честно попробовал смягчить эту резкость извиняющейся улыбкой.

А уже в следующий момент стало ясно, что он намерен сделать. Отойдя от берега на несколько шагов, он вдруг взмахнул руками и стрелой бросился к озеру. У самой кромки воды он неожиданно легко взлетел в воздух и практически без брызг чётко вошёл в водную гладь. У всех, кто видел это, сердце ушло в пятки. Минута, полторы, а он не появляется. В страшной тревоге Анна уже почти вошла в воду, когда, наконец-то, на середине озера появилась голова Антуана. Он помахал Анне рукой, но не успела она ему ответить, как он снова скрылся.

– Я и не предполагала, что он плавает, как рыба! – изумилась Марианна вслух.

Наблюдая за Антуаном и Анной, она незаметно и для себя самой подошла к Жану. Это стало для него большой неожиданностью, заставило его вздрогнуть всем телом. Но ему потребовался лишь миг, чтобы взять себя в руки, и вот уже к

Марианне обращено его освещённое тёплой улыбкой лицо, от печали не осталось и следа.

– Ты точно не призрак? Я не заметил, как ты подошла.

– Я не помешала? – Марианна приветливо улыбнулась в ответ: «А он великолепно собой владеет!»

– Да я как будто ничем и не занимаюсь... – Жан почувствовал лёгкое смущение и поспешил перевести взгляд снова к озеру, – Да, он отлично плавает, даже завидно.

– Никогда не поверю, что ты не умеешь плавать.

– Уметь-то умею, но не так... И зачем, спрашивается, делать это сейчас, когда его рана только-только зажила? Хочет плавать пусть, но вот так – прыгая и ныряя?! Это уж слишком смело и, я бы сказал, безрассудно.

– Да уж, – Марианна согласно кивнула, – Рана была тяжёлая, долго кровоточила, даже в какой-то момент начала гноиться. Помнится, после его побега в Рунд Маргарет даже запустила для него обратный отсчёт. Она так уверенно заявила, что он не жилец. А на утро...

– Чудо, – Жан грустно улыбнулся.

– Да, чудо, – Марианну заинтриговало поведение Жана, но пока она продолжила рассуждать про Виктора, – Едва не умер, и вот, оказывается, он уже в состоянии плавать! Маргарет не находит его быстрому выздоровлению другого объяснения.

Жан кивнул, снова обратил взгляд к озеру и вдруг тихо произнёс:

– Да, чудо... Мне жаль, что он не ценит этот дар.

– Дар?! Но... дар подразумевает и дарителя... – вслух заметила Марианна.

– Верно, – Жан грустно усмехнулся.

– Я сильно ошибусь, предположив, что ты знаешь, кто этот даритель? – всё-таки рискнула предположить Марианна.

– Не сильно, – Жан кивнул и горько сжал губы.

Марианна поняла, что он не желает дать более развёрнутый ответ. Но понять, не значит принять. Девушка даже отважилась коснуться плеча Жана, так ей захотелось услышать имя этого «дарителя чуда». От её прикосновения Жан снова вздрогнул и обратил к ней удивлённый взгляд. «Решил не говорить, и уже даже успел выкинуть этот разговор из своих мыслей!?» – изумилась девушка и упрямо повела головой:

– Скажи мне! Назови мне имя дарителя этого чуда! Очень прошу!

Что ж, Жан снисходительно улыбнулся в ответ:

– Боюсь, ты неправильно меня поняла. Я... не знаю, а лишь предполагаю. И ты тоже в праве предположить....

– Что предположить? – Марианна даже подалась ближе.

– Например, что ему помог его ангел хранитель.

– Жан, я ведь серьёзно с тобой разговариваю! – невольно нахмурилась девушка.

– Я тоже, – тут же запротестовал юноша, – Лично я верю в то, что у нас у всех есть ангелы хранители.

– Так значит... – Марианна была разочарована, и Жан по-

нял, что это именно его неосторожные слова стали тому причиной.

– Марианна, прости. Я и правда неловко выразился. Я только хотел сказать, что мы не вправе бездумно рисковать жизнью. Я бы хотел, чтобы Виктор относился к ней бережнее.

– И это говорит человек, который, не задумываясь, рискнул жизнью, чтобы защитить меня и Анри, – невольно усмехнулась Марианна.

Взгляд Жана растерянно остановился. Девушка, пристально наблюдая за собеседником, заметила, как он вдруг встрепенулся, возможно, хотел возразить, объяснить разницу между защитой друзей и купанием в озере, развернуть мысль о ценности жизни и о том, кому именно принадлежит право распоряжаться ею, но... передумал.

– А ты умеешь плавать? – вдруг поинтересовался он.

– Конечно, но не так... – и Марианна решила уступить, сменить тему, – Жан, я не люблю быть должной, а ты меня обязал.

При этих её словах юноша нахмурился, искренне не понимая, на что она намекает.

– Обязал?.. Я?!

– Мы, кажется, договорились, что платой за ту прекрасную прогулку будет обучение игре на гитаре. Или звучало наоборот? Не важно. Так что? Ты передумал?

Жан не поверил своим ушам:

– Ты серьёзно?!

– Как никогда. Но уговаривать я не люблю... Если хочешь, можно начать обучение прямо сейчас.

– Конечно!!!

– Тогда, придумай, где бы нам не стали мешать...

Вынырнув в очередной раз, Антуан заметил, как Жан взял из рук Марианны гитару, и они вместе направились куда-то за угол дома. В его глазах потемнело...

* * *

Антуан был в мужской комнате совершенно один, лежал на своей кровати, приходя в себя от столь бурного плавания впервые за долгое время, да ещё и после ранения. Он даже задремал, когда вдруг за стеной раздался беззаботный смех Марианны. Конечно же Антуан тут же позабыл о сне.

– Ты великолепный ученик, Жан! Но чему я удивляюсь, с твоим-то слухом... Дело только за тренировкой. Я уверена, что если ты проявишь настойчивость, то уже к концу недели сможешь довольно сносно сам себе аккомпанировать.

– С трудом верится, что это случится, но я правда постараюсь! Эта замечательный инструмент! – радостно откликнулся Жан.

– Да, инструмент отменный. Но всё же он не может сравниться с твоим голосом! Жан, тебе надо как можно больше петь. Если не возражаешь, я научу тебя паре другой песен, в твоём исполнении они будут великолепны!

– Учитель всегда говорил, что это баловство, и, я думаю,

ты переоцениваешь...

– Ваш учитель мудрый человек, но в этом он не прав! – горячо возразила Марианна.

Антуан начал закипать, каждое их слово резало его душу, словно раскалённым до красна ножом. Нет, он больше не мог их слышать! В сердцах, выглянув из-за косяка, и увидев, что эта проблема решается одним взмахом руки, он так и поступил. Врождённая меткость сделала своё дело, запущенный им башмак чётко попал в дверь, и та звонко захлопнулась. Только сделав это, Антуан осознал, что тем самым выдал себя, и больше того...

Уже в следующий миг дверь распахнулась, и на пороге появился Жан. В руке его был башмак Антуана, а лицо приняло какой-то зеленоватый оттенок. Антуан уже приготовился к тому, чтобы увернуться башмака, который теперь наверняка полетит в его сторону, но это не случилось. Жан швырнул это металлическое орудие в дальний угол комнаты и, не проронив ни слова, стремительно вышел. И тут же в дверях появилась Марианна.

– Так это ты?! Впрочем, кто же ещё! – девушка буквально пылала праведным гневом.

– Вы мешали мне спать... – сощурился Антуан.

– Ты сломал ему палец!!! Понимаешь? Зачем было так хлопать дверью?!

И не находя больше слов, Марианна бросилась прочь.

«Сломал палец?! Я?! А, наверно этот дурак вставил палец

в проём дверей. Что ж, значит, обучение игре на гитаре будет приостановлено», – заключил Антуан, и снова растянулся на кровати, но ему так и не удалось забыться в спасительном сне...

* * *

Погружённая в свои невесёлые мысли Анна бережно ставила в кувшин только что принесённые цветы, когда Анри вдруг открыл глаза. До сих пор добрая половина его лица была скрыта за бинтами. Ему оставалось радоваться хотя бы тому, что он уже может смотреть двумя глазами, а не одним, как это было ещё пару дней назад. Маргарет продолжала проводить какое-то хитрое лечение, обещая, что по завершении на лице юноши не останется даже шрамов. В это мало кто верил, потому что Анри действительно очень оцарапал лицо при падении, но надо было надеяться и ждать, благо что по словам всё той же Маргарет, его выздоровление шло очень быстро и тоже приравнивалось ею к чуду.

Анна заметила, что раненый проснулся, и приветливо улыбнулась ему:

– Как спалось? Уже скоро закат. У тебя богатырский сон.

– Если честно, то я не спал, а так... притворялся.

– Вот как? И зачем же? – удивилась девушка.

– Так удобнее мечтать.

– Мечтать... – Анна присела на стул рядом с его кроватью, – И о чём же, если это не секрет?

– А представь, лежу я здесь один, разнесчастный, боль-

ной, навещаемый разве что шальным ветерком... После этой злосчастной стычки близнецов меня почти забыли. А так закроешь глаза, и вдруг кажется, что мне на руку упал солнечный зайчик, маленький такой, непоседливый. Свалился так на меня и давай резвиться. И в этот момент появляется фея солнца, его госпожа. Смотрит на него, на меня... Я слышу шелест её платья, как она садиться рядом и тихо думает о чём-то невесёлом... Анна, что случилось?

– Случилось? – Анна даже отпрянула от неожиданности этого вопроса.

– Только не вздумай убежать, это будет не честно, ведь я не смогу тебя догнать.

– Всегда-то ты смеёшься, Анри. Даже завидно.

– Я могу и тебя научить.

– Ты так думаешь?

– Конечно, расскажи мне, что тебя так волнует, и вот увидишь, станет легче.

Но в ответ Анна только тяжело вздохнула.

– Я слышал, Виктор сломал Жану палец... – попробовал предположить Анри.

– Это чистое недоразумение! – тут же всполошилась Анна, – Виктор это сделал не специально!

– Да-да, конечно... – Анри понял, что почти попал в цель, но ему было невыносимо видеть Анну печальной, и потому он решил пойти напролом, – Но я всё же позволю себе сунуть свой длинный нос в это дело. Тебя гнетут мысли о Вик-

торе, верно?

Анна насторожилась, словно испуганная лань, готовая сорваться с места сразу, как заметит, что угроза стала ещё хоть чуточку ближе. Но Анри не мог позволить ей убежать, а потому решил подстраховаться, взял её за руку:

– Прости мне мою смелость, но честное слово, я многое бы дал, чтобы развеять твою печаль?

– Печаль?! – Анна честно постаралась взбодриться и возразить если не словом, так улыбкой. Но не вышло. От этой попытки на сердце стало совсем грустно, бороться с этим сил не нашлось.

– Я понимаю, всегда тяжело обнаружить, что фантазии не находят воплощение в жизни... – Анри всё-таки отважился ступить на запретную территорию.

– Анри, я верю в твоё искреннее желание помочь, но... Слова здесь лишние... не те! – и в глазах Анны заблестели слёзы.

– Да, верно, не те!!!

Удивлённая такой вспышкой Анри, тронутая его заботой, Анна благодарно улыбнулась, мягко отстранилась и отошла к окну, но порыва уйти уже не было. Ей просто необходимо было с кем-то поделиться своей печалью, своими мыслями... Она больше не могла размышлять об этом в одиночестве, и сейчас участие Анри стало таким искушением облегчить душу, что устоять оказалось невозможно. Помедлив ещё минуту, Анна подняла на юношу печальный взгляд:

– Анри, но он, в самом деле, не тот!!! Я говорю о сравнении не миража с реалию, а человека с человеком! Если бы ни это лицо, я бы ни в жизнь не поверила, что к нам приехал ТОТ Виктор!

– Что!?! – изумился Анри, – Анна, как тебя понять? Что значит «не ТОТ Виктор»?!

– Я... – Анна отвернулась, – я просто хотела сказать, что никак не могу принять произошедшую с ним перемену. И все эти нестыковки, странности... Вот ведь как распорядился Всевышний!.. Анри, а твоя первая любовь была взаимной? – и девушка снова посмотрела на юношу.

Из-за бинтов она не могла распознать насколько горькой на самом деле была его улыбка.

– К сожалению, я тебя очень хорошо понимаю, – голос Анри звучал чуть надломлено, – Сердце девушки, которая стала всем смыслом моей жизни, принадлежит другому... Я бы очень хотел избавить тебя от этой боли...

Анна кивнула, словно и не ожидала услышать ничего другого. К слову сказать, у неё не мелькнуло и тени подозрения на то, что Анри имеет в виду её, Анну. Теперь Анри не решался нарушить молчания, он только видел, как тревожно участилось дыхание девушки, а рука с безысходной силой смяла занавеску. Она заговорила неожиданно, вдруг, сначала не оборачиваясь к Анри, будто боялась встретить его взгляд и растерять силы, слова:

– Тогда в самом деле ты меня понимаешь, Анри, и я ска-

жу... Да, я хочу рассказать, потому что больше не в силах носить это в себе. Прости мне эту слабость... Я увидела Виктора в первый раз при очень спорных обстоятельствах. Ты знаешь, он был на службе у барона. Как-то обратила на себя внимание его благородная внешность, странного покоя сила, идущая из синевы его глаз. Ты знаешь, у близнецов удивительно красивые глаза. Порой мне кажется, что я смогла это заметить ещё и потому, что прочла в них неподдельное восхищение... Какой девушке это не польстит? Да какая теперь разница?.. Важно, что я обратила на него внимание, заинтересовалась им. Помню, каким гулом в голове звучал вопрос «как он может служить барону?!» Может быть, я уже и сочиняю, но мне кажется, я не упустила ни одного его движения, ни одного слова... Наверно я сумасшедшая, ведь мы общались, если это можно так назвать, только во время обеда, а обед длился не больше часа. Потом... Потом я ушла к себе, и мной завладела мысль о вас, об опасности, вам угрожающей. И я совершила давно тебе известную глупость... Об этом много сказано. Важно то, как я тогда ненавидела Виктора, этот гнев, замешанный на отчаянии, был способен лишить меня рассудка.

– Насколько я помню эту историю, ты тогда отдавала себе отчёт в том, что происходит, – тихо заметил Анри.

– Мне так казалось... – Анна тяжело вздохнула и присела на стул. Она снова стала перебирать цветы, это чуть-чуть успокоило её, – Когда на утро мы, наконец, всё расставили

по своим местам, и поняли, что на самом деле сделал Виктор, меня охватило такое чувство...

– Он стал героем.

– Вроде того, – и Анна смущённо улыбнулась, – Может быть, я и нимб тогда ему пририсовала, уже не помню. Как я дождалась возвращения Жана и Геньи?.. Я встала с первыми лучами солнца, пробралась на сеновал и затаилась, в ожидании, когда близнецы проснутся. У меня было достаточно времени, чтобы изучить каждую чёрточку этого лица. Я знаю его лучше, чем своё... – Анна тихо рассмеялась, – Я с трудом улизнала с глаз Жана, когда он проснулся. Странно, они такие разные и такие похожие одновременно... Ой, прости, Анри, что-то я слишком разговорилась. Кто бы мне сказал, что я всё это когда-нибудь кому-нибудь скажу! Говорят, девушки так доверяют только матерям, но я не помню свою маму, – и Анна даже покраснела от смущения.

«Ты не боишься меня, потому что глупо бояться спелёнатую куклу!» – горько отозвался Анри, в этот момент даже благодарный своим бинтам, ведь они надёжно скрывали пожар, который охватил его раненую душу.

– Хорошо, готов побыть матерью, – как мог бодрее заявил юноша, – Ты правильно делаешь, что не боишься меня.

– Разве тебя можно бояться?! Ты такой добрый, хороший...

– А ещё я верный, как собака.

И Анна рассмеялась.

– Да, о собаках... Ведь той ночью, когда я пыталась увести Виктора подальше от барона, а его даже укусила!

– Ты!? Укусила!? – не поверил своим ушам Анри.

– Да, – Анна не знала, смеяться или плакать при таком признании, – Самой не верится, как я умудрилась... Виктор пытался меня остановить, что-то объяснить. Но тогда я не была способна что-либо понять. Отчаяние и страх – вот чем я была в тот момент. А что делают маленькие испуганные собачки? Да, верно, кусаются, – и Анна смущённо рассмеялась.

– Уверен, эта рана его жизни не угрожала, – Анри решил поддержать её горькое веселье.

– Но у него нет никакой раны от укуса! – тут же встрепенулась Анна, – И это так странно! Я приглядываюсь к его рукам все эти дни, а вчера, когда он решил поплавать, развеялись мои последние сомнения. Его руки чисты, даже слишком.

– Подожди, Анна, ты уверена, что кусала, а следов нет?! Я правильно понял?

– Да! Либо я тогда помешалась, либо... Да нет же, я помню, как испугалась, когда почувствовала вкус крови, а хватка этих рук не ослабла.

– А на себе ты следов не находила? Может быть, губу прикусила? – губы Анри тронула улыбка.

– Я тебя понимаю, Анри, мне тоже приходила такая мысль в голову... Но нет! Я ведь не каждый день кусаюсь! Поверь, такое не забудешь! Я уверена в том, что было, но... доказа-

тельств нет... – и Анна растерянно развела руками.

– Да, это очень странно... Извини, но ты сказала, что его руки чисты, даже слишком. Как понять это «слишком»?

– Анри, ты всё ещё хочешь меня слушать? Тебе не кажется это бредом сумасшедшей?..

– Конечно же нет! Я верю тебе, и тоже хочу разобраться. Так что ещё ты хотела сказать о его руках?

– Да, его руки... – и Анна не скрыла тяжёлый вздох, – Когда мы обедали в обществе барона, руки Виктора были смуглее и грубее... Как бы это точнее сказать... Ногти не так хорошо ухожены и чисты. Кожа такая... я видела такой цвет у нашего кузнеца. Эти руки никогда не знали перчаток. А позже ночью, я точно помню, что, когда он схватил меня за руки, мою кожу резанули его мозоли, настоящие, грубые мозоли. Но при свете нового дня руки Виктора оказались другими, гораздо ухоженнее!

– Продолжай, прошу тебя! – Анри даже подался ближе.

– Что тут ещё скажешь?.. Легче поверить, что всё это мне привиделось, – и Анна невесело рассмеялась, но смех был краток, больше походил на плач. Она продолжила уже через минуту, – Самое печальное началось потом, когда он увидел Марианну. Это ужасно. Вот её он любит. Как же нестерпимо видеть в этих глазах обожание к другой, а к себе разве что снисходительную жалость. Сочувствие там, где читалось восхищение! Близнецы оказались похожи больше, чем я сначала предполагала.

– Оба любят Марианну... Но по-разному. Их чувства не похожи, как небо и земля! – заметил Анри.

– О! Я так не думаю. Они оба готовы из кожи вон вылезти, чтобы угодить ей.

– Да, но, если Жан боготворит её в себе, но Виктор себя в ней.

– Что?! – удивилась Анна и задумалась, – Не знаю, не знаю... Здесь не надо забывать, что Виктор отвергнут. После той злосчастной стычки, после того как он нечаянно поломал Жану палец, отношения между Марианной и Виктором стали очень прохладными... Виктор, кажется, даже постарел на несколько лет... Ему больно, очень больно...

– Милая Анна, но ты же сама говорила, тогда он набросился на Жана как безумный!

– Безумный!? Да, это состояние сродни безумию! Он слишком её любит и не в силах смириться с утратой. Она весь смысл его жизни...

– Время лечит, – против воли ожесточился Анри.

– В такие минуты нельзя найти более жестокие слова.

– Прости, я не хотел тебя обидеть...

– Ничего. Я и сама хочу верить, что время лечит. Я дождусь, когда его рана перестанет кровоточить. Только, видно, ждать придётся очень долго, – Анна смолкла, и взгляд её потускнел.

А Анри почувствовал ком в горле: «А мне сколько придётся ждать, Анна?!!» – но он нашёл силы взять себя в руки

и бодро поинтересовался:

– А ты не пыталась поговорить с ним о чём-нибудь интересном ему?

– Пыталась, конечно же. Но он избегает меня. Только раз мне удалось как-то более или менее долго поговорить с ним. Ты не представляешь, как это бывает трудно поддерживать беседу, когда с другой стороны ни малейшего отклика, ни капли помощи. Особенно, когда так хочется, так ждёшь этого... чуда. Кажется, я тогда перепробовала всё. Ни одной точки соприкосновения...

– Но вы ведь встречались до Райского уголка. Чем не тема?

– Это худшая из тем! Как только я к ней подхожу, так он сразу находит предлог прервать разговор. Возможно, он чувствует что-то похожее на вину передо мной...

– Ты склонна стереть себя с порошок, лишь бы оправдать его. Нельзя быть такой несправедливой к себе!

– О, Анри! А легко ли расстаться с надеждой?! Я не могу. Не могу расстаться с теплом этих синих глаз...

– Извини, Анна, позволь мне задать тебе один щепетильный вопрос?

– Ты меня пугаешь, Анри!

– О нет, тебе решать, отвечать или нет.

– Хорошо, спрашивай.

– Как в ту ночь он всё же справился с тобой? Как ты лишилась чувств?

– Для меня это загадка. Я никогда не падала в обморок, но, говорят, это происходит не настолько мгновенно. Он меня не бил. Насколько я помню, он только пытался удержать меня и приговаривал что-то вроде того, что мол не желает мне зла. Я его укусила... А потом вдруг всё оборвалось. Я пришла в себя уже у в замке в моей комнате, когда Марианна с силой хлопнула у меня перед глазами в ладоши.

– Станный способ будить. А у Виктора ты не спрашивала об этом?

– Спрашивала, конечно. Он только заверил, что никак не хотел задеть мои чувства и может поручиться за сохранность моей чести. Я же говорила, он упрямо избегает разговоров о том дне. Не знай я того, что знаю, можно было бы решить, что он вообще понятия о том не имеет. Когда я говорю, с интересом слушает, а как только начинаю спрашивать, он тут же находит повод прервать разговор. Иногда я даже думаю, что это его поведение было бы легче объяснить, предположив, что мы прежде вообще не были знакомы, того дня не было в его жизни, но в это поверить ещё сложнее.

– Да, здесь есть от чего голове пойти кругом... Тебе уже давно стоило поделиться со мной этими наблюдениями...

– Что ты хочешь сказать? – Анна невольно встревожилась.

– Только одно – всё сказанное тобой заслуживает внимания! Я тебе напомню, от рождения близнецов четверо. Так что... допустить мысль, что это не «Тот Виктор» не только возможно, но и...

– Нет! Что ты! Ведь это означало бы, что... Нет! Не знаю... Ты меня пугаешь! – всполошилась Анна.

– Ты удивительная! Тебе много легче допустить свою неправоту, лишь бы не обидеть другого, – Анри сокрушённо повёл головой, – Если ты склонна хорошо о нём думать, то правильнее было бы проявить к нему уважение и дать возможность объясниться?

Взгляд Анны остановился, и столько всего в нём отразилось в этот момент: и ужас, и страх, и возмущение, и удивление, и... надежда...

– Хочешь, вместе с ним поговорим? – Анри не мог не протянуть руку помощи, но такая перспектива только ещё больше испугала Анну.

– Анри, ты не понимаешь, что предлагаешь!

– Не надо так волноваться! Оно того не стоит! – Анри подался ближе, но Анна уже вскочила, в смятении заломила руки:

– О Боже! Что я тут наговорила!!! Мне очень жаль...

– Анна!

– Забудь, умоляю, забудь всё это! О, если бы это было возможно!!!

– Анна, клянусь, тебе не придётся об этом пожалеть!

– Не надо, не клянись, я уже жалею!!! – Анна даже сделала пару шагов к выходу, но тут же передумала и обратила к Анри глаза полные слёз:

– А сама поговорю с Виктором! Лучше пообещай, что

оставишь это мне!

– Сама так сама, – Анри кивнул, – Это твоё право.

– И ты не станешь возводить на него напраслину! Обещай!

– Какую напраслину? Анна...

– Я и сама не очень-то доверяю своим наблюдениям.

Очернить человека очень легко. Но если из-за меня разлад между близнецами превратится в пропасть, я себе это никогда не прощу! Анри, услышь меня! Это очень важно!

Анри горько поджал губы и очень неохотно кивнул. Это заметно успокоило Анну, она даже нашла силы благодарно улыбнуться:

– Я сама виновата в своей болтливости. Это моё дело, моя беда... Но я хочу, чтобы ты знал, что я очень ценю нашу с тобой дружбу. Ты необыкновенный человек, добрый, мудрый... надёжный, как собака. Только не обижайся! Это твои слова.

– Если уж быть точным, я сказал это о верности, – улыбнулся Анри.

– Разве верность и надёжность это не про одно и то же? Забавно... Почему с тобой так легко, так просто? Мне порой кажется, что я знаю тебя уже целую вечность. Милый Анри, я всей душой желаю тебе счастья. Уверена, ты будешь везучее меня!

С этими словами Анна нежно коснулась руки Анри и уже в следующий миг выпорхнула из его комнаты, словно потревоженная голубка. «Быть везучее тебя? Это уже точно нет.

Ох, любимая... Где же мне взять мудрость, чтобы исцелить твоё сердечко, показаться тебе не верным псом, а...» – Анри тяжело вздохнул и обратил взгляд к окну, – «И как же мне не нравятся все эти твои открытия! Почему же ты так долго молчала?!»

Глава 37. Рискованные игры.

Герцог в десятый раз перечитал послание, начертанное на большом белоснежном листе бумаги. Текст уже дословно запечатлелся в его памяти, но смысл всё ещё ускользал. Мешало оцепенение, охватившее Его Светлость при обнаружении этого письма. Так что появление праиэров и Глена он воспринял как спасение – теперь есть на ком сорвать раздражение и злость:

– Надо объяснять от кого это? Да, снова Ровиньоль! Я нашёл это у себя на подушке! Вы поняли?! На моей подушке!!!

– Это невозможно!.. – ошеломлённо выдохнул Ламороу, а лицо его при этом стало прямо-таки пунцовым, – Ваша комната всё время под наблюдением, люди дежурят и у двери, и на крыше...

– ...и дымоход уже давно забит, – в тон ему закончил это перечисление герцог и тут же сорвался на крик, – Тогда как же это понимать?!!

– Думаю, ему помогает кто-то, кто может свободно перемещаться по дому, – это Фил решил сделать предположение вслух.

Его спокойный сдержанный тон подействовал на Его Светлость, как хорошее успокоительное, заметно охладил его пыл.

– Но вы говорите, что дверь всегда под надзором! – на-

помнил герцог.

– Верно! Фил верно сказал! – тут же взбодрился Ламороу, – Ваша Светлость, но ведь прислуга сюда входит для уборки... Позвольте нам во всём разобраться!

– А когда я вам запрещал?! Не пора ли отвечать?! – невольно огрызнулся герцог.

– Мы сейчас же допросим тех, кто стоял у вашей двери! Если вы позволите это сделать, всё прояснится очень быстро! – и Ламороу, казалось, верил в то, что говорил.

Что ж, Его Светлость сжалился:

– У вас час!

С тем герцог смерил слуг презрительным взглядом и стремительно вышел прочь.

Он знал своих праиэров. Им хватило несколько минут, чтобы выловить в доме всех тех, кто подходил к комнате герцога в последние четыре часа, ведь ровно столько прошло с момента, когда Его Светлость в последний раз наведывался в свою комнату. Так под удар попали двое – старшая горничная Жаклин Норьи, на свою беду, сегодня лично выполнившая уборку в этой части дома, и лакей маркиза, приходивший менять свечи в канделябрах. Как только Жаклин поняла, в чём её обвиняют, так тут же и упала Ламороу в ноги и залилась слезами, умоляя не возводить на неё напраслину. Кто знает, может быть, ей помог недавний инцидент, произошедший с Маги, ведь теперь Ламороу старался подальше держаться от женщин. Так или иначе, но отчаянные мольбы

пожилой перепуганной горничной были услышаны, и её отпустили уже через несколько минут. А вот лакею досталось от души, и Виктор впервые увидел своих теперешних товарищей за работой.

Конечно же, тон всему задавал Ламороу, но Рон, да и остальные помогали, словно это было для них привычным развлечением. Запугивание словами и кулаками вылилось в настоящий спектакль, в котором роли распределились чётко. В то время как Рон стальными тисками держал беднягу лакея, Ламороу со зверской физиономией делал вокруг него круги, разминал руки и даже пару раз дал бедняге в челюсть, ну а Пит и Фил мастерски вели перекрестный допрос, и слова их порой были страшнее кулаков Ламороу. Только Глену было позволено не вмешиваться, больше того, ему прямо дали понять, чтобы он не мешал. Бедняга лакей уже не чаял остаться в живых. Но, к его великому удивлению, праиэры отпустили его ещё до прихода герцога.

– Он не лжет, – заключил Ламороу, – А жаль. Остаётся Жаклин. Придётся ещё раз поговорить с этой дурой. Признавайтесь, насколько вы размокли? Фил? Рон?

– Не зарывайся, Лар! – сощурился Фил.

– Да и бесполезно это, – вкрадчиво заметил Пит, – Ты сам сказал, она добросовестная дура, и к ней крутые меры применять нелепо, пустая трата времени.

– Вытащить из-за корсажа листок бумаги много ума не надо! – возразил Рон.

– Но надо много смелости... – заметил Ламороу.

– Да какой корсаж, парни?! Вы только посмотрите на этот лист! – и Фил раздражённо взмахнул рукой в сторону стола, на котором лежало послание Эжена, – Он же почти не помят и так велик, что складывается впечатление, будто его взяли прямо здесь... из комода и...

– Не корсаж, так юбка! – продолжал стоять на своём упрямый Рон, – Знаем мы эти бабьи штучки.

– Дело говоришь, Фил! – нахмурился Ламороу.

Он молнией метнулся к комоду и скоро нашёл там кипу точно таких же листов.

– Но в таком случае, он... он сам был здесь! – и Ламороу почувствовал, что у него вдруг пересохло в горле.

Такое открытие показалось жутким не только ему.

– Это не человек! – выдохнул Рон и даже перекрестился.

– А никто не замечал, он сквозь стены не умеет ходить? – обронил вдруг Пит, озадаченно оглядываясь.

Трудно было понять, насколько всерьёз он сам относился к своему вопросу, но Рону стало совсем дурно.

– Может быть, он всё-таки в окно приходил? Это всё же проще, чем ходить сквозь стены, – наконец подал голос называемый Гленом.

– Окна были заперты! – отрезал Ламороу.

– А что мешает их открыть?

– Ну-ну, с той стороны? – и Ламороу, издевательски ухмыляясь, развернулся к строптивому новичку.

Но тот лишь равнодушно пожал плечами, мол не хотите слушать, не надо. И первый праиэр едва не взорвался:

– Умного из себя корчить вздумал? Ты уже забыл, что на крыше его не видели, а забраться по фасаду посреди бела дня... Придурок! Чтобы больше не слова! Время и так не остаётся!

– Сейчас только в моих словах толк и есть, – ничуть не смутился Виктор, – Ты, например, можешь быть уверенным, что из окна никто не выпрыгивал? И не ссылайся на охрану на крыше. Ты сам знаешь, с крыши эти окна не просматриваются, карниз, видишь ли, мешает.

– Чтобы выпрыгнуть, надо запрыгнуть, не так ли?! – ядовито огрызнулся Ламороу, – Может быть, ты объяснишь, как это сделать?! Всё! Я сказал заткнуться! Ещё хоть слово... – и Ламороу даже начал засучивать рукава, так ему захотелось врезать в эту ненавистную испайронскую физиономию.

– Как хотите, я могу изложить свои соображения и прямо Его Светлости. Может ещё денжат отвалит, – и Виктор всем своим видом выразил полное смирение.

От такой наглости Глена Ламороу даже дар речи потерял. Стало ясно, ещё пара секунд, и он бросится на строптивца с кулаками, но тут вперёд выступил Фил:

– Эй, парень, – обратился он к Глену, – Ты и правда зарываешься! Приказ был отдан пятерым. Это значит либо справимся вместе, либо...

– Так я и не против! – совершенно искренне возмутил-

ся Виктор, – Потому вот и рискую жизнью, пытаюсь этому «мудрецу» втолковать, что здесь и как случилось. Ты, Фил, лучше объясни, как заставить его слушать? – и Виктор даже чуть поклонился.

– Что ж, давай на чистоту! – и Фил веско кивнул, – Выкладывай всё по порядку, как, по-твоему, он вошёл? И как сумел выйти, да ещё окно за собой закрыл? Мы слушаем! – потребовал Фил и всем своим видом изобразил предельное внимание. Остальные, даже Ламороу, молча с ним согласились.

– Вот так бы сразу, – даже улыбнулся называемый Гленом, – Разве ж мне много надо? Крупицу уважения и щепотку внимания... Ладно-ладно... Сначала попробую открыть окно...

Сказав это, Виктор внимательно осмотрел раму и потом вдруг с силой ударил по подоконнику. Казалось, что стекла разлетятся в тот же миг, но вместо этого между рамами появилась щель. Это и правда произвело на праиэров впечатление.

– Думаю, если по ставням ударить с той стороны, они распахнутся охотнее, – решил-таки пояснить Виктор, – Здесь замок на соплях держится, и открывается окно вовнутрь...

– Но стражники за дверью и на крыше не слышали никакого подозрительного стука! – заметил Фил.

– Или они просто не помнят, что слышали, – тут же возразил Виктор, – Уже несколько дней вон в том доме идёт очень

шумный ремонт... Разве нет?

– Хорошо, ну а залезть-то как сюда? – продолжал допытываться Фил.

– Вон оттуда, хотя бы, – и Виктор указал куда-то за окно.

– Что? С соседней крыши? – не понял Фил.

– Да. Улица здесь узкая... Почему нет?

– Но... как? – вырвалось у Рона.

– Спрыгнуть сюда, – заключил Пит и, уже потеряв в этом интерес, отвернулся.

Виктор согласно кивнул:

– Да, сначала камнем выбить... точнее открыть окно, а потом спрыгнуть сюда. Ну, или открыть окно в прыжке...

– Тогда тут не помешала бы пара крылья, – усмехнулся Фил. Он уже по пояс высунулся в окно и большим с интересом рассматривал соседний дом.

– Это сделать легче, чем потом закрыть окно, – спокойно возразил Виктор, – Вот тут-то и надо задуматься. Хотя... Если пораскинуть мозгами, можно сделать и это...

– погоди, ты хочешь сказать, что ты смог бы перепрыгнуть оттуда сюда? – всё ещё отказывался поверить Фил.

– Я?! Нет... Я этого не говорил! – тут же запротестовал Виктор.

– Но тогда твои слова и правда пустой трёп, – нахмурился Фил.

– Я лишь рассказал, как это могло произойти вот так... А как этому относиться – это уже вам решать, – и Виктор

сделал жест, мол на этом всё, он умывает руки.

– Я же говорил, что он только время у нас отнимает! – за-скрежетал зубами Ламороу, – Самое то питаться его бредо-выми фантазиями!

При этих словах Ламороу Виктор с удовлетворением заметил, что ярость первого праиэра разделил только Рон. Тем временем Фил, совершенно не обращая внимания на бушующего Ламороу, продолжал мысленно оценивать реальность предложенного варианта вторжения в комнату герцога, а в глазах Пита снова забрезжил интерес:

– Глен, я вижу, ты веришь в то, что сказал.

– Точнее, я это допускаю, – охотно откликнулся Виктор.

Он сам себе ещё не признавался в том, что Фил и Пит становятся ему не только интересны, но и, может быть, даже симпатичны, самую малость...

– Но это очень рискованно... даже слишком рискованно! – заметил Пит и сощурился больше прежнего.

– Послушай, дружище, разве этот Ровиньоль ещё не доказал, что его смелость родная сестра безрассудству? – усмехнулся в ответ Виктор, – Он из тех врагов, кого опасно недооценивать. Заметьте, мы все сошлись на том, что письмо написано прямо здесь. Теперь обратите внимание на величину послания и поставьте себя на его место. Ваших нервов хватило бы? Нет, ребята, он не робкого десятка, и я правда готов предположить, что он совершил такой прыжок.

– Звучит убедительно, – заметил герцог.

Звук его голоса заставил всех вздрогнуть. Похоже, никто из праиэров не заметил, когда он приоткрыл дверь, с какого момента подслушивал их разговор, но к таким его фокусам они уже давно привыкли.

– А ты, Хуан-Глен Горрадо, какого десятка? – поинтересовался Его Светлость подходя к окну, – Ты сделаешь это, если я прикажу?

– Милорд? – Виктор рискнул сделать вид, что не расслышал, изобразил безвинное непонимание.

– Я задал вопрос, – нахмурился герцог, – То, что ты тоже умеешь прыгать из окон, мы уже видели. А вот этот прыжок с крыши сюда? Он тебе под силу?

– Я... Я только предположил, – и голос названного Гленом явно дрогнул.

– А теперь сделай это! – прозвучал более чем чёткий приказ.

Что ж, Виктор понял – ему просто не оставили выбора, но решил всё-таки ухватиться за последнюю соломинку:

– Ваша Светлость, не в пример этому Ровиньолю, я высоко ценю свою жизнь...

– Сейчас за неё никто и гроша ломанного не даст. Но ты можешь доказать, что твой язык тебе не враг, – невольно усмехнулся герцог.

– Ох, враг он мне, это уж точно, – выдохнул Виктор.

Но эти его причитания уже никого не трогали, точнее, они открыто порадовали Ламороу и Рона. В отличие от этих двух

Фил и Пит заметно отстранились от происходящего, даже отошли вглубь комнаты, лишь бы лишний раз не попасться на глаза грозному господину. А тот выглянул в окно и усмехнулся:

– На самом деле, не такое это уж и геройство. В молодости я бы сделал это на раз два ...

– Ваша Светлость, если я разобьюсь... – названный Гленом предпринял ещё одну попытку увернуться от сомнительной чести.

– Тогда мы будем знать, что тебе это не удалось, и, может быть, Эжен не этим путем проникал в мою комнату, – заявив это, герцог величественно развернулся к строптивцу и смерил его презрительным взглядом.

– Но я давно ничего подобного не делал... – и Виктор даже сделал шаг назад, но злорадно скалящийся Ламороу уже преградил ему дальнейший путь к отступлению.

– Давно? Значит, раньше приходилось? – заметил Его Светлость.

– Н-да... Когда-то я был отличным матросом, я же говорил... – и Виктор обречённо кивнул.

– Тогда, вперёд! – и рука Его Светлости указала на окно.

– Хорошо, как пожелаете, – Виктор поклонился и направился было к выходу.

– Нет, – остановил его герцог, – В окно!

По лицу Глена было видно, как ему неприятно это испытание, но раз уж так вышло:

– Что ж, Ваша Светлость, думаю, я сделаю это, но, если после этого мне не обеспечат сытный ужин и выплату сразу недельного жалования, я здесь надолго не задержусь.

– Что?! Условия ставить?! Мне?! – не поверил своим ушам герцог.

– Нет, это не условия, – ничуть не дрогнул строптивый Глен, – Я просто предупредил, что надолго не задерживаюсь на службе у людей, которые не оценивают мою жизнь даже в ломаный грош. У меня хватит мозгов заработать на пропитание и как-нибудь иначе. Бывайте, – и с тем Виктор перешагнул через подоконник.

Лихость, и даже наглость, с которой он это сделал, заставили зрителей этого прыжка броситься к окну. Что ж, так они увидели, как он благополучно приземлился на ноги и почти бегом скрылся в ночи.

– Отменный наглец! – не без удовольствия усмехнулся герцог, – Ламороу, похоже, он по-прежнему не намерен чтить твоё звание первейшего?

В ответ праиэр-альбинос сердито насупился. А что он мог возразить господину, который скорее всего слышал большую часть их недавнего разговора?

– Да, уж эти мне испайронцы, пожалуй, самый строптивый и заносчивый народ, после шотлев, – обронил Его Светлость.

С улицы веяло прохладой и сыростью, которая напомнила о пролившемся днём дожде. И тем не менее, сейчас небо было ясное, звездное, и обратив на это внимание, герцог пой-

мал себя на каком-то странном чувстве умиротворения. Даже злость на Эжена, его выходки, вдруг ослабила свою хватку. Он вдруг словно оказался в зрительном зале, и в предвкушении начала представления, развернулся к тем, что невольно составил ему компанию.

– Расскажите-ка мне про этого наглеца. Что интересного вам удалось о нём узнать? Ламороу?

– Эта высокомерная тварь явно врёт, что у него за плечами пятнадцать лет службы! – сразу же встрепенулся первый праиэр, – Ему совершенно неизвестно, что такое дисциплина! У него хватает глупости противопоставить себя всей вашей гвардии! – и возмущенный Ламороу в запале даже начал повышать голос, рискуя скоро сорваться на крик, – Он здесь лишний! И только тем и занят, что воду баламутит! Его поведение сильно смущает людей. Пьёт и не хмелеет, играет в карты и почти всегда выигрывает, при этом ещё никому не удалось поймать его на жульничестве. Любит шляться по городу, но проследить за ним просто невозможно! Я сам, да и Рон, мы пытались сделать это уже ни раз, но не смогли, всякий раз теряли его. А ведь это что означает?! Он ждёт этого! А пристала ли такая осмотрительность человеку с чистой совестью?! И уходит он от слежки так легко, словно родился в этом городе. Ваша Светлость, эта испайронская свинья крайне опасна! Он стравливает ваших людей, сеет в гвардии смуту!.. Ему доставляет особое удовольствие оставлять нас в дураках!!! – Ламороу так распалился, что даже побагровел,

то ли от усердия, то ли от злости, – Он...

– Фил, – и герцог развернулся к Филу, тем прервав поток сознания первого праиэра.

– Лар не справедлив к испайронцу, – спокойно обронил Фил.

– А уж вы-то с ним друзья, как я погляжу! – тут же взвился Ламороу.

– Я сам себе друг и враг, мне не скучно, – усмехнулся Фил, покосившись на Пита.

– Я жду, Фил, – напомнил о себе герцог.

– Как вам угодно, Ваша Светлость, – Фил поклонился и начал доклад, – Испайронец не похож на нас, это точно, но некоторые его странности можно объяснить. Он знает о симпатии к нему со стороны Ламороу, подозреваю, поэтому и ожидает за собой слежку, а уж уйти от неё у него ума хватает. То, что Ламороу назвал противопоставлением себя всем нам, я бы определил иначе, просто он никому не мешает жить. Что до общения, то тут сказывается то, что брианский для него не родной, порой он даже не всё понимает. Что ещё добавить? Вы и сами видите, это человек железной руки и острого ума. Добавлю, что он, не стесняясь, любит деньги, но при этом ещё выше ставит какой-то свой кодекс чести.

– Что ты хочешь этим сказать? – герцог даже подался ближе.

– Похоже, есть вещи, через которые он не переступит даже за очень большие деньги.

– Что именно?

– Он очень трепетно относится к женщинам и детям.

– Не понял, он что же, не в состоянии поговорить с женщиной по-мужски? – герцог явно ожидал услышать что-то другое и не скрыл своё разочарование.

В ответ Фил невольно усмехнулся:

– Что тут сказать? Женская часть прислуги этого дома к нему благоволит больше, чем к любому из нас...

– А что там за история со служанкой? Маги, кажется? – герцог не без труда припомнил это имя.

– Она его слабость, – кивнул Фил, – Девчонка в него по уши влюблена, но он ей едва ли не в отцы годится, вот и относится к ней по-отечески, заступает при случае.

– Н-да, интересного человека подослала мне судьба, – протянул герцог и задумчиво потёр подбородок, – А кто его родители? Сколько ему лет? Что он рассказал об этом вам?

Фил чуть поклонился и продолжил доклад:

– Он сам точно не знает, сколько ему лет... Карлосу он приходится двоюродным племянником, если не ошибаюсь. Вырос сиротой, мотался по родственникам, пока Карлос не прибрал его к рукам и не дал мужское воспитание, но потом парень и от него сбежал. Они встретились сравнительно недавно. Старик любит его вполне искренне, и Глен отвечает ему тем же. Говорит, что они с Карлосом семья. Кстати, о возрасте Глена я спрашивал и у Карлоса. Он думает, что парню где-то около тридцати.

– Когда ты всё это узнал?! – изумился Ламороу.

– Просто я не бегаю за ним, я общаюсь, – усмехнулся Фил, – Он интересный человек.

Герцог задумчиво кивнул. Много из сказанного он узнал от самого Глена ещё, когда нанимал его на службу, но в рассказе Фила нашлось много занятных деталей. Правда, на этом разговор был прерван.

– Вон он! – Рон указал на уступ крыши дома напротив.

И, правда, на фоне неба показался человеческий силуэт. Сомнений не оставалось. Это был Глен, и он собирался прыгать.

* * *

В то время, пока герцог устраивал своим людям дознание, Виктор с лёгкостью нашёл путь на крышу дома напротив. Восхождение не заняло у него и пяти минут. Он ещё не успел ступить на черепицу, как к нему протянулась крепкая рука Эжена, и братья обнялись.

– Я уже заждался! – возмутился Эжен уже через пару секунд, – Что это ты там кривляться вздумал, упрашивать себя заставил?! А мне здесь мерзни?

– Мог бы потеплее одеться. Но да у нас мало времени...

– Слушай, ты уверен, что игра стоит свеч? Если я правильно тебя понял, эта девчонка знает, кто ты...

– Не бойся. Ей можно доверять. Маги хоть ещё и ребёнок, но головка у неё очень ясная, и... Боюсь, я стал для неё смыслом жизни. А смысл не придают.

– Ох, брат... – и Эжен покачал головой.

– Да ладно, речь не о ней, – отмахнулся Виктор, – Мы с Карлосом можем больше не выдержать.

– Что?! Это ты сейчас о чём?!

– Карлосу устал водить барона и герцога за нос, это становится заметно. Он уже несколько раз натыкался на следы, которые могли бы известно куда привести, пожелай он этого... А ведь кто-то ещё может их заметить... Скрывать это, путать, дело очень рискованное.

– Это с самого начала было понятно. Лучше объясни, что мешает заниматься этим и дальше?

– Ну, во-первых, я уже сказал – это становится заметно. Во-вторых, маркиз нашёл ещё одного следопыта, и на этот раз это осталось при нём. Обещает завтра утром лично его привезти. Тебе надо объяснять, что это означает в нашей ситуации? Карлос говорит, что если эта новая собака что-нибудь разнюхает, ему придётся самому довести погоню до цели, для сохранности авторитета, так сказать...

– У Карлоса все дома?! Нашёл, о чем заботиться! Авторитет, мать его! – вскипел Эжен.

– Возможно, он и прав, хотя... это он, конечно, просто психует.

– Уговорил, облегчу вам жизнь. Не будет эта собака ходить в вашей своре. Что ещё? Как дела с Ламороу? Может и ему уши подрезать?

– Нет, пусть ещё побегает. В случае чего я сам с ним

справлюсь.

– Ты уверен?

– Да он мне только помогает. Ребятам даже нравится наблюдать, как я его обламываю, а вода льётся на мою мельницу. Когда-нибудь, очень скоро, эта свора будет бегать под мою дудку.

– А герцог?

– Ждёт меня. Времени больше нет. Давай договоримся завтра в пять, как два дня назад. Не забудь.

– А вы успеете вернуться?

– Если нет, то в девять.

– Хорошо. Будь осторожен!

– И ты, уж постарайся!

– Иди сюда, чёрт!

И они крепко обнялись. Крепче обычного, и Эжен почувствовал, что брат взволнован больше положенного.

– У тебя ещё минутка есть? – тут же отозвался Виктор.

– Это у тебя со временем проблема, а у меня вся жизнь впереди, – невольно усмехнулся Эжен.

– Как ты думаешь, зачем маркиз так старается? Неужели он в самом деле так на нас с тобой взелся?

– А ты не знаешь?! – искренне удивился Эжен, – Да он спит и видит белокурую графиню своей женой!

– Что?! Ты про Анну?!

– Да. Ты что же, правда не знал?!

– Теперь знаю... Но кто тебе это сказал?

– Моя Эмилия. Да припомни, до тебя должны были долетать слухи...

– Да... Может быть...

– Ха! Вот и твоё время пришло! Мои соболезнования! Я так думаю, теперь ты Антуана любишь так же горячо, как и я.

В ответ Виктор только тяжело вздохнул.

– Что-то ты мне сегодня не нравишься. Давай, признавайся, что происходит? – Эжен даже взял брата за руку.

– Ты прав, у меня дурное предчувствие, – решился-таки признаться Виктор, – Страшно тебя отпускать.

– Это сейчас я тебя никуда не отпущу! С таким-то настроением да снова в пасть ко льву?! – от души вспылил Эжен.

– Ты прав. Наваждение какое-то, – тут же постарался взбодриться Виктор, – Но ты всё же завтра не очень рискуй!..

– Да что это ты вздумал меня пугать, в самом-то деле?!

– Ладно, я пошёл.

– Давай, давай. Лети, птаха!

Виктор кивнул, и уже хотел было двинуться к краю крыши, но в последний момент замешкался, снова развернулся к брату. Лица друг друга они разглядеть не могли, но это и неважно. Просто ещё несколько секунд побыть рядом. Это ведь такая малость! Но как же ценны оказались эти несколько секунд...

подавив вздох, Виктор отправился-таки на другой конец крыши и скоро показался на глаза герцога.

Он недолго собирался с духом. Обвязав вокруг головы

тесью и для верности взяв клочок волос в рот, не без причины боясь, что потеряет парик, Виктор тяжело вздохнул и... снова вспомнил про Эжена. Труднее всего сейчас было не оглянуться. Эжен понял этот его порыв и шепнул:

– Хорош метаться! Решай! Либо лети, либо оставайся.

Виктор невольно улыбнулся и ринулся в свой ночной полёт.

Такие прыжки казались близнецам прозой жизни, но это не ослабляло их бдительности. Виктор точно оценил расстояние до окна, и его тело безукоризненно последовало его воле. Миг, и он зацепился за подоконник, почти влетев в окно. Легко приняв силу удара, он уже в следующий миг стоял в комнате перед герцогом.

А тот ещё добрых минут две в немом изумлении рассматривал ночную птицу. В какой-то миг Виктор даже забеспокоился, всё ли в порядке с париком? И рука сама потянулась к волосам. Нет, всё в порядке!

– Так что... я выполнил ваш приказ, милорд, – Виктор решился первым нарушить это неловкое молчание.

– Вижу... Вижу... – протянул тот в ответ, – И когда же ты сообразил о такой возможности войти в эту комнату?

– Простите?

– Я не ясно выразился?! – нахмурился герцог.

– Но, Ваша Светлость, это и сейчас всего лишь догадка. Я не готов отдать голову на отсечение, что дело было именно так... Но, признаюсь, впервые мысль о том, что вот так тоже

можно, пришла ко мне в первый наш осмотр, это когда вам порезали постель... правда, тогда такая идея показалась мне безумной.

– Потому что был открыт дымоход? – кивнул герцог.

– Потому что этот Ровиньоль ещё не сравнивался с бесом, – усмехнулся Виктор.

– Но тогда и ты бес!

– Что?! Я?!

– Но ведь и ты смог это сделать!

И Виктор не скрыл самодовольную улыбку.

– Я бывший матрос, и не вы первый заставляете меня прыгать, словно обезьяну. Наш боцман требовал фокусов и покруче, или же отправлял на съедение акулам. У этого Ровиньоля такой же опыт?

– Не знаю... Хорошо. Держи за труды, – и герцог швырнул ему кошель, при этом он удовлетворённо отметил, как глаза Виктора сверкнули алчным огнём.

– А теперь оставьте меня одного! – и Его Светлость отвернулся к окну.

* * *

– Ты как-то уж очень легко это сделал! – с уважением заметил Фил, обращаясь к названному Гленом.

– Признаться, это было не очень легко, давно не тренировался, – возразил тот.

– Да ладно приbedняться-то!.. А вон тебя и невеста! – рассмеялся Фил, указав на Маги.

Теперь и Виктор заметил девушки и, скрыв досаду, подошёл к ней.

– Видела?

Расширенные глаза Маги стали более, чем красноречивым ответом.

– Всё в порядке. Отправляйся спать, – и, больше не глядя на свою юную подружку, Виктор бросился догонять Фила.

А Маги почувствовала ком в горле. Он всячески отталкивает её от себя, сторонится, словно боится. А ведь она видела, он хотел ей улыбнуться! Или нет?.. Ей это только показалось?..

* * *

Солнце поднялось уже четыре часа назад. Отряд для поисков беглецов уже давно был готов к выезду, но с этим медлили, ожидали маркиза и нового проводника. В этот раз маркиз поехал в сопровождении Ламороу и Фила, так что герцог был спокоен. При такой-то охране разве ж может что-то случиться? Так он заявил барону, но тот всё равно нервничал, он просто не мог отбросить в сторону печальный опыт последних дней. Что ж, этот опыт его не обманул.

Сердце барона оборвалось, когда на улице показались маркиз, Ламороу и Фил... без проводника! У всех троих был очень сконфуженный вид.

– Что?! – едва ли не закричал барон, – Снова исчезновение?!

– Скорее явление, – усмехнулся явно сконфуженный Фил.

– Этот Ровиньоль бес во плоти!!! – тут же вспыхнул маркиз.

– Объясните толком, что произошло?! – потребовал герцог.

– Всё шло просто замечательно, – чуть переведя дыхание, начал свой рассказ маркиз, – Мы нашли нужного человека, и вместе с ним уже ехали сюда, когда Ламороу указал на крышу одного из домов. И тогда мы тоже увидели... только и увидели, как этот бес замахивается и уже кидает камень. Правду сказать, удар у его получился изумительный. В тот же миг Поль вылетел из седла. Ему теперь всю оставшуюся жизнь придётся благодарить свою шляпу, да стог сена, в который он свалился. Только благодаря этому он и остался жив, но сейчас с нами он не ездок.

– А Ровиньоль?! – барон не верил своим ушам.

– Испарился.

– Это всё? – обратился герцог к Ламороу.

– Да, Ваша Светлость, – с большой неохотой подтвердил тот.

Тем временем Карлос с изумлением посмотрел на Виктора, а тот с непроницаемым видом в знак согласия тайно показал поднятый вверх большой палец.

– Сколько ещё это будет продолжаться?! Кто положит этому конец?! – едва ли не заплакал барон, такое отчаяние накатило на него.

– Успокойтесь, сеньор, – прервал его неожиданно спокой-

ный голос герцог, – Едем. Что-то мне подсказывает, что этот день станет для нас удачным...

Глава 38. Разоблачение.

– Так больше продолжаться не может! Надо что-то сделать! – горестно вздохнула Маргарет, отворачиваясь от озера.

Заметив, что в глазах актрисы стоят слёзы, Геньи тут же развернулся к озеру и увидел сидящую у воды Анну. Его любимица расположилась прямо на траве, обхватила руками колени и спрятала в них лицо.

– Она ведь не... – нахмурился Геньи.

– Что? – тут же встрепенулась Маргарет, проследила взгляд хозяина Райского уголка и печально кивнула, – Да, плачет.

– Что?! – и Геньи едва ли не сорвался с места, но актриса успела схватить его за руку и так удержала:

– Не горячись, старый друг! Не надо!

– Но...

– Сердечные раны исцеляются не так...

– Нет так?! Но, Маргарет... какого чёрта вообще здесь происходит?! – и Геньи от всего сердца выругался.

– А то ты не знаешь, – Маргарет больше не держала его, – Но ты прав! Мы должны что-то придумать, как-то их всех отвлечь, проветрить что ли... Ну же, думай!

– Проветрить?! – тут же встрепенулся Геньи, – Это можно устроить.

– Что?! В самом деле?!

– У тебя ведь снова закончились крупа и корнеплоды? А если и нет, неважно, скажем что закончились...

– Что ты задумал, старый плут? – и Маргарет всем своим видом дала понять, что она в деле.

Геньи тут же перешёл на шёпот и поделился с ней своей идеей.

– А это не слишком рискованно? – актриса с сомнением поджала губы, – То ты изо всех сил пугаешь нас ищейками герцога и барона, а то вот предлагаешь такое...

– Если всё сделать аккуратно, риска никакого!

– Тогда я за!

Что ж, уже за обедом Геньи объявил, что намерен рано утром следующего дня предпринять поход на старую мельницу, пополнить запасы провизии, а чтобы за раз привезти как можно больше, отправятся они туда на фургоне. А раз на фургоне, значит поехать смогу все, кто хочет.

– Все?! – запрыгала от восторга Анжелика.

– Да, все! – веско кивнул Геньи и с удовольствием заметил, как и его любимица Анна приободрилась.

Конечно же, к такому походу надо было подготовиться, разгрузить фургон и оснастить его колёса специальными накладками, договориться о правилах поведения в этом походе... короче, было чем заняться, и вязкая густая река времени снова превратилась в игривый ручей, минуты стали более охотно складываться в часы.

Геньи даже заставил близнецов работать вместе, и у тех это получилось много лучше, чем они сами ожидали. Нет, факер дружбы зажечь не вышло, но и война не началась, что уже было неплохо... Даже более того – туго забинтованный поломанный палец стеснял Жана в кое-каких движениях, и лже-Виктор молча взялся ему помочь, сделал это как само собой разумеющееся, чем конечно же вызвал и благодарность брата, и уважение тех, кто это заметил, а заметили все, включая и Марианну с Анной ... Да, тем вечером девушки позволили себе помечтать о том, что мир вернётся в их сердца...

А во время вечерних посиделок Геньи поведал благодарным слушателям историю о том, кто и зачем построил эту мельницу, и почему потом люди о ней забыли. Оказалось, что когда-то неподалёку от неё проходила довольно бойкая дорога и располагалась большая деревня. Так что маленькая мельница работала без устали. Но однажды случилась беда – на деревню обрушился страшный мор и унёс почти всех её жителей. Тогда же чья-то больная голова пустила слух, что и деревня, и мельница прокляты, и немногие оставшиеся выжившие стремглав бежали отсюда. Со временем дорога заросла, а мельница почти развалилась.

Но, как тут же заметил хозяин Райского уголка, нет худа без добра. На этой мельнице сохранился большой добротный погреб, и надёжный человек, друг Геньи, поддерживает в нём хороший запас продуктов, способных выдержать гнёт

времени. Речь про крупы, сухофрукты, соль, сахар, и даже вяленое мясо. Геньи заявил, что намерен забраться всё, так что следующим вечером их ожидает пир горой.

Выйти в поход решили с первыми признаками зари. Геньи был уверен, что так они смогут вернуться «ещё до того, как ищейки герцога проснутся». Но почти сразу начались неприятные сюрпризы. Для начала захворала Анна. Маргарет тут же всех заверила в том, что это обычная для девушек история, а чтобы Геньи было спокойнее, она, Маргарет, останется в Райком уголке вместе с Анной и Анри.

Потом оказалось, что этим утром в пойме реки, где приютилась мельница, собрался особенно густой туман, точнее туман встретил их уже на пути туда. Впрочем, как раз в этом обстоятельстве Геньи честно постарался разглядеть добрый знак, но это уж, как говорится, «кто ищет, тот найдёт»...

К слову, о «найдёт» – старая мельница оказалась не такой забытой людьми, как наивно полагал Геньи. В ветхом, продуваемом всеми ветрами сарае нашлось обжитое пепелище костра, и даже нечто, напоминающее посуду. Но загадка быстро прояснилась. Жан и Марианна честно признались, что это их рук дело. Однажды спрятавшись здесь от дождя, они облюбовали это местечко, и уже пару раз проводили здесь... уроки пения. Да, ругаться поздно, но Геньи всё же не отказал себе в удовольствии высказать Жану всё, что он об этом думает. Но надо было видеть, как при этом открытии сменился с лица Антуан...

Перенос продуктов занял чуть больше получаса, после чего фургон должен был сразу двинуться в обратный путь.

– Геньи, – Жан, виновато улыбаясь, преградил Геньи дорогу, – Позволь нам с Марианной здесь задержаться.

– Ну ты даёшь, парень! – не поверил своим ушам Геньи, – Ты хочешь меня доконать?! Что за детство, в самом-то деле в тебе проснулось?! Вы же должны понимать, как сильно рискуете своими головами, да то и нашими тоже! Эти чертовы следопыты уже всех зверей в лесу перепугали!

– Я всё понимаю, поверь! Твои упрёки справедливы. Я виноват, – и Жан улыбнулся, одновременно и извиняясь, и моля о понимании, – Но вспомни, ты говорил, что я хороший ученик. Всё обойдётся! Вот увидишь.

– Жан, ты меня удивляешь и.. разочаровываешь!

– Я обещаю, мы будем осторожны! – улыбка Жана стала более открытой, – Ну хочешь, я дам слово, что это в последний раз, и мы больше сюда не приедем?

– Одного раза может хватить...

– Геньи...

И сердце старика не выдержало:

– Ну что с тобой делать?! Ладно. Храни вас Бог...

И, словно в миг забыв про Жана, Геньи стал отдавать последние распоряжения по подготовке к отъезду.

– Мы остаёмся? Правда? – Марианна с тревогой заглянула в синие глаза Жана.

– Это невероятно, но да, он согласился. Хотя... – ещё не

веря в такую удачу, кивнул юноша.

– Что «хотя»?

– Ты уверена, что стоит это делать? Этот твой «важный» разговор не может подождать до возвращения в Райский уголок?

– Да, я же уже сказала, я очень хочу обсудить это без свидетелей, любых, даже самых случайных! Но если ты считаешь...

– Ладно... – и Жан подарил любимой непередаваемой нежности взгляд, – Геньи уже согласился...

– А эти голубки? – удивился Франсуа, жестом руки требуя, чтобы Геньи развернулся в сторону Жана и Марианны, – Они что же, остаются?

– Да, они задержатся, – в голосе Геньи звучала огромной силы досада.

– Но...

– Они наведут здесь порядок и догонят нас. Жан обещал, что всё будет в порядке.

– Вот как?! Ну, ладно... тебе виднее, – усмехнулся старый артист.

А Антуан, не упустивший ни слова, почувствовал, как от волнения и злости у него вспотели руки...

Жан и Марианна проводили фургон до опушки, когда же тот скрылся из виду, Жан легко взял Марианну на руки и понёс на мельницу...

Геньи и Франсуа хорошо знали своё дело. На колёса фур-

гона были надеты хитро-сделанные широкие обручи, так что колея оставалась неглубокая, ни на что непохожая. К тому же этот лес играл на стороне Геньи. Почва здесь была твёрдая, каменистая, местами покрытая мягким слоем хвои или листвы, по такому ковру переобутый фургон почти не оставлял следов. Пару раз спускались в мелкий ручей и какое-то время шли по нему... Но там, где следы все же оставались, приходилось специально поработать: Франсуа и Жульен под руководством Геньи закрывали колеи землей и травой, посыпали каким-то порошком, так скрывая следы и от глаз людей, и от носов собак... Все эти хлопоты требовали много внимания, усилий, и потому никто не заметил, когда исчез Антуан. Он исчез с конем.

– Чёрт бы его побрал! – выругался Геньи, – Это ещё что за фокусы? Где его теперь искать?

– Он просил не волноваться, – воскликнула Анжелика, – Ему надо что-то сказать Жану.

– Жану?!! Час от часу не легче!! – и Франсуа даже присел, – Что думаешь, Геньи? Вернёмся?

Геньи крепко задумался. Артисты притихли, оставляя решение за своим предводителем.

– Нет, – наконец, решил Геньи, – пускай сами разбираются. У Жана хватит ума не доводить дело до крайности. А поговорить им, возможно, и стоит. Едем!

* * *

Антуан и правда вернулся, и намерения у него были не

самые чистые. Привязав коня в овраге, он осторожно подобрался к мельнице и скоро услышал голоса. Увидев же их обладателей, юноша только чудом удержался от того, чтобы не сломать попавшую под руку палку. «Тайно, значит тайно, беззвучно!» – напомнил он сам себе, но губу всё же прокусил.

Жан и Марианна сидели около костра, который мирно потрескивал, совершенно не выделяя дыма. При этом Жан нежно обнимал Марианну за талию, а та благодарно прикорнула к его широкой груди.

– ... я так рада, что ты мне веришь... Что ты теперь не считаешь меня маленькой девочкой... – тихо мурлыкала Марианна.

– Когда это я считал тебя маленькой девочкой? – с деланным возмущением возразил Жан.

– Уже и не помнишь? – Марианна высвободилась из-под его руки и лукаво заглянула ему в глаза, – Да вот хотя бы во время нашей той первой прогулки! «Ты не любишь, а влюблена, это разные вещи, и ты ещё не готова сделать между нами выбор! Так что не спеши!» Так, кажется, ты сказал? Может быть, я и зря поспешила... но всё же... Нет, я не сожалею! С одной стороны я осталась верной своему слову, я ведь тогда пообещала Анне «определиться», с другой стороны, я наконец поняла, что из себя представляет Виктор, и.. теперь я вас безошибочно различаю.

– Постой! – в глазах Жана читалось большое удивление, –

Что значит, ты обещала Анне «определиться»?! Это как понимать?!

– Ты же сам видишь, как она влюблена в Виктора... – Марианна заметно растерялась.

– Да, в Виктора... но тогда о каком «определении», выборе шла речь?

«Да, о каком?!» – загудело и в голове страшно возмущённого Антуана.

– Видишь ли, вы так похожи... были... – всё, Марианна окончательно смешалась и растеряла все слова.

– Мне казалось, что Анна с самого начала была настроена на Виктора... Но из твоих слов следует, что вам обоим тогда было всё равно. Или, решаясь на этот «выбор», ты заранее знала ответ?! Объясни, прошу! Я хочу понять!

– Жан! Пощади! Да, мы обе тогда были... короче... Она не принуждала меня сделать выбор в твою пользу. Поверь! Просто Анна сказала, что хорошо бы мне определиться и так разрешить ваш спор... Как-то так... И видит Бог, я всё же тогда не ошиблась, – в голосе Марианны послышалось отчаяние.

Жан укоризненно улыбнулся и снова нежно обнял её.

«Так это Анна подтолкнула её к этому безумному выбору, а я, словно идиот, поймался на это, и сам же всё испортил!!!» – в глазах Антуана потемнело. Он почувствовал, что начинает ненавидеть Анну, которая и без того уже успела ему изрядно надоест, а теперь ещё и это! «Виновата Ан-

на!» – наконец выкристаллизовался постулат, как-то сразу превратившийся в надпись на камне.

– Ладно, забыли... – снова раздался голос Жана, – Но мне почему-то кажется, что ты хотела поговорить о чём-то другом. А, Марианна? Со вчерашнего вечера, или обеда, ты сама не своя... Или я ошибаюсь?

– Разве ты когда-нибудь ошибаешься? – невесело рассмеялась Марианна.

– Тогда выкладывай, что тебя так тревожит? У нас мало времени. Нехорошо с нашей стороны заставлять друзей волноваться.

Марианна кивнула, но заговорила не сразу. Ей потребовалась минута, чтобы собраться с мыслями. Она стала задумчиво ворошить костёр палочкой, как бы раскладывая всё по полочкам, и, наконец, решилась:

– Да, я хотела бы поговорить с тобой о Викторе. Вчера я узнала кое-что... очень странное и неприятное.

Жан удивлённо повёл головой, показывая тем, что очень ждёт продолжения.

– Я боюсь задумываться о последствиях, но... это... Это очень важно!

– Так говори же! – и Жан как мог приободрил любимую. Антуан тоже превратился в слух.

– Даже не знаю, с чего начать, – вздохнула девушка, – Видишь ли, это мы с Анри вместе решили, что тебе стоит кое-то знать. Надеюсь, Анри на меня не обидится за то, что я

взялась сделать это сама.

– Я знаю, что твой брат недолюбливает Виктора, и причина здесь та же, что и у нелюбви Виктора ко мне. И что же привиделось Анри на этот раз?

– Жан, я очень прошу тебя отнестись к этому серьёзно, тем более что привиделось не Анри, а Анне.

– Анне?

– Да, она поделилась этим с Анри, и уже он в свою очередь кое-что проверил...

– Поделилась с Анри?!

– Да, они большие друзья...

– Ох, Марианна, я бы не стал называть это дружбой, – горестно усмехнулся Жан, – Имей Анри возможность ходить... Если бы не все эти бинты, он бы в корне переломил ситуацию, а так... Анна слишком многого не видит... не понимает...

От таких слов любимого глаза Марианны широко распахнулись:

– Порой ты меня просто поражаешь, Жан.

– Да? Чем же?

– Твои взгляды на людей, на жизнь...

– Видишь ли, я знаю твоего брата не хуже себя самого, и мне кажется, что я неплохо понимаю Анну... Ну да ладно, что же привиделось ей? Или ты уже раздумала об этом говорить? Давай, выкладывай, я с блеском развенчаю все твои страхи, и мы отправимся в обратный путь.

– Что ж, я правда буду очень рада, если тебе это удастся, – Марианна собралась с духом и бросилась в бой, – Видишь ли, есть крупное подозрение, что Виктор – это не Виктор!

В тот же миг сердце Антуана бешено заколотилось, в голове поднялся такой страшный шум, что следующий вопрос Марианны пробился к его сознанию словно из далёкого далека:

– Жан, почему же ты молчишь? Тебе не интересно узнать больше?

В ответ Жан сокрушённо покачал головой и всё-таки откликнулся:

– И правда, это что-то очень неприятное... Надеюсь, ты понимаешь, что для таких заявлений нужны очень веские основания?

– Конечно! Позволь, я расскажу всё по порядку...

И Марианна передала всё, что услышала от Анри об открытиях Анны: о пропавших мозолях, провале в памяти Виктора и перемене в его поведении, и, главное, об отсутствии укусов на руках... Слушая её, Антуан стал покрываться холодным потом. А тем временем Марианна продолжала:

– Помнишь, я и раньше тебе говорила о несоответствии прошлого Виктора и его поведения. Он, при том образе жизни, никак не мог быть настолько посвящен в детали придворных интриг! Но да ладно, тут и правда можно спорить, ведь, по его словам, он жил при дворе самого герцога Гизрака. Ладно. Тогда вернёмся к событиям в охотничьем домике

Анны. Я хорошо помню, как он описал мне дорогу в дворце Анны. Я получила предельно чёткие указания и совсем не плутала. И что же... Анна и Анри убеждены, что Виктор в принципе не знает этот путь. В разное время и Анна, и Анри пытались спровоцировать его... Но ничего! Ты понимаешь?!

– Анри?! – не поверил Жан, – Да ведь они не общаются! Вот прямо совсем нет!

– Ну не Анри, а Геньи по его просьбе. Какая разница? Результат один. Он не знает этого пути!!! Тебе мало?

Жан долго не отвечал, а Антуана уже била крупная дрожь. Его раскрыли!!! И снова Анна!!! Да ещё Анри в придачу...

– Жан, так что же ты молчишь? – наконец, не выдержала Марианна.

– Думаю.

– О чём?

– Об услышанном, конечно. Получается, что ты клонишь к тому, что на службе у барона был один мой брат, а к нам приехал другой, верно? – уточнил-таки очень сердитый Жан.

Марианна едва ли не виновато поджала губы и.. кивнула:

– Ведь это возможно...

– В том-то и дело, что нет! – вдруг вспыхнул Жан, резко встал и нервно прошёлся по сараю, при этом Антуан едва-едва успел спрятаться, – Видишь ли... Виктор мне брат. Родной брат! Мы близнецы! Ты понимаешь, что это значит?! Он бесится от ревности, это да, но он просто не может оказаться негодяем!

Марианна насупилась и невольно отвернулась:

– Когда-то ты с гордостью называл отцом герцога Бетенгтона... Помнится, пришлось постараться, чтобы ты услышал нас с Анри. Присмотришься к фактам! Ведь всё говорит за то, что это не Виктор!

– Может быть, ты уже и придумала кто? Марианна, остановись! Давай взглянем на всё это внимательнее.

– Ты хочешь возразить? Хорошо. Давай! – и Марианна всем своим видом показала готовность слушать.

– Возразить? Да. Хочу, очень хочу... – и Жан снова сел, – Ведь из твоих слов следует, что каким-то образом барон, если не герцог, подменил Виктора другим моим братом, и этот другой, приняв это предложение, уже больше недели разыгрывает здесь из себя Виктора, в то время как тот находится в руках наших злейший врагов! При этом этот мой брат либо не понимает серьёзность ситуации, либо сознательно отвернулся от Виктора, отказав ему в помощи...

– ...и вспомни, он хотел убить тебя! – Марианна даже подалась ближе.

– Чушь! – и Жан снова вскочил, – Не хотел он меня убить! Человек просто вышел из себя, это разные вещи! Нет, подожди, не перебивай, теперь я скажу. Кому как не мне выступить в его защиту? Вот давай я сейчас же поставлю себя на его место. Мы с ним очень похожи, у нас похожие привычки, мы одеваемся почти одинаково, у нас даже причёски одинаковые, хотя мы никогда прежде не виделись и не могли это

скопировать. Ты хочешь провести такой эксперимент?

Что ж, Марианна нерешительно кивнула.

– Прежде всего давай исключим эти мозоли и укусы. Что не привидится испуганной девушке ночью в лесу?!!

– Исключим?! Жан, но это же едва ли не самое важное! – тут же возмутилась Марианна.

– Тогда и всё это не так важно! – отрезал Жан, – Её оцарапали мозоли? Но это могла быть и засохшая грязь, и не на его руках, а, например, на крупе коня, или ещё Бог знает где. Они ведь боролись! Вкус крови? Но она вполне могла в пылу борьбы прокусить себе губу, рана не большая, но вкус дала бы. Что же касается ногтей... Скажи, если задаться этой целью, то в течение дня реально добиться такой перемены?

Марианна нерешительно повела головой, но Жан веско кивнул:

– Ты только предположи, что твой дядюшка и правда вознамерился его облагородить, и снабдил всем необходимым. Ведь очевидно, что он собирался и дальше при случае выдавать Виктора за дворянина. Чего при этом хотел барон, пока гадать не станем... Дальше... Провалы в памяти? А ведь он мог просто не захотеть отвечать.

– Жан, это было бы видно. Он явно был растерян!

– Кто это видел? Анна? Прости, но её наблюдениям я не очень доверяю... Геньи? Не знаю, у старика и без этого хватает проблем... И не мне тебе говорить, что мы, близнецы, люди упрямые и своенравные. Он мог почувствовать к себе

нездоровый интерес, и...

– ... так показать свой характер?

– Да, ведь такое возможно. Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что ему очень досаждают привязанность Анны, тем более что он может это расценить, как причину твоего отказа.

– Причина не в ней!!! – тут же вскинулась Марианна.

– Пусть так, но не факт, что он так не думает. Нет, остерегись принимать эти соображения Анны за последнюю истину.

– Но Жан! Мне... мне так обидно за неё! Ты представляешь её едва ли не круглой душой... – рассердилась Марианна.

– Я?! О Боже, нет! – запротестовал Жан, – Тебе известно, как высоко я её ценю. Она превосходная, замечательная девушка и надёжный друг! Но что касается Виктора, то ведь ясно как божий день, она его придумала. Её к нему любовь – это замок на песке. Вспомни, с каким нетерпением она ждала его приезда. Он появился, и, кажется, она была готова водрузить на его голову лавровый венок героя, тогда как он с первого момента перенёс центр своего мира на тебя... В этом они даже похожи.

– Жан, Жан... Мне хочется рыдать, когда я думаю о них, – и на глазах Марианны в самом деле навернулись слёзы, – Я не знаю, что со мной стало бы, если бы ты обрёк меня на то, чтобы всю жизнь я могла видеть только твою спину.

– Спину? – сразу и не понял Жан, но скоро сообразил,

о чём идёт речь, – Ах да, я заметил, ты не любишь ходить сзади...

– А ты бы видел Анну, когда Виктор обрывает разговор и уходит, уходит...

– Значит, вы всё же шепчетесь о своём, о девичьем. А я-то думал она только Анри приняла в свои духовники, – против воли съязвил-таки Жан.

– Порой ты подбираешь на редкость неприятные слова!

– Извини, – легко уступил юноша, но тут же вскинулся, – Просто мне тоже больно, но за Анри. Ты только представь на миг, на один только миг, каково ему выслушивать её рассуждения про Виктора, в то время как он сам по уши влюблён в неё! Ведь она, именно она стала его первой настоящей любовью, а твой брат, поверь, умеет любить!

Марианна сердито сжала губы и отвернулась. Жан тотчас смягчился, пододвинулся к ней ближе:

– Ну же, не сердись. Скверный разговор получился! Давай забудем об этом!

– Ну да, «забудем»! – и Марианна резко развернулась, – Виктор ах какой хороший получается, а Анна просто сентиментальный палач моего Анри!

– Марианна! Я же...

– А между тем твой ненаглядный брат готов тебе глотку перерезать, и никакие великосветские манеры, никакое внешнее сходство с тобой не мешают ему люто тебя ненавидеть! Он-то тебя братом не считает! Это ты тоже будешь от-

рищать?!

На этот раз Жан не стал возражать.

– И я так сильно боюсь его двуличия! – Марианна очень разгорячилась, но Жан вдруг нежно взял её за руку и заглянул ей прямо в глаза:

– Прямо дикая роза, да и только! Милая, к чему эти обвинения? Двуличен? Он просто очень скрытен. Ты ведь не станешь отрицать, что мы о нём почти ничего не знаем. При всей его словоохотливости, он никогда не говорит о себе, и это его право. Мы не точные копии друг друга, и слава Богу...

– Это да... – выдохнула Марианна.

И Жан примирительно улыбнулся:

– Но мы всё же братья, и стать таковыми нам может помочь только время, надо только запастись терпением...

Антуан больше не мог их слушать и видеть. В состоянии, близком к обмороку, он с трудом выбрался из сарая, нашёл своего коня и пустил его во весь опор.

Бешеная скачка длилась недолго. Скоро пламень, пожиривший его сердце, стал так невыносимо силён, что юноша бросил поводья, и его мысли совершенно исключили существование реального мира: солнца, леса, травы...

Марианна, мягко говоря, его невзлюбила, и не в последнюю очередь потому, что он люто завидует удачливости Жана: «Ах, какой благородный, чистосердечный! Какой до прищипки примерный брат! Вот кто настоящий лицемер! Нет,

я никогда ему этого не прощу. Явился и победил! Как он меня любит!!! Просто понял, змей, как подъехать к этой... Надо же, она так им восхищается, так за него боится, что и правду смогла рассмотреть. Она!.. Нет! Нет!!! Этот сладкоречивый дурак вразумил её! Но что же делать дальше?! Я больше не могу их видеть! Не могу! Как они смеются! Почему он, а не я?! Ах, да, Анри и... Главное Анна! Они оба сделали своё подлое дело: он похлопотал за Жана. Анна, видите ли, выбрала меня! Ох уж эта Анна!!! Кто бы мог подумать, что в своей слепоте она окажется такой зрячей?! Да, именно она окончательно отрезала мне путь к возвращению в Райский уголок. Да и ни к чему мне туда возвращаться! Надо ехать в Рунд и наконец встретиться с Виктором. Давно пора!!! Может быть, мне ещё удастся замять это дело, и воскреснуть в облике де Валеньи... Как знать, может быть, Антуан будет удачливее... Я сумею сделать выводы из этой истории, и ещё не факт, что Марианна останется с Жаном! Мне только надо вернуть своё настоящее лицо, точнее имя!»

– Какая приятная встреча! – мягкий баритон герцога Бетенгтона вырвал Антуана из забытья.

«Герцог! Барон! Откуда они все взялись?!!» – Антуан с изумлением обнаружил себя в тесном кольце слуг своих недавних друзей.

Глава 39. Предательство.

– Мы уже стали терять надежду на встречу с вами, сударь, – приветливо улыбаясь, герцог ни на миг не переставал изучать лицо Антуана, и кое-что ему уже открылось, – Куда же вы пропали?

– Пропал? – вздохнул Антуан, прекратив осматриваться. Теперь его взгляд был обращён прямо к герцогу, и голос прозвучал совершенно бесстрастно, ровно, – Обстоятельства оказались сильнее меня.

Странно, но он не чувствовал ни малейшего внутреннего смятения, чем сам себя очень удивлял. Ещё день назад он бы содрогнулся при одной только мысли о такой вот встрече, но сейчас она была воспринята им даже с некоторым удовлетворением, ведь какая-то, не самая маленькая, часть его души давно жила в ожидании наказания за обман. «На, получи, подлец!!!» – подала она свой злорадный голос.

– Обстоятельства?.. – герцог с пониманием кивнул, – Уверен, вам довелось пережить интересное приключение. Уже предвкушаю увлекательную историю за бокалом вина у тихо тлеющего камина... Кстати, вы помните о нашем уговоре?

– Уговоре? – взгляд Антуана обратился к барону, потом к притихшему маркизу, ещё раз пробежал по лицам гвардейцев и снова вернулся к герцогу, – А что Виктор? Почему его нет с вами?

– Виктор? – герцог выразил удивление – А вас это правда интересует, мой друг?

– Да, почему бы и нет? Мне объяснили, что мы с ним родные братья, – ничуть не смутился Антуан.

– Да, были...

– Были? Как это понять? – Антуан удивлённо повёл бровью, почему-то у него не мелькнуло и тени мысли о том, что этот его брат мог погибнуть в эти дни.

– Дело в том, что это был не Виктор, а Эжен. Ему, видите ли, пришла в голову мысль выдать себя за брата, в то время как того уже скоро год как нет в живых, – и герцог сокрушённо развёл руки.

«Эжен?! О как?! Да, от него такое можно было ожидать!!! Значит, Эжен!!!» – взгляд Антуана остановился.

– Но разве это что-нибудь меняет? – искренне удивился герцог.

– В принципе нет. Но... Ладно, пусть будет Эжен. Так, где он?

– На третий день после вашего исчезновения он сбежал, и с тех пор мы о нём ничего не слышали.

– И, конечно же, не знаете, куда он направился? – Антуан недоверчиво сощурился.

– Нет. Но я могу вам поручиться, ничего более о вашем родстве он не узнал. Что это за улыбка? Вы мне не доверяете? – герцог продолжал излучать радушие.

– Не совсем так, Ваше Светлость. Речь только о ваших

словах... Ничто не запретит мне думать, что он всё-таки знает о своём происхождении. Почему вы удивляетесь? – и Антуан раздражённо усмехнулся, – Как вы можете поручиться за этого человека, когда совсем его не знаете?!

– А вы знаете? – герцог напрягся.

– Знаю ли я? – Антуан резко развернулся к барону, – Сеньор, вы очень удивитесь, узнав, что именно Эжен выкрал вашу племянницу из охотничьего домика графини де Шероль? Да! Потом в ночи он с ней разминулся, и, как вы уже догадываетесь, у него хватило дерзости вернуться к вам на службу!.. Мне пришлось изрядно попотеть, выкручиваясь из этой идиотской ситуации.

Барон не скрыл удивление, даже уже был готов высказаться, он вдруг передумал, предпочёл по-прежнему хранить молчание.

– Вот как?! – бодро откликнулся герцог, – Это в самом деле для нас большая новость. Но, как я понимаю, вы, сударь, с честью решили эту задачу.

Что ж, Антуан медленно перевёл на него взгляд, но отвечать не стал.

– Позвольте узнать, друг мой, куда вы направляетесь? Не нас ли вы искали? – тем временем Его Светлость продолжал излучать радушие, но и о главном он, как оказалось, не забыл, – Может быть, вы, сударь, наконец, поняли, что пора передать строптивную испайронку в заботливые руки её дядюшки?

Герцог задал этот вопрос и затаился. К своему великому сожалению, он всё ещё плохо представлял, чего ожидать от Антуана.

Что ж, глаза юноши сверкнули недобрый огнём:

– Иными словами, вы бы хотели, чтобы...

– ...вы вспомнили о нашем уговоре! – в голосе герцога ещё ярче зазвучала мягкая настойчивость, – Он всё ещё в силе! Я убираю с вашего пути Фрэнка и Анри, а вы, как де Валеньи, получаете в жены графиню де Монсар. Так кажется? Я ведь ничего не упустил?

И тут вдруг Антуан нервно рассмеялся:

– Получаю в жены! Ох, господа, плохо же вы её знаете. К этому пункту придётся подойти творчески.

– И как же? Мы готовы выслушать ваши пожелания... – герцог даже подался ближе.

Смех Антуана оборвался также резко, как и начался:

– Позвольте заменить, господа, что мы с вами прежде не обсуждали, как именно вы «уберете с моего пути» Жана и Анри... Давайте избавимся от этого упущения прямо сейчас.

– Они мешают вам, верно?! Тогда признайте, кто-то должен взять на себя роль злодея. И кто же подходит на эту роль лучше меня? – герцог всем своим видом постарался показать, что признает это с большой неохотой.

– Я всё ещё не понимаю, – нахмурился Антуан.

В ответ Его Светлость сокрушённо повёл головой:

– Я думаю для всех будет лучше, если эти двое покинут

пределы Фрагии. Позвольте мне об этом позаботиться! Ради вас! Ради нашей... дружбы!

– Покинут пределы Фрагии... Это ведь не образное описание смерти? – пуще прежнего нахмурился Антуан.

– Что вы!?! Конечно же нет! – пламенно запротестовал герцог, – Подумайте сами, если бы я был поклонником такого решения, что помешало бы мне убить их уже давным-давно! Конечно же я позабочусь о сохранности их жизней. Просто жить они будут не во Фрагии. Согласитесь, у этих двоих очень взбалмошный характер. Вы сможете спокойно строить свою супружескую жизнь только при условии, что Фрэнк и Анри не станут путаться у вас под ногами. Вы со мной согласны?

– Так, значит... – Антуан горестно сжал губы.

– Опять же, я готов выслушать и ваши пожелания! Клянусь! – и герцог торжественно поднял вверх два пальца.

Складывалось впечатление, что Антуан отнёсся к слова Его Светлости очень серьёзно, он даже кинул взгляд на барона, очевидно видя в нём прежде всего опекуна Марианны. Что ж, тот согласно кивнул в ответ.

– Хорошо, – наконец произнёс юноша, – Я помогу вам встретиться с ними, но давайте договоримся, пока – я всё ещё Виктор.

– Да-да, конечно, как вам будет угодно, друг мой! – герцог даже не попытался скрыть свою радость.

Антуан кратко кивнул, и будто в тот же миг утратил ин-

терес к своим странным друзьям, он уже отвернулся от них и двинулся прямо на гвардейцев герцога, словно те и не стояли перед ним плотным кольцом оцепления. Те, повинувшись жесту своего господина, тут же расступились перед молодым Лаганом, и вот он уже заставил своего коня перейти на рысь.

Герцог, барон и маркиз не отставали. За ними грозовой волной скакали брианские и испайронские гвардейцы. А замыкали это шествие две своры гончих, о которых заботились люди маркиза. Да, маркиз не смог предоставить проводника, но лучших гончих из своего загородного поместья вызвать всё-таки сумел.

Во всё время разговора Антуана, герцога и барона Карлос несколько раз испытал приливы гнева огромной силы, но всё-таки смог с собой справиться. Ему помогло то, с каким самообладанием за всем этим наблюдал Виктор. Тот оставался непроницаемым, только пристально всматривался в лицо бог весть откуда взявшегося брата, да ещё позволил себе снять шляпу и повязать на лоб чёрную ленту. Этот знак говорил о том, что Виктор готов действовать, даже драться. И Карлос для себя решил – чтобы Виктор не выкинул, он, Карлос, будет с ним рядом!

А тем временем Антуан возглавлял эту небольшую армию, вёл коня уверенно, быстро, и никто, совершенно никто из его теперешних попутчиков даже не допускал мысль, что юноша выбирает пусть исключительно исходя из удобства ландшафта – зачем спускаться в овраг, если удобнее

его обойти? А куда именно держал путь, Антуан честно не знал, ведь он совершенно искренне не представлял, где оказался. Не в пример Жану, лес он не знал. От мельницы уезжал, не разбирая дорогу. Разглядев во всём происходящем руку судьбы, он не сомневался, что от него уже ничто не зависит. Герцог и барон желают прокатиться? «Почему бы и нет? Прогуляемся, господа!» – мысленно усмехнулся юноша: «Будь, что будет! Аминь!»

И это становилось похожим на правду. Виктор ещё не успел как следует выбрать позицию, чтобы запустить камень в голову Антуана, и так отключить его, как среди деревьев показались... Жан и Марианна.

Влюблённые совсем утратили связь с реальностью. Предоставив своих коней самим себе, они поднялись на небольшой пригорок, и позволили себе отдаться счастью настоящего момента. Где-то там, внизу, Съена несёт свои воды в Брианский пролив, и её левый берег манит изумрудной зеленью затопляемых лугов на фоне величавого кружева берёзовых лесов. Влюблённые поднялись сюда, чтобы насладиться открывающимся видом, но оказалось, что обоих гораздо больше привлекает другое. Жан держал Марианну одной рукой за талию, другой за плечи, она обвила его сильную шею своими руками и... их уста объединили их в нечто, созданное точно не на земле.

От удивления герцог даже приоткрыл рот. И, конечно же, он сразу вспомнил про Антуана. А тот буквально окаменел.

Это было впервые, когда он увидел эту парочку целующейся не где-то там в мутном мираже больных фантазий ревности, а вот так, наяву. Предельная ясность и жесточайшая боль!!! В глазах Антуана даже потемнело, а в ушах поднялся страшной силы шум! Захотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, взорваться... Ведь сердце сжалось прямо-таки в адских тисках боли! Разве ж возможно такое вынести?!!

Затуманенный взгляд юноши скользнул по округе и тут же натолкнулся на красивое лицо герцога. Тот даже не пытался скрыть своё огромное любопытство, он словно чего-то ожидал от Антуана. Стоп! Получается, он, Антуан, всё-таки вывел герцога на эту влюбленную парочку! Как это произошло?!! Почему они здесь?!!

– Вот это начало... – не ясно для кого изрёк юноша.

Герцог криво усмехнулся, кивнул и дал знак своим людям...

А Виктор... он позволил потоку гвардейцев увлечь себя вперёд.

Всё случилось в пару секунд – Жан и Марианна бегом бросились к своим коням, но не успели. Три десятка слуг герцога, барона и маркиза окружили влюблённых плотным кольцом. В этой клетке не было видно даже щелки.

От ужаса Марианна вцепилась в руку Жана. А он, так же не задумываясь, заслонил её от герцога. Но скрыть ужас, охвативший его душу, юноша не мог. Их окружили!!! И никакого шанса на спасение не видно!!!

– Какая же безрассудная беспечность! Вы серьёзно думали, что мы прекратили ваши поиски!? – герцог торжествовал, – Нет, вы только поглядите! Кавалер даже не вооружён?! И этому слепцу вы, сеньорита, доверяете свою честь?! Не странно ли это?! О да, и молчание стало ответом. Хорошо, ведь что вы можете возразить? Ладно-ладно, молчите... Рад сообщить, весь этот эскорт собран исключительно ради вас!

Марианна почувствовала, что под оценивающим взглядом герцога, её начала пробирать нервная дрожь, совладать с этим пока не получалось. Жан крепче сжал её руку, надеясь передать ей хоть сколько-то сил, и, похоже, у него это получилось. Девушка вдруг вскинулась и звонко поинтересовалась:

– Дядя, а где же ваше красноречие?

– Я приберегу его для встречи с племянником, – и глаз барона зловеще сверкнул.

К великому удивлению Марианны, звук голоса дядюшки вдруг вернул ей самообладание. Этого врага она очень хорошо знала, воевать с ним уже давно научилась.

– Bravo! – и Марианна выступила из-за спины любимого, – Жан, ты слышал? Анри уже признан законным наследником владений наших родителей! Всё оказалось проще, чем мы ожидали! Но вот только, дядя, встречу с ним вам придётся отложить. Он, знаете ли, не совсем здоров, – теперь Марианна стояла не позади, а рядом с Жаном.

– Bravo, мадемуазель! Я восхищён! – герцог даже трижды хлопнул в ладоши.

Марианна круто развернулась к нему и тут же подобралась, словно кошка, готовая к прыжку. Она начинала понимать, что стояло за опасениями всех тех людей, от которых ей доводилось слышать его имя. Герцог страшно давил на неё уже одним своим присутствием, и с этим было очень трудно справиться. Но Марианна всё-таки приняла вызов и решила отпустить руку Жана. Главное он стоит рядом. Сейчас именно в этом ощущении близости к возлюбленному девушка черпала силы.

– Что именно так вас радует, Ваша Светлость? – Жан заговорил неожиданно спокойно, и это сделало его голос очень весомым. Герцог всё ещё восседал на коне, но теперь стало казаться, что это Жан смотрит на него сверху вниз, – Как только гордость брианского лорда позволяет вам навязывать своё общество людям, которые даже знать вас не желают?

– Это грубо, Френсис! – искренне возмутился герцог, – Так говорить с человеком, который до сих пор не лишил тебя наследства! Грубо и неблагодарно!

– Вы ещё и моим отцом назовётесь? – изумился Жан, – Зачем так утруждать?

– Я усыновил тебя, будучи в ясной памяти и здравом рассудке. Ты единственный был удостоен такой чести. Так что именно даёт тебе право так непочтительно разговаривать со мной?

– Что?! – вскинулся Жан и тут же взялся перечислять, – Ваша ложь касательно моего происхождения! Ваша клевета на моего родного отца! Или вернуться к началу и напомнить вам, как вы выкрали меня из отчего дома?

– Постой, мальчик мой! Ты серьёзно полагаешь, что всё ещё нужен графу де Лаган? – недобро усмехнулся герцог, – Ты хоть раз пытался взять на себя труд задуматься, почему он до сих пор тебя не нашёл и не признал? Ведь все эти годы ты жил открыто, не таясь, – и герцог всем своим видом выразил полное недоумение по этому поводу, но тут же преобразился, словно вспомнил что-то, – Впрочем, думаю, я знаю ответ. Если ты не в курсе, закон королевской короны Фрагии закрыл тебе путь в родной дом. Тебе там не рады! Единственная твоя возможность удержаться на вершине этого мира, это склонить голову передо мной. Я всё ещё готов считать тебя моим сыном. Это великая удача для тебя, согласишься! Закон Бриании защитит тебя от несправедливости закона Фрагии!

Жан почувствовал, как по его спине побежали мурашки. От волнения он плохо понимал, что говорит герцог, ещё меньше – что стоит за этими неожиданными, странными речами. В таком внутреннем смятении юноша обратил взгляд к Марианне, и в тот же миг всё встало на свои места. Даже в шутку или с какой-то иной целью называться сыном человека, зверски убившего родителей этой девушки и её брата!? Да ни за что на свете! Тем более, что Жан уже отлично знал,

как мало власти и свободы даёт титул сына герцога Бетенгтона.

Марианна тоже обратила к нему взгляд. «Что нам делать!?! Жан!!! Как быть?!!» – девушка с огромным трудом сохраняла самообладание. Жан ободряюще кивнул и даже попробовал улыбнуться.

– Так каков твой ответ, Френсис? – Его Светлость счёл возможным напомнить о себе.

Что же, юноша медленно развернулся к нему:

– Я Жан.

– Значит, Жан, – герцог сокрушённо вздохнул, – А что дальше? Какое тогда у тебя полное имя? Разве граф де Лаган дал тебе позволение использовать свой титул или какую-то, хоть малую его часть? Нет! И будь уверен, это не случится!

– Не вам об этом судить! – вскинулся Жан, – Но раз уж пока верно, я ещё даже не встречался с графом де Лаган, назовусь... Ровиньодем. Жан Ровиньоле всё лучше и достойнее, чем герцог Бетенгтон!

– О как!? – герцог ядовито усмехнулся и развернулся туда, где за спинами Ламороу и Рона до сей поры оставался незамеченным Антуан.

Подчиняясь величественному жесту руки своего господина, праиэры расступились, и Жан с Марианной, к своему великому изумлению, увидели Антуана. Лицо того покрывала прямо-таки мертвецкая бледность, и это первое, что различил Жан:

– Виктор!?! Ты в порядке!?!

Настоящий Виктор при этом возгласе вздрогнул всем телом. А вот Антуан лишь нахмурился. Вместо него откликнулся герцог:

– Признаться, я удивлён! Ты, Френсис, и правда вознамерился отнять у брата не только девушку, но и имя? А у него ты спросил разрешение называться Ровиньодем?

Жан раздражённо сверкнул глазами в сторону Его Светлости, и снова обратился к Антуану:

– Ответь! Ты цел!?

– Почему ему не быть целым? – снова взял слово герцог, – Виктор Ровиньоде здесь доброй волей. Он обещал устроить эту нашу встречу и, верный данному слову, выполнил договор. Поступок достойный благородного человека! – и Его Светлость жестом предложил Антуану приблизиться, а Ламороу легонько ударил его коня по заду.

Так Антуан и правда выступил вперёд.

– Что он такое говорит? – Жан снова обратился к Антуану, – Ответь мне, брат!

Карлос выхватил из толпы гвардейцев Виктора. Обе руки того лежали на рукоятках кинжалов, вставленных в пояс, губы плотно сжаты, а взгляд прикован к лицам братьев.

Антуан неопределённо повёл головой. Выдавить из вдруг пересохшего горла хоть слово оказалось делом крайне трудным, но он справился:

– Что ты хочешь услышать?

И тут вскинулась Марианна:

– О каком уговоре говорит этот человек!? Виктор, ответь!

– Мне нечего добавить к уже сказанному Его Светлостью, – ожесточился Антуан, – Впрочем... Справедливости ради, за эту встречу с дядей тебе, Марианна, всё же лучше поблагодарить Жана! В самом деле, какая безрассудная беспечность!

– Так ты в самом деле предал нас!?! – взорвалась гордая испайронка, – Какая же ты сволочь, Виктор!

Она даже сделала пару шагов по направлению к нему, но Жан схватил её сзади за локти и удержал.

– Не надо! – зашептал он ей в ухо, – Это ничего не изменит!

Марианна резко развернулась лицом к Жану:

– Теперь-то ты видишь!?! Он!..

– Он мой брат! – глухо откликнулся Жан и поднял на Антуана тяжёлый взгляд, – Да, я допустил непростительную ошибку! Но ты-то... Что здесь делаешь ты?

И снова за Антуана ответил герцог:

– Не так давно этот человек поступил на службу к Его Милости барону Парадессу. Барон определил ему очень хорошее жалование. Фрэнк, не в пример тебе, твой брат трезво смотрит на жизнь и звёзд с неба не хватает. И, знаешь, что, я, устал от твоей строптивой неблагодарности! Всё сложится к лучшему, если твоё место займёт он, человек, который умеет быть благодарным за великодушное покровительство.

От этих речей герцога Жан сморщился, словно ему на язык попало что-то очень кислое. Он увидел, с каким искренним удивлением воспринял эти слова называемый Виктором, и счёл это добрым знаком. Взгляд Жана пробежал по строю многочисленных до зубов вооружённых зрителей и обратился Марианне:

– Их слишком много! – тихо произнёс он, обращаясь исключительно к любимой, – Прости меня! Я... Сейчас у нас шансов нет. Надо выждать! Прости!

«Молю! Будь сильной!» – продолжил он безмолвный диалог, – «Я обязательно что-нибудь придумаю! Не падай духом!»

И Марианна заставила себя кивнуть. Тогда Жан тяжело вздохнул и развернулся к Его Светлости:

– Так что же дальше?

Такое самообладание пленника герцогу не понравилось. Оставить за ним последнее слово он не мог. Впрочем, спектакль ещё не окончен. Его Светлость дал знак подвести ближе коней Марианны и Жана, и после этого обратился к барону:

– Сеньор, ваша мечта сбылась. Беглянка возвращена под ваше крыло. Готовы ли вы позаботиться о её безопасности должным образом, или доверим это моим праиэрам?

Барон раздражённо махнул рукой Карлосу, тот поклонился и направился к Марианне. Он остановился в паре шагов от госпожи и выразительно кивнул на её коня. Но девушка

только крепче вцепилась в руку Жана. Юноша накрыл её ледяную от ужаса руку своей горячей ладонью и даже смог заставить себя улыбнуться, кивнуть:

– Иди... Выход найдётся! Обязательно найдётся!

Марианна и не заметила, когда по её щекам заструились горькие слёзы. Отпустить руку Жана оказалось просто невозможно!

– Сеньорита! – Карлос обратился к госпоже как только мог мягко, – Прошу вас!

Взгляды Марианны и Жана одновременно обратились к предводителю гвардии барона Парадесса, и уже в следующее мгновение Жан удивил сам себя. Он сам с мягкой настойчивостью оторвал от себя руку Марианны и передал её Карлосу:

– Хорошенько позаботься о своей госпоже!

Карлос веско кивнул, а Марианна горестно повела головой и... подчинилась, не стала вырывать руку, позволила Карлосу отвести себя ближе к барону.

– Значит так, – встрепенулся герцог и взмахнул рукой, призывая своих праиэров ко вниманию, – Этого воздыхателя в седло и хорошенько связать! Мне больше не нужны сюрпризы! Ламороу, ты понял!?

Первый праиэр зло оскалился, спрыгнул на землю и решительно двинулся к Жану. Тот непроизвольно отступил на пару шагов и возвысил голос:

– Ваша Светлость, связывать-то зачем? Я поеду с вами и так. Если хотите, могу дать слово...

– Грош цена твоему слову, малец! На что ты рассчитывал, отказываясь от чести быть моим сыном? – герцог, наконец, дал некоторый выход обуревавшей его злости.

Ламороу сделал ещё один шаг. Смотреть в его почти красные глаза всегда было жутко, а сейчас ещё и невыносимо противно. Взгляд Жана метнулся к лицам других праиэров, и ближе всех оказался Пит. В его руках даже обнаружилась верёвка. Что ж, пусть так. Жан в пару шагов покрыл разделяющее его и Пита расстояние и протянул к нему сведённые в запястьях руки. На бесстрастном лице блондина появилась тень интереса, взгляд метнулся к герцогу. Тот нервно кивнул, и Пит, больше не мешкая ни мгновения, взялся связывать руки Жана.

Уже будучи около барона, Марианна обернулась к Жану, и её накрыла волна ужаса. Видеть, как связывают руки её возлюбленного оказалось не просто страшно. Лицо девушки покрыла мертвецкая бледность. Она утратила связь с реальностью. Всё обесцветилось, смолкло! Остался только адский холод ужаса. Барон тронул племянницу за плечо. Та не реагировала. Тогда барон заглянул в лицо девушки и, наконец заметив, в каком она состоянии, взорвался:

– Какого черта!!! Марианна!!! Ты давно не ребёнок!!! Ты графиня! Ты сеньорита Коэльо дель Васкос истинная Эспирайдос!!! Возьми себя в руки!!!

Но Марианна продолжала стоять так, словно не слышала его. Тогда барон решил, раз уж пощёчина – это единствен-

ный способ вернуть племяннице способность соображать, но делает это. И рука барона взлетела во взмахе, но тут Марианна вдруг очнулась и резанула дядюшку таким гневным взглядом, что тот так и замер с поднятой рукой.

– Только попробуйте меня ударить! – зашипела девушка.

– Так и не вынуждай меня! – огрызнулся барон и указал на коня, – В седло, живо! Нам ещё ехать за твоим братом!

– Что!?! – Марианна отскочила от барона, словно он всё-таки ударил её, – Анри!?! Ну уж нет! Вам до него не добратся!

– Это не тебе решать, глупая девчонка! – барон даже не пытался скрывать свою злость, – Пожелай мы, ты сама нас и отведёшь!

– Я не понимаю... – выдохнула Марианна.

Что ж, барон указал на уже связанного Жана:

– Чья жизнь тебе дороже? Этого... дыхателя или брата? – и барон возвысил голос так, чтобы его точно мог слышать герцог, – Ваша Светлость, раз уж этот мальчишка больше не является вашим приёмным сыном, почему бы нам не обменять его жизнь на голову Анри Монсо?

Взгляды Марианны и Жана встретились. Они поняли друг друга без слов – поклялись ни при каких обстоятельствах не выдать Анри. Заметивший и правильно понявший этот их немой диалог герцог криво усмехнулся:

– О, как романтично, и как глупо! Барон прав, было бы забавно взять в проводники кого-то из вас двоих. Но в этот

раз можно обойтись и без таких хлопот. Верно, мой друг! – и герцог обернулся к Антуану.

Тот развернулся к герцогу и всем своим видом дал понять, что не расслышал последние слова того.

– Вы ведь покажете нам, где сейчас находится Анри Монсо? – герцог счёл-таки возможным повторить вопрос.

Антуан нахмурился, задумался на пару секунд и потому вдруг утвердительно кивнул.

Взгляд Карлоса снова метнулся к Виктору. Тот, как и многие, уже давно спешил и теперь, казалось, проявляет к происходящему внимание не большее, чем остальные. Только Карлос мог заметить и понять, что кроется за чуть прищуренными глазами и в горькой складке губ его молодого друга.

– Виктор!!! – возмутился Жан (при этом настоящий Виктор невольно вздрогнул). Жан поймал взгляд Антуана и уже не выпускал, – Что ты творишь???

Удовольствию герцога не было предела:

– Виктор привёл нас сюда, отведёт и дальше. Всё правильно.

Антуан остался непроницаем, и это оказалось более, чем красноречивым. А что он мог возразить?! Жан всё понял и с трудом перевёл дыхание:

– О Боже, спаси его душу!!!

Братья, такие похожие и непохожие одновременно, в этот момент как бы перенеслись в другой мир, в котором они остались один на один. Жан буквально впился глазами в са-

мое сердце Антуана. Он просто отказывался верить в реальность происходящего. Не менее неуютно чувствовал себя и Антуан. Да, чувства, которые он испытывал к Жану, было очень трудно назвать братскими. Но видеть его в окружении слуг герцога, со связанными руками... Какая-то часть души Антуана жаждала ещё большего унижения для Жана, рвалась раздавить его, даже уже начинала ликовать. Но эта часть вдруг стала стремительно уменьшаться в размерах. Антуан понимал, что в этой ситуации факт именно его предательства нанёс брату смертельную рану... Другая, большая часть души Антуана в этот момент на самом деле оказалась раздавлена, парализована. Она была смертельно напугана, она понимала, что в эту минуту именно её пытается найти Жан, именно к ней решил обратиться. Но она также понимала и своё полное бессилие что-либо изменить.

– Это не ты! Очнись! – взмолился Жан, – Я не могу поверить, что ревность настолько выжгла твою душу! Ты не можешь иметь с этими людьми ничего общего хотя бы потому, что ты мой брат!!! Ты понимаешь?! Ревность сделала тебя безумцем, и герцог этим воспользовался! А теперь, смотри, как он наслаждается!!!

Антуан побледнел ещё больше, и Бог знает, во что это грозило вылиться, потому герцог поспешил перехватить инициативу:

– Заткните пасть этому паршивцу! Хватит!

Этот приказ вывел гвардейцев из оцепенения, и они на-

бросились на Жана. Мало кто из них был способен остаться равнодушным к происходящему, но сейчас от них требовались действия. А Жан... он очень пожалел, что позволил связать себе руки. И тем не менее, он ловко увернулся от накидываемой было на него петли, сшиб кого-то с ног и улучил ещё пару секунд:

– Слушай меня, Виктор! Если выдашь им Анри, я отрежусь от тебя! Да и не только я!!!

Жан умудрился выбить ещё двоим колени, но толпа гвардейцев всё-таки скрыла его с головой. Марианна схватилась за голову, и из её души вырвался крик отчаяния:

– Нет!!! Не трогайте его!!!

– Опомнись!!! – вновь донесся голос Жана.

От этого Антуан невольно содрогнулся. Было очевидно, что даже в этом отчаянном положении Жан думает не о себе.

И вдруг слуги герцога расступились. Ламороу с трудом оттащил одного особо увлékшегося, и остальные свидетели получили возможность увидеть распростёртого на земле Жана. Глаза его были закрыты, а изо рта сочилась кровь.

– Нет!!! – Марианна рванулась к нему так резко, что Карлос не смог её удержать, – О нет!!!

Девушка рухнула на колени рядом с бесчувственным Жаном, схватила его за щеки, а уже в следующий миг припала ухом к груди.

– Он жив, только без сознания, – хмуро сообщил называемый Гленом.

Это слышали все. Марианна, плохо осознавая смысл этих слов, резко развернулась к нему, к этому черноволосому гвардейцу герцога со странно неприятным лицом. Виктор с большим трудом сдержал порыв обнять её, утешить, вместо того он лишь отвёл глаза в сторону.

– Жив?! – вздох облегчения вырвался из груди девушки, но уже в следующую минуту она вспомнила об Антуане, вскочила на ноги, и глаза её вспыхнули пламенем гнева, – Мерзавец!!! Я проклинаю твою любовь ко мне! Слышишь?! Я прокляну и тебя, если ты предашь и моего брата! Ты не человек, ты ядовитая язва на теле семьи Лаганов!!!

С этими словами Марианна начала надвигаться на Антуана. Опомившись, Карлос бросился к ней и попытался силой оттащить в сторону, но справиться с Марианной сейчас было очень трудно. Она вся так и рвалась вцепиться в горло Антуана.

– Ты меня слышишь?! Если с Жаном и Анри случится что-нибудь страшное, непоправимое, не знать тебе счастья! Я прокляну твоё будущее! И будь уверен, моё проклятье работает! Ты останешься совершенно один на всём белом свете и смерть твоя будет ужасна!!! Ты меня слышишь, Виктор?!!! Ты... – в этот миг она неожиданно вздрогнула и мягко осела на руки Карлоса.

– Обморок? – в голосе герцога угадывались нотки беспокойства.

– Да, чёрт побери! – отозвался Карлос.

Лишь Виктор понял, что на самом деле случилось. Как он и учил, испайронец незаметно хитрым образом сжал шею девушки, и Марианна против воли погрузилась в сон. Сделать это Карлоса надумил трюк, выполненный Виктором над Жаном.

– Тем лучше. Меньше шума... – выдохнул барон.

– Согласен, – встрепенулся герцог, – Нам пора, господа. Мы потеряли слишком много времени!

Он подъехал к Антуану и тронул его за руку. Тот вздрогнул всем телом, и поднял на герцога мутный взгляд. Ржавчина сострадания закралась в железное сердце герцога:

– Мой молодой друг, прошу вас, не принимайте всё это так близко к сердцу! В конце концов, эти проклятья были произнесены не в ваш адрес. Вы меня слышите? В этой сцене было излишне много драматических красок. Всё значительно проще и светлее. Вы меня слышите?

– Да, Ваша Светлость, слышу, – взгляд Антуана и правда прояснился.

– Замечательно. Так вы поможете барону найти племянника?

– Конечно, о чём речь!

И в тот же миг Виктор круто развернулся к Антуану, словно эти слова были раскалённым металлом, поднесённым к его виску. Это резкое движение привлекло внимание герцога, и он успел перехватить этот взгляд, и словно молния его прошибла догадка. Эти глаза! Глаза Жана!?!

Антуан, в это время посмотревший на герцога, тоже перевёл взгляд на Виктора, но тот уже не смотрел в его сторону. Не поняв замешательство герцога, он повторил:

– Я готов.

– Очень хорошо, друг мой! – лицо Его Светлости озарила улыбка, – Барон, мы продолжаем путь!

А в голове Антуана всё гудели, грохотали слова проклятья. Уж он-то знал, что эти стрелы гнева попали в цель. «Ядовитая язва на теле семьи Лаганов!» – это вдруг поднялось выше всего. «Язва!» Каждое новое повторение этого слова наносило его душе новый порез. «Язва! Да, может быть!.. Но во всех этих проклятиях было маленькое «если». Если я выдам Анри...» – что ж, решение было принято давно. Антуан недолго выбирал направление, к своей великой радости, он нашёл несколько ориентиров. Уже через пару минут отряд двинулся в путь, и на этот раз его предводитель действовал осознанно.

Связанного по рукам и ногам Жана перекинули поперёк седла его же коня, а присматривать за ним было поручено лично Ламороу. Так же бесчувственную Марианну перекинули поперёк её седла, и поводья этого коня взял в свои руки сам барон. Маркиз де Рельгро продолжал держаться в стороне и бороться с желанием сбежать прочь, так как голос разума подсказывал ему, что быть свидетелем таких событий дело крайне опасное. Но перспектива скорой встречи с Анной, искренняя тревога за неё, всё-таки дали силы остаться

в составе этой странной компании.

Ожидания барона и герцога долгой дороги не оправдались. Довольно скоро Антуан остановился на опушке леса и указал на старую мельницу:

– Мы приехали, но... кажется, поздно.

– Что?! – барон очень надеялся, что ослышался.

А его люди уже ринулись к мельнице, и скоро стало ясно, что она совершенно пуста.

– Это шутка, сударь?! – барон грозно развернулся к Антуану.

– Позвольте, какая шутка!? – Антуан тут же вспыхнул праведным гневом, – Ещё часа два назад они были здесь! Видимо, Геньи успел их вывезти. Но этот старый леший не имел достаточно времени, чтобы замести следы, ведь на его шее кроме раненного, ещё и артисты! Так ищите же! Это уже ваша забота!

Барон был готов буквально испепелить Антуана, но яростный отпор того, на мгновение лишил испайронца дара речи. И в этот момент к ним подбежал слуга барона:

– Дон Парадесс, Карлос нашёл следы!!

И барона как ветром сдуло. После минутной заминки, герцог и Антуан последовали за ним, при этом Его Светлость ни на миг не упускал из своего внимания Антуана и уже усиленно искал глазами в очередной раз исчезнувшую фигуру Глена.

Изнутри мельница и правда казалась обжитой. Здесь ещё

дымились угли костра, в сене слуги нашли платок Марианны, и ещё какую-то безделушку, в которой Антуан сразу опознал браслет Анжелики, видимо девочка неосторожно обронила его здесь...

– Сюда, сеньоры! – звал всё тот же слуга.

Карлос нашёл следы фургона, ещё довольно чёткие. Праиэры герцога, в том числе и Глен, как отметил герцог, выбивались из сил, чтобы не дать никому из любопытствующих гвардейцев что-либо затоптать.

– Найдёшь дорогу? – с заметным волнением поинтересовался барон у Карлоса.

– Обижаете, сеньор! Здесь и младенец пройдёт! И вообще, я здесь лишний. Наши собаки без труда возьмут след.

– Тогда вперёд!

Верно, собаки легко взяли след, и кавалькада, движимая сладостным предвкушением близкой победы, ринулась за ними. Виктор, с трудом сдерживая свое волнение, прилагал нечеловеческие усилия, чтобы не выбиваться из компании гвардейцев. Глядя на его лицо, нельзя было даже предположить, какие бури кипят в его душе.

Что если собаки и правда приведут их к раненному Анри?! Голова шла кругом. К тому же Виктор заметил повышенный интерес герцога к себе, и даже понял, чем его вызвал. Теперь надо было с утроенной тщательностью обдумывать каждый свой шаг. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось разделить компанию Жана и Марианны. А Антуан...

Виктор старался не думать о нём, потому что всякий раз, как его мысли обращались к предателю, в душе его закипал лютейший гнев, уже поставивший его, Виктора, в затруднительное положение. Сам того не замечая, Виктор стал яростно молиться.

И Всевышний услышал его мольбу. Уже через десять минут собаки сгрудились в тесную свору, и всадники едва не налетели на них. Кавалькада остановилась.

– Что произошло?! – барон даже привстал в стременах.

Из толпы слуг вышел Карлос:

– Собаки потеряли след, сеньор.

– Что?! Ты понимаешь, что говоришь?! Как это могло случиться?!

– Мне очень жаль, сеньор, но я же говорил вам, мы имеем дело с мастером. Этот местный леший, чем-то засыпал землю, натёр колеса повозки, копыта коней...

– Говори короче!

– Это что-то и отшибло собакам нюх. Вот и всё, сеньор, – и Карлос смолк, безнадёжно разведя руками.

Барон и герцог с трудом переварили это открытие.

– Но, Карлос, дружище, следы ведь всё равно видны, не правда ли? – сообразил герцог.

Карлос усмехнулся:

– Пока да, Ваша Светлость, хоть форма их и крайне странная...

– Ты не собака, и эта травка Геньи не отшибла тебе нюх,

не так ли? Так что действуй!

Карлос бросил вопросительный взгляд на барона. Тот энергично закивал:

– Да, Карлос, заклинаю тебя, найди их!!!

Предводитель гвардии барона поклонился в знак покорности и приступил к своей столь ненавистной ему в эту минуту работе. Да, следы были чёткими, даже слишком, и мысль, что именно он, Карлос, сейчас доведёт до конца дело, начатое Антуаном, стала сводить старого пирата с ума. Он спиной чувствовал взгляд Виктора, понимал, как тот сейчас на него надеется, но что он может тут сделать?

Карлос не ошибался, Виктор и, правда, пусть мысленно, шёл рядом с ним и продолжал молиться. Теперь ему казалось, что у них появился шанс. Какое счастье, что раненного опекает такой ангел хранитель, как Геньи, что Анна, златовласая Анна, не попала в эту беду!..

Ещё минут пятнадцать уже не столь быстрого преследования, и... Карлос выпрямился в недоумении.

– Что случилось?! – забеспокоился барон.

– Разрази меня гром! Сеньор, вы только посмотрите!!! Кто бы мог предположить, что здесь найдутся такие места!!!

Преследователи остановились на краю широкого очень мелкого ручья, берега которого представляли собой россыпь крупного гравия. Это было нечто похожее на перекресток. Ничто не мешало повозке пойти по течению вверх, или вниз, или пересечь его и скрыться на том берегу. Следов одинако-

во не было видно.

– Что ты хочешь сказать?! – казалось, барон позеленел.

– Здесь невозможно найти следы, – хмуро отрезал Карлос.

Виктор с огромным трудом скрыл своё ликование.

– Да ты понимаешь, что ты говоришь?!!

– Барон, барон!!! – вмешался герцог, – Надежда ещё не потеряна. Они не могут всё время оставаться в ручье. Где-то они из него вышли, и мы найдём где. Не правда ли, Карлос? Надо только тщательно обследовать землю берегов.

– Это справедливо, Ваша Светлость, – согласился Карлос, хоть в голосе его и слышалось сомнение, – Но лично я за успех не ручаюсь.

– Приступай, можешь располагать и моими гвардейцами, – тоном, не терпящим возражения, приказал герцог.

Эти отчаянные поиски велись ещё в течение нескольких часов. Карлос метался, как лев в клетке, старался организовать поиски, но на самом деле главное он сделал ещё в первые минуты. Он заметил, где Геньи вывел свою компанию из ручья, направил туда Виктора, и тот, скрытый кустами от навязчивого внимания герцога, уничтожил эту последнюю надежду барона на встречу с племянником.

Герцог и барон начинали терять терпение, а с ним и надежду. Наконец, барон, словно подытожив свои невеселые размышления, круто развернулся к Антуану, который в болезненном оцепенении не мог оторвать взгляд от бесчувственного тела Марианны. Видеть её в таком ужасном поло-

жении... Перекинутой через седло... Антуан и не замечал, что его уже какое-то время бьёт нервная дрожь.

– Говорите, сударь, куда они делись?! – трескучий голос барона всё-таки пробился к сознанию юноши.

Что ж, взгляд Антуана прояснился, и на губах его заиграла горькая усмешка:

– Не знаю.

– Вы должны знать, что стоит за такими фокусами! Куда они делись!?

– Господа, не требуйте от меня невозможного! Ничем более я не могу вам помочь, ведь я правда не знаю этих мест! И я не знаю, что и куда движет Геньи!

– Вы же прожили с ними больше недели! – не унимался барон.

В ответ Антуан недобро сощурился:

– Вы думаете, я сделал это по собственной воле? Моё положение там мало чем отличалось от положения пленника. Геньи никому не разрешал покидать Райский уголок...

– Райский уголок? – поймал его на слове герцог, – Это они мельницу так называли?

Антуан не сразу его понял и вдруг нервно рассмеялся:

– А похоже, что здесь целую неделю жил без малого десятков людей? Господа, эта мельница кладовая Геньи. Где же находится его дом, я правда не знаю. Сегодня утром я сюда приехал в фургоне, почти как пленник. Геньи не доверял мне, настаивал на этой скрытности. Это так унижительно...

Я сбежал от них именно с мельницы, потому и смог привести вас только туда. Уж простите, но это всё, что я могу для вас сделать!

– Хорошо, хорошо, мой друг! – согласно кивнул герцог, – Не надо так горячиться!

– Но мне, как в прочем и вам, Ваша Светлость, нужен Анри! – вскипел барон.

Герцог согласно кивнул и тут же возразил:

– Вы же сами видите, на всё воля Господа. Может быть, Карлос когда-нибудь и найдёт этот их Райский уголок. В любом случае, согласитесь, сегодня у нас уже есть отличный улов...

Глава 40. Ещё один брат.

На этот день у Эжена был очень простой план – лишить герцога и барона нового проводника в леса Шероль. И так как выполнить этот план удалось ещё рано утром, образовалось много свободного времени. Нельзя сказать, что в предыдущие дни Эжена так уж сковывали какие-то обязательства, но всё-таки в голове всегда было множество идей о том, как именно он насолит врагам, с кем для этого надо повидаться, что раздобыть и как это использовать – и приходилось прилагать усилия, чтобы привести идеи в порядок и в итоге всё успеть. Так было каждый день, начиная с того момента, когда Виктор освободил его от роли Глена. Эжен резвился от всей души, но сегодня получилось иначе.

Юноша проводил как никогда прежде многочисленную поисковую экспедицию герцога и барона за пределы Рунда, мысленно благословил Виктора и... вдруг загрустил. Ещё один солнечный майский день. «Нет, не ещё один, а особенный... мой день!» – юноша честно постарался взбодриться, и мысли сами собой обратились к образу Богини Красного Пламени, как он в шутку называл свою рыжеволосую возлюбленную. Да, Эжен захотел подарить это день только ей, а всяких там герцогов и баронов оставить за бортом.

Эмилия не смогла скрыть свою радость, когда он вдруг возник в её кабинете. Правду сказать, маркиза всё-таки по-

старалась напустить на себя горделивую суровость, но день ото дня ей удавалось это всё хуже и хуже, точнее это уже стало некой лукавой игрой. Эжен легко вскрывал эту её сильно истончённую скорлупу, заставлял её смеяться, пугаться, возмущаться и восхищаться, порой даже испытывать все эти эмоции одновременно. Этот искромётный человек в буквальном смысле слова завораживал Эмилию! И как же её сердцу было отрадно, что это влечение взаимно!

Вот только непредсказуемость порывов души Эжена порой играла и против него самого. Так и в этот день. Не будучи уверенной в том, когда и где появится её пламенный поклонник, Эмилия всё-таки дала брату обещание лично уладить кое-какие дела в Эпинэ, загородном поместье Рельгро. Для поездки туда всё уже было подготовлено, включая эскорт в пять лакеев. Дабы не привлекать к её общению с Эженом ненужное внимание непрошенных гостей дома Рельгро, Эмилия не решилась отменить эту поездку. Так что Эжен уже к полудню снова оказался предоставлен только себе.

И снова он принял необычное для себя решение – отправился спать. По жизни ему всегда для сна требовалось времени много меньше, чем другим людям. Потому даже после бессонных ночей его голова редко касалась подушки днём. Поймав себя на этом наблюдении, Эжен тут же учинил сам себе дознание, но скоро решил, что нет, он не болен. Просто... захотелось.

Проснувшись уже ближе к закату, юноша вспомнил о дан-

ном отцу Джорджу обещании навестить его сегодня и подменить на пару часов. В таких случаях всего-то требовалось присмотреть за порядком в храме. Почему нет? Дружеские отношения с этим склонным к авантюризму священником уже ни раз выручали Эжена. Пусть же это будет взаимным.

Юноша облачился в сутану, приладил себе колоритный блондинистый парик, того же цвета бородку и усы и так перевоплотился в отца Фредерика. Вид получился весьма представительный. Довольный собой, он вышел в притвор, осенил себя крестным знаменем и окинул взглядом прихожан. Тихое предзакатное время. Людей почти не было, да и те, что были, кажется, зашли сюда только для того, чтобы поспать. Тем удивительнее, заметнее получилось вторжение Маги. Она ворвалась под своды храма словно ураган.

Спохватившись, как неуместно такое её поведение в этом месте, девушка перешла на шаг, но свою цель по-прежнему видела чётко. Она остановилась прямо перед Эженом и с трудом перевела дыхание:

– Святой отец, я пришла за помощью!

Губы отца Фредерика тронула мягкая улыбка.

– И ты найдёшь её здесь, дочь моя.

Жестом руки Эжен предложил Маги отойти в сторону. Посетители, словно сонные вороны, скоро вновь утратили всякий интерес к происходящему вокруг.

– Я слушаю тебя, дочь моя. Что случилось?

– Меня послал мой господин. Он очень надеется, что вы

сможете изгнать беса из одной дамы, – вскинулась Маги. Она честно постаралась говорить тише, но как же трудно это делать, когда на сердце так беспокойно!

– Беса?! Эта дама одержима? – Эжен стал серьёзен.

– Возможно... Она ведёт себя, как безумная! Вот деньги! – и Маги протянула солидного размера кошель.

Вот только Эжен не удостоил этот кошель ни малейшим вниманием. Он крепко задумался и, наконец, отрицательно повёл головой:

– Случай серьёзный... А твой господин к лекарю обращался?

– Она безумна! – Маги выразила огромное недоумение, ведь она ясно объяснила, в чём проблема!

– Я слышал, – кивнул Эжен и жестом попросил говорить тише, – Но лучше бы твой господин послал за лекарем.

– Вы отказываетесь идти?! И на деньги даже не смотрите?! – изумилась Маги, – Странный вы священник.

– Не суди, да не судима будешь! – мрачно заметил Эжен.

Ему и правда не хотелось всерьёз браться за выполнение каких-либо священнослужительских обязанностей, для этого он слишком мало знал, да и просто не имел права...

– Похоже, вы сами не верите в силу господнего избавления. Зачем только люди сюда приходят?! – и Маги с большой досадой окинула храм горьким взглядом.

Эжен невольно усмехнулся: «Откуда в столь юном создании такое бремя ума?!»

– Ты не веришь в Бога? – решил поинтересоваться лже-священник.

– Что вы, конечно, верю! – тут же вскинулась Маги.

– Но, тогда как понимать твои слова?

– А ваш отказ?

Эжен чуть сощурился. Маги так просто не возьмёшь, оцетинилась, словно маленький ёжик.

– Этой даме очень нужна помощь... – снова начала было объяснять девушка, но Эжен, вдруг, перебил её:

– Кто эта дама?

– Мне велели не называть имен, – нахмурилась Маги.

– Даже имени твоего господина?

– Вы согласились?

– Ты поведёшь меня с закрытыми глазами?

Маги чуть удивилась такому повороту разговора. Что ж, приняв вызывающую позу, чуть поведя плечиком, она заявила:

– Хорошо. Я горничная маркиза де Рельгро.

Взгляд Эжена замер, и Маги не могла не заметить этого.

– Ты... Маги!?! – наконец, выдохнул Эжен.

– Да... – зеленоглазая девушка недоверчиво сощурилась.

«Что-то случилось с Эмилией?! Эмилией? Нет! Она бы сказала, что беда с её госпожой. Тогда что же случилось?! Неужели?!...» – понеслось в голове Эжена.

– Следуй за мной, дочь моя, – и лже-священник направился к боковой, едва заметной дверке, из которой сам вышел

несколько минут назад. Заинтригованная Маги не заставила себя упрашивать. Эжен впустил девушку в тесную каморку и плотно закрыл за ней дверь.

Сделав этого, он крепко задумался, ему было нужно время, чтобы всё взвесить, сообразить, как именно по аккуратнее учинить дознание этой бойкой девчужке. И пока он собирался с мыслями, Маги зря время не потеряла. Она пришла к выводу, что этот священник очень молод, и обладает странно неухоженными руками, словно скидывая сутану, он подрабатывает плотником или кузнецом. И главное, его глаза... Да, глаза синие, как у Виктора! А не значит ли это, что?.. Заметив, как большие зелёные глаза Маги стали медленно расширяться, Эжен понял, что уже почти раскрыт, и невольно рассмеялся.

– Ай да умница! Bravo, мадемуазель! Бьюсь об заклад, ты уже вывела меня на чистую воду! Что же нам сулит твоя прозорливость? А, Маргарита?.. – и Эжен решил, снял бороду и усы.

А Маги, хоть уже и ожидала это, всё равно от изумления открыла рот. Как же давно она не видела это лицо! Как сильно по нему соскучилась!!!

Впрочем, если подумать, сегодня, меньше часа назад, она всё-таки уже видела две его копии, но это было сильно не то! В дом маркиза де Рельгро привезли бесчувственного Жана и мрачного Антуана – лицо первого было в крови, а второго такое чужое... А сейчас перед Маги именно он, лучший

брат её Виктора! Добрый озорной взгляд Эжена, такая светлая улыбка – это было то, потерю чего она ещё недавно так горько оплакивала.

– Мне надо представляться? – всё-таки поинтересовался юноша.

– Эжен Ровиньоль!!! – всплеснула руками Маги.

– Умница! – Эжен жестом предложил ей присесть на стул, а сам тут же расположился напротив на табуретке, – Ты понимаешь, чего я от тебя жду?

Маги энергично кивнула.

– Наш общий друг сказал, что тебе можно доверять. Он редко ошибается.

– Виктор... – Маги невольно смутилась, но тут же постаралась взять себя в руки, – Вот вы с ним и правда похожи друг на друга, не то, что этот Антуан...

Эжен согласно кивнул и осторожно коснулся её плеча:

– Ну так? Долго ты ещё будешь меня изводить? Давай, рассказывай, что стряслось! А то ещё секунда, и я за себя не ручаюсь!

Маги удивлённо приподняла брови, но, заметив неподдельную тревогу на лице Эжена, решила придержать заготовленное колкое словечко и сразу перешла к сути дела:

– Их схватили, графиню де Монсар и твоего брата... его в доме моего господина называют Френсисом. А ещё вместе с ними приехал этот... ваш третий брат, Антуан де Валеньи.

– Вот значит, как... – Эжен стал предельно серьёзен, – А

что Анри Монсо или артисты?

– Поймали только двоих, графиню и Френсиса. Это точно! А Антуан... Он приехал не пленником, с герцогом и бароном общается как с друзьями, даже шутит и смеется, но я-то вижу, какой он мрачный, злой..., и я так поняла, что это именно он выдал графиню и Френсиса.

– Вот ведь сволочь! Какой же он подлец!!! – всё-таки вспылил Эжен, вскочил на ноги, его руки сами собой схватились за голову, но то было лишь мгновение слабости. Юноша тут же заставил себя перевести дыхание и вот уже снова развернулся к Маги, – Так, ладно, по порядку... умница ты наша! Рассказывай всё как есть! Я вижу, ты знаешь много больше, чем полагается обычной горничной. Говори же!

– Да, я знаю много, – гордо согласилась Маги и тут же, перейдя едва ли не на шёпот, начала скороговоркой отчитываться о своих наблюдениях, – Графиню и Френсиса привезли бесчувственными, перекинутыми через седла. К тому же Френсис был связан и в крови. Его сразу упекли в темницу, что в подвале, чумное место! А графине отвели одну из комнат наверху. Она скоро пришла в себя и начала творить что-то невообразимое. Кажется, она перебила и поломала всё, что было в комнате. Проклиная всё и всех на свете, она готова вцепиться в глотку всякому, кто войдёт в комнату. Настоящая мегера! Сначала её хотели связать, но она выхватила у одного из слуг плетень и отхлестала этого разиню, да и остальных. Когда же ей по-настоящему пригрозили силой,

она вскочила на подоконник и пообещала, что выпрыгнет и сломает себе шею. Там очень высоко! Только так её оставили в покое, но она продолжает всё крушить, кричать...

– Ты правда всё это видела?!

– Подглядела. Она много говорит по-испайронски, но иногда переходит на фрагийский, и я поняла, что она допытывается, что сделали с Жаном и Анри. С Жаном... Получается, она называет Френсиса Жаном, верно? А ты как его называешь?

– Он Жан, – мрачно откликнулся Эжен.

– Ясно. Пусть будет Жан, – легко согласилась Маги, – Значит графиня... Она бушует, словно одержимая. Поэтому господин и отправил меня за священником. Одному из слуг барона приказано подслушивать за её причитаниями и ругательствами, вдруг что-нибудь взболтнёт. Уж не знаю, может быть, уже и взболтнула. Она не в себе от горя! Видимо, очень любит Жана и своего брата Анри. Вы бы её видели!

– Но Анри не поймали, верно я тебя понял?..

– Его нет в доме! Головой ручаюсь! Да, барон очень злится. Они с герцогом и маркизом даже обсуждали, как и где ждать Геньи.

– Похоже, от тебя ничто не укроется! А Антуан принимал участие в этих обсуждениях?

– Да, конечно. Герцог, барон и маркиз делают вид, что относятся к нему, как к другу. Но, кажется, даже ему понятно, что это не совсем так. Он какой-то... не в себе.

– Что, тоже буянит? – сердито усмехнулся Эжен.

Маги сразу и не поняла, как отнестись к этим его словам:

– Нет... Просто мрачный такой, нервный, ни на кого не смотрит. Слуги в один голос обсуждают те события... Как он мог предать! Ведь Жан ему брат! Они близнецы! Такой ужас! – тут Маги, вспомнив, что и Эжен один из них, от испуга прикрыла рот рукой.

– Что случилось? – не понял её жест Эжен, но он и правда был очень мрачен, хоть и сам того не замечал.

– Сейчас ты стал почти также чёрен, как Антуан. Но учти, я не он, и нечего на меня так страшно глядеть!

Брови Эжена взметнулись вверх, и он тут же смягчился:

– Извини. С этим выродком мы ещё разберёмся, по-братски. Лучше скажи, за графиней пригладывает Карлос? Это ему поручено её подслушивать?

– Да, – Маги чуть удивилась, – Он, либо никто. Барон только ему доверяет.

– А... Глен, как он на твой взгляд? – Эжен, наконец, решился задать и этот вопрос.

– Долго же ты о нём не спрашивал, – тут же упрекнула его Маги, – Он ездил со всеми и со всеми вернулся. Мрачный, на меня упорно не смотрит.

Эжен скрыл усмешку и озвучил другую свою мысль:

– А ты не заметила, он с кем-то из слуг барона или герцога разговаривал?

– С Карлосом... Считается, что они какие-то там дальние

родственники... Так, Карлос?.. – в глазах Маги загорелось понимание.

«Вот бестия, а не девка!» – беззвучно выругался Эжен. Теперь он очень хорошо понимал Виктора. Но Маги мыслими уже успела вернуться в дом Рельгро:

– Правду сказать, им сейчас не до разговоров. Про Карлоса я сказала, что же до Глена, то дела его не очень хороши, если, конечно, я не ошибаюсь. Очень уж странно стал на него смотреть герцог. Прямо такое любопытство в глазах, словно у голодного кота. Я боюсь представить эту сцену в лесу. Возможно, Виктор как-то выдал себя...

– Ещё не легче!!! – Эжен заметно побледнел.

– Да, как не погляди, плохи наши дела, – согласилась Маги, и её сокрушённый вид невольно рассмешил Эжена. Заметив это, Маги вся взъерошилась, – Ты не хочешь меня понять! Герцог облизывается не только на вас, близнецов, но и на эту графиню. Уж я-то знаю! Что здесь смешного? Она ведь вам не чужая, верно?

– Да просто я пытаюсь понять, как ты умудрилась столько всего узнать?! Вездесущая ты наша!

От такой откровенной похвалы Маги залилась краской.

– Это и меня касается, – тихо сказала девушка, отведя глаза.

Ехидный взгляд Эжена совсем смутил её.

– Вот что, незаменимая ты наша, мне очень нужна твоя помощь, – и Эжен снова положил руку ей на плечо.

– Да. Я готова! – тотчас встрепелулась Маги.

– Вижу, но предупреждаю, это опасно.

– Я не боюсь! – её глаза уже загорелись боевым огнём.

В ответ Эжен весело рассмеялся:

– Какая же ты прелесть, Маги! Мой план можно назвать безумным, но у меня предчувствие, что всё у нас получится. Поверь, если бы не это, я бы не стал обращаться к тебе за помощью, так что делай как скажу, и ничего не бойся.

Маги недоверчиво усмехнулась:

– Ты можешь располагать мной в любом случае... Даже если что-нибудь сорвётся, всё равно, по мне никто не станет плакать. Я что есть, что меня нет.

– Ну-ну, мол я сирота и никому не нужна, – в тон ей продолжил Эжен и горько рассмеялся, – Такая умная, а делаешь вид, что не понимаешь, что Виктор мне голову открутит, если с тобой что-нибудь случится!

От такого его заявления глаза Маги изумлённо распахнулись, но уже в следующий миг она решила, что Эжен продолжает смеяться над ней, и рассердилась:

– Уж его-то тебя бояться не надо. Я что кукла, которую чуток жалко, но... с глаз долой из сердца вон. Плевать ему на меня! Так что предупреждаю, лучше бы тебе эту тему больше не трогать! А то знаешь, как опасно недооценивать кошку?

– Ой ты грозная какая!!! – ничуть не смутился Эжен, – Я, как и ты, говорю то, что думаю! И если я сказал, что Виктор

никогда мне не простит, случись с тобой какая-нибудь беда, значит так оно и есть. Мы с ним одно целое, если хочешь знать. Так что, ягодка-друг, сейчас я тебе скажу такое, за что он меня убьёт наверняка, конечно, если узнает о моей такой болтливости, ты уж не подведи. Он думает, что влюблён в Анну де Шероль, и оно так и есть, пока... Но я-то знаю, что ему надо на самом деле. Ты меня поняла?! Если у тебя достанет терпения, всё выйдет по-нашему. Я тебе это говорю, как сестре. Ну, верная моя, не подведёшь?

Эта пламенная тирада Эжена в буквальном смысле слова лишила Маги дара речи, но в ответ на последний вопрос она заставила-таки себя кивнуть. Что же, большего от неё сейчас и не требовалось.

Довольный Эжен выпрямился и вдохнул полной грудью:

– Что-то я разговорился! Всё, ты ничего не слышала, я ничего такого не говорил. По рукам?

Но Маги всё ещё сидела, словно громом поражённая. Она не упустила ни одного сказанного юношей слова, но эта его шутовская манера выражать свои мысли, вызвала у неё сильно сомнение, не продолжает ли он над ней смеяться? Но время ли для этого сейчас?!

А Эжен тем временем продолжал:

– Итак, бесстрашная моя, отвечай, графиня де Монсар на много выше тебя?

– Не на много, – и Маги показала.

– Так, это поправимо. Мы с Виктором, знаешь ли, боль-

шие мастера по части переодеваний, – Эжен уже обратил внимание к гардеробу отца Джорджа, – Так... Какая удача, что я вхож в эту святая святых!.. Есть! Нашёл!

И Эжен победно развернулся к Маги:

– Всё у нас получится! Разберусь с графиней, потом займусь братьями. Давай же, пчёлка, перевоплощайся! – Эжен бросил девушке чёрный плащ послушника.

В ответ Маги не удержалась и прыснула:

– Верная, вездесущая, ягодка, теперь ещё и пчелка... Меня ещё никогда не называли столькими именами сразу, – тут же поспешила она оправдаться.

– Да, я щедрый, – веско кивнул Эжен, – Они все твои. Но... К делу!

* * *

Сопровождаемый юным послушником Эжен, в образе отца Фредерика, беспрепятственно добрался до комнаты Марианны. Приведший его сюда испайронец поспешил всё объяснить караульному. Эжен, не в пример Маги, знал этот язык и с удовлетворением принял услышанное.

– Этого священника пригласил маркиз. Кто знает, может он и правда вразумит её.

Уже по-фрагийски, преодолевая ужасный акцент, караульный предупредил, чтобы Эжен был осторожен.

– С нами Бог! – смиренно возвестил Эжен, – Откройте!

Караульный подчинился и чуть приоткрыл дверь. В тот же миг о дверной косяк разбилась очередная тарелка.

Караульный резко захлопнул дверь, и из-за неё донёсся истерический смех Марианны:

– Только суньтесь!!!

– Берегите головы! – выдохнул заметно побледневший стражник, поняв, что Эжен всё-таки намерен войти в комнату, даже уже взялся за ручку.

– Благодарю за предупреждением, сын мой. Но не бойся! И, главное, не мешай мне! – откликнулся лже-священник и решительно открыл дверь.

Маги юркнула за ним, и прежде, чем дверь закрылась, стражники успели заметить, как ловко Эжен поймал ещё одну летящую в него тарелку.

– О-у! Да, может быть, этот святоша с ней и справится! – изумился караульный.

А в это время потрясенная Марианна наблюдала, как маленький послушник разоблачался, превращаясь в уже знакомую ей горничную. Этот странный, столь неожиданно ловкий священник, даже сам помог девушке скинуть мантию и подрясник и уже в следующий миг он распахнул дверь и буквально вытолкнул Маги за порог.

– Я же просил, чтобы нам не мешали! – возмущённо воскликнул он, и дверь с шумом захлопнулась.

– Откуда ты там взялась?! – не понял караульный.

– Вечно она путается под ногами! – согласился его товарищ.

– Что здесь происходит? – рявкнул вдруг появившийся

Карлос.

– К сеньорите Марианне пришёл священник. Он выгнал оттуда эту девчонку...

– Священник?!

– За ним маркиз посылал... – попытался оправдаться стражник, который прежде и привёл этого неожиданного гостя.

Ещё бы, раз этот приказ маркиза оказался сюрпризом даже для Карлоса, жди беды, но грозный предводитель гвардии барона Парадесса уже обратил суровый взгляд к затаившейся Маги:

– Чтобы я тебя здесь больше не видел!

Маги только этого и ждала, и уже через миг от неё осталось одно воспоминание.

Услышав приказ Карлоса, Эжен удовлетворённо кивнул. Он прислушивался ещё пару секунд и, наконец, ожил, тихо произнёс:

– Так значит, ты, старина решил сюда не входить? Правильно! – и с тем он занялся скинутой Маги одеждой.

Марианна отказывалась что-либо понимать. Этот священник вёл себя так странно! Он уже сгрёб в охапку вещи лже-послушника и решительно направился к кровати, которая, как и вся комната, пребывала в полном беспорядке.

– Кто вы?! – наконец-то не вытерпела Марианна.

– А моя одежда вам, сеньорита, ни о чём не говорит? – откликнулся Эжен, не оборачиваясь, и, продолжая игнорировать прекрасную испайронку, занялся приведением в по-

рядок её постели.

– Я вижу, что вы не священник! – заявила Марианна, при этом, сама того не заметив, она понизила голос.

Вот теперь Эжен остановил своё занятие и с открытым интересом развернулся:

– Замечательно! Вы не тронулись разумом, как это кажется людям за дверью. Превосходно! У меня будет меньше проблем... Но даже им покажется подозрительным, если вдруг мы слишком быстро поладим. Так что, пока я занят, вы можете ещё немного пошуметь. Кстати, вон та ваза ещё остаётся целой! Согласитесь, в таком-то хаосе это не уместно!

Поражённая таким его заявлением Марианна не сдвинулась с места. Тогда Эжен сам схватил несчастную вазу, и, ударившись о дверной косяк, она со страшным звоном разлетелась на мелкие осколки.

– А ведь и правда, это можно назвать приятным! – заметил Эжен.

И изумлённая Марианна увидела, как странный священник залился беззвучным смехом. Вот так, смеясь, он снова и склонился над её кроватью.

– Да в конце-то концов, чем вы занимаетесь?! Я желаю знать, что происходит, или я за себя не ручаюсь! – возмущённо воскликнула девушка и встала так, чтобы лучше видеть лицо этого лже-священника.

Эжен кивнул, оторвался-таки от хлопот с кроватью и неприкрыто оценивающе смерил Марианну взглядом с голо-

вы до пят. Возмущение испайронки стало стремительно расти, грозя излиться во взрыв страшной силы. Что ж, Эжен это заметил, понял, сокрушённо усмехнулся и вдруг заговорил тихо, почти шёпотом:

– Сеньорита, признаюсь честно. Я не знаю, как именно объяснить вам кто я и что здесь делаю...

– Что?.. – Марианна ощутила сильное волнение, у неё даже пересохло в горле, но вида девушка не подала. Напротив, она гордо повела головой и уверенно потребовала, – Говорите прямо, как есть!

В ответ Эжен сокрушённо вздохнул:

– Если я правильно понял, что произошло, то покажи я вам своё лицо, и вы вцепитесь мне в горло. Но, тем не менее, я начинаю понимать, от чего у двух моих братьев съехала крыша.

– Что?!

– Ладно уж. Уговорили! – Эжен подошёл к зеркалу и в миг освободил лицо от бороды и усов, после чего развернулся. Марианна обмерла.

– Прошу принять во внимание, я Эжен! ЭЖЕН Ровиньоль, а не АНТУАН де Валеньи! – тут же зашипел юноша.

– Антуан!.. Причем здесь Антуан?! – непроизвольно возразила Марианна.

Подсознательно она уже согласилась с Эженом, она чувствовала, что этого близнеца видит впервые.

– Но ведь это он вас предал! Вы хотите сказать, что я оши-

баюсь?! – Эжен отважился сделать шаг, чтобы быть ближе.

– Виктор! Нас предал Виктор Ровиньоль! – тут же вскинулась Марианна.

– Антуан! АНТУАН ДЕ ВАЛЕНЬИ, чёрт бы его побрал!!! И не смейте пачкать имя Виктора – лучшего человека на свете! – от возмущения Эжен в миг позабыл о своём намерении вести себя с Марианной по возможности деликатно, учтиво. Он подскочил к ней совсем близко и зашипел прямо в лицо, – Антуан с благословения герцога занял место Виктора на службе у барона! А вы-то, умники, похоже, и не заметили подмену, верно?!

Смущённая таким его напором Марианна чуть отступила и... кивнула:

– Подмену?... Верно... Виктор, да не тот... – припомнила она свой разговор с Жаном, а ещё раньше с Анри, – Значит... это был Антуан де Валеньи?!

– Верно! – и Эжен вздохнул с огромным облегчением, – Рад, что вы такая понятливая! Но давайте продолжим этот разговор в другое время и в другом месте. Сейчас вам надо просто довериться мне. Ясно? Так... ну-ка это должно быть вам впору. Облачайтесь – и Эжен протянул Марианне одежды послушника.

– Но почему я должна верить вам?! Это лицо!.. Это проклятие!.. – девушка в растерянности схватилась за голову.

– Не согласен! – и Эжен с сознанием дела заглянул в зеркало, – Я с помощью этого лица собираюсь жениться не мень-

ше, чем на маркизе! Да и вы, если я правильно понял, не прочь видеть Жана похожим на меня.

– Но Антуан...

– Что?! Вы хотите сказать, что я похож на Антуана?! – и Эжен возмущённо сощурился, – Я похож на этого заносчивого слизняка?!!

Глаза Марианны распахнулись ещё шире. Казалось, Эжен искренне не понимает абсурдность заданного вопроса. Ведь они близнецы! А тот продолжал успешно распалить свой гнев:

– Дайте время, и я собственноручно натру этому подлецу шею! За ним ещё крупный должок числится – помнится два раза дать по морде! Мы с братьями ещё покажем этому напыщенному хлыщу, как отречься от нас!

Да, Марианне больше не надо было никаких доказательств – перед ней стоит ещё одна версия её Жана, и в этом, кроме внешности, не было ничего, от изысканности Антуана. Речь, резкость движений, такая красноречивая жестикуляция!.. Бесспорно, Эжен был диким цветком улиц. Марианна, словно заворожённая, замерла, не сводя с него глаз. Наконец заметив её оцепенение, Эжен осёкся.

– Простите, графиня. Я тут, видимо, наговорил лишнего. Но у меня ещё не было времени взять уроки светских манер у Генриха Рая.

При упоминании имени Генриха Рая Марианна вздрогнула, на что Эжен улыбнулся ей такой до боли знакомой улыб-

кой близнецов:

– Я пришёл за вами. Я предлагаю вам уйти отсюда, для этого вам необходимо облачиться в эти одежды. Или вы хотите остаться?

Но Марианна всё-таки не спешила согласиться. Теперь оперлась о стол, и Эжен никак не мог понять, чего от неё ещё ожидать. Он подошёл было к ней, но она вдруг отпрянула, и юноша в досаде сплюнул:

– Да что вы шарахаетесь? Верно, нервы у вас и правда ни к чёрту! Приглядитесь, я ЭЖЕН! Что вам говорит сердце? Очнитесь! У нас очень мало времени!!!

Но Марианна не двигалась с места.

– Ну уж простите, изысканным манерам я не обучен, – начал сердиться Эжен, – Я, конечно, могу вас одеть, дело не хитрое, но силком тащить будет сложновато. Тогда меняем наш план. Я выкидываю вас в окно, сам быстрехонько убегаю через дверь, и там, внизу, ловлю. Годится?

С трудом распознав смысл его слов, Марианна невольно улыбнулась.

– Вот и замечательно! – тут же одобрил её реакцию Эжен, – Одевайтесь, я вам говорю!!!

А уже в следующий миг юноша с силой сдернул со стола скатерть. Что ж, всё, что ещё на ней оставалось, обрушилось на пол. Грохот и звон получились знатные, и это заставило Марианну содрогнулась всем телом. Девушка провела рукой по лбу, после чего снова подняла взгляд на Эжена?

– Это правда не сон?

– И я не ваша мама! – Эжен решительно подошёл к ней и, не дав опомниться, тряхнул её за плечи, – Ну же, я представлял вас боевой девушкой! Тогда, во время казни Анри, вы были просто великолепны! Мы с Виктором по-настоящему восхищались вами!

– С Виктором?!

Эжен наклонился к ней и зашипел:

– Дайте срок, и я докажу, что вас предал Антуан. А пока не троньте имени Виктора, иначе я вас... брошу здесь, или лучше... отдам в монашки.

Такого поворота Марианна никак не ожидала:

– Но тогда тебе придётся иметь дело с Жаном... Что с ним?

– Жив, думаю, здоров. Предупреждаю, чем скорее мы выберемся отсюда, тем скорее я смогу им заняться.

– Выберемся? Но как?

– Черт побери, одевайтесь, и я покажу как!

На этот раз Марианна подчинилась и двинулась к указанным одеждам.

– Да, простите, вы не дадите мне своё платье? – окликнул её Эжен всё так же шёпотом.

Марианна уже была за ширмой, но эта просьба её искренне удивила, и удивление вылилось в громкий возглас:

– Оставьте меня в покое, Святой отец! Я и без вас знаю, на что мне надеяться и чего ждать!

От такого её заявления Эжен едва не поперхнулся, но, когда развернулся к ширме, на полу уже лежало её платье. Лицо юноши озарила азартная улыбка, и он тоже возвысил голос:

– Молись, дочь моя! Не гневи Господа! Молись, и будет тебе дано!

– А Анри, артисты? – уже шепотом поинтересовалась снова выглянувшая из-за ширмы Марианна.

– Их точно не поймали, – в тон ей откликнулся Эжен.

Юноша уже увлечённо что-то громоздил на кровати.

– Хвала Всевышнему! – нарочито громко возвестила девушка и тут же снова перешла на шёпот, – А Жан? Что же всё-таки с ним?..

Эжен различил такую тревогу в её голосе, что невольно обернулся:

– Честное говоря, пока не знаю. Но я выясню это сразу же, как вы окажетесь в безопасности!

– Герцог убьёт его!

– Может быть, но не так скоро. Насколько я понял, Его Светлость любит растягивать удовольствие. А вот с вами он может быть менее терпелив. Вы готовы? О! – Эжен наконец увидел её, – Всю жизнь мечтал о такой послушнице! Так... Превосходно! Теперь прячьте волосы!

– Что это ты сделал? – взгляд Марианны обратился к кровати.

– А вы как думаете?

В этом сооружении можно было различить женскую фигуру, причём из-под покрывала виднелось платье Марианны.

– Это якобы я?! – догадалась девушка.

– Значит, похоже. По-моему, очень даже правдоподобно, – и Эжен так залюбовался своей работой, что Марианна беззвучно рассмеялась.

Юноша понял причину её радости и лукаво подмигнул ей:

– Вы очаровательны! Но не пора ли вернуться Святому отцу? Где чёрт носит этого пьяницу?

Уже через минуту Эжен привёл себя в порядок, накинул на голову Марианны глубокий капюшон и, убедившись, что её лицо надёжно скрыто, ещё раз оглядел комнату. Здесь царил хаос разбитой мебели и посуды, порванных обоев и портьер – весьма живописный беспорядок. Последним штрихом явилось то, что Эжен распахнул окно, и ворвавшийся ветерок поднял в воздух пух и клочки каких-то бумаг.

– Такого погрома мне никогда не доводилось учинять! – искренне восхитился юноша, – Но не кажется ли вам, что мы здесь задержались? Так, слушайте меня внимательно...

Не успел Эжен закончить давать Марианне ценные указания, как дверь рванули. Девушка в миг стала меньше, а лже-священник решительно направился к выходу. На пороге появился барон, но Эжен уверенно преградил ему путь:

– Сюда нельзя!

– Она моя племянница! – возмутился барон.

– Очень хорошо, сын мой, но умирите свой пыл. Здесь

произошло чудо! Бес покинул это юное создание, и на вашу племянницу снизошёл благотворный сон. Ей сейчас жизненно необходимо набраться сил. Молитесь за неё! Она очень нуждается в любящей заботе родных! Но ещё больше ей сейчас нужен просто покой!

Барон различил на кровати спящую племянницу и заметно успокоился. Он позволил увлечь себя в коридор, и Марианна, к пушей радости Эжена, не отставала. Карлос тотчас впился глазами в лже-священника, но тот, занятый бароном, казалось, не замечал этого:

– Ваша племянница пережила какое-то ужасное потрясение. Признаться, из её ругательств и причитаний я так и не понял, что с ней случилось. Одно очевидно, у неё очень ранимая душа. Берегите её!

– Да, конечно... Благодарю за помощь, – и барон извлёк из кармана три золотые монеты.

Лже-священник охотно принял деньги.

– Да благословит вас Всевышний! – воскликнул он, почтительно кланяясь.

Барон как-то криво усмехнулся и удалился.

– Прошу за мной, Святой отец, – приказал Карлос и направился вперёд. Эжен, а за ним и Марианна, не отставали.

Дорога к выходу оказалась удивительно пустой, дом словно вымер, и Карлос рискнул поравняться с Эженом. Марианна вся превратилась в слух, и это подарило ей большое открытие.

– Как Виктор? Жан? – спросил Эжен по-испайронски.

– Живы. Жму лапу твоему безумию, сынок!

– Герцог подозревает Виктора?

– Возможно, но твой брат хорошо держится.

– Подстрахуй его!

– О чём речь!

Тут из-за поворота появился Антуан, и сразу был узнан всеми троими. Он, ещё даже не переодетый, выглядел совершенно подавленным. Взъерошенные волосы слиплись от пота, блуждающий, с примесью безумия взгляд, судорожно шарил по сторонам. Не представляло никакого труда понять, что в душе его царит полный хаос. Эжен востропнулся и чуть повернулся к Марианне:

– Вот прямо сейчас я и покажу вам, сеньорита, кто есть кто!

И, немедля ни минуты, Эжен направился прямо к Антуану.

– Стой! – но Карлос был бессилён.

Эжен уверенно продолжал путь, а Марианна не отставала.

Антуан, не поднимая на них глаз, попробовал посторониться, но, к его великому удивлению, лже-священник обратился прямо к нему:

– Могу ли я чем-либо помочь тебе, сын мой? Я вижу, у тебя тяжело на сердце. Раз уж я здесь, обратись к Господу через меня!

– Господь оставил меня. Так что ступайте своей дорогой,

Святой отец, – хмуро отозвался Антуан и предпринял новую попытку разминуться с навязчивым священником, но не тут-то было. Эжен, как бы случайно, снова встал у него на пути:

– Доверься Господу, сын мой! Его Святая воля уже даровала покой казавшейся безумной душе молодой испайронки.

– Графини де Монсар?! – и Антуан сразу оживился.

Но всё равно Марианна отметила, непривычную хрипотцу в его голосе, обратила внимание, что глаза его были явно на мокром месте. Заметил это и Эжен, и это заметно смутило его:

– Да, сын мой. Сейчас графиня спит, хоть и засыпала с проклятиями на устах, но Всевышний пощадил её и послал ей свою помощь. Откройся, и к тебе придёт облегчение!

– С проклятиями... Нет, Бог оставил меня. Как видно, я не достоин его внимания, – глаза Антуана как-то в миг высохли и стали быстро наполняться горькой яростью.

– Бог с каждым из нас ежечасно, ежесекундно, только не надо отстранять его помощь!

– Да что вы ко мне привязались! – Антуан нервно вскинулся, – Бог допустил, чтобы я продал душу дьяволу, как же теперь уповать на его помощь?!

– Вы пугаете меня!

– Ещё бы! Взгляните на этого испайронского шакала, я и его пугаю! – и Антуан нервно рассмеялся, – Вы предлагаете просить помощи у Всевышнего, который допустил такое?! Или скажете, что он лишь попустил!? Чёрт!!! А какая раз-

ница!?! Чушь всё это! В моей жизни нет бога! Мне всегда приходилось самому всё за себя решать, и здесь я как-нибудь обойдусь без посторонней помощи.

Эжена очень смутил такой напор, и ему потребовалось сделать над собой усилие, чтобы подобрать последние в этом разговоре слова:

– Что ж, удача прибудет с тобой, сын мой, но только если ты взглянешь на мир глазами совести. Быть может, это твой последний шанс.

На лице Антуана отразилось сильнейшее раздражение. Он криво усмехнулся и отправился своей дорогой.

– Хватит искушать судьбу! Поторопитесь! – зашипел Карлос и подтолкнул замешкавшуюся было Марианну, ведь она не могла не посмотреть вслед Антуану.

* * *

Прежде, чем направиться к дому госпожи Бефо, Эжен сводил Марианну в церковь. Там они расстались со своими нарядными и стали обычными людьми. Маленькую проблему с одеждой Марианны Эжен решил по обыкновению просто, предложив своей спутнице мужское платье. Что ж, девушка легко согласилась на это. С того момента, как она решилась довериться Эжену, с ней не было никаких проблем.

Так что удача ярким солнцем сияла над их головами, оставалось только возблагодарить Господа! Они добрались до дома Эжена без каких-либо лишних приключений.

Марианна, с большим интересом осматривая комнату,

обратила внимание на плотно закрытые шторы, недельную пыль и живописно разбросанные вещи. Эжен проследил её взгляд, конечно же понял, о чём думает гостя, и счёл нужным извиниться, так, на всякий случай:

– Здесь не очень-то чисто, зато спокойно. Постарайтесь не замечать беспорядок, и всё покажется очень даже сносным.

– Здесь замечательно, Эжен!

– Значит, проблем нет? – с этими словами Эжен скинул плащ на стул, а его шляпа улетела прямехонько на крюк у двери, – Вон там комната хозяйки. Может быть, вы найдёте что-нибудь для себя.

– Хозяйки? А чей это дом? – Марианна задумчиво провела пальцем по пыльной поверхности комода.

– Одной милой вдовы и двух её маленьких сыновей. Умерший муж был купцом, так что она не очень-то нуждается... А сейчас она уехала к сестре в деревню и оставила дом в наше с Виктором распоряжение.

– Она так доверяет вам?

– А почему нет? Взгляните на меня, я же сама надёжность! Тем более мы ей очень хорошо платим.

– Всё время «мы», – заметила Марианна, – Это ты, Виктор и Карлос?

– Да. Но стоит ещё вспомнить и Генриха Рая, он-то, честно говоря, и платит, – рассмеялся Эжен.

– Рай?! Это его Жан и Анри зовут учителем?

– Его.

– Значит и он здесь?! – Марианна даже невольно осмотрелась, словно Рай и правда притаиться где-то в соседней комнате.

– Правильнее сказать, он был здесь... – откликнулся Эжен и тут же поинтересовался, – Сударыня, вы не видите часов? Куда я их сунул? Они так громко тикают, что я всё время их прячу, а потом забываю куда.

Марианна уже не могла смотреть на Эжена, не улыбаясь. Столько в нём было игривого озорства, жизнерадостности, что рядом с ним всё казалось много проще. Она с готовностью взялась искать часы, но Эжен её опередил.

– Так, у меня в запасе чуть больше часа.

– До чего?

А Эжен уже переключился на поиски чего-то съестного, правда и о госте он не забывал:

– До встречи с Виктором, – откликнулся юноша между делом.

– С Виктором? А где он?

– На службе у герцога.

– Что?! Как же это?!

– Конечно же он изменил внешность. Видите ли, у нас богатое артистическое прошлое, такой опыт перевоплощаться, что можно романы писать.

– Но тогда, возможно, он был сегодня там, в лесу?..

– Конечно был, – кивнул Эжен и тут же сам и осёкся.

Ему представилось, как если бы он стал свидетелем пре-

дательства Антуана. От таких мыслей взгляд его потемнел, а пальцы сложились в крепкие кулаки. Он уже собрался было попросить Марианну рассказать ему, что же произошло там в лесу, но увидев, как девушка в усталом оцепенении застыла у комода, решил повременить с этой тяжёлой темой. Вместо этого он улыбнулся, и указал гостье на стул:

– Присаживайтесь, сеньорита. Сейчас я соберу что-нибудь перекусить.

Марианна тяжело вздохнула, скинула шерстяную жилетку и с удовольствием присела на предложенный стул.

– Эжен, – вдруг вскинулась девушка, – Давно хочу попросить тебя. Зови меня просто Марианна, и на «ты», как это делают Жан и Анри.

В ответ юноша недоверчиво сощурился:

– Но ведь... вы сеньорита, Ваше Сиятельство графиня...

– Какое значение всё это имеет сейчас?! И потом, ты ведь тоже граф! – заметила Марианна.

– Ну... Это решать графу де Лаган... – и Эжен снова нахмурился.

– Он замечательный! – тут же вскинулась Марианна, – Не смей сомневаться! Он признает вас всех!

– Этот замечательный человек воспитал Антуана, – всё-таки Эжен озвучил свои горькие мысли и тут же отвернулся.

Марианне тоже стало не по себе. Это открытие правды про Антуана де Валеньи ещё не хотело укладываться в её сознании, страшно смущало. Девушка глубоко задумалась.

Против воли она снова оказалась там, в светлом лесу Шероль, рядом с Жаном, и оба они в окружении людей герцога и барона. А вот и.. лже-Виктор!..

– Эгей, сеньорита! – чтобы привлечь внимание Марианны Эжен даже тронул её за плечо.

Девушка вздрогнула всем телом и очнулась.

– Что с вами!? – Эжен присел напротив.

Эти синие глаза! Это лицо! Снова в горле поднялся горький ком слёз.

– И что это такое!?! – возмутился и встревожился Эжен, – А ну-ка выкладывайте! Что ещёстряслось!

– Эжен, прошу, зови меня Марианной, и на «ты», – девушка честно постаралась взбодриться.

– С огромным удовольствием! Уговорили! То есть, уговорила, – и Эжен протянул ей большой кусок сыра, – Ты наверно голодна? Давай, ешь!

Марианна с большой благодарностью приняла угощение и постаралась полностью сосредоточиться на этих приятных таких понятных ощущениях, и это скоро начало давать свои плоды. Дышать стало легче, и мир перестал предательски дрожать. Девушка снова обратила взгляд к Эжену. Тем временем он вернулся к хлопотам по подготовке ужина и даже начал тихонько что-то мурлыкать себе под нос, удивительно озорной мотивчик. От всей этой картины повеяло таким миром, покоем, что в душе Марианны защемило. Было бы так на самом деле...

– Эжен, а ты умеешь петь? – вдруг озвучила девушка свои мысли.

– Что? Петь? – и юноша тут же лукаво усмехнулся, – А кто не умеет?

– Нет, по-настоящему? – Марианна даже подалась ближе.

В ответ Эжен поднял на неё непонимающий взгляд.

– Жан изумительно поёт! У него такой голос! Сила безграничная, а красота... непередаваемая! – Марианна даже зажмурилась, припоминая дорогие сердцу впечатления.

– И это говорит не только любящая женщина? – решил-таки уточнить Эжен

– Не только!

Но сомнение не покидало Эжена, и это красноречиво отразилось на его лице.

– Верь мне! Это так! – Марианна веско кивнула.

– Значит, среди нас завелся Орфей, – наконец, уступил Эжен.

– Орфей!? Эжен, ты знаешь, кто это?

– А почему нет? – казалось, Эжен даже обиделся.

– Но не значит ли это, что ты...

– Значит, только не я, а мы с Виктором.

– Ты перебил меня и думаешь, что понял, что я хотела сказать? – удивилась Марианна.

– Конечно, – наконец, Эжен снова сел.

– И что же? – Марианну всё больше и больше забавлял этот разговор.

– Лучше я сразу отвечу. Мы с Виктором кроме фрагийского в совершенстве владеем испайронским и брианским, умеем писать и читать на этих языках. Ну а читали мы в своё время очень разное.

– Ты шутишь?! – Марианна не скрыла своё удивление.

Тогда Эжен просто перешёл на испайронский:

– Нисколько. Жизнь была щедра к нам. Она не только была нас, но и многому научила, в буквальном смысле слова. Как-нибудь я расскажу об этом. А брианский ты знаешь? – последняя фраза была обронена на брианском.

Марианна догадалась о её смысле и восхищённо выдохнула:

– Надо же! Но тогда я не понимаю. Порой ты бываешь так колоритно красноречив... Вот когда ты говорил про Антуана...

– Признаюсь, я говорил от души. Я, видите ли, привык называть вещи своими именами... – и Эжен уже собрался было развернуть эту мысль, но вдруг осёкся, сообразив, что не стоит ругаться в обществе такой девушки, – Ладно, давай лучше вернемся к Орфею. Значит у Жана божественный голос. Про нас с Виктором я этого сказать не могу. Можешь мне верить. В бытность свою артистами мы с Виктором много попели, но тут, знаешь, как, слух есть, уже не противно. Но не более.

– Жан бы тоже не стал себя хвалить.

Эжен подарил Марианне долгий взгляд.

– Ты и Рай прямо-таки добиваетесь, чтобы я влюбился в Жана! – вдруг выдал он.

– Эжен... – Марианна не знала, как его понять.

– Видишь ли, Рай знает, что я терпеть не могу Антуана, и боится, как бы ненароком я не проникся и к Жану подобными чувствами. Но здесь его тревоги напрасны. Я вижу, что он мне брат...

Тёплый благодарный взгляд Марианны чуть смутил Эжена, и он поспешил сменить тему:

– Позволь заметить, что мы потеряли массу времени ни на что, или, быть может, твоё любопытство улеглось? Пользуйся моментом, иначе я начну заваливать тебя своими вопросами. Их у меня вряд ли меньше.

И Марианна невольно рассмеялась.

– Тогда, может быть, начнем с Виктора. Он на службе у герцога? В голове не укладывается! И ты говоришь, он был сегодня в лесу, когда нас с Жаном схватили...

Эжен кисло скривился.

– Бедняге Виктору очень везёт на такие ситуации, что никому не пожелаешь. Похоже, он старается за нас двоих. Ему должно за это воздаться.

– О чём ты?

– Да так, о своём, о девичьем... Ладно, что-то меня развезло. Лучше расскажи, как всё там произошло, а я уж объясню, кто где был. Сможешь?

Марианна кивнула, собралась с духом и... рассказала, как

всё было. Теперь она нашла для этого силы.

– Так что ты скажешь?

– Дрянь история!!! Вот ведь змеюка подколотная!!! – и Эжен резко хлопнул ладонью по столу.

Марианна, не привыкшая слышать такие слова от Жана или Антуана, не сумела скрыть свою реакцию. Эжен заметил это и впервые по-настоящему смутился. Марианна, испытывая к нему самые нежные чувства, поспешила помочь:

– Так что ты скажешь? Ты уверен, что Виктор был там?

Ей так хотелось услышать отрицательный ответ, но Эжен не оправдал её надежд:

– Конечно, это он усыпил Жана.

– Что? Усыпил?!

– Да, конечно. Это было лучшим выходом в той ситуации.

– Но...

– А тебе было бы приятно видеть, как эти скоты... прости, выколачивают из Жана душу, да ломают ему кости? Не знаю, стал бы герцог останавливать их...

– Да уж... – Марианна побледнела, – Скажи, вы с Виктором спасёте его?

– Само собой. Поешь!

– Это будет трудно сделать!

– А тебя было трудно вывести оттуда? Не волнуйся, неразрешимых проблем не бывает. Вон, Карлос и Рай уже начинают с этим соглашаться.

– Карлос... Рай... В голове не укладывается... Как вы ока-

зались вместе? И откуда всё узнали?

– Ты начинаешь терять терпение, – усмехнулся Эжен, – А времени мало... Хорошо, в нескольких словах... – и проявляя чудеса лаконичности, столь редкие для него, Эжен пересказал историю своего знакомства с Карлосом, обстоятельства новой встречи того с Виктором, – Вот так. Всё о себе мы узнали при помощи Рая, Карлоса и герцога, но об этом после. Мне пора. Теперь тебе придётся учиться самой трудной работе на свете. Ждать.

– Когда ты вернёшься?

– Думаю, скоро. Если мы что и станем делать, то не раньше ночи. Жана так просто не достать. Маги сказала, что его упрятали куда-то в подвал... – Эжен уже был готов, – Ну...

– Удачи тебе, Эжен... Я... Я счастлива, что у меня появился ещё один брат, то есть два, ты и Виктор.

И Эжен вдруг стал похожим на Жана. Чуть поклонился и, ловко поймав руку Марианны, нежно поцеловал её. Девушка невольно сжала его руку и мягко улыбнулась:

– Твоей галантности могут позавидовать многие.

– Вообще-то я ведь граф и будущий муж маркизы де Рельгро, – и Эжен лукаво подмигнул Марианне.

– Что?! Де Рельгро?! – не поверила своим ушам девушка.

– Я говорю о сестре маркиза. Это разные люди, – вдруг вспыхнул Эжен и тут же оттаял, – Ну, мне пора. В конце концов, мы ведь не прощаемся.

– Да, да. Благослови тебя Господь!

Глава 41. Порка.

Виктор залез в нишу окна, обхватил колени руками и так и замер. Здесь редко кто ходил ни по коридору, ни под окном со стороны улицы. Это было как раз то уединенное место, в котором сейчас так сильно нуждался юноша. Ему жизненно необходимо было побыть одному, побыть собой.

Под окном, сопротивляясь озорству прохладного ветерка, тихо ворчал куст жасмина. Ещё бы, ведь ему так не хотелось простаться с этим теплым солнцем. Но дневное светило не желало с этим считаться, подчиняясь неумолимому ходу времени, оно уже коснулось горизонта. И сумерки уже отважились выглянуть из глухих подворотен и закоулков, всё увереннее и увереннее гонят день прочь, гася краски и размывая силуэты.

Всё это Виктор видел через металлическую решётку окна. Видел и не видел одновременно. В его глазах стояли слёзы сильной душевной боли, а мысли судорожно отбивались от кружащегося, словно стая ворон, скопища ужасных картин недавних событий.

Лес... Антуан... Марианна... Жан... Антуан... Герцог... Жан... Марианна... Барон... Жан... Антуан... Жан... «О, Эжен! Да что же это?!» – так вдруг захотелось обнять брата, услышать слова ободрения. «Зачем мы изобрели Глена, если он не смог это предотвратить?! Где я снова ошибся?!»

Виктор тяжело вздохнул, чиркнул взглядом по каменным стенам хмурого коридора и тут же снова рухнул в омут ада недавних событий. И не мудрено, ведь это было большее всего...

Часа полтора-два назад герцог приказал праиэрам, в том числе и Глену, явиться в подвал дома Рельгро, в самое глухое его место, где заперли Жана. Ламороу привлёк ещё полтора десятка гвардейцев, кого расставил караулом вдоль стен коридора, кого отправил раздобыть вина и закусок, а пятеро, особо приближённых к нему, должны были просто быть рядом на случай неожиданных распоряжений господина. Его Светлость появился в сопровождении Антуана и даже похлопал Ламороу по плечу, что было явным признаком его отличного настроения.

Помнится, получив приказ присоединиться к этому сборищу, Виктор испытал двойственное чувство. С одной стороны, он был рад, ведь это позволит ему быть в курсе главных событий. С другой стороны, предстояло увидеть Жана в цепях, Антуана рядом с герцогом... Это могло стать слишком сложным испытанием жизнеспособности Глена. Что ж, Виктор приказал себе отключить все свои чувства, передать бразды правления исключительно разуму. Надо быть только Гленом! Только Хуаном Гленом Горрадо! «Но это насилие мне ещё аукнется!» – подумал он тогда...

Жан был связан, но уже пришёл в себя. Он лежал на сыром полу в совершенно тёмной комнате. Принесённые пра-

иэрами факелы буквально ослепили его, но это как раз тот случай, когда Жан пожалел о том, что всё-таки смог вернуть себе зрение. Он нашёл себя в очень жутком месте. В потолок вбиты кольца. Богатейший набор плетей, жаровня, иглы, крюки, цепи и ещё многое, и многое, способное вдохновить даже палача-дилетанта. Всё это не могло не заставить содрогнуться, но настоящий страх сковал душу юноши только при виде лица герцога Бетенгтона. Столько испепеляющей ненависти и... живодерского азарта было в его глазах, что никакими словами это не передать!

Его Светлость зло оскалился и приказал привязать руки Жана к кольцам, что свисали с потолка, оголить его до пояса. Пока рядовые гвардейцы занимались этим, герцог неожиданно круто развернулся к называемому Гленом, закрывавшему дверь. Виктор скорее почувствовал, чем увидел, это движение Его Светлости, и невольно замер.

– Глен, а ну-ка, встань рядом с Виктором! – приказ был отдан на брианском.

Виктор внутренне обмер. «Рядом с Виктором?!!» – сразу и не понял он, – «Чёрт! Он же продолжает так называть Антуана! И всё же, зачем?!» Удивление тотчас отразилось на его лице, но он подчинился, и герцог принялся пристально рассматривать этих двоих. Глен оказался чуть ниже Антуана. Или это всего лишь сутулость? И эта его косматая чёрная шевелюра... припухшая верхняя губа, чуть раздающаяся в стороны нижняя, делающая подбородок более тяжёлым, нос

со странной формы ноздрями, резкие скулы... Ничего общего! И, тем не менее, что-то очень сильно смущало герцога. Да, эти глаза!..

– Глен, не щурься! И выпрямись! – приказал герцог.

– Что здесь происходит! – возмутился Антуан, он всё-таки позволил себе отстраниться от странного гвардейца герцога и теперь требовал объяснение.

– Простите, друг мой, – как мог дружелюбнее улыбнулся ему герцог, – Но этот малый кажется мне на вас похожим!

– Этот?! На меня?! – Антуан окинул Виктора откровенно презрительным взглядом, а в голосе его ясно прозвучали нотки негодования и оскорбленного самолюбия.

Виктор, якобы только сейчас понявший, в чём дело, тоже с интересом осмотрел Антуана. Заинтригованные происходящим праиэры и гвардейцы, а с ними и Жан, тоже присоединились к этой их игре в гляделки. Да, такое заявление герцога вызвало неподдельный интерес у всех присутствующих. Воцарилось гробовое молчание, только пламя факелов осмеливалось нарушать его своим потрескиванием.

А тем временем Виктор судорожно соображал: «Даже если... если удастся освободить Жана, нас будет только двое против десяти! Да и ещё такая уйма народу по ту сторону дверей... И все хорошо обученные убийцы... Даже если предположить невозможное, что Антуан к нам присоединится, и то вряд ли... Здесь сейчас?! Нет!!!» Тогда он первым нарушил молчание:

– Оно конечно, не мне судить. Но, Ваша Светлость, если позволите предположить... Вас смущает цвет моих глаз?

Герцог удивлённо двинул бровью и обронил:

– Ламороу, что скажешь?

– Я никогда не доверял этому испайронскому псу! – рыкнул тот в ответ.

Герцог усмехнулся, мол другого ответа он и не ожидал услышать.

– Фил?

Тот в ответ растерянно пожал плечами:

– Не знаю, Ваша Светлость. Может быть, Глен прав... Если только цвет глаз... странный для испайронцев. Но если учесть, что у каждого человека есть мать, а его мать была фрагийкой...

– Пит?

– За свою жизнь я встречал очень много похожих людей, и вообще насчитываю не больше двух десятков типов лиц, не более. Вот и Глен, по-моему, просто вписывается в тип близнецов, правда, с очень-очень большой натяжкой.

Герцог, не ожидавший такой словоохотливости от всегда столь сдержанного в словах и эмоциях Пита, удивлённо повёл бровью. Но лицо этого праиэра, как и обычно, не отражало никаких чувств своего обладателя.

– Я тебя понял, – обронил герцог и развернулся к своему последнему, четвёртому праиэру, – Рон?

– Да чёрт его знает! – и Рон сердито сплюнул в угол.

– Ваша Светлость!!! – даже несмотря на царящий здесь сумрак, не представляло труда заметить, как Антуан покраснел от возмущения.

– А вы-то сами что думаете, мой друг? Вы только взгляните! – герцог обратился к нему с мягкой, какой-то отеческой интонацией.

– Это ни к чему! Я вас не понимаю!!

– И я, – решил вставить слово Виктор, – Что вы ожидаете от нашего, пусть и отдалённого сходства?

Герцог сощурился:

– Пока не знаю... Мне очень интересно, что это мне сулит. Удачу или... Ладно, – и смирившись, герцог перевёл взгляд на Жана.

Руки того уже были привязаны к кольцам, и он стоял лицом как раз к герцогу и Антуану с Виктором. Взгляды тех тоже обратился к пленённому брату. При виде этой картины оба невольно содрогнулись. Оно и понятно, увидеть себя, словно в зеркале, вот в таком положении! Тем более, что общество герцога заставляло и их ощущать близость плахи.

А тем временем Жан ответил взаимностью только Антуану, именно в него впился взглядом:

– Где Марианна?

Что ж, Его Светлость с любопытством развернулся к Антуану. А Виктор... он чувствовал, что всё ещё остаётся в поле зрения герцога, но всё же осмелился податься в сторону, якобы скромно отойти на положенное его званию место. Ма-

невр удался, ведь теперь герцога интересовали только двое – Жан и Антуан. Последний нахмурился, но счёл возможным ответить:

– Она при бароне. Здесь. Наверху.

– А Анри?!

Антуан невольно бросил взгляд на герцога, но, заметив только с виду кроткий интерес того, вновь обернулся к Жану:

– Геньи успел их спрятать.

– Значит ты водил их туда?! Ну и мразь же ты, Виктор!!! – в сердцах воскликнул Жан.

И тут Антуан взвился, словно высвобожденная пружина:

– Ваша Светлость, вы для этого меня сюда пригласили?!

Для того, чтобы сначала сравнивать меня со своим лакеем, потом – чтобы этот... допрашивал и оскорблял меня?!

– Ну, тише, тише... – герцог примиряюще улыбнулся в ответ, и уже обращаясь к Жану, сокрушённо повёл головой:

– Какие выражения! Что за манеры! Да, хороший из Рая вышел воспитатель! Или просто ты уже успел нахвататься этого от своих друзей, бродячих шутов? Достойная компания, ничего не скажешь!

– Ваша Светлость, я бы хотел уйти, – решительно заявил Антуан.

– Но позвольте, друг мой, он же оскорбил вас! И вы это так просто оставите?! Дворянин не станет безропотно сносить подобное!

Что ж, Антуан ещё раз окинул взглядом брата. Тот, лишённый какой-либо свободы, был в полном распоряжении герцога. Не об этом ли положении, не о такой ли участи он мечтал для Жана ещё вчера? Может быть... Но сейчас это зрелище не доставляло ему ни малейшего удовольствия. Ему вдруг показалось, что это он стоит привязанным к пыточным кольцам. От такой мысли юноша невольно содрогнулся:

– Я не понимаю вас, Ваша Светлость. Разве он своё ещё не получил?

– Нет, конечно, раз позволяет себе такой тон!

Рассуждая так, герцог подошёл к Жану и грубо схватил его за подбородок:

– Вот что я тебе скажу, сынок, очень неразумно в твоём положении обижать этого человека, ведь в скором будущем ему будет вручена жизнь графини де Монсар, и я бы на твоём месте употребил эти последние минуты на то, чтобы умолять его быть с ней поласковее.

Жан резко рванулся и смог-таки высвободиться из тисков герцога. В глазах его бушевал пламень лютой ненависти. Он чуть вытянул шею, чтобы из-за плеча герцога увидеть Антуана и обратился прямо к нему:

– Ты что, и правда думаешь, что она подпустит тебя к себе?! Ты надеешься на это после того, что сделал?!

Но герцог взялся ответить вместо Антуана:

– А почему бы и нет? Ты ещё очень молод, Фрэнк, и совершенно не знаешь женщин. Ты думаешь, что она любит

тебя? Именно тебя? Чушь! Она влюблена в твоё лицо. И что станет с её любовью, когда она увидит тебя искалеченным? Я ещё не решил точно, например, не досчитается она в тебе глаза, уха, носа, ноги, руки... Что она станет испытывать к тебе, катая тебя в колясочке? Любовь? Нет, дружок, жалость, и не только к тебе, но в первую очередь к себе. Воспитание не позволит ей тебя бросить, ну и... Продолжать?

Герцог заметил, как Жан содрогнулся всем телом.

– Лучше смерть... – выдохнул юноша с ужасом.

– Верно! И если я пойду тебе навстречу и сделаю так, чтобы она считала тебя мёртвым, что тогда?.. Думаешь, в недалеком будущем она не примет замены? Не допустит к себе человека с твоим лицом? А если пойти дальше, и представить, что твой брат спасает её, освобождает из плена, и...

– Это ты, что ли «спасешь её», Виктор? – тут же вскинулся Жан.

И герцог снова опередил Антуана:

– Фрэнк, ты не глупый человек, и понимаешь, что мы можем переменить отношение твоей красавицы к нам. А эти-ми своими выпадами ты сейчас только приближаешь свой конец.

– Конец?! – и Жан горько рассмеялся, – Что-то мне подсказывает, что мой конец наступит ещё нескоро. Признайтесь, ведь вы намерены развлекаться со мной до тех пор, пока не решите, что пришло время этому мерзавцу занять моё место, не так ли? Ты слышишь, Виктор? Потом он и тебя

вздёрнет. Ты ещё этого не понял?! Он же маньяк!

Антуан заметно побледнел и позволил себе огрызнуться:

– В любом случае, ты этого не увидишь!

Герцог удовлетворённо кивнул.

Антуан, и правда, начинал очень злиться, трудно сказать на что. Быть может, его душу жгла мысль, что Жан снова оказался сильнее его, даже в этой ситуации он способен сохранить лицо, в то время как он, Антуан де Валеньи, чувствует себя раздавленным, стиль поведение ему диктуют отчаяние и страх, страх перед прошлым, и ещё больший страх перед будущим. Этот страх даже нашёл своё выражение в словах:

– Ты сейчас можешь говорить всё что угодно, как угодно, оскорблять меня, но ты уже не способен причинить мне большую боль, чем та, которую я испытал, когда ты отнял у меня Марианну. Я ненавижу тебя! Я ненавижу твою приторную правильность! Говори, что хочешь, всё равно тебя уже нет! Слышишь!?

– И тебя, – эхом отозвался Жан.

И тут, к своему ужасу, Антуан вдруг заметил во взгляде Жана... сочувствие, и не ошибся:

– Молись, Виктор! Молись, чтобы Анри поскорее встал на ноги и успел вытащить твою голову из петли!

– Ты уже бредишь! Не думаю, что сердце Анри разрывается от любви ко мне! – нервно рассмеялся Антуан. В этот момент они стояли лицом к лицу.

– Ты прав, он тебя ненавидит. Он лучше меня понял, что

ты за гниль. Просто, может быть, Анри успеет убить герцога раньше, чем тот примется за тебя. Заметьте, Ваша Светлость, убить, а не отравить, как вы то сделали с его родителями. И только в его силах остановить Марианну, уже от того, чтобы она не зарезала тебя, Виктор. Да, я уверен, Анри тебя пощадит, потому что мы с тобой близнецы. Что бы ни было, чтобы мы не говорили, мы остаемся братьями по рождению...

– Хоть я и продал тебя?! Ты знаешь, что герцог отправит тебя на галеры?! – Антуан даже чуть подался ближе.

– Этим ты вынес приговор прежде всего себе, – усмехнулся страшно злой Жан и тут же кивнул в сторону герцога, – Посмотри на него, он с этим согласен!

И Антуан подчинился, бросил затуманенный взгляд на герцога.

– Не принимайте его слова так близко к сердцу, друг мой! – тут же поспешил вмешаться Его Светлость, – Я вижу, пришло время заткнуть ему рот.

– И каким же это образом? – дерзнул поинтересоваться Жан.

И герцог, не тратя больше слов, с силой ударил Жана в скулу. Удар получился сильный, у юноши потемнело в глазах, и он повис на руках. Нет, вроде пленник сознание не потерял, а значит можно продолжать развлечение – так рассудил вполне удовлетворённый герцог и развернулся к Антуану:

– Не присоединитесь, друг мой?

Оказывается, тот остановившимся взглядом наблюдал за тем, как Жан пытается встать на ноги.

– Что вы намерены с ним сделать? – Антуан с трудом выдал из себя этот вопрос, медленно разворачиваясь к герцогу.

– Ничего страшного. Просто выпорю, – ответил герцог, словно говорил о чём-то обыденном, – Согласитесь, он заслужил хорошую порку.

– Об этом не было речи, – возразил Антуан.

– Но была речь о галерах. Вы, мой друг, думаете, его будут там гладить по головке? Нет, я скажу даже больше, с его характером, он там не жилец. Так что эта порка пойдёт ему только на пользу, пусть учится держать себя в руках, пусть привыкает. А вы можете присесть вот там. Это вразумление мы можем считать для него наградой за все те страдания, которые он вам причинил.

Антуан чувствовал, что ноги его стали словно деревянными. Он медленно поднял глаза на Жана. Тот уже стоял, из угла рта сочилась кровь, но взгляд его просто выжигал душу Антуана.

– Вот, что я тебе скажу напоследок, – хрипло заговорил Жан, – Пусть не сейчас, не сегодня и даже не завтра, но в тебе всё-таки проснётся совесть. Почему-то я в этом уверен. И тогда тебе захочется удавиться. Я знаю это, мы близнецы, чёрт тебя побери! В любом случае, в этой жизни ты уже конченный человек. Молись, чтобы Всевышний даровал те-

бе новую.

Глаза Антуана исполнились ужаса. Он вдруг ощутил правоту этих слов. Ему показалось, что ещё секунда, и он обратится в прах... но... этого не произошло. Самообладание стало снова возвращаться к нему. И вот он уже круто обернулся к герцогу:

– Ваша Светлость, делайте, что хотите, я оставлю вас.

Герцог угадал, что творится с Антуаном, и кто знает, может быть, в его душе всколыхнулось нечто, похожее на сострадание. В любом случае, на этого близнеца у него были особые планы, и сейчас он решил не перегибать палку. Тем более что ему улыбалась мысль о скором начале второго акта этой трагикомедии.

– Как вам угодно, друг мой. Встретимся за ужином, – и он даже лично проводил Антуана до дверей.

На самом пороге Антуан остановился и ещё раз посмотрел на Жана. Казалось, тот ждал этого, и его взгляд... взгляд, переполненный непередаваемой силы презрением и гневом, каленым железом вонзился в память Антуана. А уже в следующую секунду дверь за ним захлопнулась, громко, словно гробовая доска.

Этот хлопок многократным эхом отозвался и в душе Виктора, но, как скоро выяснилось, самое страшное было ещё впереди.

– Глен, бери плеть, – раздался приказ герцога.

Виктор остолбенел.

– Ты меня слышал?!

– Ваша Светлость, но... я никогда не порол людей... – голос называемого Гленом всё-таки дрогнул.

– Но тебя-то, я думаю, пороли?

– Не без этого.

– Тогда ты должен представлять, как это делать. Давай. Пора учиться. Бери! Или ты хочешь оказаться рядом?! – герцог уже рухнул в кресло и теперь широкими жестами раздавал приказы.

– Как вам будет угодно, Ваша Светлость, – Виктор с деланным безразличием пожал плечами, чем скрыл невольную дрожь.

Он подошёл к стойке с плетью и быстро выхватил одну из них. Это было сделано с разбегу. Виктор просто не позволял себе размышлять.

– Ну так?! Я жду! – герцог начинал терять терпение.

Виктор расправил плеть, встал позади брата.

– Давай уж, постарайся! – Его Светлость даже подался ближе, – Я хочу, чтобы этот щенок скулил, выл и умолял меня о пощаде!

– Какая же у вас богатая фантазия, милорд, – усмехнулся всё же побледневший Жан.

– О-у! Ты и правда ещё не знаешь, насколько она изощрённая! Эта порка только для начала, так сказать, для разминки! Это поможет тебе узнать, что такое настоящая телесная боль, а потом я займусь твоей душой...

– Разве недостаточно вы уже наплевали в мою душу?! – совершенно искренне возмутился юноша.

В ответ герцог усмехнулся и отрицательно качнул головой:

– Нет, ты ещё не ползал передо мной на коленях, не лизал мои пятки, не...

– Ну, ну, – прервал его Жан, – И что заставит меня это сделать?

– Увидишь... – и герцог подарил Жану таинственный взгляд, от которого у того по телу побежали мурашки, – Ну же, Глен! Вперёд!

Виктор понял, что ещё минута промедления, и поднятая им плеть ляжет на спину герцога, и это будет концом, его и Жана. Тот, словно почувствовал это его замешательство и вдруг обратился к прямо к нему:

– Давай, не робей, Глен, кажется... Ты в этой своре новенький, учись соответствовать. А я, так уж и быть, кричать не стану.

– Очень мило... А то я как раз туг на одно ухо, – оскалился называемый Гленом, и плеть взлетела в воздух.

Жан вздрогнул всем телом, но, как и пообещал, не издал ни звука. Виктор отрезал от себя половину и нанёс ещё удар, и ещё, ещё... Его зубы уже начали хрустеть.

– Нет! Не так!!! – прервал его раздосадованный герцог.

Виктор оставался Гленом, и герцог начал уже забывать о своих подозрениях. Он выхватил из его рук плеть:

– Ты не бьёшь, а гладишь! Так он и правда никогда не закричит, а я хочу, чтобы он визжал, как побитая собака! Смотри, как это делается! Смотри и учись!!!

И вот тут-то Жану в самом деле стало горячо, ведь герцог знал своё дело и выполнял его с большим вдохновением. Виктор отошёл в сторону и, не сводя глаз с плети, замер. Каждый удар будто наносили ему.

Ободряющий шепот Филя с огромным трудом пробился к его сознанию и привёл-таки в чувства:

– Это трудно лишь в первый раз. Вытри кровь с губы.

Только теперь Виктор заметил, что прокусил губу. Он слизнул кровь, и она залила ему сердце...

Герцог не остановился до тех пор, пока Жан не потерял сознание. Но юноша так и не издал ни звука.

* * *

До сих пор перед глазами Виктора стояла эта ужасная картина: «Жан... он так похож на Эжена, на меня! Что же это такое?! Где я допустил ошибку?! Что же это?!.. Марианна так любит его! Чёрт бы побрал этого герцога! Стоп!!! А что если...» – Виктор содрогнулся от этой мысли и уже почти сорвался с места, как вдруг его словно прожгла молния. Взгляд скользнул к руке и только теперь он понял, что это было лишь робкое прикосновение маленькой ручки Маги.

– Я искала тебя... Что с тобой?! – Маги увидела красные глаза Виктора и испугалась, – Что случилось?!!

– Что ты здесь делаешь?! – Виктор резко спрыгнул на пол.

– Я ещё не дала тебе повод сердиться на меня. Разве ты не замечаешь, что делаешь мне больно?

Что ж, Виктор сокрушённо повёл головой и вновь присел на подоконник:

– У меня проявился особый дар, делать больно близким людям. Маги, беги от меня со всех ног, что есть сил беги! Слышишь? Иначе очень влипнешь...

– Я уже влипла... – и Маги светло улыбнулась, ведь она расслышала лишь одно, он включил её в число близких людей.

– Ты не понимаешь, что говоришь! – совершенно искренне ужаснулся Виктор.

– Понимаю.

– Наказание ты моё! – и Виктор не сдержал тяжёлый вздох.

Это успел заметить только что появившийся из-за угла Фил.

– Привет, крошка! – кивнул он Маги.

Виктор лишь поднял руку, и Фил ударил ладонью в ладонь.

– Здравствуй, Фил! – Маги приветливо улыбнулась в ответ.

– Что за чудо, эта зеленоглазая красавица! А, Глен? – и Фил искренне залюбовался девушкой.

– Каким ветром ты здесь, приятель? – Виктор уже вполне владел собой.

– Делать нечего, вот и решил помочь старику Карлосу найти тебя. Он с ног сбился. Кто бы мне раньше сказал, что этот грозный испайронец так легко раним! Как услышал о том, что ты принял участие в порке, так и потерял покой.

– Глен!.. – Маги схватилась за руку Виктора, и тот, увидев в её глазах полное понимание, испытал ни с чем несравнимое чувство досады.

– Когда-нибудь я сам тебя и прибью! – едва не сорвался Виктор, – Прекрати видеть во мне Бог весть кого! Я тебе не отец родной, и тем более не духовник. Ну-ка, беги своей дорогой!

В ответ Маги насупилась и, резко развернувшись, уже собралась было бежать прочь, как вдруг Фил схватил её за руку и так прервал этот не начавшийся полёт. Изумлённая Маги страшно растерялась. То же удивление отразилось и в глазах называемого Гленом.

– Ни туда, детка, или по крайней мере не одна, – Фил усмехнулся и ещё больше понизил голос, – Ламороу верно наивно полагает, что я его не заметил. Ему нужен ты, Глен. Девчонке лучше не лезть на наковальню.

Маги вся собралась. Она больше не порывалась уйти. Вся превратившись в слух, она не упускала ни одного взгляда, ни одного слова, благо эти двое продолжали говорить на фраггском.

– Он следит за тобой. Ты об этом знаешь? – Фил продолжал пытливо всматриваться в лицо Виктора.

– Да, знаю, – хмуро откликнулся тот.

– Надо было предполагать...

– Что ещё?

– Что?.. Я всё сказал, – и Фил расправил плечи, но некоторая недосказанность так и не исчезла с его лица, и Виктор заметил это. Его взгляд стал острее:

– Нет, не всё. Я слушаю тебя, Фил. Говори.

В ответ Фил невольно ухмыльнулся в усы:

– Верно. Много же у нас изменится, когда ты задвинешь Ламороу. Очень многое...

– Почему ты решил, что я собираюсь задвигать Ламороу?

– Ни вам ходить по одной тропе. Герцог тоже это чувствует, потому и приглядывается к тебе с таким вниманием. Он либо примет твоё лидерство, либо уничтожит тебя. Думаю, ты это понял.

– Значит ли это, что ты принял мою сторону?

– Э-нет! Ты один. Это твоё дело. Здесь царят волчьи законы.

– Будь честен хотя бы с собой, Фил!

– Честен? – и Фил как-то горестно усмехнулся, – Ты, Глен, будишь в людях человечность. В этом твоя сила, но в этом и твоя слабость.

– Слабость?.. Ты о сегодняшней порке?

– В том числе и о ней. Хоть это и не беда. Герцог как правило собственноручно занимается поркой кого бы то ни было. Например, мне доводилось брать в руки плеть для этого

лишь раз, и я тебя понимаю. Но герцог ценит меня в первую очередь за мозги, а для грязных дел есть и другие, Рон хотя бы... Так что за это не переживай, твоя головная боль Ламороу.

– Возможно. Но ты, или Пит... Почему вы терпите Ламороу, хотя он вам тоже до смерти надоел?

И тут брови Фила медленно поползли вверх:

– Что ты хочешь сказать?

В ответ называемый Гленом сощурился:

– Ты пророчишь мне либо вершину, либо пропасть, но в то же время почему ты сам, ты или Пит, не подвинете Ламороу? Каждый из вас по своей натуре вожак, поэтому вы праиэры. В чём же проблема?

– Если на то дело пошло, почему ты не вспомнил Рона?

– Ты сам понимаешь, Рон это Ламороу в миниатюре... и мне он не интересен. Ну так?

Что ж, Фил с деланным равнодушием пожал плечами:

– Стало быть, я тебе интересен. Наверно, я должен тебя поблагодарить? Но, в таком случае, ты и сам должен знать ответ.

– И всё же? – продолжал настаивать Виктор.

Фил сощурился:

– Да, мы с Питом можем водить эту стаю, по крайней мере по частям, но возглавлять её... нет, у нас нет на это никакого желания.

– У меня тоже нет...

– У тебя нет выбора, – сказал, как отрезал Фил.

Что ж, Виктор подарил своему странному приятелю долгий задумчивый взгляд, и тот так и не понял, чего в этом взгляде было больше, тоски, печали, усмешки, досады, может быть гнева, но этот взгляд неожиданно сильно растревожил его душу: «Черт побери! Что я сейчас ему наговорил?! Что это на меня вообще напала такая болтливость?! Странный же он человек, очень странный!» Виктор угадал состояние Фила и, извиняясь, улыбнулся:

– Ладно-ладно, успокойся! Тебе не придётся сожалеть о сказанном. А сейчас будь другом, заведи отсюда эту мышку, – и Виктор кивнул на притихшую Маги, – Да, если увидишь Карлоса, скажи ему, что скоро я сам его найду. По рукам?

И Фил невольно усмехнулся:

– Н-да, приятель, у тебя и правда глаза близнецов... Хорошо, идём, красавица.

Маги с неммым вопросом посмотрела на Виктора, но тот остался непроницаем.

Он дождался, пока Фил и Маги скроются за углом, и ещё какое-то время оставался недвижим. «Как же резко герцог делит своих людей на дураков и умных... Забавная бы получилась картина, замени я Ламороу. Даже у Фила не хватает фантазии представить её в полном свете. Слава Богу, в этом пока нет нужды, хотя... Нет. Сейчас вообще нет никакой возможности заглядывать в будущее. Надо вытаскивать

их отсюда, и я не сделаю это без Эжена. Эжен! Да! Да ведь сейчас время нашей встречи! Что ж, поговорю сначала с ним, а потом выясню, как дела у Марианны. Но, что делать с длинной шеей Ламороу?» – решение пришло само собой.

Виктор зловеще усмехнулся и направился в ту сторону, где скрылись Фил и Маги. Ламороу не заставил себя ждать. До сих пор он мало что слышал, но зато всё видел, и теперь он поспешил следом за Виктором. Казалось, что в этот раз охота у него получится, но, обогнув угол, он с ужасом понял, что не видит намеченную жертву. Тот мог скрыться за дальней дверью только, если вдруг перешёл на бег. Это ещё мыслимо исправить, но не тут-то было. Всё случилось в один миг. Около ушей Ламороу свесились два сапога и резко сомкнулись на голове брианца. Тот, не издав ни звука, рухнул на пол. Тот час Виктор разжал руки, державшие потолочную балку, и приземлился рядом с незадачливым охотником. Со странным равнодушием Виктор отметил, что пульс у Ламороу прощупывался. Тогда, для надежности углубив его сон своим излюбленным способом и оставив брианца так и лежащим на полу, Виктор бегом бросился обратно по коридору.

Местом встречи была старая давно заколоченная дверь. Открыть её было невозможно, но зато под ней зияла щель шириной в ладонь. Убедившись, что он совершенно один, Виктор опустился на колени и тихо выдал причудливую трель цикады. Снаружи тотчас раздался ответ, чуткое ухо уловило бы в нём обратный ход созвучия.

– Где тебя носит!?! – тут же зашипел Эжен. Он в это время распластался у двери с наружной стороны. Из-за разросшихся здесь кустов его можно было заметить только стоя вплотную к стене дома.

– Как же я рад слышать тебя, братишка! – в тон ему отозвался Виктор.

– Знаю. Но прежде скажи, в доме уже знают, что я выкрал Марианну?

От изумления Виктор ответил не сразу.

– Вот это камень с плеч!!!

– За подробностями отсылаю к Маги и Карлосу.

– Маги?!

– Да. Что с Жаном? Графиня с ума сходит от беспокойства о нём.

– Есть от чего. Если в полночь у северного крыла дома ты поднимешь шум, и как можно больший, у меня есть шанс вытащить Жана.

– Шум? Зачем?!

– От камеры, в которой его держат, до ближайшего удобоваримого окна надо пройти штук шесть подвальных комнат, где сейчас проживают слуги герцога и барона. Что тебе ещё объяснять? Думаю, Карлос поможет изнутри выгнать их оттуда. Договорились?

– погоди. Почему нельзя его как-нибудь переодеть? У тебя ведь достаточно много груанга! Если хочешь знать, я уже почти сделал дубликат твоего парика. Могу поднажать и к

ночи будет готово.

– В этом нет смысла. Мне придётся тащить его на своем хребте.

– Что?!

Виктор секунду колебался и всё-таки решился:

– Герцог собственноручно заporол его до полусмерти.

В ответ Эжен тихонько присвистнул.

– И ты поймёшь, какая петля у меня на шее, когда узнаешь, что эту экзекуцию герцог заставил начать меня.

– Ты серьезно?!!

– Я из кожи вон вылезу, а вытащу его отсюда! – тут же взвился Виктор, – Но, если ты не превзойдёшь себя сегодня ночью, у герцога появится реальный шанс угробить троих из четырех. Тогда всё удовольствие убить его выпадет только на твою долю.

– Уймись! Почему троих? Разве Антуан...

– Он почти был при этом, и я согласен с Жаном, ещё немного, и герцог окончательно раздавит его, морально для начала.

– Морально?!! Ты умудряешься беспокоиться об этом выродке?!!

– Эжен...

– Ладно. Я всё понял.

– И дай мне слово, что не сунешься в дом! – тут же потребовал Виктор.

– Ну уж...

– Эжен! Развяжи мне в этом руки. Прошу тебя! Нет, умоляю!

– Хорошо. Не сунусь, – с крайней неохотой уступил Эжен, – Но ты-то?! Герцог точно ещё не догадался?

– Он не знает про груанга, это главное! Так что до моей настоящей личности ему не докопаться. В худшем случае он мог бы заподозрить меня в помощи тебе. Но и в этом я отбилась. Верь мне!

– Дай-то Бог! Тогда до встречи в полночь!

Глава 42. Вопль в ночи.

Поздний вечер. Большинство гвардейцев герцога и барона собралось в подвальных комнатах дома Рельгро, которые были выделены им в качестве казарм. Кто-то резался в кости, кто-то чистил оружие, кто-то чинил одежду, а кто-то даже пробовал уснуть, что, правда, было трудно сделать, ведь воздух то и дело сотрясали раскаты смеха или крепкой брани, неизменных спутников азартной игры с высокими ставками.

Ламороу хмуро сидел на углу большого стола и больше следил за ненавистным Гленом, чем за костями. Виктор это знал, хоть ещё ни разу не поймал его взгляд. Эти двое нарочито не замечали друг друга, и в то же время только друг друга и видели. Пожалуй, новый виток их вражды заметили все, и ни у кого не было желания вклиниваться в этот их спор. Волчьи законы гвардии герцога возлагали лавровый венок победителя на голову сильнейшего, который обязательно должен наступить на грудь поверженного врага. Оставалось лишь дожидаться этого момента. А тем временем любопытные наблюдатели делали ставки, конечно же в тайне. Сторонников Виктора стало много больше, когда сегодня Ламороу нашли без сознания. Фил авторитетно обронил, что это результат разговора того с Гленом. Все понимали, что это противостояние близилось к развязке, но пока она не наступила...

Карлос присел к Виктору и тихо заговорил по-испайронски:

– Он собирается пасти тебя всю ночь! Наверняка, надеется перерезать тебе горло, когда ты уснёшь...

– Может быть, тогда сказать ему, что я сегодня не собираюсь спать? – горько усмехнулся Виктор, – Если этот гад и правда окажется умным и станет путаться под ногами, я сам его убью.

При таком заявлении юноши Карлос невольно усмехнулся и с большим интересом заглянул в глаза своего молодого друга. Пусть сейчас лицо этого парня и было изуродовано действием груанга, но даже это не сильно мешало старому испайронцу распознать знакомые черты. Например, упрямо сжатые губы Глена вдруг напомнили Карлосу озорного пачана в матросских штанах с не по-детски умными глазами: «Это ты-то убьешь?! Ох, сынок...»

– Скоро полночь... Пора! – вдруг вскинулся Виктор.

– А ты точно уверен, что сил хватит?

– Да.

Что ж, Карлос ободряюще хлопнул его по плечу. В ответ Виктор благодарно кивнул, встал и отошёл. «Разные они всё же с Эженом... И в то же время, так похожи... Да, старик, кажется, ты волнуешься...» – сокрушённо пожурил сам себя испайронец.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появился разгоряченный от бега слуга маркиза. От неожиданности этого втор-

жения Карлос даже вздрогнул всем телом.

– Ламороу, первому праиэру гвардии Бетенгтон, приказано явиться к Его Светлости герцогу!

В тот же миг в комнате воцарилась гробовая тишина, лица всех присутствующих обратились к Ламороу, а тот, с чувством своей огромной значимости величественно встал, теперь открыто бросил волчий взгляд на называемого Гленом и неторопливо вышел.

С его уходом люди словно вновь обрели способность дышать и говорить, общение сразу стало живее. Теперь из праиэров здесь остался лишь Фил. Этим вечером Рон и Пит ещё не появлялись в казарме.

Карлос переглянулся с Виктором. Тот кинул быстрый взгляд на Фила. Карлос понял и медленно двинулся в указанном направлении. Фил с азартом играл в кости, но это не помешало ему заметить приближение старого испайронца.

– Присоединишься, старик? – поинтересовался он, – На следующем кону есть шанс. Не робей!

– Ты надеешься выиграть? – Карлос встал рядом с Филом, так загородив собой полкомнаты.

– Нет, я не надеюсь, а собираюсь выиграть! Чувствуешь разницу? – рассмеялся Фил, – Садись, не стой над душой!

– Я уже устал сидеть...

Их разговор то и дело заглушали раскаты крепкой брани, но эти двое всё же умудрялись слышать друг друга.

– Что делает! Что ты делаешь, гад!?! – вдруг вскипел Фил

и чуть не вцепился в горло противнику по игре. Этот кон он с блеском проиграл.

Вернувшись на место, раздосадованный Фил подарил Карлосу долгий взгляд и неожиданно заявил:

– Напрасно Глен держится особняком. Мы рады принять его в игру. Кстати, куда это его унесло?

И Карлос с досадой щёлкнул языком. Виктор снова оказался прав, Фил был хоть и сторонним, но очень внимательным наблюдателем.

– Да он... к Маги пошёл...

– Вот как?.. – в глазах Фила тут же заиграл лукавый огонёк.

– Брось эти мысли, парень! – Карлос ударил его в плечо.

– Хорошо, хорошо, – и они оба рассмеялись.

Отделавшись от столь пристального внимания, Виктор незаметно для остальных взял шпагу (ножи-то всегда были при нём) и, словно тень, метнулся в заветный коридор. Поворот, ещё поворот. Пусто! Ему везло... «Только бы у Эжена всё получилось! Господи, благослови! Иначе... Нет!!! Иначе быть не должно!!!»

Так никого и не встретив, Виктор добрался до нужной двери. Ключ от неё герцог унёс с собой, но стражника всё-таки поставил, и тот бедняга уже устал проклинать своё невезение. Быть здесь, одному, охранять то, что в охране не нуждается! Понять это даже у него хватило мозгов, но выхода не было, и он развлекался тем, что мерил коридор вялыми

шагами, ходя то туда, то сюда...

Что ж, это очень даже устраивало Виктора. Когда стражник подошёл ближе всего и развернулся, готовый начать движение в обратном направлении, к его горлу метнулась цепкая рука нежданного гостя, и в тот же миг свет в его глазах померк. Виктор легко подхватил вдруг заснувшего стража и затащил в маленькую тёмную кладовку. Всё, больше на пути не было никаких препятствий, если, конечно, не считать запертую дверь. Но Виктор был готов и к этому.

Ловко орудуя двумя тонкими гнутыми гвоздями, юноша быстро справился с замком и юркнул в открывшийся проём. На этот раз Жан лежал при свете, но без сознания. Его сняли с колец и приковали цепью к стене, а руки и ноги обездвижили деревянными колодками. Страдалец лежал лицом вниз и не подавал никаких признаков жизни.

Виктор взял масляную лампу и подошёл ближе. Он не понаслышке знал, что далеко не каждому дано пережить такую экзекуцию. К тому же Его Светлость вложил в эту порку большое вдохновение. Виктор остро запомнил, как плеть герцога разрывала плоть Жана, запомнил свой ужас от этого зрелища. Но, оказывается, его шокированное сердце, умудрилось забыть то, что последовало сразу за тем, как Жан потерял сознание... Теперь же память начала быстро восполнять пробелы...

– Ещё немного, и он скончается, – бесстрастно заявил Пит, подняв руку в предостерегающем жесте.

И его услышали – очередной удар герцога не получил своего завершения:

– Ты в этом уверен, Пит?

– Да, Ваша Светлость, – веско подтвердил праиэр блондин.

– Рано! Слишком рано! Веселье только начинается! – и герцог швырнул плеть в дальний угол, – Я всё-таки заставляю этого щенка скулить и молить о пощаде! Но пока... Пит, сделай так, чтобы он поскорее вернулся в мир живых и почти здоровых!

Пит покорно поклонился вслед господину, направившемуся к выходу. Виктор, как и все другие гвардейцы, склонился в низком поклоне. А потом... потом он несколько минут в горьком оцепенении наблюдал, как Жана снимали с колец, укладывали на пол лицом вниз, и как Пит, опустившись на колени, обрабатывал раны страдальца каким-то резко пахнущим снадобьем.

– Что он делает? – с трудом совладав с пересохшим горлом, наконец спросил Виктор у Фила.

– Оживляет мученика, – так же шёпотом ответил Фил, – Уж не знаю откуда Пит обладает такими знаниями, но он умеет делать особые чудесные снадобья, способные излечивать подобные раны за считанные дни, а то и часы. Жан быстро поправится. Очень быстро.

– Это уже не впервой, верно?

– Да, верно, – Фил был мрачен, – Жертвы герцога не уми-

рают без его на то позволения. У них больше шансов сойти с ума от боли...

Теперь Виктор, осматривая спину брата, с огромным удивлением и радостью понял, что руками Пита и правда было совершено чудо. Раны Жана заметно затянулись, словно им было уже несколько дней срока: «Может быть, всё будет нет так трудно, как я ожидал!»

Что ж, за дело! Виктор проглотил шарик анга, вывернул свой камзол наизнанку, тем самым скрыв свою принадлежность к гвардии герцога, спрятал парик за пазуху, и, больше не теряя ни мгновения, принялся освобождать брата от сковывающих его пут. Лезвие ножа без труда справилось с верёвками, стягивающими колодки, с цепью же история оказалось много сложнее. Чтобы добраться до места на поясе, где крепилась цепь, пришлось повернуть Жана на бок, это причинило тому боль, и Жан застонал.

От этого стона брата броня Виктора вдруг дала трещину, ему даже на какое-то мгновение стало дурно, но он быстро справился с этой своей слабостью, перевёл дыхание, и тут ему на глаза попало ведро с водой. Он зачерпнул её и смочил губы, лицо брата. Тот медленно приходил в себя.

– Пить... – едва слышно простонал Жан.

Но Виктор не решился давать брату пить эту мало ли где и когда налитую воду. К счастью, заботами Ламороу здесь оставался почти полный кувшин вина. Виктор быстро развёл воду вином и поднёс Жану этот напиток. Когда кружка кос-

нулась губ страдальца, тот вдруг открыл глаза и начал пить сам. Глоток, второй... и вот уже Жан, ещё не отдавая себе отчёта в своих действиях, выхватил у Виктора чашку и залпом выпил всё её содержимое. Тотчас, не теряя ни секунды, Виктор сунул ему под нос флакончик с каким-то резко пахнущим зельем и так заставил Жана содрогнуться всем телом. Вот теперь его сознание почти полностью прояснилось.

– Повернись чуток, так... – Виктор, наконец, получил возможность осмотреть цепь, – О, чёрт побери! Как я забыл, что её заварили!!! Ладно, справимся и с этим...

И Виктор бросился придирчиво изучать орудия пыток. Несмотря на их многообразие, ничего похожего на кусачки не нашлось. Тогда пришлось заняться жаровней. Тем временем Жан осмотрелся, заметил разрезанные путы и уже понял, что его приковали к стене. При этом, поворачиваясь, он едва не взвыл от боли в спине. Всё случившееся с ним накануне воскресло в его памяти в один миг. Но что происходит теперь? У жаровни хлопчет человек с лицом...

– Виктор?!!

Виктор замер, прислушался к своим ощущениям, успела ли анга подействовать? Вернулся ли к нему его истинный облик? Возможно, да. Что ж, он решился, обернулся и печально улыбнулся брату:

– Да, я Виктор... но не тот, кто жил с вами в лесах Шероль всю прошлую неделю.

Жан нахмурился, тряхнул головой, тем заставляя созна-

ние окончательно проясниться:

– Я уже пришёл в себя... Ты хочешь сказать, что Виктор... два?

– О, чёрт! – у Виктора не очень ладилось дело, – Видно это сама судьба даёт нам время, чтобы я всё тебе объяснил... Я Виктор, но видишь ты меня впервые. Человека, которого ты звал моим именем, в адрес которого вы с Марианной слали проклятья, зовут Антуаном. Да, это единственный из нас, выросший в родительском доме.

– Но во дворце Шероль с бароном был ты, верно?

– Да, я, – Виктор порадовался сметливости Жана, – Когда ночью ты с Геньи увёл девушек, я чуть с ума не сошёл от досады и потому решил вернуться к барону. От барона до герцога оказалось рукой подать. А тот уже пас Антуана, просто поехавшего от ревности. Горько признаться, но нас подменили... Так! Есть дело! – металлический прут стал быстро раскаляться.

– Антуан?! Антуан де Валеньи?! – Жан с трудом принимал услышанное, – Но мы с Анри в Грандоне ему жизнь спасли...

В ответ Виктор удивлённо повёл бровью, но тут же сообщил:

– Да, кажется, Генрих Рай что-то говорил об этом. Представь, и Антуан знал о вашем с Анри участии в той дуэли, он слышал ваш разговор, вот только задержать не смог, потому что был ранен в спину...

– Постой! Генрих Рай?! Учитель?! Он тоже здесь?! – Жан

неосторожно рванулся, и это снова обожгло его жуткой болью.

– Тише, береги силы!!! Они нам сейчас ой как понадобятся.

– Ответь, учитель здесь?!

– Был. Он уехал в Фонтэнж за графом, нашим с тобой отцом, но...

– Что «но»?

– Готово! Держи цепь. Здесь... Верно. Сейчас, сейчас... Минуточку... Готово!

И Виктор с облегчением поставил прут к стене.

– Как она, свобода?

– Свобода ли? – и Жан усмехнулся, окинув комнату брезгливым взглядом, – Ты сумасшедший, явиться сюда!

– А как ещё было до тебя добраться? – в тон ему поинтересовался Виктор.

Что ж, Жан согласно кивнул и тут же вскинулся:

– Антуан выдавал себя за тебя... – ему припомнился весь разговор с Марианной, то, от чего он так старательно отмахивался, – Говоришь, Антуана ранили в Грандоне? В спину? Теперь ясно, откуда эта его рана... А ты Анну помнишь?

– Ещё бы! – усмехнулся Виктор и показал повыше запястья едва затянувшиеся рубцы от укусов. Да и сами его руки сильно отличались от рук Антуана, кожа грубая, мозолистая, кисти обрамляли глубокие шрамы, словно браслеты. Жан кивнул. Всё сходилось.

– А Марианна! Герцог...

–... ей уже не страшен, – теперь Виктор присел рядом с Жаном, – У нас мало времени. Так что в двух словах. Её выкрал Эжен, это четвёртый из нас. Да, да, мы все здесь! Запоминай! Заборная шесть. Это недалеко отсюда. Если смотреть от главного крыльца дома Рельгро, в котором мы сейчас находимся, сначала три квартала по улице направо, потом по диагонали через маленькую площадь-перекресток, ещё квартал прямо, потом один направо и два налево. Дом с вывеской «Бефо». В нём на окнах наличники с изображением птиц. Найдёшь?

– Да, думаю, найду...

– Там тебя ждёт Марианна. Вот ключ. Может быть, придётся выбирать порознь.

Жан вздохнул с огромным облегчением.

– А у тебя есть второй? – спросил он, пряча ключ.

Виктор показал изогнутые гвозди:

– Я люблю дверь открою. Ты сможешь встать? Идти?

Жан попытался встать, Виктор помог ему. Справившись с сильным головокружением, Жан улыбнулся, кивнул:

– Смогу.

Но Виктору в этом ещё мало верилось, он с сомнением оглядел брата с ног до головы:

– Правда? Впрочем, зачем я спрашиваю? Будто есть выбор. Давай попробуем надеть на тебя рубашку.

Это оказалось непростой задачей, но они справились и с

ней. Жан смахнул со лба холодный пот. Виктор ободряюще коснулся его плеча:

– Наша порода! Похоже, проблем будем меньше, чем я ожидал. Да, если я вдруг представлюсь Эженом, сильно не удивляйся. Виктора считают мертвым. Это нам с Эженом на руку.

– Ясно. У тебя шпага для меня найдётся?

– Шпага? Нет. Оставь это мне. Я по себе знаю, у тебя сейчас все силы уйдут на то, чтобы переставлять ноги. И это придётся делать очень быстро.

Теперь Виктор занялся тушением огня в жаровне, а Жан пока присел на край стола.

– Ты не договорил про учителя...

– Это ты о Рае?

– Да. Что значит это твоё «но»?

– А-а! Видишь ли, он должен был уже давно вернуться назад. Боюсь, граф де Лаган успел уехать в Испайру, а Рай за ним. Зная Рая, его тревогу за всех нас, я не могу всё это объяснить иначе.

– А где Антуан?

– Антуан? Где-то наверху, наверно разделяет общество барона и герцога... Видишь ли, я так увяз, что мне было не до него.

– Антуан... – Жан закрыл глаза и опустил голову, – Снова я жестоко обманулся... Этот мерзавец недостойн называться человеком! Это же надо было, предать Марианну барону,

выдать Анри... Да и артистам досталось бы... Спасибо Геньи!.. Представляю... появление герцога и барона превратило наш Райский уголок в Адский.

– Скажи, этот ваш Райский уголок точно не мельница? – улыбнулся Виктор.

– Мельница? О чём ты? – не понял Жан.

– Антуан привёл герцога и барона на мельницу, где те и нашли некоторые ваши следы, но далеко пройти по этим следам им не удалось.

– Привёл на мельницу, и сказал, что там мы и провели всё это время?! – изумился Жан.

– Нет, сказал, что дорогу в ваш Райский уголок он показать не может, так как на эту мельницу приехал запертым в фургоне артистов...

– Но это не так! Он ехал на мельницу, как и я, верхом! Надо признать, что у этого гада отличная память и ясная голова. Разок он уже сбежал из Райского уголка... Так что я не удивился бы, если бы он всё-таки смог найти туда дорогу и сам.

Виктор задумчиво кивнул, уже догадываясь, что хочет сказать Жан:

– Значит ли это, что Антуан ещё не законченный негодяй?

– Время покажет... – вздохнул Виктор, – Я плохо понимаю этого человека...

А тем временем стало ясно, что Виктор уже сделал всё, что хотел, и теперь словно затаился напряженном ожидании.

– Когда мы поняли, кто ты, после той ночи... то уже были готовы предположить, что и Эжен где-то рядом... Ты ждёшь какой-то знак от него? – рискнул предположить Жан.

В ответ Виктор бросил на брата удивлённый взгляд:

– Да.

– Вы давно вместе?

– Всю жизнь. Нет на свете людей, ближе, друг для друга, – и Виктор невольно улыбнулся.

Жан ответил ему тем же:

– У нас с Анри такие же отношения. А откуда здесь учитель?

– А как здесь оказались мы с Эженом, Антуан, герцог?.. Это длинная история, Жан.

– Хорошо, отложим.

– Жан, – было видно, что Виктор сломал в себе какой-то барьер, – Анна де Шероль всё время была с вами, верно?.. Как она?

Жан не мог не почувствовать плохо скрываемое волнение брата и пылливо сощурился:

– В тот день, когда вы встретились, она влюбилась в тебя без памяти. Этого не смог сломать даже Антуан. Значит, это... всё же... взаимно?

При таких словах Жана Виктор так покраснел и так посмотрел на брата, что вопросов больше не оставалось. Лучезарная Анна ответила ему взаимностью?! Правда?! От такого открытия у Виктора даже чуть закружилась голова, такое

всепоглощающее счастье вдруг обрушилось на него. Что тут ещё скажешь? И очень тронутый такой откровенностью брата Жан крепко пожал ему руку. Да, конечно, Анну любит и Анри, но тут уж ясно кому решать, выбирать...

А тем временем Виктор уже как-то справился со своей радостью, и уже собрался было ещё что-то спросить, но вдруг осёкся.

Откуда-то издалека донёсся слабый шум. Только Виктор и мог различить это, и понять:

– Это Эжен. Нам пора!

В мгновение ока Виктор открыл дверь, Жан мысленно перекрестился и, преодолевая боль, вслед за братом вышел в коридор. Пока Виктор закрывал дверь, Жан, прислонившись к стене, пытался представить, что же происходит там, наверху. Страшный грохот и душераздирающие свисты разных интонаций рисовали очень яркую картину – где-то над их головами либо разразилось грандиозное сражение, либо необыкновенно шумный карнавал.

– Держись поближе ко мне. Если всё сложится хорошо, минут через пять я выведу тебя из дома, – распорядился Виктор и уже почти бегом бросился вперёд.

Жану не оставалось ничего другого, как стиснуть зубы и поспешить следом. Нет, Виктор не забыл о печальном состоянии брата, но он предпочитал поскорее сориентироваться в обстановке, до приближения Жана. Первая комната, в которую выходил коридор, оказалась совершенно пустой, вторая

тоже.

– Все наверху? – предположил Жан.

– Хочется верить...

Виктор заглянул в третью комнату, как раз в ту, из которой было ответвление в винный погреб. Почти в тот же миг из погреба показалась качающаяся фигура одного из слуг маркиза. Виктор знал этого вечно пьяного хранителя винных закромов:

– Привет, Жак! Я бы на твоём месте не покидал эту обитель. Наверху Бог весть что происходит.

– Э! Парень, я хоть и пьян, но тебя не знаю. Ты кто?!

Тут показался и Жан.

– Второй?! Оу!!! Давно я так не набирался! Надо отдохнуть... – решил Жак и медленно сполз по стене.

Только его голова коснулась пола, как раздался смачный храп. Жан не верил своим глазам, а Виктор весело рассмеялся и уже поманил брата дальше.

Следующей была как раз та комната, в которой гвардейцы ещё несколько минут назад резались в кости. Здесь тоже было пусто. Пара стульев перевернута, кости брошены – всё говорило за то, что люди унеслись отсюда в считанные мгновения. Виктор пространно махнул рукой.

– И ни одной шпаги, ни одного ножа. Парни герцога своё дело знают. Нам надо спешить.

– Конечно, герцог сам их тренирует, – откликнулся Жан.

Виктор окинул его оценивающим взглядом и остался до-

волен:

– Возьми это. Прости, что раньше не дал, – и, всунув в руки брата два своих ножа, Виктор поспешил дальше.

Жан не отставал.

За очередной дверью они натолкнулись на четверых слуг маркиза.

– Сидеть! Не двигаться! – огрызнулся Виктор.

Опешившие лакеи были бесконечно далеки от мысли остановить их – это были мирные люди, вряд ли когда-либо бравшие в руки шпагу.

И вот уже Виктор и Жан вышли из последней комнаты, сразу за которой начиналась лестница наверх, но ступить на неё не успели, так как сверху раздался быстро приближающийся топот ни одной пары ног. Виктор толкнул Жана под лестницу, и почти тотчас внизу появились Ламороу и ещё трое. Все они сразу скрылись за дверью, а близнецы бросились наверх.

Эта небольшая лестница заканчивалась глухим коридором, но не успели они ступить в него, как снизу уже слышались шаги тех четверых.

– Ламороу не дурак, додумался задать тем олухам правильный вопрос. Теперь времени совсем нет, – спокойно заметил Виктор, – Держись, брат!

Близнецы уже были в конце коридора, когда сзади раздалось:

– Стоять!!! – это появился Ламороу.

Жан схватил со стены фонарь, и на какой-то миг пламя осветило лица обоих близнецов.

– Двое!!! Оба здесь!!! – заревел Ламороу и рванул вперёд.

Но Жан швырнул ему под ноги фонарь, разлившееся масло тут же воспламенилось и на какое-то время задержалось брианцев.

– Молодчина! – похвалил Виктор.

Ещё дверь. В двух шагах в стороне коридор раздваивался, и в этом месте он был шире. Виктор рванул вправо и тотчас отпрянул назад. Ему навстречу несло море света, а с ним Фил и ещё бог знает сколько людей. Виктор отметил, что в северной части дома всё ещё было шумно, но столько людей здесь!..

– Герцог понял наш план! – бросил он Жану и нырнул в единственный остававшийся свободным проход.

Жан не отставал. Напряжение ситуации уже заставило его забыть о боли.

А тем временем Ламороу опередил Фила и теперь возглавлял погоню. Дверь. Заперта. Виктор зарычал и кинулся назад. Жан подумал было, что Виктор спятлил, но тот просто решил не возиться с замком. Он с разбегу вышиб дверь, и братья оказались в столовой прислуги, приземистом зале, уставленном длинными дубовыми столами.

– Надо на кухню, что в том конце. Видишь дверь? Давай, вперёд! – приказал Виктор, а сам остановился и, схватив ближайший стол, перевернул его преследователям под ноги.

– Нет, только вместе! – отрезал Жан и бросился на помощь брату.

На карту было поставлено всё. Жан легко зашвырнул в Фила попавший под руку стул. Тот увернулся, но послал в ответ залп проклятий.

– Что ж, вместе, так вместе! Уходим! – и Виктор кинулся к кухне.

Братья легко сдвигали за собой столы, стулья, сильно затрудняя бег преследователей. Но тех было слишком много, и они уже слишком разгорячились, чтобы это могло их остановить.

Влетев на кухню, Виктор схватил Жана за рукав и увлёк в боковую незаметную дверку.

– Пит, налево! Рон и вы двое туда... – было слышно, как распоряжается Ламороу.

– Сюда! – рыкнул Фил.

Он угадал верно, скоро близнецов снова увидели. Здесь опять был глухой коридор. Виктор толкнул Жана вперёд, а сам, захлопнув давно никем не закрывавшуюся дверку, успел чем-то подпереть её, и та не сразу поддалась напору.

– Вперёд! Сюда! – Виктор безошибочно вёл Жана по лабиринтам цоколя дома Рельгро.

Стали появляться окна, но все зарешечённые. У Жана уже начинала кружиться голова, когда вдруг Виктор остановился у одного:

– Эта рама должна поддаться. Помоги!

Прикладывая все, какие были силы, чтобы выдернуть решетку, Жан заметил, что она и правда вся проржавела. Это и помогло им. Решётка жалобно закричала и, простившись со своим местом, заставила братьев отлететь к противоположной стене. Жан зарычал от боли.

– Уходи! – Виктор помог Жану встать и стал подталкивать его к окну.

– А ты?!

– Адрес помнишь? Жди нас с Эженом там. Мы придём. Не волнуйся. Я знаю этот дом как свои пять пальцев!

– А ты уверен, что знаешь, что делаешь?!..

Виктор удивился, как часто такой вопрос ему задавал Эжен.

– Уходи!!!

Что ж, Жан внял мольбе брата.

Только он скрылся в ночи, Виктор вставил решётку на место и бросился по коридору дальше. Счёт шёл на доли секунды. Он сорвался с места как раз, когда в коридоре появились преследователи. Глаза Ламороу сверкали, как у гончей, видящей добычу.

И тут вдруг решётка отказалась играть в предложенную ей игру и со страшным звоном рухнула на пол. Пока Ламороу осознавал, что бы это значило, Виктор, тоже приостановившийся, взмахнул в его сторону рукой и, как бы обращаясь к Жану, воскликнул:

– Это надо же, она наконец вывалилась, чёрт бы её побрал!

Ладно, Жан, у нас ещё есть шанс!

И тотчас Виктор скрылся за поворотом. Это возымело своё действие, и никто из преследователей не задержался у этого места, и тем более не полез в окно.

Виктор летел подобно урагану. Теперь у него была лишь одна мысль, найти укромное местечко и обратиться в Глена, но это никак не удавалось. Ламороу чутко шёл по его следу, а с ним и остальные. Никакая уловка его не брала, а если он и мешкал на очередном повороте, голос подавал Фил. Ещё поворот, ещё... Виктора гнали на верхние этажи дома, и он уже натыкался на людей барона и маркиза. На него устроили настоящую облаву. Уже складывалось впечатление, что удача отвернулась от юноши, но как же не хотелось в это верить!!!

Впереди расстилалась анфилада, в другом конце которой уже забрезжил свет. Виктор не стал дожидаться, что с собой принесёт этот свет, и юркнул в небольшую нишу за ковром. В крошечной тьме он проглотил шарик гру и стал судорожно напяливать парик. Оба потока преследователей сомкнулись как раз напротив убежища Виктора, и юноша перестал дышать.

– Что это значит?! Куда он делся?! – заревел Ламороу, – Обыскать комнаты, ту, ту и ту... Ну? Что!

– Пусто! И здесь пусто!

Откуда-то послышались испуганные женские голоса.

– Нет их здесь!

– И здесь нет! Как сквозь землю провалились!..

– Провалился! Ты что же не заметил, что мы уже битый час гоняемся за одним?! – Виктор снова различил голос Ламороу.

– Или всё-таки двумя? Черт бы побрал их схожесть! – возразил Фил.

– Это один! Второго мы где-то упустили! – свирепо закричал Ламороу, – Один! И этот один где-то здесь! У меня на него нюх. Лучше осмотрите стены, углы...

И Виктор приготовился к худшему.

– А я говорю, что оба здесь! – Фил тоже упрямо повысил голос, – Я пару раз шёл в обход, и больше, чем уверен, что...

– Вон он!!! Близнец!!! Точно!!! – завопил кто-то с сильным испайронским акцентом.

Всё смешалось в один миг, а уже в следующий здесь стало тихо, словно мир надломился, онемел. Виктор поспешил закончить возню с париком и выбрался из укрытия, осталось только вывернуть камзол на лицевую сторону и разобраться с тем, что здесь происходит.

Он был больше, чем уверен, что своим спасением обязан вмешательству Эжена...

Его строптивый брат верно угадал ситуацию и решился нарушить запрет не проникать в дом. Теперь он несся куда глаза глядят, благо преследователи почти не оставляли ему выбора. Они уже были на втором этаже, в районе парадных комнат дома...

Виктор влетел в большую гостиную и с разбегу врезался

в пекло сражения. В пылу драки (Эжен никак не давался) никто и не заметил, как Виктор начал лупить по ногам и давать подножки... В этот момент он был бесконечно далёк от мысли сохранять образ Глена, раз уж дело приняло такой оборот... И кто знает, чем бы это закончилось, если бы на сцене не появился сам герцог. Его громовой голос перекрыл шум сражения.

– Всем стоять!!!

Это мгновенно возымело действие. Бой прекратился, и Эжен оказался в плотном кругу тяжело дышавших гвардейцев герцога и барона. Со стороны парадной двери этот круг расступился и герцог, а с ним и барон вышли вперёд.

Его Светлость принялся рассматривать разгорячённого Эжена. Разорванная рубашка того была изрядно испачкана кровью, но вид у юноши оставался неустрашимый.

– Эжен! – решил герцог, – Наконец-то встретились. Мне надоели твои выходки...

– Очень рад! – рассмеялся юноша, – Но это не конец.

– Для тебя конец!

– Как вы наивны, милорд! Я только начинаю жить, чего нельзя сказать о вас!

– Это мы ещё обсудим. А где Фрэнк?

– Ушёл, – вперёд выступил Карлос.

За общим возбуждением он скрывал ужас, охвативший его, когда он увидел, в какую историю влип Эжен.

– Как ушёл?! – изумился герцог.

– Выпрыгнул в окно, вырубил двоих и исчез, – последовал лаконичный ответ.

– Знай наших!!! – звонко рассмеялся Эжен, – Как вам наша порода, герцог?

– Да я вашу породу... – герцог не договорил.

– Стойте!!! – в зал влетел Антуан.

Появление ещё одного близнеца как-то вдруг смутило всех, и Эжен воспользовался этим. Он и крутанулся на каблуках и со всего маха всадил в грудь неосторожно близко стоявшему Ламороу и шпагу и нож.

Тело брианца ещё не коснулось пола, как Эжен уже воспользовался брешью, образовавшейся в рядах гвардейцев, и так оказался у окна.

– Слышите, господа?! Я не прощаюсь!! – воскликнул дерзкий нахал и ринулся вниз.

Все замерли в замешательстве, никто, ещё совершенно никто не понимал, что происходит, и вот в этой звенящей тишине ужасающе отчётливо прозвучало ржание перепуганного коня, крик кучера, грохот кареты. А уже через миг ночь сотряс оглушительный женский вопль ужаса:

– Нет!!!

Только теперь люди ожили, бросились к окнам. В неверном свете факелов можно было различить бьющуюся в истерике даму, а рядом с ней недвижимое тело Эжена. Даму, которой оказалась Эмилия, пытались оттащить в сторону, но она изо всех сил рвалась к телу любимого.

– Что там?! – крикнул герцог.

– Он свалился прямо на угол кареты, – отозвался кучер.

– Жив?!

– Нет, мёртв!

Карлос судорожно хватанул ртом воздух и сразу же стал искать глазами Виктора. Тот стоял у окна рядом с Антуаном, недвижимый, словно окаменел. Антуан же медленно развернулся к герцогу, и его глаза блеснули адским пламенем.

– Ваша Светлость!.. – глухо произнёс он, казалось, готовый вцепиться в горло герцога.

И тут вдруг Виктор ожил – одно мгновение ока, его рука, словно тень, метнулась к горлу брата, и к тому моменту, когда герцог развернулся к Антуану, тот уже медленно оседал на пол.

– У молодого господина обморок! – мрачно сообщил Глен.

– Что?! Обморок? – изумился Его Светлость, – А впрочем... тем лучше... для него.

– Господа, – подал голос прежде державшийся в сторонке маркиз, – Вы понимаете, что эти события подняли на ноги полгорода?! Боюсь, нам придётся начать объяснения ещё до рассвета. Надо как можно скорее принять ряд мер...

– Да, – перебил его герцог, – Позаботьтесь, чтобы мертвых поскорее предали земле, а раненных расположили где-нибудь подальше от посторонних глаз. Это в ваших силах?

– Думаю... да. Но... этого Эжена, хоронить со всеми вме-

сте?

– Что?! – герцог не сразу понял вопрос, – Хоронить? Ах да... Конечно, только сначала пусть мне принесут его голову.

– Что?! – маркиз решил, что ослышался.

А герцог уже окинул собравшихся в зале энергичным взглядом. Он искал Ламороу, а не найдя возвысил голос:

– Где черти носят Ламороу?!

– Он здесь, господин, – раздался мрачный голос Пита.

Гвардейцы расступились, и Его Светлость наконец увидел распростертого на полу своего первого праиэра и стоявшего над ним как всегда бесстрастного Пита. А на коленях рядом с товарищем замер Рон.

– Что с ним?! – герцог, отказываясь принять уже очевидное, даже подошёл ближе.

– Он... Он... – голос Рона задрожал и... оборвался.

– Он мёртв, – жестко констатировал Пит.

– Но... Как?! – герцог продолжал вглядываться в остеклевший взгляд Ламороу. Очевидность неотвратимого медленно, но верно стала проникать в сознание Его Светлости.

– Вы в самом деле собираетесь оплакивать своего слугу? – вдруг поинтересовался барон, и в его голосе ясно слышался сарказм.

Это стало последней каплей. Герцог взорвался:

– Этот негодяй унёс с собой лучшего моего гвардейца! Он умер не так, как того хотел я!.. Нет, оставшиеся не дождутся от меня такой милости!!! Ни за что!!! Принесите мне его

голову!!! Слышите?! Рон!!! Фил!!!

– Пустые слова! – вдруг жёстко заявил барон, – Вы мелки. До чего же вы свели своё и моё существование! Нет, с меня хватит!

– Что это значит!?! – казалось, только теперь смысл сказанного бароном дошёл до сознания герцога.

Почувствовав признаки новой бури, гвардейцы начали тесниться к своим господам, быстро образовав две ошетилившиеся шпагами стены.

– Я заявляю вам открыто! – гордо вскинулся барон, – Отныне я намерен жить по-своему разумению, и мои планы принадлежат только мне!

– Вы хоть понимаете, что говорите, и с кем говорите?! – зарывал герцог.

– Отлично понимаю... – ничуть не дрогнул барон, но надо признать, что он выглядел скорее уставшим, чем воинственным, – Поймите и вы, Ваша Светлость. Я не ваш вассал. Всем будет лучше, если мы проясним это раз и навсегда. Проясним и разойдёмся.

Это противостояние продлилось ещё несколько секунд, но загадочным образом после слов барона напряжение стало быстро сбавлять накал. Барон всем своим видом дал понять, что просто умывает руки, а герцог вдруг счёл возможным принять это как знак смирения. На том они и порешили. Барон сдержанно поклонился и удалился. Герцог лишь проводил его презрительным взглядом.

– Прогнил... – обронил он сквозь зубы.

– Ваша Светлость?.. – Карлос рискнул встать в позу.

Герцог развернулся к нему и без каких-либо красок в голосе поинтересовался:

– Как, ты говоришь, ушёл Фрэнк?

Карлос выдержал паузу, так поднимая себе цену, и наконец ответил:

– В восточном крыле дома, где-то оттуда... Правда, там все окна зарешечены... Во всяком случае, когда мои люди бежали к северному крылу, чтобы с улицы поймать шумевших, они натолкнулись на него.

– И не остановили?! Он же почти труп! – тут же вспыхнул герцог.

– Я видел это лишь издалека. Может быть, он и шатался на ходу, но это никак ему не помешало уложить тех двоих и продолжить путь.

– Продолжить путь?! Ты хочешь сказать, что позволил ему это сделать?!

И тут Карлос зло сверкнул глазами и позволил-таки себе тоже добавить в голос едва сдерживаемого рычания:

– Мы ловили его пока на это была надежда. Я всё сказал. За остальным обращайтесь к Глену, кажется, он тоже где-то там крутился...

С этими словами Карлос почтительно поклонился и, перейдя на испайронский, начал раздавать своим людям какие-то распоряжения.

Герцог хотел было поставить его на место, но, вспомнив, недавнее поведение барона, предпочёл просто проигнорировать испайронцев. Этой ночью уже случилось достаточно много неприятностей, не хватало ещё и битвы двух гвардий. Пусть численный перевес и на стороне брианцев, но в любом случае это сейчас ни к чему...

– Глен! – вскинулся герцог.

Но Виктор ничего не видел и не слышал. Герцог ещё не успел это заметить, как в разговор вмешался Пит, стоявший с противоположной стороны:

– Ваша Светлость, позвольте?

Герцог немедленно развернулся к нему.

– Что ещё?

– Ваша Светлость, я только хотел заметить, что сейчас может оказаться бесполезным гадать, когда и как Фрэнку удалось от нас улизнуть. Это случилось, Эжен мертв, а Фрэнк без сомнения ещё в городе, и у нас ещё есть шанс выловить его, или даже их с Марианной. Вы же понимаете? Когда они попытаются бежать... Прикажете этим заняться?

Герцог согласно кивнул:

– Вот ты и займись... Глен!

Виктор содрогнулся всем телом, но уже вполне овладел собой.

– Что у тебя есть добавить? – тут же призвал его к ответу герцог.

– Добавить?.. – едва слышно откликнулся называемый

Гленом.

Герцог сощурился, и это словно плетью подстегнуло мысль Виктора. Разум заработал в бешеной скорости, заставляя душу заглотить свою боль:

– Жан, или если хотите Фрэнк, ушёл через одно из окон в чёрном коридоре.

– Они там все с решётками, – заметил герцог, – Или?..

– Решетка одного выпала на наших глазах, – возразил Фил, – Но он не успел туда уйти.

И тут вдруг Виктор нервно рассмеялся.

– Глен! – голос Фила похолодел.

– Именно в него он и ушёл! – истерический смех называемого Гленом оборвался так же резко, как и начался, – И если вы этого не заметили, значит, вас ловко провели, вот и всё.

– Тебя там не было! Откуда ты знаешь? – обозлился и Фил.

– Был я там, но позже вас, может быть, это и не помешало мне выглянуть в окно. В свете факелов я увидел, как он говорил с теми двумя несчастными, но это дело закончилось раньше, чем я подоспел. Что ещё сказать? Меня постигла та же неудача, что и Карлоса. Этот парень хорошо знает город.

Герцог обернулся к Филу. Тот понял вопрос и не скрыл вздох сожаления:

– Похоже, Глен прав, мы миновали тот пролёт, не подозревая подвоха, потому что казалось, что Эжен говорит с Фрэнком, но сейчас я припоминаю, что мы больше не видели их

вместе. Пару раз мне казалось... Но нет. Вот и Ламороу был уверен, что мы одного упустили... Эжен знал дом лучше нас, и... Я уже склонен думать, что он дружен с нечистой силой.

– А вот это оставь это при себе! – отрезал герцог.

И тут в зал влетел слуга маркиза:

– Там... Там пришёл начальник городской жандармерии.

Требуется объяснений! Что ему ответить?

В ответ маркиз сокрушённо всплеснул руками:

– А вот с этим я сам не справлюсь! Ваша Светлость, вы просто должны пойти со мной!

– Должен?! В самом деле?! – и герцог величественно повёл бровью.

– Но... но долг платежом красен! Я оказал вам гостеприимство и посильную помощь! Так что вы у меня в долгу! – проявляя чудеса храбрости, всё-таки осмелился возразить маркиз.

Его Светлость недовольно фыркнул, чем заставил горемычного хозяина дома содрогнуться, но вдруг уступил:

– Фил, ты остаёшься здесь за главного. Мой приказ ты слышал. Я хочу видеть у себя голову этого мерзавца Ровиньоля! Что сделают с его телом мне плевать... И не давай Карлосу бузить! Пит, и Рон, вы отвечаете за организацию отлова Фрэнка! Пусть наши люди будут на всех городских воротах, у каждой дыры в заборе... Глен, отнесёшь Антуана в его комнату, запрёшь его там. Не хочу, чтобы он мешался под ногами. А потом явишься ко мне за дальнейшими указа-

заниями. Вопросы есть?!

Вопросом не было. С тем герцог, наконец, и соизволил внять нетерпеливым жестам маркиза и отправился вместе с ним вниз, встретиться с представителем городской власти. Рон и Пит взяли с собой каждый по десятку гвардейцев и тоже ушли.

А Глен всё ещё стоял у тела бесчувственного Антуана, он был необычно для себя медлителен. Фил заметил это и, отдав ряд распоряжений, подошёл к нему:

– Эй, приятель?

Виктор вздрогнул и поднял на Фила тяжёлый взгляд.

– Ты в себе? Что с тобой случилось?

– Я в порядке... – глухо откликнулся называемый Гленом.

– Тебя словно... пристукнуло, – заметил вслух Фил.

– Да... А тебе приходилось видеть такое прежде?

– Что именно?... Вот уж не думал, что ты такой впечатлительный. Лучше займись этим выродком, – и Фил кивнул в сторону Антуана – И поспеши осознать, что Ламороу мёртв.

Виктор подарил Филу долгий тяжёлый взгляд, такой тяжёлый, что брианец почувствовал, как по его спине забегали мурашки.

– Ты пугаешь меня, Глен!.. – Фил выдохнул эти слова едва слышно.

– Просто я начинаю... осознавать... Фил... – и Виктор понизил голос до шепота, – Этот приказ герцога... Насчёт головы Ровиньоля... Вы в самом деле собираетесь... обезгла-

вить его?!

И Фил тут же скорчил кислую мину:

– Ты слышал приказ. Тебе-то какое дело?

– Это как-то... не по-людски... – выдохнул Виктор.

– Но это очень в духе герцога. И хватит об этом. Лучше займись этим, – и Фил снова указал на Антуана, – Тебе помочь его поднять?

Виктор вяло кивнул. Они вместе подняли Антуана, Виктор поднырнул под его руку, так взвалил его себе на спину и... понёс прочь. Пока тот не скрылся, Фил не мог оторвать взгляд от его спины.

– Что с тобой?

Фил резко развернулся на голос Карлоса.

– Глен. Я только что познакомился с новым человеком.

– Что ты хочешь сказать? – Карлос пытливо сощурился.

– Он когда-нибудь кого-нибудь убивал? Впечатление, что он видит смерть впервые.

– Нет, не впервые, – Карлос чуток помешкал и всё же решился, – В его жизни хватает смертей, но одна особенно ранила его душу. Однажды на его глазах погиб его лучший друг, почти брат, причем хоть его прямой вины в этом не было, он всё равно считает себя виновным в этом. Ты меня понимаешь? С тех пор он зарёкся убивать, чего бы это ему не стоило... Ну а это... Сегодняшнее происшествие, видно, напомнило ему тот горький случай. Я рассказал это, чтобы ты правильно его понял.

– Вот как... Тогда ладно... – согласно кивнул Фил и тут же вскинулся, – Карлос, наши господа разбегутся в ближайшем времени. Признайся, ты допускаешь мысль, что можешь больше не увидеть своего племянника?

В ответ Карлос сощурился:

– Все мы смертные. Но если причиной смерти этого парня станет кто-нибудь из вас, а я докопаюсь, уж ты поверь... то этот кто-то позавидует мёртвым. Прими это к сведению. И ещё одно... Доверь дело обезглавливая Ровиньоля мне.

– Что?! Зачем тебе это, старик?

– Просто... у меня опыта больше...

– Да ну?! – невесело усмехнулся Фил, – И что же позволяет тебе судить о моём опыте? Нет уж! Приказ отдан мне, мне и разбираться с этим. А ты иди, присматривай за своим строптивым господином и странным племянником. Думаю, тебе хватит хлопот с ними...

Что ж, Карлос сокрушённо вздохнул, хлопнул Филя по плечу и ушёл, оставив того в некотором замешательстве. Похоже всё случившееся, и ещё должное случиться, всё-таки выбило Филя из колеи.

А старый испайронец не долго решал, куда направиться.

Дверь в комнату Антуана была чуть приоткрыта, и Карлос чётко расслышал звук удара, глухой и потому такой жуткий, особенно здесь, сейчас. Испайронец резко распахнул дверь и тут же увидел Виктора, сидящего на кровати Антуана. Похоже, Виктор только что заехал Антуану по лицу. Тот от это-

го пришёл в себя и сейчас вытирал с губы кровь. А Виктор круто обернулся в сторону Карлоса.

– Закрой дверь!

Конечно же Карлос подчинился и тут же почувствовал, как по его спине побежали мурашки. У него не было сил посмотреть на Виктора, любые слова в этой ситуации были лишними, и потому его взор обратился к Антуану. А тот буквально вжался в спинку кровати. Было видно, что его очень беспокоит общество старого испайронца и особенно Глена.

Виктор снова развернулся к Антуану, и тот в неверном свете свечи увидел, что в синих глазах этого странного гвардейца стоял... слёзы?! Это открытие неожиданно испугало его. А Виктор уже подался ближе и зашипел:

– Всё, что здесь случилось, случилось с твоей подачи, парень! Таким, как ты, лучше бы и не появляться на свет!

Вот тут Карлос искренне испугался. Мало ли чего можно было ожидать от Антуана, а Виктор уже почти раскрыл себя, и испайронец поспешил положить на плечо Виктора свою тяжёлую руку:

– Глен! Тебя ждёт герцог. Оставь его!

Виктор осекся, смахнул с плеча руку Карлоса и снова развернулся к Антуану:

– Что-то мне говорит, что ты ещё не окончательная скотина, но это тебе виднее. Вот только... как ты намерен жить дальше?.. Ведь должен понимать, всё ЭТО станет известно ВСЕМ!

Виктор хотел сказать ещё что-то, но... вдруг передумал, резко сорвался с места и умчался прочь, а Карлос со всех ног бросился догонять его.

Дверь захлопнулась, и Антуан остался один. Эти горькие глаза Глена всё ещё продолжали гореть перед внутренним взором молодого Лагана, словно их выжгли калёным железом. Это видение высасывало жизненные соки, душило, рвало душу в клочья. В них собралось сразу всё, ВСЁ, что случилось в этот ужасный день, и это с такой силой придавило, что Антуан не выдержал. Он рухнул на подушку, и та приняла его слёзы. «О! Эти глаза! Ему-то какое дело?! Зачем!? Почему?! Эти глаза!!..»

А Виктору в эту ночь так и не пришлось проронить ни одной слезы. Эта невысказанная боль объяла его сердце и нашла там своё пристанище на веки вечные. Эта незаживающая рана, неиссякаемый источник мрака...

Глава 43. Помолвка.

«Похоже, побег удался! Погони не видно и не слышно!» – как только Жан позволил себе в это поверить, в нём сразу что-то надломилось. Вместе с радостью подступила и страшной силы слабость, и эта последняя взялась поглотить Жана всего, без остатка.

Он уже не был уверен, что попал на нужную улицу, а найти нужный дом представлялось и вовсе непосильной задачей. От дикой усталости его начало подташнивать, и мир предательски закачался. «Только не упасть! Только бы не упасть!» – начал он повторять про себя словно молитву, но очень скоро под напором оглушительной слабости смысл этих простых слов стал истончаться, таять.

Шаг, ещё один шаг, и вдруг Жана сильно повело в сторону, он чуть не врезался в стену дома, и от падения его уберегла лишь оконная рама, за которую он успел ухватиться в последний момент, ухватился и едва не повис на ней. «Что? Вот и конец?!» – тут же любопытствовало угасающее сознание. Поймав себя на этой мысли, юноша возмущённо вскинулся и вдруг взмолился уже вслух:

– Марианна! Дорогая!..

И, словно в ответ на этот его зов, где-то справа открылась дверь. «Дверь?! Я здесь не один?!» – это открытие придало юноше сил выпрямиться. И вот уже из мрака проступил

женский силуэт... «Марианна?!» – он скорее почувствовал это, чем разглядел, и не ошибся. Она схватила его за руку и затянула внутрь дома. «Марианна?!.. Похоже, я на пороге рая!» – мелькнуло в сознании юноши.

Темень внутри дома показалась странно мягкой, ласковой. Пока Марианна закрывала дверь, Жан стоял, держась за стену, и тщетно старался различить дорогие черты, а ещё прислушивался к запахам этого места. Сейчас, пожалуй, только они и были готовы описывать мир, и именно они подарили юноше главное – уверенность, что рядом именно Марианна, аромат её волос он ни с чем на свете не спутает.

Закончив со своими хлопотами, девушка развернулась к любимому, протянула к нему руку, и Жан почувствовал, как первый порыв увлечь его дальше в дом неожиданно рухнул под напором яростного желания обнять. Руки девушки обвились вокруг шеи возлюбленного, и его обожгло её горячее дыхание...

– Всё хорошо! Ты дома...

Счастье... Какое же опьяняющее счастье обрушилось на смертельно уставшего Жана! Из его груди вырвался глубокий вздох, и вот он уже зарылся в волосах любимой, и так сладко ему стало, так спокойно... Время остановилось, всё потеряло значение...

Но, если душа юноши уже нашла приют, но тело ещё отчаянно нуждалось если не в спасении, то отдыхе, это уж точно. Почувствовав, что Жан едва-едва держится на ногах, Мари-

анна всполошилась, отпрянула, заглянула в его лицо и.. наконец, поняла.

– Тебе надо лечь! Держись! Ещё только пара шагов! – девушка поднырнула под его руку и потянула дальше, в комнату.

Тусклый свет свечи показался таким ослепительным, что Жан невольно зажмурился.

– Ещё немного... – Марианна тревожно заглядывала в его глаза, и сердечко её уже разрывалось от сострадания.

Но Жан всё-таки честно постарался приободриться, скрыть муки непосильной усталости, и поинтересовался:

– Это дом Виктора и Эжена...

– Да... Конечно!

– Виктор сказал ждать их...

– Что-то сорвалось?..

– Я не знаю...

– Ладно. Будем ждать! А пока прошу тебя, ложись! Я не могу на тебя смотреть... – Марианна, наконец, подвела Жана к кровати. Осознав это, он буквально рухнул на покрывало ничком, и мир перевернулся...

* * *

То ли луч солнца упал ему на лицо, то ли его потревожил какой-то звук, Жан резко открыл глаза, и сон как рукой сняло. Что ж, значит пора, и юноша приподнялся на локте, на что кровать ответила жалобным скрипом, а спина гневной болью.

– Жан! – тут же окликнула его Марианна.

Она притаилась у окна и, чуть приоткрыв занавеску, что-то рассматривала на улице. Но сейчас девушка прервала своё занятие, её взгляд был обращён к любимому:

– Как ты? Можешь подойти?

Жан с готовностью кивнул, извернулся на кровати и ни без труда встал.

– Что там? – юноша подошёл к возлюбленной и обнял её за талию.

Девушка благодарно коснулась головой его плеча, но забыть о том, что так заинтересовало её прежде, она не смогла, и сейчас приоткрыла занавеску чуть шире:

– Взгляни!

Жан обратил взгляд к улице и, к своему великому удивлению, увидел, что посередине проезжей части стоят... Ан-на! и...

– Я думаю, это Антуан, – уверенно заявила Марианна, – Знать бы, как они здесь оказались, и о чём говорят.

«Да, это Антуан!» – согласился с ней Жан.

И в этом они не ошиблись.

* * *

На утро после бессонной ночи Антуан, наконец, понял, что не в силах больше находиться один в этой осточертевшей ему комнате, и оставил её, отправившись на поиски приключений в тайной надежде выяснить, не поймали ли ещё Жана и Марианну, а если нет, то что для этого предпринимают его

странные друзья. Но никто, даже герцог с бароном, не был настроен с ним разговаривать. Завтракал каждый у себя, да и после завтрака, эти двое не проявили ни малейшего желания видеть ни друг друга, ни его, Антуана. А между тем юноша заметил, что почти все люди герцога и барона куда-то отправлены из дома Рельгро. Что ж, Антуан тоже решил прогуляться.

Он снова и снова прокручивал в голове подробности произошедшего за последние сутки, но его рассудок, отравленный ядом бессонницы и горечью пережитого, уже вёл диалог с кем-то чёрного цвета.

Два вопроса попеременно то и дело раскалённой адской вывеской загорались перед его внутренним взором – «Знают ли Жан и Марианна, что их предал именно он, Антуан де Валеньи?!» и «Кого же винить во всем произошедшем?!» Знают ли? Это возможно. Обоих спас Эжен, и он вполне мог успеть сказать им правду. Кого винить? Но нет! «Чёрт!!! Я-то здесь вообще при чём?!!» – уже в который раз взвился Антуан, – «Во всем повинен случай! Это случай свёл меня с герцогом и тогда в Рунде, и вчера, в лесу! И видит Бог, я не сознательно привёл герцога к этим голубкам! Я не выбирал дорогу! Но, похоже, теперь за всё это придётся расплачиваться именно мне! А почему собственно?! Если бы они не отрезали мне возможность вернуться в Райский уголок, ничего этого не случилось бы! Я бы во всём признался... Но они отняли у меня этот шанс! Анна отняла у меня этот шанс!

Будь она проклята!»

– Эй!

Антуан вдруг услышал до боли знакомый голос. Это и правда была Анна! Ослепительно прекрасная она стояла в ярком солнечном свете и счастливо ему улыбалась. Было видно, ещё мгновение, и она сорвётся к нему на встречу. Антуан обмер: «Она здесь?!» Неприятно удивлённая такой его холодной реакцией, Анна чуть поубавила радость, но всё же сочла возможным самой к нему подойти.

– Виктор! Я так рада! А мы-то думаем, куда вы все подевались?.. Значит, ты здесь, в Рунде! Даже нашёл, во что переодеться... Теперь ты выглядишь, как дворянин! Впрочем, о чём это я... Ведь ты и есть дворянин, граф... А где Марианна и Жан? – и Анна осмотрелась в надежде увидеть и их.

Но нет, Антуан здесь был один, и лучезарный взгляд прекрасной блондинки снова обратился к нему:

– Так что же случилось? Почему вы здесь, а не вернулись в Райский уголок? Дорогу не нашли? Хотя, это вряд ли... Жан уже хорошо ориентируется в нашем лесу. Так, где же они? Прошу, ответь!

Антуан болезненно сморщился и с трудом выдавил:

– Наши пути разошлись. Возможно, эти двое уже на пути в ваш этот уголок... Отныне мы каждый сам по себе.

– Виктор, ты... нас бросил? Почему?! – Анна решилась-таки задать этот такой сложный для неё вопрос.

– Почему?! – Антуан сощурился ещё сильнее, ещё злее, –

А что мне делать в вашем Адском уголке? Доказывать, что я, это я, и я не повинен в том, что... ты мне глубоко безразлична?! Прости Анна, но это ты отрезала мне путь назад!

– Я?! Я.. не понимаю, о чём ты?.. – ошеломлённая Анна побледнела.

– Кого ты во мне рассмотрела? – синие глаза Антуана вдруг распахнулись и запылали леденящим душу огнём, – Сначала героя, потом проходимца?! Не делай вид, что не понимаешь. Я знаю, что ты наговорила Анри, а значит и Марианне, а значит и Жану...

– Но... О Боже!.. – ужаснулась Анна и отвернулась, будучи больше не в силах выдерживать этот взгляд, но Антуан уже потерял голову. Он резко схватил её за плечи и так заставил снова поднять глаза:

– Ты красива, очень красива, но для меня не более, тебе ясно?! А теперь я тебя просто ненавижу. Это тебе понятно? Это ты разрушила моё счастье! – Антуан шипел ей прямо в лицо.

– Я?!

– Признавайся, это ты заставила Марианну сделать тот идиотский выбор?! Собственно, о каком выборе шла речь? Мы с Жаном близнецы! «Давай, Марианна, тебе Жан, а мне Виктор»... Так это было?! Но этого тебе оказалось мало, ты добилась того, что Марианна уже и видеть меня не может. Ты что же, думаешь, после всего этого я могу относиться к тебе иначе?!

Но нет, Анна не была готова принять это, и её глаза исполнились оскорблённого гнева. Никто никогда не позволял себе разговаривать с ней в таком тоне! Она ничем, совершенно ничем не заслужила это! Девушка рванулась из его объятий, но уже в следующий миг Антуан снова схватил её и против её воли увлёк на тротуар, прямо под чуть приоткрытое окно Жана и Марианны. С этого момента последние смогли слышать этот разговор. А по проезжей части пронеслась карета.

Анна наконец высвободилась из тисков Антуана и неожиданно рассмеялась:

– Эта карета могла бы в один миг разрешить все наши проблемы, но вы, сударь, спасли мне жизнь, так это надо понимать?! После того, что вы мне сейчас наговорили, это приятная и, простите, непонятная неожиданность. Я уже чего угодно могла от вас ожидать, но никак ни этого! Bravo! Я ваша должница! Кому рассказать о вашем геройском поступке? Ах да, милашке Марианне, верно? Обязательно! Я во всех красках опишу ей ваш подвиг и не пожалею сил, чтобы убедить её, что вы, сударь, именно вы являетесь лучшим из Лаганов, совсем не чета этому простачку Жану. Я верно поняла ваше желание?!

– Да... было бы забавно, если бы вы это сделали, – сощурился удивлённый такой её переменной Антуан.

Он тоже перешел на «вы», и сейчас изо всех сил старался понять, что случилось с его собеседницей. Откуда вдруг такая спесь? Такая ядовитая высокомерность, учтивая злость.

И это всё Анна? Анна де Шероль?! Стоило задать вопрос, и вот уже показалась ухмылка ответа. Медленно, но верно, до сознания юноши начал доходить смысл произнесённых им только что обвинений в адрес Анны. Он ли это вообще говорил?!!

– Кто знает, представится случай и сделаю! Работа не пыльная, так? – гордо вскинулась Анна, – Я рада, что мы теперь ясно представляем цену друг друга! И я очень рада, что мне больше не придётся разыгрывать из себя влюблённую в вас дуру.

– Да уж, этому-то конец. Это точно, – Антуан криво усмехнулся.

– Какая встреча, господа! – радостный голос маркиза де Рельгро заставил обоих обернуться.

Волею случая оказалось, что это именно его карета едва не сшибла их несколько минут назад. Карета остановилась чуть поодаль, а маркиз, поборов охвативший было его приступ ревности, всё же решил лично засвидетельствовать им своё почтение. Увидев его, Анна просияла пуще прежнего и радостно протянула ему руку:

– Маркиз, какая встреча! А я только что собиралась сообщить этому господину о нашей с вами помолвке.

– Помолвке?! – в один голос воскликнули маркиз и Антуан.

– Да, именно, – и Анна приняла позу победительницы, – Маркиз, разве вы не просили моей руки? Вот она. А вы, су-

дарь, будьте свидетелем этого.

Брови Антуана изумлённо поползли вверх. И кто бы знал, как бешено в этот момент колотилось сердечко Анны! Неужели он ничем не возразит?! Неужели это никак не задело его?!

– Что ж, господа, мои поздравления! Мир вам да любовь! – неожиданно спокойно возвестил Антуан, – Как я понимаю, увидимся чуть позже? Я обязательно буду присутствовать на вашей свадьбе.

– Ха! Если мы вас пригласим. Не так ли, Ваше Сиятельство?! – и Анна лучезарно улыбнулась маркизу.

«Э! Да я, оказывается, совсем не знал эту девушку!...» – усмехнулся одна часть Антуана, скалясь прямо в лицо другой, такой растерянной, опустошённой.

– О, Анна!!! – маркиз с трудом обрёл дар речи, – Здесь произошло чудо!!! Свидетеля этого чуда, я всегда буду рад видеть в своём доме! До встречи сударь! Сударыня, прошу вас...

Анна величественно повела головой и позволила маркизу увлечь себя в его карету. Что ж, Антуан проводил её остановившимся взглядом. Карета тронулась, и только после этого Антуан круто развернулся на каблуках и поспешил удалиться... в противоположную сторону.

– И что это было?! – Марианна вопросительно посмотрела на Жана, – Дорогой, только не молчи!..

– Ты же видела и слышала всё то же, что и я! Чего же ты

от меня ждёшь? – взмолился Жан.

– Ты умеешь очистить любого человека! Скажи, что я ошибаюсь! – и Марианна болезненно заломила руки.

Но... Жан подарил любимой тоскливый взгляд и отошёл от окна.

– Жан!!! – возмутилась девушка.

Юноша присел к столу.

– Не пугай меня! Я не могу думать об Анне плохо, Жан! – Марианна присела напротив и требовательно прикоснулась к его руке.

– Лучше скажи, что не хочешь, – вздохнул в ответ юноша.

– Ты намекаешь на Антуана? Но это совсем другое дело!

– Разве? Я о нём тоже не хотел думать плохо...

– Жан! Прошу, нет, умоляю, не надо...

Их глаза встретились, и стало ясно, если быть честными, то им нечем приободрить друг друга.

– Возможно, я очень обжегся на Антуане, – горестно вздохнул Жан, – Во всяком случае, какое-то время я воздержусь от доверия своим чувствам.

В ответ Марианна сокрушённо повела головой:

– Да, теперь мы точно знаем, кто такой Антуан. Похоже, и Анна знает. Значит они вместе?.. Нет, я не хочу!!! Я не могу это принять!!!

– Они вели свою игру... И появление здесь Анны вряд ли служит хорошим знаком. Если Антуан не выдан Анри, то это могла теперь сделать она, – Жан всё-таки озвучил ход своих

горьких мыслей.

– Ты сам-то веришь в то, что говоришь?! – Марианна резко встала, словно слова юноши ошпарили её, – Это Антуан не выдал Анри?! Да просто Геньи в очередной раз спас его! А Анна...

– Что ты знаешь о том, что там произошло? – перебил её Жан.

– А ты?

– Если я правильно понял, ты тоже была без сознания. А тем временем Антуан отвёл их на мельницу... Ты поняла? Не более. Он не повёл их в Райский уголок, хотя мог бы... Мог бы попытаться...

– Ты уверен?!

– Да. Виктор сказал. И если хочешь фактов, то относительно Анны стоит вспомнить, как она привела за собой в охотничий домик ищеек барона.

– Знаешь, что я посоветую тебе сделать с этими фактами!?! – снова взвилась Марианна, – Чем тебя там стукнули?! Это надо же такое сказать!!! Как у тебя язык повернулся?! Анна тогда сама стала жертвой! Или ты забыл?!

– Тш-ш-ш, – Жан тоже встал, поймал Марианну и насильно прижал к груди. Она сначала отбивалась, но скоро смолкла, – Милая, можешь ударить меня и будешь права. Мне и самому ой как противны такие мысли.

Марианна расслышала эти слова Жана, поверила, и смахнула со ресниц слёзы:

– Надо поговорить с Анной.

– Да... но... похоже, поговорим мы с ней очень нескоро, – вздохнул в ответ юноша, – Ты же видела, её увез маркиз, и она села в его карету доброй волей... А нам с тобой, как можно скорее надо убираться из Рунда, из Райского уголка. Как можно скорее и как можно дальше...

– Да, пожалуй... – вынужденно согласилась Марианна и тут же испуганно вскинулась, – Но, Жан, Виктор и Эжен до сих пор не пришли!!!

Взгляд Жана остановился:

– Ты хочешь сказать, что они даже не появлялись?!

– Нет же!!!

– А сколько сейчас времени?

– Скоро полдень.

– Я спал так долго!? Подожди, полдень, а их до сих пор нет?! Это уже не шутки! Где же им быть?! – Жан невольно запустил руки в волосы. Сказать, что это открытие очень сильно встревожило его, это ничего не сказать.

Марианне тоже стало страшно. Она даже осмотрелась, следуя неосознанной надежде увидеть братьев Жана. Но нет, их нет, и её руки сами собой сложились в крепкий замок на груди.

– Но, Жан, может быть, они были вынуждены спрятаться в доме Рельгро? У Эжена роман с маркизой де Рельгро, а Виктор служит герцогу, – Марианна честно постаралась найти менее драматичный ответ, чем тот, что уже напрашивался

сам собой.

– Что?! Виктор служит герцогу?! Как это?! – Жан отказался поверить своим ушам.

Марианна грустно улыбнулась:

– Они с Эженом мастера менять внешность. Есть один способ, – и девушка кратко описала принцип действия груанга, так, как узнала это от Эжена.

– Виктор служит герцогу... – ошеломлённый Жан с трудом перевёл дыхание, но сам уже начал прокручивать в уме лица гвардейцев герцога, и очень скоро перед его мысленным взором возникло лицо Глена. Глен!

– Жан? О чём ты так задумался? – Марианна даже тронула его за руку, так как мало верила, что сможет достучаться только словом.

– Я знаю, кто он сейчас, как выглядит... – Жан перевёл на возлюбленную ошеломлённый взгляд.

Марианна недоверчиво склонила голову, но Жан не сомневался в своей правоте:

– Он либо сумасшедший, либо... даже не знаю...

– Он твой брат, – мягко напомнила Марианна, – Но почему ты уверен, что не ошибаешься? Эжен говорит, что под действием груанга человек становится совершенно неузнаваем.

– Я хорошо знаю гвардию герцога. Этот новенький. И у меня была возможность его рассмотреть. Что-то от настоящей внешности при этом всё-таки остаётся, – Жан вспомнил,

как герцог подверг своего нового слугу сличительной проверке, а затем... затем заставил Виктора взять в руки плеть, – Ох, как это всё мне не нравится!

– Жан!.. – Марианна с горечью прижала руки к груди, – Эжен тоже очень этого боялся. Ты думаешь, что герцог мог...

– Нет! Хватит! Давай остановимся! – и Жан твёрдо положил на стол руку, – Виктор велел ждать, и сейчас... пока, у нас нет другого выхода. Давай же запасёмся терпением. Если до ночи так никто и не появится, я схожу и постараюсь сам что-нибудь узнать. Может быть, раньше... А пока, лучше расскажи меня что-нибудь. Похоже, у тебя была возможность поговорить с Эженом. Виктор обмолвился о Рае...

– Да, верно, – Марианна смирилась, – Была такая возможность. Сначала, когда он только привёл меня сюда. Потом, перед тем как уйти в ночь выручать тебя... Эжен многое мне рассказал, и я расскажу это тебе. Этот твой брат просто чудо! Уверена, подружиться с ним и Виктором тебе не составит труда.

– Похоже... Вот тогда и начни с того, как он тебя выкрал, – и Жан всем своим видом дал понять, что готов внимательно слушать, но не тут-то было. Марианна снова взяла его за руку:

– Конечно же, я расскажу, но прежде, давай я осмотрю твою спину, попробую обработать твои раны... От тебя так пахнет кровью. Я должна омыть...

– Нет, не стоит, – и Жан смущённо отстранился, – Я чувствую, там всё в порядке. Вот доберёмся до Маргарет...

– Не глупи! Я уже всё приготовила, только не хотелось тебя будить. Теперь это не помеха. Так что снимай рубашку.

– Это зрелище не для слабонервных, – не уступил Жан.

– Это я-то слабонервная?! – возмутилась Марианна, – Сейчас я сама тебя раздену! Но это может быть больно. Так что?..

* * *

– Глен!

Виктор вздрогнул и только теперь заметил стоявшую рядом Маги. Она представилась ему давно знакомым миражом, таким нечётким, нереальным. Потребовалось время, чтобы Виктор понял, что в его глазах стоят слёзы.

– Глен!!! – Маги приблизилась совсем близко и перешла на едва различимый шепот, – Почему ты не уйдёшь?

– Я не могу... – выдохнул он в ответ.

– Что за глупости?! Дорогой, ты должен быть с ними. Там тебе станет легче.

– Не думаю, – Виктор с трудом сдержал поднявшийся в горле ком слёз, – Летай, голубка, я с этим справлюсь сам.

– Уходи! Тебе здесь больше нечего делать, а им может понадобиться твоя помощь. Вспомни, Жан же не вполне здоров...

– Вполне. Он сильный человек, – отрезал Виктор и отвёл взгляд в сторону.

– Ты что же, совсем не собираешься к ним присоединиться? – глаза Маги изумлённо распахнулись.

– Почему же? Когда-нибудь... Успокойся, прошу тебя! Я сказал ему ждать. И, думаю, он меня послушается. Когда...

И тут вдруг Виктор осёкся на полуслове. Из окна, в проёме которого он с Маги сейчас прятался, было видно, как к крыльцу дома подъехала карета с гербом Рельгро и из неё вышли маркиз и... Анна де Шероль! Она оперлась на руку маркиза, и оба в приподнятом настроении вошли в дом.

Что ж, приехали, и приехали. Это ведь дом маркиза. Маги равнодушно пожала плечами и только теперь заметила, как сильно Виктор сменился с лица.

– О Боже! – вырвалось из его груди и, совершенно забыв о существовании Маги, Виктор сорвался с места.

В тот же миг юную служанку обожгла страшная догадка: «Он любит эту женщину! Вот в чём моя беда!!! Да... Да, об этом заикнулся Эжен! Почему я тогда не придала этому значения?!» И она с досадой ударила кулачком в стену: «Анна де Шероль! Конечно же, о чём тут говорить! Помнится, ещё недавно я сама восхищалась её красотой... Кто бы мне тогда сказал, что теперь я... Ох, горе мне горе!!!» Маги с горькой досадой топнула каблучком и, смахнув слезинку, бросилась вслед за любимым.

Когда Виктор добрался до гостиной, там уже никого не было, только двое слуг выметали ковры. Он замер в растерянности. «Куда же маркиз повёл её?!»

– Что ты потерял? – вдруг раздался позади него голос Фи-
ла.

Виктор резко развернулся, и тотчас же его взгляд встретился с пытливым взглядом брианца.

– Кто приехал с маркизом? Ты знаешь?

Брови Филадельфия чуть приподнялись.

– Конечно, знаю. Это Анна графиня де Шероль. Ты прежде её не видел?

Виктор отрицательно качнул головой. Его душу охватило страшной силы беспокойство.

– Что-то не так? – Фил сделал по направлению к товарищу ещё шаг, и теперь они оказались лицом к лицу.

– Куда он её повёл? – Виктор жёстко потребовал ответа.

– А тебе какое дело? – не поддался на такой тон Фил.

– Ты не ответил на мой вопрос.

Так они и замерли, друг напротив друга. Это напряжённое молчание продлилось с минуту, когда вдруг Фил уступил:

– Хорошо, будь по-твоему... Маркиз велел спешно собирать свои вещи, оставил графиню где-то на своей половине, а сам отправился к герцогу. Я ответил на твой вопрос, теперь твоя очередь. Почему это тебя так интересует? Только не говори, что ты думаешь об этой даме только как о подружке наших беглецов.

Виктор неожиданно рассмеялся, но это был плохой, нервный смех. Он оборвался также внезапно, как и начался. И вот уже к Филадельфию обратились холодные, как лёд, синие глаза

близнецов:

– Можешь не верить, но я влюбился в неё с первого взгляда. И хоть вряд ли ей суждено быть моей, я в порошок сотру любого, кто причинит ей вред, – вдруг выдал Виктор.

– Оу!!! – от удивления Фил даже присвистнул, – Звучит убедительно. Не хотел бы я, чтобы это услышала Маги.

– А герцог?

– А что герцог? Или ты собрался и ему перерезать глотку, прикоснись он к твоей зазнобе?

Казалось, Виктор уже собирался ответить, когда вдруг резко развернулся к выходу из зала. Через миг Фил понял, в чём дело. В проёме дверей появился Антуан.

– Что вам угодно, сударь? – с открытым вызовом в голосе поинтересовался Виктор.

– Я знаю, что маркиз привёз сюда Анну де Шероль. А собирается ли он представлять её герцогу? – хмуро поинтересовался Антуан.

– Вы много знаете, и ещё больше желаете знать. Мои поздравления, вы становитесь отменным шпионом, – раздражённо выдал Виктор.

Антуан заметно побледнел, но, проигнорировав вопрос Виктора, он решил попытать удачи с Филом:

– Я хочу знать, где сейчас Анна де Шероль. И знает ли герцог о её здесь присутствии? Ответь!

– Похоже, вы, сударь, не в курсе, что праиэры выполняюют приказы только своего господина, – усмехнулся в ответ

и Фил, – Так что нас вы можете только просить. Учтите это на будущее. Но, раз уж вы заделались другом Его Светлости, отвечу. Я лично проводил маркиза к моему господину. Так что, думаю, да, Его Светлость знает, что графиня де Шероль оказала этому дому честь своим присутствием.

В голосе Фила так открыто звучала издёвка, что Антуан не выдержал:

– Вы, двое! Вы всего лишь праиэры! Не зарывайтесь! У вас нет права так говорить с представителем голубой крови!

– О как? Аристократ?! – криво усмехнулся называемый Гленом, – Не титул делает человека человеком! Хотите начистоту? Вы даже праиэром не достойны быть! – и выдав такое, Виктор решительно направился в сторону покоев герцога.

Фил не сдержал изумлённую улыбку, смерил ошеломлённого Антуана презрительным взглядом и бросился догонять товарища.

Такое наглое поведение праиэров герцога просто лишило Антуана дара речи. Никто и никогда не позволял себе говорить с ним так уничижительно! Но эти люди... И самое горькое, что какая-то, не самая маленькая часть существа Антуана восприняла это происшествие с огромным удовлетворением, словно она жаждала этого унижения, а лучше ещё большего... Поймать себя на этом открытии было неприятно, горько. Только через минуту Антуан оказался в состоянии сообразить, что остался здесь совсем один. А что он вообще собирался сделать? Найти маркиза и Анну? Зачем?

Ну... Так и не найдя ответ на этот вопрос, Антуан всё-таки двинулся в сторону покоев герцога.

Когда он проходил мимо высокого торшера, у Маги едва-едва хватило сил подавить всхлип и так остаться всё же незамеченной. Девушка зажала рот обеими руками и крепко-крепко стиснула зубы. Она чувствовала, что душа её просто рвётся на куски, мир рушится, и всё, буквально всё покрывает мрак. Мрак... «Интересно, Фил понял, что Виктор сказал правду?» – сквозь горестный плач прорвался-таки внутренний голос Маги: «Из-за этой Анны Виктор сходит с ума! Уже сошёл! Что он говорит?! Что делает?! О Боже! Господи! Спаси и сохрани его!!!» Но, несмотря на жуткую душевную боль, разум Маги не утратил ясность. Она знала, что ещё не всё видела, слышала, и потому у неё нашлись силы тоже пойти в сторону покоев герцога.

Путешествие Антуана оказалось недолгим, его не подпустили к кабинету герцога, не дав даже войти в нужную анфиладу. Маги же лучше знала дом. Поняв, что открыто ей туда не пробиться, она воспользовалась маленьким чёрным ходом для горничных и оказалась за ширмой в той комнате, где сейчас был Виктор. По его расстроенному лицу она поняла, что он ничего не слышит. Это быстро лишало его сил, и ещё неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы дверь кабинета вдруг не распахнулась, и на пороге не появились герцог и маркиз.

– Что ж, договорились, Ваше Сиятельство, я полагаюсь на

ваше слово. Надеюсь, мне не придётся об этом пожалеть, – и герцог дружески протянул маркизу руку.

– О! Ваша Светлость! Я так благодарен вам за ваше такое понимание! Вы можете оставаться в этом доме столько, сколько вам угодно! И впредь, если ещё когда-нибудь судьба занесёт вас в Рунд, не откажитесь воспользоваться моим гостеприимством, – маркиз горячо пожал протянутую ему руку, и для большей убедительности ещё и поклонился.

– Право, это очень мило с вашей стороны, – герцог великодушно кивнул в ответ, – Но да не стану более вас задерживать. Счастливого медового месяца и радостных долгих лет супружеской жизни.

– Премного благодарен! И я желаю вам, Ваша Светлость, неизменной удачи во всех ваших начинаниях!

Так раскланявшись, герцог и маркиз простились, и последний едва ли не бегом бросился на свою половину.

– Глен, Фил, вы здесь? – удивился герцог, – Что ж, замечательно, позаботьтесь об отъезде новобрачных.

– Простите, Ваша Светлость, но о ком вы говорите? – нахмурился называемый Гленом.

– О маркизе де Рельгро и графине де Шероль, конечно, – усмехнулся в ответ герцог, – Правда, они пока не венчаны, но, думаю, при таком-то рвении, это вопрос лишь пары дней... Эти голубки собираются покинуть дом в течение ближайшего часа. Ваше дело только проследить. Да, о беглецах, о Фрэнке и Марианне вестей нет?

– Пока нет, Ваша Светлость, – отозвался Фил.

– Я уверен, они ещё в городе.

– Мы делаем всё возможное... – поклонился Фил.

Герцог принял эти слова как нечто само собой разумеющееся и, больше не подарив слугам ни одного взгляда, вернулся к себе.

– Эй, парень, да ты и правда по уши втрескался в эту блондинку! – рассмеялся Фил и шутливо ударил Виктора в спину, – Ты сумасшедший, вот, что я тебе скажу.

– Да, наверно... – Виктор растерянно кивнул и вдруг почти бегом бросился вниз, на первый этаж.

Филу осталось только сокрушённо покачать головой.

А Маги... А Маги сидела в своей «норке», обхватив колени двумя руками, и безутешно беззвучно рыдала.

* * *

Анна уже удобно расположилась в карете, когда вдруг пристальный взгляд Виктора заставил её поднять глаза. Столько немой боли, тревоги, даже страха и в то же время восхищения было во взгляде этого странного человека, каким Анна сейчас видела Виктора. Такие глаза никогда не забываются. Казалось, Виктор был готов стрелой сорваться с места и броситься к её стопам, и в то же время Анна заметила, как побелели его со страшной силой сжатые кулаки.

– Кто этот человек, маркиз? – Анна в растерянности кивнула в сторону Виктора.

– Слуга герцога Бетенгтона, большой подлец, как и все

они...

– Герцога?! Герцог здесь?! В вашем доме?! – сердце Анны сжалось от ужаса.

Маркиз с досадой закусил губу, надо же было ему так не вовремя проговориться:

– Нет... Не здесь... Это только его слуга. Герцог остановился в доме губернатора, где мы с ним и познакомились. А сейчас его люди принесли мне весть о том, что герцог собирается покинуть город. Не знаю, что он тут делал, но в любом случае, без этого человека в городе будет дышаться свободнее. Ну да ладно, отложим этот неприятный разговор. Ни что не стоит ваших тревог, дорогая моя Анна!

Девушка в задумчивости кивнула и снова развернулась в сторону Виктора. Что-то её очень взволновало в этом человеке, но что? Такое неприятно лицо! Да ещё и оказалось, что это человек герцога Бетенгтона! Но эти глаза... «Кто дал ему право так смотреть на меня?!» – мысленно возмутилась Анна и откинулась на спинку дивана. Уже в следующий миг маркиз отдал приказ, и карета рванулась вперёд, унося с собой Анну, златовласую мечту Виктора...

– Эй, сынок! – Карлос тронул Виктора за плечо, – Ты в порядке?

– Что?.. Да... В полном порядке...

Но Карлос понял, что его молодой друг в буквальном смысле слова оказался на краю пропасти... В один день потерять и брата, и мечту... Вот только как, чем помочь в такой

ситуации?! Разве ж кто знает ответ? Вот и Карлос не знал. Было только яростное желание помочь, поддержать. Потому он и преградил Виктору дорогу.

– Что? – Виктор всё-таки поднял глаза и... всё понял, кивнул, – Просто не трогай меня. Ладно? Давай лучше обсудим наши планы...

Глава 44. Закат Райского уголка.

Томительные часы ожидания были подобны вечности. Волнение росло. Марианна уже давно закончила рассказывать услышанное от Эжена. Теперь она расхаживала по комнате и беспокойно мяла платок. Жан же стоял у окна. Горькая складка плотно сжатых губ говорила о том, что и его терпение на исходе. День близится к закату, а от Эжена и Виктора так и нет вестей.

Вдруг Жан щёлкнул пальцами, подзывая Марианну, но, когда она подбежала к нему, на улице уже никого не было.

– Что случилось? – девушка не могла скрыть свою тревогу.

Но Жан не успел ответить. В этот миг они чётко различили щелчок замка и тихий хлопок двери. Жан сразу же метнулся к шпаге, которую прежде нашла здесь Марианна. Ещё секунда и.. на пороге комнаты возник Карлос. Взгляд сурового испайронца скользнул к Жану, к его шпаге, но тут вперёд рванулась страшно обрадованная Марианна:

– Карлос, дорогой, где они?! Где Эжен и Виктор?! Говори!!!

Растроганный такой её встречей Карлоса даже чуть смутился, поклонился госпоже и печально улыбнулся:

– Тише! Тише, сеньорита! Успокойтесь! Я всё скажу, только дайте время. Ваш спутник знает испайронский?

– Что? А... Нет. Я только-только начала его учить...

– Ясно. Тогда перейдём на фрагийский, – и Карлос развернулся ко всё ещё настороженному Жану, – Как ты себя чувствуешь, сынок?

– Благодарю, хорошо, – Жан, наконец, опустил шпагу.

– До чего же вы все похожи, черти! Позволь выразить моё восхищение! Ты герой! Да-да, не отпирайся, ведь я кое-что видел этой ночью. Ни за что бы не поверил, что ещё за пару часов до того ты был подобен трупу. Простите, сеньорита... Позвольте мне сесть. Я чертовски устал...

– Конечно же, Карлос, или Мигель? Как правильнее к тебе обращаться? – и Марианна указала на стул.

– О?! – испайронек горько усмехнулся, – У Эжена язык, что помело... Нет уж, я Карлос. Мигель давно сгинул.

– Хорошо, – Марианна уже пристроилась напротив, – Так Эжен... Где он?

И улыбка в миг слетела с лица Карлоса, а взгляд остановился. Жан тоже уже присел, и так оказался напротив испайронца. Их взгляды встретились, и сердце юноши прожгла страшная догадка, что тут же отразилось в его глазах. Что ж, Карлос сокрушённо кивнул:

– Теперь... вас только двое, парень...

– Как двое?! Карлос! Не молчи! Ты хочешь сказать, что Эжен и Виктор?.. Оба?! О нет! – и Марианна зажала рот руками.

– Что? О нет, сеньорита, немного не так, – Карлос ви-

новато улыбнулся, – Просто я думаю, что Антуан похож на этих ребят по какому-то нелепому недоразумению. Он совсем другой породы... Потому я его не считаю...

– Значит... – Жан осёкся, – Кто?.. Эжен?!

– Да... Но как ты догадался?!.. – изумился Карлос.

Жан не понял, или просто не услышал этот вопрос. Его синие глаза потемнели:

– Как это произошло? – эти слова юноши прозвучали очень резко, казалось, в нём что-то надломилось. Возможно, многочасовое ожидание уже сделало своё дело, несколько приготовило к этому известию, но услышать это оказалось всё-таки очень больно.

– Виктору грозила крышка, он бы не выпутался, если бы Эжен не нарушил данное ранее слово, не проник бы в дом и не взял бы погоню на себя...

– И?! Говори же! – Жан даже подался ближе.

– Эжен выпрыгнул в окно и наверняка бы улизнул, если бы в этот самый миг внизу не проезжала карета...

– Нет... – прошептала Марианна.

Её большие исполненные ужаса чёрные глаза уже наполнились слезами. Она медленно встала. Руки девушки сами собой потянулись к лицу, но сдержать всё-таки хлынувшие слёзы не смогли:

– Ох, да что же это такое! – горестно вздохнула гордая испайронка, – Как же это?!

– Да, сеньорита, он разбился на смерть. Это роковое сов-

падение... – и Карлос весь съёжился.

Жан тяжело встал, подошёл к Марианне и обнял её.

– Ну, ну, тише... – его рука стала нежно похлопывать девушку по спине.

Что ж, Марианна прижалась к груди любимого, и дала-таки выход охватившей её сердце боли...

Прошло несколько минут прежде, чем эта боль чуть ослабила хватку. Жан усадил девушку на кушетку, сам пристроился рядом, и только тогда вновь поднял глаза к Карлосу. Оказалось, они тоже полны слёз.

– Его уже похоронили? – голос Жана прозвучал надломлено.

– Д-да... Да, – Карлос горестно вздохнул.

Сделал он это громче, чем хотел бы. Именно это вдруг вывело Марианну из оцепенения. Девушка вскинулась:

– Почему это прозвучало с таким сомнением? Карлос! Говори всё как есть!

– Его похоронили, что тут ещё скажешь? – запротестовал испайронец.

– Я не поверю, что человек, вынашивавший планы мести двадцать лет, просто позволил Эжену покоиться с миром, – тут же ожесточилась Марианна, – Я видела глаза герцога! Он не из тех, кто способен отступить даже перед лицом смерти! Говори же, Карлос! Всё как есть, говори! Я уже пролила слёзы, а теперь желаю знать, что ещё я должна добавить к списку грехов этого человека. Я должна это знать, чтобы изобре-

сти достойную месть.

И в самом деле, этот гнев вдруг осушил глаза девушки, заставил её выпрямиться, гордо вскинуть голову. Она готова принять удар и, что важнее, готова ответить на него.

Что ж, Карлос сокрушённо повёл головой:

– Не о том вы сейчас думаете, сеньорита... Но раз уж такая ваша воля... Верно, герцог хотел извлечь из гибели Эжена последнюю выгоду, потребовал принести ему голову нашего героя...

– Голову?! – искренне ужаснулся Жан.

А вот Марианна восприняла эту новость даже с каким-то удовлетворением. Всё-таки герцог не обманул её ожидания – он редкая сволочь и снова это доказал.

– Карлос, что такое ты говоришь?! – Жан отказывался верить своим ушам, – Мы же не дикари!

– Это смотря кого ты, сынок, включаешь в это «мы», – усмехнулся Карлос, – Вот люди герцога отнеслись к этому, как к само собой разумеющемуся, и даже попытались выполнить приказ. Только у них ничего не получилось.

– И что же им помешало? – сощурилась Марианна.

– Не что, а кто, сеньорита, – поправил её Карлос, – Маркиза де Рельгро. Сначала её не могли оторвать от тела Эжена. Она взялась сопровождать его в их фамильную часовню и там оставалась у его ложа ещё пару часов... Я сам видел, как эта гордая красавица проливала над нашим негодником горькие слёзы. Когда же у герцога лопнуло терпение, он лич-

но явился в эту часовню и... – Карлос горько усмехнулся, – И эти двое сцепились в буквальном смысле слова! Герцог потребовал голову Эжена, а Эмилия заявила, что если он делает это, то она ославит его не только на всю Фрагию, но и Брианию, всем и каждому расскажет, что за дикарь скрывает за титулом герцога Бетенгтона. Расскажет, что именно он похитил сыновей графа де Лаган. Признаюсь, я думал, герцог её убьет, так он побагровел при таких её угрозах. Но эта рыжая фурия не дрогнула. Она верила, что это её страна, её дом, и, наверно, в этом черпала силу. А может быть, она уповала на то, что в доме ещё оставались люди губернатора и городской жандармерии... Так или иначе, герцог всё-таки отступил, позволил ей самой похоронить Эжена, а своим людям велел добыть ему голову умершего позже, после похорон.

– Выкопать и обезглавить? – ужаснулся Жан.

– Да, таков был план. Но... – дойдя до этого момента, Карлос явно сконфузился.

– Карлос, в чём дело?! Я же сказала, говори всё как есть! – рассердилась Марианна.

– Да, сеньорита. Но дальше... Видите ли, я не знаю, что именно произошло... Эжена похоронили ещё до рассвета. И ещё до рассвета, люди Филадельфия выкопали его гроб. Но в нём они нашли уже обезглавленное тело в одежде Эжена. Головы не было...

– Что?! Что значит «в одежде Эжена»? – сощурился

Жан, – Звучит так, словно это был... не он?!

– Да, верно, – Карлос одобрительно кивнул, – Ты внимательный слушатель, сынок. Я был при этом, и я уверен, это тело не Эжена.

– Правда?! – Жан даже подался ближе, и такая надежда засветилась в его глазах, что Карлос не выдержал, отрицательно качая головой:

– Я могу с полной уверенностью сказать только то, что видел его мёртвым. И я также уверен, что тело, найденное в том гробу, не принадлежало Эжену, так как на руках этого человека не было шрамов от кандалов. Ведь они с Виктором меченные. У них на запястьях такие... браслеты...

– Да, я видел руки Виктора, – кивнул Жан, – Что же получается? Кто-то подменил тело?!

– Да. И я думаю, что это проделки маркизы, – кивнул Карлос, – О реальной подмене тела знаем только мы с вами, ну и, конечно, тот кто это сделал... Вы же понимаете, что я не стал делиться этими соображениями с людьми герцога. Так что, если я прав, и это маркиза, то... когда-нибудь вы спросите её, где же она решила похоронить Эжена, и сможете ему поклониться. Когда-нибудь, но не сейчас. На заре эта воительница покинула Рунд. Заявила, что ноги её больше не будет в этом гадком городишке и уехала в неизвестном направлении. Что ещё сказать... Люди герцога изрядно избивали гробовщика, добивались, кто до них вскрывал могилу? Надеялись, всё-таки раздобыть потерянную голову погребенного

там... Гробовщик едва не умер от страха, но как скажешь то, чего не знаешь?.. Тогда подозрение пало на барона. Они прошлой ночи малость повздорили. Вот герцог и предположил... Какой знатный скандал между ними случился! Это надо было слышать! В чём они только друг друга не упрекали! Но что толку?.. И здесь ничего для них не выгорело. Разве что, разлад между этими двумя стал ещё глубже. Теперь они даже видеть друг друга не могут. Вот такая получилась история. Так что, герцог остался не у дел.

Изумлённые Марианна и Жан переглянулись, и Жан решился:

– А Виктор как? Он был при ЭТОМ?

– Да, – Карлос горестно кивнул, – Ты многое знаешь, раз допускаешь такие мысли. Да, был. И Антуан был...

Жан удивлённо повёл бровью:

– Антуан?

– Этот твой полоумный брат едва не вцепился в герцога, но Виктор лишил его чувств.

– Спас герцога?! – изумилась Марианна.

– Герцогу ничто не угрожало. Ничто, чёрт бы его побрал! – вдруг вскипел старый испайронец.

– Значит, Виктор до сих пор изображает из себя Глена? Он безумен в своей смелости! – сокрушённо вздохнул Жан.

– Глена?! Эжен и это успел сказать?! – изумился Карлос.

– Нет, Эжен не называл имени... – Марианна сощурилась и подарила Жану удивлённый взгляд.

Она хорошо помнила, какой новостью для Жана стало известие о том, что Виктор служит герцогу, и вот оказывается, Жан в самом деле знает, под каким именем тот скрывается!

Карлос скрестил с Жаном взгляды, и они поняли друг друга без слов.

– Виктору это многого стоило... – в голосе Карлоса слышались нотки мольбы, – Но ты, как я теперь вижу, не в обиде на него? Верно?

– О чём ты?! О какой обиде речь?! – горячо воскликнул Жан, но тут же осёкся, взгляд его исполнился невыразимой печалью, – Виктор так говорил про Эжена... Несомненно, они друг другу особенно близки... Я помню, каким ударом для меня стало известие о гибели Анри, и это при том, что я не видел то его падение своими глазами! Тогда у меня всё-таки сохранялась надежда! А Виктор... Я боюсь представить, каково ему... Карлос, он должен быть сейчас с нами. Мы одна семья!

– Чёрт меня побери, если я с тобой не согласен, сынок! Но... он думает иначе, – и Карлос сокрушённо развёл руки.

– Карлос, помоги мне с ним встретиться! Я и найду нужные слова! – вскинулся Жан и даже подался ближе.

Он был искренне уверен, что сможет это сделать, но Карлос только нахмурился пуще прежнего:

– Виктор сильный человек, как, впрочем, и ты, мой друг. Я не ожидал, что он сможет так стойко перенести гибель Эжена, а раньше ваше пленение..., да тут ещё и помолвка этой

белокурой графини. Я видел, это едва не добило его. Но... Наверно его жизненной силой является упрямство. Сеньорита, а ваш друг тоже упрям?

– Жан? – Марианна невольно улыбнулась, – Да, очень...

– Тогда, вот вам и ответ. Виктор решил остаться, и изменить это, по крайней мере сейчас, не в нашей власти, – и Карлос веско положил руку на стол.

– Уверен, я меня есть такая власть! Я смогу его уговорить! – и Жан решительно встал, но неожиданный невеселый смех Карлоса остановил его.

– Воистину, вы близнецы! – Карлосу потребовалась целая минута, чтобы успокоиться.

И как же сильно этот смех напоминал рыдание...

Но Жан, даже поняв причину этого горького веселья Карлоса, не остановился:

– Карлос, друг, помоги мне встретиться с ним. Конечно, никто не в силах заменить ему Эжена, или Анну, но мы одна семья, а это очень много... Мне кажется, я понимаю его... В этой скверной истории...

– Это, и правда, скверная история, но она ещё не окончена! – вскинулся Карлос, – Вот что, сынок, остановись! Не пытайся убедить меня в том, что проблем у нас вдвое больше, чем я ожидал. Давай рассудим спокойно, по крайней мере, насколько это возможно. В первую очередь, если кто и виноват в случившемся, то это Антуан. Из-за него вы попали в плен, в остальном рука проведения, Эжен не мог не помочь

Виктору, как не смог бы и ты на его месте поступить иначе...

–... Я?! Но я-то как раз ушёл!!! Ушёл в то время, когда они из-за меня... – с горечью возразил Жан.

– Я же сказал, не из-за тебя, а из-за Антуана! – ожесточился и Карлос, – К тому же если бы ты не ушёл, то наверняка тем самым погубил бы и себя, и Виктора.

– Но Эжен...

– На всё воля Господа! Я сам видел, как мастерски он прыгает из окон с любой высоты, но судьбе было угодно, чтобы именно в этот момент внизу оказалась карета, карета женщины, которую он уже самонадеянно называл женой. Вот что заставляет содрогнуться. Ох... как же сильно Виктор не одобрял это увлечение брата, как-то раз он даже сказал, что боится, как бы она в конец не извела Эжена. Но да... Здесь уже ничего не исправить. Надо жить дальше, – отрезал Карлос.

– Да, верно. И именно поэтому нельзя оставлять Виктора при герцоге. Карлос, герцог его подозревает!!! Его решение остаться сильно пахнет самоубийством, – Жан присел напротив испайронца и пытливо заглянул в его глаза.

– Не знаю, не знаю... Думаю, пока вы живы, он на себя руки не наложит. В этой ситуации вы все, ты, Жан, сеньорита Марианна и сеньор Анри, вы единственное, что удерживает в нём хоть какой-то интерес к жизни, и сейчас вы очень нуждаетесь в его помощи. Сейчас только в его власти вывести вас из города и на какое-то время укрыть от внимания герцога.

Согласись, это вам необходимо, по крайней мере до тех пор, пока сеньор Анри не встанет на ноги. Виктор это понимает, пойми и ты, Жан, и не создавай нам лишних проблем. На твои плечи легла забота о последних отпрысках рода Монсар. Очень прошу, не мешай твоему брату помочь тебе.

О, как же сильно Жан хотел возразить, но... Его взгляд обратился к притихшей Марианне... Та всем своим видом дала понять, что примет любое его решение. Что же, юноша снова обернулся к испайронцу:

– Карлос, только честно, каково на твой взгляд сейчас положением Виктора при герцоге?

– Лучше, чем когда-либо! – с готовностью откликнулся тот, – Стараниями Эжена Ламороу нет.

– Что?! Ты не говорил... Как?! – изумился Жан.

Что ж, Карлос рассказал о гибели Эжена чуть подробнее:

– Ламороу похоронили этой ночью. Удивительно, хаос ночью был знатный, но погибло только двое. Даже те растяпы, которых вырубил ты, тоже живы!

– У меня и в мыслях не было их убивать, – обронил Жан.

– Вот я и говорю, ты такой же, как и твои братья... Даже в такой битве вы никого не прирезали, если, конечно, не считать Ламороу... – и Карлос снова горестно усмехнулся, – Так значит, Виктор... Если он задержится на службе герцога, то в недалеком будущем именно он займёт место Ламороу.

– Он может стать правой рукой герцога, первым праиэром?! – Жан отказывался верить своим ушам.

– Да, у него есть на это все шансы. И самое главное, против этого не возражают Пит и Фил.

– Пит и Фил?!

– Да, не знаю, как, но Виктор смог добиться их расположения. Это не является для нас поводом расслабляться, но это значит, что Виктор и правда может претворить наш план в жизнь.

Жан не без труда перевёл дыхание и кивнул:

– Что ж, выкладывай, какой у вас план?

И Карлос тут же вздохнул с огромным облегчением, даже чуть взбодрился:

– Вы переоденетесь нищими, их в городе собралось много. Около семи часов вечера будет приведён в действие указ комиссара полиции об их выдворении. Вы должны будете затеряться в их толпе. Мы с Виктором вас подстрахуем. До моста вам придётся добираться в компании тех бродяг, там вы оставите их, спуститесь вниз по реке где-то на полмили, и у заброшенной фермы найдёте свежих коней.

– Допустим, а что потом? Эжен сказал Марианне, что учитель поехал в Фонтэнж за графом де Лаган...

– Да, поехал, и то, что они ещё не вернулись, означает лишь одно, граф всё же уехал в Испайру, а Рай за ним. Поэтому, какое-то время вам придётся скрываться. Ехать к поместьям Лаганов, пожалуй, не стоит, по крайней мере до тех пор, пока не поправится сеньор Анри.

– Понятно, герцог будет нас искать в первую очередь

там... – кивнул Жан.

– Верно, а пока мы не уверены в том, что помощь графа не запоздает... в том, что она вообще будет... Короче, пока рисковать не стоит.

– Ну а потом, как мы встретимся в Виктором? – наконец, вмешалась долгое время хранившая молчание Марианна.

– Он вас найдёт сам.

Но в глазах Марианны читалось сомнение, и Карлос понял её, кивнул:

– На всякий случай, Виктор просил передать, что вы встретитесь в любом случае ровно через год в этом самом доме, его хозяйка будет предупреждена. Теперь, кажется всё. У нас больше нет времени. Переодевайтесь.

Жан молча кивнул и принял из рук Карлоса мешок с нищенскими лохмотьями. Марианна сделала над собой усилие и присоединилась к его занятию, начала перебирать эти ветхие рубища. Молчание начало становиться тягостным.

– Ну, как вам эти одеяния? – Карлос постарался задать вопрос пободрее.

Жан понял его и тоже усмехнулся:

– Вы удивительно точно угадали размер. По-моему, мы будем выглядеть великолепно.

– Ты так думаешь? – усомнилась Марианна.

– Уверен! – Жан нежно прикоснулся к её руке, – Ты в любом платье лучше всех!

– Хотелось бы верить, – улыбнулась в ответ Марианна и,

прихватив приглянувшиеся тряпки, удалилась в другую комнату.

Как только она вышла, Карлос подошёл к задумавшемуся Жану и положил ему на плечо руку. Тот, очнувшись, вздрогнул.

– Ты справишься с этим, сынок... И Виктор тоже справится. Я верю в вас!

* * *

Всё дальнейшее свернулось, как в снежный ком. Позднее Марианна не могла поверить, что это был не сон, просто кошмарный сон... Вот она с Жаном и Карлосом вышла из дома чёрным ходом. Она переодетая старушкой-нищенкой, и Жан – горбуном. Сумерки уже начали показываться из подворотен и закоулков...

У северных ворот скопилось ещё десятка два нищих, которых почему-то не выпускали из города, и Марианна с Жаном легко влились в эту зловонную компанию. О да, вонь здесь стояла редкостная, и Марианна уже чувствовала, что близка к обмороку, но тут Жан толкнул её в бок и указал на появившихся на привратной площади людей. Они сразу же начали о чём-то оживлённо переговариваться со стражниками, последние сильно распалились, но старший из вновь прибывших быстро погасил боевой запал местных вояк.

– А вот и люди герцога! Да, герцога и барона, – шепнул юноша.

Жан почувствовал, как Марианна сильно напряглась, и

крепким рукопожатием постарался передать ей немного своих сил, а сам тем временем отчаянно старался высмотреть среди вновь прибывших Виктора. Всё-таки мысль увидеть брата, поговорить с ним, ещё не оставляла его. Но нет, опознать Виктора не получилось, слишком сумрачно и суетно здесь было...

Скоро гвардейцы герцога направились прямо на нищих и тут же принялись за работу. Марианна с ужасом заметила, что каждого нищего обыскивают, заглядывают в лица. Но она ещё не успела как следует испугаться, когда перед ней вдруг возник черноволосый гвардеец герцога. Она отпрянула от него, как от огня, но он резко схватил её за руку и выдернул-таки из толпы. Так Марианна оказалась с ним лицом к лицу и в этот момент услышала от этого незнакомца испайронскую речь:

– Не бойтесь, сеньорита! Я... Виктор. У нас всё получается. Передайте привет брату! Бог даст, ещё свидимся!

И уже в следующий миг она оказалась в другой группе, «проверенных» нищих. Когда рядом появился Жан, Марианна не заметила. Он нашёл её, крепко взял за руку и так вернул к реальности. Девушка тут же вцепилась в него обеими руками и потянулась к его уху:

– Виктор...

– Я знаю, – отрезал Жан, – Похоже, он не оставил мне шанса...

Скоро окрики стражников зазвучали с новой силой, и это

стало сигналом к началу пропуска нищих за пределы города. Надо сказать, далеко не все из них жаждали покидать Рунд, кто-то даже попытался воспротивиться, полез на служителей закона с палками в руках, кто-то, напротив, начал валяться в ногах власть имущих, но это никому из попрошаек не помогло – приказ зачистить город был чётким, и толпа нищих всё-таки начала выходить за ворота.

Вот так, словно в забытии, Марианна и последовала за возлюбленным в самой гуще этой зловонной толпы. В какой-то момент они отделились, спрыгнули в овраг и почти бегом устремились прочь от дороги... как-то добрались до заброшенной фермы, в стойлах которой нашлись пару лошадей.

– Это для нас, – помнится, сказал Жан, скидывая с себя верхнее тряпье с горбом, и помогая Марианне сделать то же, – Если и дальше нас станут так опекать, то это бегство скоро покажется нам увеселительной прогулкой.

Не давая Марианне времени прийти в себя, Жан пустил лошадей вскачь. В отличие от своей спутницы, он хорошо понимал, что делает, и не забыл хорошенько покружить по лесу, чтобы окончательно убедиться в отсутствии погони. Только после этого они направились в Райский уголок, благо лунного света хватало, чтобы находить нужные ориентиры. Ночная прохлада постепенно привела Марианну в чувства.

Когда они достигли Райского уголка, было уже далеко за полночь, но артисты и Анри не спали.

– Приехали!!! – закричала, увидев их, Анжелика, – При-

ехали! Приехали!

– Какое счастье! – Маргарет неожиданно проворно соскочила с крыльца, но Франсуа с сыном всё же её опередили.

– Слава Господу! Целы!.. Но в каком дерьме вы искупались?! Что за запахи!.. И где остальные?! – артисты забросали Жана и Марианну вопросами, но не очень настаивали на немедленных ответах.

– Подождите, дайте нам опомниться! – откликнулся Жан, помогая Марианне сойти с лошади.

– Что произошло?! – слабый, но внятный голос Анри покрыл общий гвалт.

Анри стоял в проёме дверей, судорожно вцепившись в косяк.

Сегодня утром Маргарет наконец-то сняла с его лица повязки, и весь день юноша с большим нетерпением дожидался появления Анны... Сейчас же он, смертельно бледный, был подобен приведению.

– Зачем ты встал! – Жан рванулся к нему, схватил под руку и увлёк в дом.

Остальные поспешили за ним.

– Говорите, Жан, Марианна! Что произошло?! – Анри сел на кровать, но лечь наотрез отказался.

Что ж, Жан рухнул на стул напротив и смахнул со лба прядь волос. Марианна в изнеможении опустилась рядом с братом и тоже погрузилась в небытие. Их замученный, грязный вид открывал для фантазии простор ещё больший, чем

мучительные два дня ожидания.

– Не томите, Жан! – взмолился Анри.

– Да, – Жан встряхнул головой, – Слушайте. Сейчас же всё собираем, прибираем и уезжаем отсюда ко всем чертям. Точнее на восток. В этом направлении нас подстрахуют. Всё, за дело, время у нас очень мало. Это место перестало быть нашим Раем, и не позднее, чем на заре, мы должны его покинуть, иначе последствия могут быть самыми печальными.

– Может быть... но не прежде, чем ты всё расскажешь! – твёрдо возразил Анри.

– У нас слишком мало времени. Я всё расскажу по дороге. За дело! – это прозвучало уже как приказ, всё-таки Жан, взращённый сыном герцога, умел повелевать.

Вот только сейчас этот тон не возымел желаемого действия. Ошеломленные артисты не сдвинулись с места. Может быть, потому что за эти два дня они уже привыкли слушаться Анри, ведь именно его Геньи оставил за главного. Так или иначе, Анри в ответ на слова друга лишь выше вскинул голову:

– Анна и Геньи отправились в Рунд в надежде найти хоть какие-то ваши следы. Где они и Виктор? Хоть это ты должен сказать прямо сейчас!

– О чёрт, Анри! – и Жан в отчаянии развернулся к Марианне, но она лишь согласно пожала плечами.

– Ладно, – решился-таки Жан, – Только несколько слов, и больше никаких вопросов. Мы несказанно рады, что застали

вас всех здесь, но эта радость может быть недолгой... Тот, кого мы звали Виктором, оказался Антуаном, да, Антуаном де Валеньи. Он предал нас с Марианной герцогу и барону. Нам чудом помогли бежать настоящий Виктор и Эжен... Да, ещё два моих брата! Пока это всё!

– Нет! – Анри, как и все оглушённый услышанным, всё же не потерял дара речи, – Анна, Геньи, где они? И эти твои братья Эжен с Виктором?.. Ещё двое! В голове не укладывается...

– Анна объявила себя невестой маркиза де Рельгро, и лучшее, что сейчас может сделать, так это забыть о нас, иначе я не берусь загадывать наперёд, – не без труда выдавил из себя Жан.

– Анна?! Нет!!! – Анри просто не мог в это поверить.

– Да, Анри, да!.. – тут же ожесточился Жан, – Это собственными глазами видели мы с Марианной и... Виктор. Она приняла предложение маркиза доброй волей! За неё беспокоиться не приходится.

– Да ты спятил!!! Марианна, хоть ты будь человеком! Где Анна?! – и Анри круто развернулся к сестре, от неё потребовал ответа.

И с такой силой он жаждал услышать другое, что в глазах Марианны отразился ужас, она просто не могла сказать ни слова. Причинить брату такую боль?! Как такое возможно?! Но он оставался неумолим, требовал ответа, даже уже схватил её за руку:

– Марианна, не молчи!!!

Да, и молчание в такой ситуации невыход. Что ж, девушка заботливо накрыла руку брата своей сейчас прохладной рукой и виновато улыбнулась:

– Жан сказал всё верно только, может быть, слишком прямо... Я тоже видела и слышала, как она объявила о своём решении. Мы видели, как они разговаривали, Анна, Антуан, маркиз... Прости, Анри, но их трудно было понять иначе. Они с самого начала хорошо представляли, что делали...

– У них какая-то своя, лишь частично совпадающая с планами герцога игра, но мы в ней лишь пешки! – с горечью воскликнул Жан.

– Нет, вы сошли с ума! Анна?!.. От Виктора...

– Антуана! Это был Антуан! – возвысил голос Жан.

– Пусть так... От него нечто подобное я ожидал. Но её имя не смейте марать!

– Анри...

– Я никуда не поеду!

– Анри!

– Всё!

– Но Анри! – Марианна в слезах схватила руку брата, но тут вдруг Жан решительно отстранил её.

Он жёстко взял Анри за плечи, развернул к себе лицом и, глядя ему прямо в глаза, заговорил:

– Анри, выслушай меня и постарайся понять. Ты и представить себе не можешь, какая опасность угрожала и ещё

угрожает Марианне. Она понравилась герцогу, слышишь?! Я боюсь даже думать, что могло произойти, если бы её не спас, не вывел из дома Рельгро Эжен. Эта опасность ещё не миновала!

– А ты-то где был при этом?! – Анри явно не желал воспринимать то, что ему говорилось.

Жан, словно ошпаренный, отпрянул от него:

– Где?! – он рывком сорвал с себя рубашку и показал другу спину, сплошь покрытую свежими и такими ужасными, ещё кровоточащими шрамами, – Узнаешь роспись герцога?!

От такого зрелища Анри окаменел. Но Жан уже завёлся:

– Вчера в это же время я мало отличался от трупа, и благодарить за это я должен Антуана! А Анна, хорошо знала о его обмане.

– Нет!!! – Анри отшатнулся, но Жан снова схватил его за плечи:

– Меня снял с цепи и вытащил из подземелья настоящий Виктор. Он дал мне возможность улизнуть, но сам скорее всего занял бы моё место, потому что погоня уже почти настигла его, когда её взял на себя Эжен...

И тут Жан осёкся.

– Ну, же, заканчивай... – напрягся Анри.

Жан вдруг оставил его в покое и замер.

– Что Эжен? – Анри насторожился.

– Он... погиб, – подала голос Марианна, – Он выпрыгнул из окна второго этажа, и по злой иронии судьбы его сбила

карета женщины, которую он уже дерзал называть своей женой...

В доме воцарилось горькое молчание. Только ночная бабочка продолжала билась в окно, ломая крылья.

– Всё, хватит, – наконец, вскинулся Жан. Его усталый голос прозвучал сильнее раската грома, – Собираемся!

Глава 45. Маританна.

Антуан стоял у окна своей комнаты, и его ничего невидящий взгляд был обращён к улице. Если не замечать, как порой крепче сжимались его скрещённые на груди руки, то он был бы подобен статуи. Но насколько внешне был недвижим юноша, настолько на душе у него было не спокойно...

В тот день, когда маркиз увёз Анну, Антуан ходил как гром поражённый. То он уже хватался за шпагу, чтобы кинуться следом, то без сил падал в кресло. Сердцем он правильно уловил порыв Анны, понял, что она объявила о своей помолвке только для того, чтобы досадить ему, лже-Виктору, и он почувствовал к ней сильно запоздалое чувство жалости. Но тут же в его памяти всплывало утверждение, что своими бедами он обязан именно ей, Анне... И всё же... Брак назло! Что, если она, поддавшись грозovому порыву, перечёркивает свою жизнь? И снова он возражал сам себе – а не причинит ли ей его появление ещё большую боль?! Ведь он не в силах изобразить даже тень любви к ней, и именно эта его холодность так мучительна для её сердца. В этом смысле маркиз гораздо более достойная партия, он самоотверженно любит её и из кожи вон вылезет, чтобы сделать её счастливой...

Так, уже близкий к безумию, он несколько часов метался между вариантами «ехать и спасать» или «оставить всё как есть», и в конце концов его взгляд обратился к крова-

ти... Лечь бы и забыться, вычеркнуть бы это всё, стереть из памяти! Тишина, никаких мыслей, никого и ничего... Этот последний порыв и возобладал. Антуан уснул ещё до захода солнца, и никто не потревожил его сон аж до утра.

Грубые удары в дверь его комнаты раздались сразу после восхода солнца. Это явился Рон с приказом привести Антуана к Его Светлости. Хоть праиэр и вёл себя сдержанно, даже учтиво, не ленился кланяться, взгляд его был наглым, дерзким. Раз войдя в комнату, он наотрез отказался покидать её без Антуана. Как оказалось, за дверью их поджидал эскорт из ещё трех гвардейцев. Под присмотром вот такого конвоя Антуан и предстал перед сердитым герцогом.

Оказалось, что Его Светлость желает разделить с Антуаном завтрак. На это время четыре праиэра, Рон, Фил, Пит и Глен, превратились в четырех стражников, словно статуи застыли в четырёх углах банкетного зала, который их господин выбрал для утренней трапезы. А за богато накрытым столом господам прислуживали два гвардейца, Поль и Жак Ляру. На самом деле, этих двоих Антуан по имени не знал, просто отметил про себя, что даже такие хлопоты герцог не доверил прислуге маркиза.

Мрачные физиономии праиэров, особенно того, синеглазого, аппетита не добавляли. Так что не удивительно, что Антуану кусок в горло не шёл. К тому же скоро стало ясно, что его пригласили не для еды, а для нового раунда расспросов. Герцог хотел ещё раз убедиться в том, что Антуан и правда

не может быть полезен в деле поиска таинственного Райского уголка. Но как же молодой Лаган устал от всей этой болезненной ситуации! К сказанному ранее ему совершенно нечего было добавить, и потому он даже не попытался скрыть своё раздражение.

– Да, понимаю... К тому же, думаю, Фрэнк и Марианна уже покинули эти края, – вдруг заявил герцог, и это, наконец, вызвало хоть какой-то интерес Антуана.

– Думаете? – сощурился он, – Звучит так, словно вы не знаете точно, а лишь предполагаете... Неужели всё предпринятые вами меры изловить их не дали совсем никакого результата?

В ответ герцог лишь бессильно развёл руки:

– Видите ли, друг мой... Да, я вынужден признать, что все мои попытки помочь вам разбиваются как волны о скалы. Я честно постарался исполнить роль злодея, но... Возможно, это было неверное решение... Я знаю, что вчера утром Анна де Шероль приехала в Рунд не одна, а с Геньи. И этот Геньи покинул Рунд также вчера, ещё до заката...

– Ваша Светлость, я не понимаю, – вскинулся Антуан, – Почему вы вот так просто отпустили Анну? Ведь она точно могла указать вам дорогу в Райский уголок! Она одна из немногих хранителей этой тайны.

– Вы полагаете, она бы сделала это доброй волей? Вот и я думаю, что нет. Тогда как, вы думаете, я должен был заставить её говорить? Графиня де Шероль – это не какая-нибудь

там крестьянка. Применять крутые меры к такой титулованной особе... Признаюсь честно, мне хватило бурной ссоры с маркизой де Рельгро. Её брат пообещал мне, что очень постарается присмотреть за своей белокурой женой, и я решил, что, для сегодняшнего дня, этот их неожиданный союз может быть лучшим решением... Ведь я намерен задержаться во Фрагии...

– Вот как? – нахмурился Антуан, – И почему же всё-таки вы полагаете, что Жан и Марианна уже оставили город?

– Почему? – усмехнулся герцог, – Я мог бы сослаться на интуицию... К тому же, как я уже сказал, Геньи покинул Рунд...

– Вот это я и не понимаю! – и Антуан сокрушённо покачал головой, – Ваши люди знают, как он выглядит? Похоже да, раз вы так о нём рассуждаете. Тогда будьте так любезны, объясните, если он покинул Рунд тайно, то как вам об этом стало известно? А если явно, то почему ваши люди его не задержали? Это ли не было бы ответом на ваши вопросы о Райском уголке? Он не титулованная особа. Вы смогли бы с ним поговорить... по-мужски.

Что ж, Его Светлость согласно кивнул:

– Верно, верно, друг мой. Такая дама, как Анна де Шероль не могла появиться в Рунде незамеченной, и с того момента мои люди взялись присматривать за ней и этим Геньи. К несчастью, он оправдал своё звание неуловимого. Следить за ним в городе не удалось, это его территория. Зато верно,

как вы выразились, теперь мои люди узнали его в лицо. Поэтому, когда он вдруг открыто, прямо верхом на коне, взялся покинуть город на вечерней заре, его остановили, точнее попытались остановить... Кстати, сколько лет этому человеку?

– Не знаю, – Антуан и правда прежде не задумывался над этим вопросом, – Он почти совсем седой. Да, думаю, он значительно старше вас, моего отца или Генриха Рая.

– Оу, вы и Рая вспомнили?! – криво усмехнулся герцог, – Что ж, так или иначе, этот, скажем, старик, оказался славным воякой. Он прорвался через поставленный Роном заслон: людей обезоружил, коней обездвижил каким-то порошком – всё в полном соответствии с теми легендами, которые здесь о нём ходят. Так что он покинул Рунд шумно. Вы это понимаете?

– Хотите сказать, что он отвлёк на себя внимание и так дал Жану и Марианне ускользнуть? – сощурился Антуан.

– Вот и вам пришла в голову такая мысль, – усмехнулся герцог, – Так что теперь? Может быть, всё-таки попытаемся вместе ещё раз прогуляться в леса Шероль? Вдруг вы что-то припомните? Неужели вам и правда не хочется ещё раз побывать в этом их Райском уголке? И Марианна...

– Ваша Светлость, мне правда совершенно нечего добавить к уже сказанному, – и такая усталость прозвучала в голосе Антуана, что герцог вдруг уступил:

– Я вас понимаю, друг мой. Понимаю... Тем более, что смысла в этих поисках теперь точно нет. К тому же я тоже

устал бродить по этим лесам, по этому городу... Нужен другой план. Но прежде, все мы нуждаемся в хорошем отдыхе, верно?

– План? – насторожился Антуан, – План для чего?

– Ну как же, сударь. Я так задолжал вашему отцу...

– Вы серьезно собираете продолжать петь эту песню и дальше?! – изумился Антуан, – Сейчас вы скажете, что хотите возместить моим родителям причиненный урон? Скажете это после того, как лично выпороли Жана? После того, как погиб Эжен? Ваша Светлость, вы держите меня за полного идиота?!

– Если бы это было так, этого разговора сейчас бы не было, – тоже ожесточился герцог.

– Тогда я вас не понимаю! – взмолился Антуан, – Скажите прямо, что вам от меня надо?

Его Светлость подарил юноше долгий оценивающий взгляд и вдруг улыбнулся:

– Признаюсь, сударь, вы моя отрада. Я во многом узнаю в вас себя. По иронии судьбы я испытываю к вам действительно отеческие чувства. Так что те мои слова, прозвучавшие в подвале этого дома, о том, что вы могли вы стать наследником Бетенгтон...

– Что?! Вы серьезно?! – Антуан отказывался верить своим ушам.

– Да, это возможно... – кивнул герцог, – Я понимаю, что последние события сильно усложнили вашу жизнь. И я так

же понимаю, что вам с Фрэнком не судьба делить один титул, не по силам... Так что, просто знайте... Лично я готов на эту замену. Решение за вами. Нет, не сейчас! – поспешил добавить герцог, заметив, как вскинулся юноша, – Отвечать прямо сейчас на требуется! Просто знайте. Я готов подождать, скажем, год...

– Ваша Светлость, вы не перестаете меня удивлять! – Антуан не сдержался и нервно расхохотался.

Это был болезненный, совсем безрадостный смех. Он сотрясал грудь юноши так ожесточенно, так сильно походил на рыдание, что герцог даже забеспокоился, не хватит ли Антуана удар. Его Светлость даже счёл возможным услужливо пододвинуть своему молодому другу бокал вина. Антуан увидел его, схватил, выпил залпом и... свалился без чувств.

Это было снотворное. Юноша очнулся только к обеду следующего дня. Голова страшно гудит, горло пересохло, живот крутит, состояние, мягко говоря, болезненное. Но обо всём этом Антуан забыл сразу, как на тумбочке у кровати увидел большое письмо. Это было послание от Его Светлости. В нём он пространно просил прощение за доставленные неудобства, снова клялся в своём искреннем расположении и в конце подтвердил своё предложение Антуану заменить Френсиса в титуле сына герцога Бетенгтона, особо подчеркнул, что готов терпеливо ждать аж целый год. В случае положительного решения Антуану предлагается написать в Бетенгтон, или просто приехать туда. С тем Его Светлость про-

щается и желает своему молодому другу здравствовать.

«Он уезжает?!» – только и отразил Антуан. Юноша быстро привёл себя в порядок и спустился вниз. Оказалось, что герцог и правда уехал. С первыми лучами солнца он и все его люди оседлали коней и покинули Рунд. Вещи герцога были запакованы и медленно двинулись к Фонтэнжу.

«Уехал?! Оставил меня в покое?!» – изумлению Антуана не было предела, но всё говорило за то, что это и правда так. Пусть этому пока не находилось разумного объяснения, пусть! Главное, это случилось. Юноша почувствовал, как это известие вернуло ему вкус к жизни.

Рискнув поверить в свою свободу, он прежде всего решил сменить жильё и переехал в гостиницу «Золотой Рог», да, в ту самую, из которой пару недель назад Марианна сбежала из-под опеки барона. Правда к вечеру обнаружилось, что барон Парадесс принял такое же решение, и горестные воспоминания не стали тому помехой. Так Антуан и барон снова стали соседями, но, как ни странно, это оказалось необременительным, они дружно не замечали друг друга, будто даже были не знакомы.

Итак, Антуан впервые за долгое время снова оказался предоставлен сам себе, живёт под собственным именем, без оглядки на герцога. Вопрос с деньгами решился легко, он просто обратился в королевский банк Рунда и взял небольшую ссуду, благо несмотря на все злоключения этого месяца он смог-таки сохранить свой гербовый перстень.

Но упоения свободой хватило ненадолго, уже утром следующего дня мысли вернулись на круги своя. Марианна, Жан... Теперь Антуан знал, что им удалось уйти от герцога. Но, быть может, им всё ещё грозит опасность? Где они?.. Вопросов оказалось несметное множество. И единственным решением явилась лишь одна идея: поехать самому в Райский уголок и поискать там хоть какие-то подсказки.

Райский уголок – вот узел ответов, вот что вернёт ему спокойствие! Так рассудил Антуан и, недолго думая, оседлал коня, пустился в путь, но скоро, будучи уже за городом, сообразил, что за ним могут следить. Стоило задать себе этот вопрос, а уж получить ответ на него оказалось проще простого. Да, его пасли слуги барона. Барона...

Сейчас, стоя у окна, Антуан усмехнулся, ему припомнилось, как тогда он подъехал к следопытам и сообщил им:

– Господа, моя прогулка окончена, и я возвращаюсь в Рунд.

– Благодарим за заботу..., сударь, – оскалился в ответ Карлос.

«Карлос... Он и эти праиэры герцога, Глен, Фил, Пит, Рон... Как они смеют так презрительно смотреть на меня?! Обнаглела эта чернь за спинами своих господ! Обнаглела... Мерзость ты, Антуан!» – и юношу передёрнуло.

Этой ночью ему уже не пришлось спать, покоя не давали кошмары, навеянные недавними событиями...

Настал новый день. Антуан у окна. Полная растерянность,

униженность, уничтоженность. Он расстался с мыслью ехать в Райский уголок, ведь у него уже не было ни малейшего сомнения в том, что теперь там он никого не найдёт, да и какие подсказки там могут быть?

«Что же дальше?!...!»

Этот вопрос, будто всепожирающее чудовище, нависал над ним, и уже не было видно света дневного. И вдруг... словно молния пронзила этот крошечный мрак. Антуану потребовалось сделать над собой большое усилие, чтобы понять, что стало тому причиной. Оказалось, что к гостинице подошёл... граф де Лаган!

«Отец!!!» – ужаснулся юноша и непроизвольно отпрянул вглубь комнаты.

* * *

Конечно же, по возвращении в Рунд граф де Лаган и Рай первым делом направились к тайной квартире Виктора и Эжена, и острое чувство непоправимого опоздания пронзило их души сразу, как они переступили порог этого дома: окровавленная рубашка Жана, какое-то нищенское тряпье...

– Что это значит, сударь? – едва ли не дрожащей рукой граф поднял рубашку и показал её Раю.

– Похоже, кого-то из них выпороли... – кивнул Рай с гримасой боли на лице и тут же отвернулся, – Время, сударь, дайте время, и мы во всём разберёмся.

– Тсс... – вдруг зашипел граф и бросился к окну, а Рай, поняв его, к дверному косяку.

Ещё минута, и на пороге комнаты появился Карлос – в одной руке обнажённая шпага, в другой длинный кинжал.

– Кто здесь? – тихо поинтересовался он.

Рай узнал его и вышел из засады:

– Здравствуйте, друг мой.

– Вы?! Наконец-то! – и испайронец крепко пожал протянутую к нему руку.

– Стало быть, вы Карлос, – граф де Лаган тоже вышел из укрытия.

Испайронец увидел графа впервые, но обстоятельства и заметное внешнее сходство с близнецами сразу подсказали правильный ответ. Что ж, он сорвал с головы шляпу и учтиво поклонился.

– Верно, Ваше Сиятельство, это Карлос, – Рай всё-таки взялся закончить скомканную церемонию знакомства.

Такая встреча обещала мирный приветливый разговор, но, как оказалось, Карлос не был на это настроен.

– Позвольте спросить, господа, где вас черти носили столько времени?! – выпалил он сразу как выпрямился.

– Мы приехали так скоро, как только смогли. Не всё в нашей власти, – потемнел граф, – Расскажите же нам, что здесь произошло! Что это всё значит? – и граф указал на окровавленную рубашку, нищенское тряпье, – Господин Рай сказал, что это время вы опекали близнецов...

– Я?!.. Да на них на каждого нужен полк воспитателей! – и Карлос от души выругался на испайронском.

А уже в следующий миг его колючий взгляд вонзился в брианца:

– Да, я расскажу, но прежде, господин Рай, не расскажете ли мне вы, что известно Его Сиятельству. Я не хочу повторяться.

Рай понял, что Карлос коснулся темы Антуана, и невольно перевёл взгляд на графа. Тот, удивительно похожий на своих сыновей, только с неизгладимым отпечатком прожитых лет на лице, тоже ждал ответ. Что ж, Рай кивнул каким-то своим мыслям и снова обратился к испайронцу:

– Карлос, вы знаете близнецов, поэтому вряд ли удивитесь, когда я скажу, что граф не оставил меня в покое до тех пор, пока не выведал всё, что я знал сам. Всё!

– В самом деле?.. Значит, всё, что вы, господин Рай, знали на момент отъезда, – Карлос медленно развернулся к графу, – Ясно... Ладно... Это и правда очень мало...

– Говорите же! – потребовал тот.

– Похоже, мне не оставлено выбора... – тяжело вздохнул Карлос и тут же решился поинтересоваться, – Позвольте присесть?

Граф кивнул. Он был готов слушать, но Карлос не был готов говорить. В узле истории стоял Антуан, единственный из близнецов, воспитанный в родительском доме. Эта мысль жгла Карлоса. Открытое благородное лицо графа лишало его дара речи. Хватило одной только мысли, представить, как он скажет этому человеку, что его сын, Антуан, отменный под-

лец, и Карлос тотчас мертвецки похолодел, но, чем дольше он тянул, тем сложнее было начать. Что ж, признавшись себе в этом, Карлос бросился напролом:

– Рассказчик из меня, прямо скажу, никакой, потому буду кратким. Это рубашка Жана. Позавчера вечером я передел его и Марианну в нищих, и под прикрытием моим и Виктора они покинули город. Сейчас же я пришёл навести здесь порядок...

– Почему рубашка в крови? – требовательно остановил его Рай.

– Хорошо... Они оба, Жан и Марианна, были схвачены герцогом. Герцог собственноручно высек Жана.

При таком заявлении Карлоса Рай так и сел, где стоял, благо рядом нашёлся стул, а его исполненные ужаса глаза обратились к окровавленной рубашке. Да, прямо-таки пробирающий до костей ужас сковал сердце Рая, ведь он не понаслышке знал, как герцог умеет пороть людей:

– Это... произошло в доме Рельгро?

– Да.

– И им помогли бежать Эжен и Виктор, верно?

– Да.

– Ну... и... где они все сейчас?! – и Рай снова сковал Карлоса требовательным взглядом.

Что ж, испайронец с трудом сглотнул и, уже не глядя на собеседников, произнёс:

– Виктор уехал с герцогом, похоже, в недалеком будущем

он станет его правой рукой, вместо погибшего Ламороу...

– Что?! – на лице Рая снова отразился ужас, – Какого чёрта?!! Это же полное безумие!!!

– Он так решил, – Карлос резанул Рая гневным взглядом и, подавив вздох, снова отвернулся.

– Чем же вызвано это его решение? Говорите!!! И... Что с Эженом?! – Рай уже едва мог усидеть на месте, теперь он подался ближе, чтобы лучше видеть лицо испайронца.

– С Эженом?!.. – Карлос поднял на Рая изумленный взгляд, – Вы догадались?..

– Догадался, о чём? – Рай смертельно побледнел, ведь по глазам Карлоса он уже видел, что его догадка верна.

Что ж, Карлос сокрушённо кивнул:

– Да, с Эженом... Верно, если бы ни это, разве ж Виктор остался бы при герцоге?.. Но эта гибель брата вывернула его всего наизнанку.

– Карлос?!.. – взгляд Рая остановился.

Испайронец горестно кивнул и, наконец, решился взглянуть на графа. Взглянул и обмер. Перед ним сидел Жан, только что узнавший о гибели брата, только постаревший на двадцать лет. Это было даже жутко.

А тем временем граф сделал над собой усилие, расправил плечи и задал-таки страшный вопрос:

– Как это произошло?

Да, он должен был об этом спросить, и должен был услышать ответ. Такое право у отца не отнять. Карлос кивнул и

кратко рассказал всё как было.

– Пойдите, Карлос! Это была карета той самой маркизы де Рельгро?! – ужаснулся Рай.

– Да, той самой, его Эмилиии... – испайронец горестно поджал губы, – Его тело предали земле в ту же ночь... – и, решив раз и навсегда покончить с этим, Карлос рассказал и про странные обстоятельства этих похорон, и о дикой прихоти герцога, и о борьбе с ним маркизы де Рельгро.

Закончив свой рассказ, Карлос сложил на груди руки и потупил взгляд, мол это всё, он сделал всё, что было в его силах, дальше, господа хорошие, сами решайте, как быть.

Воцарилось страшное молчание. Было слышно, как на улице смеются, играя, дети, как поют птицы, как где-то недалеко прогромыхала тяжело гружённая телега. Жизнь шла своим чередом, и от того ещё ужаснее была мысль, что мир, казалось, не заметил исчезновения Эжена, такого неутомного жизнелюба. Как такое возможно?!? Нет, такое просто не могло уложиться в голове Рая, и он не выдержал, уронил голову в руки: «Я не должен был позволять им эти игры! Не должен был!!!»

Карлос правильно угадал ход его мыслей, ведь он и сам теперь живёт с этим, а потому ему захотелось сгладить эту боль товарища по несчастью:

– В конце концов, не даром же люди говорят, на всё воля Божья. Эжена не вернёшь, надо подумать о живых... Так что лучше спросите меня о чём-нибудь другом.

– Что?! – сразу и не понял его Рай, но тут же встрепенулся, – Да, ладно... Фрэнк... Так, где сейчас Фрэнк, то есть Жан и Анри с сестрой? Они покинули Рунд, переодевшись нищими?..

Карлос удовлетворённо кивнул, у него получилось вернуть Рая в мир живых:

– Верно. Виктор просил Жана увезти брата и сестру Монсар куда-нибудь подальше и спрятать, по крайней мере до полного выздоровления сеньора Анри. Знаете, ведь он ещё прикован к постели. Артисты Жану помогут. После этого они попробуют прибегнуть к вашей помощи, возможно попробуют... Поймите правильно, мы все здесь решили, что раз вас, господин Рай, до сих пор нет, значит, господин граф и вы вслед за ним уехали в Испайру... Чтобы снова не разминуться на года, Виктор назначил им встречу... здесь через год, годовщину гибели Эжена. По крайней мере, в этот день они все окажутся в одном месте. А до тех пор... Они уехали, это я заявляю точно. А я нашёл место, где они до сих пор прятались. В самом деле чудесное местечко, но теперь пустое. Вот так... Осталось добавить, что герцог и барон поссорились. Герцог спешно уехал, куда не знаю, да вряд ли он сам это знал, когда отдавал приказ собираться. А мой господин пока здесь, в Рунде, в гостинице «Золотой Рог».

Карлос уже хотел поздравить себя с завершением этого доклада, но тут же вскинулся вновь:

– Ах да, я бы мог вас отправить за дальнейшими ответами

к графине де Шероль и Геньи, но это было бы неприлично с моей стороны, вы всё равно их не найдёте. Графиня де Шероль внезапно объявила о помолвке с маркизом де Рельгро. Может быть, они уже и обвенчались. Так или иначе, несколько дней назад они уехали. Геньи, её друг, или кем он ей там приходится, похоже, помчался следом за ними. Вот, теперь и правда всё.

И теперь Карлос позволил себе перевести дыхание. Да, теперь он и правда сказал всё.

Что ж, снова воцарилось тягостное молчание. Рай напряжённо усваивал услышанное, граф оставался непроницаем. Так прошло несколько минут. Наконец, Рай очнулся:

– Карлос, вы говорите, герцог уехал спешно. Может быть, он напал на след Жана, Анри и Марианны?

– Нет, не в этот раз. Они уехали в разные стороны, в этом можете быть уверены.

– И то ладно... – Рай вздохнул с большим облегчением, – Это надо же, столько всего за какие-то две недели! Все... Все как сквозь землю канули! – Рай неожиданно вскочил и нервно прошёлся по комнате, – Мои мальчишки вдруг стали мужчинами, обрели своё прошлое, корни... Едва не погибли... Эжен!!! Никогда себе не прощу его гибель!!! – Рай с досадой ударил кулаком о косяк и, тут же, словно вспомнив что-то, резко развернулся к Карлосу, – Дружище Карлос... Как же это?!?

Его мысль оборвалась так же неожиданно, как и эта яр-

кая вспышка отчаяния. Глаза Рая были влажны, отрицательно замотав головой, словно пытаясь отодвинуть прочь от себя эту ужасную реальность, Рай попятился назад, но ему не пришлось сделать и двух шагов, как под ногами оказался кованный сундук. Он рухнул на него, и страшное горе придавило его всей своей безмерной тяжестью.

Карлос очень хорошо его понимал, но также ему было ясно, что нет на свете таких слов, которые бы сейчас могли бы уменьшить эти страдания. Тогда старый испайронец вспомнил о графе де Лаган, о присутствии которого они с Раем, казалось, умудрились забыть.

А между тем граф отошёл к окну, там и замер, и Карлос был готов руку отдать на отсечение, что этот высокородный дворянин совершенно не слушает их. Его лицо, которое испайронец видел сейчас только в профиль, было совершенно спокойно, как спокойно лицо мраморной статуи. Где при этом были его мысли, никто бы не мог сказать. «Как это понять?!» – поразился Карлос, – «Граф так просто принял известие о гибели Эжена?! Ну да, ведь он совершенно не знал этого мальчишку... А что если... если Антуан не недоразумение, а хорошая копия своего отца?! Что, если герцог тогда, в лесу Шероль, сказал правду, и граф не жаждет возвращения других сыновей?!»

Словно услышав эти мысли Карлоса, граф вдруг резко развернулся, и испайронца прошиб озноб.

– Благодарю, друзья, за то, что пощадили мои отцовские

чувства. Сейчас я и правда не готов услышать правду об Антуане. Спасибо вам за всё... – с тем граф взял шляпу и плащ.

– Куда же вы, сударь? – вскинулся Рай.

А Карлос, поражённый словно громом, не мог двинуться с места. Стало ясно, что граф прочёл между строк всё, что от него пытались утаить.

– Кажется, наконец, представился случай поговорить с бароном с глазу на глаз, – граф поднял тёмные, как грозовое небо, глаза, и взгляд его устремился куда-то вдаль, – Я в неоплатном долгу перед Роменом и Эспирантой. Пора, наконец, отбить у барона желание преследовать своих племянников и потакать прихотям герцога... Господин Рай, прошу вас, дождитесь меня здесь.

С тем граф и вышел, оставив Рая и Карлоса в полной растерянности.

– Признаюсь, был момент, когда я подумал, что он нас не слышит... – обронил, наконец, Карлос.

– Он слышал больше, чем мы хотели сказать, но слышать это он в самом деле не в силах, – кивнул в ответ Рай.

– Не в силах?! – усмехнулся Карлос, – Не знаю, не знаю... Я начинаю понимать, опасения герцога и барона на его счёт.

* * *

Войдя в гостиницу, граф осведомился у хозяина о постояльцах, отметил про себя, что Антуан здесь, но направился прямо к барону и застал того врасплох.

– Вы!.. – барон медленно поднялся из-за обеденного сто-

ла.

– Да, я. Нам не мешать! – отрезал граф стоявшим за дверью слугам и резко закрыл за собой дверь.

Воцарилось гробовое молчание. Наверно минуту, две граф и барон рассматривали друг друга. Тёмной синевы глаза графа подметили на небритом лице барона признаки бессонной ночи и.. возможно, слёз. А ещё в единственном глазу явно притаился страх. Барону и правда казалось, что над его головой собралась гроза, даже стало трудно дышать, но он был из тех, кто не прячется от бури. Испайронец нервно отодвинул тарелку в сторону.

– Правильно, – одобрил этот жест граф, снимая шляпу и плащ, – Разговор будет долгим, – и, не сводя с барона глаз, граф сел на стул, что стоял по другую сторону стола.

Что ж, барон тоже сел и замер, видно, решил дать право первого слова гостю, и граф не стал долго испытывать его терпение:

– Думаю, вы, сеньор, догадываетесь, о чём пойдёт речь. Мне известно, что здесь произошло, правда, только в общих чертах. Надеюсь, вы поможете мне восстановить кое-какие подробности. Но начнём мы, всё-таки, издалека. Давайте обратимся к временам зарождения вашей ненависти к герцогу.

– Моей ненависти?! – не поверил своим ушам барон.

– Вы можете назвать его другом?! – в свою очередь изумился граф.

Барон лишь сощурился и промолчал.

– Вы ненавидите и боитесь и герцога, и меня, не так ли? – едва заметно усмехнулся граф, – Позвольте предположить почему. Вы постоянно чего-то ждёте от нас: от герцога того, что он втянет вас в новую кошмарную авантюру, а вы окажетесь не в силах ему отказать; от меня же вы ждёте справедливого возмездия. Так?

– Зачем вы пришли?! – глухо прорычал в ответ барон.

– Интересуетесь?.. Что ж... Я пришёл, чтобы предложить вам выйти из этой игры, – и граф чуть сощурился.

– Я не ослышался? – глаза барона округлились, – И это говорите мне вы?!

– Я.

Барон с трудом сглотнул:

– Вы, похоже, в самом деле не представляете настоящее положение вещей...

– Напротив, барон, и примите мои соболезнования.

– Я отказываюсь вас понять! Что вы хотите сказать?!

– Лишь то, что сказал. Я ничего от вас не таю. Мне искренне жаль вас, сеньор.

Барон уже приготовился ответить, когда почувствовал, что даже слова не может выдать из вдруг пересохшего горла. Он ещё не понимал причину такого своего состояния, и потому страшно испугался. А граф, заметив это, печально улыбнулся:

– Посудите сами, как можно относиться к человеку, приласканному герцогом? Весь смысл жизни этого мерзавца –

калечить людские судьбы. Это касается всех, кто имел несчастье повстречать его на своём пути. Меня и Ромена угораздило столкнуться с ним двадцать лет назад... Вас чуть позже... Правда в том, что в этой истории вы, сеньор, уже давно превратились в обглоданную кость. Всё ещё не понимаете? Что ж, давайте по порядку. Начнём с вашей службы в армии. Эта ваша карьера оборвалась слишком рано. Вы, младший сын своего семейства, покалеченный и бездомный, возвращаетесь на родину и находите приют только в доме своей двоюродной сестры...

– К чему всё это?! – барон вскочил, словно ошпаренный.

– Сядьте! – граф повелительно повысил голос, и барон подчинился.

А граф уже извлёк из-за высокого отворота своего кафтана пожелтевшее от времени письмо, развернул его и протянул барону:

– Вот, читайте!

– Что это?

– Приглядитесь! Узнаете почерк графа де Монсар? Это его последнее письмо ко мне. Читайте же! И обратите внимание на дату. Оно написано скоро после вашего у них появления.

Смертельно бледный барон принял-таки постаревший от времени лист бумаги. Да, это был почерк покойного Ромена графа де Монсар.

«... Прошу простить нас, друзья, но нам придётся отло-

жить свой визит к вам. Надо уладить кое-какие семейные проблемы. Видите ли, вернулся из армии Камило, кузен Эспиранты, младший сын Франческо д'Эрба. Из-за ранения он больше не может продолжать службу, а здесь, среди родственников, его восприняли как “лишний рот”. Все якобы рады его видеть, но никто не берётся ему помочь. Не думал, что люди в Испайре настолько закрытые. Мне жаль его. Человек близок к отчаянию и уже зол на весь мир. Через два месяца у него день рождения, и мы собираемся сделать ему подарок в виде баронии Прамба. Поместье не очень большое, но позволит ему жить в достатке, не теряя достоинство и баронский титул. А то его собственная барония Парадесс этой весной была почти полностью стерта с лица земли оползнем. Мы уже занялись сбором документов, но натолкнулись на неожиданные проблемы. Кто бы мог подумать, что в Испайре так трудно отдать кусок своих владений! Так или иначе мы пока держим наши планы в тайне, дабы не подвергать кузена новому испытанию, ведь мы-то знаем, как бывает горька несбывшаяся надежда...»

Эту часть письма барон прочитал дважды.

– Вы рассмотрели печать и подпись? Вглянитесь! – потребовал граф, – Это последнее письмо Ромена де Монсар. Остальное покрыл мрак. Помогите же мне его развеять. Поправьте меня, если я допущу ошибку... В те времена вы, с трудом, но всё же уже начинали уживаться со своим положением, даже встретили женщину из бедных дворян, которую

полюбили больше жизни. Ещё немного, и жизнь расцвела бы новым пышным цветом, но...

– Если бы я знал об этом!!!... – барон в оцепенении опустил письмо на стол.

– ... но, – сурово продолжал граф, – появился герцог Бентгтон и поставил всё с ног на голову. Ни беседы ли с ним помutilи ваш рассудок, внушили вам мысль свить семейное гнёздышко на руинах семьи Монсар?! – и граф даже чуть приподнялся.

Барон же весь сжался и в его единственном глазе отразился неподдельный ужас:

– Так вы всё знаете?!

– Да, знаю, – слукавил граф.

О событиях тех дней он имел лишь смутные догадки, но реакция барона начинала превращать их в уверенность. Граф не сомневался, что Марианна-то знает всё, и поговори он с ней, этот разговор был бы гораздо короче, но... сейчас приходится продвигаться ощупью:

– Да, барон, я знаю, чья рука свела Ромена и Эспиранту де Монсар в могилу.

Сказал, как плетью ударил, и от этого удара барон вскочил со стула и стал пятиться к окну, но следующее слово графа лишило его способности двигаться:

– Яд?!

– О Боже! Убейте меня! К чему это издевательство?! – взмолился барон.

– Но ведь вы, сеньор, итак, давно мертвы, – граф тоже встал. Он взял со стола письмо и стал медленно его складывать, – Что может быть ужаснее полного одиночества?! Когда нет во всём белом свете ни одной близкой души? Не моё дело наказывать вас, и даже не дело Анри. Вы уже давно жертва. Так расскажите же, что вам принесло владение ворованным, связь с герцогом?! Не хотите? И не надо. Это и так ясно. Одиночество. **МОГИЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО!**

– Граф!..

– Вы лишились жены и ещё не родившегося ребенка, возможно, сына, и тому виной **ВЫ САМИ!**

– Нет...

– Позвольте, но разве она не отравилась? Не ваш ли то был яд, подарок герцога?

Смертельно бледный барон рухнул в кресло, и граф понял, что не промахнулся.

– Со смертью Маританны закончилась и ваша жизнь, – с бескомпромиссной холодностью произнёс приговор граф и тут же поинтересовался, – Так какого ещё возмездия вы ждёте?

Казалось, барон окаменел, его взгляд остановился, но... по щеке его соскользнула-таки предательская слеза. А потом ещё одна, и ещё...

Граф выдержал невозможно тяжелую паузу и продолжил, теперь его голос звучал невообразимо глубоко, проникновенно:

– Я пришёл говорить с вами не от имени отравленных вами Ромена и Эспиранты де Монсар, не от имени моего безвременно погибшего сына Эжена. Нет. Я хочу, чтобы вы вспомнили единственного в обоих мирах человека, горячо любившего вас, вашу жену. Обратитесь к ней и поймите же наконец, что дальше вам идти некуда! Если вы продолжите свой безумный бег, то больше никогда её не увидите, ведь рай и ад заметно разные места. Вы меня слышите, барон? Остановитесь! Подведите под всем этим черту и обернитесь назад, в будущее!

– У меня... нет будущего, – всхлипнул барон.

– Сейчас, может быть, и нет, но я хочу и могу дать вам его.

– Что?!? О чём вы?!.. – барон искренне решил, что услышался.

– Уйдите с дороги своих племянников, порвите с герцогом, и жизнь вернётся к вам, – и граф веско положил на стол руку ладонью вниз, словно поставил печать.

– Что?! Вы серьезно?!? Правда?! – и барон вдруг дико рассмеялся.

Граф содрогнулся, но самообладания не потерял:

– Я не говорю, что Маританна воскреснет. Нет. Но вы ещё имеете шанс закончить свою жизнь достойно и не разминуться с ней на том свете.

– Так вы предлагаете мне самоубийство?! – тут же поинтересовался барон, раздираемый истерическим весельем.

– Нет, ни в коем случае! – граф даже повысил голос.

– Но тогда встать под шпагу Анри? – медленно, но верно барон успокаивался, но руки его ещё продолжали нервно трястись, а зубы стучать.

– Он не тронет вас – сказал, как отрезал граф.

– Что?! Не тронет?! Да, вы безумец, Ваше Сиятельство! – снова едва не заорал барон, – Они ведь ВСЁ ЗНАЮТ, и теперь весь смысл их жизнь...

–... уж никак не в том, чтобы мстить! – жёстко перебил барона граф, – Уверен, они хотят вернуться в свой дом и жить там долго и счастливо. Это ясно?

– Но...

– Не перебивайте! Я знаю, что говорю! – голос графа звучал ещё более весомо, – Волею судьбы ОНИ ещё какое-то время будут в бегах, максимум год. Это предельный срок и для вас, сеньор! Понимаете?! Всё обдумать и принять правильное решение! Когда придёт время, вы восстановите Анри в правах. Да-да, именно вы! А я в свою очередь берусь изменить их к вам отношение. На каких условиях? На этот вопрос я уже ответил... А пока лучшее, что вы можете сделать, это уехать в Испайру. Всё. Теперь я всё сказал. Моё слово твердо.

И, подарив барону тяжелый, как свинец, взгляд, граф направился к выходу.

– Сударь!.. – решился в последний момент окликнуть его барон.

Граф тут же остановился и развернулся. Барон собрался

с духом и задал свой вопрос:

– А вы, Ваша Сиятельство, что теперь намерены предпринять вы?

Граф потемнел пуще прежнего:

– Если герцог хочет, чтобы я его убил, я это сделаю. Потерять из четырех сыновей двоих, это слишком много!

Барон с трудом сглотнул, и взгляд его вдруг смягчился:

– Сударь, погибшие двое были достойны вас. Вы без сомнения можете гордиться ими. Что до меня... Я... Я сделаю, что вы сказали... Впредь, я не причиню вашей семье зла. Это касается и моих племянников.

На лице графа мелькнула тень печальной улыбки, он благодарно кивнул и.. покинул комнату барона.

Послесловие.

Дорогой читатель,

Здесь, у финала первой книги истории «Путь домой», я хочу обратиться к вам от своего имени.

Эта часть закончилась печально – судьбы четырёх близнецов и Анри вновь пересеклись, переплелись и... надломились... Но жизнь продолжается, как продолжается и эта история.

Многие мудрецы, каждый на свой лад, говорят, что несчастья даются нам ни без причины. Одни видят в этом способ взросления, другие – путь к искуплению, третьи – возможность познать, что такое настоящее счастье, ибо мы, люди, лучше понимаем этот мир именно через контрасты. А ещё, пожалуй, можно припомнить и другую народную мудрость – «жизнь штука полосатая»...

Книга «Путь домой. Четыре близнеца» рассталась со своими героями не в лучший момент их жизни, но они молодые, сильные люди, они честно постараются идти дальше. О том, как у них это получилось вы можете узнать из следующих книг.

«Путь домой. Год надежды» пройдёт по некоторым эпизодам грядущих двенадцати месяцев, расскажет о том, как наши герои и героини будут справляться с трудностями, взрослеть, прокладывать свой «путь домой». Здесь же вы

узнаете больше и про исконные причины их бед и вместе с ними обретёте надежду на счастливый финал. Это вторая книга трилогии даст начало третьей заключительно части «Путь домой. Лонвейт».

Но есть и ещё одна книга этой серии – «Верни моей душе крылья», тоже опубликованная на Литрес, и при желании, вы можете провести время за её чтением. Эту книгу я поставила особняком. Её можно рассматривать как независимую, хоть по сути она является флешбэком к основной «Путь домой».

Дело в том, что в этой книге иное настроение, иные акценты, иной способ рассказа, а именно – здесь я пристроилась «за спину» только Антуана и вместе с ним прошла те такие сложные полтора месяца его жизни после гибели Эжена. Хотелось понять, сможет ли такой человек устоять на ногах, сможет ли он обрести силы, чтобы продолжать жить... Всё, что требуется знать про события до этой книги я рассказываю по ходу дела – так что без пересказа здесь не обошлось, но на этот раз всё исключительно глазами Антуана и... Пита, да, весьма интересного персонажа – молодого праиэра блондина. Это книга ощущение, размышление, поиск, постановка вопросов на которые не всегда возможно найти ответы. Событий так таковых в ней мало, признаю это, поэтому и поставила эту часть «в сторонке». Кому-то она откликнется, кому-то нет...

А жизнь продолжается...

Заглядывайте ко мне на огонёк! Я буду очень рада нашей новой встрече!